

Санкт-Петербургские ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Выпуск 34

Митрополит Григорий (Чуков). 1947 г.

Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости

*Главный редактор
Высокопреосвященнейший ВЛАДИМИР
Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский*

Редактор И.В. Попов

Выпуск 34

СОДЕРЖАНИЕ

Свирский край: между Петербургом и Олонией	3
ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ	
Лодейнопольское викариатство	5
Лодейнопольский Петропавловский собор. Епископы Лодейнопольские	6
Александро-Свирский монастырь как резиденция викарных епископов и центр духовного образования	11
<i>Л.К. Александрова-Чукова. Митрополит Григорий (Чуков). Служение и труды</i>	17
БЫЛОЕ	
<i>Прот. Николай Чуков. Положение Церкви и духовенства в Олонецкой епархии. 1918 г.</i>	132
<i>Л.К. Александрова-Чукова, М.В. Шкаровский. Митрополит Григорий (Чуков): возвращение Церкви храмов Александро-Невской лавры</i>	134
<i>А.К. Галкин. Поминайте наставников ваших</i>	148
СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ	
<i>Иеромонах Нестор (Кумыш). Преподобные Сергей и Васса, родители прп. Александра Свирского</i>	150
<i>Преподобные Островские – ученики прп. Александра Свирского</i>	154
ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ	
<i>Иеромонах Нестор (Кумыш). Свирский настоятель архимандрит Агафангел (Амосов)</i>	155
<i>Схимонах Феодор Свирский</i>	160
<i>Пустынножительница инокиня Анастасия Паданская</i>	171
ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ	
<i>А.А. Боровкова, М.А. Ридер. Корнилиево-Паданская пустынь</i>	178
<i>Иеромонах Досифей (Ларионов). Яшезерская пустынь</i>	184
РУССКАЯ ГОЛГОФА XX века	
<i>Иеромонах Нестор (Кумыш). Мученики Свирские. 1918 г. Архимандрит Евгений и иже с ним убиенные</i>	186
<i>Иеромонах Нестор (Кумыш). Священник Иоанн Великов, пресвитер Остречинский</i>	194
<i>Протоиерей Игорь Александров. Исповедник Православия протоиерей Иоанн Кьяндский</i>	199
<i>Храмы Лодейнопольского уезда: 1937 год</i>	204
<i>И.Л. Солоневич. Свирьлаг (главы из книги «Россия в концлагере»)</i>	206
ПРОПОВЕДЬ	
<i>Прот. Николай Чуков. Слово, сказанное в неделю Всех святых 2 (15) июня 1919 г.</i>	210
<i>Поучение, сказанное в день Пятидесятницы, 17 (30) мая 1920 года в Университетской церкви.</i>	211
НАШИ ХРАМЫ	
<i>А.К. Галкин. Церковь Воскресения Христова в Важинах</i>	212
<i>Святые Свирского края в цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского. 1910-е годы</i>	226

На 1-й и 4-й сторонах обложки: Собор свв. ап. Петра и Павла в Лодейном Поле, фотография С.М. Прокудина-Горского, 1910-е гг.; Кафедральный собор в Петрозаводске, фотография С.М. Прокудина-Горского, 1910-е гг.

Издание Санкт-Петербургской митрополии

Ответственный секретарь Издательского отдела И.Н. Судоса

Председатель Издательского отдела протоиерей Александр Сорокин

Технические редакторы: И.А. Шумакова, Т.В. Иванова. Корректор И.А. Шумакова. Компьютерный набор и верстка М.А. Сорокин, А.С. Бучас.

Фото С.М. Прокудина-Горского, прот. Игоря Александрова, Ю.П. Костыгова, И.В. Попова, А.К. Галкина, Ю.Г. Корытченкова, из архива семьи Чуковых.

*Адрес редакции: 193167, С.-Петербург, наб. реки Монастырки, д.1; тел./факс. (812)-274-04-54; e-mail: vedy@mail.rcom.ru
<http://www.mitropolia-spb.ru/Vedomosty>*

Подписано в печать 30.01.06. Формат 60x90^{1/8}. Печ. л. . Тираж 998 экз. Заказ

СВИРСКИЙ КРАЙ: МЕЖДУ ПЕТЕРБУРГОМ И ОЛОНИЕЙ

Посвирье – северо-восток Санкт-Петербургской епархии – край обширных лесов и озер. Этой земле украшенной подвигами многих угодников Божиих: преподобных, отшельников и пустынножителей, давшей Русской Церкви целый ряд великих святых, выдающихся святителей, а так же новомучеников и исповедников, посвящается предлагаемый читателю выпуск Санкт-Петербургских Епархиальных ведомостей.

Оглашенный первоначально проповедью Христовой веры, принесенной сюда, в отдаленную Обонежскую пятину новгородцами еще в XIII веке, край этот, некогда дикий, стал частью великой Северной Русской Фиваиды в XVI–XVII веках. Тогда здесь просиял в подвиге великий тайновидец Святой Троицы преподобный Александр Свирский, его преподобные родители схимонах Сергей и схимонахиня Васса, и ученики: преподобные Островские Корнилий Паданский, Иона Яшезерский и другие подвижники. Ими свет христианства, наряду со славянами, был принесен и местным племенам – карелам и чуди (вепсам), а сами эти народы обращены от язычества ко Христу. Тогда же в Посвирье строятся и обновляются многочисленные храмы, бывшие центрами погостов и филиальных приходов – «выставок». Некоторые из этих старинных (зачастую деревянных) храмов сохранились до сего дня.

В петровское время на Свири закладывается и строится Олонецкая верфь, где сооружаются корабли для молодого Балтийского флота. Недалеко от дворца, где жил царь Петр I, строится церковь свв. апп. Петра и Павла (деревянные дворец и церковь были первыми постройками верфи, положившей начало городу Лодейное Поле). Позднее на месте деревянной церкви по проекту А. П. Брюллова был построен каменный Петропавловский собор, выдержанный в стиле русского классицизма. Освященный в 1844 году и простоявший почти столетие, он был разрушен в 1937 году. Судьба местной Тихвинской иконы Божией Матери, находившейся в соборе, до сих пор неизвестна.

В XVIII–XIX веках древнейшая и богатейшая обитель края – Александро-Свирский монастырь стал резиденцией викарных епископов и центром духовного образования. В начале XX века центром Лодейнопольского викариатства становится город Лодейное Поле, а Петропавловский собор – кафедральным. К 1917 году в городе действуют еще три храма: Александро-Невский, тюремный Никольский и Введенский (1908), построенный на месте старинной церкви, сооруженной в 1795 году. На берегу Свири, окруженная соснами, посаженными, по преданию, самим Петром I, стояла пользовавшаяся большим народным почитанием часовня святого Георгия. Число храмов и часовен на территории уезда достигало двухсот.

В XIX – начале XX века на территории Лодейнопольского уезда просияли продолжатели иноческих и пустыннолюбивых подвигов: схимонах Феодор (Пользиков), архимандрит Агафангел (Амосов), инокиня Анастасия Паданская и другие подвижники и подвижницы.

XX век стал трагическим для всех монастырей, приходов и храмов Лодейнопольского уезда. Многие пастыри были репрессированы, высланы, иные погибли. В 1918 г. в Александро-Свирском монастыре пострадали за Христа защищавшие святыни обители

архимандрит Евгений (Трофимов) и уже с ним убиенные иеромонах Варсонофий (Ярицын), иеромонах Исайя. Они были расстреляны в ночь с 19 на 20 октября (с 1 на 2 ноября н. ст.) в г. Олонце. 1920-е – 1930-е гг. стали Голгофскими для многих архипастырей и пастырей Свирского края. В 1930-х годах в Лодейном Поле, Подпорожье и селениях вдоль Свири и Северной железной дороги, был размещен «исправительно–трудовой» лагерь Свирьлаг, просуществовавший здесь около шести лет. В Свирьлаге находилось около 70 тысяч заключенных. «Это был один из самых страшных концентрационных лагерей ГУЛАГа, где заключенные ходили полуодетыми, а нормы были урезаны до пределов клинического голодания всего состава лагеря». Среди тех пастырей, монашествующих, просто верующих, кто прошел через этот концлагерь, можно назвать имена священномучеников архиепископа Августина (Беляева), и архиепископа Феодора Волоколамского, мученицы княжны Киры Ивановны Оболенской (1937). В заключении здесь находились сын праведного старца протоиерея Алексия Мечева – священномученик Сергей Мечев (1942), монахиня Вероника (Котляревская ?), философ Алексей Федорович Лосев. В Свирьлаге с 1932 по 1938 год находился и погиб известный петербургский пастырь протоиерей Алексей Западалов. С ним же были расстреляны священники Георгий Безчастный, Алексей Новиков и Алексей Виноградов (10.07.1938). К 1941 году все храмы края были закрыты.

После войны на всю территорию уезда (ныне – земли Лодейнопольского и Подпорожского районов) оставался единственным действующим открытым в 1947 году храм Воскресения Христова в Важинах, и лишь после празднования 1000–летия крещения Руси в Лодейном Поле была воссоздана православная община. По инициативе местной жительницы Варвары Федоровны Яхно был открыт храм во имя св. Варвары, под который она пожертвовала свой маленький домик. В 1990–2001 годах трудами священника Михаила Николаева (ныне – протоиерея, благочинного Лодейнопольского округа) в городе был построен неподалеку от места исторического собора новый Петропавловский храм, освященный митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром 1 июля 2001 года.

Олония и Лодейнопольский уезд также тесно связаны с именем митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (в миру – протоиерея Николая Кирилловича Чукова (1870–1955), уроженца этого края, выдающегося пастыря и архипастыря Русской Православной Церкви. Недавно был отмечен полувековой юбилей со дня кончины святителя, сыгравшего на рубеже XIX–XX веков важную роль в деле церковно–народного просвещения края. Позже протоиерей Николай Чуков служил в городе на Неве, стал организатором возобновления церковных учебных заведений в Петрограде в 1920–х годах, и уже в послевоенное время, в бытность митрополитом, его трудами были вновь открыты Санкт–Петербургские Духовные академия и семинария, возвращены Свято–Духовский корпус, усыпальница петербургских митрополитов и Свято–Троицкий собор Александро–Невской Лавры.

Дневники митрополита Григория (протоиерея Николая Чукова) являются ценнейшим документом эпохи и отражают широкую панораму государственной и церковной жизни в Петербурге и России в конце XIX – первой половине XX века. Многие тетради «Дневников» святителя, а также фотографии и документы из архива митрополита Григория публикуются впервые.

ПРАВОСЛАВИЕ И РОССИЯ

ЛОДЕЙНОПОЛЬСКОЕ ВИКАРИАТСТВО

Лодейное Поле. Кафедральный Петропавловский собор.
Фото начала XX в.

Лодейнопольское викариатство Санкт-Петербургской (Петроградской, Ленинградской) епархии было учреждено при митрополите Петроградском и Гдовском Серафиме (Чичагове), будущем священномученике, в 1928 году. Чуть ранее в Петербургской епархии появилось Шлиссельбургское викариатство, которое с 1926 года возглавлял Преосвященный Григорий (Лебедев), также будущий священномученик. Местом пребывания этого викария была Александро-Невская лавра и еп. Григорию был усвоен титул Шлиссельбургского, причем некоторое время он поминался как Шлиссельбургский и Лодейнопольский. Очевидно, такое титулование было связано с изменением границ губернии (позже области), учреждением нового административно-территориального деления и присоединением к епархии новых обширных территорий на северо-востоке. Очевидно, что и новый викарный епископ должен был в первую очередь окормлять земли северо-востока епархии, лежащие в Приладожье и Посвирье.

В 1929 году новую кафедру занял епископ Сергей (Зинкевич), будущий новомученик. Время существования Лодейнопольского викариатства совпало с коллективизацией, массовым раскулачиванием и гибелью крестьянства и уничтожением последних монашеских общин и многих храмов. Лодейнопольское викариатство просуществовало всего четыре года, до 22 ноября 1933 г., когда епископ Сергей был переведен викарием Ярославской кафедры и ему был усвоен титул Рыбинского. Параллельно с патриаршей, некоторое время существовало обновленческая Лодейнопольская кафедра. Так же следует отметить тот факт, что с 1764 по 1792 год в лежащем неподалеку от Лодейного Поля Александро-Свирском монастыре располагалась резиденция викарных епископов Олонецких, Новгородской епархии.

Лодейнопольский Петропавловский собор. Епископы Лодейнопольские

Собор
св. апп. Петра
и Павла

Первая деревянная церковь св. апостола Петра «на Олонецком верфу» была построена в 1703 г. по грамоте митрополита Новгородского Иова. Рядом с церковью на берегу Свири стояли «хоромы» царя и князя А.Д. Меншикова. Когда церковное здание петровских времен обветшало, его разобрали, а новый храм, также деревянный, освятили уже во имя обоих Первоверховных апостолов. Там, где стоял престол первоначального храма, поставили крест с надписью: «На сем месте имелся храм во имя Апостола Петра. Построен был в самодержавство и Высочайшее присутствие Великого Государя Императора Петра I-го, а за ветхостию разобран 1766 году сентября 7-го дня»¹.

16 мая 1785 г. Олонецкая верфь была преобразована в город с присвоением ему названия Лодейное Поле. Лодейнопольский уезд вошел в состав Олонецкой губернии.

В 1809 г. в Лодейном Поле, как и во всех других городах губернии, было открыто т. н. «приходское училище». Эти училища предназначались только для детей священно- и церковнослужителей Олонии. Их смотрители непременно должны были иметь духовный сан. Однако священники, имевшие какое-либо образование, кроме домашнего, в Олонецкой губернии представляли такую редкость, что смотрителей для трех училищ, в Лодейное Поле, Пудож и Повенец, пришлось искать далеко на стороне. Настоятелем лодейнопольской градской Петропавловской церкви назначили священника церкви с. Чудова Новгородского уезда Филиппа Синявина. Он и стал первым смотрителем первого в городе училища, а в село (ныне – город) Чудово из Лодейного Поля поехал служить священник Иван Федоров².

24 июля 1819 г. жители Лодейного Поля громкими криками «ура!» встречали императора Александра I, совершавшего путешествие из Петербурга в Архангельск. Царь познакомился с работой местной верфи, со стапелей которой в 1810-х гг. сошли корабли, предназначенные для первых русских кругосветных путешествий – «для мирных и благонамеренных открытий на востоке». Городской же храм был так непрезентабелен, что он не удостоился Высочайшего посещения: царь предпочел совершить паломничество в Александро-Свирский монастырь.

Лодейнопольская верфь была упразднена в 1830 г.; ее территория отошла к городу. Двумя годами позже на месте дома Петра Великого установили обелиск, увенчанный двуглавым орлом. «Затерявшийся в непроходимой глуши, памятник этот кажется особенно великолепным образцом монументального творчества былых эпох»³. Надпись на его постаменте увековечивала имя не только царя, но и «спонсора», местного уроженца: «Да знаменует следы Великого сей скромный, простым усердием воздвигнутый, памятник. Усердием петербургского 2 гильдии купца Мирона Софронова»⁴.

Петропавловский храм в Лодейном Поле оставался деревянным еще целых четверть века после посещения города императором Александром I. Одноименный каменный храм (арх. А.П. Брюллов -?) был освящен архиепископом Олонецким и Петрозаводским Венедиктом (Григоровичем) только в мае 1847 г.⁵. Он имел два боковых придела – Тихвинской Божией Матери и Трех Святителей. В том же 1847 г. настоятель храма священник Стефан Михайлович Гостинчиков (выпускник Новгородской Духовной семинарии 1827 г.) был награжден камилавкой⁶ – в то время такая награда представляла редкость, много большую чем в наши дни митра.

27 июня 1858 г. в Лодейное Поле прибыли императрица Мария Александровна с сыновьями Александром, Владимиром и Алексеем, чтобы встретить там императора Александра II, возвращавшегося из Архангельска. Августейшие гости посетили городской храм, где их внимание «обращено было к стоящей в особой от иконостаса киоте с иконою Тихвинской Божией Матери, которая, по преданию, современна явлению подлинной Тихвинской иконы и местными жителями особенно чтится как чудотворная». Государь спросил протоиерея о. Стефана Гостинчикова «о времени построения церкви, отличающейся хорошою архитектурою и изяществом украшений», императрица вошла «в подробные расспросы об упомянутой иконе». А в Петров день, 29

июня, литургию в лодейнопольском храме совершил архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий (Федоров)⁷.

В 3-й четверти XIX века настоятелем храма был протоиерей Петр Семенович Старцев. В 1872 г. его избрали действительным членом Олонецкого губернского статистического комитета⁸ (на 1861 г. он значится при том же храме в сане священника, исправляющим должность благочинного⁹).

Указом Св. Синода от 21 июня 1876 «Лодейнопольская градская Петропавловская церковь переименована в *Собор*»¹⁰.

В 1877-1914 гг. настоятелем собора служил протоиерей Михаил Ребовский († 30 января 1915), выпускник Новгородской духовной семинарии 1861 года¹¹. В 1912 г. он отметил 50-летие священства. О. Михаил славился радушным гостеприимством; о нем и о его супруге Екатерине Ивановне много лет спустя тепло вспоминал протоиерей Николай Чуков – будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий¹².

16 мая 1885 г. состоялось празднование 100-летия присвоения Лодейному Полю статуса города. Центром торжеств стал городской собор, куда прибыли крестные ходы из церквей: кладбищенской Введенской, Мешковской Александро-Невской и тюремной Николаевской. У памятника Петру была совершена лития с возгласием «вечной памяти» Петру Великому и Екатерине II¹³.

По переписи 1897 г. все население Лодейного Поля составляло 1440 жителей. Новый импульс к развитию города обещала дать Мурманская железная дорога, строительство которой проходило в годы Первой мировой войны. Но спустя считанные годы после октябрьского переворота 1917 г. основным «грузом», перевозимым по ней, станут заключенные – в СЛОН, на ББК, в Свирьлаг. С первых же недель прихода большевиков к власти Лодейнопольская ЧК «прославится» своими кровавыми деяниями в Лодейнопольском, Олонецком, Новолодожском уездах. Это ее «работники» в 1918 г. и участвовали в разгроме Александро-Свирского монастыря, и расстреляли казначея Введенско-Оятского.

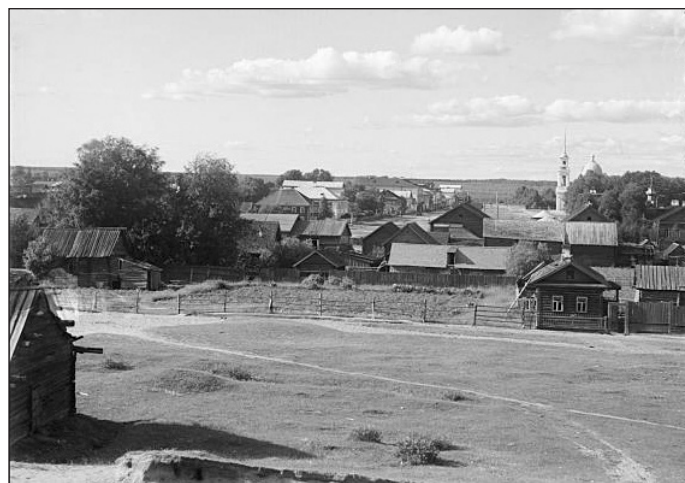
Лодейнопольская ячейка партии большевиков была создана осенью 1917 г., вскоре после того, как в город прибыл «десант» из Петрограда в количестве 5-6 чел., включая П.А. Боркина, уроженца с. Ошты, и К.И. Лещинского. Если сложить авансы на «командировочные» и «представительские» расходы, полученные подобными товарищами, направленными во все уезды матушки-России, можно оценить, во что обошлась германскому генштабу подготовка «великого октября».

Весной 1918 г. К.И. Лещинский и П.А. Боркин возглавили карательную операцию в Оште, население которой не спешило смириться с установлением большевистской диктатуры. На «богатеев» уезда была наложена контрибуция; как только крестьяне собрали

урожаем, новый режим организовал реквизицию хлеба. Последней операцией в уезде руководил бывший кронштадтский моряк С.Т. Сельшев, отданный в свое время под суд за участие в восстании 1906 г.¹⁴

Лидеры лодейнопольских большевиков отвергли даже куцую «советскую демократию»: летом 1918 г. уездный исполком был распущен, и его функции перешли к Революционному комитету, который возглавил председатель Лодейнопольской ЧК П.А. Боркин. Лакомой добычей комиссаров из Лодейного Поля и Олонца стал Александро-Свирский монастырь с его драгоценной богослужебной утварью и съестными припасами, рассчитанными не только на братию, но и на множество паломников. Монастырское имущество в октябре 1918 г. «обследовала» комиссия Лодейнопольского Совета [точнее – ЧК *ред.*]. В результате обитель лишилась всех ценностей, включая серебряные ризы с икон, находившихся в монашеских кельях, а Лодейнопольская тюрьма пополнилась новыми узниками – архимандритом монастыря Назарием, иеромонахом Меркурием и богорадником Гавриилом Одинцовым. Настоятеля монастыря архимандрита Евгения, казначея иеромонаха Варсонофия и еще трех человек увезли в тюрьму г. Олонца. Через неделю после набега на монастырь в Лодейном Поле было созвано объединенное собрание горожан и представителей комитетов деревенской бедноты. Населению сообщили, что «в серебряной раке, где хранились мощи Александра Свирского, была обнаружена восковая кукла». Заранее подготовленная резолюция собрания заканчивалась словами: «Да погибнут темные силы, оскверняющие умы пролетариата!»¹⁵ После такого «народного волеизъявления» оставалось только расстрелять арестантов, заключенных в олонцкую тюрьму: их казнь была совершена в ночь со 2 на 3 ноября 1918 г.

14 сентября 1918 г. отряд Лодейнопольской ЧК совершил налет на Введенско-Оятской монастырь Петроградской губернии и епархии. «За укрывательство

Лодейное Поле. Вид на Петропавловский собор

хлеба и за отказ в его выдаче» был расстрелян казначей монастыря иеромонах Димитриан (Артемук)¹⁶. Даже по меркам «эксперта» из Наркомюста эта акция не имела достаточных оснований¹⁷.

Церковная жизнь в Лодейном Поле и в разграбленном Александрo-Свирском монастыре начала выходить из шокового состояния только через год, благодаря самоотверженному поступку св. митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского). Получив от властей разрешение посетить Петрозаводск осенью 1919 г., он не побоялся сделать остановки в самых опасных местах, чтобы утешить и ободрить духовенство и верующих. В сентябре-октябре 1919 г. протоиерей Николай Чуков записывал в дневнике: «Митрополит выезжает в Олонию (Лодейное Поле, Свирский, Петрозаводск)... /.../ Поездка Митрополита совершилась точно по маршруту»¹⁸. Сам о. Николай во многом способствовал ее успеху: он заблаговременно известил письмами «о поездке Митрополита на предмет встречи, приема, организации богослужения, приглашения окрестного духовенства для пастырской беседы с Митрополитом – осведомления и получения указаний».

С 1918 по 1927 г. Посвирье по новому гражданскому административному делению относилось к Череповецкой губернии, однако приходы бывшей Олонецкой губернии по-прежнему тяготели к своему исконному

епархиальному центру – Петрозаводску. Но в 1928-1929 гг., вскоре после «легализации» Московской патриархии, заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей (Страгородский) и временный при нем Патриарший Синод провели перекройку епархий, приведя их границы в соответствие с границами областей, краев и республик СССР. Дело дошло до того, что центр Украинского Экзархата был перенесен из Киева, «матери городов Русских», в Харьков, числившийся тогда у большевиков «столицей советской Украины». Если до отделения Церкви от государства пребывание епископа и губернатора в одном городе еще имело какой-то смысл, то в условиях действия ленинского декрета от 23 января 1918 г., лишавшего религиозные объединения каких бы то ни было прав, оно становилось лишь очередным выражением «безоговорочной лояльности» соввласти.

Ленинградская епархия в результате совмещения своих границ с границами Ленинградской области дотянулась на восток до Онежского озера и стала включать приходы нынешних Лодейнопольского и Подпорожского районов. Вероятно, в связи с этим при митрополите Ленинградском и Гдовском Серафиме (Чичагове) в ней и решено было открыть Лодейнопольское викариатство.

13 ноября 1929 новоучрежденную кафедру в Лодейном Поле занял епископ Сергей (Зенкевич), ранее, в 1928-1929 гг., носивший титул «Шлиссельбургского».

Лодейное Поле. Общий вид города. С цветной фотографии С. М. Прокудина-Горского. 1910-е гг.

Епископ Сергей (Зинкевич)

10. 1885-1937

В миру – Зинкевич (Зинькевич, Зенкевич) Стефан Иванович. 10.1885 – 1937. Род. в г. Сестрорецке С.-Петербургской губ. в семье священника. Закончил историко-филологический факультет С.-Петербургского университета. В 1921 рукоположен во священника к Исаакиевскому кафедральному собору Петрограда, член Правления Общества православных приходов Петрограда и его губ. Подверглся аресту 24.04.1922 по делу о сопротивлении изъятию церковных ценностей», освобожден 07.1922 за недоказанность обвинения. С 05.1922 по 11.1927 был приписан к Николо-Богоявленскому собору, в 1926 принял монашеский постриг. 31.10.1927 хиротонисан в Ленинграде во епископа Детскоесельского, викария Ленинградской епархии, позднее – викарный епископ Кингисеппский (с 30.12.1927), Шлиссельбургский (с 03.07.1928) и Лодейнопольский (с 13.11.1929). С 22.11.1933 – Рыбинский. Арестован в Ленинграде в 02.01.1934, приговорен по делу «евлогиевцев» к 10 годам лагерей. Отбывал срок в Новосибирской области. Расстрелян.

Синодик Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб.1999.С.6-7

Лодейнопольское викариатство существовало всего 4 года; это время совпало с гибелью крестьянства при т. н. «коллективизации деревни», с «массовыми безбожными походами», инспирированными Сталиным «от Москвы до самых до окраин», с уничтожением последних уцелевших монашеских общин...

Антирелигиозный разгул рубежа 1929/1930 г. готовился заранее. Не зря Политбюро ЦК ВКП(б) еще 28 февраля 1929 г. дало ВЦИК задание внести изменение в Конституцию страны, исключив из нее право на религиозную пропаганду. Это был в том числе и недвусмысленный ответ режима на «декларацию» митрополита Сергия (Страгородского) от 29/16 июля 1927 г., в тексте которой сквозила надежда на то, что для Церкви в СССР наступит, наконец, время «легального и мирного существования».

«Сознавать Советский Союз нашей гражданской родиной» в январе – феврале 1930 г. православным лодейнопольцам пришлось под гром резолюций бесконечных собраний: «1) закрыть собор в городе и передать его под дом культуры, 2) снять колокола со всех церквей города, передав их на нужды промышленности, 3) запретить въезд в Лодейное поле архиерея»¹⁹. «Закрыть церкви и собор в Лодейном поле и не допускать въезд архиерея на жительство в Лодполе». «Члены союза Рабпроса /.../ протестуют против устройства “архиерейского штаба” в Лодейное поле»²⁰. Однако сопротивление насильственной коллективизации со стороны широких крестьянских масс и охвативший весь мир протест против преследования религии в СССР (свой голос в защиту гонимых православных возвысили и Римский папа, и архиепископ Кентерберийский), заставили Сталина пойти в тот момент на попятную. Собрание его сочинений пополнилось статьей «Головокружение от успехов» (опубликована 2 марта 1930). В итоге прихожанам Петропавловского собора Лодейного Поля удалось встретить в его стенах еще три Пасхи.

Возможно, и епископ Сергей смог побывать в своем кафедральном городе. Во всяком случае, летом 1930 г. окружная газета сообщила, что «в Оятском районе попы /.../ разъезжают по деревням и ведут агитацию за сбор средств для встречи архиерея <так! – авт.>»²¹.

Повсеместное закрытие самых дорогих народу храмов докатилось до Лодейного Поля в 1932 г. Петропавловский собор был отнят у верующих после новой шумной кампании о недопустимости «иметь в городе лавочку мракобесия, в которой “нуждается” крохотная группка людей», развязанной в середине мая²². Одна из резолюций с требованием ускорить его закрытие, была принята прямо на массовом гулянье в городском саду!

Почти сразу после назначения на Ленинградскую кафедру митрополита Алексия (Симанского) пришел конец и Лодейнопольскому викариатству: 22 ноября 1933 епископ Сергей был перемещен на Рыбинскую кафедру. Со своей новой паствой на Верхней Волге он вряд ли успел встретиться: 2 января 1934 г. епископ Сергей (Зенкевич) был арестован в Ленинграде и вскоре приговорен к 10 годам лагерей. Едва он отбыл треть срока, как «внимание к духовным нуждам населения» со стороны Советского правительства вылилось в тотальное умерщвление епископата и клира. В число жертв массовых репрессий 1937-1938 гг. вошел и епископ Сергей (Зенкевич), и все лодейнопольское духовенство.

После закрытия Петропавловского собора в Лодейном Поле до 1937 г. оставались действующими две деревянные церкви: Александро-Невская на западной окраине города, в слившейся с ним деревне Мешковичи, и кладбищенская Введенская. Первая из них относилась к юрисдикции Московской патриархии, вторая была обновленческой. Расстрел духовенства обеих церквей позволил властям оформить в 1938-1939 гг. закрытие храмов по всем юридическим нормам, «в связи с распадом религиозных общин».

В годы Великой Отечественной войны город Лодейное Поле на 1000 дней оказался на линии советско-финского фронта. После войны его пришлось поднимать из руин почти заново. Петропавловский собор, получивший большие повреждения, был разобран, и 45 лет в городе и районе крепко «держал оборону» государственный атеизм. Регистрация прихода в Лодейном Поле состоялась только в 1989 г. Еще через 9 лет в городе завершилось строительство нового Петропавловского храма. Его великое освящение совершил 1 июля 2001 г. митрополит С.-Петербургский и Ладужский Владимир²³.

А.К.Галкин

Лодейное Поле. Введенская церковь. фото 1910-х гг.

Примечания:

¹ О Высочайших посещениях Олонецкой губернии Августейшими Особами в XIX столетии. Вып. I. Путешествие Его Императорского Величества Государя Императора Александра I в 1819 году. Петрозаводск, 1877. С.4.

² Казанский К.И. Историческая заметка о духовных училищ Олонецкой губернии // Олонецкие губернские ведомости [ОГВ]. 1889, № 96. С.1013-1015.

³ Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Пгр., б.г. С.280.

⁴ Живописная Россия (под ред. П.П. Семенова). Т.1. Ч.1. СПб.-М., 1881. С.490 (при реставрации памятника в 1950-х гг. надпись заменена).

⁵ Венедикт, архиепископ Олонецкий и Петрозаводский // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1864 год. Петрозаводск, 1864. Часть II. С.181.

⁶ ОГВ. 1847, № 34 (часть неофициальн.). [С.1].

⁷ Н.Н. г. Лодейное Поле, 27 июня // ОГВ. 1858, № 30. С.110-111.

⁸ ОГВ. 1872, № 14. С.172.

⁹ Центральный государственный архив Карелии. Ф.25. Оп.1. Д.41/14.

¹⁰ Объявления // ОГВ. 1876, № 62. С.674.

¹¹ Осипов В., диакон. Памяти заштатного протоиерея Лодейнопольского Петропавловского собора о. Михаила Евфимиевича Ребовского // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915, № 14. С.256-258.

¹² См: Сорокин В., протоиерей. Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С.78.

¹³ Празднование столетия г. Лодейного-поля //ОГВ. 1885, № 44. С.397.

¹⁴ Зайцев П.М. Лодейное Поле. Историко-краеведческий очерк. Л., 1964. С.67-74.

¹⁵ Дятчур Б. Трагедия в монастыре // Север.1991, № 12. С.129.

¹⁶ Нестор (Кумыш), иеромонах. Казначей Введенского Островского монастыря иеромонах Димитриан (Артемук) (1857-1918) // Церковный вестник. 2004, № 1-2. С. 41-43

¹⁷ «Церковь отделяется от государства». Доклады эксперта Наркомюста М.В. Галкина. 1918 г. // Исторический архив. 1994, № 1. С.138.

¹⁸ Митрополит Григорий (Чуков). Дневники 1918-1922 годов. (Последние годы святительства митрополита Вениамина) // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 32. СПб., 2004. С.68.

¹⁹ Переделаем церкви под дома культуры! // Крестьянское слово (Лодейное поле). 1930, № 4. С.4.

²⁰ Почему медлят Окрисполком и Горсовет ? // Крестьянское слово. 1930, № 13. С.4.

²¹ Максимов А. Попы разъезжают, а безбожники бездействуют // Ленинская правда (Лодейное поле). 1930, № 87. С.4.

²² Поплескин А. Собор должен быть закрыт // Ленинская правда. 1932, № 52. С.4.

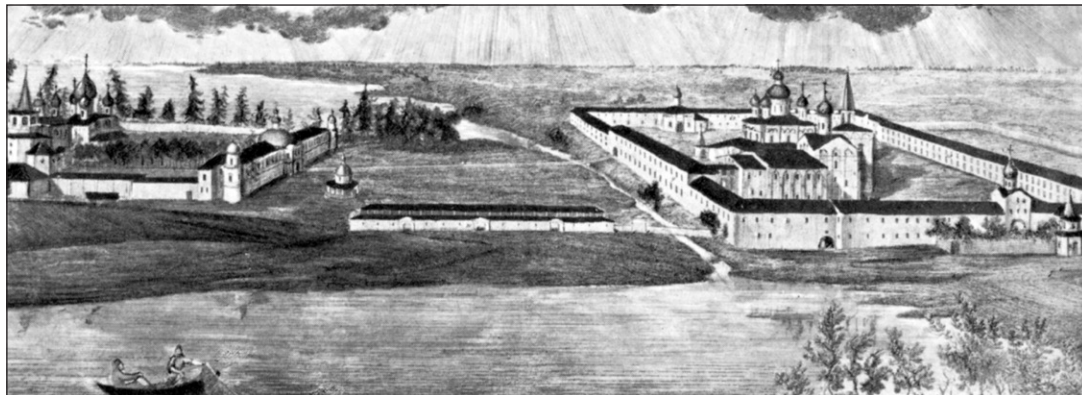
²³ Исаев А., священник, Куксевич С., священник, Изюмов Н.М. Архирей-храмостроитель. Храмы Санкт-Петербургской епархии, освященные Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Владимиром или по его благословению. СПб., 2005. С.24.

Храм св. вмч. Варвары, - первый, открытый в Лодейном Поле после 50-летнего перерыва, когда богослужения в городе и районе не совершались. Перестроен из жилого дома Варвары Федоровны Яхно (+ 14.10.1996), на Солнечной улице, пожертвованного ею приходу. С 1989 г. почти десятилетие был единственным действующим храмом города. Действует поныне.

Александрo-Свирский монастырь как резиденция викарных епископов и центр духовного образования

*Свято-Троицкий Александрo-Свирский мужской монастырь. Справа – Свято-Троицкое отделение, служившее резиденцией викарных епископов Олонецких и Каргопольских, где помещалась консистория и Духовная семинария со Свято-Троицким кафедральным собором.
Слева – Спасо-Преображенское отделение, бывшее собственно самостоятельным монастырем, здесь же располагалось монастырское кладбище*

В 1764 году правительство императрицы Екатерины II решительно провело секуляризацию церковных земель, населенных приблизительно 2 млн. крестьян. Государство заменило этим крестьянам «ярем барщины старинной» денежным оброком. Монастыри же и архиерейские дома, потеряв экономическую самостоятельность, стали финансироваться из казны.

Большое содействие осуществлению такой достаточно болезненной реформы оказал митрополит Великого Новгорода и Великих Лук Димитрий (Сеченов). Как бы в воздаяние его заслуг указом «О разделении церковных имений», датированным 26 февраля 1764, предусматривалось «для вспоможения в Новгородской Епархии» иметь «Викарием одного Епископа, которому жительство определили в Олонце». Новое викариатство учреждалось взамен ранее существовавшего Кексгольмского и Ладожского. Викарию усваивался титул «Олонецкий и Каргопольский». Он должен был существенно разгрузить правящего архиерея, получив в полусамостоятельное управление обширную северо-восточную часть Новгородской епархии. В связи с этим местопребывание викарного епископа назначили вдали от Новгорода. Однако вместо намеченного в указе Олонца, его резиденцией стал Александрo-Свирский монастырь, где открывалась и консистория, а в после-

дующем даже была организована семинария. Большое удобство представляло здесь то обстоятельство, что Александрo-Свирский монастырь состоял из двух отделений – Троицкого и Преображенского («отхожей пустыни»). На период существования Олонецкого викариатства они обособились друг от друга. Преображенское отделение сохранило свой прежний монастырский характер, а Троицкое превращалось в архиерейский дом с сопутствующими ему учреждениями (консистория, а затем и семинария).

Кандидаты священства из отдаленных погостов Обонежской пятины и Каргополя были, наконец, избавлены от тягот долгого путешествия в Новгород для рукоположения. Все хиротонии производились теперь в духовном центре края – в Александрo-Свирском монастыре, Троицкий собор которого становился кафедральным.

Олонецкое викариатство стоит особняком в русской церковной истории как единственный пример учреждения архиерейской кафедры не в городе или пригородном монастыре, а в отдаленной сельской местности. К открытию викариатства на его территории имелось всего два города, расположенных в 300 км друг от друга – Олонец и Каргополь, а общее число церквей составляло 382. В ходе проведения административной реформы здесь появились новые города, один из них – Лудейное Поле – ныне от-

Александро-Свирский монастырь. Свято-Троицкий собор

носится к Ленинградской области (Санкт-Петербургская епархия). С завершением переустройства гражданского управления региона в 1786 году прекратило существование и Олонецкое викариатство.

Из шести епископов, носивших титул Олонецких и Каргопольских, четверо были уроженцами Новгородской епархии. О юности первого из них, Иоанна, сведений нет, Антоний же и Иоанникий учились в Новгородской Духовной семинарии со дня ее преобразования в 1740 году из прежней школы при архиерейском доме, куда они поступили в 1738 году вместе со свт. Тихоном Задонским. Будущий епископ Виктор вошел в число воспитанников семинарии в декабре 1741 года.

28 апреля 1764 года митрополит Димитрий представил «в звание викарного» уволенного по его же прошению в Новгород «для определение в послушание» бывшего келаря Троице-Сергиевой лавры иеромонаха Антония, дав ему такую характеристику: «Человек состояния и жития честного и в школах ученый». 26 мая Святейший Синод представил кандидатами его и архимандрита Хутынского монастыря Иоанна. Императрица 18 июня повелела быть епископом «старшему по званию» – архимандриту Иоанну; его хиротония состоялась 15 июля 1764 года.

Итак, первым епископом Олонецким и Каргопольским стал Иоанн (Никитин; сентябрь 1721 – 13 октября 1799). Согласно надписи на его надгробии, он был «урождением города Валдая». После хиротонии владыка «сряду уехал в Александро-Свирский монастырь и три года неутомимо трудился» в крае, где почти не ступала нога епископа. Не случайно именно Заонежье с начала XVIII века стало оплотом старообрядцев-беспоповцев. Начало существования викариатства было омрачено бедствием, постигшим Каргополь – в 1765 году выгорел весь центр города. 9 июня 1767 года епископ Иоанн был переведен на самостоятельную кафедру – Устюжскую и Тотемскую. На ней он оставался почти 20 лет,

до выхода на покой 9 июля 1786 года, оставив по себе память ревностного храмостроителя. В частности, по его благословию в Великом Устюге был капитально перестроен кафедральный Успенский собор. На покое епископ Иоанн управлял Михаило-Архангельским монастырем в Великом Устюге, где и скончался. Вскоре после его увольнения, в 1788 году, Устюжская епархия была присоединена к Вологодской.

После хиротонии архимандрита Иоанна (Никитина) митрополит Димитрий назначил упомянутого выше келаря Сергиевой лавры иеромонаха Антония настоятелем Хутынского монастыря и возвел его в сан архимандрита. Как только Олонецко-Каргопольская кафедра стала вакантной, митрополит вновь представил его своим викарием, и на этот раз утверждение состоялось. Архимандрит Антоний (в миру – Антон Ферапонтов[ич]; около 1722 – 7 июня 1774) был хиротонисан во епископа 12 августа 1767 года. Сын диакона, он родился в Дубровенском погосте Шелонской пятины (впоследствии – Порховский уезд Псковской губернии), где позднее священствовал его младший брат Прокопий Ферапонтов. Оба брата прошли курс Новгородской духовной семинарии. Через четыре месяца после хиротонии епископа Антония митрополит Димитрий скончался в Москве. Гроб с телом архипастыря прибыл в Новгород 30 декабря, встретил там Новый год и только 3 января 1768 года был предан земле в Софийском соборе. Погребение Новгородского митрополита возглавил его викарий, владыка Антоний, который затем отбыл в Александро-Свирский монастырь. Шесть с половиной лет, до самой кончины, он управлял церковной жизнью Олонецкого края фактически как самостоятельный епископ, поскольку Новгородская кафедра замещена не была. При епископе Антонии в его епархии был учрежден город Вытегра. Скончался владыка «чрез немалое время в болезни» и был погребен под Троицким собором Александро-Свирского монастыря, положив начало архиерейскому некрополю в нем. [В XIX веке здесь же были погребены умершие в обители на покое митрополит Евфимий (Шервашидзе; † 21 апреля 1822), прибывший из Грузии, и архиепископ бывш. Олонецкий и Петрозаводский Аркадий (Федоров; † 8 мая 1870)].

Родина следующего епископа Олонецкого и Каргопольского Вениамина (в миру – Василий Федорович Румовский-Краснопевков; 26 июля 1739 – 17 марта 1811) находится в современной черте Санкт-Петербурга. Он был сыном священника Троицкой церкви в Красном Селе, оставившего многочисленное потомство. Два брата владыки Вениамина, Фома и Сергей, служили в Благовещенском соборе Московского Кремля, причем Сергей Краснопевков († 4 марта 1808) стал протопресвитером и духовником императора Александра I. Старший

брат, Иоанн, был протоиереем Андреевского собора на Васильевском острове. Наконец, Стефан Федорович, занял место отца и долго священствовал в Красном Селе. Епископ Вениамин не забывал свою родину и не раз посылал вклады в красносельский храм.

В 1774 году архимандрит Вениамин занимал пост ректора Александро-Невской Семинарии и настоятеля Троице-Сергиевой Приморской пустыни. Его назначение на Олонецкое викариатство состоялось 20 июня – сразу после того, как в столицу пришло известие о кончине епископа Антония. Хиротонии была совершена 13 июля 1774 года, причем епископ Вениамин получил указ «до будущего в новгородской епархии местного архиерея пребывание свое большею частью иметь на определенном олонецкому архиерею жалованье в Новгороде в доме архиерейском». После соединения Новгородской и С.-Петербургской епархий, последовавшего 1 января 1775 года, епископ Вениамин переселился в Александро-Свирский монастырь. Однако уже 1 апреля того же года он был назначен епископом Архангельским и Холмогорским. Скончался владыка в сане архиепископа Нижегородского и Арзамасского. Он известен прежде всего как автор книги «Новая скрижаль, или Объяснение о церкви, о литургии, о всех службах и утварях церковных», которая со времени первого выхода в свет в 1803 году выдержала множество изданий; переиздавалась она и в наше время.

Через день после перевода епископа Вениамина в Архангельск на Олонецко-Каргопольскую кафедру был назначен и 17 мая 1775 года хиротонисан настоятель новгородского Юрьева монастыря архимандрит Иоанникий (Микрицкий). Свою фамилию Иван Тимофеев, сын диакона Успенского Сясьского погоста (Сясьские Рядки, ныне Волховского р-на Ленинградской области) получил в Новгородской духовной семинарии. После ее окончания в 1754 году он был оставлен в ней преподавателем, вместе с Тимофеем Савельевым Соколовским. Оба одновременно готовились к постригу: Иван был пострижен 11 апреля 1758, Тимофей (св. Тихон Задонский) – 16 апреля. В 1762-1768 годах архимандрит Иоанникий состоял архимандритом Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском и ректором Переславской духовной семинарии.

В историю викариатства епископ Иоанникий вошел как основатель местной Духовной семинарии. Она была открыта в Александро-Свирском монастыре в 1779 году. При нем же во второй половине 1770-х годов производился большой ремонт Троицкого собора, получившего современный вид: с кровли храма были сняты 4 малые главы и глава над алтарем. На его правление пришлось и преобразование Петровской Слободы на Онежском озере в город с названием Петрозаводск (1777 год). Ныне это столица Карелии, а в прошлом – центр Олонецкой губернии.

На епископа Иоанникия еще в 1779 году поступали жалобы за творимые им «притеснения». 10 марта 1782 года епископ был уволен на покой. Он скончался 28 декабря 1786 года в Юрьевом монастыре, где когда-то был настоятелем, и был погребен в паперти монастырского Георгиевского собора (разобрана в 1933-1936).

Преемником епископа Иоанникия стал епископ Виктор (в миру – Василий Онисимов[ич]; около 1733 – 29 марта 1817), также произведенный из архимандритов Юрьева монастыря. Владыка был сыном священника новгородской Петропавловской церкви на Панской улице, ныне более известной как церковь Петра и Павла в Кожевниках. После окончания курса в Новгородской Духовной семинарии он был оставлен при ней учителем пиитики и в 1758 году принял постриг, в один день с Иоанникием (Микрицким). В 1761-1765 годах иеромонаху Виктору пришлось состоять при русской миссии в Мадриде, но жизнь в Испании пришлась ему не по душе по причине «безденежья и жары». Во епископа Олонецкого и Каргопольского он был хиротонисан 3 июля 1782 года. Известно, что в 1783 году он совершил путешествие из Александро-Свирского монастыря в Каргополь для обозрения епархии, а 22 сентября 1783 года получил назначение на Владимирскую и Муромскую кафедру. В 1788 его титул был изменен на «Суздальский и Владимирский», а в 1799 – на «Владимирский и Суздальский». 24 февраля 1800 епископа Виктора уволили на покой за жестокое и несправедливое обращение с духовенством. Остаток своей долгой жизни он провел в родном Новгороде, в Юрьевом монастыре. В 1801 епископ участвовал в погребении митрополита Гавриила (Петрова; † 26 января 1801), викарием которого начинал свое архиерейское служение.

Рака с мощами прп. Александра Свирского. Фото 1910-х гг.

Последним епископом Олонецким и Каргопольским стал Амвросий, в миру Авраамий Никитич Серебренников (1745 – 13 октября 1792). Родом из глухого Яранского уезда Вятской епархии, он за 10 лет прошел курс Вятской семинарии и Славяно-греко-латинской академии и последующие 15 лет посвятил духовно-учебной службе. 25 ноября 1783 года из ректоров Новгородской Духовной семинарии архимандрит Амвросий был определен епископом Олонецким и Каргопольским; хиротония

состоялась 26 декабря. 22 мая 1784 года было учреждено Олонецкое наместничество с центром в Петрозаводске, первым «правителем» которого стал поэт Г.Р. Державин. Торжественное открытие наместничества состоялось 17 декабря 1784 года «при генерал-губернаторе Тутолмине, правителе наместничества Державине и епископе Амвросии». Через несколько месяцев, 16 мая 1785 года, императрица Екатерина II подписала два указа. Один из них гласил: «При Олонецкой казенной верфи,

АМВРОСИЙ (Авраамий Никитич Серебренников; 1745–13 октября [сентября ?] 1792).

Уроженец села Вотчина Яранского уезда Вятской епархии. В 1758 году поступил в Вятскую семинарию, блестяще окончив которую был направлен в Московскую Славяно-греко-латинскую академию. В 1768–1773 годах преподавал в родной семинарии, затем в Троицкой семинарии (в Троице-Сергиевой лавре), где в 1775 году принял постриг. В 1778–1782 годах был префектом Славяно-греко-латинской академии и читал в ней курс философии. Автор «Краткого руководства к оратории российской, сочиненного в Лаврской семинарии, в пользу юношества, красноречию обучающегося» (М., 1778; М., 1791) и перевода «Потерянного Рая» Дж. Мильтона (М., 1780; М., 1785). В 1782–1783 годах в сане архимандрита состоял ректором Новгородской духовной семинарии.

26 декабря 1783 года хиротонисан во епископа Олонецкого и Каргопольского; 28 ноября 1786 года назначен архиепископом Екатеринославским и Херсониса-Таврического. На новом месте служения под его омофором оказалась территория нынешних Полтавской, Днепропетровской, Кировоградской, Запорожской, Херсонской областей и Крымский полуостров. Архиепископ Амвросий стал ближайшим помощником князя Г.А. Потемкина в его трудах по устройству Новороссийского края, население которого очень быстро росло. 7 марта 1787 года в Екатеринославской епархии было открыто Феодосийское викариатство: к пастве викарного епископа стали относиться все проживавшие в крае греки. В 1787 году архиепископ Амвросий сопровождал императрицу Екатерину II, обозревавшую «полуденные страны России». 2 мая, во время остановки императрицы в Кременчуге, возглавил хиротонию архимандрита Дорофея (Возмуйлова) во епископа Феодосийского и Мариупольского. 9 мая заложил в Высочайшем присутствии Преображенский кафедральный собор в г. Екатеринославе. На обратном пути из Крыма Императрица посетила Полтаву и 8 июня прибыла к литургии в Крестовоздвиженский монастырь, где архиепископ имел резиденцию. В тот же день архиепископ Амвросий был пожалован крестом для ношения на клобуке, а князю Г.А. Потемкину прибавлено «именование Таврического». В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 годов архиепископ был «причислен к армии», действовавшей в Молдавии, и отозван в Яссы – столицу Молдавского княжества, завоеванного в XVI веке турками. 22 декабря 1789 года назначен местоблюстителем Молдо-Влахийской экзархии, с сохранением за ним Екатеринославской кафедры (молдавский митрополит Леон скончался в 1788 году). В 1790 году возвел в сан архимандрита преп. Паисия Величковского († 15 ноября 1794)*. Совершал погребальные обряды и говорил надгробные слова при прощании с князем Г.А. Потемкиным-Таврическим († 5 октября 1791), тело которого было привезено в Яссы. После подписания 29 декабря 1791 года Ясского мирного договора, по которому Молдавия оставалась под властью Турции, вернулся в Полтаву, где вскоре скончался. В последние месяцы жизни архиепископа на него посыпались клеветнические обвинения в растрате в Молдавии ризницы и денежных сумм. Дело рассматривал Св. Синод, который своим указом от 27 августа 1792 года признал его неповинным.

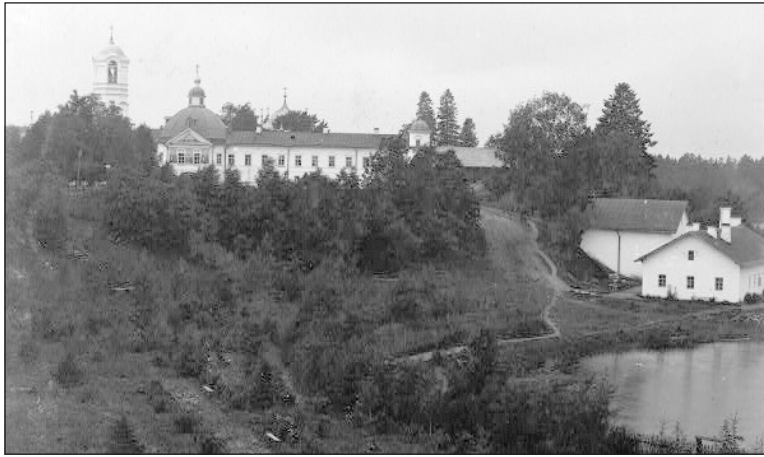
*Следует напомнить, что один из учеников преп. Паисия – схимонах Феодор (Пользиков; 1756-1822) провел последние годы жизни и погребен в Александро-Свирском монастыре – обители, которая служила резиденцией владыке Амвросию в бытность его епископом Олонецким и Каргопольским.

именуемой Лодейным Полем, устроить город». (Всего же за время существования Олонецко-Каргопольского викариатства на его территории было открыто пять городов). Административное устройство края в гражданском отношении завершилось.

Вторым указом, на имя генерал-губернатора Т.И. Тутолмина (1740-1809), императрица повелела: «По приличию и надобности, чтоб епископ Олонецкий имел пребывание свое в губернском городе, сделать план дома его с соборною церковию и училищем и оный со сметами нам немедленно представить».

28 ноября 1786 года епископ Амвросий был перемещен на юг – архиепископом Екатеринославским и Херсониса-Таврического. Город Екатеринослав (ныне Днепрпетровск) к тому времени был едва основан (в 1783 году). Кафедра находилась в Полтаве, в Крестовоздвиженском монастыре, куда и отбыл владыка. Там же он скончался 6 лет спустя, там и погребен. В конце XIX века выяснилось, что останки святителя нетленны, и монастырское начальство уже предвкушало возможность его канонизации...

После перевода епископа Амвросия кафедра в Александро-Свирском монастыре замещена не была. 15 марта 1787 года, по личной просьбе митрополита Новгородского и С.-Петербургского Гавриила (Петрова), Олонецкая епархия была объединена с Архангельской. Указом повелевалось епископу Архангельскому и Олонецкому иметь пребывание в городе Архангельском «до того времени, покуда Архиерейский дом в Петрозаводске окончан будет, а тогда перевести его в Петрозаводск». Неизвестно, были ли выделены на строительство казенные средства, но работы так и не начались.

В Архангельск из Александро-Свирского монастыря перевели также семинарию: Святейший Синод постановил причислить ее воспитанников «к архангельской семинарии, в которую и книги семинарские принять». Олонецкий край, включая Лодейнопольский уезд, вторично оказался под омофором епископа Вениамина (Румовского-Краснопевко-

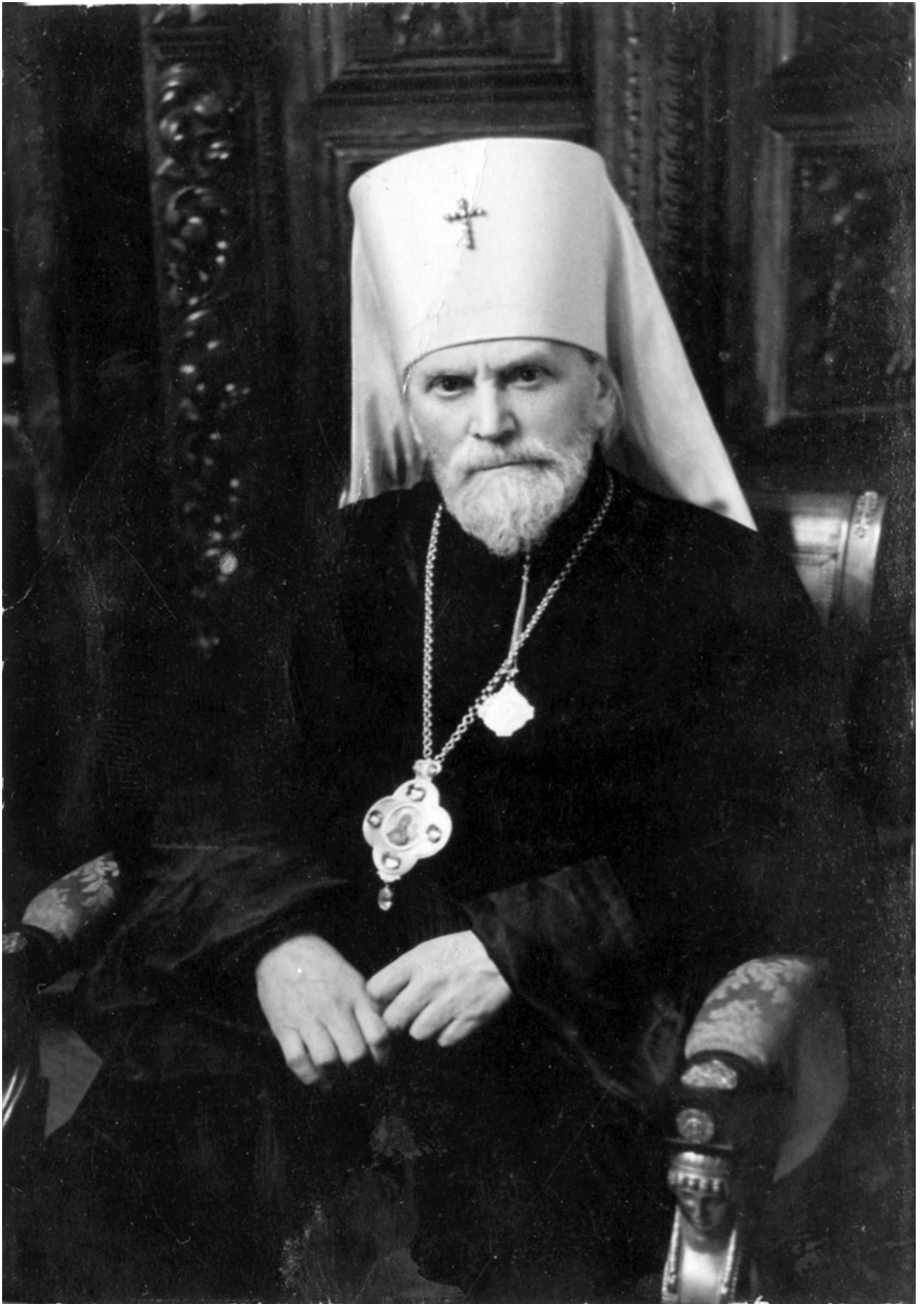
ва), но уже не как викария Новгородского митрополита, а как правящего архиерея. Беда только в том, что путь из многих уголков Олонии до Архангельска был почти в два раза длиннее, чем до Новгорода. Епархиальная власть теперь контролировала церковную жизнь края еще слабее, чем это было до 1764 года.

Император Павел I в 1799 году существенно увеличил число епархий Русской православной церкви и изменил границы многих из них. В частности, территория бывшего Олонецко-Каргопольского викариатства вновь отошла к Новгородской епархии. Более того, император разделил на время С.-Петербургскую и Новгородскую епархии и перевел митрополита Гавриила (Петрова) в Новгород с титулом «Новгородский и Олонецкий». После выхода митрополита Гавриила на покой столичная епархия вновь была соединена с Новгородской. В Новгороде с 1787 года проживали викарные епископы с титулом «Старорусских» – они как правило и рукополагали клириков на приходы Олонецкой губернии.

Ревизия сенатора Д.О. Баранова (1773-1834) в 1827 году выявила большие недостатки в церковной жизни Олонии ввиду удаленности ее от епархиального центра. В то же время было найдено, что «постоянное пребывание архиерея в Свирском монастыре будет безвыгодно и неприлично»: архиерейский дом через 40 лет после упразднения викариатства сохранил только стены. Поэтому кафедра была учреждена в городе Петрозаводске.

А.К. Галкин

МИТРОПОЛИТ ГРИГОРИЙ (Чуков): СЛУЖЕНИЕ И ТРУДЫ

К 50-летию преставления

*Так все, что я создавал и где работал – разрушено:
церковные школы уничтожены, семинарии – тоже,
приют – сожжен, университетская церковь – закрыта,
Богословский институт – тоже. Какая печальная судьба!
Не думаю, однако, чтобы дело рук моих – духовное,
внутреннее пропало. Конечно, то святое, доброе,
что было глубоко посеяно и в школах, и в приюте,
и в семинарии, и в университетском приходе,
и в Богословском институте, не могло пропасть,
и Господь возрастит плоды в свое время,
сохранив их от гибели, ибо ради Его истины
дело делалось, и не может оно погибнуть**.*

Прот. Н.К. Чуков. Дневник, июль 1923 г., Петроград

Детство и годы учебы

Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (1945–1955), в миру – Николай Кириллович Чуков, родился 1 (14) февраля 1870 г. в Петрозаводске Олонецкой губернии. Петрозаводск был основан в 1703 году Петром Великим в 451 версте от С.-Петербурга как Петровская Слобода вокруг сталелитейного завода. В 1783 г. Слобода была преобразована в город, который стал центром губернии. «Открытие тех мест, в коих находится ныне губернский город Петрозаводск, произошло следующим образом: офицер (как говорят, гвардейский капитан, имя его осталось неизвестно), посланный для отыскания олончан, бежавших из новонабранного войска Государя Петра I, проходил дремучими лесами до Онеги. При устье реки Лососинки он нашел одну мукомольную мельницу: кругом была пустыня и места необитаемые. Но воды, наполненные рыбами, и леса множеством дичи и зверей, а более слух о богатых рудах, побудили его проникнуть до Машеозера, вверх по течению Лососинки. После сего другие посланные и личное посещение самого Государя дали этой стране совершенно иной вид. При Петре I построен город Петрозаводск, учреждены чугуноплавильные заводы, найдена марциальная, целительная вода. Вся страна открыта, снабжена столбовыми дорогами и населена людьми русскими, причем большая часть мастеровых переведена из города Липецка. Сими водами пользовался и подолгу на оных жывал вечной памяти Император Петр I»¹.

Суровая красота этих мест воспета русскими поэтами Г.Р. Державиным, в 1784 году бывшим губернатором Петрозаводска, и героем войны 1812 года Ф.Н. Глинкой, который с 1827 по 1830 год пребывал в Петрозаводске в ссылке под надзором полиции в должности советника Олонецкого губернского правления. Г.Р. Державин был покорен красотой водопада Кивач:

*И ты, о водопадех мать!
Река, на Севере гремяща,
О, Суна... и
Без примеса чуждых вод,
Поя златые в нивах бреги,
Великолепный ты свой ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги,
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам².*

Федор Глинка, оторванный от друзей и литературной жизни, поначалу скучал в провинциальном городе, однако именно здесь им созданы первые русские переводы великого карело-финского эпоса «Калевала», цикл стихов и т.н. карельских поэм – «Дева карельских лесов», и «Карелия или Заточение Марфы Ивановны Романовой». Он писал А.С. Пушкину: «Приемлю смелость препроводить Вам мою Карелию, – произведение лесное, горнокаменное»³. Эти произведения были не только плодом поэтического вдохновения, но и результатом кропотливого изучения исторических документов и живых свидетельств – «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, русских летописей, преданий карельского народа и финского эпоса. В письмах к друзьям и примечаниях к карельским

*© Александрова-Чукова Л.К. Автор-составитель, 2006 г.

**Авторские орфография и пунктуация сохраняются

поэмам Ф.Н. Глинка оставил нам яркие описания природы здешних мест, обычаев и характеров жителей края: «...несчастия схватили меня и бросили в страну, отброшенную от сообщений с живым гражданским миром, которая, как некая страшная тайна, скрыта, погружена во глубине дремучих лесов древней Карелии, наводнена бесчисленными озерами, загромождена безобразными обломками разрушенных первобытных гор <...> противу с.петербургского здесь все втрое дороже и вшестеро хуже. Здешняя сущность со стороны природы величественна. Все в необъятно огромных размерах. В одном месте видите озеро Онегу десятью тысячами квадратных верст ее влажной площади; в другой стороне непроходимые леса растут и сгнивают на огромном квадрате из пяти тысяч верст. Во всей Олонецкой губернии сто шестнадцать тысяч верст, а жителей едва до 100 тысяч. В Олонецкой губернии, особенно же в северо-восточной части оной, вовсе нет фруктовых деревьев. Долго здесь не знали употребления капусты и картофеля. Жители Олонецкой губернии издавна охотливы к грамотности; едва ли найдется селение, в котором не было бы умеющего читать. Жители Олонецкой губернии отличаются особенным, холодным, рассудительным умом, и сократическое чело (как его видим на бюстах Сократа) часто встречается

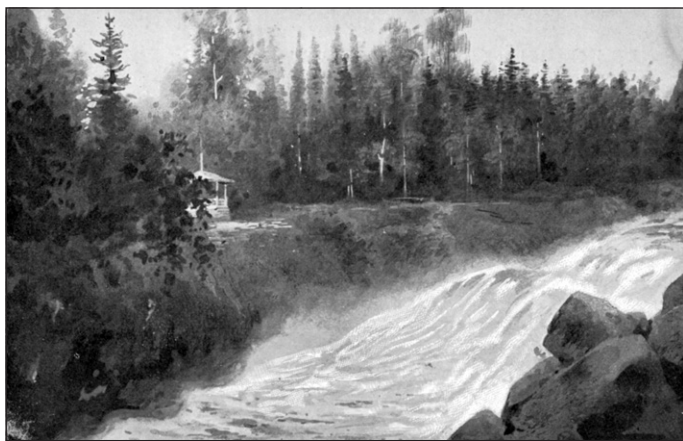
Кирилл Абрамович и Анна Ивановна Чуковы с сыном Николаем

под шапкою русского крестьянина и есть признак здорового, светлого ума»⁴.

К началу XX-го века население губернии состояло на 20% из потомков первоначального населения края – финских племен карел и чуди, и на 80% – свыше 300 тысяч человек – из русских, славян, со времен Великого Новгорода продвигавшихся дальше на север⁵.

Митрополит Григорий был единственным ребенком в семье русских крестьян. Отец, Кирилл Абрамович Чуков (1839–1889), происходил из дер. Пудожская Гора Повенецкого уезда, а мать – Анна Ивановна (1841–1898) – из подлинно крестьянской семьи Барышевых дер. Песчаное Пудожского уезда. Мать владыки грамоте не училась, но от природы была наделена умом наблюдательным, вдумчивым и обладала удивительным тактом в отношениях.

Скромная вообще, она чужда была каких либо пересудов; разговор ее носил всегда положительный характер; говорила она без всяких признаков деревенского произношения, совершенно правильной речью, и вообще в меру, и сын никогда не видел ее праздною, без какой-нибудь работы в руках. Отец Кирилл Абрамович крестьянством никогда не занимался – он рано выучился грамоте у местного дьячка, красиво писал, и десятилетнего маленького грамотея взял к себе в канцелярию в Повенец Окружной начальник; затем

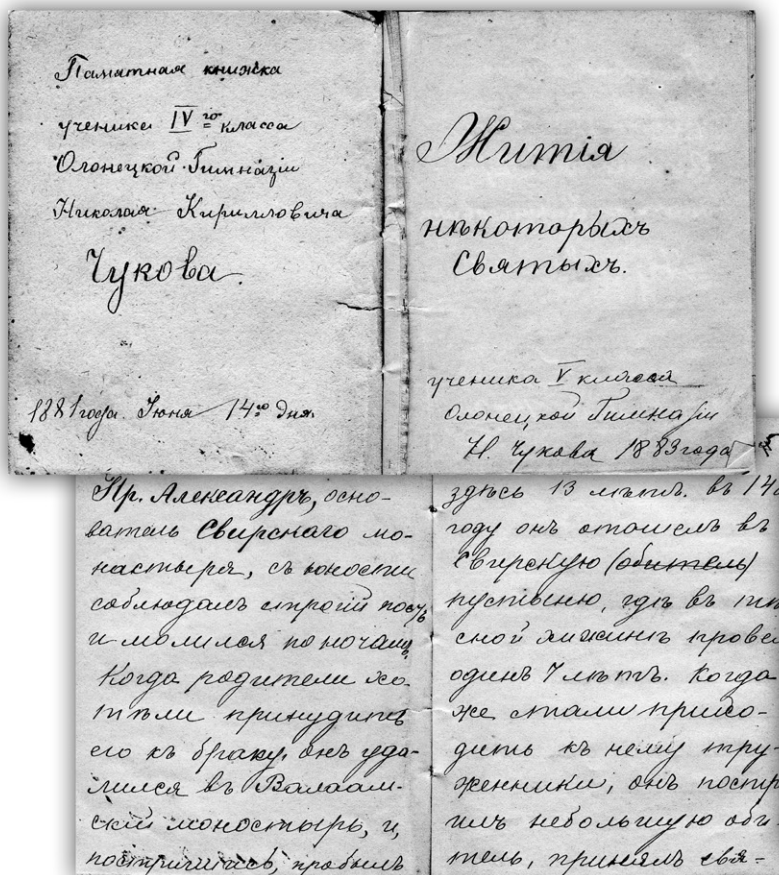
На водопаде Кивач. Слева – открытка Общества изучения Олонецкой губернии. Справа – фото 1910 года. В.Д. Чукова в центре

его пустили по торговой части сначала в Петрозаводске, а впоследствии – в Петербурге. В конце 1860-х годов отец Н.К. Чукова переехал в Петрозаводск, где держал собственную гостиницу, и переписался из крестьян в мещане. Он вращался в разных кругах, был многосторонне развит, обладал прекрасным даром рассказчика, и к шести годам выучил Николая грамоте и чтению и, продолжая традиции предков, привил сыну любовь к родной истории и прочные патриотические чувства. Прекрасная память и способности рассказчика у него были наследственные от отца, Абрама Евтихеевича Чукова (1812–1891), известного в своем крае и по всему Заонежью сказителя былин. Специалист по шитью одежды, главным образом для духовенства, он пел их, путешествуя из села в село. Заимствовал былины он, в свою очередь, от отца, уроженца Кижского края, который был мастер петь и знал много «старин». «Я много раз слышал пение этих былин от своего деда. Обыкновенно он и другие родственники ежегодно приезжали к нам на “Петров день” (29 июня), когда город справлял престольный праздник своего Собора, и окрестное население съезжалось на ярмарку. Последний раз я слышал его в 1891 г., уже после смерти отца. В этом же году мой дед и скончался в г. Пудожье», – писал Владыка в своих воспоминаниях, которые он предварил эпиграфом строк Н.М. Карамзина: «Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества».

Петрозаводск. Вид на город с пристани. Открытка Общества изучения Олонецкой губернии начала XX в.

Воспоминания Владыка посвятил своим детям и начал их описанием родного края: «Красивый вид открывается на Петрозаводск с озера, когда бывало подъезжаешь к нему на пароходе. Расположенный на берегу залива Онежского озера амфитеатром, с постепенно возвышающимися по горе домами, с доминирующими над городом куполами большого собора и высокого красивого здания семинарии. Это был хотя небольшой (около 13 тыс. жителей), но чистый тихий город, с сталелитейным заводом в центре, около которого он собственно и вырос; он оживлялся только летом, во время навигации. В остальное время года он был отрезан от культурных центров».

Памятная книжка ученика IV класса Олонецкой гимназии Н. Чукова 1881–1883 гг. «Жития святых».

Расписание уроков VI класса Олонецкой Духовной семинарии 1888-1889 уч. год, его же. Архив Чуковых. Публикуется впервые

Расписание уроков VI класса О. Д. С. 1888/89 уч. г.

№	Урок	Учитель	Предмет	Замечания
1.	Понедельник	Крав. бис. Богданович	Торгов.	Истор. раск.
2.	Вторник	Вас. в. мн.	Догмат. дог.	Крав. раск.
3.	Среда	Св. Никол.	Латинск.	Крав. раск.
4.	Четверг	Черк. ист.	Св. писан.	Опыт. раск.
5.	Пятница	Опыт. раск.	Занят в. мн.	Крав. раск.
6.	Суббота	Св. писан.	Опыт. раск.	Сред. раск.

Епископ Олонецкий и
Петрозаводский Палладий
(Пьянков)

неудобством путей сообщения и жил затихшей, узко-провинциальной жизнью, хотя и считался центром губернии»⁷.

Родители дали будущему митрополиту имя Николай, в честь прп. Николая, игумена Студийского, память которого совершается 4(17) февраля. В 1876 г. Николая отдали в частную школу О.В. Воскресенской, где обучались около 20 мальчиков и девочек.

«Читать и писать я тогда

уже знал. Читал я мало в годы обучения в школе. Зато рассказы отца из истории о Петре I, Суворове, Кутузове, вообще 1812-м годе, особенно о 1855 г. и Севастопольской войне и ее героях – Нахимове, Корнилове и Лазареве, о временах Николая I и его сподвижниках, все это развило во мне любовь к родной истории. Русско-турецкая война, бывшая в эти годы, усиливала во мне патриотические чувства. Отец получал телеграммы с театра войны (была особая подписка на это). Эти ежедневные телеграммы держали нас в курсе дела. Их перечитывали, обсуждали, радовались успехам или печалились неудачам, словом, близко принимали к сердцу, ими жили. Я во всем этом живо участвовал. Хорошо помню ликование по поводу перехода наших войск через Балканы, эпопею Шипки, взятие Плевны с Осман-пашою и

т.д. Больше всего я любил игру в солдаты – очевидно под влиянием отцовских рассказов о парадах его времени в Петербурге, о формах разных полков, о строгой николаевской дисциплине. Со слов отца, я тогда уже знал всю “Табель о рангах”, т.е. все и военные, и гражданские, и морские чины, и порядок награждения орденами. Отец купил мне маленькое деревянное парусное судно со всей оснасткой, двухмачтовое, аришина в полтора, и маленький пароход, на которых, под руководством отца, я изучил название каждой мачты, каждой снасти... О религиозном влиянии на меня в раннем детстве я совершенно не помню. Родители мои были люди религиозные в обычном значении этого слова и конечно учили меня молиться, но ежедневно с самого утра занятые своей торговлей, они не имели возможности посещать церковь кроме самых больших праздников, куда водили с собой и меня»⁸.

Выпускник Олонецкой Духовной семинарии
Николай Чуков. 1889 г.

В 1878 г. Николай сдал экзамены и поступил в подготовительный класс Олонецкой гимназии в Петрозаводске. С 3-го класса гимназии он начал прислуживать в алтаре приютской церкви, где служил о. Лавров, преподававший в гимназии Закон Божий, затем – в Петропавловском соборе Петрозаводска, а накануне Рождества Христова 1881 г. держал посох у преосвященного Палладия (Пьянкова) в архиерейской церкви.

«В январе Преосвященный Палладий скончался, и 10 марта 1882 г. приехал вновь назначенный преосвященный Павел (Доброхотов). В день его приезда мы, гимназисты, были в Соборе. Я стоял в алтаре. Помню, как меня поразили и фигура, и манеры, и голос нового архиерея. Это был невысокого роста, очень худенький, лысый старичек лет 67, с большой бородой, со строгим лицом, чрезвычайно подвижный, говоривший очень

медленно, своеобразно, с подчеркиванием не только логических ударений, но и смысла каждого слова. Быстро войдя в алтарь, он без всякой помощи иподиаконов сделал земной поклон перед престолом, истово твердо осенил себя крестом и после вступительного слова благословлял народ и духовенство не как-нибудь небрежно, но тоже истово, касаясь головы и плеч каждого подходившего к нему. Все это произвело на меня такое сильное впечатление, что я потом наблюдал за каждым его шагом, за каждым словом, подражая ему дома в произношении церковных возгласов, словом, был совершенно увлечен так ярко, истово и впечатлительно выявленной им церковностью. Такое служение нового архиерея и решило мою судьбу. Я с увлечением отдался служению в церкви, даже дома устраивал нечто вроде богослужения, постепенно углублялся в содержание церковных служб, все церковное и религиозное стало

Петрозаводск. Панорама центра города.
В центре – кафедральный собор

особенно привлечь меня, и в августе 1884 г. я перешел в семинарию»⁹.

На следующий же день по окончании семинарии, 24 июня 1889 г., Н. Чуков был определен на должность надзирателя за учениками и эконома при общежитии Петрозаводского Духовного училища, где проработал до 2 сентября 1891 г. Отец его в 1889 г. скончался, и мать, ликвидировав собственное дело, переехала к сыну на казенную квартиру и осталась на его иждивении. С 30 руб. в кармане, с беспокойством о том, как проживет четыре года мать без его зарплаты и квартиры, с надеждой на частные уроки и возможность посылать ей деньги, в конце лета 1891 г. Н. Чуков отправился на пароходе 3-м классом поступать в С.-Петербургскую Духовную академию. Мать его решение одобрила и благословила.

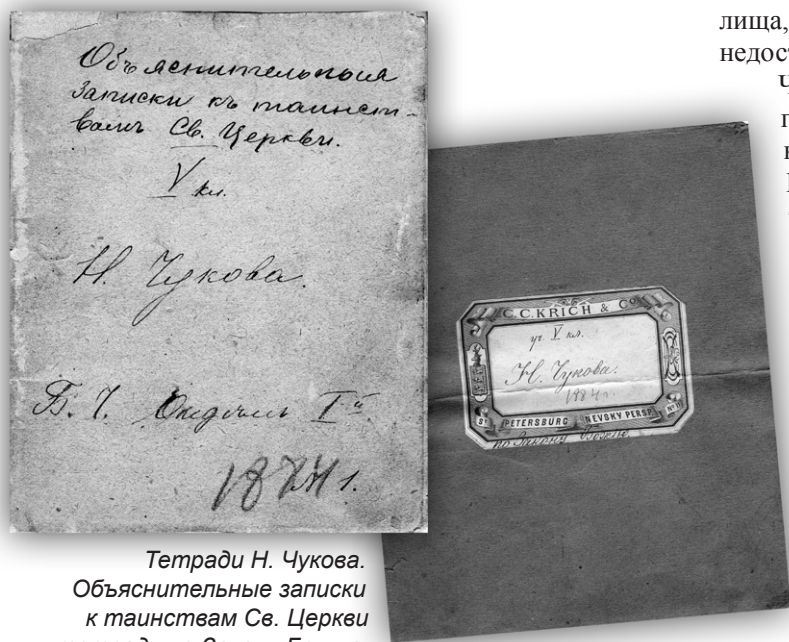
13 августа 1891 г. Николай Чуков прибыл в Петербург и в первый же день побывал в Троицком соборе Александрово-Невской лавры у обедни. Экзамены начинались лишь 19 августа, и до того времени абитуриенты занимались штудированием учебников для предстоящего испытания. По старой привычке, за отсутствием еще не прибывших с каникул студентов, Николай попал в церковные прислужники в академическую церковь, и в день Успения Божией

Преосвященный
Павел
(Доброхотов),
епископ
Олонецкий и
Петрозаводский.
С фотографии,
подаренной
Владыкой
Николаю
Кирилловичу
Чукову
11 сентября
1892 г.

взнос на учебу – 50 руб. одолжили почти незнакомые еще товарищи-студенты, а также купец С.Л. Леонтьев – поставщик съестных припасов Петрозаводского Духовного училища, а со второго курса «Общество вспомоществования недостаточным студентам Академии» по ходатайству Н.

Чукова назначило ему полную стипендию 225 руб. в год. Учился Чуков у таких известных профессоров как В.В. Болотов, М.И. Каринский, И.Ф. Нильский, Н.В. Покровский, Н.Н. Глубоковский, аудитории которых обыкновенно были переполнены, а большую часть внеучебного времени проводил в студенческой читальне, что, как он сам считал впоследствии, дало громадный толчок его развитию и выработке миросозерцания. В 1892 г. в газете Олонецкие Губернские Ведомости в разделе «Исторические материалы» вышла статья студента Н. Чукова под названием «Начало христианства в Олонецком крае»¹⁰. Со второго курса учебы и до ее окончания Чуков пономарствовал в академической церкви. Помощником его был студент С.А. Тихомиров, впоследствии ректор Санкт-Петербургской семинарии и академии, а затем митрополит в Японии. Участвуя в церковном служении, Н. Чуков сбли-

Тетради Н. Чукова.
Объяснительные записки
к таинствам Св. Церкви
и тетрадь по Закону Божию.
1884 г. Архив Чуковых

Матери 15 августа при служении ректора, преосвященного епископа Антония (Вадковского), держал у него служебник. 18 августа в Лаврском соборе происходила хиротония архимандрита Владимира во епископа Бийского. Служил митрополит Исидор и четыре архиерея. Епископ Антоний должен был участвовать, а Николай сопровождал его в качестве чиновника и, таким образом, впервые видел всю церковную церемонию архиерейского посвящения. Во время «причастного» ректор послал его получить благословение 92-летнего старца-митрополита «на благополучную сдачу экзаменов».

Экзамены Николай сдал 48-м, но на казенное обучение поступить не удалось – брали только 36 человек. Первый

Петрозаводск. Олонецкая Духовная семинария.
Фото конца XIX в.

Студент
С.-Петербургской
Духовной академии
Василий Павлович
Казанский
– будущий
митрополит
Петроградский
Вениамин, 1893 г.
Публикуется
впервые.
Архив
Л.К. Чуковой-
Александровой

зился с монашествующими студентами – о. Гермогеном, впоследствии известным Саратовским епископом, о. Константином Булычковым, впоследствии архиепископом Могилевским, о. Мефодием Великановым, впоследствии также епископом, и сам подумывал о принятии монашества, однако Господь судил иначе.

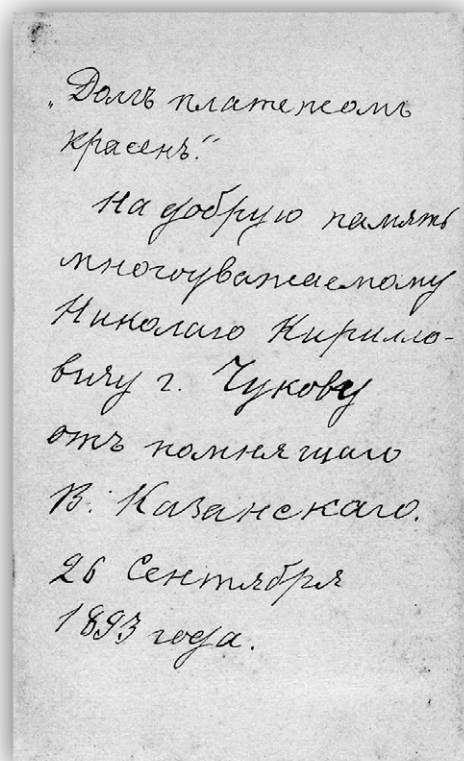
Ректор владыка Антоний еще за несколько лет до того, как Н. Чуков поступил в академию, организовал кружок студентов-проповедников, основная цель которого заключалась в том, чтобы научить будущих пасты-

рей передавать свои знания и просвещение не только с амвона, но и в повседневной жизни – на фабриках, в тюрьмах, в ночлежках, больницах. Академия установила тесное единение с Обществом религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви. Эта деятельность принесла много пользы студентам-богословам, познакомила их с истинными нуждами городской бедноты. Одним из активистов был студент Страгородский, будущий патриарх Московский и всея Руси Сергей. Эту школу прошли также будущие митрополиты Григорий, Вениамин, Николай (Ярушевич). Студенты из Олонии Н. Чуков и В. Казанский (иером. Вениамин), который поступил двумя годами позже, зачастую вместе вели религиозно-нравственные беседы на фабриках и заводах, в основном на Обуховском; иногда – в храме «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения», что на углу Николаевской и Стремянной улиц, а 8 ноября 1892 г. Николай проводил беседу даже в зале Городской думы, где его слушали более 400 человек¹¹.

По просьбе заведующей Владимирской Воскресной школой выделить двух студентов для преподавания Закона Божия, инспектор академии направил Н. Чукова и И. Холмского, и уже на этих первых шагах в духовно-учебной деятельности Н. Чуков имел хорошие отзывы. Староста академической церкви проф. И.С. Пальмов поручил студенту Чукову работу по составлению церковной описи. Николай писал матери, что свободного времени имеет так мало, что некогда даже письма писать. Тем не менее, они переписывались еженедельно, и Николай высылал матери средства, полученные им от частных уроков.

На третьем курсе учебы Н. Чуков оказался на особом положении. «На меня было возложено было заведывание тем районом, где я проповедывал (за Невской заставой). Пришлось составлять программы бесед, вербовать сотрудников, наблюдать за исполнением. Как постоянного посетителя студенческой читальни меня избрали в число заведывающих ею, и в этом звании пришлось сноситься с редакциями газет и журналов»¹².

В конце 3-го курса преподаватели представили в Совет академии темы кандидатских сочинений. Чуков выбрал предложенную доктором богословия проф. И.Г. Троицким тему «Образ Мессии по таргуму Ионафана, сына Узиелова», поскольку в течение трех первых курсов особенно усердно занимался библейской археологией и еврейским языком. Таргум – это арамейский перевод пророческих книг Ветхого Завета, сопровождаемый объяснениями и дополнениями. В летние каникулы, дома в Петрозаводске, Николай занимался переводом указанной руководителем книги и штудировал халдейский язык. 26 сентября 1894 г. Н. Чуков представил Троицкому план сочинения, который профессор даже несколько сузил. Сочинение было закончено к марту следующего года и составило 311 страниц. Н. Чуков работал очень серьезно, использовал массу пособий, причем некоторые книги ему пришлось просить библиотеку академии выписать из-за границы. Кандидатское сочинение было признано хорошим и удостоено премии, а проф. Н.Н. Глубоковский поздравил Чукова с положительным отзывом руководителя.

Автограф
Василия
Казанского
на обороте его
фотокарточки
с посвящением
Николаю Чукову.
Публикуется
впервые

Курс академии Н.К. Чуков закончил 14 июня 1895 г. 14-м по списку, со степенью кандидата богословия и правом получения степени магистра без нового устного испытания. Николай вернулся в Петрозаводск и в первую очередь проведаль свою первую учительницу О.В. Воскресенскую, открывшую ему «первые двери в храм премудрости», а также Преосв. Павла, побеседовал с ним о месте и стал ждать назначения. Еще во время службы надзирателем Духовного училища, Н. Чуков хорошо себя зарекомендовал, и поэтому Преосв. Павел ходатайствовал перед Синодом о его новом назначении – на должность епархиального наблюдателя церковных школ и школ грамоты, тогда впервые открывавшихся в епархиях. Опасаясь того, что Синод откажет в назначении Н. Чукова на эту ответственную должность из-за молодости и неопытности, преосв. Павел решил дать ему сразу же некоторые «опыт и подготовку» через непосредственное знакомство с уездными отделениями Главного Совета Александрo-Свирского братства, заведовавшего тогда церковными школами Олонецкой епархии. Владыка назначил Чукова членом Главного Совета братства и поручил сделать подробный осмотр дел всех Советов его уездных отделений. Н.К. Чуков поехал в свою первую испытательную командировку по школам родного края. Епископ остался доволен ее результатами. Представление епископа Св. Синоду поддержал архиепископ Финляндский Антоний (Вадковский), бывший ректор петербургской академии, знавший Н. Чукова как способного, серьезного студента. 1-8 сентября 1895 г., определением Святейшего Синода, Н.К. Чуков был назначен «Наблюдателем церковно-приходских школ и школ грамоты Олонецкой епархии с причислением к Канцелярии обер-прокурора Св. Синода сверх штата, а по рукоположении в сан священника с причислением к Петрозаводскому кафедральному собору сверхштата же» с окладом в 2 тыс. руб. в год (1 500 руб. – жалованье и 500 руб. – на разъезды). Преподаватель семинарии, к примеру, получал всего 900 руб.; должность считалась завидной в духовном ведомстве. Чукову предстояло живое дело, интересовала уже немного знакомая, и в то же время совершенно новая работа, льстило и положение – заведывать всеми школами губернии¹³.

Церковно-школьная и общественная деятельность

Церковно-приходские школы, исконно существовавшие на православной Руси, были вызваны к новой

жизни утвержденными 13 июня 1884 г. «Правилами о церковно-приходских школах», выработанными особой комиссией при участии обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева. Согласно этим правилам в подчинение Духовного ведомства были переведены и школы грамоты, т.е. народные школы низшего типа. В 1885 г. был учрежден Училищный совет при Св. Синоде, а в епархиях – Епархиальные училищные советы, которые возглавили в основном ректоры Духовных семинарий. В 1895–1896 гг. открылись должности наблюдателей школ при Синодальном училищном совете и по епархиям. Правящий архиерей Олонецкой епархии еп. Павел (Доброхотов), сыгравший такую важную роль в выборе жизненного пути будущего владыки, внимательно и энергично занялся подъемом и развитием церковно-приходских школ. Немедленно по получении указа Святейшего Синода 12 июля 1884 г. с «Правилами» по резолюции еп. Павла (5 августа на протоколе консистории) были собраны подробные сведения о существовавших тогда церковно-приходских школах, их состоянии, средствах содержания, составе учащихся, помещении, нуждах и т.п. 27 ноября 1884 г. епископ учредил Епархиальный училищный совет, назначив в него по собственному выбору наиболее выдающихся и опытных в учебном деле лиц. 13 января 1885 г. еп. Павел из представленных ему кандидатов сам выбрал наиболее опытных священников в наблюдатели за церковно-приходскими школами каждого благочиния (резолюция № 126 на протоколе консистории 11 января № 29). Состояние церковно-школьного дела стало постепенно налаживаться.

Н.К. Чуков – епархиальный наблюдатель церковных школ Олонецкой епархии. 1897 г.

В 1895 г. церковно-приходские школы Олонецкой епархии вступили в новый период правильно организованной работы: Св. Синод учредил в епархии должность особого епархиального наблюдателя, на которую и был назначен 1-8 сентября 1895 г. Н.К. Чуков. Согласно опубликованному 26 февраля 1896 г. «Положению о церковных школах», функции епархиальных наблюдателей и Епархиальных училищных советов четко разграничивались, а должность епархиального наблюдателя приравнивалась к должности директора народных

училищ. Для нее устанавливался V класс по «Табели о рангах», т.е. она соответствовала «генеральской»¹⁴.

Н.К. Чуков, в июле-августе посетивший все уездные отделения совета, на местах ознакомился с главными деятелями и ходом церковно-школьного дела. За 10 лет работы Олонецкого Епархиального училищного совета, то есть, к 1895 г. количество церковно-приходских школ в епархии увеличилось, состояние их улучшилось. Шко-

лы, играя исключительно важную роль в деле народного просвещения, по-прежнему нуждались в самых широких преобразованиях: их было недостаточно, а большинство из них находилось в отдаленных селениях в лесной глуши. Положение осложнялось наличием местностей с карельским населением, пережитками язычества и заметным развитием старообрядчества.

Учителя и учительницы зачастую бедствовали, лишены элементарных жизненных удобств, многие были плохо подготовлены, школы в большинстве селений ютились в холодных непригодных помещениях, учебников не хватало, а выбор их был не везде удачен, учебные руководства для учителей, библиотеки для чтений и чтения для народа и вовсе отсутствовали. Для приведения в порядок всей этой системы, нужен был зоркий глаз опытного администратора и руководителя, который на месте мог бы определить, в чем нуждается то или иное учебное заведение. С первых же шагов своей деятельности, епархиальный наблюдатель Н.К. Чуков убедился в том, что дело надзора и попечения о школах также поставлено «из рук вон плохо» – канцелярия Епархиального училищного совета не смогла представить даже точного списка школ, находящихся в его ведении. Только собрав сведения через уездные отделения совета Чукову удалось выяснить, что к началу его деятельности наблюдателем, т.е. к 1895/96 учебному году, в Олонецкой губернии, в составе которой была одна епархия – Олонецкая, числилось 111 церковно-приходских школ и 50 школ грамоты, всего, таким образом, 161 школа.

В первую очередь, Н.К. Чуков лично собрал сведения о количестве детей школьного возраста в Петрозаводске и обратился в Совет с докладом о необходимости открытия трех новых школ. Ознакомившись с количеством и составом сельских школ и уяснив их географическое расположение, с 9 декабря 1895 г. он начал их осмотр, связанный с бесконечными путешествиями по родному краю – на пароходе, санях, а главным образом верхом. В течение первого учебного года наблюдатель Н. Чуков побывал в Петрозаводском, Лодейнопольском, Пудожском, Каргопольском, Вытегорском, Олонецком уездах, осмотрев 52 школы: 1 двухклассную, 39 одноклассных и 12 школ грамоты, т.е., почти треть всех школ губернии. И так все 15 с половиной лет наблюдательства. В каждой школе епархиальный наблюдатель сам спрашивал учеников по всем предметам. По результатам каждой поездки Чуков представлял доклад преосвященному, который заслушивался в Епархиальном совете. В

течение первого года работы Н.К. Чуков познакомился с постановкой школьного дела, увидел главные недостатки в административной, учебно-воспитательной и хозяйственной сферах и поставил себе первую задачу: поднять церковные школы до уровня земских. Постепенно он изыскивал, «выбивал» средства для всех школ епархии, а также занимался их распределением по учебным заведениям. Инициативы Чукова поддерживал Учебный комитет Синода, земство, благотворители, попечители. С 1895 г. началось более щедрое, чем ранее, поступление средств от Святейшего Синода: вместо прежних 1,5-2 тыс. руб. на все церковные школы епархии, в 1895 г. Синод отпустил 6 тыс. руб., в 1896 и 1897 гг. – по 19 тыс., в 1898 г. – уже 48 тыс., в 1899 – 56 тыс. руб. и т.д., ежегодно увеличивая отпуск пособия до 111 тыс. руб. в 1909 г. Наряду с этим, все земства губернии шли на помощь церковным школам, ежегодно увеличивая ассигнования с 14185 руб. в 1895 г. до 36282 руб. в 1909 г. Синодальный училищный совет учредил в каждом уезде должности уездных наблюдателей церковных школ как непосредственных помощников епархиального наблюдателя и поставил вопрос об открытии так называемых второклассных школ – с одним вторым классом и педагогическими курсами для подготовки учителей в школы грамоты.

Открывались новые школы (в 1896 г. 14 церковно-приходских и 53 школы грамоты – всего 67, в 1897 г. – 71), при школах открывались библиотеки, устраивались хоры.

Особое внимание о. Николай уделял улучшению бытовых условий педагогического состава.

Открытие новых церковных школ шло постепенно, по выработанному в 1898 г. о. Н. Чуковым совместно с уездными наблюдателями и священниками «дополнительному плану» всеобщего обучения в губернии, параллельно с открытием школ гражданского ведомства. Всего за десять лет, к 1909 г., Духовным и Гражданским ведомствами были открыты не 223, как планировалось, а 268 школ разного типа. Все церковные школы включались в общую школьную сеть Министерства народного просвещения и получили, так же, как и школы других ведомств, казенное пособие, достаточное для их содержания.

Наряду с открытием новых школ и увеличением средств на их содержание улучшалась и постановка учебно-воспитательного дела. В 1897 г., согласно порядку, предложенному о. Николаем и принятому Епархиальным училищным советом, письменная экзаменационная работа каждого выпускного ученика проходила через пять рассматривавших ее инстанций: испытательную комиссию,

*Диакон Николай Кириллович Чуков с матушкой
Валентиной Дмитриевной, рожд. Любецкой.
10 апреля 1897 г., Петрозаводск*

уездного наблюдателя, уездное отделение, епархиального наблюдателя, Епархиальный училищный совет. Это гарантировало объективность оценки работ и то, что ученик, получивший свидетельство, был действительно этого достоин.

В 1898 г. о. Н.К. Чуков составил, и Епархиальный училищный совет одобрил «Указания о порядке производства испытаний в церковно-приходских школах», по которым письменные и устные испытания (экзамены) должны были проводиться не только в выпускных, а во всех отделениях школ. О. Николай считал, что учебно-воспитательная сторона в школах всецело зависит от состава учителей и их квалификации. Поскольку при небольшом окладе воспитанники Духовной семинарии неохотно шли в учителя, и преимущественный контингент составляли выпускники Епархиального женского училища, о. Николай обратил особое внимание на постановку дела в образцовой школе при нем, добившись назначения туда М.С. Маше-зерской, лучшей учительницы в губернии. Для учителей о. Николай устраивал летние педагогические курсы повышения квалификации, всего семь за время своей работы. Постепенно увеличивалось жалование учителям – со 120 руб. в 1895 г. до 240 руб. (плюс 60 руб. за пятилетнюю выслугу и 30 руб. на квартиру, если ее не было) в 1909 г. Оно стало выплачиваться регулярно, что решило вопрос с текучестью кадров.

«Правила» 1884 г. устанавливали двухгодичный курс обучения с предварительным прохождением учениками программы школ грамоты. Это было возможно при организованной системе, как, например, в соседней Финляндии, где во всех деревнях прихода были школы грамоты, откуда дети поступали в центральную церковно-приходскую школу с двухлетним курсом. О. Николай считал, что в Олонецкой губ. при отсутствии подобной организации и при наличии карельского и чудского (вепского – Ред.) элементов в школах, двухгодичный курс был недостаточен. В первый же год работы наблюдателем он поставил в Епархиальном совете вопрос об увеличении курса в церковно-приходских школах до трех лет. Преосвященный возбудил ходатайство, и Св. Синод указом от 19 октября 1896 г. разрешил этот вопрос положительно. Организованная советом под председательством Н.К. Чукова комиссия выработала особое распределение учебного материала, содержащегося в программах церковно-приходских школ, на 3 года соответственно увеличенному курсу обучения. Впоследствии оказалось, что для карельских школ и этот срок обучения был недостаточным, и в 1901 г. его увеличили до 4,5 лет.

Поскольку методических пособий для учителей в 1895 г. не было вовсе, и преподавали они, «как Бог на душу положит», учителям была разослана выдержка из первого отчета Н.К. Чукова с указаниями для преподавания каждого учебного предмета. Постепенно все школы снабжались специально разработанными методическими руководствами по всем предметам для учителей и необходимым количеством единообразных учебников для учащихся.

Через год после назначения на должность епархиального наблюдателя в 1896 г. Н.К. Чуков женился на В.Д. Любецкой (1879–1939), выпускнице Епархиального женского

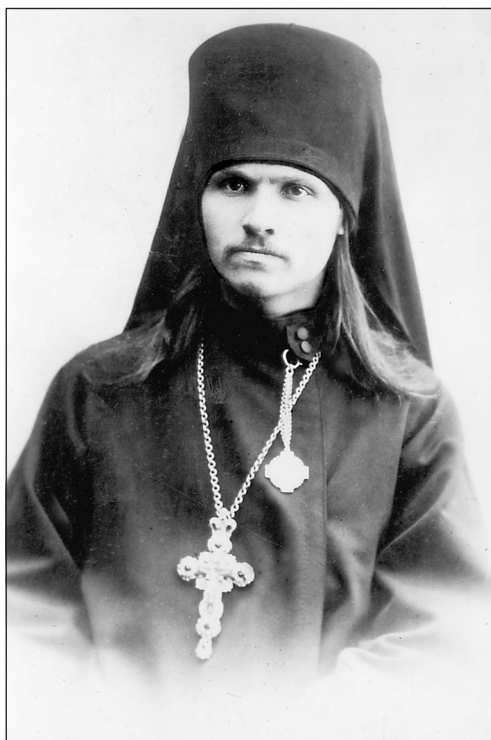

Фотография св. прав. Иоанна Кронштадтского с его автографом, подаренная о. Николаю Кирилловичу Чукову. Архив Чуковых. Публикуется впервые

училища, дочери инспектора Петрозаводского Духовного училища и преподавателя латыни в семинарии Д.И. Любецкого. Господь послал им восьмерых детей: Николая (1897–1979), Бориса (1899–1941), Александра (1902–1942), Анну (1900–1967), Веру (1908–1942) и Женечку, Кирилла и Алексея (1916–1917), умерших в младенчестве¹⁵.

На Пасху, 14 апреля 1897 г. Н. Чуков был рукоположен еп. Павлом в сан иерея. Через 10 лет, в Пасху 14 мая 1907 г., он будет возведен в сан протоиерея. В мае (17/30) 1897 г. в Вытегре, при освящении прот. Иоанном Сергиевым (Кронштадтским) храма в Вытегорской второклассной школе, построенной известным в крае благотворителем, купцом первой гильдии А.Ф. Лопаревым, епархиальный наблюдатель о. Н. Чуков тепло приветствовал батюшку о. Иоанна. Так, вскоре по рукоположении во иерея молодому священнику Н. Чукову посчастливилось получить благословение отца Иоанна Кронштадтского на дальнейшее служение, а также фотографию с дарственной надписью. Святыня уже более ста лет бережно хранится в семье.

О. Николай находился в постоянной переписке со своими помощниками – уездными наблюдателями, а раз в два месяца посылал обширные доклады – письма главному наблюдателю церковных школ империи В.И. Шемякину и сменившему его на этом посту А.М. Ванчакову. Письма содержали информацию о ходе церковно-школьного дела в губернии, в них освещалась деятельность совета, отделений, наблюдателей, сообщалось о принимаемых мерах и т.п. За 15 с половиной лет наблюдательства были

Архимандрит
Фаддей
(Успенский),
будущий
архиепископ
Тверской,
священно-
мученик
(†1937)

ревизию. В епархию был послан помощник синодального наблюдателя А.М. Ванчаков, который по приезде сказал о. Чукову, что Константин Петрович (Победоносцев) ему приказал во что бы то ни стало защитить его¹⁶. *«Интереса к делу, по-видимому, меньше, чем у Мисаила. “Ну и архиерей пошел теперь!”», выражаясь словами Восторгова»* (прот. Иоанн Восторгов – известный проповедник, священномученик, †1918. – *Ред.*), – писал прот. Николай через десять лет, 8 февраля 1909 г. в дневнике касательно отношения к церковно-школьным делам уже другого Олонецкого епископа, Никанора, при котором ему также довелось нести службу.

Не все было просто и шло гладко в работе о. Николая, но с особой теплотой он вспоминал 1903–1908 гг., когда председателем Олонецкого Епархиального училищного совета был ректор Олонецкой Духовной семинарии архимандрит Фаддей (Успенский): *«...человек кристально чистой души, с которым мы чрезвычайно дружно работали все шесть лет его пребывания в Олонии, вместе нередко разъезжая по школам епархии, вместе работая на педагогических курсах, вместе устраивая учительские собрания городских учащихся и т.п.»*. 21 декабря 1908 г. архим. Фаддей был хиротонисан во епископа Владимирско-Волынского, викария Волынской епархии, а 11-12 декабря в Петрозаводске его провожали Епархиальный училищный совет и семинария. Прот. Николай записал в дневнике: *«11 декабря 1908 г. Епарх. Уч. совет поднес о. Фаддею адрес, я от учащихся сказал речь, М.С. Машезерская тоже. Пробыли там вечер. Завтра он уезжает. 12 декабря. В 12-м часу в семинарии провожали о. Фаддея. Отслужили напутственный молебен в церкви (я и духовник), были все семинаристы, учительницы и порядочно народа. Потом прощаться отправился. Я проводил до учительской семинарии»*. 21 декабря прот. Николай отправил новому епископу, Фаддею, телеграмму: *«Радостно приветствуем Ваше Преосвященство получением благодати Архиерейства, просим Святительского благословения и молитв. Прот. Чуков. Учащие городских школ»*. 24 декабря прот. Николай *«От о. Фаддея получил телеграмму “Шлю сердечную благодарность, поздравлявших приветствую с праздниками поименно. Епископ Фаддей”»*. Переписка прот. Николая с архиеп. Фаддеем прекратилась в 1937 г.¹⁷ (тогда владыка Фаддей, архиеп. Тверской, был расстрелян. Похоронен в Твери, прославлен в 2000 г. как священномученик. – *Ред.*)

Трудно перечислить все, что было сделано энергичным епархиальным наблюдателем для дела народного просвещения родного края, но с уверенностью можно сказать, что 15-летнее ревностное служение о. Николая на этом посту внесло коренные изменения в положение начального образования в системе церковно-приходских школ Олонецкой епархии. К 1911 г. число школ увеличилось с 161 (в 1895) до 325, учащихся – с 4 685 до 7630 человек, собственно школьных зданий – с 39 до 131. Средства, отпускаемые на содержание школ, увеличились в шесть раз. В Олонецкой губ., включая самые глухие селения, при школах были открыты 308 библиотек. Для духовного образования взрослого населения при школах проводились воскресные чтения, и в последние 10 лет наблюдательства о. Николая среднее число чтений составляло 2292 в год. В 1909 г.

отправлены 116 таких донесений. В 1909 г. по настоянию прот. Н. Чукова во всех школах было введено обязательное сообщение основных сведений по русской истории, географии и природоведению и оснащение соответствующими учебниками.

Энергия и настойчивость наблюдателя преодолевали все препятствия как в виде суровых природных условий «горнокаменной Карелии» и бездорожья (только две трети селений губернии обслуживались колесными дорогами, остальные связывались лишь лесными тропами), так и в виде сопротивления некоторых представителей местного епископата инициативам, энергичным и самостоятельным действиям о. Н. Чукова.

Летом 1898 г. о. Николай организовал первые краткосрочные педагогические курсы, продолжавшиеся шесть недель. На них занимались 130 учителей. Одновременно проходил съезд уездных наблюдателей, на котором подверглась пересмотру практически вся церковно-школьная работа, выработывались указания заведующим школами и учителям по всем сторонам школьной жизни, и был принят целый ряд мер по упорядочению церковно-школьного дела.

По окончании курсов о. Н. Чуков был вызван для участия в I Чрезвычайном собрании Училищного совета при Св. Синоде, а по возвращении представил журналы наблюдательского съезда еп. Назарию. Епископ, а также председатель Училищного совета, в течение более полугода не нашли времени рассмотреть журналы, содержавшие целый ряд насущных мероприятий по улучшению всего строя церковно-школьной жизни. Тогда, не выдержав, о. Николай написал о создавшемся положении наблюдателю церковных школ при Училищном совете Св. Синода В.И. Шемякину; тот доложил обер-прокурору К.П. Победоносцеву, который, в свою очередь, распорядился назначить

*Священник Николай Чуков среди преподавателей
Николаевского детского приюта для девочек. Петрозаводск, 1898 г.*

Первый съезд наблюдателей церковных школ. В центре – священник Николай Чуков. 1898 г.

все школы грамоты были преобразованы в одноклассные церковно-приходские школы.

В 1904 г. на международную научно-промышленную выставку «Детский мир» в Таврическом дворце в Петербурге, которую устроило Министерство финансов, о. Николай по предложению Синодального училищного совета, послал несколько экспонатов, показывающих устройство школьных праздников и чтений. На этой выставке ему была присуждена бронзовая медаль «За руководство школами и устройство школьных праздников и чтений».

В мае-июне 1909 г. на первую Всероссийскую церковно-школьную выставку, которую устраивал Синодальный училищный совет по поводу 25-летия выхода «Положения» 1884 г., прот. Николай послал много экспонатов, демонстрировавших постановку школьного дела в Олонецкой епархии – образцы письменных работ учеников в виде тетрадей, сочинения, рукодельные работы, программы занятий по истории, географии и природоведению, свой наблюдательский дневник по обозрению школ за год, диаграммы о росте числа школ, количества учащихся, зданий, средств содержания и т.п. На этой выставке он получил много хороших отзывов.

«По справедливости должен сказать, без излишней похвалы, что, несмотря на большие препятствия, какие пришлось встретить мне, особенно в первые годы службы, все-таки для нормальной постановки дела церковно-школьного просвещения за время моего наблюдательства сделано было много, и самое дело было поставлено достаточно хорошо. Мои учителя второклассных школ, командированные на курсы в Москву, по приезде обратно сами рассказывали, что их товарищи из других епархий с удивлением слушали их рассказы о постановке дела у нас... Не без причины, конечно, я каждый год получал благодарности Губернского и Петрозаводского Уездного Земского Собрания за постановку церковно-школьного дела: они видели результаты нашей работы и имели непосредственные сведения от населения. В 1911 г. Губернское Земское Собрание избрало меня в числе трех лиц представителем от губернского земства на первый общеземский всероссийский съезд по народному образованию в Москве, а при уходе моем с поста наблюдателя назначило стипендию моего имени в духовной семинарии... В.К. Саблер отзывался обо мне и о П.С. Виноградове (Нижегородском епархиальном наблюдателе), как о лучших наблюдателях»¹⁸.

Еще в мае 1897 г. Олонецкий губернатор М.Д. Демидов из рода известных в России оружейников и промышленников привлек молодого иерея к ближайшему участию

в жизни Николаевского детского приюта для девочек в Петрозаводске, где г-жа П.Н. Демидова была почетной попечительницей. В приюте имелась домовая церковь, но постоянного священника не было, и о. Николая попросили взять на себя труд служения в этой церкви в те периоды, когда он не был занят в разъездах по школам. Он согласился и, получив благословение епископа, 4 октября 1897 г. начал служение. В дальнейшем он принимал участие во всех сторонах жизни приюта. К 200-летию основания Петрозаводска в 1903 г. был устроен еще один приют – для мальчиков-сирот, – и Олонецкое губернское попечительство детских приютов просило

Священник Николай Чуков. 1899 г.

о. Николая и здесь руководить религиозно-нравственным воспитанием детей. С приездом губернатора, тайного советника Н.В. Протасьева, приютская церковь стала «губернаторской»: Протасьевы, а затем и Грязевы стали духовными детьми о. Николая. Бывать в приюте еженедельно, особенно в Великий пост, на Страстной неделе, на приютских праздниках, стало лучшим душевным отдыхом для о. Николая среди хлопот напряженной работы наблюдателя. Протасьев, как вспоминал позже прот. Николай, был «поклонником его служения». С искренней грустью расставался прот. Николай с приютом при переходе на должность ректора семинарии 12 февраля 1911 г., когда в последний раз служил в приютской церкви.

Работоспособность, четкость в работе, принципиальность о. Н. Чукова, его строгое отношение к исполнению своих обязанностей, точность во всех мелочах, обращали на себя внимание, и в Олонии не было ни одной общественной комиссии, в которую он бы не приглашался, и всегда проявлял живой интерес к доброму делу:

«Мое участие в деятельности Олонецкого Губернского Земства в качестве депутата от духовного ведомства на губернских земских собраниях с 1901 года, сблизило меня с земскими представителями всей губернии и поставило меня в тесное соприкосновение с главными деятелями Земства и высшей губернской администрацией. Моим принципом в течение всей моей жизни было: никогда не отказываться ни от какой работы, где я мог быть полезен. Поэтому меня выбирали всюду. Я постоянно был среди секретарей на заседаниях губернских земских собраний, избирался членом ревизионной, редакционной, по народному образованию, агрономической, даже строительной и других земских комиссий и, по свойству своего характера, везде проявлял себя активно. Когда в декабре 1905 года на XXXIX губернском земском собрании

вследствие беспокойного внутреннего политического положения возникла у гласных Земства мысль о выработке своей земской политической программы (в предположении объединить на ней все крестьянское население губернии) для предстоящих выборов в первую Государственную думу, я был избран секретарем этих специальных «политических» вечерних заседаний (в течение 14, кажется, дней) и на мне лежала обязанность готовить к каждому заседанию проект той или иной части «программы». Совершенно незнакомый ранее с этой стороной дела (как впрочем, в подавляющем большинстве и все мы, при тогдашнем государственном строе, были далеки от большой политической жизни...) я должен был тут же, на ходу, изучать постановку представительного образования в разных государствах, программы разных политических партий, в то время образовывавшихся у нас в России, и на основании этого изучения представлять проект для нашей земской «программы», который и подвергался тщательному обсуждению, исправлению и окончательной редакции на заседании. Так в течение 14 дней была составлена наша собственная земская «программа», и отпечатанная, кажется, в количестве 10 тыс. экземпляров, разослана по губернии для самого широкого ознакомления»¹⁹.

Наряду с прямыми обязанностями по должности епархиального наблюдателя (с 1-8 сентября 1895 г. до 1-3 февраля 1911 г.) и ректора Олонецкой Духовной семинарии (с 1-3 февраля 1911 г. до 6 сентября 1918 г.) о. Н. Чуков в течение 17 лет (1901–1917) являлся представителем духовного ведомства в Олонецком губернском земском собрании и три года (1914–1917) в Петрозаводской городской Думе, состоял членом (с 1906 г.) и председателем совета Олонецкого Епархиального женского училища (1910–1915), председателем Олонецкого Епархиального училищного совета (1910–1917), председателем Олонецкого совета православного Карельского братства (1909–1917), руководителем краткосрочных летних педагогических курсов для учителей и учительниц церковно-приходских школ Олонецкой епархии (1898–1900, 1903, 1906, 1908, 1910), почетным членом Олонецкого губернского попечительства детских приютов, членом губернского статистического комитета, членом Петрозаводской публичной библиотеки, членом губернского и Петрозаводского уездного попечительства о народной трезвости, членом ревизионной комиссии и руководителем народных патриотических чтений от этого попечительства, членом губернского комитета по водворению законности и порядка (в 1905), членом губернской санитарной комиссии, членом Олонецкого управления

Российского общества Красного Креста, членом православного Палестинского общества, одним из учредителей общества изучения Олонецкой губернии с 1912 г., членом нескольких других просветительных, благотворительных и административных учреждений губернии и других организациях специально по духовному ведомству (депутатство на некоторых епархиальных съездах, участие в ревизионной комиссии по свечному заводу и т.п.). По распоряжению Св. Синода отец Николай был избран кандидатом в члены Государственного Совета от белого духовенства на 1912–1915 гг. и на 1916–1918 гг. Во время I Мировой войны он был избран членом и товарищем председателя Петрозаводского отделения Общества помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, членом Петрозаводского отделения Общества помощи семьям запасных и ратников ополчения, товарищем председателя Комитета о беженцах, членом Петрозаводского комитета Всероссийского союза земств городов и председателем последнего. Случались дни, когда прот. Николай бывал на 4-5 заседаниях в разных местах, при этом, как свидетельствуют дневниковые записи и по рассказам его детей, он очень внимательно относился к их воспитанию²⁰.

Согласно определению Олонецкого губернского по делам об обществах присутствия, в реестр обществ 9 августа 1912 г. было внесено «Общество изучения Олонецкой губернии». Общество действовало согласно уставу, утвержденному вице-губернатором А.Ф. Шидловским и имело целью изучать Олонецкую губ. в отношении историческом, географическом, естественно-научном, бытовом, культурном и экономическом; привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям Олонецкой губ., а также содействовать проведению в жизнь необходимых для нее улучшений. Список учредителей в уставе Общества возглавлял ректор семинарии прот. Н.К. Чуков. Учредители являлись пожизненными членами Общества.

Разносторонняя деятельность о. Н. Чукова получала всеобщее одобрение, его имя стало известно не только в Олонецкой губернии, но и за ее пределами – он имел такую большую переписку, что в 1902 г. одна телеграмма от имперского наблюдателя церковно-приходских школ В.И. Шемякина с вызовом для доклада К.П. Победоносцеву, на которой он забыл указать адрес, а написал только: «Петрозаводск, священнику Николаю Кирилловичу», дошла, так как служащие почты и телеграфа в Петрозаводске хо-

рошо знали о. Николая. Вся получаемая и отправляемая о. Н. Чуковым корреспонденция, а также записи о полученных и отосланных денежных суммах, фиксировались им в

Дети о. Николая: Анна, Николай, Борис, Александр и Вера. 1903 г.

специальных тетрадах в течение всей жизни, что говорит о строгой внутренней дисциплине²¹.

1 февраля 1907 г., в 37-й день своего рождения, о. Николай, отслужив по обыкновению молебен дома, начал вести дневник, большая часть которого сохранилась и является ценнейшим историческим материалом. На основании дневника владыка составил свои воспоминания и очерки по новейшей истории Русской Православной Церкви.

В постоянном контакте и взаимодействии находился прот. Н.К. Чуков с земством и высшей Олонецкой губернской администрацией – губернаторами Протасьевым, Грязевым и М.И. Зубовским и Православным Карельским братством, которое внесло огромный вклад в дело духовного просвещения края. С объявлением в 1905 г. начал гражданской свободы финляндские сепаратисты, исходя из племенного родства карел с финнами, начали открыто заявлять о своих исключительных правах на включение в сферу своего политического, экономического и религиозного влияния, издавна приобщенных к русской государственности карел Архангельской и Олонецкой Карелии. С этой целью в финляндской периодической печати была выпущена масса воззваний, обращенных к финскому обществу и народу для возбуждения в них национальных и религиозных чувств, для пробуждения сознания единства финнов с карелами и выяснения великой и исключительной для Финляндии культурно-просветительной и религиозной миссии в Карелии. В августе 1906 г. в Финляндии было образовано общество «Союз Беломорских карел», в которое вошли многие видные писатели и общественные деятели Финляндии, а 1907 г. в Карелию уже были посланы лекторы с пропагандистскими целями, раздававшие Евангелия и брошюры соответствующего содержания на финском языке, а по местам снабжавшие бедняков и денежными средствами. Все эти притязания прежде всего обратили на себя внимание православного духовенства Финляндии. Архиепископ Финляндский Сергей немедленно озаботился проведением целого ряда мероприя-

тий для противодействия этому натиску. Он пригласил выпускника Санкт-Петербургской Духовной академии иеромонаха Киприана (Шнитникова) для миссионерской работы среди православных карел, подвергшихся натиску панфинско-лютеранской пропаганды. По ходатайству архиеп. Сергея, Св. Синод учредил в Финляндской епархии специальную должность Синодального карельского миссионера, которую занял о. Киприан²².

Поднятый в печати шум обратил внимание и гражданской власти на сепаратистские стремления финнов, и губернатор Протасьев получил запрос из Министерства внутренних дел как о поднимавшемся движении, так и о принимаемых мерах противодействия. По поручению губернатора, в начале 1907 г. прот. Николай на основании материалов по канцеляриям епископа и губернатора составил доклад по карельскому вопросу, который был представлен на рассмотрение чрезвычайного губернского земского собрания 15 мая 1907 г. Этот доклад, привлекая земство к борьбе с панфинской пропагандой, губернатор представил председателю Совета Министров П.А. Столыпину и обер-прокурору Св. Синода П.П. Извольскому, которые внимательно отнеслись к вопросу, и на испрашиваемые нужды были отпущены средства. В июле 1907 г. архиеп. Финляндский Сергей созвал в Валаамском монастыре съезд финского духовенства для обсуждения пастырско-миссионерских мероприятий против панфинско-лютеранской пропаганды и просил Олонецкого епископа Мисаила прислать на съезд представителей олонецкого духовенства. Еп. Мисаил, вместо горячего отклика на призыв архиепископа к совместной работе, направил на съезд только одного священника из Олонца – о. Тихимилова. Прот. Н. Чуков, уже столкнувшийся с проблемой в карельских школах и заинтересованный этим важным вопросом, поехал на съезд по собственной инициативе и участвовал в его заседаниях. На многочисленном съезде духовенства карельских приходов в пограничном с Финляндией селении

Группа участников монашеского съезда Олонецкой епархии с братией Александрo-Свирского монастыря. 19 мая 1909 г.

Видлицах 26 ноября 1907 г. было открыто Карельское братство св. вмч. Георгия Победоносца. Устав братства Синод утвердил еще 23 августа – 22 сентября 1907 г. Согласно уставу, в Выборге был образован главный совет братства, который возглавил иером. Киприан, а в Петрозаводске – Олонецкое отделение совета, в который прот. Н. Чуков, поехавший на съезд опять-таки по собственной инициативе, был избран членом с обязанностями казначея. Цель братства заключалась в противостоянии панфинско-лютеранскому натиску, и работа его шла в двух направлениях – религиозном, в плане охраны карел от инославного натиска, и национально-русском, в смысле защиты исконной принадлежности русских карел к России. Братство вело деятельность не только в области религиозно-миссионерской, но и в областях просветительной и культурно-экономической и стремилось создать для карельского населения губернии условия жизни не хуже тех, которые имело соседнее финское. Братства, в отличие от попечительств, имели большую самостоятельность, и пользовались всеми правами юридического лица: они могли приобретать землю и другое недвижимое имущество в любой местности, независимо от прихода. Заботами православных братств было создано большое количество церковно-приходских школ и школ грамоты. Карельское братство, наряду с устройением новых храмов и поощрением церковной проповеди, открыло учительские курсы, увеличило курс обучения в карельских школах на родном языке, издавало священные книги, молитвенники, брошюры и листки религиозно-нравственного содержания и богослужебные книги на карельском и русском языках. Олонецкий совет братства под председательством прот. Н. Чукова нашел, что пользование карельским языком, необходимое при обращении с непонимающими русской речи карелами, а таких было много, следовало ограничить только пределами этой необходимости, конечной же миссионерской целью являлось ознакомление всех карел с русской речью, основами православного вероучения, и воцерковление. Братство открывало библиотеки всех видов: стационарные, школьные, сумочные. Олонецкие губернаторы: Протасьев, стоявший у истоков основания братства и бывший его почетным членом, и сменивший его на посту Грязев, – всемерно способствовали его деятельности. Они не раз посещали церковные школы в приграничных с Финляндией районах вместе с о. Николаем, поднимая этим престиж школ среди населения. В состав братства вошло довольно много членов, священников и мирян, например, весь состав происходившего в то время очередного Губернского земского собрания, ассигновавшего на его нужды 1 тыс. руб.

Для постановки преподавания Закона Божия в карельских школах особенно в первый год обучения, когда дети еще плохо понимали русский язык, отец Николай составил в 1908 г. «Руководство по Закону Божию для школ в местностях с карельским населением», переведенное по его просьбе на карельский язык священником-карелом о. В. Никольским. Братством был издан также карело-русский словарь. При Селецкой второклассной школе, открытой в 1904 г. в Повенецком уезде, православное Карельское братство с разрешения Св. Синода, организовало учитель-

*Епископ Антоний (Вадковский),
будущий митрополит С.-Петербургский*

ско-миссионерский курс для подготовки учителей-катехизаторов и псаломщиков в карельские местности. Курс, программу которого разработал прот. Н. Чуков, предполагал и изучение карельского языка²³.

В феврале 1908 г. прот. Николай был вызван в Петербург в Училищный совет при Св. Синоде для участия в совещании по второклассным школам, а также в Синод для участия в миссионерской комиссии под председательством митрополита Московского Владимира (Богоявленского), где уяснялись нужды Карелии и необходимость отпуска средств для их удовлетворения. На заседании комиссии 19 февраля Чуков сделал доклад по карельскому вопросу.

Дневник 1908 года²⁴

13 февраля. 1908 г. Среда. Во вторник, 12-го, Надежин (прот.) и губернатор были у митрополита. Как рассказывал мне Н.В. Протасьев, он Митрополиту Антонию (Вадковский. – Л.А.-Ч.) в общих чертах разъяснил страдающее положение епархии при Мисаиле (еп. Олонецкий. – Л.А.-Ч.) и, по поводу слов Владыки Антония о о. Киприане, сказал, что у нас такой же молодой и энергичный деятель по этому вопросу есть – я. «А, это такой беленький; знаю, знаю, еще в Академии знал», – владыка тепло отозвался, с похвалами. Ник. Вас. заметил, что это было сказано очень тепло и советовал побывать у митрополита. Надо. Затем Н.В. просил о содействии в отпуске средств на питание учеников подобно земским школам. А в пятницу утром

Синодальный
помощник
Наблюдателя
церковных школ
Российской
Империи
А.М. Ванчаков

решили побывать у Иеромонаха Серафима (в лаврской киновии? – Л.А.-Ч.).

14 февраля. 1908 г. Утром в 10 час. был у Владыки митрополита Антония, который был мой ректор... Прием любезный. Узнал. Завел речь о времени окончания Академии; «при мне только начал». Сколько школ? Много ли ездить приходится? Есть ли шоссевые дороги? Заговорил, что был губернатор у него и просил о средствах на книги и «для заманивания финнов». Я спросил, сказав, что причина этого – разбросанность деревень, что Земство тратит 7 000, а нам дает лишь 500 рублей. «Что же Вы можете на это сделать? Во что же обходится дневное содержание ученика, в 5 к.?.. Так в столовых было в голодное время». Затем я сказал о моей просьбе – по поводу обвинения меня епископом. Он рассмеялся. Я указал на причину – статью. «Не читал». Какие факты?.. Прощались любезно, сказал «помогай Вам Бог».

С 11 до 3-х часов заседание. Вечером с 7 часов мы наблюдатели совещались об упрощении отчета и порешали план таблиц и объяснения к ним. На общем собрании с 8 час. разбирали вопрос об инородческих школах и мой доклад. Я выяснял (*неразборчиво*). Поразил Соколов (имперский наблюдатель церковных школ. – Л.А.-Ч.) разнища в скором обрусении карел и восточных инородцев. Согласились. Заявил я и о преобразовании школ грамоты, но Соколов возразил, что с 8-10 учащимися нельзя увеличивать средств. Я сослался на малонаселенный Повенецкий уезд. После заседания Гурьев (служащий канцелярии Синода. – Л.А.-Ч.) дал мне прочесть письмо Мисаила к Обер-прокурору.

17 февраля. Воскресенье. Служил на подворье литургию с о. Вениамином (ректором семинарии), который говорил проповедь о необходимости помнить последний суд, чтобы избегать греха. Говорил несколько своеобразно, совершенно ровным темпом, не ускоряя, не замедляя, громко, уверенно. К обеду пришел К.И. Казанский (депутат Госдумы, двоюродный брат о. Вениамина. – Л.А.-Ч.). Из разговоров видно, что Вениамин рассчитывает на СПб

викариатство. Условились, что я завтра (в понед.) вечером буду у них, где переговорю с Киприаном относительно вторичного совещания, и заночую.

Проехал к В.М. Скворцову (чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре. – Л.А.-Ч.), но застал его на лестнице, идущим в театр. Сообщил, что совещание на Троицком подворье, в 7 час. вечера во вторник.

18 февраля. Понедельник. В 9 утра был у А.М. Ванчакова (помощник имперского наблюдателя церковных школ. – Л.А.-Ч.). Просил его о средствах на столовые, предупредил, что губернатор уже говорил об этом всем.

Зашел к П.В. Гурьеву, спросил о 2 000 р. по Мятусову (*неразборчиво*). О средствах на столовые единовременно обещал. Высказал мысль, чтобы все дело начального образования было передано духовенству.

19 февраля. Вторник. Вчера вечер провел в семинарии. О. Киприана не было... В разговоре упомянул о Вениамину о содействии при случае в ректуре. В 7 час (вечера. – Л.А.-Ч.) прибыл на Троицкое подворье. Митрополит и синодские чины уже были: Исполатов, Яцкевич, Гурьев и др. Прибыли: Н.В. Протасьев, Тов. Об.-прокурора А.П. Рогович, арх. Макарий Томский, арх. Сергей Финляндский, еп. Евлогий Холмский, В.М. Скворцов и прот. Восторгов. Собрание открыл митрополит Владимир речью о веротерпимости, под которой понимает лишь известную опору ревности по Бозе. Сильно проглядывало ненавистничество к другим религиям. Перешли к нашему вопросу. Ник. Вас. (Протасьев. – Л.А.-Ч.) после Скворцова осветил наиболее важные нужды по просвещению. Я подробно коснулся состояния православия обрядо... (*неразборчиво*) среди карел, несомненности влияния финнов не только на экономическую, но и на духовную сторону карел (влияние на язык), постоянные сношения с финнами и воспитание так детей, как условия, угрожающие православию, пока оно не будет сознательно исповедуемо, а между тем пока 2/3 карельского населения не знает еще начальных молитв и главнейших истин веры. Надо поднять это. А кто? Пастыри не на высоте; трудно привлечь, еще труднее удержать: за 9 лет во всех приходах благочинные перемещают священников, иногда не по одному разу. Внешние условия теперь улучшены (дороги, почта), но необходимо материальное обеспечение, особенно в виду отсутствия доходности. Совещание должно санкционировать и поддержать наше ходатайство. Начались обсуждения. Макарий с чего-то выдвинул другой вопрос – об обучении карел на карельском языке, по образцу алтайцев. Губернатор снова возразил ему. Я выяснил, что, в целях религиозно-воспитательных, у нас можно принять и рассказал, что я сделал по поводу преподавания Закона Божия в первый год обучения. Прот. Восторгов особенно подчеркнул, что надо посылать в край русских священников и учителей, только знающих карельский язык, карелы же – священники и учителя – будут лишь поднимать речь о карельском самоопределении. Скворцов (в виду затянувшихся прений) было сообщил еще о ходатайствах относительно увеличения числа приходов и церквей, о переводах, оставя дальнейшее на синодальные заседания. Т.е. пока поделились взглядами вообще. Скворцов проектирует меня назначить окружным наблюдателем на три епархии.

20 февраля. Среда. Утром долго сидел у меня о. Киприан, много потолковали о делах Братства. Делились впечатлениями по поводу вчерашнего собрания. Я просил понастоять в будущих заседаниях на осуществлении всех наших постановлений.

По предложению Протасьева, в целях взаимного содействия росту русского национального самосознания в крае, Олонецкий совет братства с конца 1909 г. установил контакт с русской фракцией Государственной Думы. В мае 1910 г. прот. Н.К. Чуков участвовал во 2-м чрезвычайном собрании Училищного совета при Синоде, а также посетил председателя фракции националистов П.Н. Балашова, которому рассказал о братстве и его нуждах. Балашов обещал немедленно поговорить с В.Н. Коковцевым, просил писать и держать с ним связь.

17-19 июня 1909 г. состоялось многолюдное общее собрание братства на Валааме. Из Петрозаводска на специальном пароходе прибыло до 300 человек, из Финляндии было много духовенства и школьников из братских карельских школ. На собрании был переработан устав братства (утвержден Синодом 19-29 декабря 1909), с привлечением и архангельской Карелии. На этом собрании о. Николай был избран председателем Олонецкого совета братства. После Валаама деятели братства, о. Н. Чуков, во главе с архиеп. Сергием и Олонецким еп. Никанором, отправились в с. Салмис, а оттуда в Котласельгу, куда о. Киприан с крестным ходом принес присланную с Афона икону прп. Серафима Саровского, и архипастыри совершали литургию в присутствии множества карел. В ноябре 1909 и 1910 гг., в двухлетнюю и трехлетнюю годовщину братства, в с. Видлицы, прот. Николай и о. Киприан устраивали съезды и празднества для народа. Архиеп. Сергей и о. Киприан не раз приезжали в Петрозаводск на собрания местного отделения братства²⁵.

17 декабря 1908 г. в Петрозаводске вместе с епархиальным съездом состоялся миссионерский съезд мирян по карельскому вопросу с участием Н.В. Протасьева и В.М. Скворцова. Поскольку еп. Мисаил был уволен на покой, новый еп. Никанор еще не приехал, а ректор семинарии

архим. Фаддей был назначен еп. Владимиро-Волыньским, съездом, по предложению прибывшего Скворцова, руководил прот. Н.К. Чуков, заранее собравший миссионерскую комиссию по разработке вопросов, которые следовало поднять на съезде. «Скворцов высказывал, что когда он ехал сюда, то очень сомневался, как все устроится без архиерея, без ректора, но, приехав, увидел, что центр сосредоточен во мне, и все осуществилось как нельзя лучше», – читаем в дневнике прот. Николая. Чиновник по особым поручениям при обер-прокуроре убедился, что в Олонецкой епархии можно провести съезд без епископа и ректора, с прот. Н. Чуковым, поскольку он полностью владеет всеми вопросами жизни епархии. В связи с отъездом архим. Фаддея и освобождением должности ректора, активно обсуждался вопрос о назначении на нее прот. Н. Чукова. Скворцов сказал, что лучше бы ему оставаться наблюдателем. Прот. Николай и сам так считал, он писал: *«После ухода Скворцова я сообщил губернатору, что желать ректуры меня вынуждает исключительно несколько лучшее материальное обеспечение»*. «Тогда я сегодня же буду писать преосв. Сергию», – сказал губернатор. Свое же мнение о губернаторе высказал так: *«Конечно, больше чем кто-либо он теряет во мне ближайшего помощника и общественного деятеля, но от души желал бы моего назначения, если только это совпадает и с моим желанием»*²⁶.

13 июня 1910 г., в Выборге, православное Карельское братство проводило торжественное собрание по поводу 200-летия взятия крепости Выборг во время Северной войны 1700–1721 гг., которое привело к воссоединению православных карел с Россией. На торжествах присутствовали архиеп. Финляндский Сергей, епископы Олонецкий Никанор и Архангельский Михей, Финляндский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Ф.А. Зейн, много начальствующих лиц и масса народа. Председатель Олонецкого совета братства прот. Н. Чуков сказал проникновенно глубоким патриотизмом речь, в которой дал краткий отчет его деятельности за два с половиной года. В частности, он сообщил собранию, что, в области просветительной, при большом содействии братства, в Олонецкой губ.

*Петрозаводск. Соборная площадь
и памятник Императору Александру II.
Фото 1910-х гг.*

было открыто уже то количество школ, какое необходимо для достижения всеобщего обучения; для внешкольного просвещения народа. Братство учредило пять так называемых «сумочных» библиотек в разных пунктах Карелии, а земство постепенно покрывает всю губернию сетью больших библиотек по цене 500 руб. каждая, и при каждой из которых еще по три «летучих библиотечки»; широко ведутся народные чтения при школах. Архиеп. Сергей сообщил прот. Николаю, что у него с Зейном есть планы рекомендовать его на пост директора русских учебных заведений Великого Княжества Финляндского²⁷.

Дружными усилиями всего местного духовенства и мирян, под постоянным непосредственным руководством архиеп. Финляндского Сергея (Страгородского), губернского и центрального светского начальства, панфинско-лютеранский натиск был своевременно остановлен, и с 1907 по 1911 г. никто из карел Олононецкой губ. не перешел в лютеранство, в то время как обратные случаи были. Не последнюю роль в этом сыграла деятельность протоиерея Николая.

В юбилейный день 25-летия церковно-приходских школ 13-го июня 1909 года в г. Петрозаводске, в зале Братского Назарьевского дома, был совершен благодарственный молебен председателем Епархиального училищного совета о. ректором семинарии архим. Никодимом, в присутствии членов Епарх. училищного совета, его Петрозаводского уездного отделения, заведующих школами, учащихся и учащихся. Перед началом молебна председатель совета в назидательном слове выяснил значение школьного образования в тесной связи с Церковью и историческую заслугу Императора Александра III, возродившего на Руси церковно-приходскую школу. Молебен закончился многолетиями Царствующему Дому, Святейшему Синоду, преосвященному владыке Никанору, всем начальствующим, учащим и учащимся в церковно-приходских школах и провозглашением вечной памяти Государю Императору Александру III, а также всем скончавшимся ревнителям и деятелям церковно-школьного просвещения, учившим и учившимся в церковных школах.

16 ноября 1909 г. в том же Братском Назарьевском доме для народных чтений (прот. Николай устраивал там ежегодную елку для детей, а с 1906 г. являлся членом комиссии по руководству проведением чтений) состоялось торжественное собрание Олонецкого Епархиального училищного совета по поводу исполнившегося 25-летия церковных школ. На собрании присутствовали преосв. Никанор, начальник губернии т.с. Н.В. Протасьев с супругой, г. Олонецкий вице-губернатор Т.А. Липинский с супругой, председатель губернской земской управы Н.А. Ратьков, председатель Петрозаводской уездной земской управы И.Г. Лазук с супругой, председатель Петрозаводского уездного земского собрания А.К. Боровский, директор народных училищ И.Л. Волкович с супругой, инспектор училищ А.А. Тычинкин, все члены Епархиального училищного совета во главе с председателем, ректором семинарии, архимандритом Никодимом, члены Петрозаводского уездного отделения Совета, представители мужской и женской гимназий, городское духовенство, корпорации

духовно-учебных заведений, члены губернской и уездной земских управ, попечители школ и все, имеющие отношение к учебно-школьному делу, учащие и учащиеся школ и старшие классы воспитанников Духовной семинарии и воспитанниц Епархиального женского училища. Все причастные к церковно-школьному делу были в медалях, Высочайше установленных по случаю 25-летия церковных школ. Центральное место в зале занимал бюст державного возродителя церковных школ – Александра III, украшенный экзотическими растениями. По стенам зала были расположены составленные о. Николаем диаграммы, наглядно рисовавшие рост церковно-школьного дела в епархии за истекшие 25 лет.

Собрание началось пением молитвы «Царю Небесный», после чего епархиальный наблюдатель, прот. Н.К. Чуков прочитал составленный им «Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии, по поводу 25-летия со дня издания «Правил о церковно-приходских школах» – 13 июня 1884 года, в котором сделал отчет о своей многолетней деятельности²⁸.

Губернатор Н.В. Протасьев послал эту записку Государю. Прот. Николай составил текст приветственной телеграммы Государю от этого собрания, на которую Государь ответил телеграммой, в которой особенно подчеркнул свое удовлетворение совместной работой ведомств в вопросе развития школьного дела.

Взаимодействие и взаимопонимание духовного и гражданского ведомств в Олонецкой губернии, положительно отражалось не только на церковно-школьном деле, но на всех аспектах жизни губернии, и во многом заслуга в этом принадлежала прот. Н. Чукову.

В августе 1910 г. Протасьев был назначен губернатором в Самару. 14 декабря 1910 г. новый губернатор Грязев вызвал к себе прот. Н.К. Чукова и рассказал, что был у епископа и обсуждал с ним кандидатуру ректора семинарии в связи с уходом архим. Никодима. Грязев порекомендовал епископу прот. Н. Чукова как наиболее желательную фигуру, поскольку знает его как человека громадной энергии, выдающейся трудоспособности, твердых правых убеждений, горячего националиста. Епископ ответил, что он принципиально желал бы видеть ректора-монаха, что ничего не имеет против, высоко ценит о. Н. Чукова, и от себя представлять никого не будет, но только не знает, кем заменить его на посту наблюдателя. Грязев лично беседовал о прот. Н. Чукове с товарищем обер-прокурора А.П. Роговичем, который предложил Учебному комитету Синода провести этот вопрос, а о прот. Н. Чукове отозвался как о человеке самостоятельном, имеющем свое особое мнение. Прот. Н. Чуков проработал в должности епархиального наблюдателя школ Олонецкой епархии более 15 лет, но общее руководство церковно-школьным делом оставалось за ним и после перехода на должность ректора Олонецкой Духовной семинарии вплоть до 1917 г., когда все церковные школы решением Временного правительства перешли в ведение Министерства народного просвещения.

1 февраля 1911 г. определением Св. Синода прот. Н. Чуков приступил к своим ректорским обязанностям, а 19 февраля с благословения еп. Никанора, и в присутствии

владыки Епархиальный училищный совет, совместно с Петрозаводским уездным отделением, начальник губернии Грязев, учащие и учащиеся церковно-приходских школ, интеллигенция и простой народ, бывшие на проходившем перед тем торжественном собрании Карельского братства в память 19 февраля 1861 г., чествовали Н.К. Чукова по случаю его нового назначения.

Не имея возможности в данной публикации привести все высокие отзывы о 15-летней работе Н.К. Чукова, скажу, что Епархиальный училищный совет назвал ее просветительским подвигом: «...Олонецкая епархия, имея такого выдающегося Епархиального Наблюдателя школ, всегда могла гордиться пред другими и благодарить Бога за данное епархии счастье иметь в лице Вашем епархиального руководителя школ». Наблюдатель церковных школ империи А.М. Ванчаков прислал поздравительное письмо: «Что касается почета, то едва ли новая должность сама по себе прибавит к тому высокому почету и всеобщему уважению во многоразличных слоях общества, каким Вы заслуженно пользовались, благодаря выдающейся по талантности, умению, усердию и плодотворной деятельности Вашей. С этой точки зрения не могу не поскорбеть, что олонецкая церковная школа лишается в Вас такого превосходного непосредственного руководителя. Утешаюсь мыслью, что Вы не оставите ее своим вниманием и теперь, насколько позволят Вам условия новой Вашей деятельности. Но достойное достойному. Радуюсь за Вас и приветствую от всего сердца»²⁹.

Ректура в Олонецкой Духовной семинарии. Издательская деятельность

13 февраля 1911 г., в слове после первой литургии в семинарском храме, освященном в честь Иоанна Богослова, ректор так обратился к воспитанникам:

«От вас же, мои новые дорогие питомцы, я жду вдумчивой, серьезной работы над собой, над своим усовершенствованием нравственным и умственным и честного отношения к тем обязанностям, какие вы приняли на себя, вступив в число воспитанников этой духовной школы. Вы уже достаточно взрослые для того, чтобы более или менее ясно сознавать, что жизнь, к которой вы готовитесь, вообще не шутка, не забава, не удовольствие, что жизнь – это тяжелый труд. Наилучшие пройти жизнь, наилучшие выполнить этот труд – в смысле его плодотворности – может лишь тот, кто в юности наилучшие подготовит себя к нему серьезной работой над своим образованием, над своим нравственным ростом, над уяснением и осмыслением своего мировоззрения и тех высоких идеалов, которые разожгли бы таящуюся в каждой искре Божью в яркий пламень, закалили характер и придали молодой энергии тот пыл, горячность, твердость и напряженность в работе, благодаря которым только и делается с пользой всякое настоящее, действительное дело»³⁰.

Все стороны учебно-воспитательского дела, подбор кадров, хозяйственные нужды семинарии, преподавателей и воспитанников, порядок в семинарии и стройность

Епархиальный училищный совет и Совет Александрo-Невского братства по случаю отъезда председателя о. архимандрита Никодима (сидит третий слева), в центре – епископ Никанор, прот. Николай Чуков – второй справа в первом ряду. 1910 г.

церковного служения, стали предметом заботы нового ректора, тем более, что семинарию прот. Н. Чуков застал в довольно «запущенном» виде, как в свое время церковные школы. Прежняя деятельность Чукова в должности епархиального наблюдателя и прежние знакомства сослужили хорошую службу: в Учебном комитете и Хозяйственном управлении Синода нового ректора Олонецкой семинарии принимали очень внимательно и любезно и представления всегда удовлетворяли.

В семинарии в первых четырех классах преподавались общеобразовательные предметы, а в старших – специально богословские. По положению, как ректор, прот. Николай преподавал Священное Писание Нового Завета (послания апостольские) в VI классе, однако временно, замещая больных либо отсутствующих преподавателей, читал также литургику в V классе, русскую церковную историю в VI, французский язык в I и II классах, еврейский язык и дидактику в V и VI классах.

Ректор регулярно посещал занятия всех наставников, делал записи в ежедневнике и после высказывал свои замечания. Когда в 1913 г. вышел циркуляр Учебного комитета Синода о введении в семинариях классных воспитателей, прот. Н. Чуков, основываясь на положительном опыте в этом смысле двухклассных школ, ввел этот институт в семинарии. Выбранные собранием правления воспитатели еженедельно устраивали воспитательные беседы со своими учениками. По несколько раз в течение года по инициативе ректора в семинарии устраивались доклады и защиты рефератов воспитанников. Во время выступлений рефераты подвергались подробному разбору, что расширяло кругозор и углубляло познания семинаристов. С каждым годом «успешность» учеников на экзаменах повышалась, многие выпускники поступали в Духовные академии: в 1913 г. выпускник В. Некрасов – в Санкт-Петербургскую, а в 1914 г. А. Никонов – в Московскую поступили первыми из числа экзаменовавшихся. Особенно выпускники семинарии благодарили ректора «за церковь».

При семинарии функционировала особая церковно-приходская школа для подготовки воспитанников к учительству в церковных школах. Рисовальный и музыкальный классы были устроены еще предыдущими ректорами, а прот. Николай испросил у губернского земства средства и пополнил оркестр хорошими струнными и духовыми инструментами. Наличие своего оркестра и хора позволяло устраивать показательные концерты, на которые приглашались представители губернской администрации, земства, родственники и знакомые. Хором руководил о. М.В. Громцов, аккомпанировала матушка прот. Н.К. Чукова – Валентина Дмитриевна. На концертах неизменно присутствовал владыка Никанор. Концерты приурочивались обычно к семинарскому празднику – «осеннему Богослову», а также к Бородинской годовщине (1912), к чествованию памяти св. Патриарха Гермогена, а с 1914 г. – к событиям Русско-германской (Первой Мировой) войны.

К весне 1913 г. прот. Николаю удалось добиться выделения средств на капитальный ремонт здания, о необходимости которого он поставил вопрос в первый же день пребывания в новой должности и сам подготовил

смету. Ремонт производился в летние каникулы, и к началу 1913/1914 учебного года здание выглядело по-новому. Была благоустроена также и территория вокруг семинарии.

В 1913 г. был принят закон об увеличении содержания учебному персоналу, в соответствии с которым оклады увеличились почти вдвое. Это подняло дух всех работников духовно-учебных заведений.

Вместе с обязанностями ректора семинарии прот. Николай принял, по определению Св. Синода, и председательство в Епархиальном училищном совете по заведованию церковно-приходскими школами, и в совете Епархиального женского училища. Прот. Николай везде успевал, а свободного времени, по-прежнему не имел.

Помимо повышения успеваемости и воцерковленности воспитанников, задачей прот. Николая являлось повышение культурного уровня и дисциплины учащихся. Он старался передать свое добросовестное отношение к делу и семинаристам, и сотрудникам корпорации. Приведу запись из ежедневника прот. Николая:

«13 февраля 1912 г. В IV этаже во всех спальнях воспитанники Никулин и А. Громов курили, везде накурено, форточки не открыты. Н. Миролюбов V кл. Спит, еще не вставал – «дежурство по спальне». Наставники для первого дня запоздали в класс. Д.П. Ягодкин заявил, что неделю ходить не может. Ладвинский и П. Никольский на уроках о. Иоанна играли в шахматы. Посетил уроки о. Иоанна. Неделя говения. Накурено в коридорах III этажа перед службой, несмотря на приезд губернатора. На лестницах постоянно плевки, и в коридорах, и даже в церкви. Пуговицы обыкновенно не застегнуты и руки в карманах. В церкви ноги отставлены, оборачиваются. Запозывание намеренно в церковь у Аврова и Прилежаева, который к тому же грубо ответил мне, что не слышал звонка в церковь. Чтение у многих не (неразборчиво), торопливое. В субботу 1-й недели за литургией во время подготовки к причащению Фомичев и Чесноков разговаривали. На всенощной стихиры пропускали, догматик спешно и не по обиходу. Выходы из церкви были часты, даже и после предупреждения тоже. При причащении, проходя мимо губернатора, иные совсем не кланялись, а иные кланялись небрежно. Инспектор благодушествует. По сообщению эконома, ученик III класса Юковский сломал замок в гардеробе и побил сторожа. Инспектору сообщили, но никаких последствий. Почему? 14 февраля. Тервинский, V класс. В десятом часу вечера опять на Мариинской шлялся. У многих нет на фуражках значков, тужурки расстегнуты»³¹.

19 июля 1914 г. Россия вступила в Первую Мировую войну. Занятия в семинарии начались на месяц позже обычного – 21 сентября, а окончился учебный год на месяц раньше – 1 мая 1915 г.; 1916/1917 учебный год закончился еще раньше – 26 марта. В остальном семинария продолжала жить своей обычной жизнью, однако воспитанников охватил общий патриотический порыв. Несколько человек ушли добровольцами на войну, их торжественно провожали. Некоторые из них были ранены; иные попали в плен. Устраивались патриотические концерты, организовывались сборы для раненых. В 1917 г. в верхнем этаже здания семинарии был устроен лазарет, для чего пришлось

Ректор Олонецкой Духовной семинарии прот. Николай Чуков и матушка В.Д. Чукова среди преподавателей и воспитанников рисовального класса. 1910-е гг.

уменьшить площадь общежития. Ввиду дороговизны содержания, недостаточности продуктов и стесненности помещения, часть воспитанников получила разрешение заниматься дома, взяв учебники, и приехать только для сдачи экзаменов.

Производивший в 1915 г. ревизию семинарии ревизор Учебного комитета при Св. Синоде действ. ст. сов. П.Ф. Полянский, впоследствии Местоблюститель патриаршего престола Петр, митр. Крутицкий, высоко оценил деятельность ректора:

«Ректор семинарии протоирей Николай Чуков владеет достаточным знанием преподаваемого предмета и ведет дело обдуманно, в строго православном духе, ясно, твердо и энергично. Руководясь в толковании главным образом писаниями древних отцов и учителей церкви, он предлагает свои объяснения так, что привлекает усердие воспитанников к изучению предмета; спрошенные ученики отвечали осмысленно... Религиозное настроение учащихся, как видно из сравнения настоящего с прошлым по отчету предшествовавшей ревизии, значительно улучшилось. Случаи неблагоговения в церкви во время богослужения и во время молитв и уклонения от богослужения, которые раньше являлись очень распространенным пороком, теперь редки. Нынешний ректор, будучи начальником солидным, авторитетным и заботливым, сумел и на воспитанников повлиять благотворно, вселив в них любовь к благолепию церковной службы. В настоящее время церковное пение, еще не так давно оставлявшее желать очень много, славится по городу и привлекает много же-

лающих его слушать. Чтецов прослушивает сам ректор и намечает песенные части богослужения. По предложению ректора, воспитатели взяли на себя труд раз в неделю, в свободный для них час, устраивать беседы с своим классом и вести на них перевод, объяснение и раскрытие глубины содержания богослужебных песнопений, молитв, чтений. Ревизору пришлось прослушать два чтения и убедиться в полной целесообразности их... Наблюдая за воспитанниками во время богослужения, ревизор не встретил ничего вызывающего какого-либо замечания. Семинаристы стоят благоговейно, из церкви не выходят и в важные моменты молятся коленапреклоненно. Хор поет стройно, чтецы исполняют свое дело внятно, осмысленно и неторопливо, – вообще церковная дисциплина поставлена на надлежащую высоту... Образ деятельности ректора прот. Чукова по отношению к воспитанникам определенный: строгость, не исключаяющая впрочем и мягкости в обращении с ними, и участливое отношение к их материальным нуждам»³².

Еще в студенческие годы Н. Чуков начал печатать свои статьи в «Олонецких Губернских Ведомостях», а занимаясь наблюдательской и общественной деятельностью, стал постоянным сотрудником газеты. В 1907 г. о. Николаю было предложено возглавить редакцию, однако вследствие большой занятости, он решил оставаться постоянным сотрудником по обзору газет.

*Дневник 1907 года*³³

2 февраля 1907 г. Былиновский уезжает. Ищут заместителя для постоянного сотрудничества в Губ. Ве-

домостях. Я указал Благовещенскому и Беляеву на П.А. Камкина. Боятся, что красный. Но ведь он же будет лишь помощником, всегда можно будет держать в границах, а человек деятельный, развитый, с живой мыслью и хорошо владеет пером, к тому же не безразлично и вознаграждение, да и временем свободным обладает больше нас всех. Согласились, чтобы я переговорил...

4 февраля 1907 г. В 6 ч. у Былиновского частное совещание по вопросу о редакторстве в Губ. Ведомостях. В.А. Богданов согласился только быть постоянным сотрудником и представлять в две недели раз статьи. Я соглашался бы на то же. Редакторство очень ответственно, стеснительно и неудобно из-за разъездов. Предложил так: Беляев – редактор, выдает телеграммы и уездную корреспонденцию, я – обзор газет, Камкин (если согласится) – местную хронику с освещением... Я особенно настаивал на корректности в отношении Беляева. Вечером пригласил к себе С.В. Беляева. Действительно отказывается от редактуры. По-видимому, согласен с нашим проектом, оговаривая еще составление руководящих статей мною. Хотя высказал, что при моем редакторстве был бы согласен остаться только помощником. Я просил его уяснить дело у губернатора.

5 февраля. 1907 г. П.А. Камкин был у меня, соглашается работать в редакции, но при моем руководительстве газетой. Вопрос выяснится, как говорил Былиновский со слов губернатора, после выборов.

Вмешательство губернатора Грязева в решение вопроса, находившегося в ведении епископа о назначении ректора семинарии было вызвано желанием земства и

Карельского братства, чтобы именно прот. Чуков организовал и возглавил еженедельник «Олонецкая неделя», а для этого требовался оседлый образ жизни, поскольку, трудясь на посту наблюдателя школ, он постоянно находился в разъездах по епархии. О том, как ценили прот. Н.К. Чукова в «верхах», говорит также тот факт, что уже после назначения на должность ректора, председательствующий в Училищном Совете при Св. Синоде прот. П.И. Соколов прислал ему письмо с предложением перейти на высокооплачиваемую должность окружного наблюдателя всех церковных школ Грузинского экзархата.

В январе 1911 г. губернатор Грязев предложил прот. Николаю обдумать вопрос об особом еженедельном издании для народа, с православно-национальным направлением, где бы освещались церковные вопросы, политические события, были сельскохозяйственный отдел и обзор уездной хроники. Эту программу губернатор собирался представить П.А. Столыпину и, заручившись его согласием, испросить у министра финансов В.Н. Коковцова необходимых для этого средств. Прот. Николай обдумал предложение, и представил губернатору докладную записку с проектом будущего издания и сметой к нему.

Дневник 1911 года³⁴

9 февраля 1911 г. Среда. ... Поездкой в Петербург Н.Д. (Грязев. – Л.А.-Ч.) очень доволен; везде принимали не только внимательно, но даже предупредительно, кроме Землеустройства, где отказали в землеустроит. комиссии до будущего года. Тов. Министра финансов обещал на газету 1000 рублей. Столыпин карточки не дал Коковцову:

Делегация Православного Карельского братства, принятая в январе 1912 г. Государем в Александровском дворце. Сидят слева направо: прот. Николай Чуков, епископ Сергей (Страгородский), епископ Никанор, архимандрит Киприан. Стоят: П. Н. Никитин, В. Ф. Хозяинов, И.М. Акимов и карелы: М.А.Реппиев, С.М. Матчинен.

у них обостренные отношения, но сказал, что если М.Ф. не даст на газету денег, то он из министерства отпустит 3 тыс. На днях Н.Д. сообщил, что уже это исправлено и 1000 р. даже переведена. Таким образом, газета будет, и заботы мне прибавляется, срочной и ответственной. Н.Д. говорит, что похвастался Столыпину хорошей постановкой осмотренных им училищ, где нашел достаточно обучающихся девочек: 30, 50, а в одной ц. пр. школе даже 70%. Государю он высказал, ... что деятельность духовенства, хоть в ней и есть дефекты, однако продуктивна и вот факт, – никто в Олон. губ. из карел не перешел в лютеранство, а обратно было... Когда у Столыпина зашла речь о газете, он совершенно одобрил ее, прежде всего спросил, а есть ли человек, который бы повел ее. Н.Д. указал на меня.

В марте вопрос об издании газеты проявился, епископ, по настоянию Н.Д. Грязева дал согласие на то, чтобы прот. Н. Чуков ее редактировал, и с 12 марта стал готовиться первый номер.

3 апреля 1911 г. от имени Православного Карельского братства, под редакцией прот. Н.К. Чукова, вышел первый номер еженедельной газеты «Олонецкая Неделя» тиражом 1,5 тыс. экземпляров. Первый и праздничные номера выходили на 24 страницах, обычные – на 16. Редакция разместилась в здании семинарии. В колонке редактора первого номера еженедельника прот. Н. Чуков писал:

«Родина наша, преимущественно же ее окраины, в настоящее время переживает в своем исторически сложившемся религиозном и национальном укладе серьезный натиск враждебных Православию и русской народности сил.

После дарования религиозной свободы разного рода сектанты, представители инославия и иноверцы, гордо подняв голову, бурной волной обрушились на православный церковный корабль, стремясь поколебать его спокойный доколе ход.

С другой стороны, пользуясь некоторым ослаблением государства от недавно пережитых внешних и внутренних потрясений, входящие в его состав инородцы, культурно и экономически иногда более сильные, чем коренное русское население, ведут сейчас упорную борьбу, чтобы при новом государственном строе занять наиболее выгодное для своих национальностей положение.

Православному русскому человеку, верному заветам родной истории, необходимо напрячь все свои силы, чтобы отстоять свою самобытность, сохранить в неприкосновенности наследие отцов и, с достоинством выдержав этот, конечно, временный натиск, снова спокойно и мощно идти вперед по пути своего внутреннего и внешнего укрепления и развития.

Для успеха этой борьбы за торжество исконных православно-русских начал необходимо, чтобы наша православная русская точка зрения на все явления религиозной и общественной жизни родины всегда высоко и ясно стояла перед глазами каждого из нас.

Наша газета основной своей задачей и ставит посильное освещение всех важнейших событий русской жизни с этой православной и национально-русской точки зрения.

Вместе с тем, наш родной север, переживая с другими окраинами России ту же опасность в религиозно-национальном отношении, испытывает настоящую и давно назревшую нужду в культурно-экономическом подъеме и развитии.

Содействие этой насущной потребности родного края, освещение различных нужд населения губернии и условий их удовлетворения – является также одной из главнейших задач «Олонецкой Недели».

Одушевленные искренним и горячим желанием принести посильную пользу православно-русскому делу и родному краю, мы приступаем к изданию местного печатного органа с твердой верой – найти сочувствие и нравственную поддержку этому делу во всех тех, кому вообще дорого наше православие и кровно близки интересы, величие и мощь Родной земли»³⁵.

В июльском номере газеты редактор писал: «...Если обратить внимание на резкое усиление рабочего движения, выражающегося в повсеместных забастовках на заводах и фабриках, если привести к одному знаменателю все экспроприации и убийства этого

месяца, то станет совершенно ясно, что, пожалуй, не успеешь оглянуться, как окунешься в водоворот событий, сходных с памятным 1905 годом...

Несомненную целью всех этих выступлений является устройство революции. Признаком этого служит и забастовочное студенческое движение нынешнего года. Конечно, по-прежнему анархисты употребят все силы к тому, чтобы вовлечь в революционное движение и темные народные массы, распропагандировав их по части всяких «свобод»...

Нет сомнения, что правящая власть, наученная недавним печальным опытом, будет стоять на страже и вовремя энергично наложит твердую руку на все вылазки темного подполья.

Сейчас мы имеем уже доказательство этой твердой власти – в распоряжении министра народного просвещения об исключении 1270 бастовавших слушательниц женского медицинского института, очевидно рассчитывавших встретить слабость власти и отступление перед такую меру; – видим эту твердую власть и в отклонении ходатайства совета С.-Петербургского университета о пересмотре дел студентов, уволенных

Протоиерей Николай Чуков – председатель Олонецкого совета Карельского Православного братства. 1911 г.

Открытка Общества изучения Олонецкой губернии.
Петрозаводск, Мариинская улица.
Крестом отмечен дом, где жил Г.Р. Державин.

из университета, как будто мера к сохранению порядка и поддержанию правильного течения учебных занятий заключается в скорейшем дозволении сходов и возвращении в университет лиц, производивших забастовки и беспорядки...

Власть твердо охраняет порядок. Но нужно, чтобы и само общество зорко стояло на страже, строго критически относясь ко всяким рода "освободительным" внушениям, и серьезно и деятельно – каждый в отведенной ему сфере – заботясь о правильном ходе и развитии жизни государства. Между тем, мы видим печальную игру просвещенных мужей науки в жмурки со властью, видим, что и народные учителя, воспитатели будущей России, от тех же мужей науки, с университетских курсов выносят лишь стремление борьбы с "рутиной", к борьбе "за свободу", и с этими "стремлениями" идут в деревню, в народ...

История создается, и прогресс совершается не революцией, а эволюцией, – не анархическими переворотами, а постепенной, серьезной, упорной, но спокойной работой во всех областях жизни культурной, экономической и политической.

Пора перестать видеть грезы, похожие на сумбурные сны. Пора перестать лакейски преклоняться, слепо верить каждому слову, и идти по указам тех, кто хвастает все победить, и кто сам никак не смеет выйти из подполья и показать свету свое "благородное, великодушное, всепобедительное лицо"»³⁶...

Вскоре эти господа-товарищи покажут свое «благородное» лицо в полной мере, а пока они делают отдельные вылазки, чтобы пострелять в губернаторов, премьер-министра, Государя ...

Так получилось, что поддержка газеты стала одним из последних начинаний П.А. Столыпина. В сентябрьском номере на смерть председателя Совета министров прот. Н. Чуков писал: «О безвременно погибшем П.А. Столыпине поистине можно сказать словами поэта: "Не много было бы у него врагов, когда бы не твои, Россия". Вот для них-то, врагов России, и были страшны выдающиеся талант покойного, его большой государственный опыт, могучая энергия, твердая власть и умение бороться с

врагами России и порядка. Дела его пойдут вслед за ним свидетельствовать пред Высшею Правдою об его трудах, самоотверженной любви и преданности православному Царю и православной России. ...Оскорбление, нанесенное Русскому народу 1 сентября предательским убийством одного из лучших его представителей, вызвало среди русского общества не только бурю негодования и возмущения, – печальная весть о киевском злодеянии привела в уныние всех, кому дороги слава и благо России. Все мыслящие и любящие свою родину русские люди с тревогой задавали себе вопрос: что же будет дальше?»³⁷.

Редакция газеты помещалась в здании Олонецкой Духовной семинарии. Издание прекратилось в 1917 г. Помимо «Олонецких губернских ведомостей» и «Олонецкой недели», о. Николай постоянно сотрудничал в начавших выходить с 1898 г. «Олонецких Епархиальных Ведомостях», а 11 апреля 1917 г. Св. Синод назначил его редактором неофициальной части газеты (до 1 июня 1918 г., когда газета прекратила свое издание). На страницах этих газет опубликовано множество статей, отчетов, корреспонденций, слов, сказанных о. Николаем по разным случаям.

В январе 1912 г. Государь в Александровском дворце принял делегацию Карельского братства. Прот. Николай был специально представлен Государю: «Мне пришлось беседовать с Государем и о школах, и даже как участнику земских собраний о проведении железной дороги на Петрозаводск»³⁸, – писал он в воспоминаниях, а также поскольку за подвижническую деятельность во благо Отечества ставился вопрос о пожаловании ему дворянства сделал запись в дневнике:

Дневник 1912 года³⁹

27 января 1912 г. Пятница. С 11-часовым поездом выехали все вместе в Царское Село в 1-м классе. Там встретили придворные лакеи и провели в кареты: епископов в одну, меня, Киприана и Никитина в другую, Хозяинова, И.М. Акимова, М. Андр. Реппиева, и С.М. Матчинена в третью. Настроение у меня было серьезное, благоговейное; Никитин болтовней и балагурением нарушал. Прибыли в Александровский дворец. ... Там расставили нас в порядок, слева направо, против дверей, откуда должен был выйти Государь. Знак держал Владыка Сергей, издания были разложены на биллиарде. Тут же и мой очерк. Ожидали минут пятнадцать. Кабинет большой, тут же верх и лестница туда. С нами находился и проводил прием флигель-адъютант граф Нирод. Наконец, вышел Государь. Вид несколько пасмурный и волнующийся. Мы отдали глубокий поклон. Он поздоровался с пр. Сергием, который сказал несколько слов и поднес знак. Затем Государь подошел к Пр. Никанору, поздоровался, и тот произнес приветственную речь и благодарности, о постройке новых церквей при содействии Государя и закончил благожеланиями. Государь поздоровался с Киприаном, Сергей откомендовал как Син. Миссионера и председателя главного Совета. Государь осведомился о соединении этих двух обязанностей, о знании карельского языка, давно ли существует Братство, сколько карел в Финляндии, сколько у нас (тут

как и дальше, постоянно вмешивался пр. Никанор со сведениями, которые я ему сообщил). Государь подошел ко мне, поздоровались, поцеловали друг другу руки. Преосв. Сергей отрекомендовал меня как ректора и председателя Совета Братства. «Тоже соединяете? Давно?». «Три года, а ректором – год, раньше был наблюдателем». Государь осведомился о числе карельских приходо́в (58), о числе школ для карел (их 150), а вообще 774 (очевидно, школ всех типов и ведомств Олон. губ. – Л.А.-Ч.). Преосв. Сергей (Страгородский) вставил, что я и в Земском Собрании участвую. «Тоже соединяете?». «Да, 11 лет представлятьствую». Тут зашла речь о путях сообщения, государь сказал, что скоро уже жел. дорога до Петрозаводска пройдет. «Да, говорю, на Ваше воззрение представляется на этих днях»... Затем Государь подходил по очереди ко всем, осведомлялся. Спрашивал, был ли наш губернатор в Ол. губ., в Видлицах. Хозяинов пригласил его в Финляндию. Мужички высказали ему нужду и притеснения от таможенных, благодарили за школы. «Теперь лечение от св. русской веры есть», – сказал Матчинен... Государь спросил о внуках, тот рассказал, непринужденно, рука в подтяжке, ногу отставив, что у него «3 сына женаты, один холост, пять штук внучек». Государь рассмеялся. Обещал исправить проект о таможенных. Затем преосв. Сергей показал издания. Когда дошла речь до отчетов, я обратил внимание на «очерк» наш, объяснив, что в нем скомбинировано все по Карелии и о Братстве. «Это хорошо, удобнее вместе, я просмотрю», – сказал Государь. Акимов и другие стали просить показать им Наследника. Государь простился и ушел. Нервный, подвижный, говорит довольно скоро, баритоном, около глаз много морщинок, цвет смуглый. Сначала был пасмурный, а потом очень благодущный и веселый. Несколько времени спустя пришел Наследник и один (как оказалось, со слов гр. Нироде, первый раз без провожатых). Стал и очень смутился. Акимов, наконец, подошел, поговорил, попросил поцеловать руку. Так и все. И ушли, а он убежал. По выходе зашли во временную церковь и пропели «Спаси, Господи ...». Затем проехали в Большой Дворец, там завтракали и 2 ч. 7 мин. выехали

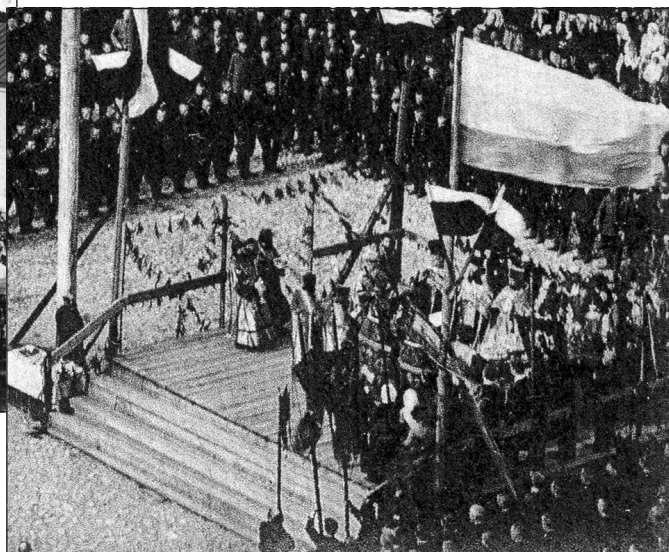
с поездом. Все снялись у Шарт. Невск., 78. Да, когда я говорил об участии в Губ. Земстве, Государь сказал: «У вас Земство идет в согласии с вами, это хорошо»...

В Петербурге в ту поездку делегация вручила также знак братства обер-прокурору Синода В.К. Саблеру. Протасьев был награжден знаком братства в 1908 г., а прот. Николай золотым знаком братства I-й степени – в 1910 г.

В 1911 г. в 34 благочиннических округах Олонецкой епархии находилось 315 приходских церквей; из них 58 карельских приходо́в: в Петрозаводском уезде 16, в Олонецком – 20, в Повенецком – 22. В 1913 г. Петрозаводск уже был связан с остальной Россией железной дорогой, и на плотине построили электрическую станцию, а до того и город, и семинария освещались керосиновыми лампами.

В Петербург и Москву о. Николай ездил часто – за инструкциями в Учебный комитет Синода, добывать деньги на школы и семинарию, на выставки и т.д. В Петербурге он обычно останавливался в семинарском общежитии, на Александро-Свирском или Лаврском подворье, у земляка, Преосв. Вениамина (Казанского), теплые отношения с которым начались в 1890-е гг. в Петрозаводске во время учебы в Олонецкой Духовной семинарии и продолжались в Петербургской Духовной академии. Таким образом, у двух митрополитов родом из Олонии, возглавивших в разное время великую северную кафедру, были две общие Alma mater. С 1911 г. они трудились будучи ректорами духовных заведений, и соответственно должности, председателями Епархиальных училищных советов, на одном поприще – подготовке будущих пастырей⁴⁰.

Летом 1912 г. под руководством прот. Николая отряд петрозаводских «потешных» в составе 46 учеников церковно-приходских школ (20 учеников отряда составляли музыкантскую команду), двух инструкторов и учителя, принимал участие в Высочайшем смотре потешных войск в Петербурге на Марсовом поле. В числе «потешных» был и 10-летний сын о. Николая Александр, а старший сын, Николай, участвовал в качестве помощника инструктора. «Показал своим Казанский Собор, Исаакиевский, Собор

Петрозаводск. 1914 год. Молебствие перед отправкой ратников на фронт. Открытка Общества изучения Олонецкой губернии. Фрагмент: духовенство и ратники

на крови, Зимний Дворец, домик Петра, памятник Петру, Синод, Александро-Невскую Лавру, показал собор, раку, объяснил, даже ставили свечи. Видели могилу Суворова, спели “со святыми упокой”. Объяснил. Водил на кладбище и показал могилу Крылова, Ломоносова, Жуковского, Достоевского, Глинки. На обратном пути встретили преосв. Вениамина, и все дети подходили под благословение и пропели “ис-полла”», – писал прот. Николай в июле 1912 г. Первый смотр «потешных войск» состоялся в 1911 г. Об этом замечательном начинании в области воспитания юношей в России начала прошлого века неоднократно рассказывалось на страницах «Олонецкой недели»⁴¹.

«Четверг, 28 июля 1911 года был большой день в русской жизни. Можно смело сказать: заметный день в русской истории, как говорит “Свет”.

В этот день впервые у нас состоялся парад полудетской потешной армии в присутствии Государя Императора, на том самом Марсовом поле, где славная русская армия из потешных Великого Петра выросшая во всю меру гигантского роста Великой России, привыкла показывать своему Державному Вождю, на Высочайших смотрах и парадах, успехи своего военного воспитания, своей подготовки к доблестной службе Царю и Родине. И этот смотр, парад – не просто только эффектное, красивое, грандиозное зрелище.

Из товарищей детских «потех» царя-орленка выросли преображенцы, семеновцы, измайловцы Царя Орла, и тогда плохая потеха получилась для тех могучих, воинственных врагов России, которых бывшие потешные серьезно и жестоко били под Нарвой, Лесным, Полтавой

при Петре Первом, на полях битвы Семилетней войны при Елисавете Петровне, на полях битвы всей Европы при Екатерине Великой, Павле I, Александре и т.д. А ведь противников-то бывших “потешных” вели к победам, но приводили к неудачам такие, казалось бы, бесспорно великие полководцы, как Карл XII шведский, Фридрих II прусский, Наполеон. Из детской “потехи” выросло великое политическое дело.

Царский парад 28 июля посвящает наши юные потешные полки в чин большого государственного и общественного дела. О нем как о деле громко свидетельствует та бьющая в глаза серьезность, то увлечение, какими проникнуты все участники потешных дружин от мала до велика.

Дело делают взрослые организаторы дружин – офицеры, учителя, сельские батюшки; дело делают, а не шутки шутят, не в солдатки играют и дети, входящие в состав дружин. В их глазах сияет такой восторженный огонь духа, пред которым призадумается любой недруг России и русского народа, если он вдумчив и свободной совестью своей не продал своей вражде.

И должно заметить, дело большое не только в смысле военной подготовки, хотя и эта сторона его благотворно отзовется позже, когда нынешние потешные станут в ряды настоящих полков, под славные боевые знамена. Они будут в этих рядах не новобранцами “от сохи”, а младшими товарищами, обученными строю, проникнутыми духом службы, дела и долга.

Еще важнее, чем в рядах военных, скажется военное воспитание в мирной гражданской жизни. У нас в России

Учащиеся второго класса Олонецкой Духовной семинарии с отъезжающими на фронт добровольцами. Октябрь 1914 г.

гражданская жизнь чувствительнее, нежели у немцев или англичан, страдает недостатком строя, слабым развитием сознания долга и дисциплины. И этот недостаток отнюдь не является коренным недостатком русской природы. Он плод нехватки стройного воспитания. Стройным воспитанием он и выполнится. Скорее, чем ожидают пессимисты!

Публицист “Нового Времени” М.О. Меньшиков расспрашивал наиболее известных инструкторов потешных дружин г. Луцкевича, полковника Назимова, поручика Малкочи и др. о бытовой стороне движения, о влиянии его на нравственность детей. “Все без исключения инструкторы в один голос утверждают, что влияние военного строя и гимнастики в высшей степени благотворное. Строй маленьких тел выравнивает и молодые души, выпрямляет их. Сутуловатые, косолапые, неуклюжие мальчишки очень быстро превращаются в умеющих держать себя, прямо стоящих и бодро глядящих мальчиков. Является элементарное искусство ходить, как следует, дышать, как следует, владеть корпусом и конечностями. Но что чудеснее, является элементарное искусство смотреть на мир Божий с несколько более благородной точки зрения, чем у уличных мальчишек. Вчерашние хулиганы, сегодня перестраивают каким-то образом дурную страсть свою к проделкам в героическое одушевление. Упорно не подчиняющиеся никакой власти – ни родительской, ни дворницкой, ни полицейской, – уличные мальчуганы добровольно покоряются строевой дисциплине, и между ними довольно часто попадаются властные характеры, добывающиеся командования над товарищами. Потешная дружина совершает переворот в мирозерцании народной молодежи. То, что в ее одичалой жизни считалось хорошим, здесь объявляется дурным. Для многих впервые слышатся великие, забытые заветы предков, впервые звучат свойственные арийской расе, но растерянные понятия о долге, чести, самоотвержении, любви к родине и верности Престолу. Впервые раскрывается понятие о национальной славе, об историческом величии России, о господстве русского племени в черте своей державы. Впервые маленькие полудикари знакомятся с именами богатырей, героев и полководцев, с великими походами и победами, создавшими империю. Маленький потешный не только проходит солдатскую науку с одушевлением детей, обучающихся играючи, но вместе с превосходным солдатом в нем видимо растет и превосходный гражданин”.

Да, “парад потешных” 28 июля 1911 года – не просто зрелище, но дело, большое и богатое последствиями»⁴².

В 1914 г. «потешные войска», воспитывавшие маленьких сынов Отечества, в организации которых в Олонии прот. Н. Чуков принимал непосредственное участие, прекратили свое существование, поскольку многие из этих мальчиков пошли на фронты Первой мировой войны, перешедшей в Гражданскую.

Протоиерей Николай Кириллович Чуков. 1914 г.

В феврале 1913 г. прот. Н. Чуков участвовал в праздновании 300-летнего юбилея Дома Романовых и приносил поздравления Государю с семьей от Олонецкого Совета Карельского братства. Государь Император Николай Александрович способствовал прославлению сонма святых, в земле Российской просиявших, начиная со св. Феодосия Черниговского, Серафима Саровского чудотворца, заканчивая Патриархом Ермогеном и Иоанном Тобольским в 1916-м военном году. В июне 1912 г. в пределах Олонецкой епархии Карельское Братство устроило грандиозный семидневный 168-верстный крестный ход с иконой святителя Иоасафа Белгородского, прославленного в 1911 г. Прот. Н.К. Чуков в «Олонецкой неделе» в течение всего года помещал публикации,

посвященные светлomu образу святителя, его подвигам и самому процессу его прославления. Правящий архиерей и викарий не смогли возглавить крестный ход, поэтому из Северной столицы был командирован еп. Гдовский Вениамин. Все тяготы пути, все богослужения в селах по маршруту следования богомольцев, разделил с Владыкой ректор семинарии прот. Н. Чуков. Он и еп. Вениамин подписали от имени беспримерного религиозного шествия сотен и тысяч верующих приветственную телеграмму Государю⁴³.

9 июня 1916 г. состоялось давно ожидавшееся торжество прославления святителя Тобольского Иоанна (Максимовича), которое возглавил митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) с сонмом иерархов и духовенства, несмотря на трудности военного времени, съехавшихся из разных мест. Прот. Н.К. Чуков сопровождал на торжества викария Олонецкой епархии еп. Каргопольского Варсонофия (Вихвелина). Из Петрозаводска о. Николай отбыл 23 мая в Петроград, и далее со 2 по 17 июня совершал поездку в Тобольск. В ходе поездки он встречался с Полянским, Скворцовым, Восторговым, с Н.А. Прилежаевой (сестра еп. Варнавы) и, конечно, с еп. Тобольским Варнавой (Накропиным), с которым находился в давнишних отношениях и переписке, а также

Икона «Раненого
Николая»
из киота
над Никольскими
воротами
Московского Кремля.
1918 г.

с Преосв. Вениамином (Казанским). В Тобольске прот. Николай посетил семинарию, и убедился в том, что у него «хозяйство» не хуже⁴⁴.

7 ноября 1916 г. архиеп. Финляндский Сергей и еп. Гдовский Вениамин прибыли в Петрозаводск для отпевания и погребения скончавшегося еп. Никанора (Надежина). В архиерейской церкви у гроба владыки собралась вся семинария. Прот. Николай произнес речь памяти почившего архиерея, отметив его всегда внимательное, отеческое отношение к нуждам семинарии. Владыка Вениамин посетил родную Олонецкую семинарию и с удовлетворением отметил, что стараниями ректора здание капитально отремонтировано, и духовно-учебный воспитательный процесс поставлен хорошо.

В 1914–1917 гг. ректор регулярно бывал в Петрограде, так как условия войны требовали разрешения целого ряда вопросов, связанных с дороговизной содержания воспитанников семинарии, сокращением учебного года и др. В 1917 г. он дважды сопровождал старшего сына Николая, поступавшего в Петроградский университет⁴⁵.

За труды в области народного образования о. Николай был удостоен камилавки и наперсного креста от Святейшего Синода; награжден орденом Анны III степени, орденом Св. Владимира IV степени и палицей.

Катастрофа.

«... время началось особое, беспокойное...»

События революций 1917 г. и последовавшей вскоре Гражданской войны прот. Н. Чуков назвал катастрофой. Он говорил в проповеди в 1920 г.:

«Да, жив был дух святой веры в душе русского народа и жила Святая Русь. Но вот какой-то туман спустился над нашей землей; люди так называемые “передовые”, “глаголящая быти мудры” потеряли, вернее, погасили свет Божий в душах своих, сошли с пути истины и, забыв о небе, забыв о Христе и понадеявшись лишь на свои собственные силы, решили без помощи небес устроиться со своим благополучием.»

Зло сильно при нашей безпечности. И вот этот дух растления постепенно проник в массы нашего до того верующего народа, и начался распад души народной, стало гаснуть в ней живое нравственное чувство. И мы видим, к каким ужасам привела эта утрата веры в душе. Мы видим, как храмы, где возносилась молитва веры, те святые изображения, перед которыми в течение столетий благоговела Святая Русь, подверглись осмеянию, поруганию, забвению... Мы видим, как вместо кротости и любви пронесся над нашей землей дух злобы и ненависти и привел к междоусобию и братоубийству... И что еще суждено испытать нашему народу – известно одному Тому, кто держит в своей деснице судьбы всех народов! По опыту жизни мы знаем, что тот, кто в припадке духовного безумия “рече в сердце своем «нет Бога»”, тот обрек свою жизнь на постепенное вымирание. А если этот распад коснется души целого народа, то какое же омертвление и запустение жизни грозит тогда этому народу!»⁴⁶.

Настали дни, «окаянные дни», и в результате осталась «взихренная Русь», говоря словами В. Шульгина, И. Бунина и А. Ремизова. Многих не стало, некоторые покинули Россию или ожесточились.

В записных книжках о. Николая имеются выписки цитат из А.М. Ремизова, поэтому здесь может быть уместно процитировать: *«Получено известие из Москвы, будто во время переворота сожжен Василий Блаженный... если остались одни развалины, они будут святей неразрушенного. Нет, только бы хоть что-нибудь осталось!» «Приходил П.: он очень смущен, оторопленный: – Не бежать ли нам? – Да нам-то чего? Вот так все и разбегутся»... «В Москве у Никольских ворот по случаю 1-го мая образ Николая завесили красной материей с надписью: «Да здравствует интернационал!» И вот, без всякой естественной причины, в несколько минут завеса истлела, и стал виден образ: от лика исходило сияние»⁴⁷.*

Несмотря на раскол общества и гонения на Русскую Православную Церковь после революции, прот. Н.К. Чуков с семьей остался в России. Он не ожесточился, – он продолжал служить Отечеству. Это подтвердила вся его жизнь, деятельность на благо церкви, отношение к людям. Это видно и из его дневниковых записей. Русского патриота Чукова трудно представить себе эмигрантом в какое бы то ни было трудное время.

Известия о февральской революции и отречении от престола Николая II пришли в Петрозаводск только 4 марта. С поздним вечерним поездом приехали из Петрограда матросы, обезоружили полицию, объявили о свержении царизма, устроили в театре митинг, на котором был избран временный совет для управления. В Петрозаводске не было пролетариата в собственном и строгом смысле слова: подавляющее число рабочих Александровского сталелитейного завода составляли мещане, почти все они имели свои домики, огороды и т.п. Настроения революционного здесь особенно не чувствовалось. Наоборот, в первые дни ощущалась скорее растерянность. Даже и потом, после Октябрьской революции, шло по-старому, и только 5 января 1918 г. вся власть перешла к Совету рабочих и красноармейских депутатов. Семинария все это переходное время переживала спокойно, только с

постепенным революционизированием, семинаристы организовали выборный комитет из своей среды, представители которого должны были принимать участие в работе педагогического собрания Правления по делам, касающимся воспитанников.

Летом 1917 г. в Петрозаводске был созван крестьянский съезд, представители которого без всякого предупреждения явились в семинарию и потребовали нужный для них столовый и кухонный инвентарь. Пришлось дать. Осенью 1917 г. правление Мурманской железной дороги потребовало уступить часть семинарского помещения для некоторых членов съезда железнодорожников и зал для общих собраний, что также пришлось исполнить. В 1918 г. реквизировали одну из пишущих машинок, потом лошадь, а затем и здания, назначив особого «комиссара зданий» В.И. Заозерского и разрешив воспитанникам семинарии закончить учебный год. Обучение продолжалось, средства на содержание семинарии по-прежнему поступали из Государственного казначейства, но по ордерам, подписанным губернским комиссаром⁴⁸.

Это сравнительно спокойное течение жизни семинарии неожиданно нарушил арест ректора (как «главаря движения против Советской власти») в ночь на 10 апреля 1918 г. Всего было арестовано 5 человек. Помимо Н.К. Чукова, это были преподаватель русской словесности семинарии А.С. Рубинов, преподаватель учительской семинарии В.И. Крылов, преподаватели гимназии В.А. Богданов и Ф.Ф. Чудинов⁴⁹.

После проведенного в срочном порядке «следствия», через 3 дня, всех арестованных, кроме Богданова, освободили («в виду понесенного наказания»), однако до 17 апреля они пребывали под домашним арестом. Постановлением исполкома все арестованные были уволены от занимаемых должностей. Пользуясь советом председателя Ревтрибунала, совсем незнакомого человека, но, очевидно, беспристрастно посмотревшего на дело, 30 апреля (ст. ст.) прот. Н. Чуков уехал в Петроград для доклада Учебному комитету о положении семинарии и вернулся в Петрозаводск только через 18 дней. По возвращении ректора, в семинарии были проведены репетиции и два последних педагогических собрания (3 и 5 июня ст. ст.). 20 мая (ст. ст.) прот. Николай отслужил последнюю литургию в семинарской церкви, и перед благодарственным молебном сказал прощальную речь:

«Заканчивая учебный год, мы, очевидно, присутствуем при последних днях существования Семинарии, при ее фактическом закрытии, и потому естественно помянуть ее добрым словом.»

Семинария наша просуществовала 89 лет; за это время она сделала 67 выпусков. Из своих стен она выпустила тысячи питомцев на самые разнообразные поприща жизни. Она дала целый сонм пастырей от самых скромных уголков нашей Олонии до высокого поста Петроградского митрополита, с честью и достоинством несущих свое пастырское служение. Она дала целый ряд тружеников-педагогов от самых скромных работников сельской школы нашей темной Олонии до высокого звания профессора Духовной Академии (И.Е. Троицкий), перед которым преклонялись даже такие светила церковной

науки, как знаменитый В.В. Болотов. Мы видим и сейчас питомцев нашей Семинарии как первых студентов Академии, надежду Церкви и науки в будущем. Мы видели и видим их в рядах общественных деятелей от положения самого скромного до сенатора (П.С. Даманский), членов Государственного Совета (прот. А.П. Надеждин) и Государственной Думы (К.И. Казанский)...

Оглядываясь на пройденный путь, наша Семинария может спокойно смотреть в глаза обществу в сознании, что она честно и свято исполнила свой долг. Оставляя Семинарию, вы, дорогие питомцы, примите последний завет и наставление воспитавшей вас школы: храните в душе то доброе семя, которое посеяла в вас школа – свет веры Христовой и огонь любви евангельской; берегите его, ухаживайте за этим семенем и выращивайте его в доброе и многоплодное дерево. Верные заветам Семинарии и ее Небесного покровителя св. ап. Иоанна Богослова, будьте насадителями в обществе истинного света, чистой правды и христианской любви – деятельной, одушевленной, нелицемерной. Руководитесь всегда этим в своей жизни и деятельности, и вы исполните завет Христов и будете во истину его ученики, к чему вас и готовила Семинария...»⁵⁰.

С началом революционных событий, прот. Николай опубликовал в «Олонецких Епархиальных Ведомостях» целый ряд статей, помогающих духовенству и верующим разобраться в наступивших грозных событиях. Это «Демократизация церковной школы», «Политические партии и христианская церковь», «Политические партии и школа», «К вопросу о содержании духовенства», «Вопрос о духовной школе на предстоящем епархиальном собрании»⁵¹ и др.

Затем о. Николай уехал в Александро-Свирский монастырь на праздник Св. Троицы, где по традиции ежегодно собиралась вся епархия, говорил там проповедь и вернулся в Петрозаводск к началу XXV епархиального съезда духовенства и мирян, как оказалось, последнего «чрезвычайного», делегатом на который его избрало правление семинарии. На съезде обсуждался составленный прот. Николаем и одобренный правлением семинарии доклад о будущем духовной школы (семинарии) в смысле сохранения ее в реформированном виде как корректив к

Смоленское кладбище. Похороны юнкеров, погибших в Петрограде 26–27 октября/9–10 ноября 1917 г.

советской безрелигиозной школе, а также представлялась смета на содержание в 135 тыс. руб. в год. Об этом же прот. Николай писал 24 (11) мая и председателю Учебного комитета при Св. Синоде прот. К.М. Аггееву. Основанием для таких ожиданий стало опубликованное в газетах сообщение, будто бы секретарь Ленина – Бонч-Бруевич, обещал представлявшейся ему делегации от происшедшего тогда Всероссийского Поместного Церковного Собора, что декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви будет пересмотрен и смягчен при участии комиссии из членов Собора.

Съезд проходил с 28 июня по 5 июля в Петропавловском соборе Петрозаводска и закончил свою работу быстро – спешили, чтобы власти не закрыли, особенно 5 июля, когда город был объявлен на военном положении вследствие приближения с севера по Мурманской железной дороге англичан. Подавляющим числом голосов прот. Николая избрали товарищем председателя. Он упорно отказывался, ссылаясь на то, что недавнее тюремное сиденье могло наложить известный штамп и на самый съезд, но в итоге согласился. Он взял на себя руководство съездом, поскольку отсутствовал еп. Иоанникий (Дьячков), по причине болезни задержавшийся в Свирском монастыре. Миряне выбраны были все церковные, и на съезде шли даже впереди духовенства в отстаивании духовной школы и в ассигнованиях на церковные нужды. Несмотря на сравнительно короткий срок занятий, съезд вынес решения по всем обсуждавшимся вопросам, в частности, о сохранении Олонецкой епархии, поскольку из экономических соображений шла речь о присоединении ее к Петроградской. Съезд избрал в члены Епархиального Совета (вместо прежней консистории) прот. Н. Чукова, прот. Красова, прот. Звероловлева и мирян Н.П. Громова и М.П. Смирнова. На съезде Чуков выступил также с докладом «Проект организации Богословско-пастырской школы». Бывший ректор Духовной семинарии готовился к существованию Церкви и церковной школы в новых условиях.

«Не успел, как говорится, окончиться съезд, как на меня посыпались напасти. 23 июня/6 июля в 10 часов у меня был обыск оружия, литературы и продуктов. Ничего, конечно, не нашли. Взяли какие-то три брошюры. Ночью 24 июня/7 июля меня арестовали и заключили в тюрьму с 10 другими. Только на 5-е сутки нас освободили, объявив, что за “недоброжелательное отношение к Советской власти” мы в 24 часа выслаем из пределов Олонецкой губернии “в местожительство по нашему усмотрению”»⁵².

30 июня/13 июля 1918 г. прот. Н. Чуков выехал из Петрозаводска во Введенский монастырь Петроградской епархии, располагавшийся на границе с Олонецкой губ., где пробыл 2 месяца, выезжая периодически в Петроград, а с 1 по 4 сентября – в Москву на Собор. В это время в Петрозаводске были арестованы сыновья – Николай и Борис.

Первая сессия долгожданного Поместного Собора, которая открылась в Москве 15 августа 1917 г., проходила среди бурных и грозных событий – через 2-3 дня после большевистского переворота вся Москва была охвачена гражданской войной. Собор прервал нормальное течение своей работы. Положение в городе было столь грозным,

что долго дебатировавшийся вопрос о выборе Патриарха потребовал немедленного разрешения. Избрание Патриарха состоялось 5 ноября, а на 13 ноября было назначено погребение жертв «октябрьских» дней. Владыка Евлогий (Георгиевский) писал:

«Большевики хоронили “своих” без отпевания, в красных гробах, на Красной площади. А родители павших защитников Временного правительства обратились к Собору с просьбой об отпевании и погребении их сыновей. Накануне Патриарх сказал, что в храме Вознесения будут отпевать юнкеров: “Вы бы съездили”. Помню тяжелую картину отпевания. Рядами стоят открытые гробы. А в гробах покоятся, словно срезанные цветы, молодые, красивые, только что расцветающие жизни: юнкера, студенты... У дорогих останков толпятся матери, сестры, невесты... Много венков, много цветов... Невиданная, трагическая картина. Я был потрясен... В надгробном слове я указал на злую иронию судьбы: молодежь, которая домогалась политической свободы, ... первая пала жертвой осуществившейся мечты»⁵³.

Третья, последняя, сессия Собора, начавшаяся в августе 1918 г., 20 сентября вынуждена была прекратить свои заседания, и многие важные вопросы не были решены. С 3-й сессии о. Николай вернулся в Петроград 4 сентября. Олонецкий епископ Иоанникий (Дьячков) со времени своего назначения в 1916 г., в епархии практически отсутствовал, а с открытием Собора в 1917 г. пребывал в Москве. Олонецкой епархией в 1918/1919 гг. временно управлял митр. Петроградский Вениамин. 5 сентября прот. Н. Чуков решал с митр. Вениамином вопросы о помещениях для Олонецкого Епархиального совета и пастырской школы, а также о преобразовании Введенского монастыря в женский. 7 сентября он возвратился во Введенский монастырь, но в тот же день снова уехал в Петроград по делам преобразования монастыря, а к середине сентября 1918 г. перебрался туда окончательно.

Отец Николай прослужил в Олонии ровно 25 лет. За это время он написал ряд работ. Это «Начала христианства в Олонецком крае», «Очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии за 25 лет», «Очерк деятельности Православного Карельского Братства в Олонецкой губернии», «Руководство по Закону Божию для школ в местностях с карельским населением», другие труды и многочисленные публикации в газетах «Олонецкие Губернские Ведомости», «Олонецкие Епархиальные Ведомости» и «Олонецкая неделя». Только одни печатные отчеты о деятельности церковно-приходских школ составили более 600 страниц.

После отъезда Н. Чукова из Петрозаводска семинария, вместе с прочими духовно-учебными заведениями, была официально закрыта декретом от 6 сентября 1918 г. Богословская библиотека оказалась частично вывезенной в собор, а архив и делопроизводство канцелярии семинарии поселившиеся в ней красноармейцы выбросили во двор и сожгли. В Петрозаводске у Чукова по-прежнему оставались семья, выселенная из ректорской квартиры в здании семинарии и размещившаяся в бане у родственников, а также все имущество, документы, книги, рукописи... Так быстро было уничтожено все то, что с таким трудом за многие годы создавалось имперским начальством,

губернским земством, духовенством, Карельским братством, учителями, благотворителями, о. Н.К. Чуковым. Это не восстановлено до сих пор, и едва ли подлежит восстановлению⁵⁴.

Дневник 1918 года⁵⁵

28 марта/10 апреля 1918 г. В 3 часа ночи на 28 марта/10 апреля явились красногвардейцы (5 человек), арестовали меня и отвели в тюрьму. В ордере значились указанными к аресту В.А. Богданов, я, В.И. Крылов, А.С. Рубинов и Ф.Ф. Чудинов. В 4 часа я был уже в тюремной караульне. Через час собрались остальные. Нас отвели пока в женское отделение, а к полудню разместили по отдельным камерам. Меня посадили в комнату дежурных надзирателей (все камеры заняты; в тюрьме без нас 90 человек), с офицером Дм. Мих. Крыловым. В 2 часа дня посетил меня председатель революционного трибунала И. Вл. Балашов и сообщил, что привлекает за резолюцию по поводу предложения местного совета Всероссийского Учительского Союза, заслушанную в заседании Союза городских учащихся 7 апреля. На мое возражение, что я же протестовал против этого предложения, Балашов заметил, что мой протест занесен в протокол, и сообщил, что он распорядился рассмотреть наше дело в 48 часов и ликвидировать. Ни в пище, ни в чем другом из дому препятствий не будет. Вследствие этого разрешения мне прислали из дому постельное белье; присылали завтрак и обед. Из окна тюрьмы виден город и я все время наблюдал проходящих, особенно Колю и Борю, когда они проходили на службу или оттуда. Отношение надзирателей и начальствующих хорошее, сочувственное.

На другой день, 29 марта/11 апреля, в 6 часов, водили к допросу. По дороге семья встретилась и воспитанники. Во время написания показаний приходили ко мне А.В. Лихачев, К.П. Охотин и И.В. Балашов. Охотин сообщил, что следственная комиссия удивляется примененной мере пресечения и со своей стороны высказывается за ее отмену; вероятно завтра, после заседания с Парфеновым, освободят. Балашов, на мой вопрос – чем все это может закончиться, сказал, что он не находит состава преступления; что на меня, очевидно, «точат зубы», что я для них неуловим, слишком осторожен, но известен как монархист, как политический деятель в прошлом и вот – бояться влияния. «Никто не гарантирует, что и после оправдания Вас не арестуют на другой же день и не расстреляют». «Поэтому, на это поганое время лучше уехать отсюда». Относительно самого дела рассказал, что Исполком сначала хотел без всякого суда выслать с конфискацией даже всего имущества; что только Балашов запротестовал, предложил в таком случае распустить трибунал, если они обходятся без него и допускают произвол; он пригрозил даже выходом своим и всей своей партии левых эсеров из Совета. Только тогда согласились на передачу дела трибуналу. Показание написал следующее (приблизительно, по памяти): «Мое отношение к Учительскому Союзу весьма незначительно: я состою членом Союза почти с самого основания его – с апреля 1907, но ни на одном заседании Союза не был, кроме двух последних, когда организовался союз городских учащихся, как более тесная организация, в которую я вошел

Портрет
митрополита
Петроградского
и Гдовского
Вениамина,
подаренный им
прот. Николаю
Чукову
22 января
1918 г.

исключительно с целью возможной рекомендации от нее при определении на учительскую службу по окончании текущего учебного года.

От политической жизни я отошел после выборов в последнюю Государственную думу и интересовался лишь вопросами веры и Церкви. В последний год участвовал в Союзе белого духовенства и в Исполнительном Комитете его по разработке вопросов о положении Церкви в новых условиях ее существования. Но и эта работа с осени почти прекратилась, так как открылся Церковный Собор, к решениям которого и приходится уже прислушиваться.

Участвовал я в качестве председателя собрания Союза духовенства в январе 1918 года, но лишь с целью исполнения распоряжений Советской власти о передаче здания Братского дома. Участвовал еще в качестве председателя соединительного собрания приходских советов и Союза духовенства, на котором было постановлено ходатайствовать пред Советской властью о возвращении прот. Дмитриева. Но ходатайство не могло быть сочтено за противление.

Что касается собрания Союза 25 марта/7 апреля, то сразу по оглашении предложения малого Совета Всероссийского Учительского Союза я возражал, находя нечестным идти под тем или иным флагом Совдепа только для борьбы с идеей Советской власти, а с другой стороны находил, что участие в культурно-просветительских учреждениях Совета по приглашению его впоследствии допустимо для членов Союза для работы на пользу народа. На мое возражение председатель Исполкома В.А. Богданов заявил, что Исполком, вынося резолюцию для “по мере возможности выполнять”, это именно и разумел.

Раз «по мере возможности» являет, по заявлению председателя, равным “не обязательность”, то я этого только и желал. Да и по существу предложению Малого совета я не придавал значения. Только люди, сидящие у

*Александро-Свирский монастырь.
Спасо-Преображенский собор. Фото 1918 г.
Архив Чуковых. Публикуется впервые*

себя в кабинетах и не состоящие у ответственной работы, могут разводить...лость (неразборчиво) и рекомендовать не сноситься с Советской властью. По существу же, для всякого ответственного работника сношение с властью совершенно необходимо. И я всей своей деятельностью в течение последних месяцев показал, что отнюдь не чуждался сношений с Советской властью. Я лично и письменно неоднократно обращался в Комиссариат просвещения по вопросам Духовной семинарии. Я представил ему ряд вопросов о положении дух. школы для выяснения у Народного комиссара просвещения. Я работал в ряде учреждений, подведомственных Комиссариату просвещения. Я беспрекословно исполнял все распоряжения Советской власти относительно Духовной семинарии (а других не получал). Из всего изложенного ясно, что поставленные пункты обвинения не могут быть применимы ко мне.

Добавляю относительно протеста по делу Кирикова, где я предлагал: 1) высказать неодобрение тем учащимся, которые вносят политику в школу, и 2) уяснить Совету, что привлечение учениц в качестве свидетелей или обвинителей учащихся: а) подавляет авторитет учащихся и б) влияет на учащихся далеко непедагогично...»

Во время пребывания в тюрьме очень тронуло общее сочувствие общества. Многие побывали у жены. Но обнаружилось и противоположное. Некоторые из трусости, некоторые по другим каким-то соображениям или не откликнулись, или откликнулись отрицательно. Так, были у жены с выражением сочувствия: о. П. Метелев, о. В. Хазов, о. А. Волков, А.П. Степанов (каждый день заходивший к жене), воспитанник Никулин, после выразивший мне сочувствие от лица воспитанников; А.С. Борзецовская, В.П. Богословская, П.А. Кашин, Е.А. Введенская, А.К. Бурцев, Н.П. Громов, о. И. Богословский, прот. И.Д. Лавров (дважды бывший)... Петров А.Г., Н.С. Стручков,.. о. П. Метелев,.. П.А. Лебедев, о. А. Воинов (уже мне лично).

Но, напр., К.И. Казанский совсем никак не реагировал, прот. Машеерский протестовал Метелеву против собрания духовенства по поводу моего ареста и тоже лично мне

ничем не реагировавший. И.С. Борзецовский – с большой осторожностью... М.А. Кряжев (*неразборчиво, прочтение предположительное*), еще когда я был в тюрьме, выразил желание защищать меня. Защита вообще вся поднялась и, как сообщал И.И. Леви (осведомлявший меня постоянно), они сами распределили между собой всех подсудимых и готовились «дать бой» Исполнительному Комитету.

Много сочувствия выразил А.В. Лихачев, постоянно осведомлявший жену и меня обо всем.

К удивлению, в среде рабочих оказалось течение против меня. Вероятно – возбужденное кем нужно за мою прежнюю «правую» деятельность. Потому что иначе нечем объяснить: у меня никакого соприкосновения с ними никогда не было.

Заметка (16) появилась в «Известиях»; опубликованы протоколы Исполнительного Комитета, где сообщается о нашем увольнении от занимаемых должностей. На этой почве разбирали инцидент в среде нашей корпорации. На созванное мною собрание Чуудинов не хотел идти, но потом, «жертвуя собой», решил сделать запрос о закономерности собрания... Сказалось, конечно, такое отношение, вызванное малодушием и трусливостью.

Сначала мы все были под домашним арестом, но 4/17 апреля это запрещение было снято и осталось только обязательство о невыезде. Но 10/23 апреля следственная комиссия, не найдя достаточных улик и, «в виду понесенного наказания» (!), освободила всех нас от суда, кроме Богданова, который привлекается.

12/25 апреля Н.С. Стручков, по поручению корпорации, в целях составления кворума на собрании, выяснял у Парфенова (губернский комиссар. – *Л.А.-Ч.*) вопросы о нашем восстановлении и присутствии на собрании. Парфенов, у которого «сорвалось» дело с нами, широко толкует постановление Исполнительного Комитета: не только увольнение от занимаемых должностей, но и от педагогической службы вообще, так что о восстановлении в должностях «не может быть и речи», а о восстановлении в правах педагогической деятельности «будет поднят вопрос в Исполнительном Комитете». На собрании мы можем присутствовать «с правом совещательного голоса» (!)...

Написал письмо Преосв. Вениамину с просьбой о месте.

24 апреля/7 мая донес Учебному Комитету о результатах следствия и суда. 29 апреля происходил суд. Мы – арестованные были вызваны в качестве свидетелей. Обвинял представитель Исполнительного Комитета Совдепа бывший учитель (!) Зуев. Обвинение жалкое. В конце концов, сам обвинитель почти отказался от обвинения. Защищала вся местная адвокатура: Каратыгин, Копяткевич, Крямчев, Кожевников и как общественный защитник, Рождественский. Защита была обстоятельна. В результате Ревтрибунал, чего я почти не ожидал, отверг все обвинения и совершенно оправдал подсудимого (Богданова. – *Л.А.-Ч.*).

В донесении епископу от 24 апреля/7 мая я просил его сообщить Патриарху и Свящ. Синоду на предмет сношения с Советом Народных комиссаров о допущенном произволе местной власти и восстановлении в должности меня и Рубинова. Могло бы, конечно, Педагогическое со-

брани правления обратиться от себя в Исполком Совдепа с представлением о восстановлении, но разве хватит толку и мужества на это?!

30 апреля/13 мая 1918 г. Выехали с А.Г. Петровым в Петроград. Учебного Комитета пока не мог найти. Митрополит приехал из Москвы только 16-го днем. 16-го вечером виделся с Председателем Петроградского Учительского Союза Мих. Петр. Лопатневым, рассказал ему все о нашем аресте и увольнении, сообщил роль Парфенова в этом деле. Он сказал, что напишет в Московский Совет (Ульяновой), чтобы оттуда написали в Центральный Комиссариат и Парфенову о восстановлении всех нас в должностях. Сказано также (на мои разъяснения о наиболее нуждающихся), что, если нужно, они могут оказать содействие в предоставлении места Богданову и Крылову. Касательно политического момента сообщил, что едва ли даже отношение застанет большевиков у власти; они накануне краха, а Петроград, вероятно, будет оккупирован.

4/17 мая 1918 г. Вчера проснулся и заболел. Третьего дня был у меня А.Г. Петров. Сегодня П.В. Никитин. Вчера искали Учебный Комитет, да так и не нашли. Прочитал в «Епархиальных Ведомостях» опред. Собора об епархиальном управлении. Глава об архиереях возвращает к старому, связывает свободу: 1) В список кандидатов в архиереи включаются лица, указанные Синодом и епархией. Конечно, Синод всегда будет стоять за своих кандидатов при окончательном утверждении. Да не ясно и то, каким образом будет епархией составляться список; по-видимому, должно быть два епархиальных собрания – одно для составления списка, другое для избрания из кандидатов, предварительно одобренных Синодом (!). 2) По-видимому, окончательный выбор из всех кандидатов, получивших больше 1/2 голосов, будет лежать на Синоде, так что, может быть, наиболее желательные для епархии кандидаты могут не быть санкционированы Синодом. 3) Совсем уже веет дореформенным духом от § 23, где категорически заявляется, что ни одно решение органов епархиального управления не может быть проведено в жизнь без согласия епископа. Ведь может быть такое положение, когда, например, весь Епархиальный совет будет за известную меру, а один епископ против и – ничего нельзя поделать. Это сводит на нет всякое право у органов епархиального управления. Короче – ничего нельзя провести, что не будет угодно епископу. Нужен просвет.

Правда, по § 44 и § 61 для епархиального собрания и епархиального совета есть еще выход в перенесении дела к высшей церковной власти. А, например, для духовных учебных заведений? А между тем это такая область, где помимо желательности автономности школы вообще может быть целый ряд специальных вопросов учебной и воспитательной части, где канонический ценз может не гарантировать педагогической правильности решения.

Вчера и сегодня (17 и 18 – 4 и 5 мая), в № 82-89 «Петроградского голоса» епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) поместил статью «Об архиереях глухих, немых, слепых», где высказывает много правды о том, что наши правящие сферы ничего не видели, не слышали и оставались безмолвны ко всему, что было и есть сейчас. Говорит о случайности работ Собора, без определенного

плана и цели, о неэкономии растрчиваемого на Соборе времени. Единственно большое дело, сделанное Собором, это патриаршество. «Остальные вопросы – о старообрядческих епископах, о снятии клятв 1655 г., об отношении к Грузинской Церкви, о реформе духовных школ, об устройении приходской жизни, т.е. почти все коренные церковные вопросы решены очень неудовлетворительно»... Причину епископ Андрей видит в чрезвычайной недостаточности епископата: 70-80 человек на 120 миллионов. «Нам нужны не эти 70-80 архиереев, а 700-800... А в настоящее время 90% нашего православного населения не знает, что такое архиерей, зачем он существует»... (Верно!). Вторую причину видит он в «почти невероятной централизации церковного управления». Такая централизация в государственной жизни уже погубила надолго Россию как государство, а наша система управления – точная копия с «нашей хрупкой государственности».

Между тем Собор остался на прежней позиции: епископы опять же только из монахов; опять та же централизация – в епархии все у епископа, или в Москве.

10/23 мая. Четверг. 1918 г. Около 4 часов пошел к Митрополиту (Вениамину. – Л.А.-Ч.) и наконец-то застал его. Пил у него чай; встретился с Преосв. Артемием. Побеседовали. Я рассказал о наших «порядках». Удивлялись. Владыка рассказал о своих. Борются. Налажена хорошая приходская организация. Везде приходские советы, а из их представителей Совет советов. Выбраны свои комиссары по всем отдельным учреждениям, как и по епархии, которые и сносятся с Советской властью. В нужных случаях являются делегации от приходских советов, без священников.

Организацию мотивируют тем, что, стоя также на платформе Советской власти, они организуются как народ церковный, верующий, и, как таковой, имеют свои «советы», свой «совет советов», своих «комиссаров» во всех своих учреждениях, через которых и сносятся с Советской властью. Так что тут вся организация также «народная». Теперь налажена «служба связи» в виду малого количества и ненадежности телефонов. В каждом приходе есть 2-3 пункта, откуда в случае нужды немедленно оповещается все православное население прихода о том или другом событии, чтобы немедленно поставить всех на ноги. Проектируется организовать «для связи» такой пункт в каждом даже доме прихода, где уполномоченный немедленно оповещал бы всех православных жителей дома. В общих вопросах тормозит Москва, где, по словам Владыки, жизнь церковная идет очень вяло, а синодская – обычно бумажно-бюрократическая.

Сообщил также Владыка, что наш епископ просил у Патриарха и Синода перенести его резиденцию в Свирский монастырь и предоставить ему настоятельство. На первое временно соглашаются, но о втором думают.

По поводу моего положения Владыка Митрополит сказал, что «думал пристроить здесь», «вот, может быть, будет открываться приходская гимназия»... Хорошо бы. Пробыл у него больше часу.

6/19 июня 1918 г. Выехал из Петрозаводска с Шурой и Верочкой (дети. – Л.А.-Ч.) в Александро-Свирский монастырь, на Троицу. В последние дни разруха в семи-

нарии пошла еще больше. Закончили репетиции, провели два педагогических собрания (3 и 5 июня), совершили заключительную церковную службу; я сказал речь. После собрания корпорация захотела устроить сначала (3 июня) прощальную закуску, а потом (5-го) и ужин. Было много речей. Всем хотелось помянуть добрым словом семинарию, идеализм и дружную работу педагогов, все говорили, что присутствуют на «похоронах» семинарии и всем как-то не хотелось этому верить, теплилась какая-то надежда, что не все еще кончено, что мы еще «будем», что наша школа не умрет... Высказывалось пожелание, чтобы педагоги организовались и устроили богословский факультет при Народном университете, чтобы они объединились в небольшой кружок богословско-религиозный (или философско-религиозный), словом, чтобы богословская мысль нашла бы себе место проявления. Характеризовалось прошлое семинарии, неособенно далекое, отмечалось, что определенный и заметный след оставили в семинарии ректора: П.Ф. Щеглов, о. Фаддей (Успенский) и я, вследствие той или иной определенной системы. Я составил одобренный правлением доклад о будущем нашей духовной школы в смысле сохранения ее в реформированном виде как корректив к светской безрелигиозной школе. Но это возможно лишь, если будет изменен вероисповедный декрет. Составил я и другой доклад Епархиальному совету, на случай, если бы первый не прошел (требуется на него 135 т. в год и обусловлен проблематичным пересмотром декрета...), специально об устройстве пастырской школы (стоит до 35 т. руб. при условии найма помещения) (взамен семинарии). Представлю его на съезде от своего имени – на съезд я избран правлением (9 голосами из 14).

В Свирском. Виделся с Владыкой (Иоанникием? – Л.А.-Ч.). При мне получил много корреспонденции из Синода; между прочим – положение о пастырских училищах. Интересна присланная ему телеграмма прихожан Машезерского прихода на имя Патриарха о назначении к ним иеромонаха Феогноста, где нашего епископа называют крестьяне «самолюбивым большевиком, который и свою-то церковь отдал». Епископ все мечтает устроить

Епархиальное управление и пастырскую школу в Свирском монастыре, думает прельстить съезд сравнительной дешевизной содержания там, предлагает сокращение канцелярии и нормального штата членов епископского совета до трех для нашей епархии в виду затруднительности в средствах; думает даже о возможности приписания нашей епархии к другой – соседней... Не предполагает останавливаться у меня, а или в номерах Тупицина, или у секретаря. Оставил ему целую кипу журналов педагогического и распорядительного собраний за год, только что изготовленных Н.П. Громовым, затянувшим их написание.

12/25 июня 1918 г. Прошли праздники. Народу в Свирском было вдвое меньше прежнего. Объясняется отсутствием хлеба и дороговизной платы за лошадей. В Троицу я говорил проповедь. Погода стояла все время хорошая. Обедали у архимандрита в пятницу. При мне получил прошение от о. Шумова о снятии сана. Это для того, чтобы Парфенов утвердил в должности. Позор. Ознакомился с положением о пастырских училищах, присланным из Синода. Неудовлетворительно: 1) курс рассчитан на четыре года; 2) придан характер самого заправского учебного заведения со всеми прежними порядками: поступают 16 лет, отметки за успехи и поведение, малоуспешность, увольнение, общежитие обязательное, стипендия, классные воспитатели, обязательно летом на сельхозработы; 3) одежда – подрыски, ежедневная литургия и всенощная; 4) рассчитан курс на недоучек; 5) из той программы, которая составлялась для богословского института, лучшее не введено; 6) преподаватели – все в священном сане.

Таким образом: 1) опять готовить предполагается мальчиков в пастыри; 2) без широкого общего образования; 3) без особенного развития, а лишь с элементарной учебой; 4) внешними принудительными мерами воспитывать церковность; 5) ограничен круг педагогов.

Думаю все-таки свой доклад представить.

Синодский указ № 3 говорит об оставлении духовных учебных заведений в прежнем виде. Будто бы сделано сношение с Народным Комиссариатом. Даже если бы это было и так, то где епархия возьмет средства?

Во Введенском Островском мужском монастыре. Слева направо: Валентина Дмитриевна Чукова, ее сестра Таисия Дмитриевна Смирнова с супругом, Михаилом Дмитриевичем Смирновым (помощником редактора «Олонецкой недели», членом Епархиального совета Олонецкой епархии и членом Поместного собора от Олонецкой епархии), с братией обители. Справа сидит, возможно, иеродиакон Димитриан (Артемук). Лето 1918 г. Архив Чуковых. Публикуется впервые

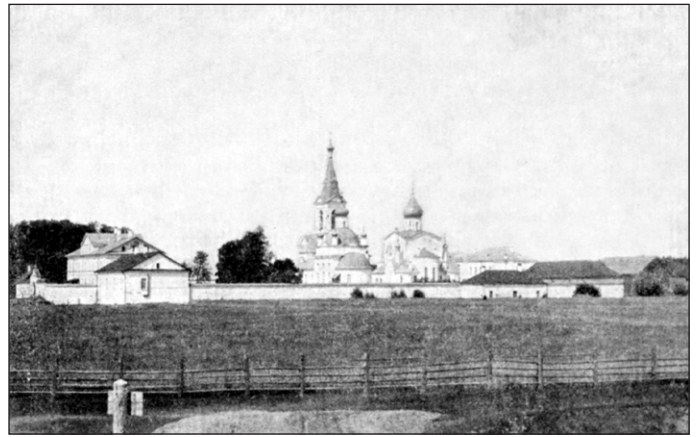
30 июля/12 августа 1918 г. Понедельник. Около 3-х недель прожил читая и занимаясь. Разработал план апологетических рел[игиозно]-нравств[енных] бесед. Составил подробный план первой беседы «Вера и знание»; собрал материал для бесед и перечитал его для первой беседы. Отдохнув, много гулял с архимандритом (Ювеналием – из дворян Курской губ., бывшим ректором Тверской семинарии и настоятелем посольской церкви в Константинополе. – Л.А.-Ч.). Ездили с ним в Доможирово, Сермаксу и Никольщину, к священникам. Цель архимандрита – познакомить меня с деятельностью батюшек и своею там, а также чрез меня подействовать на о. И. Романова, чтобы он оказал содействие архимандриту в сближении с народом и в ведении бесед. Отец Романов очень инертен, а между тем нужда в беседах там несомненна: есть среди крестьян такие, которые говорят против церковного, в церковь ходят мало, а батюшка погрузился в хозяйственные заботы.

Теперь очень надо бы было идейных благочинных, которые чаще ездили бы по духовенству, сплывали его и будили пастырский дух и ревность. Много надо бы в приходах делать, и прежде всего организовать непременно беседы со взрослыми, религиозные занятия с детьми, пение, раздачу и продажу брошюр, читальни и библиотеки, религиозно-нравственную связь с приходским советом, наиболее тесную (непременно хотя раз в 2 недели собрание), устраивать торжественные погребения (с крестом, а может быть и хоругвями), торжественные венчания с поучениями, крестины тоже. Епархиальному совету надо бы обо всем этом позаботиться, а, может быть, членам поехать по епархии. Хорошо бы попадать на престольные и часовенные праздники, служить и беседовать при скоплении народа.

Епархиальному совету надо обратить внимание и на строй жизни и подбор персонала в духовных заведениях. Епархиальному попечительству надо подумать о помощи бедным учащимся; может быть, объединив все попечительства учебных заведений, организовав общежития, для престарелых – богадельни и т.п.

С 21 по 28 июля приезжала жена с Верочкой (младшей дочерью. – Л.А.-Ч.). Верочка осталась и занимаемся с ней, а жена экстренно уехала, так как получила сообщение из дому, что там арестованы Коля и Боря вместе с массою офицеров и других граждан. Террор вслед за Петроградом, по обычаю других городов, из боязни восстания при приходе англичан.

Почти сразу по прибытии в монастырь я и отец П. Дмитриев послали доклады епископу в Свирский монастырь и о нашем аресте, высылке, и о положении дела духовно-учебных заведений и Епархиального совета, которые останутся из-за нашей высылки. Необходимо ходатайствовать о возвращении и гарантировании беспрепятственной работы. Вот уже три недели прошли, а от епископа ни слуху, ни духу. Как будто дело его вовсе не касается, как будто мы страдаем не за церковное дело. Хотя бы строчку сочувствия нам, благодарности архимандриту, извещения нас о своих планах и т.п. Теперь, когда в Петрозаводске заарестовано еще 5 священников (о.о. Громцев, Павлов, Волков, Звероловлев и, наконец, Поспелов), Епископу надо ехать немедленно в Петрозаводск и

Введенский Островский мужской монастырь, где летом 1918 г. нашел приют прот. Н. Чуков (справа – амбар, возле которого 3/16 сентября 1918 г. большевиками был расстрелян иеродиакон Димитриан).

принимать меры к освобождению пастырей. Надо рисковать даже собственной личностью, ради дела и торжества правды и права. Но не такого епископа послал Бог нам. Может быть, это и лучше для нашего трусливого духовенства и нашего религиозно-равнодушного города: хорошая встряска может быть расшевелит их и заставит не быть меланхолическими, а принять определенное и решительное в отношении религии и церкви направление.

9/22 августа 1918 г. Послал на днях письмо М.П. Смирнову для доклада Епархиальному совету и консистории (по предложению епископа новые члены Совета вступили в отправление обязанностей и работают пока вместе с консисторией). 1) Просил или собрать городское духовенство или административно распорядиться, чтобы ввиду массы высланных и арестованных священников остальная братия городская несла по очереди обязанности арестованных и бесплатно, чтобы жалованье шло пострадавшим за общее церковное дело. 2) Чтобы ввиду террора в отношении духовенства Епархиальный совет экстренно донес Патриарху (за отсутствием епископа) о положении и о необходимости оградить городское духовенство в его пастырской (не касающейся политики) работе и послал бы это донесение через нарочного (почта перлюстрируется), каковым мог бы быть или М.П.Смирнов – член Собора (давно надо бы уехать на Собор), или диак. Логиновский (тоже), или диак. Нишенский, как расторопный человек. Тогда и мой доклад могли бы свезти. Деньги на эту поездку должны найтись.

16/29 августа 1918 г. Письма из дому идут удивительно медленно: дней по 7-8. Там все террор; Борю через неделю освободили, а Коля все еще сидит. Сидят до 30 офицеров, сидят почти все священники (кроме о. Громцова). Послал за это время М.П. Смирнову еще письмо, где сообщил – для соображений – распоряжение Петроградского епархиального начальства о поминовении поименно за богослужениями по всей епархии всех сосланных и заключенных епархии. Полезно бы и у нас!

27 августа/9 сентября 1918 г. 17/30 августа, ночью с пятницы на субботу, я выехал в Петроград (из Введенского монастыря. – Л.А.-Ч.). Провожали все и даже архимандрит. Приехал в Петроград с запозданием, потому что на

*Митрополит
Петроградский
и Гдовский
Вениамин.
1918 г.*

станции Званка машинисты не хотели ехать за невыдачей из продовольственной лавки хлеба(!) (лавка была заперта, а открывается лишь в 9 часов утра). Пассажиры собрали около 4,5 фунта и поехали. Порядки! Остановился на подворье. Там новый управляющий – о. Виталий. Предупредительный гораздо более Антония и тем более Варсонофия. В 4.30 был у Митрополита. Там встретился с Л.Н. Парийским. Пробыл вечер, ночевал и следующий день. Ушел уже после обеда в воскресенье. Был у всенощной и литургии в лавре. Последнюю служил Митрополит. Встретил там двух олончан – архим. Владимира (из Никифорской пустыни) и Стефана Беха – смотрителя Каргопольского училища. С Митрополитом беседовал о пребывании в монастыре, о местах для себя и о. Дмитриева, о своем утверждении в члены Епархиального совета. Он удивился, узнав, что мы платим за содержание, и хотел принять меры к нашему укреплению в монастыре. Я рассказал о деятельности о. Павла по устройству кладбищенского братства, и Митрополит просил, чтобы он составил доклад об этом и познакомил в Петрограде кладбищенское духовенство с этим. По вопросу о моем совмещении должностей держится мнения о возможности такого совмещения и вообще относится отрицательно к рутинности Москвы. Проходя на подворье, пришлось видеть и идти некоторое время с процессией похорон Урицкого. Внушительно. Надписи на флагах часто резкие. Посторонней публики очень мало. Участников из организаций человек по 20 у каждого флага, а затем войска и войска...

В 8 часов 50 минут вечера в воскресенье 19 августа/1 сентября выехал в Москву (на сессию Поместного Собора. – Л.А.-Ч.). Билет I класса – 40 руб. 20 коп. Москва. Приехал в понедельник, 20 августа /2 сентября в 3 часа дня. За переполнением трамваев пришлось пешком пройти до Скорбященского монастыря. Устав, слег и никуда вечером не ходил. Встретил В.П. Нивинского (ректора Якутской семинарии, б. нашего смотрителя) и А.И. Иудина. Беседовал с Мих. Ив. Саввайтским, оставшимся за Агтеева.

Передал ему доклад свой о положении семинарии и о. П. Дмитриева об Епархиальном училище. Выяснилось, что о семинарии пока нечего и думать. Выпущена инструкция в развитие декрета, которая душист все церковное. Возможно только пастырская школа и то с исключительно богословскими предметами. В этом отношении я указал на свой проект, которым и заинтересовался Саввайтский. Проект – у Патриарха, куда его представил епископ. На другой день, 21 августа/3 сентября, во вторник, виделся на Соборе с епископом (Иоанникием. – Л.А.-Ч.), с Преосв. Нафанаилом, прот. Соколовым, Рункевичем, Самуиловым. Владыка сообщил, что после некоторого замедления я утвержден в должности члена (Олонецкого Епархиального совета. – Л.А.-Ч.) с сохранением временно и должности ректора. Остальные тоже утверждены. На Соборе переполох по случаю инструкции о декрете. Три дня были закрыты заседания. Избрана комиссия. Выяснилось, что общецерковных средств почти нет. Посему на пособие нет надежды. Меры к нашему освобождению невозможны, ибо ходатайства в центр бесполезны. Да теперь и не время возвращаться: террор страшный, идут усиленные обыски, аресты, расстрелы. В Петрограде, например, арестована масса священников, то же и в других городах. От Собора ждать чего-либо бесполезно. Преподавательский элемент по обычаю интеллигентскому все критикует, не имея от себя ничего положительного. Епископы мало думают об общем благе Церкви, а только о себе лично больше; к тому же реакционность в значительной мере преобладает. Вообще веет какой-то безнадежностью... *Героев нет, и Церковь гибнет. Надежда на Петроград, который, надо думать, скажет свое слово в церковной области* (здесь и далее курсив мой. – Л. А.-Ч.).

В 3 часа дня переехал в Рождественский монастырь, к епископу. Там же архиеп. Митрофан Астраханский. Туда же потом приехал Преосв. Феодосий Смоленский. Подал Владыке прошение об утверждении членом Совета и представил свой формуляр. В беседе с епископом надумали, что было бы хорошо временно поместить Епархиальный совет в Введенском монастыре – по удобству путей сообщения и за невозможностью в Петрозаводске. А пастырскую школу – в Зеленецком. Но Митрополит согласен больше на Старо-Ладожский для пастырской. А относительно Введенского, он преобразуется в женский. По этому поводу я потом беседовал в игуменией Афанасией, и та высказалась отрицательно из-за тесноты помещения. Это – верно. Лучше всего, конечно, пока поместиться Епархиальному совету в Свирском, а с пастырской школой поободждать. Владыка дал некоторые поручения для Епархиального совета, между прочим, и в связи с изданной инструкцией по вероисповедному декрету. Но и тут главная забота – о деньгах и о своих окладах...

22 августа/4 сентября. В 9 часов вечера выехал с экспрессом из Москвы, в I классе. Билет – 107 руб. 35 коп.

14 / 27 сентября 1918 г. Пятница. Вот уже полторы недели, как живу в Петрограде. В монастыре пришлось пережить кошмарные события... Приезжала из Лудейного Поля Чрезвычайная комиссия железной дороги по жалобе рабочих монастыря на казначея, иером. Димитриана и 3-го/16-го расстреляла его в ограде монастыря. Какие две

ночи и день пережили все мы, в том числе жена и Верочка. У нас забрали всю переписку, но возвратили, сказав, что мы совершенно свободны. Говорят, что будто бы приехали с намерением и нас взять под арест. Дело в том, что Зосима – иеродиакон, обозленный на преобразование монастыря, счел меня прикосновенным к этому делу, потому что я только что ездил в Москву. Поэтому он пожаловался в Доможировский совдеп, что мы «объедаем» монастырь, и в Лодейнопольскую комиссию. Совдеп еще 1 сентября прислал нам бумагу о выселении из монастыря в двухнедельный срок, и эта бумажка, крайне нас опечалившая в начале, оказалась спасительной для нас: благодаря тому, что мы должны выехать вскоре же, нас не арестовали.

В красном Петрограде

С началом репрессий в Петрозаводске митрополит Петроградский Вениамин был озабочен судьбой прот. Николая. «23/11 мая был у Владыки – Митрополита. Пили чай. Обещал “устроить здесь”. Может быть, будут открываться приходские гимназии»⁵⁶. Прощение о месте о. Николай подал митрополиту в промежутке между своим первым и вторым арестом. Рассматривалась возможность настоятельства в Исаакиевском, Троицком (на Петроградской стороне) и Князь-Владимирском соборах.

По прибытии в Петроград прот. Николай также вел переговоры с ректором Университета проф. С.А. Жебелевым о занятии кафедры истории религии или богословия, об открытии которых шла тогда речь.

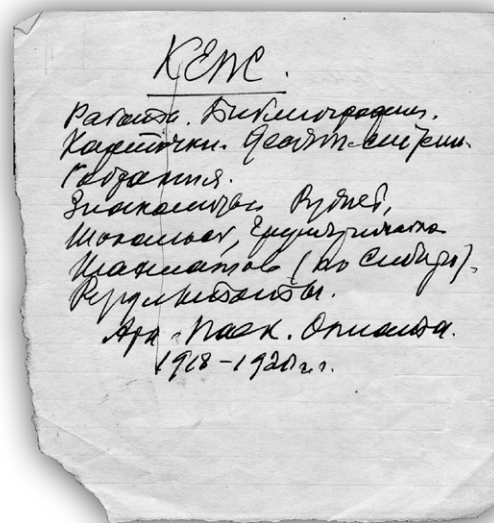
А.Ф. Шидловский, бывший с 1911 г. Олонецким вице-, а с 1917 г. губернатором, член Русского Географического общества, хорошо знавший прот. Николая по совместной деятельности в Петрозаводске, пригласил его работать научным сотрудником в Комиссию по исследованию естественных производительных сил (КЕПС) России при Академии наук. Таким образом, 1 ноября 1918 г. (по 1922) прот. Николай получил работу, жалование, а вскоре и ученый паек. Для этого нужно было заполнить анкету со списком трудов – тут прот. Николай понял, что под большинством многочисленных отчетов и сводок по школам не ставил своей подписи...

На страстной неделе 1919 г. стараниями инициативной группы университетских профессоров прот. Н. Чукова, Б.А. Тураева, с благословения митрополита, была открыта маленькая университетская церковь свв. апп. Петра и Павла. 12 апреля 1919 г. на собрании прихожан Университетской церкви о. Николай был избран пастырем, служить начал с 13 апреля, 14 апреля был утвержден в должности митрополитом. 28 декабря 1919 г. прот. Николай был выбран заместителем благочинного, хотя и отказывался, поскольку ранее был бесприходным священником. Ректор семинарии из провинции, родом из крестьян, прот. Николай, благодаря своим духовным и душевным качествам, образованности и общительности, быстро вошел в круг петроградской православной профессуры, – работа в Академии наук также этому способствовала. Митрополит Вениамин, управлявший в тот период Олонецкой епархией, устроил так, что прот. Н. Чуков, уже перейдя на службу в Петроградскую епархию, продолжал оставаться членом Олонецкого Еп.

совета (до 6 февраля 1920), активно работать в нем, во всех вопросах помогать митрополиту, и держать постоянную связь с епархией. 25 октября – 7 ноября 1918 года члены Олонецкого Еп. совета приезжали с Петроград, проводили заседание, на котором было вынесено около 30 постановлений. В марте 1919 года прот. Николай составил список приходских церквей Олонецкой епархии по благочиниям. В 38 благочиннических округах находилась 301 церковь, и в 39-м – 3 монастыря и единоверческие церкви (или м.б. одна церковь; благочинный – прот. И. Ярославцев). Еп. Олонецкого Иоанний в соответствии с поданным им прошением, был отправлен на покой, а Святейший Патриарх Тихон поставил вопрос о выборе епископа в Олонецкую епархию, и просил митрополита Вениамина и Епархиальный совет озаботиться выборами. Несмотря на то, что активная подготовка к этим выборам была начата, они не состоялись, и, к удивлению прот. Н. К. Чукова, епископ Евгений (Мерцалов) в конце ноября 1919 года был назначен Св. Патриархом⁵⁷.

С началом гонений и митрополит Вениамин, и прот. Н. Чуков показали христианский образец лояльности власти при достоинстве, принципиальности и твердости в отстаивании интересов Церкви и верующих. В январе 1918 г. (10/23), после опубликования тезисов декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», в письме Совнаркому владыка Вениамин предупреждал, что «осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному народу... Считаю своим нравственным долгом сказать людям, стоящим в настоящее время у власти, чтобы они не приводили к исполнению предполагаемого декрета об отбирании церковных ценностей»⁵⁸.

Прот. Н. Чуков, тоже не молчал. Об этом свидетельствуют его обращения к Синоду, епископу и Св. Патриарху о положении в Петрозаводске, на которые, к сожалению, не последовало реакции, и вслед за этим бесстрашные са-

Заметки прот. Николая Чукова, сделанные им в бытность работы в Комиссии по исследованию естественных производительных сил Северо-Запада России при Академии наук (КЕПС). Петроград, 1918 г.

мостоятельные действия в виде обращения к центральной новой власти. Сразу после выхода декрета, прот. Николай писал в епархиальной газете: *«Вопрос о духовенстве, условиях его существования, быта, служения должен быть поставлен и разрешен со всей определенностью. Теперь более чем когда-либо, нужны пастыри, хорошо подготовленные для христианизации общественной жизни. Вопрос о религиозном просвещении должен быть безотлагательно уяснен»*⁵⁹.

Еще в апреле 1918 г. прот. Н. Чуков составил записку «Положение Церкви и духовенства в Олонецкой губернии» из 10 пунктов, в которой подробно описал все беззакония, творившиеся в епархии, а в ноябре передал ее свящ. М. Галкину для представления г. Бонч-Бруевичу. См. стр. 132-133.

Несмотря на то, что положение или, вернее, его безвыходность стала особенно понятна прот. Н. Чукову после его поездки на Поместный Собор, и возвращение в Петрозаводск оказалось практически невозможным из-за все более усиливавшегося террора, он смело продолжал обращаться к новой власти с требованием соблюдения законности, прав верующих и освобождения арестованных священников и преподавателей духовных школ Олонии. Так владыка поступал на всем последующем долгом пути своего служения. На письме митрополита Вениамина председатель Совнаркома положил следующую резолюцию: «Очень прошу коллегия при комиссариате юстиции поспешить с разработкой декрета об отделении церкви от государства»⁶⁰. Похоже, оба олончанина были занесены большевиками в «черный список» еще в 1918 г. Родную Олонецкую епархию прот.

Николай не оставит без своего пастырского окормления на всем последующем долгом пути своего служения.

Прихожанами и духовными детьми о. Николая в Университетской церкви стали профессора, преподаватели и студенты, а также члены Академии наук и их семьи. Многие были учеными с мировыми именами. Каждое воскресенье настоятель говорил поучения и проповеди, ввел и сам проводил уроки Закона Божия для детей, ходил по домам прихожан с иконой и крестом, служил молебны и святил. Старостой (ктитором) церкви был крупнейший востоковед, член Поместного Собора, академик Б.А. Тураев, «святой человек, знавший богослужение лучше духовенства»⁶¹, а после его смерти – в течение года – Е.Ф. Тураева. Постепенно о. Николаю удалось разрешить квартирный вопрос, и его семья в июле 1919 года переехала в Петроград, – поселили в хорошо меблированной квартире на Невском 11, кв.19. Члены семьи прот. Николая стали прихожанами Университетской церкви и часто участвова-

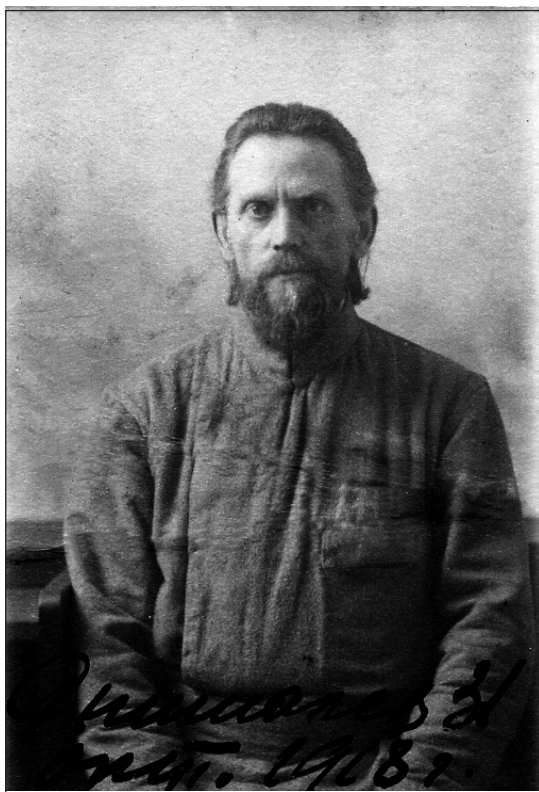
ли в богослужениях – матушка и дочь Анна пели в хоре. В хоре часто пели студенты консерватории, в том числе сын о. Николая – Александр (в последующем оперный певец), который также был и чтецом. В первой половине августа 1919 года церковь свв. апп. Петра и Павла в главном (12 коллегий) здании университета, как и все домовые церкви в Петрограде, была закрыта. Однако в течение всего двух недель прот. Н.К. Чукову и Б.А. Тураеву, в ходе неоднократных хождений и переговоров с Комиссариатом юстиции и василеостровским жилищным отделом, удалось добиться места для церкви в частной квартире на Биржевой линии 8, кв.19. Убранство было пожертвовано организациями (Сводный № 166 госпиталь дал утварь и

иконостас упраздненной церкви), и «с миру по нитке» собрано двадцаткой. Вечером 27 августа 1919 г. торжественно совершили освящение (малое) в честь Всех Святых в земле Российской просиявших, затем всенощное бдение, а утром 28-го прот. Николай уже служил первую литургию. Церковная община жила одной дружной семьей.

В Петрограде было голодно и холодно. Только за неделю перед новым 1920 г. в Университетском храме отпели пятых покойников. Протопопы служили и народ молился Богу в храмах неотопливаемых, без света, но со светом в душе. Чтобы заплатить за учебу сыновей в те трудные годы в Петрограде, о. Николай продал свои награды. Не прекращались вызовы в ГПУ, обыски, аресты... Несмотря на все тяготы того времени, а возможно и благодаря им, церковная жизнь в Петрограде переживала небывалый подъем. А. Крас-

нов-Левитин в своих воспоминаниях писал: «...Когда меня спрашивают о том, как я себе представляю идеальную церковную общину, я всегда вспоминаю Питер 20-х годов. Только недавно закрылись Петроградская Духовная Академия и Семинария; закрылись все церковные журналы, издательства, богословские и философские общества. И все профессора, магистры, кандидаты богословия, церковные писатели – все хлынули на приходы»⁶².

Университетская церковь, как это видно из дневниковых записей прот. Николая, была такой вот идеальной церковной общиной. Профессора «хлынули» в Университетскую церковь и на различные пастырские, богословские, миссионерские курсы и лекции. Пастырское горение прот. Николая Чукова сделало его не только причастным к возрождению церковной жизни Петроградской епархии, но и душой этого возрождения, как раньше в Олонии. Он читал публичные религиозно-просветительные лекции, постоянно проповедовал.

Прот. Николай Чуков. Октябрь 1918 г.

14 декабря 1920 г. прот. Н. Чуков был назначен настоятелем Казанского собора. Священником в Университетском храме стал студент Богословского института (диакон, а затем священник) о. В. Лозина-Лозинский, однако прот. Николай не забывал полюбивший его приход, навещал и там служил, часто вместе с владыкой Вениамином.

Дневник 1918–1920 годов⁶³

18-31 декабря 1918 г. Был три раза у Митрополита; снес прошение; ввиду малой надежды на открытие Университетской церкви просил иметь в виду в Исаакиевском соборе. Сегодня уговорились относительно служения завтра и послезавтра в Иоанновском монастыре. Заказал 40 библиотек для духовенства всех благочинных округов Олонецкой епархии по составленному мною списку книг. По крайней мере несколько двину вперед ознакомление духовенства с текущей духовной литературой.

Отец Галкин сообщил мне из Москвы, что две недели назад должен был быть доклад у Ленина по моей записке. Может быть, и тут удастся принести пользу епархии, облегчив участь заключенных и сосланных священников.

Вчера Митрополит вызывал меня и сообщил, что Патриарх писал ему об увольнении нашего Преосв. Иоанникия, согласно прошению на покой в Свяжский монастырь и рекомендовал озаботиться выборами, указав на Преосв. Геннадия Нарвского как желательного кандидата. Обсудив вопрос, пришли к выводу, что: 1) сейчас нечего и думать о созыве Епархиального собрания, когда половина епархии занята «белыми», а другая «красными» войсками; 2) пока – несколько месяцев управление должно быть сосредоточено у Владыки-Митрополита; 3) в дальнейшем необходимо некоторое упрощение правил о выборах: вместо Епархиального собрания для намечения кандидатов можно тоже произвести на благочиннических собраниях, а специально организованный приходскими советами г. Петрозаводска предвыборный комитет подготовит материал о желательных кандидатах и сообщит по благочиниям; 4) уже по одобрении и дополнении списка Синодом можно созвать Епархиальное собрание для выборов. Все это сообщил сегодня М.П. Смирнову в Петрозаводск для соображений, а, кстати, написал и о кандидатах:

1) Преосв. Геннадий, рекомендуемый Патриархом хорош тем, что знаком с Петроградом, благотворителями, способами управления и строя новой церковной жизни и т.п.; но, как говорят, груб в обращении, не особенно интеллигентен, подслуживается к высшим и влиятельным светским; словом – дубликат Преосв. Назария, только более грубый и заносчивый. Не знаю, правда ли? Сам дела не имел с ним.

2) Может быть будет выставлять кандидатуру А.П. Надежин. Ну, его все знают в епархии.

3) Лучшим, по-моему, кандидатом был бы Преосв. Фаддей, бывший ректор, умный, светский, коллегиальный. При нем Епархиальный совет не был бы подавлен резолюциями, а делал бы живое дело при архиерее-«пастыре».

4) Только бы не о. Метелев...

5) Преосв. Варнава, который, кстати, освобожден из тюрьмы и от запрещения после известной корреспонденции с его отзывами о личности некоторых архиереев

Академик
Борис Александрович
Тураев

и назначен в Калязинский монастырь, – едва ли будет пробираться на родину. Но лично я – против. В епархиальных списках ему, да еще в нынешнее время, не место. Монастырь – другое дело.

б) Преосв. Варсонофий Каргопольский тоже в настоящее время не будет у места. Он «мертворожден» от чрева матери, а теперь нужны «живые» люди.

Во всяком случае, Олонецкая епархия накануне новой эры в своей церковной жизни, ибо впервые будет у нас избранный ею самую епископ.

Хорошо бы к тому времени вырешить и вопрос о зданиях. Если не все, и не некоторые, то хотя бы одно вернули – семинарское. Там с удобствами могли бы поместиться и архиерей, и Епархиальный совет, и пастырская школа с интернатом (если нужен) и квартирами, и церковь, и аудитории, и духовная библиотека-читальня, и свечной завод. (Вопрос о возвращении Церкви здания семинарии и консистории не решен и по сей день. – Л.А.-Ч.)

20 янв./2 февр. 1919 г. Был несколько раз по делам у епископа (Иоанникия. – Л.А.-Ч.). Отношение к делам епархии довольно интересное. В епархию сам не едет и не находит возможным и нужным, если ему об этом скажешь (сегодня я сказал ему об этом); в отношении духовенства преисполнен мерами репрессий: например, о. Борис Вознесенский написал, что из-за смерти жены он оставляет место и едет к родителям, а его место желает занять тесть. Епископ запрещает в священнослужении и без того несчастного о. Вознесенского за самовольный уход.

Все дело управления сводит к писанию резолюций, которые «смакует» и перечитывает мне, причем над одними в резолюциях иронизирует (Суперот) или упорствует в назначении достойных (Крючков), а другим рассыпается в любезностях, не зная людей (о. Николаевский из Шуи) и попадая впросак. Живого пасения даже и в мысли нет. А между тем в епархии творится невообразимое. Руководственных указаний никаких нет; о. Красов совершенно не на месте, как председатель Епархиального совета (так и М.П. Смирнов с места неоднократно пишет); дела задерживает, указаний очных не исполняет (три месяца просил уяснить вопрос о печатании официальных известий), инициативы нет. Духовенство (из молодых и малообра-

зованных, главным образом), очертя голову, снимает сан; к прискорбию есть и семинаристы, но пока не из моих учеников, а те, в ком и раньше «духа» не замечалось... Отличился миссионер Вассиан Петров, опубликовавший свое отречение, «убежденный Шпицбергом!» Вот к чему сводится скорое поставление, без испытания, без искуса продолжительного, и вот когда сказалась ценность полного семинарского образования, как устойчивого против соблазнов отречения (в общем, конечно).

Сообщают из Петрозаводска, что там в архиерейской церкви устраивались маскарады, две маски явились в митрах, рясах, с кадилами и папиросами; так и танцевали. А епископа нет, чтобы образумить... Духовенство же... занято личными делами (о.о. Суперот и Лавров агитируют, чтобы занять место в Кладбищенской церкви, Красов испросил себе место в Заводской церкви). В Вытегре и уезде запрещен церковный звон и не разрешены богослужения... В Метреле деревянную церковь заняли под кинематограф. Удивительно спокойствие населения! Это все плоды деятельности пьянствующих или спящих батюшек. А что делается к устранению этого в будущем? Ничего.

22 мая/4 июня 1919 г. При служении в Университетской церкви говорю в каждое воскресенье поучения. В то же время подготавливаю материал к возможным лекциям как по истории религий, так и по богословско-философским вопросам вообще. Последнее – на всякий случай, для бесед апологетических; а, кстати, у Тураевых была речь о желании слушательниц медицинских курсов прослушать летом ряд лекций по богословию, но: а) научно обоснованных, б) популярных и в) православно-церковного направления. Книг приобрел порядочно, нужных как материал для занятий.

15/28 декабря 1919 г. Воскресенье. Сегодня было благочинническое собрание для выборов благочинного и совета. Часть духовенства, по-видимому, желала провести о. Запаладова, находя о. Платонова молодым для этого. Но при голосовании кандидатов о. Платонов получил большинство, а Запаладов отказался. Выбранным оказался о. Платонов. И хорошо – живой и энергичный человек. Для благочиннического совета прежний совет представил список кандидатов, им намеченный и обсужденный: о. Запада-

лова, как заместителя благочинного, меня, о. Поспелова и кандидаты: о. Смирнова и о. Разумовского. Это из клира. Я заметил, что едва ли могу быть полезным, поскольку в предыдущей деятельности был все время бесприходным, и лишь последний год состою приходским священником. Тут докладчик выяснил, что благочиннический совет имел подробные суждения о каждом кандидате и в частности обо мне, и решил использовать мой «колоссальный» опыт в целях просветительских. Ничего не оставалось, как согласиться, и я прошел 29 голосами из 36 заседавших. Сделанная мне характеристика, а может быть какие-либо раннейшие разговоры, по-видимому, создали благоприятное в отношении меня настроение. По крайней мере, когда потом был возбужден некоторыми вопрос о включении в состав благочиннического совета кого-либо из низших членов клира, то за спиной у меня раздавались разговоры вроде следующего: «Что ж, на чье место Вы посадите дьякона? Не менять же Чукова на дьякона? Ну, о Чукове не может быть и речи, можно вместо другого». По вопросу о выборе ректора для церковно-приходских курсов решили пока, до Пасхи, возложить обязанности его на о. благочинного; но имели в виду благочиннический совет в дальнейшем меня же. Словом, опять везде кандидатом... Только бы не разбрасываться.

29 декабря 1919 г./11 января 1920 г. Воскресенье. В прошлое воскресенье и в самый праздник Рождества у меня говело, исповедывалось и приобщалось до 40 человек. По словам Б.А. Тураева, в Университетской церкви это небывалое раньше явление. Слава Богу! Чувствуется, что община около церкви (собственно одни и те же определенные лица) крепнет. Служил всенощную на канун сочельника, в сочельник – литургию и всенощную (много народа было), в праздник литургию и на второй день утреню и литургию. В первый день был с крестом у семи служителей (во всем доме, где живет церковный служитель), затем у В.Е. Тищенко, О.А. Добиаш, у Тураевых, Шахматовых и Рышковых. Во второй день – у В.И. Бойко и в том же доме, где он живет в квартирах младшего служительского персонала Академии наук – в № № 24, 41, 53 и 54 – у пяти человек. Всего за два дня был у 17 семейств. Все у тех, которые сами просили к ним зайти. 26-го днем был с женой

Почтовая открытка, полученная прот. Николаем Чуковым в 1919 году от архиеп. Варнавы (Накропина) из Нижегородской губернии.

у Тураевых, побеседовали, а затем все вместе прошли в Андреевский собор, где о. Н. Платонов совершал утреню по особому песенному (пасхальному) чину, который ему указал В.А. Тураев, заимствовав его из устава Св. Софии.

7/20 февраля 1920 г. Суббота. Сегодня совершалось служение митрополита (в Университетской церкви. – Л.А.-Ч.). Все прошло очень удачно. Пели только четверо: жена, Аня, Шура и А.Н. Соколов – хорошо. Служили мы с о. Н. Платоновым (благочинный Василеостровского района, впоследствии обновленческий митрополит. – Л.А.-Ч.); диаконствовали иподиаконы; помогали в стихарях И.П. Мурзин и Б.А. Тураев. Присутствовало около 20 профессоров (Тураевы, Церетели, Бородин, Глазенап, Фармаковский, Бенешевич, Тищенко, Лавров, Grimm, Шишкевич, Новицкий, С.Ф. Платонов, Д.И. Успенский и др., которых я не знаю). Народу было вполне достаточно. Словом торжество прошло не официально, а тепло. Владыка говорил слово, хорошо. Припомнил факт, когда Григорий Богослов явился во время господства арианства и нашел только маленькую домовую церковь, где и собирались православные. Она получила название Воскресения. Отсюда аналогия с нашей... Удачно. После литургии я сказал Владыке благодарственную речь, а за чаем – Б.А. Тураев.

3/16 июня 1920 г. Среда. В воскресенье вечером был у меня Преосв. Евфимий (Лапин. – Л.А.-Ч.), новый епископ Олонецкий. Просидел с 7 до 11 часов. Беседовали об Олонии. Говорит, что рекомендовал ему повидаться со мной Преосв. Сергей Владимирский (Страгородский. – Л.А.-Ч.), который и прислал мне поклон. Сообщил ему, что мог, о лицах, которых в Петрозаводске и в епархии он мог бы иметь в качестве хороших помощников, дал характеристику других, обрисовал общее положение дела и настоятельные нужды. Из первых указал на: о.о. Хазова, Венустова, Дроздина, Крючкова, Черненко, Стручкова, Даманского, Вознесенского, Вифлеемского, Ильинского, отчасти Дмитриева и др. Указал на необходимость хотя каких-нибудь пастырских курсов и на возможность привлечения Громова и Бурцева. Хочет познакомиться с заправилами. В общем – ничего, так себе; пороха не выдумает, но желание работать есть. Видимо материально ждал большего, чем я ему рассказал.

Ректура в Петроградском Богословском институте

Так же, как и в Олонии, в Петрограде о. Николай совмещал пастырскую деятельность с педагогической и богословской. Как известно, 6 сентября (24 августа) 1918 г. на основании декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, все духовно-учебные заведения, как таковые, должны были закрыться. С их закрытием должен был прекратиться и приток новых систематических богословски подготовленных кадров для церковно- и священнослужения в епархиях Русской Православной Церкви, равно как должна была остановиться и происходившая раньше в Духовных академиях научная разработка богословских и церковно-исторических вопросов. Но Государственная комиссия по просвещению, вынося постановление о закрытии духовно-учебных заведений, в то же время признала возможным устройство церковной властью особых Богословских курсов для подготовки

священнослужителей, обусловив это изъятием общеобразовательных предметов из программ этих курсов и недопущением в них лиц ниже 18 лет от роду.

На основании этого постановления Народный Комиссариат просвещения разрешил в Петрограде, в сентябре 1918 г., открыть Богословско-пастырское училище, а в следующем 1919 г. (4 декабря) и Петроградский Богословский институт как высшее духовное учебное заведение и еще несколько Богословских курсов как подготовительных училищ⁶⁴.

Прот. Н. Чуков принял непосредственное участие в организации Богословского института, составлении «Положения» о нем, выработке учебных планов, сметы и затем был его руководителем в качестве ректора, избранного Советом института.

25 июля 1919 года, будучи в Лавре у митрополита Вениамина, прот. Николай ознакомился с проектом Положения о Богословском институте, составленным И.Н. Щербовым, заведовавшим тогда пастырско-богословской школой. Проект был представлен в Епархиальное собрание и одобрен им. 18 августа И.Н. Щербов пригласил прот. Николая для подробного обсуждения целей создания института – не сухо-учебных, а главным образом, – нравственно-воспитательных, ведущих к спасению. Обсуждали подбор персонала и учебных предметов.

И.Н. Щербову посоветовали, чтобы ходатайство в Комиссариат просвещения об открытии Богословского института было возбуждено не от имени митрополита, а от лица Приходских советов епархии. Прот. Николай взял это ходатайство и собрал подписи Б.А. Тураева, В.Е. Тищенко, А.А. Шахматова и Л.П. Карсавина – «всех профессоров и даже двух академиков». На отдельных листах подписи по просьбе о. Николая собирала в Андреевском и Благовещенском приходах Е.Ф. Тураева. Так, из оказавшихся «не у дел» профессоров и преподавателей-богословов, университетской профессуры, членов Академии наук, – практически из прихожан Университетской церкви, а также священников, сформировалась Комиссия по организации института, в которой прот. Н.К. Чуков принял самое активное участие. Сначала в Комиссии, в октябре-ноябре 1919 года, работали о. Акимов, И.П. Щербов, Ф.К. Андреев, Ю.П. Новицкий, прот. Н. Чуков; затем присоединились о. Н. Чепурин, А.С. Николаев. Бывали на заседаниях также о. Н. Рудинский, Б.А. Тураев, Л.П. Карсавин и о. Л. Богоявленский. Рассматривали Положение, смету, источники содержания института, думали, как заполучить от советских властей библиотеку Духовной академии, выбирали представителей в Совет института. Намечены были – от приходских общин о. Акимов, и А.С. Николаев – от Епархиального собрания, а до времени его созыва, от тех же общин – о. Платонов, о. Лодыгин, Ю.П. Новицкий и А.И. Введенский. 30 окт./12 ноября 1919 г. были произведены выборы «инициативной группы», т.е. состава преподавателей, и прот. Н.К. Чуков был избран преподавателем по кафедре христианской педагогики с дидактикой Закона Божия. Институт возник при непосредственном участии и по благословению Владыки Вениамина, это было его «детиче»: на начальном этапе подготовки и организации института Св. Патриарх не был еще введен в курс дела. 20

декабря 1919 года Владыка привез из Москвы известие о том, что Св. Патриарх Тихон «Положение» об институте утвердил. 23 января 1920 года состоялось первое заседание Совета института. Приехал митрополит, отслужил молебен, затем приступили к выборам ректора. Десятью голосами из 13 был избран архим. Николай (Ярушевич). Когда Совет института собрался на очередное заседание 30 января, оказалось, что архим. Николай решил отказаться от ректорства, подав письменное объяснение, что слишком загружен обязанностями наместника Лавры. В результате перевыборов 6 февраля 1920 г. Советом института ректором единогласно был избран прот. Н. Чуков и позже утвержден в ней Святейшим Патриархом Тихоном, а 27 июля того же года Советом института удостоен звания профессора. И.П. Щербов был избран проректором.

Сразу же по избрании прот. Николая ректором Петроградского Богословского института, он подал прошение Преосв. Евфимию, Олонецкому епископу, об освобождении от членства в Олонецком Еп. совете. В марте 1920 года Олонецкий Еп. совет поставил вопрос о награждении о. Николая митрой.

В день открытия института, в Пасхальную пятницу 16 (3) апреля 1920 г., в церкви Троице-Сергиева подворья (Фонтанка, 44) в 6 часов вечера митрополит в сослужении двенадцати священников отслужил молебен. Затем все перешли в помещение института и открыли торжественное заседание, на котором ректор прот. Н.К. Чуков произнес речь о задачах и характере деятельности института, были заслушаны обращения и приветствия. *«Все приветствия возлагают так много упований на институт, видимо так больно всем отсутствие истинных пастырей, так необходима наиболее жизненная подготовка их, что задачи института ярко встали перед нами, все огромное значение его осознали сразу, и ответственность громадная тоже ясно стала перед нами. Я всем ответил сразу. Затем Владыка-Митрополит говорил большую речь, особенно подчеркнув, что ему хотелось бы видеть в институте не столько учебное заведение, сколько школу, похожую на школы древности – александрийскую, антиохийскую, куда обращались бы за удовлетворением своих религиозных запросов, и которые широко влияли вне своих*

С.-Петербург. Троице-Сергиево подворье на Фонтанке, в стенах которого в 1920 г. был открыт Богословский институт

стен. В заключение Митрополит благословил институт в лице меня иконой Св. Троицы и передал еще икону от Покровской Коломенской церкви», – писал прот. Николай в дневнике⁶⁵.

Весь строй института был создан на строго церковных началах: с одной стороны, тесное каноническое единение с митрополитом, как епархиальным архиереем, с другой – живая непосредственная связь с православным народом – приходскими общинами епархии.

В своей непосредственной учебной деятельности Богословский институт ставил своей задачей, прежде всего, уяснение положительного содержания учения св. Церкви, а на практических занятиях – разбор и опровержение возражений, выдвигаемых против истин веры.

Институт являлся единственным духовно-учебным заведением не только в Петрограде, но и по всей стране, дававшим высшее богословское образование и подготовлявшим просвещенных пастырей и деятелей церкви. В основу учебного плана была положена система образования бывших Духовных академий, полностью введены преподававшиеся там богословские, философские и церковно-исторические предметы и, кроме того, – новые, сравнительно с прежним академическим курсом, предметы: история религии, ранее входившая как особый отдел в основное богословие, религиозная мистика, заменившая начальные основания философии, агиология, долженствовавшая ознакомить студентов с житиями святых и другими памятниками, конкретно изображающими разнообразные подвиги людей веры; христианская мистика, знакомившая с природою, духом истинной мистики в отличие от нехристианской (буддийской, теософской) и неправославной (патологической, протестантской), христианское обществоведение, которое должно было знакомить с церковным взглядом на социальные вопросы и явления, христианская педагогика, знакомящая со свойствами человеческого духа в его падшем и возрожденном состоянии, в частности, с психологией детской души и благодатными средствами воздействия на нее, христианское искусство, знакомящее с церковной живописью, архитектурой и поэзией в целях религиозно-эстетического развития учащихся, история русского религиозного самосознания, знакомящая с общим ходом и направлением умственных исканий русского общества в области религиозно-нравственной, с указанием самобытных особенностей подобных исканий⁶⁶.

Всего в институте преподавалось 29 богословских предметов, курс обучения был 3-х летний, бесплатный. При институте существовало Богословско-пастырское училище, в котором преподавалось 15 богословских предметов. При открытии, в апреле 1920 г., в институт было зачислено 60 студентов и вольнослушателей, и их число вскоре выросло более чем до 100; 32 из них были с высшим образованием, прочие – со средним; принимались также слушатели женского пола и инославных исповеданий, кроме униатов; к 7 октября 1920 года было принято уже 146 человек. Возраст поступающих был от 18 и далее не ограничивался. Особое внимание было обращено на практические занятия (семинариумы), где изучение предмета углублялось бы путем знакомства с источниками, посо-

Преподаватели и служащие Высших Богословских курсов во главе с ректором профессором-протоиереем Николаем Чуковым. 11 апреля 1927 г.

биями и выдающимися местами в текстах подлинников или переводах.

Предметы вели избираемые советом института на курсовой основе священники, профессора бывшей СПб Духовной академии – Н.Н. Глубоковский, А.И. Бриллиантов, И.А. Карабинов, прот. И.П. Соколов, А.В. Петровский; Московской Духовной академии – Ф.К. Андреев и университета академик Б.А. Тураев, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, М.Д. Приселков, С.С. Безобразов, С.Б. Меликова-Толстая и др. Перед тем как Советом института профессор выбирался на ту или иную кафедру, он должен был прочитать испытательную лекцию. Выбранные Советом кандидатуры профессоров, а также другие вопросы по институту, ректор прот. Н. Чуков утверждал у митр. Вениамина, который в феврале 1921 г. был избран первым почетным членом института.

Большинство профессоров активно занималось научной работой, преподавание велось на самом высоком уровне, и 18 сентября 1920 года ректор прот. Николай получил из Управления Совета регистрационный лист на Богословский институт, то есть институт был зарегистрирован в Объединенном Совете высших учебных заведений. На протяжении существования института, по разным причинам, – люди умирали, уезжали, приходили новые – один и тот же предмет вели разные профессора и преподаватели. Первоначально, в ноябре 1919 года, «инициативную группу» составили: прот. Н. Чепурин (церковное проповедничество), прот. А.И. Боярский (пастырское богословие), проф. А.И. Бриллиантов (церковная история), проф. И.П. Щербов (догматика), акад. Б.А. Тураев (литургика), проф. Н.О. Лосский (метафизика),

проф. П.П. Мироносицкий (церковно-славянский язык и пение), проф. И.А. Карабинов (литургика), проф. Н.Н. Глубоковский (Новый Завет), проф. А.В. Петровский (Ветхий завет), акад. Л.П. Карсавин (греческий язык и мистика), проф. И.П. Соколов (сравнительное богословие), проф. Н.И. Лазаревский (западные исповедания) и т.д. Преподавание западных исповеданий было введено по инициативе прот. Николая в связи с необходимостью противодействия имевшей место в Петрограде активной деятельности католиков. В 6 часов вечера 11 июля 1921 года за проф. Н.И. Лазаревским домой приехал автомобиль, и он был увезен для допроса на Гороховую, да так и не вернулся, а 1 сентября в «Правде» был помещен список расстрелянных «по делу Таганцева», и в их числе Н.И. Лазаревский... «Целый день был под гнетущим впечатлением потери такого ученого по уму человека и такой прекрасной по душевным качествам личности. Встретил его супругу на улице (угол Невского и Мойки), почти обезумевшую от ужаса, и уговорил ее пойти в собор (Казанский. – Л.А.-Ч.), где отслужил ей панихиду; несколько успокоилась»⁶⁷, – говорят записи в дневнике прот. Николая.

Корпорация института к маю 1922 года насчитывала уже около 30 человек и вела большую церковно-просветительную деятельность также и вне стен института, – как того и пожелал на церемонии открытия Владыка Вениамин: организовывались кружки (литургический, библейский, пастырский и др.), профессурой и студентами устраивались публичные богословские лекции в храмах и учреждениях, которые привлекали массу слушателей, служились молебны и проводились торжественные собрания в дни памяти прп. Сергия Радонежского, св. Димитрия

Ростовского, служились панихиды и устраивались вечера памяти Ф.М. Достоевского, С.М. Соловьева, о. Иоанна Кронштадтского, умерших коллег.

В условиях голода и разрухи в Петроградском Богословском институте произошло долгожданное, удивительное слияние двух высших учебных заведений Петрограда – Духовной академии и университета. В народе институт называли «Духовная академия». После служб, лекций и собраний обычно пили чай у кого-нибудь из профессоров. У Чуковых собиралось иногда до 40 человек. Недоброжелатель говорил о прот. Н. Чукове и митрополите: «Что-то вы все чай пьете»...

Ректору удалось добиться от Комиссариата Просвещения передачи институту в пользование, под видом «на хранение», библиотеки Духовной семинарии, которую большевики хотели отправить в детский дом, а также ряда книг из национализированных книжных складов Петрограда. Вопрос был решен обращением прот. Николая в Главную архивную комиссию, а затем прот. Николай и о. Чепурин отобрали необходимую для института литературу в здании Синода. Без библиотеки прот. Н. Чуков никогда не мыслил жизни, а процесса духовного образования – тем более. В качестве классной доски первое время использовалась принесенная ректором из дома крышка от ящика, и на ней проф. Л.П. Карсавин углем писал греческий алфавит.

Как известно, с 1918 года общецерковных средств уже не было. Петроградский Епархиальный совет (председателем был прот. М. Чельцов. – Л.А.-Ч.) в средствах институту отказал. Институт существовал на пожертвования. Много жертвовал владыка Вениамин, лаврские храмы, игуменья Ангелина пожертвовала 60 тыс. руб.⁶⁸.

В своем слове на Рождество Христово прот. Н.К. Чуков за всенощной 24 дек. 1921 г. и 21 дек. 1922 г. в Казанском соборе, при сборе на Богословский институт, говорил:

«С нами Бог!» Так, братья, восклицал некогда великий пророк Божий Исаия, провидя пришествие на Землю Сына Божия, провидя дело искупления и примирения человека с Богом, провидя постоянное затем пребывание Его в людях. И эту песнь воспели мы здесь сегодня, вспоминая предсказанное пророком явление в мир Христа Спасителя, славя Его за снисхождение к людям, за обитание в нас.

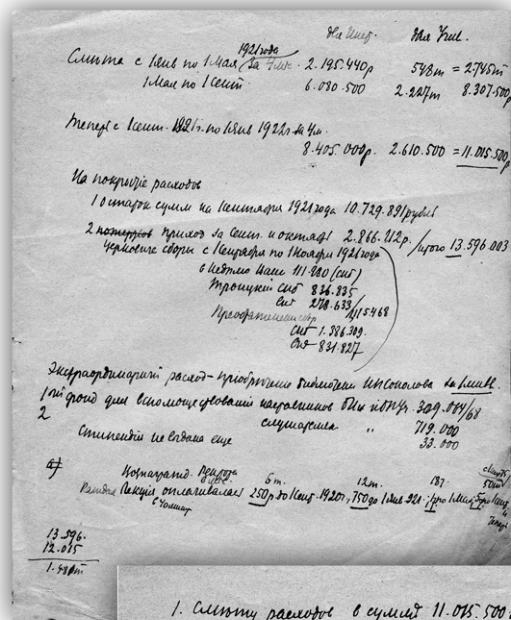
Сейчас мы услышим восторженное «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение», – песнь, которую воспоют Ангелы в небе в ночь Рождества Младенца Христа, славя Господа за дело спасения грешного рода человеческого. И эту ангельскую песнь, так хорошо знакомую каждому из нас, с детства такую близкую, такую дорогую всем нам, мы радостно вознесем Господу, сливаясь с Ангелами в Хвале Ему, родившемуся днесь и принесшему на Землю мир и благоволение.

Так, братья, радовалось небо о рождении Спасителя, так восторженно славил Господа пророки и праведники, так славит Господа ныне Церковь Его. Но далеко не все разделяли и разделяют эту радость, далеко не все поют Ему это «Слава в вышних ...»

«Се, лежит Сей на падение и на возстание многих в Израиле, и в предмет пререканий» (Лк. 2. 34), – предсказал прав. Симеон Пресвятой Деве Марии. И Личность Спасителя, и дело Его явились для многих действительно «препекаемым». Уже с первых дней Его Ирод убил Пророка, и ради Него убил тысячи детей. Всю жизнь потом Иисус встречает на пути своем сомнение и неверие и злобу, пока эта злоба не привела Его ко Кресту. Так и потом, когда «свет разума», возсиявший в рождестве, был пронесен апостолами и благовестниками по всему миру, тьма лжи всегда старалась окутать Его, самомнение и неверие всюду шло за проповедью о Христе, как плод невежества и полужнания или непомерной гордыни и превозношения.

Так и теперь вот мы наполняем сейчас храмы и возносим нашу хвалу Господу, родившемуся в Вифлееме, – а кругом нас облегает густая тьма неверия, усиливающаяся затмить свет истины, возсиявший в Вифлееме, готовая идти на все, чтобы уничтожить дело Христа.

И если мы сознаем себя действительными учениками Господа, если мы твердо верим в Него, как Сына Божия, нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес и воплотившегося, если мы любим Его как дети, которых он – грешных – принял, которым Своей смертью испросил у Отца прощение, которых Он не оставляет ни минуты, которых Он всегда готов слышать и подать Свою божественную помощь, если мы верные Его чада и последователи, то нам нужно нести свет истины Христовой в себе, нужно и жизнью и учением, и действием и словом разрушать окружающую нас тьму неверия и сомнений, и всех звать ко Христу, всех вести к Нему. Это обязанность всех, кому приходится встречаться с окружающим неверием, но

Смета расходов по обустройству Богословского института. Черновики прот. Николая Чукова. 1921-1922 гг.

1. Смету расходов в сумме 11.076.500 руб. и 1/4 ц. утвердил
2. на постройку сени, окон и потолка на 10.729.891 руб. и 1/4 ц. утвердил
3. Расход на постройку сени в количестве 2.366.112 руб.
4. Отчисления по 500 руб. в 1 и 2 кварт.
5. Присылать сметы и отчеты по проведению работ.
6. Исправить сметы и отчеты по проведению работ в соответствии с утвержденными сметами.

особенно это обязанность пастырей и благовестников, призванных и призываемых на продолжение на Земле дела Христова.

Обстоятельства последнего времени создали такое положение, что дело подготовки пастырей и благовестников сильно затруднено, а между тем оно крайне необходимо. Здесь в Петрограде второй год существует Богословский институт, как высший разсадник богословского образования, как единственное высшее училище, подготавливающее достойных пастырей и благовестников, готовых нести в мир Свет Истины Христовой. Сегодня и завтра во всех церквах Петрограда производится сбор на содержание этого института. Это единственный источник содержания, этого необходимейшего для Церкви учреждения.

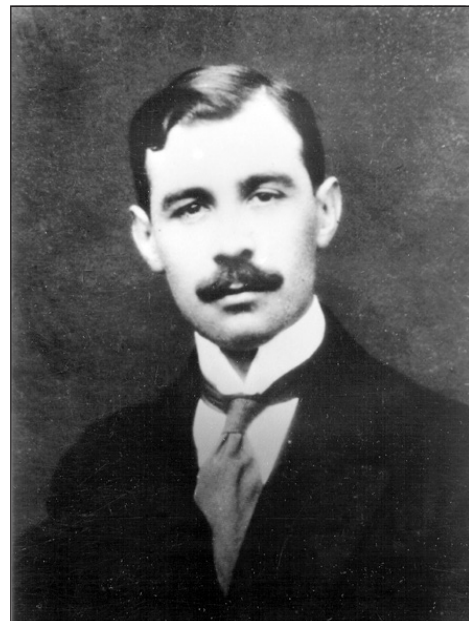
Раскройте же Вашу щедрую руку и, кто как может, помогите Церкви в содержании этого учреждения. Помните, что каждая Ваша жертва на это дело будет свидетельством дела Христова, будет помощью его проповеди, будет Вашим личным участием в борьбе за веру Христову; жертвуя, Вы, как волхвы, принесете свой дар Родившемуся Христу на дело, ради которого Он и явился, чтобы возсиял свет истины. Верим, что все христиане, как сыны света, приложат все усердие, чтобы помочь распространению в мире духовного Христова света. Аминь»⁶⁹.

По инициативе прот. Н. Чукова в 1920 г. при институте было образовано религиозно-философское общество и братство св. Софии, в которое вошли семья Тураевых, Н.П. Анциферов, М.Д. Приселков, А.А. Франковский, Ю.П. Новицкий, проф. В.Г. Тищенко, Е.Л. Лебедева, В.Н. Бенешевич, Л.П. Карсавин и другие. Кружок профессоров собирался обычно у Чуковых дома (Невский пр. 11, кв. 9), а собрания и лекции религиозно-философского общества проводились в Богословском институте и в Отделении Дома ученых на Потемкинской улице.

С октября 1919 г. прот. Николай – член комиссии по организации, учредитель, разработчик устава, член правления, созданного по благословению митр. Вениамина и работавшего в тесном взаимодействии с Петроградским Богословским институтом «Обще-приходского совещания по делам православных церковных общин Петрограда и его окрестностей», председатель его духовно-учетного, учебного, просветительского отделов. «Совещание» власти не желали регистрировать, пришлось несколько раз изменять устав, и в ноябре 1920 г. организацию все же удалось зарегистрировать как «Общество православных приходов Петрограда и губернии». С ноября 1920 г. прот. Николай – член правления, с 17 января 1922 г. – товарищ председателя.

В июне 1920 г. прот. Н.К. Чуков и Б.А. Тураев обсудили план церковного календаря на 1921 г., который можно было бы издать на средства «Общества приходов». В середине июля 1920 г. Б.А. Тураев внезапно тяжело заболел желудком. 19 июля прот. Николай его причастил, 23-го соборовал. После ухода о. Николая замечательный ученый скончался. Перед кончиной речь его была слаба, но говорил он об издании календаря, а не о научной статье, над которой работал...

Юриконсульт
Лавры,
профессор
Юрий Петрович
Новицкий
(†1922),
св. мученик
Петроградский

24 июля у тела отслужили две панихиды, 25 числа – три. Последнюю – от института – служили митрополит Вениамин и прот. Николай без диакона. 26 числа тело Б.А. Тураева в 9 ч. утра вынесли из квартиры. Жили Б.А. и Е.Ф. Тураевы на 2-ой линии Васильевского Острова, д.3, кв.17. За гробом до Лавры, где владыка митрополит отпевал почившего, а прот. Николай сказал слово после литургии перед отпеванием, шли все профессора, ученики, сопровождали процессию прот. Н. Чуков, Аникеев, Добро-нравин. Около университета и Академии наук служились литии. Поминали незабвенного Бориса Александровича на 9-й, на 40-й дней, в институте провели вечер его памяти.

В воскресенье, 28 ноября 1920 г., проф. И.С. Пальмов, пришедший в институт читать публичную лекцию, скончался в аудитории. Из института его никуда не вывозили, озаботились всеми формальностями для погребения. Панихиды служили владыка-митрополит, Преосв. Артемий, а отпевали оба викария. Академическая профессура, тронутая вниманием института к своему коллеге, благодарил. Позже институт устроил торжественное заседание памяти ученого.

13 ноября 1920 г. прот. Н.К. Чукова посетил староста Казанского собора К.М. Сопетов, сообщивший, что настоятель собора о. Маренин подал прошение об отказе от настоятельства, и приходской совет просил митрополита назначить настоятеля на свободную, шестую, священническую вакансию, а по вопросу о кандидате совет перебирал весь наличный состав причта и остановился единодушно на прот. Николае. Депутация от совета отправилась к митр. Вениамину с указанием кандидатуры прот. Н.К. Чукова. Из беседы выяснилось, совет ждал от прот. Николая упорядочения дел среди причта – в отношении исполнения ими своих обязанностей, в отношении богослужебном: поставления его на должную высоту, без «нововведенных модных», благотворения и проч., словом, желали, чтобы собор «жил», чтобы в нем «била жизнь», как она была при о. Орнатском. О настоятельстве в большом соборе прот. Н.К. Чуков и не думал – его желанием по приезде в Пе-

троград было получить какую-либо маленькую домовую церковь и в ней скромно служить.

14 декабря 1920 г. митр. Вениамин, по просьбе причта и прихожан, назначил прот. Н. Чукова настоятелем Казанского собора.

«Общество приходов» издало церковные календари на 1921 и 1922 годы уже без Б.А. Тураева. Составил календарь прот. Н. Чуков. Выручка от их продажи позволила ему вдвое увеличить смету на Богословский институт.

За труды по организации и руководству Петроградским Богословским институтом Св. Патриархом Тихоном прот. Н.К. Чуков был награжден митрой, а прот. Акимов наперсным крестом с драгоценными украшениями.

В дневнике 17 февраля 1921 года прот. Николай писал: «Владыка служил у нас в соборе... Утром за литургией Владыка возложил на меня за малым входом митру, возгласив: "Патриарх Московский и всея Руси Тихон награждает настоятеля св. храма сего, ректора Богословского института протоиерея Николая митрою. Аксиос!". Надели митру о. Орнатского, которая у него не то от Высочайшего Двора, не то – подарок о. Иоанна Кронштадтского... Свершилось то, о чем я совершенно не думал и чего совершенно не искал (настоятельство в большом соборе. – Л.А.-Ч.). Да будет воля Божия! Помоги, Господи, сделать что могу, для славы Божией, для укрепления благосостояния, для просвещения верующих! Н.Н. Глубоковский, встретив меня в институте, радушно приветствовал, только, говорит, "чтобы остаться и в институте, иначе не приветствую", а на другой день занес письмо, в котором пишет: "Усердно приветствую с новым и взаимно достойным назначением Вашим. Теперь Вы – настоятель в храме веры и предстоятель в святилище знания. Объедините их под общим покровом Царицы Небесной, яко Ходатаицы ко Творцу Непрелож-

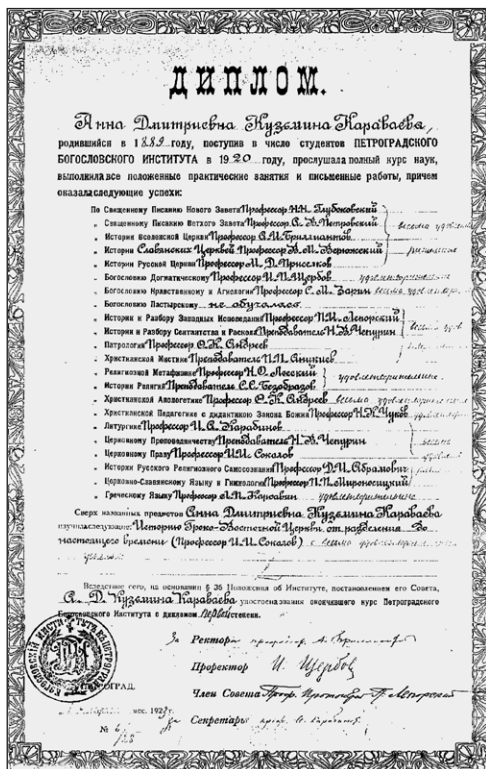
ной, да будет наше знание ведением Отца и Сына чрез Духа святого. Приложите молитвы Ваши о преуспевании Богословского института и о спасении труждающихся в нем, о чем усердно прошу и аз, все упование возлагающий на милостивое заступление Владычицы рода христианского"»⁷⁰.

Последовавшие в 1922 году грозные события практически не дали возможности дальнейшего существования института, в мае 1923 года он закрылся. Ректор прот. Николай в то время уже пребывал в заключении.

«К сожалению, Петроградский Богословский институт просуществовал только три года, сделал один выпуск (23 чел.) и в силу неблагоприятных внутрицерковных условий (появление и нажим обновленчества) самостоятельно закрылся»⁷¹, – скажет митрополит Григорий в своей речи при открытии Ленинградской Духовной академии в октябре 1946 года.

Дневник 1919 – 1923 годов⁷²

31 октября/13 ноября 1919 г. Четверг. Все это время, чуть не через день, происходили занятия комиссии по организации Богословского института. Работали сначала о. Акимов, И.П. Щербов, Ф.К. Андреев, Ю.П. Новицкий и я. Потом приходили: о. Н. Чепурин, А.С. Николаев. Бывали: о. Н. Рудинский, Б.А. Тураев, Л.П. Карсавин и о. Л. Богоявленский. Просмотрели «Положение» и смету. Вчера было заключительное по этим вопросам собрание комиссии (Акимов, Чепурин, я, Щербов, Андреев, Николаев и Новицкий) в квартире Новицкого. Установили «Положение», рассмотрели смету (в общем на 9 месяцев около 542 тысяч без Пастырского училища), наметили порядок общего собрания и роли: общий доклад – о. Акимов, доклад о «Положении» – о. Чепурин, после которого И.П. Щербов добавит о имеющемся контингенте слушателей, от делегации слушателей – просьбу о возможности скорейших занятий; затем мой доклад по смете, после чего А.С. Николаев обратится к собранию уполномоченных от приходских общин о всяческом содействии и собирании средств. В конце Ю.П. Новицкий должен говорить о делегации в Москву (намечены: о. Акимов, А.С. Николаев, И.П. Щербов и Ю.П. Новицкий) и о выборе представителей в Совет института (намечены: от приходских общин о. Акимов и А.С. Николаев и от Епархиального собрания – а до времени его созыва от тех же общин – о. Платонов, о. Ладыгин, Ю.П. Новицкий и А.И. Введенский). После этого были произведены выборы «инициативной группы», т.е. состава преподавателей. Специально согласились сначала, чтобы в составе для начала дела и некоторой «импозантности» непременно были европейские имена, а потом, чтобы вошли люди разных, так сказать, представительств. Таким образом, сговорились на приглашении: Глубоковского – на Новый Завет (хотя о нем поговорили все-таки в следствии сухости его лекций, большой самостоятельности и некоторого недружелюбия к корпорации академической; особенно настаивал на нем Акимов, поддерживал Николаев; да и вообще, конечно, обойти его было трудно; я добавил, что в характере преподавания Глубоковского, конечно, сумеет приспособиться к духу института, проф. Лосского – по

Диплом
Петроградского
Богословского
института.
1920 г.

религиозной метафизике, Тураева – по литургии, Ф.К. Андреева – по апологетике (Щербов хотел его на метафизику, но настояли на приглашении Лосского, и потому Андрееву дали апологетику), Чепурина – на церковную проповедничество, проф. Бриллиантова – на церковную историю, Щербова – на догматику, меня – на христианскую педагогику и дидактику Закона Божия (Акимов задал несколько вопросов мне, как человеку новому здесь, о моей «силе» в теоретической области и «возможности» знакомства с «немцами», сказав однако присутствующим, что о практической моей стороне он может сказать, что знает меня по службе как «лучшего» наблюдателя Епархиального совета, умелого в обращении с общественными элементами и пр.), Мироносицкого – на церковно-славянский язык и пение, Карсавина – на греческий язык (пока, в дальнейшем на мистику), Шкловского, как филолога, – на латинский (необязательный) и др. языки. Забыли еще о Свящ. Писании Ветхого Завета, на которое, по-видимому, будет приглашен проф. А.В. Петровский.

Итак, я – преподаватель Богословского института, что и хотел, потому что деятельность просветительная всегда влекла меня, в частности данная кафедра, практически более мне знакома. Придется, конечно, теоретически много поработать. Помогите, Господи! Открытие института возможно с 1 декабря ст. ст. или даже с 1 января. 27 октября/9 ноября был у меня приходской совет, на котором между прочим увеличили мне оклад (с оплатой законоучительства) до 1000 р. в месяц. 27-го, в день свадьбы, служил дома молебен. Шура ездил на гражданские праздники в Петрозаводск за продуктами и книгами, но за трудностью достать подводу в Петрозаводске привез мало. Приходится ходить на общественные работы, рыть окопы и т.п. Раз ходил за меня Шура, другой нанимали. Жена ходила и от усталости заболела. 28 октября/10 ноября был у благочинного о. Платонова на собрании законоучителей. Было немного. Иные видимо небрежно относятся, так что с трудом уясняют свои группы, у иных ничего не заведено, иные любят много говорить. Избрали законоучительное бюро из меня, о. Смирнова В.М. и о. Александрова К.В. Завтра – заседание. Основное положение установлено такое: в каждой приходской общине непременно должно вестись обучение минимуму Закону Божию; дошкольный возраст и «надшкольный» (14-16 лет) объединить около организации Андреевского прихода, разделив последние на три группы: для занятий по апологетике, по изучению святоотеческих творений и по углублению в научение молитве.

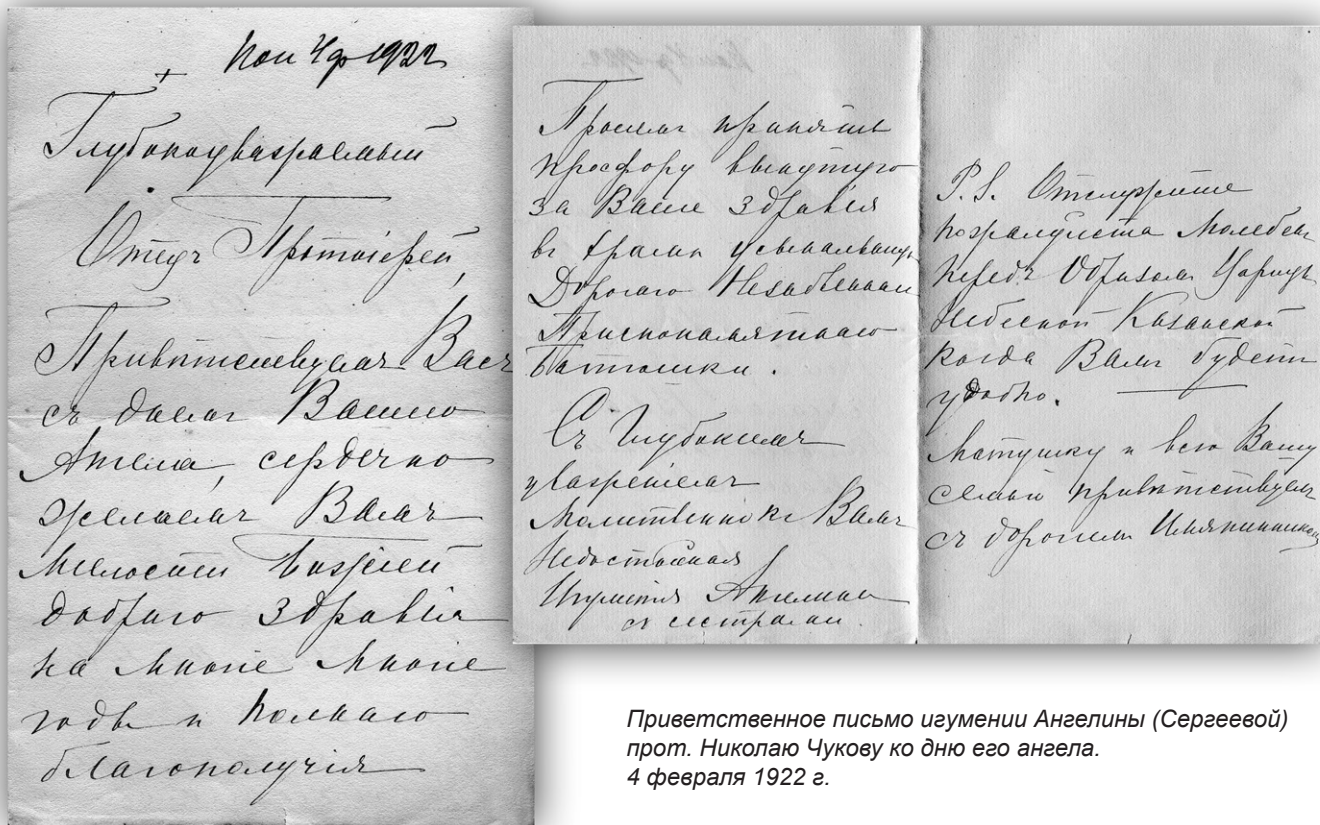
Зима ранняя – 28 октября/10 ноября. Нева уже почти совсем встала. Осенней грязи совсем не было. В домах – голод, дров мало. Электричество горит мало. Говорят о возможности его бездействия даже, о закрытии высших учебных заведений на зимние месяцы и т.п. Трудно жить. Цены поднимаются. Говорят, опять о повышении ставок чуть не на 150%.

15/28 ноября 1919 г. Пятница. Готовлюсь по педагогике. Читаю пособия. Набрал программу курса. Желательно разработать ту часть психологии и педагогики, которая до сих пор оставалась менее разработанной вследствие позитивистского направления в науке – о духе, о сердце и

его жизни, о его воспитании, как и о воле. Здесь громадное значение может иметь опыт подвижников христианских, исследования которых (в «Добротолубии») и можно было бы положить в основание. Это было бы действительно «христианская педагогика». Много времени уходит на подготовку к проведению вопроса о Богословском институте. Вчера я обошел проф. Введенского и Карсавина и о. Платонова с известием об имеющем быть общем (воскресном) собрании уполномоченных 18 ноября/1 декабря у Митрополита. Был у академика Ольденбурга с приглашением делегации от Академии наук. Будет. Готовлю доклад по смете и об источниках содержания. На днях было 1-ое заседание комиссии по организации Междуприходского совещания. На меня возложили секретарство в комиссии. Сегодня был у проф. Ю.П. Новицкого; редактировали составленные им положения для устава совещания (о задачах совещания, совершенно умолченных в Соборном приходском уставе).

15/28 декабря 1919 г. Воскресенье. Сегодня после литургии беседовал по дороге с Ю.П. Новицким. Рассказал подробности относительно поездки в Москву. Устав института нами составлен безукоризненно. Ознакомились со списком преподавателей. Указали на необходимость ректора в духовном сане. Потом указали и на самое лицо – о. В. Акимова. Вопрос о ректоре поднял А.С. Николаев. Он же, как будто против кандидатуры о. Акимова. Выдвигалась кандидатура о. П. Лахостского, но против нее возражал Ю.П. Новицкий. А.С. Николаев выдвинул М.В. Чепурина, а Ю.П. Новицкий – меня. Остальное известно из беседы с И.П. Щербовым. Во вторник, на совещании, прежде всего будет предложено о. В. Акимову и, если он откажется, тогда, по-видимому, будет речь обо мне.

15/28 февраля 1920 г. Суббота 1-й нед. В. поста. Служил целую неделю. Говельщиков немного: 14 человек. В церкви (Университетской. – Л.А.-Ч.) холодно; только вчера вечером истопили. Как всегда при ежедневном служении нельзя ничем заняться; не хватает времени, да и устаешь. Тем не менее на этой неделе удалось обделать для института два хороших и важных дела. Во-первых, добился разрешения отпечатать объявления об открытии приема в институт и о богословских публичных лекциях, а во-вторых, сегодня удалось исхлопотать библиотеку б. Духовной семинарии для нужд института. С объявлениями не так-то скоро дело устроилось. Ходил два дня. Потребовали разрешение Исполкома на самое устройство публичных лекций. Принес. Как нечто одиозное для власти, разрешение подверглось сомнению, и по телефону справлялись, кто подписал. Но не добившись толку, разрешили, чтобы отвязаться. В отделе реклам удивились, что разрешено печатание объявлений (правда не отдельными плакатами, а в «Листке объявлений»). Оказались там сочувствующие (Ф.Н. Нестеров), которые взялись устроить все. Действительно, съездил он в типографию, устроив, что отпечатали сразу оба объявления в один столбец, чтобы можно было вырезать для церквей. В пятницу (27 февраля) все было готово, и он занес сам ко мне 150 экз., а 2500 экз. в тот же день расклеили по городу. Сегодня уж заходила одна особа, желавшая слушать курс в ин-

Приветственное письмо игуменни Ангелины (Сергеевой) прот. Николаю Чукову ко дню его ангела. 4 февраля 1922 г.

ституте, к сожалению уезжающая на Пасху. Являлся и другой – Мусс, неправославный, с богословским уже образованием лютеранским, в качестве вольнослушателя. С библиотекой дело сложнее. На днях пришел И.П. Щербов, опечаленный полученной из Комиссариата просвещения бумажкой о передаче хранимой им библиотеки Духовной семинарии в детскую колонию. Какой-то Яковлев, заведующий этой колонией, узнал от служащих у него, наших же духовных (характерно, никто – как свой!), что И.П. Щербов пользуется книгами Духовной семинарии, и подал жалобу в Комиссариат о «расхищении» семинарской библиотеки.

29 апреля 1920 г. В Академии наук познакомился с присланной из Вытегры А.А. Борнацким статьей об олонекских антрацитах, необходимостью сделать окончательное исследование их пригодности ввиду нынешнего топливного кризиса. Статья – обстоятельная, ярко рисующая дело и А.Д. Шидловскому следовало бы, помимо напечатания ее скорейшего, использовать ее в виде доклада сначала в кругу специалистов, а потом на Съезде по Северу (с 16 мая), словом бить тревогу. Это тем более, что вообще отдел Севера у нас не блещет докладами. Надо ему при свидании сказать это.

Вношу завтра на обсуждение совета доклад об организации религиозно-философского общества:

«Обстоятельства времени настойчиво выдвигают основные религиозные и философские вопросы и повелительно требуют их разрешения. Образуются различные общества и ассоциации, ставящие себе задачей обсуждение и разрешение этих вопросов. Но все эти общества и ассоциации стоят большей честью на основе материали-

стического мировоззрения и, таким образом, подходят к разрешению этих вопросов односторонне.

В противовес такого рода обществам и ассоциациям было бы необходимо создать такое религиозно-философское общество, которое бы разрабатывало и обсуждало религиозно-философские вопросы, выдвигаемые жизнью, – на основе идеалистического мировоззрения и таким образом людей, искренно ищущих истины, ближе подводило бы к Церкви.

Богословскому институту, имеющему задачей (§3 Положения) «распространять в обществе христианские понятия», было бы естественно принять на себя инициативу в деле создания такого религиозно-философского общества в Петрограде».

Сегодня с утра был занят изготовлением проекта воззвания от митрополита к пастве с призывом помолиться об умирении враждующих, строить приходскую жизнь и воспитывать себя на созидание родины.

В пятом часу был А.С. Николаев, обедал, после чего пошли к митрополиту и пробыли у него от 7 до 9 часов. А.С. Николаев изложил ему свои впечатления от поездки в Москву, сравнил здешнюю церковную жизнь, указал причину благоприятной линии здесь в контакте митрополита с властью, уяснил и необходимость и дальше строить церковную жизнь на пути этого же контакта, вполне разумного и с достоинством; высказал почти невозможность работы этой в Общеприходском совещании без определенного направления сверху от митрополита в виду разнообразия взглядов и авторитетности наиболее консервативных сил. Указал и на определенные вопросы: призыв к миру со всеми, чтобы прекратилась эта злоба к власти; указание

на необходимость единственного обращения в вопросе о браке только к совести; и необходимость упорной борьбы с денежным вопросом в Церкви, с развозом иконы и т.п.

Митрополит сочувствует; сам указал на примеры того, как диаконы на литии пропускают иногда моление о «нашествии иноплеменников» (!); о денежном вопросе сказал, что необходимо бороться с этим и освободить священников от получения за требы, предоставив для этого вносить особому лицу и, может быть, по особой записке; «развоз иконы лежит у меня на совести», говорит. А вообще сказал, что «уж если начать, то надо довести до конца». Определенного ответа не дал, но сочувствие высказал. Я передал проект воззвания.

14/27 июля 1920 г. Вчера днем готовился к лекции, а с 4 часов было заседание совета до 7 часов, после лекции я вернулся домой в 11-м часу совсем разбитый.

Заседание совета шло очень не гладко и оставило во мне неприятное чувство. Разбирались между прочим два сложные вопроса: 1) о возведении в профессорское звание преподавателей института и 2) о замещении кафедры пастырского богословия.

Первый вопрос зачем-то выдвинул Ю.П. Новицкий. Была образована комиссия из него, Глубоковского и Акимова, которую он не собирал, а отдельно с каждым беседовал. Этим воспользовался о. Акимов, отрицательно относившийся к вопросу, и заявил, что комиссии собственно не было. Доклад Новицкого, подписанный Глубоковским, заслушали, заслушали и особое заявление профессорской комиссии, подписанное Глубоковским, Бриллиантовым и Андреевым о возведении в звание профессоров меня, И.П. Щербова и П.П. Мироносицкого.

Началось обсуждение. Я хотел было заявить о необходимости удалиться мне и Щербову, но не признали это нужным. Отец Акимов заявил, что он против возведения, потому что вопрос возбуждается случайно, рано, до окончания не только года, но и семестра, нет автобиографий, нет списка трудов с авторитетным отзывом о них, что было бы целесообразнее избрать особую комиссию, которая подробно установила бы порядок, условия и время возведения в профессорское звание. Замечание вполне основательное, к которому я всецело присоединился во второй его части, а что касается первой, то просил: 1) меня совершенно изъять из обсуждения, потому что я – без ученой степени, преподавательству всего с 1911 г., 2) что же касается И.П. Щербова и П.П. Мироносицкого, то их просил бы возвести: Мироносицкий и формально имеет право как магистр; а И.П. Щербов – профессорский стипендиат, преподающий 20 слишком лет, имеющий готовые, хотя и не отпечатанные издания, работавший в религиозно-философской библиотеке...

Н.Н. Глубоковский возражал Акимову, находя, что возведение нас не «рано», а «поздно» – надо было сразу это сделать; что организация ученого дела есть истинно ученое дело; даже больше чем написание какой-нибудь книжки; что теперь нет возможности и печатать, и необходимо смотреть на дело с точки зрения только фактической работы, что меня он знает и как ученика, и по церковной школе, и как ректора (тут Бриллиантов подтвердил, что он

имел сведения от о. Е.С. Елпидинского о моем «покровительстве» науке в семинарии).

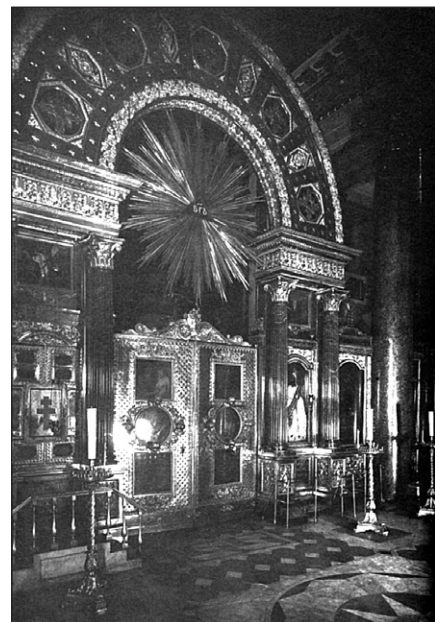
Как бы то ни было, произвели баллотировку, и в результате я получил 7 за и 1 против, а И.П. Щербов и П.П. Мироносицкий по 6 голосов за и по 2 против.

Но, откровенно говоря, меня это совсем не обрадовало, так как не было единодушия, получилась какая-то «милость» вместо законного права. Напрасно Ю.П. Новицкий поднял этот вопрос и так неосновательно его повел.

Второй вопрос с осложнениями – о кафедре. Акимов и тут стал бороздить, указав на необходимость пробных лекций до утверждения, а потом даже и конкурса между кандидатами. Глубоковский стал снимать кандидатуру Зарина в таком случае, ибо на конкурс не уполномочен. Когда вопрос о конкурсе прошел (правда, без привлечения к нему Зарина), то он отказался от участия во всей этой «канители». Решили в следующий четверг предложить провести пробные лекции о. Боярскому и о. Лебеву на тему «Деятельность православного пастыря в условиях современной жизни» (одну, а другую – по собственному выбору).

2/15 августа 1920 г. Воскресенье. Вчера и сегодня служил. Читает И.П. Мурзин, а поют все, особенно женщины; участвуют и «налаживают» Шура, жена, Аня. Служу панихиды после литургии по Борисе Александровиче. Вчера после всенощной получил письмо от А.А. Шахматова; он в клинике; болезнь «выпадение кишок»; была операция; опасность миновала, но к нему еще нельзя дня два. Пишет, что он – «мертвый человек для Христа», что «христианские ростки заглохли в нем от ученых занятий и научных исследований», пишет, что и дети «гаснут»; просит обратить внимание на Соню; просит меня самого решить вопрос, можно ли, достоин ли он, чтобы молиться за него. Какое смирение! Сегодня после обедни я зашел к ним на квартиру и совершил молебен об его выздоровлении; молился и за литургией; послал ему просфору. Днем был у игум. Афанасии. Собралось человек 10. Она встретила нас в церкви, приветствовала беседой, в которой

*Казанский собор.
Царские врата
и иконостас,
«усердное
приношение
Войска Донского».
Сооружен
в память победы
в Отечественную
войну 1812 г.
Отлит из серебра,
награбленного
французами из
московских церквей
и отбитого у них
казаками атамана
Платова.
Разрушен
большевиками
в 1922 году*

выразила мысль, что их, отходящих от жизни, радует, что им на смену идут молодые, религиозно одушевленные силы. Рассказала о покрове Царицы Небесной над их подворьем. Пили кофе. Выбрал икону Св. Софии – Премудрости Божией, которую м. Афанасия хотела завтра привезти на заседание братства Софии. Получил сегодня письмо из Москвы от С.С. Безобразова. Бедный заболел в Москве сам, заболела теща, и в этом болезненном состоянии принужден ехать в Ташкент.

4/17 августа 1920 г. Вторник. 9.30 вечера. Сейчас пришел с панихиды по А.А. Шахматове. Умер в ночь на понедельник в бессознательном состоянии от двойной порции морфия. Бредил все время; температура после операции (которая была в среду) не спадала. Хотя и писал в письме мне, что «опасность миновала», но в подсознательной области таилась мысль о смерти, этим объяснить надо и его вопрос о молитве за него, и еще более просьбу о семье и Соне. Панихиды по вечерам; похороны в пятницу; я служу и отпеваю. Вчера с Ю.П. Новицким был днем в доме ученых и у Крыжановского по делу ученого пайка И.П. Щербову и П.П. Мироносицкому. По-видимому, можно устроить персонально. Вечером было собрание братства Софии. Было очень многочисленно: 14 человек, а с моими и 17: игум. Афанасия, Е.Ф. Тураева, О.А. Добиащ, М.Д. Приселков, А.А. Франковский, Ф.К. Андреев, И.П. Щербов, о. Лев, Н.В. Чепурин, А.И. Боярский, Ю.П. Новицкий, И.В. Гревс, о. П.П. Аникиев и я. Читали 5 главу Евангелия от Матфея, но речь шла о христианской политике в государстве. Предложил вопрос о Чепурин и держался мысли, что надо идти во все поры государства и заполнять их. Противоположную мысль, что надо оборониться и накапливать в себе духовную христианскую энергию, отставили о. Боярский и о. Аникиев. В конце концов пришли к мысли, что надо воспитывать в себе дух Христов и тогда он естественно будет выливаться в жизни государственной. Вопрос, конечно, очень сложный, особенно когда заговорить не о влиянии отдельных личностей, а о более сложных единицах – народах. Как раз об этом сейчас, идя с панихиды, долго беседовали с Л.П. Карсавиным и М.Д. Приселковым. Днем заходила М.Т. Иткина.

7/20 августа 1920 г. Пятница. Эти дни были заняты церковным служением в Преображение и панихидами у Шахматовых. Вчера служил несколько увеличенную панихиду (читал канон). Сегодня в 10 часов сделан вынос на Смоленское кладбище; прибыли туда в 11.30. Литургию начал ровно в 12 часов. Пел хороший хор – прекрасно. Служил я один. Пред отпеванием сказал слово, воспользовавшись для него темой из содержания последнего письма почившего ко мне. На отпевании читал статьи псалма 118-го. Певчим, видимо, было не любо, что служба затягивается. Все прошло чинно. Вынесли из церкви гроб (всю дорогу несли на руках) в 2 часа, а с могилы ушли в 2.45. Очень устал. Дома вечером получил письмо от Е.Ф. Тураевой, которая пишет по поводу службы сегодняшней: «Передайте Вал. Дм., что прекрасно прошло все отпевание Ал. Ал. и что “ректор Духовной Академии”, – как говорили в толпе, – произвел впечатление и службой и речью. Некоторые профессора спрашивали фамилию и адрес (кандидаты тоже на отпевание!). Но о. ректор и Вал.

Дм. должны помнить, что кого-кого, а уж меня он должен отпевать сам!» (Так оно и вышло. В 1948 г. в Ленинграде монахиню Иулианию отпевал митр. Григорий. – Л.А.-Ч.). Шура читал Апостол на отпевании и прочел хорошо. Вчера заходил И.И. Крачковский без меня и принес тему своего сообщения на 40-й день Б.А. Тураева. Знакомство у меня расширяется. Во вторник около 10 часов студенты хотят сдавать у меня зачеты; решили ко мне к первому. Сейчас узнал, что вчера по местам были произведены отличные церковные сборы на Богословский институт. Так, Андреевский собор собрал 60 тысяч!

13/26 мая 1923 г. Суббота. 5 часов вечера. В четверг, 11-го, был дома и даже ночевал, вернувшись в Исправдом лишь в пятницу, в 9 с половиной часов утра. Отпустил Котомин, сам и предложил, иначе бы я не решился просить его. Вследствие свободного вечера удалось побывать в Богословском институте, где вечером предполагали собраться несколько человек студентов на чай по случаю Кирилло-Мефодьевского праздника и как – в прежние годы – для акта. Там я встретил профессоров А.И. Бриллиантова и П.П. Мироносицкого и человек 18-20 студентов и студенток, окончивших курс института, с новыми значками на груди. Отец Макарий (иеромонах, студент) отслужил молебен, студенты пели. Затем сели за чайный стол, и И.П. Щербов обратился с речью, в которой сообщил, что настоящее собрание является актом окончательного закрытия института – несколько времени назад было последнее собрание Совета, после которого профессора отслужили молебен, а теперь собрались студенты, чтобы получить дипломы, чем и заканчивается деятельность Богословского института. Затем он обратился ко мне и, во исполнение постановления Совета, высказал мне чувства благодарности и уважения корпорации. В характеристике меня, как ректора института, он отметил громадный педагогический опыт, большой такт и открытый дружественный характер, вследствие чего получилось весьма редкое в жизни семинарий и академий явление – полное единение корпорации, а в отношениях наших с ним – Иваном Павловичем, как проректором, полная согласованность и ни единой размолвки не только в вопросах больших, но даже и в мелочах. Затем один из студентов выступил с речью, в которой благодарил нас и всю корпорацию и в заключение поднес мне и Ивану Павловичу по группе студентов, снявшихся при окончании курса. Говорили еще о. Вл. Лозинский и Осинкин. Лозинский опять отмечал добрым словом мои простые отношения к студентам, создававшие взаимную искренность и дававшие общий тон «духовного аристократизма».

Я отвечал благодарностью корпорации за добрые чувства ко мне и за дружную работу в институте, особенно Ивану Павловичу, несшему на своих плечах всю тяжесть главной работы, поздравил студентов с окончанием курса, сказал, что институт по своему заданию и выдающимся ученым силам мог многое дать им, но обстоятельства мешали этому, а под конец и совсем принудили закрыться ... советовал им «возгревать полученный дар», углубляясь в вопросы религии, в вопросы духа, а главное, крепко храня веру и возгревая любовь к Господу Иисусу Христу, как надежные руководители в жизни вообще и в нахож-

дении верного пути при поднявшихся острых церковных вопросах в частности; поблагодарил за добрые чувства ко мне, высказал лучшие пожелания и передал благословение Преосв. Венедикта.

Затем во время чая Г.В. Григорьев подробно сообщил содержание лекций Введенского о Московском Соборе. Просидели часов до одиннадцати; настроение было хорошее; вспомнились наши первые «чай» в институте, до прошлого года, когда началась церковная разруха.

Прочитал на этих днях записки генерала Курлова «Конец царской России». Это уже четвертые записки о последних годах России я читаю: 1) записки Белецкого о Распутине, помещенные в «Былом»; 2) записки французского посла Мориса Палеолога «Царская Россия»; 3) записки Набокова «Испытания дипломата», и 4) наконец, записки Курлова. В характеристике многих лиц они все сходятся, и путем этих документов все более и более проясняются обстоятельства последнего времени, приведшие Россию к революции.

Накануне исповедничества

«Никто как свои», – писал прот. Николай: священнослужители, приближенные митрополиту Вениамину, – о.о. Введенский, Красницкий, Белков – пошли против его воли. Самочинными действиями в ходе кампании «изъятия церковных ценностей» они помогли ГПУ организовать арест Св. Патриарха и Процесс петроградских церковников.

Церковь земная понесла невосполнимые потери.

Церковь небесная украсилась сонмом мучеников и исповедников.

В феврале 1922 г., с началом требований отдачи ценностей, которые изымались в пудах серебра, прот. Николай первым делом оценил, сколько в Казанском соборе может быть серебра. Оказалось, что около 122 пудов. Все это количество требовали отдать «на нужды

голодающих». И настоятели, и верующие были против, сомневаясь, действительно ли церковные ценности пойдут в помощь голодающим, поскольку некоторые предметы отправлялись в Эрмитаж или вообще неизвестно куда. Поскольку было соответствующее послание Патриарха Тихона и митрополита Вениамина, прот. Н.К. Чуков решил, что 35 пудов можно отдать. Святыни, священные, богослужебные предметы, алтарь, престол и иконостас он решил выкупить. В течение полутора месяцев прот. Николай подготавливал прихожан к мысли о неизбежности изъятия. Для ознакомления верующих им было вывешено первое письмо митрополита. 15 марта прот. Николай указал практический выход из положения: заменить соборные ценности соответствующим количеством ценностей прихожан.

19 марта прот. Н.К. Чуков обратился к прихожанам со словом об ужасах голода и призвал к пожертвованию личных ценностей и средств, в результате чего за два дня было собрано 29 млн руб. и около 60 предметов золота и серебра, некоторые люди даже снимали с себя золотые кресты. По мере сдачи верующими личных ценностей, о. Николай периодически вывешивал сведения о количестве пожертвованных ценностей, которые говорили о том, что сбор идет плохо, и что если и дальше так будет, то придется ценности отдать.

21 марта настоятель был вызван в ГПУ для допроса о том, что он говорил на проповеди. Прот. Н. Чуков указал, что история Церкви знает примеры отдачи священных предметов (и каноны это предусматривают) на выкуп пленных и на помощь голодающим; но – лишь когда исчерпаны все другие средства – и в виде слитков, в которые должны быть перелиты сосуды руками священнослужителей. Был отпущен, как не подлежащий задержанию, с предупреждением «ради Бога» не обострять вопроса и просили, в случае посещения комиссии и изъятия, повлиять на толпу,

Процесс Петроградского духовенства. 1922 г. В центре – митр. Вениамин, по правую руку его – прот. Николай Чуков

чтобы она не реагировала резко, а допустила необходимое изъятие.

Бесперывно работал ювелир, переплавляя принесенные серебряные предметы в слитки. 4 мая в час ночи из собора, окруженного солдатами, вывезли 22 пуда серебра и 60 золотников золота.

9 мая 1922 г. прот. Н.К. Чуков, как представитель митр. Вениамина, участвовал на заседании комиссии Губкомпомгола в Смольном, где убедился, что товарищи не знают, например, куда девать огромные средства, уже собранные заводами и фабриками, тем не менее требуют церковные ценности. К 12 мая взамен выкупленных богослужебных предметов в соборе подготовили и сдали еще 10 пуд. 23 фунта серебра. Прот. Н. Чуков пытался сохранить все, что только было возможно, объяснял, что иконы старые, ценности не представляют, просил отсрочки для выкупа иконостаса; в дело спасения включились Академия художеств и Академия наук, однако к 19 мая иконостас, «усердное приношение Войска Донского», был варварски разрушен. Богослужебные предметы настоятель прот. Н. Чуков выкупил, престол разобрали сами священники собора, в алтарь изымателей не пустили.

Уже в конце апреля 1922 г. был арестован председатель правления «Общества приходов» Ю.П. Новицкий и большинство его членов. Прот. Н. Чуков наладил оказание помощи заключенным в плане съестных и др. передач и организации защиты в случае суда.

Несмотря на то, что «изъятие» в соборе прошло «без крови», и было сдано 125 пудов серебра, 30 мая прот. Н. Чуков был арестован по обвинению в «сопротивлении изъятию церковных ценностей»...

31 мая был арестован митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин.

О том, как происходило разграбление Казанского собора и о последовавшем затем «судебном процессе», можно также узнать из предыдущих публикации дневников владыки⁷³.

10 июня был первый день беспрецедентного судилища, похожего на трагический театр абсурда, поскольку в обвинительном приговоре было упомянуто все, что было опровергнуто показаниями. В результате был вынесен

Приговор Петроградского Губернского Ревтрибунала от 10 июня – 5 июля 1922 г., который гласил:

«Заслушав и рассмотрев дело № 1287 по обвинению 1. Казанского Василия Павловича... 5. Чукова Николая Кирилловича... (всего 83 фамилии) (Правление Общества Приходских Советов) в контрреволюционных целях, агитации против изъятия церковных ценностей, противодействию и сопротивлению изъятию и хищению таковых, в преступлениях, предусмотренных ст. 62, 69, 72, 73, 77, 86, 119, 150, 180 и 185 УК РСФСР. Рассмотрев в судебном заседании материалы предварительного следствия, объяснения представителей обвинения и защиты, показания свидетелей и самих обвиняемых, трибунал постановил: Казанский, он же митрополит Петроградский и Гдовский, совместно с Правлением Приходов православной русской церкви, в лице ее активной группы: Председателя Правления: Новицкого, членов: Ковшарова, Елачич, Чукова, Богоявленского, Огнева, Шеина, Плотникова, Чельцова, Бычкова и Петровского, в контакте директив, исходивших от Патриарха Тихона, явно контрреволюционного содержания, направленных против существования рабоче-крестьянской власти, поставили себе целью, как проведение этих директив, так и распространение идей, направленных против проведения Советской Властью декрета от 23-го февраля сего года об изъятии церковных ценностей, с целью вызвать народные волнения для осуществления единого фронта с международной буржуазией против Советской Власти... После издания рабоче-крестьянской властью постановления ВЦИК от 16 февраля 1922 г. об изъятии церковных ценностей Патриарх Тихон, Митрополит Петроградский Вениамин и другие князья церкви, следуя директивам, идущим от международной буржуазии, вступили на путь борьбы с Советской Властью. Фальсифицируя канонические правила церкви, использовали религиозные предрассудки масс и пропагандировали идею сопротивления Советской Власти в проведении постановления ВЦИКа... Действуя с благословения Патриарха Тихона, поддерживая его преступную деятельность, митр. Петроградский Вениамин, совместно с Правлением Приходов ПРЦ вырабатывали послания в комиссию Помгола и Исполком, каковые распространяли среди приходов, а последними и духовенством приходов – среди прихожан. Так, 15 марта у Казанского собора скопляется толпа в несколько сот человек, распропагандированная к противодействию изъятия церковных ценностей, раздавались призывы к избиению комиссии и т.д. ...Новицкий... состоял Председателем Правления... придал организации характер деятельности, поставившей своей целью борьбу с Сов. Властью. Участвовал в закрытом совещании на частной квартире 11 марта, где вырабатывался текст обращения в Исполком, впоследствии представленный властям как ультиматум... Чукова, Плотникова, Елачич, Огнева, Шеина, Петровского и Бычкова в том, что, составляя вместе с вышеуказанными лицами (Казанским, Новицким, Ковшаровым, Богоявленским и Чельцовым) активную группу, действовавшую под видом легальной организации Правления Приходов православной р. ц., принимали активное участие в совещаниях и собраниях означенной группы, в коих обсуждали и разрабатывали

Расстрел митрополита Вениамина. Клеймо иконы Новомучеников и Исповедников Российских, от безбожников избивенных

вопросы противодействия Советской Власти в проведении ею декрета об изъятии церковных ценностей с целью возбуждения народных масс, т.е., Казанский, Новицкий, Ковшаров, ... Чуков, Петровский обвиняются в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 62 и 119 УК.»⁷⁴.

Статья 62 обвиняла в контрреволюции, т.е. «содействии мировой буржуазии в целях низвержения Советской власти». Никто из осужденных виновным себя не признал.

5 июля 1922 г. митр. Вениамина, прот. Н. Чукова и еще восьмерых отцов и церковных мирян Петроградский Губревтрибунал приговорил к высшей мере наказания с конфискацией имущества. 3 августа 1922 г. с учетом ходатайства детей, общественности и защиты, постановлением Президиума ВЦИК расстрел был заменен 5 годами лишения свободы, и вместе другими «смертниками» еп. Венедиктом (Плотниковым), прот. М. Чельцовым, Л. Богоявленским, мирянами Д. Огневым и Н. Елачичем, прот. Н. Чуков отбывал срок в Петроградской тюрьме, 2-ом т.н. исправдоме – Доме исправления преступников. Там он занимался привычным делом – читал лекции, и так же, как другие узники-«церковники», вел занятия по общеобразовательным предметам заключенным и детям тюремных служащих. Иногда им разрешалось уходить домой с ночлегом. Родственники заключенных подавали ходатайства об амнистии в декабре 1922, но они не были удовлетворены. 21 августа 1923 г. на свободу был отпущен о. Л. Богоявленский. Остальным узникам комиссия по амнистии отказала в августе 1923 г., находя, что они принадлежат к «активной группе». Тогда 29 сентября В.В.Плотников, М.Н. Чельцов, Н.Н. Чуков, Д.Ф. Огнев и Н.А. Елачич подали заявление в Губсуд, которое тот возвратил как ненадлежаще поданное, и 30 октября заключенные подали аналогичное заявление во ВЦИК⁷⁵.

Отец А.И. Введенский являлся одним из учредителей и входил в правление «Общества приходов». 18 февраля 1922 г. в «Правде» он поместил свое «воззвание» «Ко всем русским и западным христианам» о помощи голодающим, несмотря на предупреждения владыки Вениамина без его ведома ничего в данном вопросе не предпринимать. Это было первое публичное выступление будущих обновленцев. Правление «Общества приходов» подвергло его резкой критике. Заблаговременно, перед началом уничтожения «Общества приходов», в воскресенье первой недели Великого поста, он подал председателю правления Ю.П. Новицкому заявление о выходе из состава правления. Это говорит о том, что планировалось уничтожение этой организации. Затем последовало «письмо 12», аресты членов правления, прот. Николая, митрополита, а также и не членов правления, «видных протоиреев»⁷⁶, как писал арестованный также прот. М. Чельцов, настоятель Троицкого собора Измайловского полка, который в «Общество приходов» со своим приходом не вошел. Митрополит Вениамин на суде сказал: «Введенского я отлучил от церкви за то, что три священника, никем не уполномоченные, не взявшие на это благословение, без воли своего митрополита поехали в Москву, и приняли там на себя высшее церковное управление, и стали распоряжаться в моей епархии. Отлучать священников я могу на основании церковных канонических правил. Я предложил прот. Введенскому

Преосвященный Венедикт (Плотников), епископ Кронштадтский. Фотография с процесса 1922 г.

покаяться»⁷⁷. Однако Введенский не покаялся. Помощник безбожной власти, он решил проявить «гуманизм» в ходе судебного процесса. В деле имеется его обращение в Ревтрибунал: «Прошу предоставить мне возможность выступить на процессе церковников с защитительной речью. Я собираюсь вскрыть и подчеркнуть все язвы церковности, все запугивания, но вместе с тем и просить пощады этим личностям, как таковым»⁷⁸. Когда Введенский выходил из здания Дворянского собрания, где происходило судилище, женщина бросила в него камень.

Интересны воспоминания преосв. Николая (Ярушевича), впоследствии митр. Крутицкого и Коломенского: «После ареста митрополита он в течение некоторого времени содержался в Лавре; в эти дни наместнику Лавры назначено было посещать находящегося в заключении митрополита. Во время одного из таких посещений владыка митрополит рассказал наместнику об обстоятельствах

Александр Введенский. 1923 г.

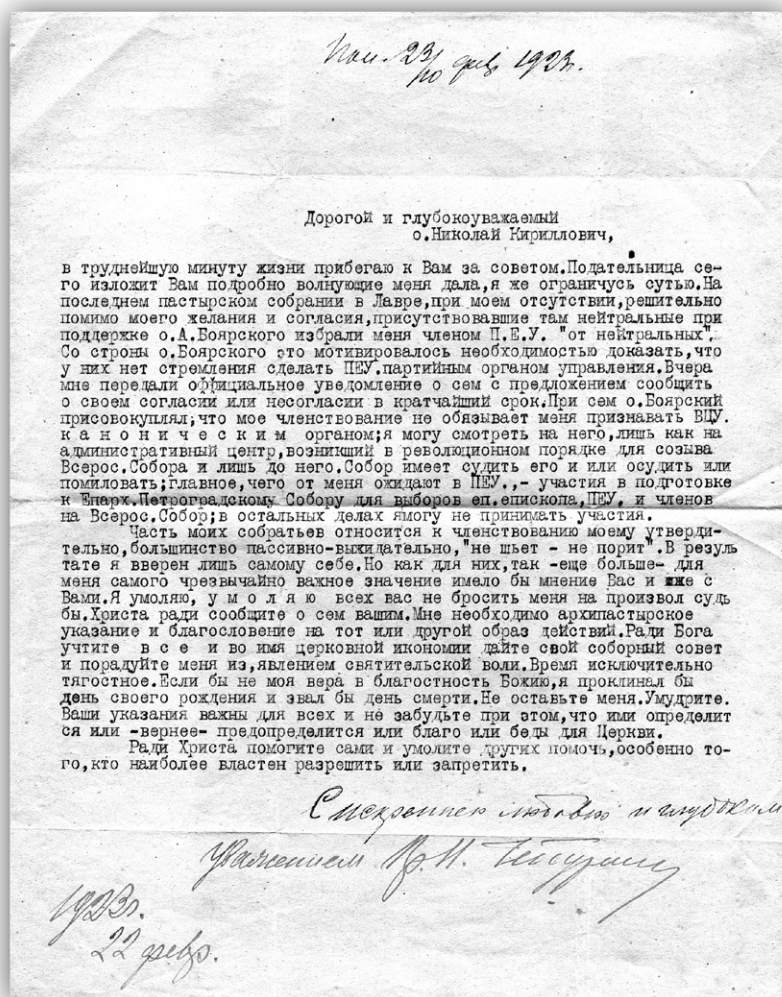
своего ареста; при этом он заметил, что во время своего ареста он мельком видел стоявшего в коридоре А.И. Введенского (который под благословение к нему не подходил). Рассказывая об этом, митрополит сказал: «Как это все похоже на Гефсиманский сад». После ареста митрополита власть лишь номинально находилась в руках еп. Алексия, который дела епархии так и не принял, живя в это время у своего отца на Дворянской улице в полном «затворе». Когда встал вопрос о снятии запрещения с А.И. Введенского, состоялось совещание по этому поводу четырех викариев (епп. Алексия, Венедикта, Иннокентия и Николая) пришли к выводу, что в отсутствие митрополита запрещение не может быть снято. Еп. Алексей, принимая на себя ответственность, вопреки мнению своих собратий, снял запрещение и издал свое известное воззвание. Еп. Совет в это время уже не функционировал»⁷⁹. Преосв. Алексей привлекался по делу № 1287 как свидетель. В тюремном дневнике прот. Николай писал: «7 июня/19 мая Митрополит низложен, управляет епархией Алексей. Боярский официально примкнул к группе Введенского. Так дожили и до переворота в церкви. Как все это ею переживается. Беда, если реформаторы перейдут меру и зарвутся. Отпадение от церкви, постепенное охлаждение к вере – вот к

чему это может привести. Атеистической власти, по-видимому, этого и нужно. А наши ей помогают. 3 июня/22 мая – с ночи Митрополит, Преосв. Николай и Иннокентий разделяют нашу участь (на Гороховой). Преосв. Алексей снял отлучение с Введенского, дабы облегчить положение заключенных. 5 июня/23 мая. На свободе сейчас настолько запутанное положение, а мое было бы так ответственно и рискованно, а натиск со стороны прогрессивной группы так несомненен, что отсутствие нас в данный момент, пока выясняются обстоятельства, лично для меня – удачно. Сам Господь устроил. Жалею Преосв. Алексия. Сколько нареканий придется ему претерпеть!»⁸⁰

А на воле обновленцы плели свои сети, затягивая в них духовенство и захватывая храмы, организовали себе лжесинод, епархиальное управление (ПЕУ), а в августе 1923 г. даже Богословский институт. Молодые православные епископы и духовенство не знали, как себя вести, без митрополита, без старших протоиереев, которые были в заключении. В этом смысле характерно письмо прот. Н. Чепурина прот. Н. Чукову от 22 февраля 1923 г.

Судьба Владыки Вениамина и «иже с ним» долго не была известна, и узники «исправдома» молились за них как за живых, и лишь 1 декабря 1922 г. отслужили по ним панихиду и перенесли из заздравного синодика в заупокойный. 24 нояб. 1923 г. Президиум ВЦИК удовлетворил ходатайство пятерых «смертников» от 30 октября, и постановил считать оставшийся срок наказания условным. Сообщение об этом пришло из Губсуда в «исправдом» в пятницу 30 нояб. 1923 г., и вечером их освободили.

Таким образом, прот. Н. Чуков пробыл в заключении ровно 18 месяцев (с 30 мая 1922 г.). На следующий день, в субботу, прот. Николай был в Казанском соборе у иконы, в воскресенье, 2 декабря, в храме Воскресения Христова приобщался в алтаре за литургией, а в 4 часа на Леушинском подворье собрались все освобожденные с родными, и отцы отслужили благодарственный молебен. Прот. Н. Чуков и другие осужденные на процессе, были реабилитированы все посмертно постановлением Президиума Верховного Суда РСФСР лишь 31.10.1990 г. Постановление гласило: «Приговор Петр. Губ. Рев. Трибунала от 10 июня – 5 июля 1922 г. и определения кассационной комиссии Верховного трибунала ВЦИК от 26 июля 1922 г. в отношении 1. Казанский... 5. Чуков... (всего 59 человек. – Л.А.-Ч.) отменить и уголовное дело производство прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления»⁸¹. О судьбе конфискованного имущества о. Николай позже писал: «... вещи были конфискованы, закреплены за Собесом и за 1 млрд рублей выкуплены. В 1930 году Собес нашел, что закрепление было произведено неправильно, подал в суд, который выкупа не признал, и присудил все вещи изъять.

Письмо прот. Николая Чепурина о. Николаю Чукову. Февраль 1923 г.

Семья выкупила часть имущества на сумму 1200 рублей, заплатив, таким образом, вторичные деньги за одни и те же вещи. Причина – в классовом подходе, который сейчас особенно в моде во всех делах и учреждениях. Все-таки, слава Богу, что дело закончилось. Вещи вывезли. Теперь только расплатиться с долгами»⁸¹.

По освобождении прот. Николай подал прошение управляющему епархией еп. Мануилу о причислении к храму, поскольку священники, не причисленные к церквям, подвергались высылке. Казанский собор был занят живоцерковниками, прежний причт изгнан, и народ перестал ходить в собор. Петроградский Богословский институт, во избежание попадания в ведение обновленческого Епархиального управления, а мае 1923 г. самоликвидировался. Прот. Николай был у о. В. Верюжского и просил о причислении к храму Воскресения Христова; написал записку «О церковной жизни в Олонецкой Епархии в 1922–23 гг.», занимался подборкой материалов для очерка об обновленческом движении в Петрограде. Посещал храмы Воскресения и Вознесения, служил дома – и всенощную и обедницу, семья пела. Делал попытки устроиться на работу в Академию наук, в Академию материальной культуры.

Дневник 1922–1923 годов⁸³

29 апреля/12 мая 1922 г. Пятница. Вчера был днем у Митрополита, доложил о заседании Компомгола, представил журнал.

6/19 мая. Вчера вечером был у Аксенова, делились впечатлениями и мыслями. Рассказал ему обо всем нашем соборном по порядку. О заключенных – все по-старому, освободили Озадовского. Ко мне приходил Л.И. Гирицкий, желающий организовать защиту из православных. Суд вероятен в конце будущей недели. По-видимому, хотят сосредоточить все дела по изъятию ценностей одновременно и к ним присоединить и дело о заключенных членах правления Общества приходов. Расчет такой: тут ничего серьезного нет, там вообще на других можно выехать и, в общем, соорудить «грандиозный» процесс церковников. Недаром Бакаев говорил мне в соборе, что до 75% священников будут привлечены...

По делу с Патриархом и с известиями об отречении, по-видимому, дело обстоит так: вследствие нахождения под судом он передает управление Церковью старейшему из иерархов. По опубликованному вчера в московских «Известиях» официальному сообщению наши батюшки пошли на гнусность, и Красницкий предъявил Патриарху ряд обвинений прямо контрреволюционных, чуть ли не в обагрении рук кровью, так как были расстреляны и т.п.

Да, Церковь накануне серьезных тяжелых переживаний, а мы – испытаний, может быть, исповедничества... (Примечание 1928 г.: «Как тяжело читать обо всем этом! Особенно когда думаешь о том, что будет в следующей тетради».)

23 июня /6 июля. Вчера (7 июля) при обыске взяли трудовую книжку и в ней мою последнюю речь на суде, мое «последнее слово». Если не возвратят, напишу его здесь, – на память детям. *Может быть, в последствии, без меня, найдется возможность издать часть моих речей,*

проповедей и прочее. Может быть, и мой дневник послужит материалом для печати, может быть, кто-либо из детей использует его со временем, как некоторый исторический материал. В качестве такового же, необходимо, чтобы дети сохранили мою переписку с Шемякиным, Ванчаковым (в ней – вся история церковного просвещения в Олонии за 20 лет), как и другую. Вообще надо, чтобы люди опытные (может быть, И.П. Щербов, или Бенешевич, или кто другой) рассмотрели весь мой архив и сдали его на хранение в какое-либо учреждение (Богословский институт, Академию Наук или что-либо подобное). Там, несомненно, много материала для истории того дела, в котором я в эти 27 лет принимал участие.

17/4 декабря. С 30, в ночь на 1-ое, исполнилось уже четыре месяца с тех пор, как Владыку митрополита и «иже с ним» взяли со Шпалерной... В течение четырех месяцев о них ни слуху, ни духу. Много было разговоров о переводе их в Москву, о высылке в Соловки, в Суздаль. И, наоборот, из сфер Трибунала слух – определенные сведения об их расстреле. Амнистия 2 ноября (13 ноября) говорит о пересмотре дел в тех случаях, если приговор не приведен в исполнение. Следовательно, если бы они были живы, о них обязательно должна была бы быть речь в Трибунале в смысле или подтверждения приговора, или замены этой меры наказания другой – низшей. Ничего этого не было, хотя дело наше рассмотрено. На этом основании, подумав, решили 1 числа отслужить по нашим страдальцам панихиду и перенести их из заздравного синодика в заупокойный. Так и сделали. Парийский, однако, все время уклоняется на молитве от ектении заупокойной по Владыке.

Сегодня газетное сообщение о Хотовицком – расстрела нет, приговорены «по совокупности преступлений» к десяти годам. Слава Богу, что нет крови...

В поминовении опять перемена: Лев Николаевич (Парийский. – Л.А.-Ч.) просил выделить Владыку митрополита и «иже с ним» в особое прошение – «о милости и спасении» в виду неизвестности их смерти.

21/8 декабря. Один из сидящих здесь – инженер Всеволожский рассказывал Преосв. Венедикту вчера

Дети протоиерея Николая Чукова: Анна, Борис, Николай, Александр, Вера. Петроград, 1922 г.

Епископ Лужский
Мануил
(Лемешевский).
Петроград. 1923 г.

и сегодня на прогулке о смерти владыки митрополита. Как-будто верны слухи о переодевании его, об обмороке с ним, продолжавшемся четверть часа, причем во время обморока не было приказано стрелять в него, а тогда, когда он очнулся, стреляли в висок, смерть наступила не сразу – потекла кровь по лицу на бороду, и митрополит не раз правой рукой провел по бороде, смахивая кровь. Все это рассказывал ему тот, кто и стрелял будто бы в митрополита, – некто Смирнов, бывший старостой в 1-ой общей камере на Гороховой, бывший прежде комендантом Смольного, а теперь состоящий начальником таможи. Насколько все это правда, трудно сказать. Одно верно, кажется, что нет их в живых, и это – наши мученики за Церковь...

21 января/3 февраля 1923 г. Суббота. 10 часов утра. Вчера к Преосв. Венедикту приходил епископ Михаил Попов. Принес «Тезисы предстоящей реформы Православной Церкви на поместном Соборе» (обновленческом. – Л.А.-Ч.), составленные Преосв. Введенским и утвержденные пленумом ВЦУ. Они будут рассматриваться здесь. Тезисы представляют из себя декларацию. Много хороших порывов и мыслей, но мало конкретного материала; они нуждаются в большом развитии, а иные – в оговорках и даже исключениях. Потом можно о них поговорить поподробнее. Письмо Преосв. Венедикта до них дошло; нашли его объективным и говорящим больше в пользу их, чем автокефалистов. У о. М.П. Чельцова был о. Архангелов; рассказывал в комических тонах о Живой церкви и «возрожденцах», что у них мало кто остался; что готовы записаться куда угодно, только бы возвратить прежний мир; что когда приезжает Красницкий – они «съезживаются и признают ВЦУ», а когда уезжает, опять не признают; что Шибов (с Гороховой) выговаривает, зачем у них раздоры, что он «больше не будет высылать никого в угоду им, что тогда за них примется», и т.п. Между прочим говорил, что народ, видя везде раздоры и колебания, говорит, что настоящая Церковь сейчас только в тюрьме, поэтому-то каждое слово из тюрьмы ловят и придают большое значение, часто и перетолковывая его – каждый в своих интересах.

19 февр./4 марта. Сегодня первый раз в праздничный день мы без обедни и причащения Святых Таин. Вчера во время служения в камере всеобщей, во время пения первой песни канона, в камеру явился дежурный помощник начальника Никитин – коммунист, и вел «начальственную» беседу по поводу нашего «пения», служения «литургии» и пр. Говорил, что закон Советской республики это запрещает и с этим необходимо считаться, что нам и так делается много привилегий (в отдельной камере, в своем платье, не острижены и т.п.), что за это может быть неприятность им, если явится Воробьев или Беляев, или если дойдет до Москвы... Указал на необходимость убрать с окон иконы, повешенные всеми в одно место. «Ведь Бог один, достаточно и одной» – мотивировал он. Мы, конечно, прекратили богослужение, извинившись перед ним за нарушение дисциплинарных правил тюремных. Разговор шел в тонах мирных. Видимо, ему самому было не совсем ловко читать нам нравоучение. По-видимому, все это вышло по доносу Тарабаева («христос»), вообще исполняющего добровольную обязанность шпиона. Он и послал Никитина из театра (тюремный «культпросвет». – Л.А.-Ч.) к нам в камеру.

7/20 мая. Воскресенье. 5 часов вечера. Заходил Л.Д. Аксенов. Я благодарил его за помощь. Прочитал обвинительный акт Патриарха и с ним митр. Арсения, архиеп. Никандра и Гурьева. Патриарх обвиняется в составлении письма к Совнаркому, посланий против власти, в сношениях с границей через миссии, в благословении на занятия Карловацкого собора, в благословении Деникина и Скоропадского, в противлении изъятию церковных ценностей. Он признал все это, но объяснял целями церковными, а не политическими. Конечно, его приговорят к высшей мере наказания, хотя, может быть, переговоры Красина с Англией и повлияют на неприведение приговора в исполнение. Но осуждение его Собором за эти действия – незаконно: послание он писал по общим директивам Собора 1917 года, и во всяком случае это – деяние политическое, а не церковное, и как таковое неподсудно Церкви. Тут другое.

Как теперь быть тем, которые не солидарны с Живой Церковью и являются так называемыми «тихоновцами»? Ведь нужно как-нибудь выявить свою идеологию, чтобы власть увидела отсутствие контрреволюционности у них. Обыкновенно все как-то неразрывно связывают Церковь с Государством в смысле необходимости влияния Церкви на Государственную жизнь. По моему мнению, Церковь должна влиять на душу каждого отдельного лица, а внутреннее настроение каждого будет выявляться в общественной, семейной, и государственной жизни.

Христос выявлял свое отношение к государственности в смысле подчинения установленным порядкам и только. В остальном Он имел отношение только к душе человеческой. В заботах об ее совершенствовании (а через нее и мира) полагали свою задачу и апостолы. Уже потом, в период соединения Церкви с государством и покровительства последнего первой, Церковь постепенно определила вовне свое отношение к Государству, – думаю, что – перемешав принципы и установив на многие явления государства, как института внешнего и языческого, взгляд не чисто евангельский (война, суд и прочее)...

Побывали у меня – Нина, Е.Ф. Тураева, Алявдин, о. Вл. Лозинский.

16/29 мая. В Казанском соборе в воскресенье служил Коблов – уже епископ Туркестанский (!). Говорил после Евангелия проповедь с восхвалением власти за раскрытие глаз на мощи (!). Это вызвало шум в церкви и голоса «вон, довольно». В понедельник там служил «протопресвитер всея Руси» Красницкий. . .

6/ 19 июля. Университетскую церковь пришлось закрыть вследствие требования Оптического института об освобождении квартиры. Как жаль, что о. Лозинский не нашел для церкви другой частной квартиры. Хотя, может быть, и не разрешили бы. . .

Так все, что я создавал и где работал – разрушено: церковные школы уничтожены, семинарии – тоже, приют – сожжен, Университетская церковь – закрыта, Богословский институт – тоже. Какая печальная судьба! Не думаю, однако, чтобы дело рук моих – духовное, внутреннее пропало. Конечно, то святое, доброе, что было глубоко посеяно и в школах, и в приюте, и в семинарии, и в университетском приходе и в Богословском институте, не могло пропасть, и Господь возрастит плоды в свое время, сохранив их от гибели, ибо ради Его истины дело делалось, и не может оно погибнуть.

9/22 августа. Среда. 10 часов утра. Сегодня годовщина, как мы перешли со Шпалерной во 2-й Исправдом. С смутным чувством входили мы сюда: с одной стороны – несомненное сознание облегчения положения сравнительно с пребыванием на Шпалерной, с другой – неизвестность режима, отношений и т.п. Теперь, прожив год, и на пороге освобождения, можно сказать: слава Богу! Жили здесь хорошо, ото всех встречали самое доброе отношение, пользовались относительно широкой свободой и не растрепали нервов так, как это было бы можно ожидать при другой обстановке. Вчера о. Леонид (прот. Л. Богдавленский. – Л.А.-Ч.) освободился. На суде Яковченко спрашивал его не более трех минут: «Читали ли о раскаянии Патриарха? Как к этому относитесь? Почему же были против изъятия ценностей? Что намерены делать?» – и только. Он отвечал, что раскаяние приветствует; на изъятие лишь в тюрьме узнал точку зрения Амвросия Медиоланского, что если власть требует, то не препятствовать; намерен отдохнуть, полечиться и служить Господу. Так, по крайней мере, сообщил он нам свой ответ на суде. Вечером отслужили мы благодарственный молебен и проводили его. Теперь ждем своей участи. Думаем, что скоро и мы последуем на свободу.

30/17 сентября. Воскресенье. 12 часов дня. С утра – дома, до вечера. Надеялся, что к сегодняшнему дню буду совсем освобожден, но не тут-то было. Комиссия по амнистии нам отказала, находя, что мы принадлежим к активной группе. Происходило так. В четверг, при допросе Елачича, комиссия только что, по-видимому, познакомилась с нашим делом (месяц, как амнистия опубликована, о нас особый пункт; нас всего 6 человек, крупный процесс, и тем не менее, ни о чем не подумали, ни к чему не подготовились!) Начались совещания, знакомство с делами. Член Исполкома Николаев стоял за освобождение нас. Решили запросить Исполком. В пят-

ницу к вечеру шла буква «Ч». Вызвали нас с Чельцовым. Его первого. Я стоял в дверях и слушал. Спросили его о том, где служил, а затем сообщили, что амнистия нас не касается, что мы – активная группа, что они не могут нас освободить, но что если мы подадим в Губсуд заявление о нашем раскаянии и признании правильным приговора над нами, то мы будем освобождены. При этом Ронкин, член Губсуда, добавил, что «мы ручаемся, что вы будете освобождены». . . Больше ни меня, ни кого из нас не допрашивали. Мы пошли совещаться о тексте заявления. И тут вышло разногласие: Чельцову надо было непременно написать слово «раскаиваемся» и что признаем справедливость приговора; мы все протестовали, потому что действительно не сознавали себя виновными и осуждение неправильным. Как согласить? Спорили долго. У Чельцова, в конце концов, не было доводов: он все ссылаясь на промедление в выдаче ценностей, но в этом нас не обвиняли, и это одна из частных обвинений, а нас осудили за: 1) активность в правлении; 2) за участие в совещаниях и 3) за возбуждение населения. Это одинаково ко всем, в том числе и к Чельцову. Долго спорили; особенно подливали масла в огонь темпераменты – мой и Чельцова. Выход был – или написать всем отдельно, что – нежелательно, или написать Чельцову отдельно и нам тоже, что еще более нежелательно. Наконец, уже утром, кое-как победили самолюбие Чельцова («зачем не по его». . .) и согласились на следующем тексте:

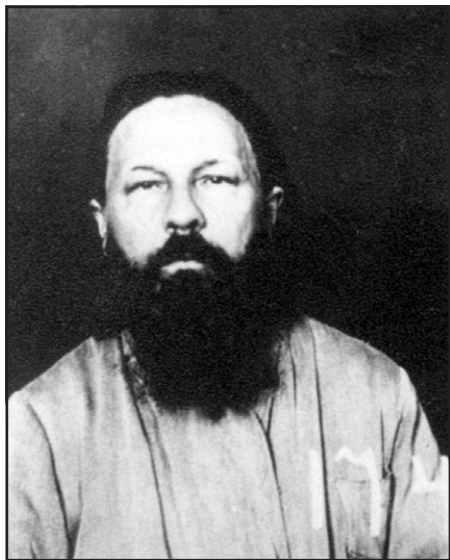
В Петроградский Губернский суд

л/с содержащихся во 2 Петроградском Исправдоме Плотникова В.В., Чельцова М.П., Чукова Н.К., Огнева Д.Ф. и Елачича Н.А. (X отделение, 7 камера).

Заявление

28-го сентября сего 1923 года, комиссия при Петроисполкоме по применению амнистии 17 августа 1923 г., отказала нам, осужденным Петроградским Революционным трибуналом по делу петроградских церковников от 5 июля 1922 г. и определением ВЦИКа от 3 августа того же года к пяти годам лишения свободы, в применении означенной амнистии.

Принимая во внимание: 1) что мы входили, как признано трибуналом, в активную группу и принимали участие в тех действиях, которые вменены были главным действовавшим лицам; 2) что так как наше участие в этом деле, связанном с промедлением выдачи церковных ценностей, заключается в себе, согласно приговору, действия, направленные против Советской власти, то мы крайне сожалеем и скорбим об этом и решительно отмежевываемся от всякой контрреволюционной деятельности, признавая себя вполне лояльными гражданами Советской Союзной Республики; 3) что нами уже отбыто 16 месяцев заключения под стражей; 4) что постановлением Губраспредкома от 1 сентября сего года все мы переведены в третью (образцовую) группу лишенных свободы; 5) что в течение всего времени содержания нашего во 2 Исправдоме мы принимали самое деятельное и усердное участие в работе местного культпросвета; 6) что октябрьская амнистия 1922 г. к нам применена не была; и 7) что все другие осужденные по настоящему делу уже освобождены из заключения, – мы усерднейше просим

*Прот. Леонид
Богоявленский.
Фото из
следственного
дела 1922 г.*

ходатайства Губернского суда о полном помиловании нас на основании амнистии 17 августа 1923 г.

(Подписи:) Венедикт Плотников, Михаил Чельцов, Николай Чуков, Дмитрий Огнев, Николай Елачич.

29 сентября 1923 г.

Утром мы снесли это заявление начальнику тюрьмы, а тот вечером вручил его лично члену Губернского суда Ронкину. Будем ждать результатов. Все наше начальство сочувствует нам. Н.В. Румянцев советовал нам подать это заявление в Распредком, который отошлет от себя его во ВЦИК, снабдив полновесной рекомендацией.

Комиссией вообще очень недовольны: она работает без всякой системы и без всяких руководящих принципов. По одному и тому же делу одним отказывает, других освобождает, третьим сокращает сроки... И таких много. Все они подали заявление в комиссию и хотят, в случае отказа, подавать далее. Так и следует.

На этом времени был занят большой работой – составлением сметы ГУМЗа по всем исправдомам. Составил.

Из церковных сообщений известно, что вчера и сегодня служил здесь вновь присланный от Патриарха еп. Лужский Мануил. Насколько известно, это далеко не находка для тихоновцев. Прежде всего – пока совсем не надо было бы архиерея, чтобы не дразнить, чтобы спокойно пастве укрепиться; а во-вторых, уж если посылать, то надо было послать не такого: надо было более тактичного и умного, для всех приемлемого; а это – фанатик с самомнением, мелочный и, конечно, без опыта, молодой.

О Патриархе известно, что митр. Евдоким сносился с ним, предложил на некоторое время удалиться для того, чтобы можно было свободно избрать Патриарха. Для чего же это? Среди 19 епископов у Патриарха разделение. Сам Тихон не желает уезжать. Здесь в Петрограде власть тоже предложила живоцерковникам объединиться всем группой. Красницкий говорит, что он желает служить с властью, но не для власти. От Патриарха назначен духовником для духовенства о. В.Н. Прозоров. Его взгляд на прием уклонившихся совершенно здравый, без шумихи. Дернов и Вертоградский, напротив, стоят за публичность приема. Отец П.А. Налимов «окопался», никуда не показывается.

Также в Москве еп. Федор, не признающий Тихона после его «раскаяния».

С 21 сентября в Исправдоме находился еп. Игнатий (Садковский) с братом, иеромонахом Георгием, высылающиеся в Соловецкий монастырь; уже 9 месяцев сидит в тюрьме из-за живоцерковников. Рассказывает, что митр. Евдоким ездил к митр. Сергию Владимирскому и звал его к ним. Тот отказался.

Сегодня у меня были А.Г. Петров, А.Д. Шидловский и Л.Д. Аксенов.

Еп. Мануил сегодня служил; обратился к духовенству с речью, что он привез от Патриарха соответствующие руководящие указания относительно церковной жизни, которые должны быть строго соблюдены; нарушившие будут привлекаться к церковному суду... Аксенов доволен его твердостью сравнительно с оппортунизмом Преосв. Николая Ярушевича. Завтра еп. Мануил явится в Исполком и ГПУ с сообщением, что он прибыл в качестве представителя Патриарха, просит по всем делам, касающимся духовенства – «тихоновцев», обращаться к нему, он за него отвечает своей головой и ручается за его неконтрреволюционность.

В Москве уже издано распоряжение о введении с 1 октября нового стиля. Это – по почину вселенского Патриарха.

Кто-то приехал с сообщением, что видел митр. Вениамина; где-то южнее Мурманска. Ему и Ковшарову режим тяжелее, чем Новицкому и Шеину. Митрополит просил не разглашать, потому что это может повредить и отягчить режим их. Правда ли?

...В воскресенье я был у А.А. Жижиленко. Тот дал совет: 1) так как имеются сведения, что дело Патриарха прекращено, а приговор по нашему делу ставит в связь привлечение его к суду, то естественно заключать – при освобождении Патриарха – и о нашем освобождении. Это надо сообщить святейшему Патриарху, чтобы он сказал кому следует. 2) Было бы нелишне осведомить о нашем деле английского консула, поскольку в ультиматуме было упоминание о нашем процессе.

Вчера у Л.Д. Аксенова беседовали. Он сам хочет ехать в Москву, чтобы побеседовать с Патриархом и постараться чрез кого-либо продвинуть дело, и 2) попросить кого-то из братиц поговорить с здешним английским консулом.

В то же время Огнев обратился к Мордухаю Колтовскому с просьбой просить о нашем деле Калинина, с которым тот знаком. Д.Е. Перцев хотел писать какому-то своему родственнику – юрисконсульту ВЦИКа. А Аксенов хотел беседовать с Богоявленским об обращении к Ф. Кону, который остался теперь вместо Енукидзе и который сыграл большую роль в деле освобождения Богоявленского. Будем ждать милости Божией.

17/4 октября. В субботу скончался скоропостижно о. А.А. Дернов, протопресвитер. Вчера хоронили. Говорят, на парастасе и отпевании было больше 40 священников; многие «красные» стояли в толпе, недопущенные к служению. Провожали с крестным ходом.

В субботу я был за всенощной в храме Воскресения на Крови, а в воскресенье – у литургии. Многие увидели, выражали радость и сочувствие.

Вчера в газете «Последние новости» помещены два письма митр. Евдокима и митр. Антония Храповицкого, которыми они обменялись. Первый сообщает о лишении Антония сана Собором, о том, что от Патриарха отложился, и свои подставили будто бы, что он сложил власть и уехал, а второй обличает Евдокима во лжи и резко его характеризует, тоже сообщая о лишении сана. В общем, скверно. Что, однако, все это значит? И где правда? Аксенов пока мало что знает. Сообщил, что виделся с Мичуриным, который хвалился, что его называют Петроградским митрополитом; характеризовал живоцерковников хулиганями, плутами, ворами, развратниками, предателями; говорил, что приходится действовать «против воли»; что «Советская власть – не дура, и скоро все это поймут и ахнут»...

По поводу стиля сообщил, что-то странное: послание Патриарха об этом прибыло в нескольких экземплярах, печатных, но не на имя еп. Мануила, а на имя архиеп. Николая Муравьева. Мануил обиделся и обратился в Москву с запросом, говоря, что было бы необходимо несколько замедлить, дабы подготовить общественное мнение.

Сообщил Л.Д. Аксенов страшную весть: власти расстреляли Ковшарова, думая, что он автор писем митрополита (в тексте есть указания, что они написаны о. Л. Богоявленским. – Л.А.-Ч.)

Об о. Леониде (прот. Богоявленский. – Л.А.-Ч.) сообщил, что он – как-то не углубляется в дело, заводит все речь об общецерковных вопросах, видимо, очень удручен. Я сообщил наши подозрения, что не подписал ли он в прошлом году «раскаяния»... Л.Д. отвергает это: сам о. Леонид боялся, «ужели мы подпишем, когда этого от нас хотела комиссия»... Не разберешь.

30 октября/12 ноября. Понедельник. 10.30 утра. Вновь получил отпуск с субботы 10-го до вторника 13-го. Предполагали мы все, что будет общий отпуск на советский праздник (7 ноября), но отпуска не было, а теперь – в общем порядке получил на два дня (вместо трех, которые просил). Был вчера у литургии в храме Воскресения, затем у Либины; у меня вечером была З.Н. Неелова и Н.А. Никитина. В среду, когда предполагался праздничный отпуск, ко мне на дом заходили о. Леонид и Н.В. Чепурин, но так и не удалось их видеть.

За это время произошло следующее: Боярский ездил в Москву, виделся частным образом с еп. Иларионом (Троицким. – Л.А.-Ч.) и от него узнал, что будто бы получена грамота восточных Патриархов, не признающая Собора 1923 года и осуждения Патриарха Тихона, что Патриарх Тихон обратился с посланием о введении с 1 октября нового стиля с празднованием Пасхи по обычаю Иерусалимской церкви.

Вследствие этого, Боярский настаивал в своем Синоде об образовании смешенной комиссии по вопросу о соглашении и примирении, и что наметились будто бы даже условия соглашения: 1) женатые епископы должны или оставить своих жен, или епископство; 2) второбрачие священников должно обсуждаться особо в каждом отдельном случае. Все это должен обсудить Собор, предположенный в декабре из православных епископов, как он же должен рассмотреть и вопрос о Патриархе и отпавших епископах.

Но эти предположения оказались трудно выполнимыми, что будет видно из дальнейшего.

С приездом еп. Мануила и после того, как его служения и речи проходили благополучно в смысле прошений от гражданской власти, началась «тяга» к переходу или воссоединению с Патриархом Тихоном. Мануил старался обставить это возможно полезнее, с окроплениями, всенародными покаяниями, торжественными служениями и прочим. Не обходилось и без бестактностей; в лавре Мануил выразил желание, чтобы его встретила вся братия на площади у ворот, затем хотел стать на митрополичье место, наконец, провозгласил высланного административно еп. Николая Петергофского наместником лавры на великом входе и на многолетии. Первые два поступка рисуют просто его тщеславие, а последний прямо глупую неосторожность. Отношение Мануила к обращающимся священникам походит на издевательство: Чепурина и Митроцкого он запрещал в служении на неделю, отстранял от богослужений, требовал всенародного выступления и т.п., и недоволен, когда те не так ярко это исполняли.

3дек./20 ноября. Понедельник. Слава Богу! Наконец-то я дома, освобожден из заключения, располагаю собой свободно... В пятницу, 30 ноября, из Губсуда пришло сообщение о постановлении ВЦИК, и нас освободили вечером. Ушли мы из тюрьмы в одиннадцатом часу вечера, т.е. ровно в тот самый час, в который 18 месяцев тому назад я был заарестован следователем в Трибунал. Полтора года длилось это заключение... Теперь освобождены все по нашему делу, а только нет бедных четырех, расплатившихся жизнью...

Ушли мы из тюрьмы с добрыми к ней чувствами, с благодарностью ко всем в ней служащим: отношение к нам со стороны всех было самое хорошее, и этим скрашивалось наше сидение... На прощанье мы поблагодарили начальника (В.И. Лапченко), Н.В. Румянцева и других. Последний только что поручил работу: составить программы лекций для систематического их ведения. Я побывал дома, взял пособия и в два дня составил программы по гигиене, природоведению, географии, общей истории и истории русской литературы, Чельцов взял по психологии, Огнев по космографии, Елачич по истории искусств. Я свою работу сдал, а те еще не начинали, должны будут закончить дома.

Режим в тюрьме за последнее время начал быть более и более строгим, и хотя нас, как состоявших в третьей группе «образцовых», он не затрагивал, но все-таки лучше, что мы ушли: все время шли слухи о новом направлении, о большем стеснении «буржуев», неосвобождении их по «досрочному», о применении к ним физических работ и т.п. Трогательно отношение ко мне детей тюремных служащих: когда я показался к ним, они меня обступили, кто повис на шее, кто на спине; были рады, что я ухожу; звали придти к ним на Рождестве, на спектакль...

Здесь, на свободе, в церкви, вчера и третьего дня – тоже: бывшие прихожане и знакомые тоже обступили, благословляли, целовали, поздравляли, радовались... Спасибо им! Сегодня заходил о. Иларион, мой бывший ученик, а в субботу были Л.Д. Аксенов и о. Леонид. Первый успокоил относительно еще трех месяцев содержания

и обещал позаботиться об устройстве меня куда-нибудь.

Дома все по-прежнему. Шуру уволили из консерватории как сына священника. О Коле вопрос выяснится на днях. П.З. Андреев разрешил Шуре ходить на его уроки. Необходимо ему побеседовать с Ершовым и поступить в студию б. Рап<...>, чтобы пройти курс и закончить образование музыкальное... Церковные дела в прежнем положении: раздор внутренний продолжается; бестактная политика еп. Мануила даже усугубляет его; врагам религии это, конечно, на руку. Преосв. Венедикт побывал в Москве у Патриарха и привез оттуда следующие сведения. Синод у Патриарха почти распался: архиеп. Иларион Верейский арестован (говорят, будто бы сейчас уже освобожден); архиеп. Петр Полянский-Подольский вновь высылается в Великий Устюг; архиеп. Пахомий Черниговский разыскивается властью; архиеп. Тихон Уральский уж очень стар; архиеп. Никодим Таврический всего один раз был на заседании – больной; арх. Серафим Тверской – в отъезде.

5/18 декабря. Вторник. 1 час дня. Сейчас заходил о. игумен Трифон из Кирилло-Челмогорского монастыря. Приглашал служить в четверг вечером и пятницу утром на подворье. Порассказал о Каргопольском житье-бытье. У монастыря все отнято; оставлена церковь; живут вне монастыря, что за келью – плата по 1р.50к. с кв. сажени //... Доходов никаких, работают у крестьян – тем и живут. Вот истинные подвижники! Приставленный от комхоза наблюдать какой-то Оборин – издевается. Но твердо стоят в православии. Этому помогают частые посещения о. Трифоном Петрограда и осведомление им батюшек. Кое-кто держится, а многие отошли и, по-видимому, по предложению извне, прельщенные. Так, прот. Ильинский, раза три сидевший в тюрьме, вдруг, с Соловьевым и Любимовым, из тюрьмы шлют воззвание к духовенству по поводу обновления, выпускаются оттуда и затем ведут самую ретивую работу по «борьбе с контрреволюцией», заключающейся в поминовении священниками патр. Тихона! Ильинский с Колпаковым свирепствуют в Каргополе

так же, как здесь Введенский с Красницким, указывая, кого арестовывать, кого выпустить... Печально! Колпакову я не удивляюсь, мне он представляется едва ли верующим, но Ильинский – б. миссионер. Во главе исполкома в Каргополе стоит окончивший курс Олонецкой семинарии Василий Кипреев – говорят, жестоко расправляющийся с духовенством, посадивший даже собственного отца в тюрьму за изъятие ценностей. Конечно, коммунист. Чем объяснить такие повороты у людей, достаточно знакомых с основами богословия, как Никонов, Кипреев, Чесноков и прочие? Думаю – тем, что у нас религия не сидела никогда глубоко; была лишь внешность, обрядность, церковность, традиция, а не было глубокого внутреннего переживания, не было «школы молитвы» и «школы упражнения в добродетели». Все мы больше язычники по жизни и духу, чем христиане, и дальше – все мы больше материалисты, чем идеалисты...

24/11 декабря. Понедельник. 7 час. вечера. Не писал неделю. За это время служил в Николин день на Б. Посадской и 8 декабря на Боровой. На Посадской всенощную служил я, литургию Преосв. Мануил. Народу было так много, что уже на предначинательном псалме я еле протискивался с каждением по церкви. С еп. Мануилом встретился впервые. Встретил меня приветливо, успокаивал относительно служения (что бояться нечего...). После литургии пили чай, обедали в тесном кружке. Я присматривался к нему и молчал. Он тоже со мной не говорил много; заметно даже, что как будто избегал меня: когда завел он речь об издании хрестоматии апологетической и приглашал участвовать в ней о.о. Митроцкого и Аникиева, он, видимо, намеренно обошел меня, хотя м. Афанасия дважды упомянула мое имя.

17/4 января 1924 г. Четверг. Дубова говорила о Боярском. Я определенно высказал, что ни о каких соборах он помышлять не должен, а должен прямо присоединиться к Патриарху и нести епитимью.

27/14 января. Воскресенье. На этих днях написал записку о церковной жизни в Олон. Епархии в 1922–23 г.

3 февраля/21 января. Воскресенье. Всю неделю занимался подбором материалов для записки об обновленческом движении в Петрограде. Это будет потруднее: здесь центр движения, много активных деятелей, много группировок. Прочитал Титлинова о «Новой Церкви», чтобы не повторяться в описании причин явления... В пятницу вечером ко мне зашел о. Н.В. Чепурин и почти одновременно Н.А. Морозов (известный шлиссельбуржец. – Л.А.-Ч.). Побеседовали вместе. Я благодарил Н.А. – за содействие (во время пребывания узников в исправдоме ходатайствовал о скорейшем их освобождении. – Л.А.-Ч.). Он рассказал, как все было. Потом говорили на научные темы. Взял мое курсовое сочинение, заинтересовавшись интерполяциями.

19–6 февраля. Вторник. Не писал 2 недели: все опасался ареста... Есть сведения о новых арестах: о. М. Яворский, М. Тихомиров, Вл. Лозинский, о. арх. Досифейар арх. Макарий (Лаврский) и арх. Макарий (Афонский), о. Трофимий (Киев. Подв.)... и много мирян. Все они содержатся в ДПЗ на Шпалерной. Вчера принесли сведения, что освобожден о. Т. Налимов и еще несколько священников. По их

Николо-Богоявленский Морской собор, где служил протоиерей Николай Чуков

сообщению, сидят они по трое (еврей, коммунист и священник...).

Преосв. Мануил передавал слух о предположении высылки тех священников, которые не причислены к церквам, «безработных». Я поэтому и пошел к епископам. Преосв. Мануил встретил радушно. Я изложил причину посещения. Он подтвердил, что о. Платонов говорил об этом с кафедры. Я просил прикомандировать меня (без содержания и доходов) к храму Воскресения и в письме объяснить причину о. Верюжскому. Он сейчас же обещал исполнить это. Между прочим сообщил, что обо мне идут разговоры в приходском совете Екатерининской церкви на Екатерингофском просп., и что будет с церквями вообще. Сообщил и о том, что здесь распускают слухи о разногласиях между епископами, что еп. Евдоким и Красницкий что-то сообщают по поводу этого, и что они с Преосв. Венедиктом решили громко заявить с кафедры о вздорности этих слухов и, затем собрать собрание духовенства и предложить вопрос о выборе правящего епископа, причем выставить кандидатуры Т.А. Налимова и К.В. Ивановского, сняв свои. Я был у отца Верюжского и просил его о причислении к собору. Спустя несколько дней он прислал ко мне сторожа с извещением, чтобы я подал заявление «двадцатке», прибавив, чтоб не рассчитывал на содержание! (об этом я с самого начала ему сам заявил...). Я послал заявление, в котором написал, что «ввиду того, что Казанский собор, в котором я состоял настоятелем, принадлежит группе “Живая Церковь”, к которой я не принадлежу, и, с другой стороны, в виду необходимости, по каноническим основаниям (6 пр. 4 всел. Собора) быть причисленным священником к какому-либо храму, прошу приходской совет храма Воскресения Господня причислить меня к этому храму сверх штата и зарегистрировать в соответствующем гражданском учреждении. Согласие на это Управляющего епархией еп. Мануила мною получено 2 февраля лично»...

В то же время, видя непрочность этого причисления, я побывал в Академии наук у Полласа и Крачковского с просьбой устроить меня куда-либо хотя бы сверхштатным сотрудником. Они обещали поговорить с Ольденбургом. Но оказалось, что тот боится за Академию наук, и без того состоящую не в почете у какого-то Петрова в Москве, особенно в виду известности, какую приобрела моя фамилия, и со своей стороны хотел попросить за меня Н.Я. Марра, как президента Академии материальной культуры).

Что из этого выйдет, пока трудно сказать. О том же Марре говорил и Н.А. Морозов, читавший мне кандидатское сочинение и узнавший из него, что я знаю древне-еврейский и халдейский языки. Будем ждать. На днях о. Макарий принес мне 10 зол. рублей – частную помощь от б. Ара, кажется. Как раз вовремя, потому что в финансовом отношении переживаем «постоянный кризис», осложняющийся вопросом топливным.

Новое настоятельство, новая ректура, и снова ДПЗ

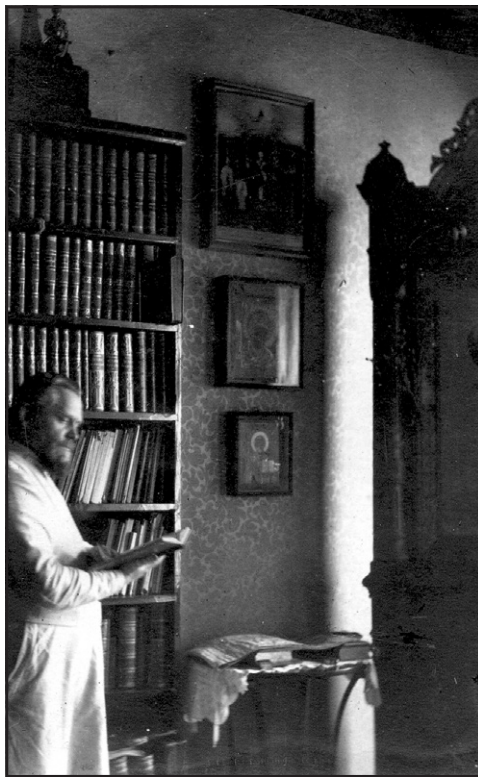
29 марта 1924 (по 1935) еп. Венедиктом (Плотниковым) прот. Н. Чуков был назначен настоятелем Николо-Бо-

*Прот. Николай Чуков. Фотография после процесса
Петроградских церковников,
сделана в исправдоме 17/30 мая 1923 г.*

гоявленского кафедрального собора, при этом номинально продолжал числиться настоятелем Казанского собора. С 2 апреля 1924 г. он – преподаватель апологетики и заведующий Богословскими курсами Центрального городского района, член комиссии по выработке Положения о Высших Богословских курсах, за основу которого было взято Положение о бывшем Петроградском Богословском институте. В августе 1925 г. о. Николай посетил в Сокольниках митр. Петра (Полянского), обсуждал положение в Никольском соборе, ситуацию с обновленцами, получил послание митр. Петра от 28 (15) июля «Об отношении к обновленчеству» для распространения в епархии и благословение Местоблюстителем на открытие Высших Богословских курсов. 25 сентября 1925 г. Советом курсов избран ректором. В октябре митр. Петр утвердил «Положение о Высших Богословских курсах в Ленинграде», состав преподавателей и прот. Н. Чукова в должности ректора. В ноябре 1925 г. по поручению митр. Петра с целью узнать все, что касалось способа открытия курсов в Ленинграде, чтобы попытаться добиться устройства чего-либо подобного в Москве, прот. Н.К. Чукова посетил бывший проректор МДА проф. прот. В.Н. Страхов, которому прот. Н.К. Чукова вручил записку с необходимыми указаниями. В конце первого года работы Высших Богословских курсов на них обучалось более 80 человек. Так же, как в свое время Петроградский Богословский институт, Высшие Богословские курсы стали духовным центром епархии.

В 1987 г. был издан труд митр. Мануила «Каталог Русских Православных архиереев»: «...В 1918 году протоиерей Чуков переехал на жительство в Петроград.

Прот. Николай Чуков в своей домашней библиотеке (Невский пр., 9). 1927 г. Архив Чуковых, публикуется впервые

Его пастырская деятельность в этом городе протекала в период обновленчества, а затем иосифлянства. Широкие либеральные взгляды о. Николая на Церковь закономерно отразились и на его отношении к расколам. Как видно из всей деятельности о. Николая, он принадлежал к “левой группе тихоновского духовенства”, то есть, не порывая с Православной Церковью, внутренне был близок к обновленцам и душой тянулся к ним. Отсюда понятно, что иосифляне и другие раскольники из числа правых не пользовались его симпатиями... Не умаляя достоинств митрополита Григория, о которых так обстоятельно рассказано в его автобиографии, добавим несколько фактов, говорящих не в его пользу. В “Вестнике Священного Синода” за 1926 год имеется указание, что в период подготовки собора 1925 г. среди ленинградского духовенства «выявилась левая группа тихоновцев», которая склонна была идти навстречу примирительной политике Св. Синода. Эта группа подавала надежды, что она окажет свое давление на епископов и постарается сдвинуть их с непримиримой позиции. Но как только появилось воззвание митр. Петра, так “мужество” левых тихоновцев упало. Они заговорили другим языком и опустили свой флаг, откровенно давая понять, что обстоятельства сильнее их. Фамилии там не указаны, но из других источников известно, что митрополит Григорий, тогда еще о. Николай Чуков, был в числе этих людей и едва ли даже не во главе их. В то время, как ленинградские епископы наблюдали за обновленцами, плетущими новые сети, готовящими новые скорби для Русской Церкви, и настойчиво предупреждали своих пасомых об опасности, в то время, как они предписывали “всячески устраняться от и уклоняться от каких бы то ни было переговоров и даже выражения в разговоре с обновленцами своих личных мнений по церковным вопросам”, – в это самое время о. Николай позволил себе действовать

в обратном направлении. Он так энергично содействовал стремлению обновленцев к “примирению”, что его, и его единомышленников стали называть “инициативной” и даже “боевой” группой примиренцев и даже пораженцев. В мае 1926 г. о. Николай обнародовал свою переписку с еп. Венедиктом ... при внимательном прочтении этой переписки ... встает облик человека, настойчиво добивающегося этого примирения вопреки прямым указаниям своих епископов. Примирение не в смысле воссоединения в Православной церковью отпавших от нее, а в смысле объединения на паритетных началах, и даже с большим преимуществом для обновленцев. О. Чуков признавал себя и своих сторонников, преподавателей Богословских курсов, а в недавнем прошлом – Богословского института, – людьми “просвещенных взглядов и широкого кругозора”, и на этом основании находил возможным игнорировать распоряжения, сделанные епископами... и т.д.»⁸⁴.

Такой портрет прот. Н.К. Чукова преосв. Мануил оставил потомкам, и ныне он тиражируется некоторыми писателями истории многострадальной Русской Церкви. Надеюсь, что при ознакомлении с представленными ниже фрагментами дневников о. Николая, внимательный читатель решит сам (см. записи за ноябрь 24 г. – сент. 25 г.), писал ли преосв. Мануил, которого в период описываемых им событий в епархии уже не было (находился с осени 1923 г. до весны 1924 г.), – объективно, или просто о. Чукова очень не любил.

8 апреля 1926 г. прот. Николай был избран членом Карело-Мурманской комиссии Государственного русского географического общества.

За представленное сочинение на тему «Мессианские представления иудеев по Таргуму Ионафана, сына Узиелова», отзыв на которое дал проф. И.Г. Троицкий, 25 ноября 1926 г. Советом Высших Богословских курсов ректор прот. Н.К. Чуков был удостоен ученой степени магистра богословия, в которой 4 февраля 1927 г. был утвержден Патриаршим Местоблюстителем архип. Угличским Серафимом (Самойловичем).

При содействии проф. В.Н. Бенешевича проф. прот. Н.К. Чуков собирался издать свою магистерскую диссертацию за границей, в июле 1928 г. написал и отправил письмо на немецком языке проф. Кале в Бонн.

В то время как уже с 1922 г. обновленцы были легальной церковной группой с зарегистрированным властями управлением, староцерковная – «тихоновская», или «сергиевская» ориентация, к которой принадлежал прот. Н.К. Чуков, имела епископов, но практически не имела центрального управления, или оно совершалось как что-то недозволенное, что пагубно отражалось на всем строе церковной жизни. Митрополит Петроградский Вениамин был расстрелян в 1922 г. Обновленцы, поддерживаемые властью, постепенно забирали у тихоновцев храмы. Насущной задачей староцерковной группы была легализация ее перед гражданской властью и создание органов управления, а для этого надо было заявить о лояльности власти, т.е. об аполитичности. В проповедях и апологетических беседах в Никольском соборе о. Николай говорил, что «если стоять на истинно-евангельской точке зрения, то много отношения к государственной власти и быть не

может: Христос повелел воздавать “цесарево цесареви”, а апостол Павел учил почитать власть и молиться за нее... наше дело, дело христиан – молитва. Это – наше единственное оружие. Политика, а тем более борьба с властью – не наше дело»⁸⁵.

В этом состоял смысл и декларации митрополита Сергия. Декларация 1927 г. и некоторые последовавшие за ней действия митр. Сергия, вызвали усиление возникшего ранее так называемого иосифлянского раскола, начатого «истинно православными» (как они себя называли), и других разделений. Эта Декларация до сих пор является предметом пререканий. Хороший обзор существующих по этому вопросу мнений сделал представитель братской Сербской Церкви выпускник СПб Духовной академии игум. Серафим Кужич, который считает, что: «Митр. Сергий, как никто другой, понимал трагедию одурманенного большевистским ядом русского народа и знал, что наступит день, когда дети, внуки этих строителей коммунизма будут искать Бога. И потому любой ценой стремился сохранить в условиях богоборческого режима храмы Божии, в которых совершалась бы Святая Евхаристия и проповедовалось бы Святое Евангелие. Воистину, чудо свершилось – “свет во тьме светит, и тьма не объяла его” (Ин. 1,5)»⁸⁶.

И сам Патриарх Тихон, и староцерковники после кончины святителя, не раз ставили вопрос о созыве Собора, но это было нереально, так как большинство епископов «периодически постоянно» находилось в заключении.

В августе 1925 г. митр. Петр сказал прот. Н.К. Чукову, что «в Ленинград назначен Патриархом Митрополит Кирилл. Когда он вернется, видно будет, останется ли он местоблюстителем, и тогда в Ленинград, может быть, приедет Митрополит Петр, или поедет сам Митрополит Кирилл». Митрополит Кирилл (Смирнов) из ссылки так и не вернулся, а митр. Петра в декабре того же года отправили в очередную, последнюю ссылку...

В Петрограде, как и в других епархиях, Епархиальный Совет решением наркомюста (от мая 1920 г.) был закрыт, и к 1922-му году уже не существовал. «Общество православных приходов» было разгромлено, а обновленческий (ПЕУ или ЛЕУ) с 1923 г. активно функционировал.

Осенью 1927 г. митрополита Иосифа (Петровых) в епархии уже не было, митр. Серафим (Чичагов) еще не был назначен.

Прот. Н. Чуков, как и другие отцы, нес все тяготы положения, когда высшее церковное управление отсутствовало, в соборах хозяйничали «двадцатки», не считаясь ни с настоятелем, ни с причтом. ГПУ через церковный стол и «двадцатки» диктовал свои условия церквям, вводя в них нужных людей и искусственно поддерживал с 1922 г. обновленческий раскол. Как читатель увидит из дневниковых записей прот. Н. Чукова, с 1927 года таким же образом поддерживался и иосифлянский раскол. Раскол использовался как способ уничтожения Церкви.

В таких условиях непросто было и настоятельское служение, и деятельность прот. Н. Чукова как члена организованного, наконец, Временного Епархиального совета.

В 1927 г. прот. Николай принял непосредственное участие в организации и работе Временного Ленинградского

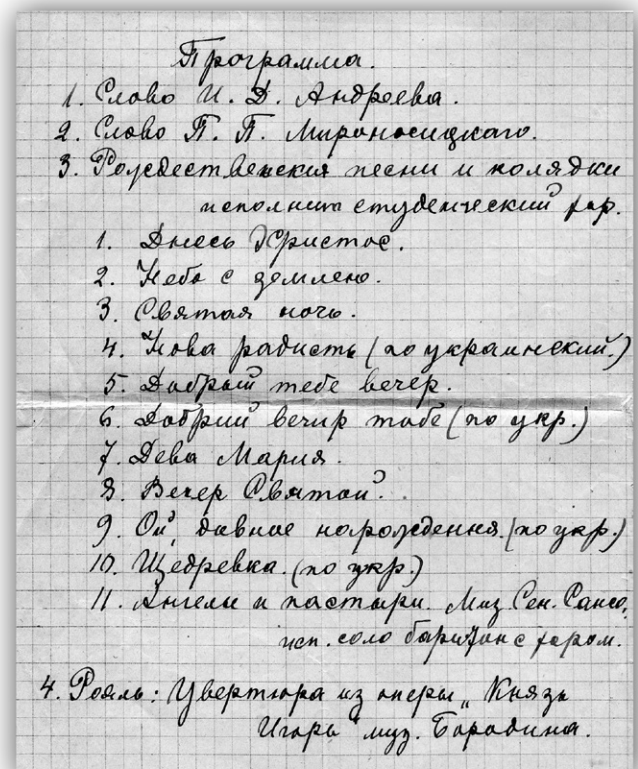
Епархиального совета, в основу организации отделов которого был положен проект, составленный им в 1918 г. для Олонецкого Епархиального совета. Чтобы не было разговоров о каком-то частном совещании, с еп. Николаем (Ярушевичем) они договорились, что на первом заседании, состоявшемся 23 ноября 1927 г., он представит проект как свой личный. Официально прот. Н. Чуков – член Временного Ленинградского Епархиального совета, с 10 ноября 1927 по апрель 1935 г. Временный Епархиальный Совет был органом, зарегистрированным Ленсоветом и Леноблисполкомом, то есть, признанным властями, который уже мог работать официально. С назначением в Ленинград митр. Серафима еп. Николай возглавил Временный Епархиальный совет.

Так, в 1927 году, после выхода Декларации митр. Сергия, «сергиане» восстановили структуру, активно работавшую и имевшую каноническую связь с церковным центром. Эта связь в определенной степени была нарушена еще в годы Гражданской войны, и до описываемых событий так и не была в полной мере восстановлена.

Прот. Н. Чуков неоднократно предлагал Временному Епархиальному совету созвать епархиальный съезд для выборов постоянного Епархиального совета.

В Епархиальном совете прот. Н. Чуков участвовал в решении многочисленных вопросов церковной жизни епархии: улучшении быта и трудоустройства безработного духовенства, снижении с духовенства повышенной квартплаты (отправили просьбу Синоду ходатайствовать перед ВЦИК), упорядочении кладбищенских треб, и других.

30 июля 1928 г. на заседании Епархиального совета прот. Н. Чуков сделал доклад по поводу очередного воз-

Программа Рождественского праздника на высших Богословских Курсах, составлена прот. Н. Чуковым. 1926 г.

мутительного распоряжения властей – не давать в кооперативах хлеба духовенству и их семьям.

Епархиальный совет ставил вопросы и общецерковные, а после кончины Св. Патриарха Тихона самым насущным из них был созыв Собора. 27 июня 1928 г. на заседании Епарх. совета прот. Н.К. Чуков представил проект инструкции для катехизаторов и проект отчета Синоду о времени, порядке, составе и предметах обсуждения для предстоящего Собора, как результат обсуждения этого вопроса в Совете Высших Богословских курсов.

31 июля 1928 г. постановлением Ленсовета Высшие Богословские курсы, руководимые проф. прот. Н.К. Чуковым, просуществовав так же, как и институт, три года, были закрыты. Поводом явилась деятельность кружка студентов-иосифлян: в ГПУ попали воззвания и доклад студента курсов по фамилии Июдин – «Наступление пришествия антихриста и связи с марксизмом и ленинизмом», который он выдавал за практическую работу на курсах, говоря, что кружок их работает, и что якобы «администрация смотрит на него сквозь пальцы», хотя ректор делал им предупреждения по данному поводу.

2 сентября 1928 г. к прот. Н. Чукову явились председатель двадцатки Казанского собора Т.Н. Кравцов и староста Д.А. Козлов, и от имени двадцатки, прихожан и обновленческого «Епархиального управления» просили его взять настоятельство в соборе, так как они все время доселе считали его «идейно» настоятелем своим. Когда прот. Н. Чуков попросил расшифровать термин «Епархиальное управление», они ответили, что тут разумеется «митрополит Серафим (Руженцов) и другие епископы. Прот. Н. Чуков ответил, что он может принять настоятельство только в том случае, если будет одна ориентация, то есть митрополит Серафим объединится с Митрополитом Сергием. Благодарил за память; сказал, что считает Казанский собор «своим», но войти в него может только при указанном условии. Кравцов возразил, что вступление прот. Николая, может быть, будет тем мостом, при посредстве которого произойдет соединение. На что прот. Чуков ответил, что так не думает: «своим вступлением я только оторвусь от канонической почвы, отойду от народа, произведу соблазн и ... больше ничего. «Что же нужно для соединения?» – спросил Кравцов. – «Признать в Митрополите Сергии канонически законную церковную власть и отказаться от брачного епископата и второбрачного духовенства, это – главное». «Все это приемлемо», – ответил Кравцов. – «Тогда, если митрополит Серафим искренно желает единения, пусть он спишется или, лучше, сговорится с Митрополитом Сергием. Кстати, намечается скоро наш Собор, и вопрос может быть разрешен. Боюсь только, что допустит ли власть это объединение, так как в интересах безбожия – раздробление церкви»⁸⁷.

Уже через месяц после закрытия курсов под руководством прот. Н. Чукова начала работу инициативная группа профессоров. В 1929 г. неутомимый ректор выдвинул разработанный совместно преподавателем латинского языка закрытых Высших Богословских курсов, В.Б. Шкловским, специалистом по борьбе с сектантством, новый проект Православного Богословского института в Ленинграде миссионерского направления, без приема в него женщин.

Необходимые для ходатайства бумаги подписал митр. Серафим (Чичагов). Прот. Николай составил представление митр. Сергию с просьбой: 1) поддержать ходатайство перед гражданской властью как личным обращением, так и мотивированным постановлением Св. Синода, и представить в НКВД вместе ходатайством 2) в виду того, что открываемый Православный Богословский институт будет пока единственная высшая богословская школа патриаршей ориентации на всем пространстве СССР, – в случае его открытия, придать ему всесоюзное значение, оповестить об этом епархиальных Преосвященных, и оказать ему материальную поддержку путем организации сбора добровольных пожертвований на его содержание по всем епархиям. 2-6 октября 1929 г. прот. Н. Чуков выезжал в Москву, где представленное Положение и учебный план были рассмотрены при его участии в Административном отделе ВЦИК, одобрены, и разрешение на открытие института было получено. По этому же вопросу прот. Н. Чуков выезжал в Москву 23-27 марта 1930 г., и вместе с ним прот. В.Н. Страхов пытался возбудить перед Смидовичем вопрос об открытии МДА. Во время очередной поездки в Москву 1-4 июня 1930 г., прот. Николай поднимал вопросы о библиотеке и подходящем помещении в Ленинграде, и из Москвы был послан запрос в Ленсовет о предоставлении помещения для института.

Организации Православного Богословского института помешал очередной, уже четвертый с 1918 года, арест прот. Николая.

7 июня получил повестку, 8-го на Троицу после службы в Никольском соборе пошел в ГПУ, 9-10 давал показания, 11 июня 1930 г. был арестован по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России», или т.н. «делу академика Платонова», которого он никогда не видел, а тем более, не знал. 11 июня 1930 г. была арестована также его младшая дочь Вера при обыске в квартире. Ее задержали с портфелем, в котором находилась переписка о. Николая, которую она хотела спрятать. В ходе допросов выяснилось, что следствие интересовало его контакты с В.Н. Бенешевичем, до и после поездки последнего в Ватиканскую библиотеку. Прот. Николаю инкриминировалась «передача В.Н. Бенешевичу сведений для Западной Европы». Сначала прот. Николай был помещен в камеру на 22 койки, в которой было сначала 67, а затем до 80 чел., спал на полу с клопами, иногда – на столе. В августе 1930 года был переведен в камеру «двойников», а 21 янв. 1931 – в одиночку. Следователь Макаров сказал митр. Серафиму, что о. Чуков уже не вернется к месту службы: имелась в виду высылка или расстрел. 30 янв. 1931 г. младшая дочь Вера, которую в июле 1930 г. выпустили из-под стражи, поехала в Москву спасать отца. Там она добилась приема у т. Енукидзе, и подала прошение. Затем уже из Ленинграда звонила ему, а в феврале ездила вторично. В результате, около 23-24 февраля 1931 г. митр. Сергию (Страгородскому) позвонили из ГПУ: «Какие у Вас в Ленинграде арестованы видные священники? Можете написать о них ходатайство. Возможно их освобождение». Митр. Сергей сейчас же написал ходатайство об о.о. Чукове, Чепурине, Аникееве и 25 февраля отослал. Через несколько дней ему снова был звонок оттуда же: «А за кого, собственно,

из трех Вы ходатайствуете?» Митр. Сергей ответил «Конечно, за Чукова»⁸⁸.

«За недоказанностью обвинения» прот. Н. Чуков был освобожден из-под стражи в ночь на 14 марта 1931 г., просидев в ДПЗ 9 месяцев. В тот же день послал благодарственную телеграмму митр. Сергию, который звонил в ГПУ и спрашивал об остальных, получив ответ: «Хорошо, что и одного удалось освободить». Ждали освобождения Н.В. Чепурина, о котором ходатайствовала жена таким же путем. Через полгода прот. Н. Чуков получил из ГПУ коробку, металлический сундучок, крест с украшениями, бумажник и 5 рублей полтинниками – взятое при аресте и обыске. Два чемодана с рукописями не отдали, и прот. Николай затем восстанавливал более 100 своих бесед по чужим записям. После выхода прот. Николая из тюрьмы ему не удалось открыть разрешенный ВЦИКом в 1929 г. Православный Богословский институт в Ленинграде из-за отсутствия подходящего помещения и библиотеки, поскольку библиотека Высших Богословских курсов (бывшая библиотека Богословского института), сданная в Книжную палату, была отправлена в Москву. Также ощущался недостаток и в профессуре, из состава которой умерли проф. И.Д. Андреев, проф. А.А. Дмитриевский, проф. прот. А.В. Петровский. Прот. Николай вернулся к служению в Никольском соборе, проповедыванию, работе во Временном Епархиальном совете.

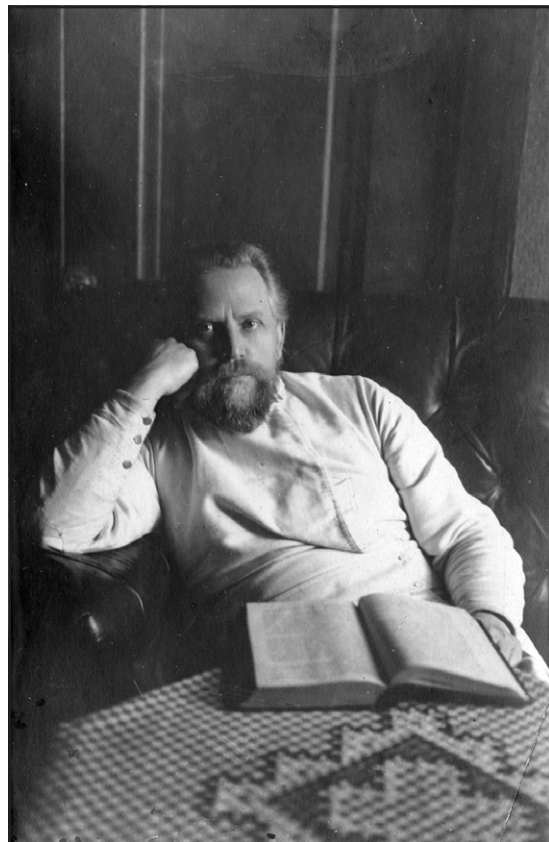
27 апреля 1932 года, по поводу 35-летия священства, митр. Серафим представил прот. Николая к награждению отержением Царских врат до херувимской, и 20 мая прот. Н. Чуков так уже служил в Никольском соборе. Митр. Серафим говорил: «Единственно, где я отдыхаю душой, – когда служу в Никольском соборе».

В епархии еще с 20-х годов началась закрытие домовых, приписных церквей, захват храмов и соборов обновленцами. В 1932 г. этот процесс усилился, то же грозило и Никольскому собору.

В это время ГПУ начало очередную кампанию по «объединению» староцерковников с обновленцами, и пыталось заставить Епархиальный совет в лице еп. Николая (Ярушевича) и прот. Н. Чукова вступить в переговоры с о. Платоновым, ставшим к тому времени уже обновленческим «викарием епархии архиепископом Гдовским». Не желая в этом участвовать, прот. Н.К. Чуков подал митр. Сергию прошение (15 июля – 12 августа 1932 г.) о переводе в Москву, где он хотел бы заняться организацией Московского Богословского института. Однако этому не суждено было сбыться.

15 июля 1933 г. постановлением Леноблисполкома был прекращен звон во всех церквях города.

29 октября 1933 г. было первое служение в Лавре нового митрополита – Алексия (Симанского). Сослужили викарии, члены Временного Епархиального совета и благочинные. Встреча была официальная – все в камиллавках. Преосв. Николай, как старший викарий, приветствовал митрополита при входе после пения стиха «от восток солнца до запад...» речью, где высказал, что «он уже известен епархии по прежнему служению здесь и по участию в центральном управлении, и что он встретит в

*Прот. Николай Чуков,
ректор высших Богословских курсов. 1927 г.*

здесь присутствующих к себе внимание и всяческое содействие». На молебен вышло, по оценке прот. Николая, свыше 50 священников.

9 ноября 1933 г. в Епархиальном совете произошел характерный инцидент, касающийся церковных нестроений и строгости или гуманности «принятия» в общение ушедших в раскол священнослужителей, между еп. Николаем и еп. Амвросием. Некий священник Лужского викариата, перешедший в иосифлянство и высланный, возвратился и обратился к митрополиту с раскаянием и просьбой дать место. Еп. Николай написал свой отзыв, в котором говорил, что этот батюшка никогда не был активным иосифлянином, перешел «в силу обстоятельств», и теперь ему можно было бы дать место. Еп. Амвросий настаивал на более строгом подходе и подробном рассмотрении вопроса, говоря, что этот батюшка увлек в иосифлянство причт, и Лужское викариатство лишилось одного из лучших приходов, поскольку с его арестом он был захвачен обновленцами. Накалившуюся атмосферу разрядил прот. Н.К. Чуков, бывший всегда за гуманное отношение к любым «раздорникам», указав на необходимость немедленного «принятия» батюшки из раскола, а вопросы об епитимье и определении его на место служения предложил решить позже.

С запрещением колокольного звона и закрытием многих храмов, церковная жизнь в городе все-таки продолжалась. Свято-Троицкий Лавры и Никольский собор были полны народа, особенно в праздничные дни⁸⁸.

Весной 1935 г. началась массовая высылка из города духовенства. Не стал исключением и прот. Николай.

Последние записи в дневниках владыки ленинградского периода относятся к сентябрю 1934 г.

Дневник 1924–1934 годов⁸⁹

21/8 августа 1924 г. Н.А. Котляревский привез поклон от Н.Н. Глубоковского, который профессорствует в Софии на богословском факультете. Карсавин – в Берлине и «не срамит русского имени»; ездил в Италию читать лекции о России. Великие князья спорят и инсинуируют. На будущее экономическое положение России смотрят пессимистически: иностранцы рады нашим тягестям, чтобы возможно больше воспользоваться нашим стесненным положением. Да, Европа – черства и эгоистична.

7 октября/24 сентября. Очень был расстроен и событиями: игум. Иларион (Бельский, мой ученик по семинарии, крайне ограниченный) воспылил желанием епископства (в 30 лет!), поехал к Патриарху, и тот предложил Преосв. Венедикту поставить его в епископа Каргопольского. Поставлен... Ужас, что за епископат!! Куда мы ведем Церковь?!

Обновленцы составляют программу, довольно обширную, охватив вопросы и вероисповеднические, и нравоучительные, богослужения, управления, дисциплины и отношения к Патриарху.

Дети все еще не устроились (Коля и Боря). Аня в своем техникуме. Шура все еще «выясняет» положение относительно консерватории или студии. Разучивает партии в ораториях – «Страсти Христовы», Прометея и «Фауста» (Мефистофель) Берлиоза.

30 сентября/13 октября. Понедельник. 1 час дня. В день Иоанна Богослова вечером служил акафист в часовне Черемнецкого монастыря. Потом были с Преосв. Венедиктом (который молился и говорил слово) у о. Сергия. Там Преосвященный показал мне письмо к нему о. архим. Досифея из Москвы, куда он поехал «искать епископства». Дело не выгорело, пробыл там «зря» (так он пишет в письме) и потому просит Преосвященного написать «отношение об нем» – так, на всякий случай, чтобы предъявить как рекомендацию. Ужасные люди! Что будет с нашим епископатом при подобных кандидатах!

Сегодня встретил Боярского. «Надо кончать войну», – говорит. «Нужен Собор; нужно воздействие на Патриарха от отдельных общин и духовенства, чтобы настоять на Соборе, от которого его удерживают кучка окружающих епископов». Недоволен Преосв. Венедиктом, который «держит в черном теле батюшек, обратившихся из обновленцев». Я выразил, что как раз его обвиняют в противном и даже жалуются за это на него Патриарху. «Надо бы поговорить, побеседовать по всему этому», – говорю. – «Да, но где, когда и как?» – ответил он, и с этим расстались.

В Покров о. Чоккой вызывался в ГПУ и там остался. По сообщению прокурора, все арестованные в феврале высылаются на два года в Соловки, в том числе и Чоккой, выпускавшийся на поруки. Интересно, что с о. М. Тихомировым? Остаются только, кажется, Виноградов и Досифей. Жаль Леонида Дмитриевича (Аксенов. – Л.А.-Ч.), дома у него, кажется, все разворовали.

6/19 октября. Сейчас заходил ко мне новопоставленный епископ Иларион (Бельский), назначенный в Каргополь. Посвящен в Покров, 1 октября, в Москве, в Покровском монастыре. Я сказал ему, что радуюсь, что мои ученики – уже архиереи, но что в отношении лично его считаю, что рано получил он сан. Но, раз воля Божия совершилась, надо ему чистотою жизни заслужить должное к себе отношение.

Спрашивал он у меня разных советов, как приехать, куда явиться, как начать дело и т.п. Советовал ему возможно скромнее себя держать, приехать тихо, зарегистрироваться, побывать и познакомиться с председателем исполкома, ГПУ, предъявить назначение, попросить указаний; причислиться к церкви; не назначая особой встречи, в субботний день начать служение со всенощной, с обычным словом и т.д.

Говорит, что Патриарх еще бодр, с ним ездил в Сергиеву лавру. Митр. Петр справлялся обо мне и посылал поклон. Его – Илариона не производили в архимандриты, а прямо из игуменов во епископы. Озабочен облачением и мантией. Вчера узнал, что и Венедикт вчера был вызван в ГПУ. Интересны результаты.

11/24 октября. Пятница. 6.30 утра. Вчера перед вечерним богослужением заезжал Преосв. Венедикт, только что съездивший к Патриарху. Сколько я раньше не говорил ему о необходимости побывать в Москве, чтобы лично переговорить о церковных делах, все отказывался, ссылаясь на «приемы» и недосуг. А тут пронесся слух, что его перемещают в Олонецкую, и – когда дело коснулось лично его, – немедленно собрался. Как и следовало ожидать, слух – вздорный. Но поездка полезна в том отношении, что все-таки вопросы многие выяснил. Прежде всего, Патриарх не против созыва Собора, только затрудняется вопросом – как и из кого? Многие высланы... По поводу стиля – стоит пока за старый; в этом утверждают его Патриархи Александрийский, Антиохийский, Иерусалимский и Сербский; в Константинополе разделение по этому поводу. В Польше правительство разрешило праздновать праздники по старому стилю. Вот главное. О ликвидации раскола, по-видимому, не было речи (особо, отдельно от вопроса о Соборе); по крайней мере, ничего не говорил мне Преосв. Венедикт, хотя и упомянул, что о Платонове речь была.

Здесь, оказывается, вызывали в ГПУ Преосв. Николая (Клементьева), а к Преосв. Григорию являлся агент из ГПУ с предупреждением, что если будет держаться политики непримиримой, то... и т.д. Это повлияло на то, что в Совете епископов обсуждали вопрос о созыве Собора и решено составить доклад Патриарху по этому делу, причем труд разделен: Преосв. Николай опишет современное тяжелое положение Церкви, Преосв. Григорий – способ созыва Собора и условия его работы; а Преосв. Венедикт – то, что от Собора надо ждать (вопросы и надежды – перспективы). По поводу помощи и совета в последнем Преосвященный и приезжал ко мне.

Днем вчера около дома встретил Платонова, погуляли, побеседовали о необходимости ликвидации раскола. Решили, что я побываю у него во вторник на будущей неделе, пригласив с собой и Чельцова. Интересно...

1/14 ноября. Пятница. 4 часа дня. Во вторник виделся с Чепуриным, делились впечатлениями по поводу вечера, проведенного у Преосв. Венедикта; недоволен мертвенностью епископата, как и вообще «стоячестью» церковной жизни. Надо оживлять, надо спасать положение, надо упрочивать Православную Церковь и духовенство. Для этого надо хотя бы пастырям некоторым сплотиться и влиять на епископат. Сегодня вечером собираемся снова об этом побеседовать. Сейчас был у Владыки Венедикта, пригласил его служить на 9-10 ноября (освящение нижнего храма). Сообщил, что на днях был у него Платонов все по тому же вопросу об единении в молитве. Под конец расплакался, объясняя это душевной тяжестью, и просил помолиться. В то же время Преосвященный познакомил меня с двумя бумажками того же Платонова к священнику Новой Ладogi о. П. Георгиевскому, где он будирует против Преосв. Венедикта, как нелегально управляющего епархией, контрреволюционера и т.п. Двоится человек между юридическим и нравственным течением своих мыслей...

16/29 ноября. Суббота. Сообщают, что в понедельник все председатели двадцаток и старосты церквей Центрального района вызывались в район, где им указали: 1) иметь свечи только обандероленные; 2) сообщать о количестве свечного дохода; 3) за три дня заранее извещать о тех посторонних священниках, которые будут служить с епископом; и 4) (будто бы) быть полными хозяевами в отношении причта – увольнять, приглашать и прочее по своему желанию...

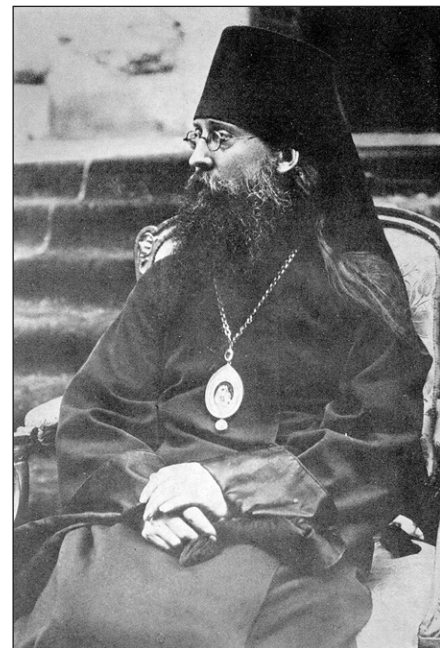
Положение духовенства все более ухудшается. А Патриарх не думает торопиться о легализации и других мерах и улучшению положения Церкви. Вчера я был у Преосв. Григория, пригласил его служить всенощное бдение на Николин день (согласен) и попутно беседовал о косности нашего центра. Он вполне согласен со мной и советует представить документальную записку с обрисовкой церковного положения и точным указанием мероприятий и предложений о необходимости действовать во всероссийском масштабе. Если же Патриарх почему-либо уклонится, то чтобы предоставил возможность действовать и вести переговоры с правительством здесь в Ленинграде.

Чепурин вчера показывал заготовленную им записку о сношении с властью. Волнуется, придумывает, а будет ли какой-либо толк при полной инертности Патриарха и отсутствии при нем ответственного органа управления?!

25 ноября/8 декабря. Да, скорбное время переживаем. Ждешь и сам возможных арестов и высылки в связи с обновленческим течением. А Патриарх все молчит и молчит и никаких мер не принимает ни к легализации своей группы, ни к примирению церковному. Давно пора было бы позаботиться об этом.

12 апреля/30 марта 1925 г. В Благовещение, 25 марта/7 апреля, 1925 г. в 11.45 вечера, скончался Патриарх Тихон от приступа грудной жабы. Первое известие появилось в среду вечером в «Новой вечерней газете». Я сейчас же в соборе, предвидя дальнейшее, просил старосту переговорить с Мичуриным (заведующим церковным столом Центрального района) о возможности служения панихиды, которую наметили на воскресенье, если подтвердятся известия. Однако в тот же вечер, после беседы,

Преосвященный
Григорий,
епископ
Шлиссельбургский.
Священномученик
(†1937)

ко мне приступила О.Н. Луговая с заявлением: «Почему у нас не служат панихиды?» Тут столпились и другие. Меня возмутило это вмешательство безответственных лиц, и я спросил: «А вы ручаетесь за достоверность известий?» На этот раз отошли. Но когда утром газеты подтвердили известие, а в соседних церквях батюшки, идя на поводу у старушек, начали служить панихиды, у нас в соборе пошли разные разговоры: «Что же наши? Ужель не будут?» и т.п. На беду староста до сегодняшнего утра дотянул справку.

Между тем, в пятницу вечером, получилось приглашение Преосв. Николая на панихиду в храм Воскресения Христова, в воскресенье, в 4 часа, с разрешения Центрального района. Как будто бы и благополучно. Однако в субботу получено известие, что по церквям ходят агенты и записывают, где и кто служит панихиду. Я вчера выяснил старосте всю необходимость справки и разрешения. И он только сегодня к началу литургии привез разрешение служить панихиду, поминая Тихона, но без слова «Патриарх». Что делать? Пытались справиться в храме Воскресения. Там подтвердили и сказали, что им разрешена формула «Святейшего отца нашего Тихона». Мы обсудили, и слово «святейшего» заменили словом «великого», точно переводя слово «Патриарх». Перед панихидой я сказал слово, и, таким образом, наконец, совершили панихиду.

21 апреля/4 мая. Понедельник. 10 часов утра. Опять не писал почти две недели; а события (хотя и не крупные) текут быстро. На этом времени у меня масса посещений: Преосв. Венедикт, иг. Макарий, Дмитриевский, Митроцкий, Платонов, наконец, вчера нарочно созванные гости – Преосв. Венедикт, Чепурин, Митроцкий и Петровский. Не пришли Аникиев и епископы, из которых Иннокентий еще не приехал из Москвы, а Григорий прислал поздравительное письмо по случаю исполнившейся моей 28-ой годовщины священства, где высказывает пожелание «чтобы (мое) служение и неизменно продолжалось и ширилось», и пишет: «Ваша долголетняя опытность в деле руководства богословским просвещением ставит Вас в первые ряды

*Протоиерей
Михаил Павлович
Чельцов, (†1930),
священномученик*

работников Св. Церкви, на коих внимательно останавливается взгляд любящих дело Божие – с признательностью к ним за прошлое и с упованием, что, по зову св. Церкви, они усугубят свои труды на ее благо... Макарий приезжал с просьбой ходатайства о представлении его к сану архимандрита. Хочется людям поскорее в архиереи, без соображений о том, как это теперь ответственно и трудно. Венедикт благоразумно уклонился, посоветовав ему ехать лично в Москву: там может быть достигнет и архиерейства. Венедикт приезжал советоваться со мной по поводу письма епископа Евфимия, который просит сделать о. В. Хазова викарным епископом в Вытегру. Я отнесся к этому отрицательно: еще в Каргополь можно было бы посвятить о. Хазова – там народ менее претенциозный, хотя и там среди духовенства могут возбудиться недовольные, также вследствие того, что о. Василий при всех его достоинствах, – не получил семинарного образования; что же касается Вытегры, то туда непременно надо послать епископа, импонирующего и со <неразб.>: <неразб.>, вроде о. Ст. Маркова и др., могут игнорировать иного архиерея. Я указал на о. Явосенского из Сормансы. Дмитриевский приезжал проситься обратно в Никольский собор на место о. Яблонского, который будто бы уходит в возвращающийся к православным Исаакиевский собор. Я по этому поводу беседовал со старостой (который и был причиной ухода из собора Дмитриевского)... Что касается возвращения Исаакиевского собора, то сведения различны. По одним, – исходящим от Яблонского и Зинкевича, – вопрос решенный, двадцатка утверждена и во вторник (завтра) будто бы принимает собор; священнослужителями приглашаются: Богоявленский, Велтистов, Яблонский, Зинкевич, протоиерей Дмитриев. По другим сведениям, сообщенным вчера Преосв. Венедиктом, это еще не ясно – Богоявленский держит себя осторожно, успокаивает двадцатку Рождественского прихода, боится, что новая двадцатка Исаакиевская не будет прочна, что ей, может быть, не справиться с собором в виду отсутствия в ней интеллигентных сил,

а, может быть, боится перейти и из боязни уменьшения материальных средств (первое время едва ли будет лучше, чем в Рождественской церкви). Трудно пока разобраться, где тут правда, кто хитрит... Во всяком случае момент довольно важный – есть какие-то обстоятельства, которые склоняют весы в сторону «тихоновцев» даже у власти, ранее относившейся к «обновленцам» более благожелательно. В связи с этим интересно посещение Платонова. Он приезжал «почти официально», как заявил, «чтобы установить чрез меня связку с епископатом нашим». Цель следующая: если примирение православных и обновленцев вообще мыслится желательным, то надо отыскивать подходы к этому. Платонову представляется возможным такой план: нельзя ли подходить к этому примирению путем пока совершенно частного характера совещаний между главными представителями той и другой группы. Затем, можно было бы обсуждение главных вопросов о характере и способе примирения обсуждать в комиссиях из ответственных представителей – отцов настоятелей хотя бы нескольких церквей той и другой группы и одновременно в комиссиях (особо) из мирян – представителей приходских советов тоже той и другой группы. После этого могло бы состояться Епархиальное собрание путем свободного каждой группой выявления по приходам своих представителей. И, наконец, Епархиальное собрание могло бы делегировать на поместный Собор представителей обеих групп. В беседе я предупредил Платонова, что все это передам по принадлежности, но что: 1) по моему мнению, наш епископат не решится ни на какое обсуждение этих вопросов без предварительного сношения с Москвой и 2) участие в обсуждении некоторых лиц (Введенского, а он добавил совершенно верно – и, может быть, Платонова), как одиозных, может быть вредно для дела. Вчера у меня собралось несколько человек на чашку чая, и я поведал об этом посещении. К сожалению, из епископов был только один Преосв. Венедикт, направление мыслей которого, под влиянием разных обстоятельств, довольно-таки несмелое и более склоняющееся в сторону «правых», которых он боится и перед которыми нерешителен. Прежде всего заподозрена искренность Платонова, который не раз уже приходил по этому поводу к Преосв. Венедикту, даже плакал у него на плече от тяжести нравственных переживаний, и тем не менее через несколько дней делал тому же Венедикту разные пакости. Ввиду этого было высказано, что если действительно это – желание примирения (или вернее – воссоединения) со стороны обновленцев искренне, то пусть об этом сносится с Преосв. Венедиктом главный представитель их – Преосв. Вениамин: естественнее об этом говорить епископам друг с другом, ведь мы все равно не окончательные и последние вершители вопроса. На бумаге все это будет яснее, документальнее и безопаснее во всех отношениях... Вот этот ответ я сегодня должен буду передать Платонову, конечно, в дипломатической форме. Теперь по поводу причин, которые могли бы толкать обновленцев на этот шаг, высказывалось разное. Между прочим, интересно следующее. Во время приезда сюда председателя Совнаркома Рыкова (около месяца назад), говорят, была какая-то жалоба или чье-то обращение о давлении местной власти на тихоновскую Церковь. И

Рыков будто бы положил резолюцию, дающую указание, чтобы местная власть в своих отношениях к Церкви придерживалась общей политики государства в отношении Церкви; чтобы своими действиями она не подавала повода думать, что обновленческая церковь пользуется каким-то особым вниманием и занимает какое-то официальное положение, так как для власти все группировки церковные должны быть одинаковы. Он же, говорят, высказался и за передачу Исаакиевского собора (почему об этом зашла речь, непонятно). Вот это обстоятельство (перемена отношения власти к обновленцам) до некоторой степени могло, может быть, повлиять на них в смысле желаяния объединения, а впрочем трудно разобраться во всем этом в виду конспиративных отношений обновленцев с органами власти, главным образом с ГПУ.

8/21 июня. Воскресенье. 7.30 вечера. За эту неделю произошло многое. Начну по порядку и по дням. В воскресенье, в 5 часов вечера, я получил от Преосв. Венедикта письмо, в котором он сообщил, что ему «не успеть поговорить ни с отцами протоиереями, ни с епископами, а разрешение вопроса брать лично на себя» он не берет. Поэтому просит предупредить, «кого следует», что «в понедельник я принять депутацию никак не могу, а по рассуждении о сем вопросе, видно будет». Я немедленно уведомил письмом Платонова об этом. В понедельник состоялось, очевидно, совещание епископов, где было заслушано мое письмо. Вечером, в 7 часов, Венедикт приехал ко мне и сообщил, что епископы «испугались», предполагая, что мы составили «боевую группу», готовую вступить в оппозицию епископату, а может быть, уже готовы к уходу к обновленцам. «Я, – говорит Венедикт, – конечно, уверил их в неосновательности их предположений, но, тем не менее, они поручили побеседовать с Вашей группой». Я попросил приехать его на другой день на курсы, куда я приглашу Акимова, Чепурина, Петровского, Митроцкого и Чельцова. Во вторник, в 7 часов, собрались. Не было Митроцкого и Чельцова. Беседовали до 11 часов. Говорили «без обиняков», и Преосв. Иннокентию, по-видимому, главному направителю политики в отношении обновленцев, пришлось выслушать много серьезных и горячих возражений. Он возражал против переговоров, оправдывал «письмо трех епископов» опасением, что Платонов и Ко. могут «провести» нас (!..), говорил о безблагодатности обновленческой иерархии, дошел до отрицания благодатности даже у католиков. Все это было не умно, зелено и только упрямо. Мы настаивали на противоположном, убеждая (!) в очевиднейшей истине, что без переговоров не может быть уяснения позиций, а без последнего мы вечно будем стоять на мертвой точке и, может быть, находиться в заблуждении относительно своих «противников». Я, кроме того, внес предложение в епископат – ходатайствовать перед местоблюстителем Патриарха о назначении к нам одного из архиереев в качестве управляющего, чтобы остальные были просто викарными, и чтобы в совете были представители клира. Иначе – управляют «безответственные» люди. Среда прошла без новых сведений, кроме того только, что у меня был Пищулин (Преосв. Владимир), которому я рассказал о совещании накануне, и с которым мы в течение часа

спорили (если можно так назвать весьма вежливый и спокойный разговор) о неканоничности обновленческого Синода и невозможности для нас принять Собор, созываемый неканоничным органом. На другой день утром ко мне приходит о. А. Петровский в собор (я служил раннюю литургию) и предупреждает об «особой осторожности» с Пищулиным, так как ему вчера вечером передал Бычков, что одна «интеллигентная» дама, бывшая начальница гимназии, передала тому со слов Пищулина (у которого она была после его возвращения от меня), что я вполне согласен на признание Синода и Собора! Вот и верь этим «интеллигентным» дамам! Днем в четверг заехал Венедикт и сообщил, что по обсуждении «всего» в епископском совете решили, чтобы Венедикт лично, один, принял в частном порядке одного Платонова. Я уведомил Платонова. В пятницу, вечером, у нас было заседание комиссии совета Богословских курсов по реорганизации курсов. Мой проект полностью прошел – исправления небольшие. По уходе Преосв. Венедикта побеседовали о злободневном вопросе, причем Акимов высказал «практический проект» подхода к вопросу о примирении через возвращение всех к положению начала 1922 года и рассмотрение персонально каждого из женатых епископов и двубрачных архиереев. Мы просили его набросать докладную записку о своем проекте, хотя осуществление его сопряжено со многими трудностями. В субботу, в пятом часу, меня посетил Платонов и рассказал о своем визите к Венедикту и о полной его безрезультатности. О чем ни заговаривал Платонов, на все Преосв. Венедикт отвечал только, что он «не уполномочен» об этом беседовать. Тогда, для чего же собственно нужно было приглашать Платонова, и на что Венедикт «был уполномочен»?! В беседе со мной о способах возможного единения Платонов высказал мысль, что если бы местоблюститель обратился с посланием к пастве по случаю вступления его в исполнение новых обязанностей и призвал к миру и единению всех, в том числе и «отколовшихся», то они воспользовались бы этим, как поводом для того, чтобы просить его устроить съезд или Собор. Словом, они, ища примирения, готовы передать инициативу созыва и руководства местоблюстителю, дабы съезд или Собор были канонически приемлемы для нас. Мысль хорошая, если я правильно ее понял.

12/25 июня. Четверг. 9.30 утра. От Венедикта получил письмо, не говорящее прямо о запрещении беседовать с Платоновым, но косвенно ведущее к тому же. Вот оно: «...Не имея возможности посетить Вас лично, считаю долгом известить Вас, что епископы, ознакомившись с Вашим предложением, не находят возможности в настоящее время взять на себя инициативу в переговорах о съезде или Соборе, или доложить о сем патриаршему местоблюстителю, полагая, что в Москве не менее нас интересуются сим вопросом и, если до сих пор не начинают действовать, то имеют, вероятно, на то свои основания. Торопиться с этим вопросом, по моему мнению, не следует, пока не будет проявлено в достаточной мере искренности, столь необходимой для той и другой стороны»...

6/19 июля. Воскресенье. 3 часа дня. Здесь все носятся с нашей «ударной группой», которую будто бы я возглавляю. Сплетен не уберешься... Ну, бабы сплетничают,

это понятно. А как наш брат – священники смакуют мое «неправославие» (все эти Виноградовы, Западаловы, Вержужские, Благодатовы), это уж – просто по зависти и ради укрепления своего «истинного Православия». Между тем, события таковы. 8 июля, в среду, я неожиданно получил письмо за подписью троих: Боярского, Запольского и Платонова, сообщающих, что согласны вести переговоры «в пределах тезисов о. Н. Чепурина», высказанных в беседе с Боярским 1 июля, и что могут явиться ко мне для сего. Я тотчас ответил, что «переговорю с отцами протоиереями и, если в согласии с епископами, они назначат день для взаимной беседы, я постараюсь уведомить». На другой день поехал к Чепурину, рассказал ему и тот, во избежание превратных освещений своей беседы, изложил тезисы своей беседы с Боярским в письме ко мне.

Тезисы – «ярко православные»: 1) запугивание репрессиями делу не поможет; 2) объединяться надо не с духовенством только, но и со всем верующим народом; 3) взгляд же общецерковный на обновленчество как на неканонично существующее течение, оторвавшееся от Церкви, попирающее основы и дух, строй и предание ее; 4) путь примирения – покаяние; 5) не после Собора, и не на Соборе, а до Собора, который и не может быть созван неканоническим Синодом; 6) слухи о жестоких способах принятия – неверны; но обновленцы должны проявить смиренно-жертвенное настроение и решимость идти на все; 7) обновленцам необходимо выяснить искренность своего желания; 8) мы жаждем мира, но не подмены мира.

Все это я 9 июля сообщил Преосв. Венедикту с заключением, что по-моему не могло бы быть препятствий побеседовать нам с ним «в пределах указанных положений» для того, чтобы результаты сообщить на усмотрение епископов. «Если же, – добавлял я в письме, – епископат не найдет нужным и полезным для дела вести эти предварительные переговоры, то, уведомленный об этом Вашим Преосвященством, я попрошу о. Платонова освободить меня от всякого дальнейшего посредничества в этом вопросе».

Вдруг на это письмо получаю от Венедикта письмо с выражением сожаления, что я «несмотря на предупреждение, вступил в сношение с обновленческими вождями»... , что ему известно, что мне выражают сочувствие «двоядушными батюшками», и что он просит меня воздержаться от всякого свидания и ответа «во избежание могущей произойти большой церковной беды». Я вспылал и написал ему, что ни в какое сношение я не вступал, ко мне обратились, я обо всем сообщил ему, а там как они знают; *канитель эта мне надоела...*

Тогда, вчитавшись и обсудив у себя в Совете все это, он во вторник явился ко мне извиняться, что не так понял, был взволнован тогда и т.п. Преосв. Иннокентию так, говорит, понравились тезисы Чепурина, что взял их для переписки. Ну, слава Богу! Наконец-то увидели, что никакой «опасности Православию» мы делать не собирались. Ох, и узкие же и недалекие люди!..

Теперь по городу везде, с болтовни Преосв. Иннокентия, гуляет молва о «группе во главе с Чуковым», ведущей переговоры, связанные с обновлением, подвергающие Церковь большой беде и т.п. Скорее бы уехать подальше от

всей этой грязи, сплетен, злобы и толчения воды в ступе...

3 сентября 1925 г. С 11/24 июля по 12/25 августа уезжал в Крым, где пробыл в Алуште все время, греясь на солнце, купаясь в море, читая и отдыхая. Это первый мой отдых в собственном смысле в течение всей 30-летней службы. Всегда у меня поездки были связаны с делом, и я обыкновенно приводил в приложении к себе стихи поэта: «Понять я не могу, что значит отдыхать»... Впрочем и теперь я все свободное время читал, подготавливая материал для своих апологетических бесед на осенний и зимний сезон. Ездил я в светском костюме; принимали меня за профессора или доктора (хозяйка домашней столовой даже обратилась ко мне с просьбой подписать рецепт на прием железа). Чувствовал себя свободно, не обращая на себя ничьего внимания. Ездил там в Косьмодамианский монастырь, находящийся в живописной местности, вблизи Чатыр-Дага; ездил на парохде в Ялту, осматривал Никитский ботанический сад; был в Ливадии и осмотрел дворец. На пути туда, в Москве, подробно осмотрел храм Василия Блаженного. А на обратном пути был у Митрополита Петра Крутицкого. *Ему уже было доложено о нашем «обновленствовании»* (меня, Чельцова и еще кого-то третьего). Он возразил, что знает меня и сомневается. Я предвидел возможность сплетен и показал «пункты» Н.В. Чепурина, показывавшие, насколько мы «обновленствуем». Он дал свое послание от 28 июля. Он смотрит на желание обновленцев объединиться с нами для Собора как на способ воспользоваться нашим «флагом» для признания Собора православными, а затем всех разослать, а самим остаться править и вершить свои реформы. Все дело сводится к тому, чтобы они сдали власть. Вот единственный путь к примирению. Тогда мы могли бы организовать Синодальное и Епархиальное управления. Что же касается Собора, то он не может быть созван, пока епископы в ссылке. По возвращении он должен с ними снестись и лишь тогда возможен созыв Собора. Ведь теперь осталась пока только «зеленая молодежь» из епископов...

В Ленинград намечен Патриархом Митрополит Кирилл. Когда он вернется, видно будет, останется ли он местоблюстителем, и тогда в Ленинград, может быть, приедет Митрополит Петр или поедет сам Митрополит Кирилл.

Я рассказал о наших Богословских курсах, о Никольском соборе. Живет Митрополит Петр в Сокольниках. Ермаковская 3, 5.

27/14 октября. Сейчас был у Марра, и он разрешает взять из Духовной Академии всю нашу библиотеку, свезенную туда из Богословского института в 1923 году. Я просто не ожидал, что так легко может разрешиться вопрос. Надо «ковать железо пока горячо» – скорее оформить разрешение и перевозить библиотеку.

Был у Преосв. Венедикта. Предупредил его об интригах Пастырского училища. Он рассказал мне еще нечто большее. Летом велась формальная интрига и против самого Венедикта с целью свалить его, поставить на место Иннокентия, а затем свалить и меня. Все исходит от Беляева, Рудинского (свояк Беляева) и Иннокентия (приписан к церкви Рудинского). В одно из заседаний Епископского совета является Рудинский и просит Преосв. Венедикта разрешить ему сделать небольшое заявление.

Тот разрешает, и Рудинский заявляет, что в Епархиальном управлении не все благополучно, что Венедикт поступает неканонично, утверждая настоятелем в Морском соборе «кого-то с ветру» и отстраняя действительного настоятеля (Беляева), что Венедикт не ярко обнаруживает свое Православие в отношении обновленцев и т.п.

По уходе Рудинского Преосв. Венедикт заявил епископам, что если он стоит кому-нибудь на дороге, то он сейчас же может сложить с себя обязанности руководителя совета и сдать, кому будет угодно указать. Григорий и Николай высказались против этой смены, а Иннокентий смолчал... После того как увидели, что начинание их не было поддержано, через два дня Рудинский явился с извинением и еще через некоторое время о. М. Тихомиров от лица «правой» группы заявил, что они совсем не солидарны с Рудинским в этом вопросе.

Тот же Иннокентий после этого как-то говорил Венедикту, что он слишком деликатен с некоторыми протоиереями, которых надо было бы отдалить от себя и игнорировать. Это – очевидно, меня, Акимова, Чепурина. Такова публика...

Тот же Преосв. Иннокентий при служении накануне Покрова в Покровской церкви говорил слово, где нарочно подчеркнул «некоторых лиц, сладко говорящих о мире церковном». Этот Иннокентий усиленно старается провести в епископы архим. Льва – такого же зеленого, без малейшего опыта монаха, чтобы иметь в Епископском совете поддержку. «Мы еле с ним-то справляемся», – говорит Преосв. Венедикт. Когда Венедикт сказал, что есть более серьезные кандидаты и назвал о. К. Ивановского, о. Пашского, о. Митроцкого, то против последнего особенно восставал Преосв. Иннокентий, как против «нетвердого в Православии».

Вообще, эта «охрана Православия» и вопрос о благодатности теперь модны, и все расцениваются только с этой точки зрения. Кстати, из Москвы пришел проект нового чиновника из обновленчества, что-то уж очень строгий; ходит по рукам какая-то записка архиеп. Иркутского Гурия (Степанова), разбирающего обновленчество.

Преосв. Григорий задумал реорганизацию Пастырского училища, тоже не без подсказа и влияния «благодатных» и не без подвоха под Богословские курсы. Хотят «обложить» все церкви, устроить единый фонд, таким образом хотят невозможного – обложение незаконно, а единый фонд говорит об организованном управлении; то и другое ведет на Гороховую.

Чепурин советует съездить мне с Петровским в Москву и выяснить все Преосв. Петру. Теперь это, пожалуй, кстати, потому что о. Макарий привез утверждение «Положения», «Инструкции» и нас всех в должностях. Кстати, Петр просил, чтобы я написал записку о том, как мы достигли разрешения курсов, чтобы им устроить нечто подобное в Москве. Надо подумать.

2 января 1926 г./20 декабря 1925 г. Не писал полтора месяца. И как всегда материала было много, но писать было нельзя. Чельцов предупредил, что возможен обыск, время тревожное. Настроение было напряженное. Затем произошел накануне Николина дня арест Венедикта и Иннокентия, а еще раньше Николая и Пакляра. В связи

*Митрополит
Крутицкий Петр
(Полянский),
исповедник и
священномученик
(†1937)*

с этим распространились слухи о возможности ареста многих священников, потому что и в Москве, по слухам, арестовано до 20 епископов (с Преосв. Петром) и до 40 священников (почти все благочинные). В виду своей популярности, которая едва ли может нравиться обновленцам, и я ждал (и жду еще) своей участи. Думаю, что тут не без влияния и желания обновленцев. Недаром Платонов сделался епископом – он не останется пассивным.

Сейчас была у меня от епископа Николая А.Е. Марченко по поводу Казанского собора. Говорят о расторжении договора там и о возможности взятия его нами, но чтобы я непременно перешел туда. Вызывал к себе вечером Г.С. Бектобекова, чтобы узнать причины возникновения вопроса, а потом побеседую с Невзоровым о самом взятии собора, если это будет возможно.

В соборе «на крови» новораскольники «действуют». Постоянные архиерейские служения, постоянная пропаганда через агитационные проповеди Никитина и др., которые хулят нас, наши храмы, как «раскольнические, еретические» и т.п. Только у них Православие. Словом, мелкие лавочные способы действия.

Относительно желания Запольского с Преосв. Владимиром и другими присоединиться (из обновленческого раскола. – Л.А.-Ч.), узнал невероятные вещи. По моему совету Запольский посетил по этому поводу Преосв. Венедикта. Беседовали два часа и в результате «жалко было смотреть на Преосв. Венедикта». Он так напуган, так затравлен нашими «правыми», что в конце концов посоветовал Запольскому «оставаться так», не присоединяться, чтобы не разжигать страстей и не возбуждать разных «вопросов»! Вот управители, епископы, исполнители воли Христа «да все едины будут»! Я написал письмо в Москву Страхову с просьбой сообщить, не лучше ли о. Запольскому лично поехать в Москву и там разрешать вопрос о присоединении.

В связи с арестом епископов мы на именинах у А.В. Петровского беседовали о создавшемся положении в

епархии. Предполагали возможным предложение власти об отказе от патриаршества и синодального строя (не в связи с обновленцами). Бычков противоречил, говоря о необходимости соборного решения этого вопроса, о невозможности собрать Собор, который вынес бы «свободное» решение и т.п. Мы (я и Чепурин) возражали, что Собор может быть, хотя бы только по одному этому вопросу, что «свободных» соборов никогда не бывало, резолюции всегда шли согласованными со взглядами властей и т.п. Я высказал шутя взгляд на возможность организовать Ленинградскую автономную православную общину (ЛАПО), которую могут зарегистрировать, если выявит свое лицо.

Ко всему этому лично для меня дело осложнилось приглашением меня 2 февраля (20 января) в ГПУ – повестку получил я за четыре дня, в пятницу вечером, и все это время и сам я, и семья страшно волновались, не зная причины вызова. Вспоминаю свой июльский разговор с Макаровым и его предупреждение, что «вслед за епископами мы можем забрать и «советчиков», я уже расположился сесть и потому пошел в ГПУ, захватив с собой полотенце и бутерброды, и сделал все необходимые распоряжения по дому и предупреждения по собору и по курсам. К этому еще накануне к нам зашла Катя Дроздова и сообщила, что арестованные в Петрозаводске священники (Громов, Ильинский, Молчанов, Дроздин) привезены в четверг сюда. Это еще более заставило меня думать, что я вызываюсь по делу Преосв. Венедикта и его управления Олонецкой епархией.

Вызванный к 2 часам, я просидел там до 5 часов, и лишь тогда только приехал следователь Макаров и пригласил меня. Прием был любезный. Присутствовал тут же и Шибов. Весь разговор велся около следующих вопросов: 1) Как идут у вас дела после ареста архиереев? 2) Что намерена предпринять наша «инициативная группа»? 3) Ведь невозможно же оставаться под постоянным «Дамокловым мечом» из-за контрреволюционности архиереев; 4) И для власти нежелательно раздражать массы арестами епископов и, 5) Станный выбор архиереев с контрреволюционным штампом, как и кандидатов к ним и благочинных; как будто нет почтенных и авторитетных лиц, приемлемых «для власти».

«Точек над і» поставлено не было; я ссылаясь на Митрополита Сергия. Впечатление неопределенное, но задание сделано...

Посоветовавшись с Чепуриным и Петровским, я поехал и сообщил обо всем Преосв. Григорию (А.А. Лебедев, в то время еп. Шлиссельбургский и Лодейнопольский, викарий Петроградской епархии, наместник Александр-Невской Лавры. – Л.А.-Ч.). Тот прежде всего, счел необходимым обидеться, почему не он был вызван (!), что, впрочем, я предоставил бы ему с особой готовностью... Затем он сказал, что мог бы предложить вопросы (по сношению с Митрополитом Сергием) о допустимых со стороны властей формах церковной жизни (приходских, районных, уездных, губернских; о способе отправления управления и о контроле над ним власти и прочее).

Я указывал ему: 1) на необходимость принятия им мер по существу разговора в ГПУ; 2) на возможность этого в виду ареста епископов и смены руководящих лиц в Губис-

полкоме; и 3) на желательность проявления им инициативы в этом направлении. Результат – неопределенный. Между тем, ведь меня могут снова пригласить и осведомиться, что предпринято.

По моей просьбе Чепурин составил проект записки епископату с указанием необходимости заявить официально представителям власти о нашей полной лояльности и необходимости выйти из положения, конспиративно управляющихся под открытый контроль власти, но со спокойным и устойчивым положением, для чего необходимо испросить разрешение на созыв хотя бы общегородского собрания духовенства, для обсуждения этих вопросов.

30 января/12 февраля 1926 г. В церковной жизни у нас опять неладно. Три епископа сидят. Преосв. Григорий Шлиссельбургский сообщил, что Митрополит Петр назначил после себя заместителем Митрополита Сергия Нижегородского, Михаила Киевского и Иосифа Ростовского, и что с 14 декабря Сергей вступил в отправление обязанностей. Между тем в «Известиях ВЦИК» № 5 от 7 января я прочитал, что в Москве образовался временный Высший Церковный Совет из семи епископов под председательством Григория Екатеринбургского, стоящий на строго традиционной почве. Не понимая, что это значит, я написал Преосв. Сергию. Тот ответил, что это помимо согласия Преосв. Петра и что он обратился уже к Преосв. Григорию с запросом.

Теперь в «Известиях» от 9 февраля сообщается со слов Григория, что Сергей их запретил в священнослужении, а, между тем, они будто бы обратились к Митрополиту Петру, который «резолуцией от 1 февраля» будто бы аннулировал полномочия Митрополита Сергия, как и Михаила и Иосифа, и передал их коллегии из Николая Владимирского, Димитрия Томского и Григория Екатеринбургского вместе с Советом при них. Получается как будто бы все в порядке, но непонятно: 1) почему устранен Митрополит Сергей и другие с ним; 2) как могли снестись епископы с Митрополитом Петром, находящемся в заключении. Дело весьма туманное и чреватое последствиями – опять может начаться разделение, споры, запрещения, разговоры о безблагодатности и т.п. Теперь, ввиду осложнившегося положения в центре с Митрополитом Сергием, необходимо выждать уяснения положения. А было бы хорошо, если бы можно было легализоваться, избрать Епархиальный совет и настоящего Митрополита, которого приняла бы и государственная власть.

7/20 января 1927 г. Четверг. Два дня служения и славления (с водой). В сочельник служил я и освящал воду. В самый праздник – архиереи: внизу (всенощное и раннюю) – епископ Димитрий (Д.Г. Любимов, тогда еп. Гдовский, викарий Ленинградской епархии. – Л.А.-Ч.) вверху – всенощную и позднюю с крестным ходом и водоосвящением на улице – архиепископ Гавриил (Г.Д. Воеводин, с 1924 г. – еп. Кингисеппский, викарий Ленинградской епархии; в январе 1927 г. руководил епархией. – Л.А.-Ч.). Закончили все к половине второго; затем обычный (грубый) «обед» и в 3 часа все могли направиться по приходу «с водой». Я был в семи местах: до всенощной (моя очередь) – у Королева, Розенберга, Полякова, Сорокина и Орлова, и после всенощной (уже в 10 с половиной часов вечера) – у

Брудер и Архиповых. Приехал домой уже в первом часу ночи. Устал...

11/24 апреля. Воскресенье. Пасха. 11 часов дня. Вот и Пасха. Быстро прошел пост, совершенно незаметно. Последняя неделя была тяжела, устали ноги; последние дни даже и спать приходилось мало. Народу в храме было очень много и в Вербное, и на Страстной, и в Пасху. С плащаницей служили только в нижнем храме. Вся служба недели прошла хорошо; только очередь Овечкина портила дело: служит торопливо, читает небрежно и с ошибками. Исповедников у меня было много. По-видимому, публика расслоилась, и ко мне приходят те, кто ждет именно меня, хочет побеседовать, поговорить о переживаниях. В огромном большинстве я доволен исповедниками, особенно последних дней; очень тепло многие исповедывались. Были случаи (немного), когда ко мне приходили «переисповедываться», неудовлетворенные другими. В воскресенье был юбилей Беляева. Я пред молебном говорил речь после Преосвященного. На молебен я вышел с левой стороны, чтобы доставить юбиляру удовлетворение. Был на обеде. Но «как волка не корми, он все в лес смотрит» – супруга юбиляра по-прежнему весьма суха; сам юбиляр весьма нетактичен: за вечерней в Великую пятницу, когда весь причт служил с самого начала во главе со мной, он сидел в алтаре, не желая стать к престолу до самого момента выноса плащаницы; на утреню Великой субботы тоже проспал (?) и явился в половине... Из Москвы сведения очень приятные: Митрополит Сергей водворяется в квартире Митрополита Петра, пишет новую декларацию, будто бы имеет уже и канцелярию. Со вторника на среду арестован архиепископ Гавриил.

13/26 апреля. Вторник. 4 часа. Славение в нынешнем году закончил быстро – в два дня. Сегодня уже отдыхаю. Хотел съездить к Преосв. Алексею, но пришел Бенешевич, и я задержался. Он принес мне сообщение из-за границы от проф. Кале, с которым переписывался по поводу моей диссертации. Напечатать в журнале в виде статьи едва ли возможно из-за обширности предмета. Лучше в виде книги, на немецком языке, с добавлением на каждый печатный лист до 70 марок (около 25 рублей). Но необходимо знать ценность работы, а для этого надо видеть ее. К тому же необходимо иметь в виду, что вопрос о таргуме сейчас может получить совершенно иное освещение в виду находки в Гениссе (около Каира); кроме того у самого Кале собран богатый материал, как и у его ученика, относительно старого палестинского таргума на Пророков и таргума палестинского на Пятикнижие (до Онкелоса). Надо побывать у Ивана Гавриловича, поговорить о «находке в Гениссе».

16/29 декабря. Преосв. Дмитрий в присутствии епископа Серафима в Сергия Нарвского, а также прот. Верюжского сделал заявление еп. Николаю о том, что группа в 6 епископов в несколько священников решила с 1 декабря отколоться от Митрополита Сергия, не удовлетворенная его ответом на поставленные ему требования и его личной беседой. Видя вмешательство гражданской власти во внутреннюю жизнь Церкви («доказательств нет, но они убеждены») и боясь, что это «может повредить чистоте Православия», они откалываются. Преосв. Сера-

Архиепископ Гдовский
Димитрий (Любимов).

Умер в тюрьме
в 1935 г.

фим, однако, заявил, что он не согласен с Митрополитом Сергием, но от него не откалывается. Преосв. Сергей Дружинин просил еще раз поговорить с Митрополитом Сергием. Получилась неопределенность.

Вечером выяснилось еще большее. Преосв. Николай по приезде домой застал у себя письмо от епископа Григория, который, высказав братские чувства, писал, что он никого не уполномочивал ни на какие от его имени заявления и, если таковые кем-либо были сегодня сделаны, то они не соответствуют действительности.

Оказался «номер»! Вчера мне сообщили, что Преосв. Гавриил сказал почти то же, что он в отпуску на три месяца и что вообще согласен с Преосв. Григорием. Таким образом, склока расползается. Преосв. Николай поехал вчера в Москву с докладом. Тем не менее «оппозиция» наша продолжает действовать, агитировать, употребляя все средства: рассылает письма священникам, приглашая «подумать», созывает представителей двадцаток по единому на собрание к епископу Димитрию, подсылают разных дам к священникам для склонения (например, к о. Е. Кондратьеву).

Николай, со своей стороны, по совету Епархиального совета и отчасти моему, созывает группами настоятелей для ознакомления с положением дела и документами. Надо еще таким же образом созывать представителей приходов из мирян для осведомления, а затем – по получении от Митрополита Сергия определенного акта – и по храмам громко объявить народу.

Во вторник мы с Либиным были в Любани у Аксенова, рассказал ему о наших церковных неурядицах. Справедливо изумляется и негодует. Опасается, что вся эта история может осложниться некоторым недовольством на Митрополита Сергия вообще у епископов за недостаточно внимательное отношение к соображениям их, например, из Соловков и проч. Прочитал у него копию указа Синода о порядке возношения поминовений за богослужением.

*Епископ Сергей
Нарвский.
Расстрелян в 1937 г.*

19 декабря 1927 г./1 января 1928 г. В пятницу на заседании Епархиального совета, вернувшийся из Москвы епископ Николай сообщил пикантные новости. В Москве он застал у Митрополита Сергия епископа Серафима с докладом по тому же делу! Пришлось, таким образом, докладывать вместе. Оказывается, Серафим знал уже о позиции епископа Григория, как и Гавриила, добавив еще, что и епископ Стефан (Бех) уполномочил его сообщить, что он не откалывается от Митрополита Сергия, и что сам Серафим остается в общении с Сергием. Не ясна еще позиция епископа Сергия Дружинина, а то епископ Димитрий остается в одиночестве. Митрополит Сергей намерен был доложить обо всем Синоду на другой день и прислать ответ.

Таким образом, дело из крупного перешло в стадию более мелкую. Епископ Димитрий, однако, продолжает вести линию твердую. В беседе со всем причтом он определенно заявил об этом, продолжал говорить о тех же обвинениях к Митрополиту Сергию, затронул даже меня, как соглашателя с обновленцами (!), и во всяком случае отказался от служения в приходе, надеясь впрочем как будто на возможную поддержку двадцатки. Агенты его продолжают работу, распространяя слухи о переходе Покрова к «красным» и стараясь вербовать к себе наиболее слабые умы.

19 декабря 1927 г./1 января 1928 г. Сегодня у меня были братья Невзоровы и рассказали, что они вступили в двадцатку храма Воскресенья специально, чтобы поддержать единство и провалить Верюжского с К°. Таким образом, там со вчерашнего дня Верюжский со Стрельниковым уже не служат, временным настоятелем является Прохоров, а Преосв. Николая просят о назначении настоятеля, каковым, вероятно, будет Богоявленский.

Любопытны некоторые подробности. Когда Невзоровы были у Шляпина (зав. церковным столом Центрального

района) для вхождения в двадцатку, тот некоторое время соображал количество лиц в той и другой группах и вписал их, усилив несколько нашу группу, но не предполагая давать ей перевес, а, видимо, только для раздувания пожара: ввел вместо 5 только три человека, пополняя, как ему было сообщено, группу в 10 человек и имея в виду, что противная группа насчитывает 18 человек. При этом уговаривал Невзоровых не входить в двадцатку как советских служащих. Поддавшись, по-видимому, на внушения своего знакомого Шустрова (так я думаю), он согласился ввести их, но заявил при этом (вероятно, по глупости, раскрыв секрет...), чтобы «не мешали расколу», что через месяц храм непременно будет в руках нашей группы, но месяц они пусть не мешают... (!)

Таким образом, совершенно ясно, что кто-то являлся инструктированным от власти на устройство среди тихоновцев раскола. Кто? Верюжский? Иоанн Никитин? Говорят даже, что Митрополиту Иосифу сейчас разрешен въезд в Ленинград, очевидно, в тех же целях раздувания раскола, но будто бы Иосиф понял, что его толкают на провокационную роль, и одумался, подчинившись Митрополиту Сергию. Хорошо, если бы это была правда. В причте, и во взаимоотношениях их – неблагоприятно. Любопытно и то, как в свою очередь спровоцировали Невзоровы приверженцев Верюжского в двадцатке. На собрании в пятницу они прямо заявили, что стоят на платформе Митрополита Сергия, а так как воззвание совершенно определенно говорит о полной лояльности к Советской власти, то необходимо ясно знать, как двадцатка относится к этому возванию и к Советской власти. Человека четыре по трусости сейчас же исчезли, а остальные единогласно признали Сергия, и так как на прошлом заседании Верюжский заявил, что в случае поименования Митрополита Сергия, он уходит, то сам собой явился решенным вопрос о необходимости временного заместителя настоятеля и о новом кафедральном протоиерее.

Как жалка роль наших духовных слепых «вождей!». Ведь своими выступлениями против Митрополита Сергия и его платформы они *выявляют тех, кто, очевидно, по политическим соображениям не согласен с Сергием*. Поэтому-то Шляпин и говорил о необходимости месячного срока, чтобы дать возможность выявить все элементы, противные Митрополиту Сергию, а, следовательно, и власти. Да и сами садятся в «калошу» и уготовляют себе место в Соловках.

Я не говорил ничего этого Владыке раньше, потому что без наличия представителей считал это похожим на донос, клевету; но здесь теперь главные представители, дающие тон всей двадцатке (Никола-Богоявленского кафедрального собора. – Л.А.-Ч.), и при них я прямо и честно считаю обязательным сказать Митрополиту, как отцу, что двадцатка заняла линию поведения одностороннюю – только юридическую, с ориентировкой на гражданскую власть, забыв совершенно линию каноническую – о связи с причтом и епископом.

«Вся власть – советам»; «мы – хозяева над всем, даже и над причтом»; «не мы должны считаться с Митрополитом, а он с нами» – вот чем руководствуется наша двадцатка. Отсюда настроение в причте: искательства перед отдель-

ными членами двадцатки из-за наград, из-за назначений. Отсюда же игнорирование, даже третигование причта и настоятеля, какой-то антагонизм.

24 января/9 февраля 1928 г. Либин был во вторник у Аксенова и привез оттуда ряд важных документов – о передаче власти Митрополитом Петром Митрополиту Сергию, первое обращение Митрополита Сергия и пр. Между прочим, рассказал, что Митрополит Иосиф действительно возглавляет раскол, хотя и довольно неопределенно говорил прибывшим из Синода двум архиепископам Анатолию и Сильвестру. Он посылал викарного Ростовского епископа Евгения к Митрополиту Агафангелу с грамотой, прося его возглавить движение и взять в свои руки управление церковное, как старейшему кандидату на местоблюстительство. Тот ответил, что посоветуется с Тучковым...

Тогда Евгений ездил к находящемуся на покое архиепископу Серафиму Чичагову с той же просьбой, но и там получил афронт, да еще письменный и размноженный... Ездил затем на Украину, но и там неудача. Словом, ни один из старых епископов не пожелал примкнуть к ним. По-видимому, и здесь вопрос о храме «на Крови» будет скоро ликвидирован через сокращение двадцатки, которая возросла до 200 с лишком человек...

Сегодня у меня собрание Совета курсов с представителями приходов для сметы и выборов.

28 января/10 февраля. Пятница. Вчера общее собрание прошло хорошо. Смета утверждена. Было высказано пожелание, чтобы церкви имели в виду пристраивать недостаточных студентов (Высших Богословских курсов. – Л.А.-Ч.) на клиросную и другую церковную работу. Это так, но еще нужнее устроить хотя небольшое помещение для общежития. Об этом надо подумать прежде всего. Сейчас было собрание корпорации, где Чепурин читал реферат о библиографии французской литературы по философии религии за последнее время. Подбор авторов довольно случайный (тех, которыми он пользовался при написании своей магистерской работы, главным образом). Отмечен уклон в сторону морали и мистики в вопросе о происхождении и сущности религии. Выводов не было сделано в смысле указания того, что же нового в этом отношении сделала французская богословская мысль за последнее время.

Были высказаны пожелания: 1) чаще устраивать подобные собрания; намечена пятница Масляной недели – 11/24 февраля; 2) ближайшим вопросом поставить – современный церковный момент с канонической точки зрения; 3) затем вопрос о созыве Собора; 4) о способах выписки из-за границы богословских книг. Были: я, Петровский, Дмитриевский, Чепурин, Лебедев, Чельцов, Шкловский, о. Фиников, о. Карп и Невострецев.

31 января/13 февраля. Понедельник. Уже в субботу стали приходить какие-то темные слухи о каком-то указе Митрополита Иосифа, упоминалось имя Митрополита Агафангела. Вчера вечером сообщили присутствовавшие в церкви за литургией, что Димитрий в храме Воскресения прочитал указ Митрополита Иосифа о назначении его, Димитрия, архиепископом и управляющим епархией, а епископа Григория – управляющим лаврой (!). Григорий в лавре порадовал слушателей, что, наконец, «инцидент

исчерпан», что он получил от Митрополита Иосифа бумагу, с содержанием которой он познакомит в следующее воскресенье. Возможно, что этим шагом Митрополит Иосиф с Димитрием хотели заставить Григория выявить, наконец, свою истинную линию.

Сегодня утром приехал из Москвы Сережа Страхов и сообщил, что: 1) там было совещание оппозиции Митрополиту Сергию по вопросу о поминовании власти; что на этом совещании порешили указа не отменять, но временно не приводить в исполнение; 2) там около 20 церквей (10%) не поминают власть и Сергия; около 20% колеблются, а большинство (70%) поминает; 3) Митрополит Агафангел присоединился к Иосифу и откололся от Сергия, признавая, однако, Петра; 4) по слухам, в воскресенье Агафангел скончался; 5) на Митрополита Иосифа взгляд весьма невысокий, в силу его неодинакового отношения на словах и в действиях в отношении власти.

Наконец, Голосов сообщил мне письменно, что 10 февраля к нам назначен Митрополит Серафим Чичагов. Последнее, может быть, внесет некоторое успокоение, так как прекратится вопрос об имени Митрополита Сергия и, с другой стороны, уйдет Николай, которого травил епископ Григорий и К°.

10/23 февраля. 10 февраля (нов. ст.) к нам назначен Митрополит Серафим Чичагов, Епископ Николай и Либин видели его в Москве. Он уже знакомится с делами; намерен вызвать к себе епископа Григория и епископа Серафима; намерен разослать викариев по уездам. Хочет потребовать от Тучкова недопущения в Ленинград Митрополита Иосифа, или он сам не поедет, хочет просто поставить вопрос власти: желает ли она спокойствия, или раздора. На последнее он не пойдет.

25 февраля/9 марта. Вчера приехал вновь назначенный Митрополит Серафим (Чичагов). В 4 часа дня Епархиальный совет собрался у него в помещении (Новодевичий монастырь). Мне он сказал, что «узнает меня», хотя я был у него всего один раз в 1907 году. Возможно, что припомнил вследствие теперешних бесед в Москве с Митрополитом Сергием, который, вероятно, рассказывая о нас, сообщил и обо мне. Спросил Беляева (вероятно, тоже слышал от Митрополита Сергия, которому я говорил об отношениях Беляева). Беседовали более двух часов.

Старик производит впечатление благодушного, разумного, но, по-видимому, и твердого человека (по крайней мере, высказывает желание быть таковым). Советовался с нами, оглашать ли ему письмо к нему Митрополита Сергия или нет. В письме Владыка Сергей высказывает, что он распорядился возносить имя его за богослужением по убеждению других, как внешний знак единения с ним, но без всякой задней мысли и какого-либо архиерейского тщеславия. И если теперь это «имя» является предметом пререканий, то он просит Владыку Серафима не только не возносить, но даже запрещать возношение его имени.

При обмене мнений высказывался и решительный протест против прекращения требования о возношении имени Митрополита Сергия и желание совершенно прекратить это возношение (Чельцов). Владыка Митрополит думал разъяснить, что из-за этого не будем ссориться, и если есть некоторые, которые не доросли еще до понимания

необходимости возношения имени Митрополита Сергия, то оставим их так, пусть «дорастут» и поймут, и устыдятся глупости. Я внес предложение, чтобы при таком (разумном и христианском) отношении, непременно, все викарные епископы обязательно везде возносили имя Митрополита Сергия. На этом остановились. При прощании Владыка Митрополит просил меня как-нибудь познакомить его с Богословскими курсами.

8 июня/11 июля. Вчера принесли слух, что двадцатка лавры не хочет принимать Либина как наместника: все цепляются за епископа Григория... Ах, этот Григорий! Сколько он зла церкви здешней принес своей двуличной политикой. Если бы с самого начала отнесся прямо и честно к делу поминования Митрополита Сергия, все было бы в порядке; а то хитрил, вертел, смущал полгорода, смущал весь Детскосельский район, духовенство, вселял одобрение и в самих отношениях (к нему за советом ездили: епископ Сергей, епископ Димитрий, и Верюжский, и епископ Серафим), и, таким образом, содействовал возникновению и усилению раскола. В этом направлении укрепил и свою двадцатку, а теперь возись с ней... Сегодня и завтра служу у Круглого пруда. Бобовский в понедельник взят.

3 июля/20 июня. Сейчас написал и отправил на немецком языке письмо проф. Кале в Бонн, по совету Бенешевича, с целью завязать сношения по вопросу издания моей магистерской работы о таргуме. Звонил по телефону прот. Е.М. Кондратьев, сообщил, что три дня тому назад он послал мне городской почтой копию письма к нему академика Павлова по вопросу об его отношении к религии и его взгляде на нее. Письмо чрезвычайно интересное и важное для борьбы с антирелигиозниками. К сожалению, оно до меня не дошло... Просил его достать это письмо иным способом. Цель Кондратьева: чтобы не затерялось это важное письмо, по обстоятельствам времени невозможное к отпечатанию и он хотел сообщить копию его нескольким лицам..

7 июля/24 июня. Вчера состоялось пострижение Либина. Совершал Митрополит. Назвал Амвросием. Происходило умирительно, особенно момент подведения при прекрасном пении монахинь «Объятия Отча». Сегодня его производят в архимандриты в церкви Иоанна Предтечи на Лиговке.

Странное впечатление производит обряд пострижения в смысле актов: они не соответствуют дальнейшей карьере и самой цели пострижения. Последнее совершается как условие получение архиерейства, а обеты говорят о вечном пребывании в монастыре, о беспрекословном повиновении авве и т.п. На Востоке правильнее: епископы там – не монахи, а лица, принявшие рясофор. И у нас должен быть еще один – «первый» чин монашества для подобной цели. Мы и думали с Тураевым над составлением нескольких, постепенно усложняющихся чинов.

9/22 июля. Началась моя неделя. Вчера и третьего дня праздновали праздник иконы Казанской Божьей Матери в Леушинском подворье. Всенощную служил Преосв. Николай, литургию – Преосв. Алексей. Хотели быть у нас, да я отклонил, вследствие беспокойного состояния духа в двадцатке. И в самом деле могло быть неладно.

Теперь из слов Рожкова и Щина Овечкину выяснилось, что они хотели в среду «вышвырнуть» Кукунина, меня и часть духовенства, так как во мне видят главного врага, у которого в руках и Синод, и Митрополит. А теперь и «власть поддерживает»... Обвиняют меня в том, что я – обновленец и т.п.

Ну «страшен черт, да милостив Бог»! «Наши» из причта тоже держат себя по-прежнему. Лукин сегодня отказался идти с кружкой и выразил Овечкину недовольство, что других назначают на штатные места, а их нет. Тот сказал, что передаст его желание мне и совету. Надо переговорить и посодействовать уходу его на какое-нибудь «штатное» место. Ласкеев тоже все еще в «буйственном» положении находится.

14/27 июля. Пятница. 9 часов вечера. Выяснилось из беседы Рожкова в соборе (куда он приглашен был для проверки отчета и сдачи сумм) с Кукуниным, Логиновым и Музалевской, что его и Щина вызывали в ГПУ. Он не рассказывал подробно, но просказался, что собор является «твердыней сергиевцев», что на него «возлагают такие же надежды, как раньше на обновленцев» (в смысле влияния на успокоение населения?), что, следовательно, его трогать нельзя.

Как вывод из этого, Рожков сказал, упрекая, что двадцатка подпала под влияние «комиссара в митре», что тут во всем мое влияние и т.п. Не ошиблись. А все-таки не удалось им совершить скверного дела. Между тем уже епископ Димитрий говорил, что скоро займут Никольский собор! На этот раз сорвалось. У них влило в двадцатку 12 человек, а у нас – 18. Рожков хочет уходить, как и Иванов. Хорошо, если бы ушли Щин, Луговая и Шувалов.

Читаю сейчас о творчестве Чехова в издании «Academia».

18/31 июля. Вторник. 8.30 вечера. Кончил здесь книжку о творчестве Чехова. Все подобные вещи как-то ближе знакомят не только с самим писателем, но и с характером его произведений; последние яснее представляются сознанию, когда знаешь обстоятельства их написания. Надо дать Верусе прочесть как эту книгу, так и другие подобные, читаемые мною об этом времени (воспоминания о Достоевском его дочери; Грехе «История одной любви» (о Тургеневе и Виардо); Сушковой «Записки о Лермонтове»; Панаевой «Воспоминания»).

Вчера на заседании Епархиального совета сделал доклад о возмутительном распоряжении – не давать в кооперативах хлеба духовенству. Доклад был в следующих выражениях: «Все служители религиозных культов и их семьи лишены права быть членами потребительской кооперации и получения по карточкам хлеба в кооперативах. Лишение этого права обрекает служителей религиозных культов на голодную смерть, если не рассчитывать на случайную (но нелегальную) поддержку их полноправными гражданами. Такое явление не может быть оправдано юридически и должно подлежать отмене.

1. Если по основному декрету в пределах СССР допускается свобода религиозной, как и антирелигиозной пропаганды, то почему представители религии несут клеймо отвержения сравнительно с прочими гражданами в этом насущном вопросе?

2. Если можно до некоторой степени понять и объяснить лишение служителей религиозного культа тех или иных юридических прав, то совершенно непонятно и ничем необъяснимо с точки зрения государственной лишение целой группы граждан государства физического «права» есть.

3. Если даже в чрезвычайно трудные голодные (1918, 19, 20) годы так называемые «нетрудовые» элементы получали хотя бы по 1/8 фунта хлеба в день, то почему сейчас служители религиозного культа лишены хотя бы минимальной хлебной нормы?

4. Если подобная мера не имеет юридических оснований в применении даже к самим служителям религиозного культа, то почему она применена еще и к их семьям? (Этот пункт изложен несколько иначе, но мысль эта).

5. Можно бороться с религией, как с известным мировоззрением, но не путем физического истребления голодной смертью ее служителей; государство, во всяком случае, обязано заботиться о возможных условиях физического существования всех живущих на его территории граждан, к какому бы роду занятий они не принадлежали. Ведь даже самые закоренелые преступники получают паек в домах заключения.

Необходимо немедленное возбуждение Священным Синодом соответствующего ходатайства пред Совнаркомом».

Постановили доложить Священному Синоду. Вчера беседовал с Преосв. Николаем по поводу замещения им кафедры канонического права. К нему откуда-то уже дошли слухи, будто приглашен Н.Т. Клименко. Я заверил, что я даже не знаком и никогда не видал Клименко, а разговоры о нем были, но я считал необходимым прежде всего переговорить с Преосв. Николаем, что и сделал, переговорив с президиумом Совета курсов. Обещал подумать. С прот. К.В. Ивановским тоже говорил о кафедре догматического богословия, и он не отказывался. Остается переговорить с проф. Серебрянским. Сейчас был у меня В.Б. Шкловский и сообщил неприятные новости: 1) что заболел уреимией о. Л.А. Сербаринов, и 2) что заболел и уж свезен в больницу Мечникова И.Г. Троицкий. Последний вероятно – смертельно. Жаль старика: был умный, знающий, с широким кругозором, и честный как ученый и как человек, чрезвычайно простой и скромный. Он же сообщил и хорошую весть, что М.М. Саранчин готов помочь нам в сохранении и получении нами библиотеки Пастырского училища. Надо непременно переговорить...

24 января архипастыри ярославские во главе с Агафангелом (Иосиф, Варлаам и Евгений) объявили автокефалию. Это по наущению Митрополита Иосифа. 26 января Иосиф, который только что, 20 декабря, приехавший из Синода архиепископу Анатолию и Сильвестру говорил, что он «никакого отношения к Ленинградскому расколу не имеет», «Ленинградским митрополитом себя не считает и к спорам никакого касательства не имеет» и резолюцию от 25-го объяснил «частным письмом» – теперь, через 6 дней, пишет послание к ленинградской пастве, где назначает епископа Димитрия управляющим, а епископа Григория – наместником лавры.

*Епископ Стефан (Бех).
Скончался в лагере
в 1933 г.*

После того, как в воскресенье (о блудном сыне) указ был оглашен в храме Воскресения, в понедельник, на заседании Епископского совета мы просили епископа Николая запросить срочно епископа Григория, какие меры он принимает к успокоению верующих, смущенных упоминанием его имени в указе Митрополита Иосифа. Он сразу же ответил епископу Николаю, что он уже объявил верующим, что в ближайшее воскресенье (6 февраля) он будет вести собеседование о последнем послании Митрополита Иосифа, где «вскроет недостойную игру бывшего Ленинградского митрополита».

Мы порадовались такой яркой позиции епископа Григория но, оказалось, напрасно: в воскресенье он весьма кратко (4 с половиной минуты) сказал, что смущаться нечего, никакого раскола нет, есть только административная автономия, что если в «послании из Ростова» он назначается наместником лавры, так ведь уж не один год состоит им, просил молиться... и только. Так что вся собравшаяся масса народа ушла совершенно неудовлетворенная его объяснением и сама увидела, насколько он «скользок».

10/23 августа. Четверг. 8 часов вечера. Вторник и среду был на даче; погода прекрасная. Был у Петровского и с ним гулял в парке. Сегодня с курсов вывозили имущество. Библиотеку взял Книжный фонд, это хорошо. Забирают все без всякой описи. Удивительно! Сейчас заходил к о. Карпу. Тот совершенно расстроен, плачет. И неудивительно, он ближе всех соприкасался ежедневно с курсами. А тут еще новая гроза: Шляпин сказал, что церковный зал отберут для домпросвета... да чуть ли не под угрозой и церковь, как домовая. По его словам, Шляпин будто бы намекнул, что нас съел один человек, будто бы сделавший донос в Москву на администрацию; что распоряжение о закрытии курсов пришло из Москвы. Думаю, что во всем этом верно только последнее: что распоряжение последовало из Москвы, от Политбюро партии, может быть, по представлению Союза безбожников. Что же касается доноса, то я очень сомневаюсь: во-первых, мы так были лояльны во всем и действовали открыто, что нет причины для доноса; а во-вторых, при доносе, вероятно, последовали

Храм
Воскресения
Христового
(Спас-на-
Крови)

сарай, где лежат книги. Решительно не понимаю смысла. Брошюры – самые обыкновенные, давнишние. Для чего? Что надо? Удивительно!

Конечно, это обеспокоило жену; как подумала (у страха глаза велики), что не из Ленинграда ли дано знать; может быть, в связи с курсами; может быть, и я уже арестован. Сколько волнений... Просто не дают жить.

На курсах вчера вывезли остальные книги. Зал отдала жакту. Церковь обособляется стеной кирпичной и, по-видимому, все страхи этим заканчиваются пока. Шляпин долго ждал о. Карпа (который служил), разговаривал с Окининой о Никольском соборе, негодовал на прихожан, которые не могут выгнать бунтарей, грозил закрыть собор, чтобы распустить двадцатку эту, хвалил Кукунина и т.п. Надо поговорить и подумать, как бы очистить двадцатку от Рожкова, Щина, Мухина и Шувалова.

13/26 августа 1928 г. Воскресенье. 8 часов вечера. Сегодня служил с Митрополитом и Преосв. Алексием в Новодевичьем монастыре. Владыка сказал, что он беседовал в Москве с Полянским (помощник Тучкова), тот все выслушал, что сообщал я в письме, записал. К сожалению, никого из важных лиц сейчас в Москве нет: все в разъездах, в отпуске. Во всяком случае, по словам Митрополита, особенно благоприятных результатов он не ждет. Связи с ГПУ не видит, раз это дело Ленсовета. Вероятно – указание из центра. Преосв. Алексей того же мнения, как и я, что дело может начинать только Митрополит Сергей и в каком-нибудь ином виде, без допущения женщин и т.п.

Подумав, я нашел, что осмотр вещей жены мог быть вызван не доносом, а вскрытыми письмами ее ко мне и моими: она запрашивала меня о книгах (какие привезти?), а я указывал. Это и могло послужить поводом к осмотру и подозрению.

17/30 августа 1928 г. Четверг. 10 часов утра. Накануне Успения, в разговоре с Б.Н. Окуневым, пришла мысль, что можно бы попытаться ходатайствовать об открытии Миссионерского института в виду необходимости борьбы со страшно растущим сектантством, на что обращали внимание сами власти, и о чем в прессе они постоянно пишут. Может быть, под этим флагом возможно было бы восстановить Богословский институт с ярко противосектантским и вообще миссионерским направлением. Это будет нечто новое и, по-видимому, для власти приемлемое. При приеме, конечно, провести строгую фильтрацию, а женщин совершенно не принимать. Надо обмозговать.

Вчера было братское собрание причта – распределили дни служений; с воскресенья переходим на «зимнее» положение. Вчера была последняя не «моя» беседа в среду; народу очень немного осталось на беседу; все спрашивают у меня о начале моих бесед. Сегодня у нас чин погребения Богоматери.

21 августа/3 сентября. Понедельник. 10 часов утра. В пятницу и субботу уезжал на дачу. В пятницу со мной была Верочка. Прошли с ней в парк, осмотрели Екатерининский дворец; затем, несмотря на скверную погоду, я показал ей несколько Екатерининский парк, статуи. Перемокли. В субботу я там занимался. Вечером я был уже в городе и церкви. Вчера служил Преосв. Сергей. Шкловский принес проект Миссионерского пастырского института. Несколько-

бы личные репрессии на лиц администрации, а этого нет.

Шляпин сказал, что он завтра придет еще для каких-то распоряжений.

Отец Карп все толкует, чтобы я ехал в Москву. Как будто об этом думают и другие: Петровский, Чельцов... Едва ли будет какой толк. Какие причины мы можем выставить? Необходимость курсов для нужд Церкви? Но разве для них это причина уважительная? Другое дело, когда ходатайствуют о каком-нибудь храме массы верующих. С этим еще посчитаются. А у нас? Думаю, что бесполезно. Посмотрим, что скажет Митрополит, который приезжает в субботу. В воскресенье с ним буду служить в Новодевичьем монастыре. Там же будет и Преосв. Алексей. Может быть, несколько уяснят они горизонт...

12/25 августа 1928 г. Суббота. 11 часов дня. Вчера вечером приехали жена, Веруся и Муся. Встречали их Боря и Шура. Оказывается, они ехали в тревоге. На вокзале жену пригласили в ГПУ и осмотрели вещи; искали какую-то литературу (!) и взяли несколько брошюр о Карельском братстве и Финляндии, оставив все богословские книги нетронутыми. В акте, копию которого вручили жене, значится, что осмотр произведен «вследствие задания ГПУ АКССР». Присутствовал и сам заведующий этим ГПУ Власов какой-то; взяли: 1) входящий реестр Олонецкого отдела Православного Карельского братства, который жена взяла для того, чтобы воспользоваться массой чистой бумаги; 2) брошюры – шесть, о Карельском братстве; 3) 2 брошюры о Финляндии; 4) обзор деятельности отделов Православного Карельского братства – 1 брошюра; 5) 2 «Памятных книжки» Олонецкой губернии за 1907 и 1912 г. (!!); 6) брошюру «Открытие приходов» и 7) блокнот. К чему это? И что значит?

По-видимому, донос чей-то. Жена подозревает квартиранта С.М. Зимины, который видел, как жена ходила в

ко отделать надо и можно бы представить; предварительно хочу собрать преподавателей, чтобы обсудить...

24 августа/6 сентября. Четверг. 8 часов вечера. Во вторник ездил к Аксену в Любань... конечно, все время пришлось выкладывать все здешние церковные события: закрытие курсов в связи с моим вызовом в ГПУ и проектом Миссионерского института; приезд о. Голосова, его предположительную роль в деле курсов (их закрытия. – Л.А.-Ч.), его характеристика Л. Д-чем...; все о нашем Морском соборе; об Епархиальном управлении; об епископе Григории, епископе Серафиме; наконец, о делегации Казанского собора и о церкви Екатерины на Петергофском.

Сам Л.Д. очень хотел бы, чтобы разрешили епископу Серафиму жить (временно), служить в Колпине, где все его желают, и где более приспособлено все для архиерейского служения. При отъезде случайно совпал поезд в Москву, где ехал архиепископ Алексей. Л.Д. сел, чтобы проехать с ним некоторое время и, конечно, я просил поговорить его с Владыкой Алексием: 1) о том, передал ли прот. Голосов Митрополиту Сергию посланные мною бумаги (отзывы о работе Рыбакова и отзывы и работа Голосова (магистерская на В. Б. курсах – не прошла. – Л.А.-Ч.); 2) о том, что не является ли Голосов лицом, которое поспособствовало закрытию курсов и 3) о Миссионерском институте, о котором я хочу возбуждать ходатайство.

Подозрение в отношении прот. Голосова возникло следующим образом. Чепурин, возвратившийся с юга в воскресенье, рассказал о. Карпу, что он был в Москве у Голосова; тот принимал его радушно и за обедом предложил переходить в Москву, к ним в церковь, чтобы быть сотрудником и лектором на курсах, которые они хотят открыть в Москве. На возражение Четурина, что он работает на курсах в Ленинграде, о. Голосов загадочно ответил, что неизвестно, как долго просуществуют ленинградские курсы. При этом он рассказывал, что является докладчиком от Митрополита Сергия у Тучкова.

Если принять во внимание слова Шляпина о. Карпу, что «нас съело одно лицо доносом в Москву», и что это лицо – «верующий», – то приходит мысль, не был ли это Голосов, мстящий за провал его магистерства. Тем более, что и мне он говорил, что делал доклад Митрополиту Сергию о Дмитриевском по поводу его критики действий прп. Иосифа Песнописца (обвиняя администрацию – точнее, меня, – что я не остановил Дмитриевского во время диспута). Да и Л.Д. охарактеризовал Голосова по-простому, как лицо, занимавшееся доносами, и вообще неуживчивое и склонное к некрасивым действиям ради достижения своих целей.

Вчера был очень тревожный день. В ГПУ я часа два прождал; потом два часа меня в собственном смысле «истязал» Малинин, допрашивая и издеваясь, не веря мной сообщенному, припутывая массу лжи, и все это в беззастенчиво грубом тоне, с насмешками и запугиваниями, вроде: «да, у вас богатое прошлое», «если не желаете быть откровенным здесь, то, может быть, будете откровенным в другом месте» и т.п. Я уже совершенно определенно думал, что придется «сесть» и, вероятно, побывать в Соловках.

Все дело в доносах из Петрозаводска из ГПУ (а туда – не знаю, может быть, от Альвианского, бывшего воспитан-

*Митрополит
Петроградский
Иосиф.
Расстрелян
в навечерие
Михайлова дня
в ночь с 20 на
21 ноября 1937 г.
в Лисьем овраге
близ Чимкента*

ника семинарии, уволенного из V класса за организацию протеста против Я.С. Елпидинского, потом оказавшегося в Лодейнопольском ЧК и приезжавшего в Введенский монастырь с ЧК по делу иером. Димитриана).

По тому, что и как спрашивал меня Малинин, обо мне донесено, что я руководил Карельским братством, что я и теперь являюсь идейным его руководителем там – в Карелии, где оно будто бы направляет свои действия против Советской власти, что ко мне приезжают из Петрозаводска для получения инструкций и проч. выдуманные глупости. Затем, дела – об 1918 году, о моем двукратном сидении в петрозаводской тюрьме, причинах; о моей высылке, о пребывании в Введенском монастыре, о «бегстве» оттуда и содействии в этом Альвианского (будто бы я там приговорен был к расстрелу, но через окно бежал оттуда – какая чушь). Наконец, о 1922 году, о суде церковников и проч.

Я дал на все исчерпывающие, подробные, совершенно верные объяснения, которые подробно и изложил в своем показании, упомянув всех умерших и живых лиц, которые являлись свидетелями всех совершавшихся тогда событий, дабы они могли все проверить по свидетельствам живых людей-очевидцев.

После всего этого Малинин отправил меня в коридор – еще подумать и «вспомнить» что-нибудь новенькое. Вышел я и окончательно решил, что, значит, тюрьма и ссылка, потому что люди, очевидно, ничему не верят, не разбираются в психологии людей, которых допрашивают, не обращают внимания на настоящее поведение и деятельность этих людей, верят всяким вздорным доносам и кляузам грязных клеветников, может быть, спасающих свою шкуру доносами на других.

Чтобы оправдать в его собственных глазах эту отправку меня – кое-что вспомнить, я, когда он снова пригласил меня, рассказал ему деталь встречи с Альвианским, когда он год назад заходил ко мне – просил рекомендацию на место помощника и затем – денежной помощи на выезд

отсюда. Я дал тогда 3 рубля. И еще – месяц назад он прислал мне письмо с сообщением о вызове в ГПУ, где спрашивали и обо мне и о событиях в Введенском монастыре и просил уведомить его о получении письма. Я воздержался, подозревая тут что-либо неладное. Это я тоже приписал дополнительно к заявлению.

Тут оказался поворот в обращении. Названо имя, отчетство, «что было, то прошло», «на старое мы не обращаем внимания», «я верю вам» и т.п. Но «вы должны себя реабилитировать»... Речь зашла о нашем соборе, о группах там, о раздоре в причте, и вот я должен ставить его в курс положения, если замечу в соборе «организованные группы», направленные в политическом или экономическом отношении против Советской власти. Не отдельных лиц, каких-нибудь «бабушек», на которых они не обращают внимания, а именно «организованные группы». Вот к чему шло это грубое запугивание и к чему свелась вся эта глупая клеветническая история...

Думаю, что едва ли я когда-нибудь, да еще в нашем соборе, встречу с «организованными группами» против Советской власти. Я очень сомневаюсь, чтобы здравомыслящие люди вздумали сейчас бороться с властью. Отдельные выпады недовольства всегда возможны, но какое их значение? Думаю поэтому, что мне не придется осуществлять свою «реабилитацию» этим порядком. А вот держать их в курсе хода дела, например, при проведении вопроса о поминовении властей за богослужением, это – другое дело, необходимое даже и мне, для того, чтобы они видели, как при всем желании это трудно провести сразу. Об этом и подобном я могу сообщить, если потребуется, в интересах самого дела и знания ими истинного положения и хода жизни нашей Церкви для верного суждения.

18 сентября/1 октября 1928 г. Вчера днем служил. Слабость чувствуется: очень устал, а сегодня – отеки на

*В алтаре
Никола-
Богоявленского
кафедрального
собора. 1934 г.*

лице. Приближаюсь к инвалидности. Вчера вечером у Веруси собралась молодежь; сидели до 2 с половиной часов.

Сегодня утром был у Митрополита. Долго ждал. Пригласил меня, когда там еще был П.А. Кедринский и сообщил нам «по секрету» о том, что необходимо ввести поминовение властей: настаивает гражданская власть. Рассказал, как возник этот вопрос: без всякого внешнего давления, когда Митрополит Сергей сидел в заключении, он надумал это по следующим соображениям. Он сравнил положение Церкви в настоящее время в СССР с положением Церкви в первые два века, когда тоже Церковь преследовали, христиан обвиняли во многом вымышленном и т.д. И вот тогда христиане, следуя завету апостола, были «лояльны» к гонящей власти, молились за нее, честно служили ей и, по отзывам самой власти, были лучшими гражданами. Естественно и сейчас христиане как таковые, должны вести себя также и, в частности, в отношении молитвы за власть, как показателя своих отношений к власти.

Все это Митрополиту Сергию представлялось таким естественным, что он не видел тут даже и никакого «вопроса», и когда Митрополит Серафим (наш) беседовал с ним в присутствии нескольких архиереев и говорил, что в настоящий момент введение этого поминовения несвоевременно, что это раздражит народ, отколет от Церкви иных, Митрополит Сергей все-таки решительно настоял на исполнении этого, хотя ему предлагали сообщить властям, что – как и в вопросе со стилем – нельзя провести в жизнь это поминовение. Он не согласился, лишь временно разрешил отложить это для того, чтобы подготовить народ. Когда был разослан указ и, однако, в некоторых епархиях продолжали все еще «подготавливать», Тучков приступил к Митрополиту Сергию с запросом и предупреждением о возможности нарушения создавшихся взаимоотношений... Последовало напоминание и по двум фронтам: от Митрополита Сергия и от властей.

Еще пред отъездом Владыке Митрополиту было сказано о желательности поспешить с этим вопросом. После возвращения из отпуска тоже. И теперь вопрос поставлен серьезно и остро: тормозят многое другое из-за затягивания этого... Митрополит находит, чтобы благочинные и настоятели побеседовали с духовенством, чтобы оно спокойно, без всяких разговоров, отнеслось к этому. Если же народ будет возмущаться и роптать, тогда возможно прекратить поминовение (!), донеся об этом. Он хочет собрать некоторых протодиаконов с этой целью, чтобы побеседовать о спокойном введении этого поминовения.

Путь, указанный Митрополитом, я нахожу правильным, потому что если духовенство не будет раздувать этого вопроса, то он пройдет, в общем, несомненно, спокойно. А темным массам надо потом разъяснить, что всякое возражение против этого не вяжется с христианским духом.

Я доложил Владыке о регистрации, испросил благословение на отсылку во ВЦИК ходатайства о восстановлении Высших Богословских курсов.

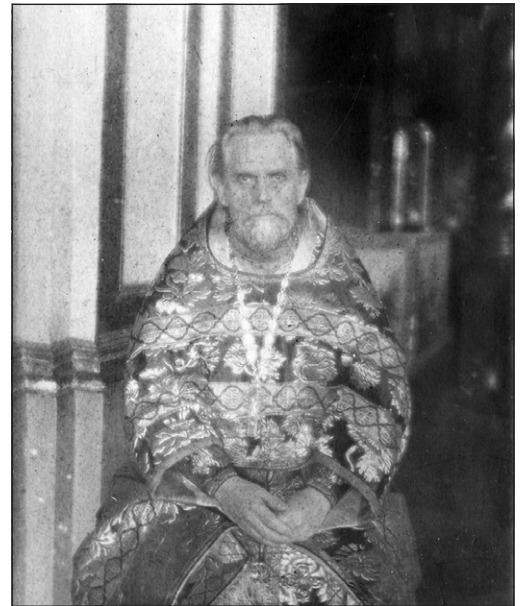
Дневниковые записи 1929-1932 годов не приводятся; основные произошедшие в жизни прот. Николая события изложены в вышеприведенном тексте.

1/14 июля 1933 г. Пятница. 12 часов дня. Вчера был в Епархиальном совете. Дел почти никаких. До начала за-

седания проверил с П.А. Кедринским приходно-расходную книгу совета за 31 год. После заседания видел там только что приехавшего из Москвы Мишу Оболенского, теперь уже отца Анастасия, недавно постриженного и произведенного в иеродиаконья. Он сообщил, что Преосв. Сергей Гришин прислал мне письмо и ждет меня и жену в Киев. К сожалению, в настоящий момент совершенно не могу туда ехать: не на кого оставить собор, где одни только старики и совсем ненадежные... Сообщил Миша еще, что выхлопотали у Митрополита Сергея восстановления прежних привилегий для киевских Владык: предношение креста при богослужениях и ношение двух пангий в пределах епархии. Хотелось бы им выхлопотать сан митрополита, да Митрополит Сергей не согласился: вероятно, находит, что еще рано, молод... Вечером я был у Преосв. Николая Ярушевича, как условились, по поводу моей записки о мерах к упорядочению взаимоотношений между Церковью и государством. Преосв. Николай сообщил, что, вполне разделяя мои мысли, изложенные в записке, он со своей стороны беседовал по затронутому в записке вопросу с рядом протоиереев, которых он знает как умных, передовых, выдающихся (Молчанов и др.). Те находят, что едва ли все наши «приспособления» достигнут цели, так как установка у государственной власти совершенно определенная: религия – опиум, к концу второй пятилетки с нею должно быть покончено, все церкви закрыты, духовенство, как класс, уничтожено... Так что один отец протоиерей уже теперь заботится заблаговременно подготовиться к переключению на медицинскую профессию. Это, конечно, не устраняет вопроса о пересмотре канонов с чисто внутренней целью – для самой Церкви, но что касается государства, то едва ли тут что можно сделать. Тем не менее, мы решили продолжать нашу работу: я буду делать анализ намеченных мною канонов, Николай – тоже дополнительно (о церковной дисциплине, суде и пр.). Вместе с тем решили позондировать почву среди духовенства и особенно в верхах. С этой целью Преосв. Николай рекомендовал мне съездить к Митрополиту Сергию, побывать у архиепископа Сергея Гришина. Последнее было бы возможно, если в соборе наладится вопрос с о. И. Благодатовым. Что же касается поездки в Москву, то, может быть, было бы полезнее ввести в это дело Л.Д. Аксенова и поручить тому побеседовать с Митрополитом Сергием.

3/16 июля. Воскресенье. 8.30 вечера. Со вчерашнего дня по постановлению Ленинградского облисполкома прекращен звон во всех церквях города. Принято это с грустью, но спокойно. В соборе в пятницу обсуждали вопрос об очистке сада от неизвестно кем привезенного мусора (!). Всего около 1600 кубометров. Присутствовал какой-то производитель работ Виноградов, который представил проект сметы, полагая по 1 р. 50 коп. за кубометр. Таким образом, выравнивание всей площади на своей же территории (местами она очень низка) будет стоить около 3000 рублей. Это еще очень сносно. Попутно с архитектором Н.П. Никитиным беседовали об устройстве духовой печи в пономарне верхнего храма для печения просфор. Д.И. Юскевич уже спроектировал эскиз.

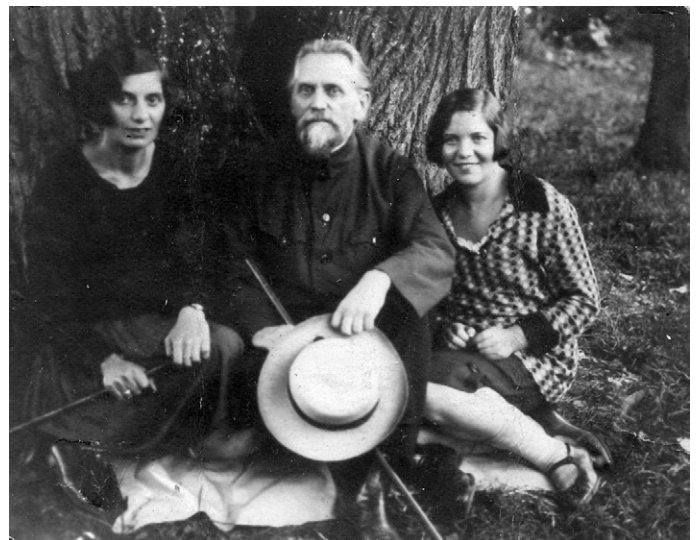
14 декабря. В Совете только дела о замещении священнических мест. Препятствия все из-за отсутствия

Прот. Николай Чуков, настоятель Николо-Богоявленского кафедрального собора. 1933 г.

паспортов у кандидатов, а приходы большей частью в пограничной полосе.

16 декабря. Вчера подготовил слово на Николин день, в двадцатке обсудили все относящееся к празднику. Просил усиленно протопить вверху печи, так как там очень холодно, натереть в обоих алтарях полы, пригласить на всенощную монтера в случае порчи электричества, купить репейного масла для помазания, дать химический уголь и хороший ладан, купить хорошее вино, усилить состав певчих, организовать свечную продажу в разных местах, организовать сбор дважды за всенощной вверху и внизу. Плата митрополиту 250 руб., еп. Николаю 150 руб., иподиаконам по 15 руб. за службу, благочинному 35, Архангелову и Иосафу по 25. Постановили выдать наградные к празднику в размере месячного оклада... Пешкевичу пособие как погорельцу – 250 руб. После литургии в по-

Прот. Николай Чуков с дочерьми Анной и Верой на даче в Раздельной (Лисий Нос). 1933 г.

номарне будет приготовлен для Митрополита чай. Пирог и чай будут и дежурному причту.

21 декабря. Прошел Николин день. Служил всенощное бдение внизу Преосв. Николай, вверху я. Народу было очень много, как никогда, кажется. Особенно внизу была ужасная давка. Едва ли стоит в будущем устраивать архиерейское служение внизу, лучше вверху, тогда часть народа будет отвлекаться вверх. Окончилось всенощное бдение акафистом в 12 часов ночи. Литургию служил митрополит. Народу также было очень много. Закончил он благословлять в 2 ч. 45 мин. Прошло все очень чинно, но нервы мои были напряжены до крайности, чтобы весь этот порядок создать и поддерживать... Сейчас было объединенное заседание двадцатки. Выяснилось, что Николин день дал около 10 тыс. руб., а именно: сбор на блюде – 1323; от продажи свеч 8600; от просфор 720. Расходы на архиерейское служение – 690 руб. и за пение 850 руб.; из полученного дохода уплатили за упорядочение сада и площадки двора 6500 руб., за электричество (новое оборудование внешнего освещения) 5280 руб., осталось только 280 руб. Затем имеется долг за свет 5 тыс. руб., за дрова 1600, за утраченный инвентарь и затем в два срока уплатить 1) налога со строений по 2860 руб. (5720 в феврале и мае) и 2) рента земельная – по 650 р. (1290 руб. в феврале и мае). Все это, конечно, покроется доходами праздников Рождества и Крещенья и текущими поступлениями.

11 сентября 1934 г. Вчера у нас служил Преосвящ. Амвросий. Заговорил о том, что в Москве архиеп. Питирим опубликовал среди духовенства приказ, чтобы причты закрывающихся церквей не подавали прошение о предоставлении мест, а выходили за штат и приискивали себе другое место работы. По-видимому, это сделано для того, чтобы было меньше жертв высылки гражданской властью «лишнего» духовенства.

3 сентября. Третьего дня закрыта Смоленская церковь за Невской заставой. Весь причт получил повестки от ГПУ, по-видимому – для отобрания паспортов.

13 сентября. Третьего дня и вчера служил в Лавре. Народу масса, давка, жара. Обед у Преосв. Амвросия – Мирополит, Еп. Николай, архиеп. Минский Феофан и я.

*Епископ Амвросий
(Либин). († 1937)*

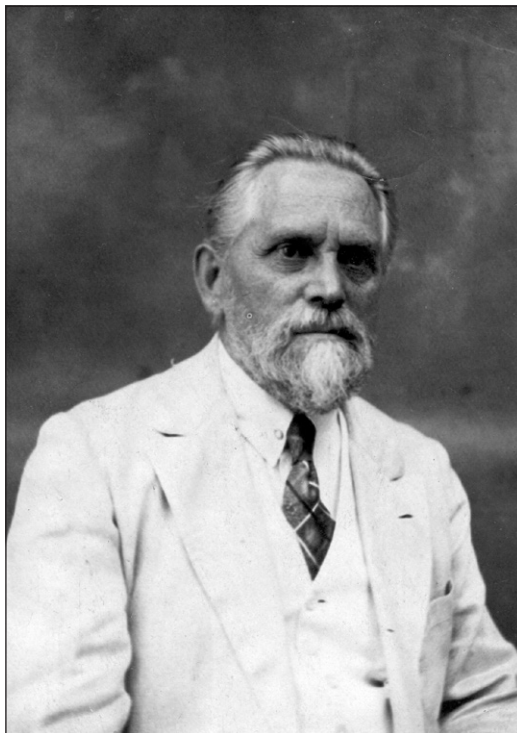
15 сентября. Вчера было объединенное заседание двадцатки. Между прочим постановили, чтобы просфоры в праздники присылались в алтарь счетом при записке, и оттуда при таковой же возвращались – во избежание потерь. О записках без просфор будут особые извещения, которые отцы диаконы должны учитывать, и докладывать мне о недоразумениях.

***Если пастырь не в тюрьме,
значит пастырь в ссылке...***

10 марта 1935 г. прот. Н. Чуков был арестован по обвинению в антисоветской деятельности: «...имеет широкие связи, главным образом среди духовенства тихоновского течения, антисоветски настроен», и 29 марта 1935 г. постановлением ОСО при НКВД СССР приговорен к административной высылке на 5 лет в Саратов⁹⁰.

Прот. Н.К. Чуков подал митр. Алексею прошение о выходе за штат, и 6 апреля 1935 г. вместе с матушкой, которая также была выслана, прибыл в Саратов. В течение года пытался найти работу, много ходил по разным учреждениям, просился в университет, на любую техническую работу в канцелярию, на должность корректора в типографию, секретаря 3-й медицинской клиники, думал о кафедре латинского языка в Медицинском институте или фельдшерской школе, но с тем «билетом», который был выдан ему из НКВД, везде встречал отказ. На месяц о. Николаю удалось устроиться в университетской библиотеке. Жена временно устроилась пианисткой в кинозале при Доме крестьянина. Эта невозможность найти работу послужила одной из причин отъезда жены. Она стремилась к детям в Ленинград, даже пришлось официально развестись для этого («Что вызвало много разговоров не в мою пользу», – писал прот. Николай), но власти разрешили ей только переезд к родственникам в Петрозаводск. Почти сразу после отъезда жены, в мае 1936 г., к о. Николаю явилась делегация церкви Сошествия Св. Духа с просьбой возглавить ее причт, поскольку все священники храма были арестованы, а приглашенный для служения прот. А.Я. Лебедев, старец 80-ти лет, бывший преподаватель Саратовской Духовной семинарии, один не мог справляться с ежедневным служением и массой треб. Прот. Николай согласился при условии разрешения Горсоветом и утверждения митр. Сергием, поскольку епископа в Саратове не было – архиеп. Афанасий (Малинин) еще 25 мая 1925 года был арестован, а приехавший архиеп. Серафим (Силачев) пробыл в Саратове всего недели три и тоже был «изъят»... Служение о. Николая в храме Сошествия Св. Духа продолжалось 10 месяцев и надорвало силы протоиерея, поскольку ездить в храм приходилось на трех трамваях – утром и вечером, треб было много и в храме, и на дому. Прибывший 10 февраля 1937 г. в Саратов еп. Вениамин (Иванов) вскоре был арестован, церковная атмосфера снова стала сгущаться, и прот. Н. Чуков подал в двадцатку заявление о выходе за штат по состоянию здоровья, и с марта 1937 г. уже не служил в храме, перейдя на официальное положение иждивенца детей, приславших ему из Ленинграда соответствующий нотариально заверенный документ. Не умея быть

праздным, прот. Николай занялся литературной работой. В феврале-марте 1936 г., по поручению Ленинградского митр. Алексия, написал исторический очерк «Богословские школы в Ленинграде в послереволюционный период» (с 1918) на основании имевшихся в его личном архиве материалов по Богословскому институту и Высшим Богословским курсам. «Мои воспоминания» (1-я и 2-я части) были написаны в 1932–1934 гг., в 1936 г. была написана 3-я часть – «Моя церковно-школьная деятельность в Олонецкой епархии», в 1937 г. – 4-я часть – «Ректура в Олонецкой Духовной семинарии»; в 1938 г. написал 5-ю часть – «Церковно-просветительная деятельность в Петроградский период» (1918–1922) и в 1939 г. – 6-ю – «Церковно-просветительная деятельность в Ленинградский период» (1924–1935). Таким образом,

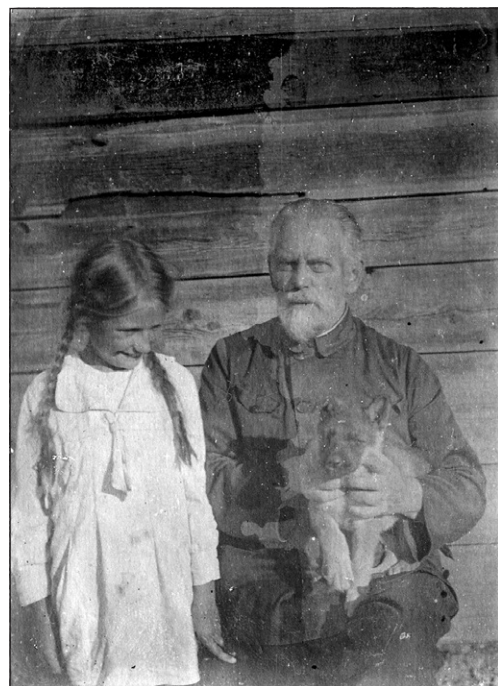
Прот. Н. Чуков. Саратов. 1935 г.

ссылный протоиерей описал всю свою предыдущую деятельность и написал большой материал по истории Церкви за истекший указанный период. В 1940 г. о. Николай систематизировал проповеднические и другие публичные выступления, «беседы», произнесенные в Казанском и Никольском соборах Ленинграда (6 книг: «Беседы об основных началах христианства», «Учение о христианской нравственности» и «Жизнь в Церкви Христовой в век апостольский»), в 1941 и 1942 гг. привел в порядок и все остальные свои проповеди и речи (более 1500 – 6 книг), а также «Лекции по христианской педагогике», «Лекции по церковному учительству» в Богословском институте и на Высших Богословских курсах (2 книги) и «Сборник докладов и статей педагогического литургического и церковно-практического характера».

В Саратов в 1935 г. из Ленинграда были высланы также еп. Амвросий (Либин), о.о. М.Е. Лебедев, А.В. Преображенский, В.Я. Соколин. Встречались ссылные в церкви Сошествия Св. Духа до мая 1937 г., когда она была захвачена обновленцами, и в домашней обстановке. Характерны названия улиц в Саратове, куда было поселено духовенство: еп. Амвросий, к примеру, жил по адресу: 2-я Выселочная, 5, а о. М.Е. Лебедев – 3-й Симбирский тупик, 44. В 1937 году на ссылных начались новые гонения. Существует запись прот. Н.К. Чукова в записной книжке от 26 ноября 1937 г.: «Я взят и отпущен. Уцелел чудом». Из духовенства в Саратове оставались о. Николай, архиеп. Досифей (Протопопов, скончался в марте 1942 г.), совсем глухой старец, и прот. Протасов, также преклонных лет, никуда не выходивший из дома. Были еще некоторые священники, которых о. Николай не знал и которые служили где-то в советских учреждениях. В 1938 году дочь Анна с малолетней дочерью была выслана из Ленинграда в г. Фрунзе как семья «врага народа»⁹¹.

Внучка владыки, Ирина, вспоминает те далекие страшные годы: «Я родилась 6 мая 1930 года в Ленинграде в большой квартире моего деда Николая Кирилловича Чукова на Невском, 11, кв. 9, где жили мои родители вместе с дедушкой и бабушкой. Позже мы переехали на ул. Глинки, что около Никольского Морского Собора. Хорошо помню, как мой дед в длинной рясе и пальто шел мимо дома и помахал мне рукой. Тогда мне было года четыре, т.к. в 1935 году деда выслали в Саратов. В следующий раз я его увидела летом 1938 года, когда меня привезли к нему в Саратов из г. Фрунзе (Пишпек, с 1992 – Бишкек), куда нас с мамой выслали как семью врага народа – моего отца художника кино Фэдора Роберта Петровича. Его взяли в декабре 1937 года. Мы долго думали, что он жив и вернется, не зная, что означает “10 лет без права переписки”.

Отца я никогда больше не увидела (расстрелян 5 января 1938 г. – Л.А.-Ч.). В Саратове дедушка снимал за городом часть дома по адресу – Красноармейская Слобода, Луговая улица, 108. С ним жила наша дальняя родственница Козьмина Татьяна Дмитриевна, которая вела все хозяйство. Я пробыла в Саратове все лето 1938 года. Дедушка меня строго воспитывал. Заставлял читать, писать, помогать по дому – ухаживать за щенком – овчаркой Джимми. Не скажу, что мне все это тогда нравилось, но теперь-то я понимаю, что дед был очень мудрым воспитателем. К сентябрю 1938 года, когда мама устроилась на работу в оперный театр художником-декоратором и получила ком-

В ссылке. С внучкой Ириной. Саратов. 1938 г.

нату в пригороде Фрунзе, Татьяна Дмитриевна привезла меня из Саратова во Фрунзе, и я пошла в 1 класс. Жили мы с мамой в ссылке во Фрунзе пять лет. В 1939 году умерла бабушка Валя, в 1942 году дед принял монашество, стал архиепископом в Саратове, и ему удалось вызволить нас из Бишкека. В ноябре 1943 года мы приехали в Саратов. К тому времени дед и Татьяна Дмитриевна жили в центре города по адресу: Советская ул., 7, кв. 9, – в большой коммунальной квартире; всецело преданная Владыке, она поменяла свою комнату в Ленинграде на Саратов. Комната была большая, длинная, разделенная вдоль занавеской. Посередине стоял большой обеденный стол. Вечерами дедушка занимался за ним, а ночью мы с мамой под ним спали. В доме жила еще одна собака – дворняга Тодди. Все помещались в одной комнате. Еще до нашего переезда, как рассказала Т.Д., в то время, когда дед был в командировке, пришли военные и забрали Джимми, и мы все очень по нему скучали. В течение 1943 года дедушка ездил в Москву не очень часто; служил по праздникам в Соборе, куда мы все ходили молиться. В 1944 году все изменилось. Дед практически отсутствовал в Саратове, т.к. был уже назначен архиепископом Псковским и Порховским и временным управляющим Ленинградской епархией. Кончилась война. В ноябре 1945 года мы с мамой и Т.Д., с Тодди переехали в Ленинград»⁹².

Летом 1939 г. из Петрозаводска стали поступать тревожные письма о состоянии здоровья жены. Для того чтобы поехать к ней, нужно было получить разрешение из Москвы, в результате, прот. Николай с дочерью Верой смог прибыть в Петрозаводск только на 10-й день после смерти жены, которая умерла, так и не дождавшись разрешения выехать в Ленинград к детям.

Зимой 1941–1942 гг. в блокадном Ленинграде прот. Н.К. Чуков потерял сыновей Бориса, Александра и дочь Веру.

29 сентября 1942 г. в Саратов приехал давно ожидавшийся там архиеп. Андрей (Комаров). Он побывал у прот. Н.К. Чукова, чтобы узнать о положении церковных дел, потом они несколько раз вместе были в Горсовете, осмотрели старый собор, поскольку ранее архиеп. Андрей прислал прот. Николаю письмо с просьбой узнать о резуль-

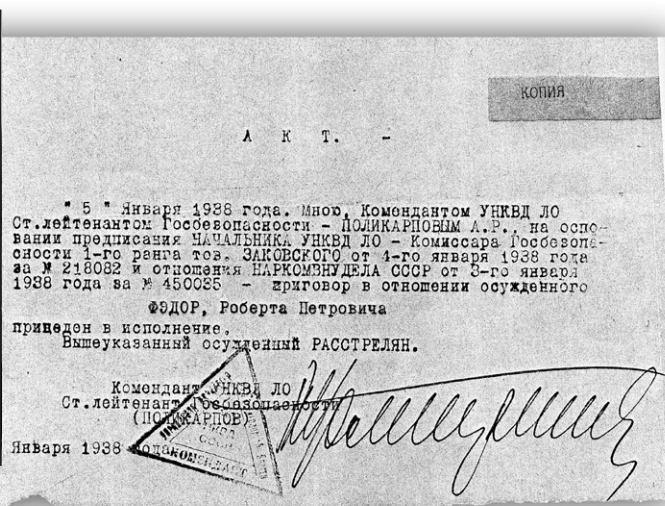
татах его ходатайства о передаче храма для богослужения в Саратове.

3 января 1942 г. прот. Николай получил из Ульяновска, куда была эвакуирована Канцелярия Московской Патриархии, письмо от митр. Сергия (Страгородского) с предложением «использовать Ваши силы более продуктивно для Церкви Божией. Я разумею архиерейство и, конечно, с принятием монашества». В течение полугода митр. Сергий и прот. Николай переписывались: о кончине и погребении архиеп. Досифея, о трагических событиях в жизни прот. Н.К. Чукова – смерти троих детей и неизвестной судьбе сына Николая, в первые дни войны ушедшего по призыву на фронт, о сильных бомбежках Саратова и др. 4 сентября 1942 г. прот. Н.К. Чуков получил телеграмму: «По делам службы прошу немедленно прибыть в Патриархию – Ульяновск. Митр. Сергий».

12 октября на пароходе «Микоян» Н.К. Чуков прибыл в Ульяновск, в тот же день встретился с митр. Сергием, который сообщил ему в присутствии архиеп. Куйбышевского Алексия (Палицина), что он уже назначил его епископом Саратовским вместо архиеп. Андрея, назначенного в Казань, (указ № 587 от 11 окт. 1942 г.). 13 октября 1942 г. в Ульяновске о. Николай был пострижен в монашество с именем Григорий, в честь св. мч. Григория, просветителя Армении, и в день пострижения стал и именинником. Присутствовали 4 архиерея: митр. Сергий, архиеп. Уфимский Стефан (Проценко), архиеп. Рязанский Алексей (Сергиев), архиеп. Куйбышевский Алексей, который постригал его. По пострижении он сказал хорошую речь о Павле Препростом, которого прп. Антоний сначала не хотел постригать из-за старости и который, по словам Антония, затем в подвигах был даже выше его. Обряд прошел, по отзыву очевидцев, очень умирительно, многие плакали. После всенощной было наречение, после которого «избранный и нареченный» сказал благодарственную речь. 14 октября, в день Покрова Божией Матери, происходила хиротония во епископа Саратовского. Литургия началась в 10 часов, народу было много – полный храм (временный Патриарший Казанский собор). Служило четыре архиерея. После литургии, хиротонии и молебна, еп. Григорий вышел 5-м архиереем. Вечером за ужином митр. Сергий говорил о

Дочь прот. Николая Чукова Анна с мужем художником и Робертом Петровичем Фэдором (Расстрелян 5.01.1938)

желательности возобновления издания ЖМП, указал на еп. Григория как редактора и упомянул о переводе его для этого поближе к Москве, например, в Орехово-Зуево. 15 октября еп. Григорий был возведен в сан архиепископа, согласно указу № 594 от 15 окт. 1942 г. – «во внимание к свыше 45-летнему служению в священном сане и в должности епархиального наблюдателя церковно-приходских школ, ректора Духовной семинарии и, наконец, ректора Богословского института в Ленинграде». Владыка стал 54-м епископом, назначенным и рукоположенным митр. Сергием (с 1926 г.), и 15-м епископом, находившимся на неоккупированной немцами территории СССР. 12 октября прот. Н. Чуков передал митр. Сергию для ознакомления 5-ю и 6-ю части своих воспоминаний.

«17-23 октября 1942 г. Мои “Воспоминания” Блаженнейший читает, пока никакого отзыва не делает... “Воспоминания” нарасхват читались архиереями, все хвалят. Рязанский епископ Алексей (Сергиев), прочитав мое описание управлением

Алексием Симанским, просил поговорить наедине и сообщил, что после описания управлением Симанского он боится за дальнейшее, т.к. ему сообщили, что Блаженнейший составил завещание, что власть после его смерти должна перейти к митр. Алексию, а между тем, судя по моему описанию, он довольно несерьезно относится к управлению, допуская отступления от установленного порядка...

20 октября. Сегодня сказал Владыке, что части V и VI своих “Воспоминаний” оставляю в Патриархии – в архиве – для большей сохранности... Днем заходил на квартиру о. А.П. Смирнова, где остановился архиеп. Алексей Рязанский.. Он заболел. Завтракали. Много говорили по поводу меня, выражали какие-то надежды, даже говорили о возможности каких-то перемен в завещании Блаженнейшего в связи с появлением меня в числе архиереев. Проскальзывает мысль о неудовлетворенности м. Николаем Ярушевичем. Мои “Воспоминания” всех интересуют, и у многих раскрываются глаза на иные события и на иных лиц»⁹³.

Архиепископ Саратовский и Сталинградский

В октябре 1942 г., во время пребывания архиеп. Григория в Ульяновске, было получено разрешение на открытие собора, и на Саратовскую кафедру владыка вступил 5 ноября 1942 г. за всенощным бдением на праздник в честь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». Владыке было поручено также временное управление Астраханской епархией (1942–1943).

Летом 1943 года, особенно с 13 по 16 и с 20 по 22 июня, Саратов подвергался массированным налетам немецкой

авиации. Было много пожаров, вышел из строя Крекинг (нефтеперегонный завод), горели нефтяные ямы и баки.

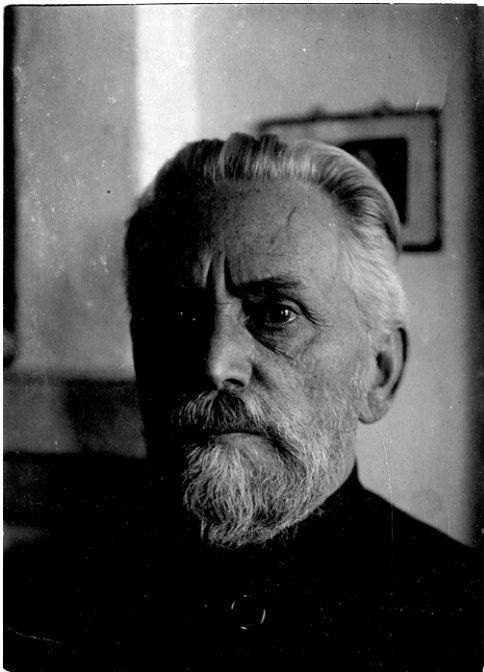
В некоторых близлежащих деревнях были уничтожены дома, было много человеческих жертв и оставшихся без крова. Тем не менее собор, особенно в праздники, был полон народу. После литургии архиеп. Григорий говорил патристические проповеди, а после службы благословлял весь подходивший народ, и в праздники приходил домой не ранее 3-х часов. 16 июня архиеп. Григорий получил из Москвы телеграмму от митр. Николая с распоряжением митр. Сергия – отметить 22 июня, вторую годовщину войны, торжественным служением молебнов по чину 1941 года вечером 22 июня или вечером в ближайшее воскресенье. Отслужили молебен с настоятелем о. Борисом (Вик) в ближайшее воскресенье, и решили перевести в Горсовет Саратова 50 тыс. рублей для пострадавших от бомбежек, затем перечислили еще 100 тыс.

Безработный. Саратов. 1941 г.

«Во время войны Церковь не поддавалась на искушение рассчитаться за нанесенный ей жесточайший удар. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонения на религию. Воскресенье ... 22 июня 1941 г. ... по церковному календарю было “неделей всех святых, в земле Российской просиявших”. Русские святые стали той духовной силой, которая остановила бронированную немецкую машину с оккультной свастикой»⁹⁴.

5 июля 1943 года архиеп. Григорий на пароходе «Станиславский» отбыл из Саратова вверх по Волге в Ульяновск на празднование именин Блаженнейшего (11 июля) и дабы проведать его – больного. Лекарства и шприцы, добытые для владыки Сергия в Саратове, ранее были отправлены с игум. Борисом. Прибыл в Ульяновск 9 июля. Был большой съезд архиереев. 14 июля, в день 50-летнего юбилея службы архиеп. Григория (начал надзирателем в Дух. училище в 1889 г., минус 4 года учебы в СПб Духовной академии), митр. Сергей поручил ему служить литургию. *«Хотел отслужить один, скромно, даже по священнически, но о. Н.Ф. Колчицкий устроил служение как следует архиерейское, после литургии был благодарственный молебен, и перед многолетием произнес речь, где уж очень расписал меня и как служителя Церкви – молитвенника, и как мудрого, беседы которого с ним всегда были умны, содержательны и назидательны, и, наконец, что он еще много может дать и не только для Саратовской и Сталинградской епархий, но послужить и вообще украшением Св. Церкви»* (Дневник, тетрадь 36). Архиеп. Григорий был весьма смущен этим неожиданным признанием.

Прот. Николай Кириллович Чуков. Вдовец. В саратовской ссылке

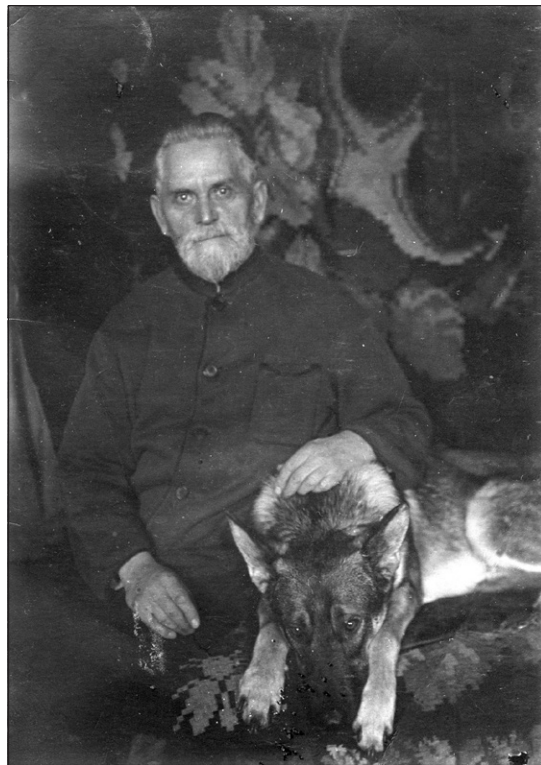
Матушка Валентина Дмитриевна Чукова († 14.08.1939). Фото 1935 г., Саратов

Архиеп. Григорий простился с Блаженнейшим 16-го вечером, но сутки ждал поезда на вокзале, где у него украли чемодан, в котором были облачения, печать собора, документы, академический знак и книги – 5 и 6 части «Мои воспоминания», которые он забрал тогда у митр. Сергия. Так пропали бесценные рукописи. По возвращении домой в Саратов владыка обнаружил еще одну утрату – любимого пса Джимми военные забрали на фронт.

В эту поездку в Патриархию владыка Григорий получил крест на клобук, и указом митр. Сергия от 8 июля 1943 г. (до 26 мая 1944), еще одно назначение – временное управление Сталинградской епархией с титулом «Саратовский и Сталинградский».

1 сентября 1943 г. по вызову митр. Сергия архиеп. Григорий поездом выехал в Москву, куда прибыл 3 сентября 1943 г. Вместе с другими прибывшими архиереями ожидал результатов встречи митрополитов со Сталиным. Архиеп. Григорию, так же как и другим архиереям, как он выяснил по прибытии, не было заранее сообщено, зачем их вызвали в Москву. «3 сентября. Вхожу в Патриархию и сразу натыкаюсь на Блаженнейшего. “Приехали?” – Приехал, говорю. “А не знаете – зачем?” – Не знаю. “Ну, и я не знаю...” Так все держалось в секрете, очевидно, для избежания огласки и неизвестности, как развернутся события». (Дневник, тетр. 37).

1942 г. Саратов.

По разрешению Патриаршества и Священного при нем Синода, открытия духовных школ, издания ЖМП и др., участвовал в решении всех поставленных задач.

Встреча состоялась по инициативе Сталина, к тому же «тихоновцы-сергиане» готовились к Собору еще с 1924–1925 годов, поэтому он был подготовлен и проведен в кратчайшие сроки.

6 сентября в старом здании Патриархии архиеп. Григорий участвовал в предварительном совещании архиереев по результатам похода к Сталину: о способе избрания

Патриарха, проведения Собора, который был назначен на 8 сентября в новом здании Патриархии (Чистый пер., 5). Митр. Сергей поручил архиепископам Григорию и Сергию (Гришину) написать патриотическое обращение ко всем христианам мира. Некоторые мысли обращения (план) дал митр. Николай, отчасти архиеп. Сергий, все остальное и оформление пало на архиеп. Григория. 7 сентября архиеп. Григорий представил текст обращения и, как и другие архиереи, доклад о деятельности, особенно патриотической, в подведомственных епархиях.

8 сентября, в 11 ч. утра, в Патриархии собрались все епископы, все московское духовенство, представители приходов. Собор открылся молитвой и речью митр. Сергия о приеме у Сталина, разрешении Собора и избрании Патриарха. Предложение митр. Алексия и единодушное избрание митр.

Сергия Патриархом. Многолетие протодиакона. Избрали членов Синода. Затем – доклад митр. Алексия о долге православного верующего человека в дни Отечественной войны. Митр. Сергей огласил текст благодарственного письма к правительству и предложил архиеп. Григорию, как автору, огласить обращение ко всем христианам мира. Затем было сообщение о Богословской школе, о свечных заводах, типографии и расширении прав архиереев. 9 сентября по радио и в газетах было сообщение о Соборе, об избрании Патриарха и о выступлении архиеп. Саратовского Григория с обращением. Член – редактор Всеславянского Комитета И.М. Репин обращался ко всем архиереям с просьбой о статьях для Всемирного Комитета. Архиеп. Григорий написал ему – о Соборе и статью «Саратовская церковь в дни Отечественной войны». В Патриархии подписали протокол деяний Собора, осуждение изменникам Родины, и фотографировались. Подпись архиеп. Григория стоит под всеми документами Собора.

11 сентября утром архиеп. Григорий в Патриархии беседовал с Блаженнейшим о Богословской школе и обещал доставить доклад из дому.

12 сентября на торжественном служении в Елоховском соборе и церковном «настоловании» избранного Патриарха слово за литургией, которую служили только члены Синода, было поручено сказать архиеп. Григорию. В алтаре присутствовал дипломатический корпус, кроме английского и американского послов. Пред причастным стихом архиеп. Григорий приложился к престолу, подошел к Патриарху, облобызались в руку, открыли Царские врата и архиеп. Саратовский и Сталинградский Григорий с посохом в руке вышел на амвон... Говорил громко, с подъемом, собор огромный, народу масса. После, в алтаре к нему подходили с выражениями благодарности – «давно не слышали живого слова», с похвалой – «Вам в Москву надо» и пр.

В тот же день вечером в Патриархии архиеп. Сергей (Гришин) обратился к нему с просьбой вместе отредактировать № 1 «Журнала Моск. Патриархии», чтобы как можно быстрее его выпустить. Работали долго. Выходил Святейший, диктовал ответы на приветственные телеграммы. 13 сентября, утром, архиеп. Григорий был у «дедушки», как называли Святейшего, и распрощался с ним, обещав выслать из Саратова доклад о Богословской школе⁹⁵.

1 октября, по почте, Патриарху был выслан всесторонне подготовленный Проект учреждения Духовных школ: Положение о Православном Богословском институте и Положение о Богословско-пастырских курсах с планами учебных занятий в них, сметами расходов на содержание, с указанием учебных руководств и пособий на курсах, а также программы для священства, с указанием учебников – для тех мест, где невозможно открыть курсы, – для индивидуальной подготовки кандидатов. Известив о высылке материалов о Н.Ф. Колчицкого телеграммой-молнией, архиеп. Григорий продолжил готовить бумаги для Москвы – Инструкцию в развитие Положения о Богословском институте, дабы утвердить ее вместе с Положением на сессии Синода. Прибыв в Москву днем 17 октября, архиеп. Григорий с великим прискорбием узнал,

что 54-летний архиеп. Горьковский и Арзамасский Сергей, его ученик (выпускник Олон. ДС 1911 г. Алексей Гришин), постоянный член Св. Синода, правая рука Блаженнейшего, находившийся с ним в эвакуации в Ульяновске, неоднократно управлявший Московской епархией, скончался от крупозного воспаления мозга, проработав всего 8 дней, и 16 октября уже похоронен, а управделами Московской Патриархии протопресвитер Н.Ф. Колчицкий внезапно заболел. В связи с этими печальными событиями Св. Патриарх назначил архиеп. Григория временно исполняющим обязанности управделами Московской Патриархии (с 17 окт. по 29 нояб. 1943).

20 октября началась сессия Синода, и 22 октября был заслушан доклад архиеп. Григория о богословских школах с Положениями о Богословском институте, Богословско-пастырских курсах, планом учебных занятий и проч. Доклад был принят полностью (изменения внесены лишь в том, что в докладе исключено упоминание общеприходских собраний за невозможностью их организации) и представлен в Совет по делам РПЦ. Туда же были сообщены сведения о размерах необходимого помещения и о библиотеке. Позже, когда Патриарх, митрополиты Алексей, Николай и архиеп. Григорий были в Совете, в Положение были внесены дополнения: введено преподавание Конституции СССР и ограничено число студентов на каждом курсе до 30 человек в Богословском институте, и до 25 – на Богословско-пастырских курсах. Совет сам собрал сведения о необходимом ремонте помещений для института в игуменском корпусе Новодевичьего монастыря, после того как архиеп. Григорий с митр. Алексием

После епископской хиротонии с митр. Сергием. 1942 г.

*Архипастыри Русской Церкви. Ульяновск. 11.07.1943 г.
Фото из архива Чуковых. Публикуется впервые*

и зам. председателя Совета Зайцевым осмотрели его и решили на нем остановиться. Что касается библиотеки, то архиеп. Григорий указал на возможность использовать библиотеки бывших Духовной академии и семинарии, а Совет указал ему договориться с библиотеками Исторического музея, библиотекой им. Ленина и бывшей Антирелигиозной библиотекой. Таким образом, «школьный вопрос» был главным на октябрьской сессии Синода. Для непосредственной организации дела в Москве архиеп. Григорий рапортом Патриарху предложил назначить ректором института о. Д.И. Боголюбова, а проректором – магистра богословия С.В. Савинского (по рекомендации митр. Николая), однако Боголюбов был отведен Советом. Архиепископы Алексей Палицин и Иоанн Соколов все время указывали на архиеп. Григория как ректора, но ему не хотелось оставлять Саратовскую кафедру и быть только ректором, да и Патриарх, как будто, не был склонен к этому, вынашивая какие-то другие планы относительно архиеп. Григория. В частности, он оставил без внимания усиленную просьбу прот. А.Н. Архангельского о назначении архиеп. Григория в Горький на место архиеп. Сергия

Епископ Григорий (Чуков) произносит слово на Патриаршей интронизации митр. Сергия (Страгородского). 12.10.43

(Гришина). Вообще, у архиереев были какие-то особые мнения об архиеп. Григории как кандидате на выдающиеся места: одни видели его митрополитом Крутицким, другие – ректором, наконец, один – Дмитрий Ульяновский – тот уже прямо решил, что он будет митрополитом Киевским. Только Патриарх упорно молчал и никаких намеков на чьи бы то ни было переводы и назначения не подавал, и не замещал пока вакансию постоянного члена Синода, освободившуюся со смертью архиеп. Сергия (Гришина).

Из других, более или менее важных дел на рассмотрении Синода, или обсуждении во время пребывания архиеп. Григория на посту управделами Патриархии, были следующие: дела американские, вопрос о возможности возвращения Церкви помещений нашей миссии в Иерусалиме, вопрос о типографии, о свечном заводе, о принятии из обновленцев еп. Михаила Постникова, Ярославского митрополита Корнилия с несколькими приходами московского духовенства, Ташкентского еп. Сергия Ларина, Алмаатинского Антония и др. Вызывались из Украины архим. Симон, еп. Панкратий и архим. Нектарий, чтобы узнать у них истинное положение церковных дел на Украине и ориентацию бывших там архиереев, в большинстве новопоставленных (до 17-ти). Но при архиеп. Григории они еще не приехали. Вызывался (по предложению Совета) митр. Булдовский, ярый националист и автокефалист, но потом Зайцев просил архиеп. Григория передать Патриарху, чтобы его не ждали: он отказался приехать.

Решилось, наконец, важное дело молитвенного воссоединения с автокефальной Грузинской Церковью, автокефалия которой не признавалась в течение 25 лет. В Тифлис по этому поводу был откомандирован Патриархом архиеп. Антоний (Романовский), он выполнил миссию успешно, за что получил крест на клобук.

По предложению Карпова были посланы «обследователи» в освобожденные от оккупации немцами области: Харьковскую, Смоленскую, Полтавскую, Сумскую, Черниговскую, Днепропетровскую, Ворошиловградскую. Заместитель Карпова, Зайцев, говорил архиеп. Григорию, что скоро придется послать обследователей и в Северо-Западный край. Он же просил архиеп. Григория передать Патриарху, что надо подыскать двух священников для отправки на румынский и чехословацкий фронт, в качестве полковых. После, когда Патриарх был в Совете, у него интересовались организацией духовных миссий за границей.

В обязанности Управделами входило принимать разных лиц, – кандидатов в священники, – просящихся в канцелярию Патриархии, желающих работать на курсах или в Богословском институте, или поступить в институт. За полтора месяца архиеп. Григорию пришлось много хлопотать: утром прием, иногда поездки – по топливу, по осмотру здания для института, часто – в Совет с делами и докладами; вечером – просмотр бумаг и резолюций Патриарха, подготовка их к исполнению в канцелярии, заполнение Синодских журналов.

В Патриархии раздумывали о том, как устроить домовую крестовую церковь, и, наконец, решили приспособить для этого парадный кабинет. По воскресным дням архиеп. Григорий служил в Елохове с Патриархом или митр. Алексием. 14 ноября, в день ап. Филиппа, служил вместо

Патриарха в Иерусалимской церкви, а 28 ноября служил один в Елохове. Отец Колчицкий 24 ноября вышел после болезни, и архиеп. Григорий постепенно сдал ему дела. Выехал из Москвы в Саратов 29 ноября 1943 г.

По распоряжению Св. Патриарха архиеп. Григорий выехал в Тамбов, где 24 декабря 1943 г. принял через покаяние в каноническое общение причт и общину Pokровской церкви, уходивших в обновленческое разделение. Встречался со священниками – «староцерковниками», поставил вопрос об открытии в Тамбове второго храма. Назначил благочинным церковью Тамбовской епархии о. И. Леоферова. В декабре 1943 г. (до 16 февр. 1944) ему было поручено временное управление Тамбовской епархией⁹⁶.

В 1942 году Саратовская епархия собирала средства на танковую колонну им. Дмитрия Донского (более 600 тыс. руб.), а за 1943 год Саратовская, Сталинградская и Тамбовская епархии внесли в фонд обороны страны еще 2138776 руб. Помимо пожертвований на оборону, сборов на пострадавших от бомбежек, храмами и духовенством осуществлялась подписка на военный заем. В телеграмме от 7 мая 1944 г. архиеп. Григорий писал Патриарху, что патриотические взносы с января до мая дали по Саратовской области (2 храма) – 485 тыс., Сталинградской (8 храмов) – 50309 (без сведений по 1-му благочинию Сталингр. обл.), что военный заем по Саратову подписан – собором на 500 тыс., духовенством на 76 тыс. Всего взносов и займа 1111309 руб.

Архиеп. Саратовский и Сталинградский Григорий вызывался на сессию Синода 23-30 марта 1944 г., после которой он просил Патриарха о переводе его в другую епархию из-за усилившихся трений между ним и архим. – еп. Борисом (Вик). Вызывался он и на сессию, начавшуюся 12 мая 1944 г. 14 мая архиеп. Григорий служил в Сокольниках и в Патриархии не был. 15 мая внезапно скончался Св. Патриарх Сергий.

« 14 мая ... Патриарх по общему отзыву чувствовал себя прекрасно. Вечером гулял в саду и намечал с Управделами вопросы для заседания Синода на следующий день. А утром 15 мая (2, V) в 6ч. 50 мин. скончался от кровоизлияния в мозг. Сразу архим. Иоанн известил м. Николая, м. Алексея, меня и о. Н.Ф. Колчицкого. Мы с митр. Алексием прибыли к концу восьмого часа, за нами о. Колчицкий. М. Николай уже был там и отслужил уже панихиду. Патриарх покоился на кровати, в подряснике, как уснул утром в 6 час, побродив по кабинету в ожидании приезда врача (ежедневный утренний визит). В 8 час. отслужил панихиду тут же в кабинете около кровати м. Алексий. Известили председателя Совета по делам Р. Прав. Церкви Г.Г. Карпова. Он немедленно явился и с митр. Алексием и м. Николаем осмотрели письм. стол Патриарха, нашли завещание и вскрыли его в присутствии членов Синода. Завещание (от 12 окт. 1941) назначало Патриаршим местоблюстителем м. Алексия Симанского, и в случае невозможности для него – архиеп. Сергия Гришина, а затем м. Николая Ярушевича. Было постановлено: считать м. Алексия вступившим в должность Патр. местобл., опубликовать пункт 1-й завещания (причем м. Николай особенно решительно настаивал, чтобы о вторых кандидатах не упоминать “во избежание разговоров” ... Мы

заялись обсуждением вопроса о месте погребения. Были варианты – на кладбище Новодев. мон-ря, в Черкизове и – кажется моя мысль – в храме Елоховском. Поехали осмотреть, сообщили Карпову, и по обсуждению и осмотре решили остановиться на последнем варианте – у левого придела Елоховского собора... Не пишу здесь о значении Патриарха Сергия. Об этом будет много сказано в печати. Лично ко мне он всегда относился с вниманием и уважением, и он же призвал меня и к священническому служению. Да будет ему вечная память!»⁹⁷

15 мая было экстренное заседание Синода, вступление митр. Алексея в должность Местоблюстителя и проч. Архиеп. Григорий и митр. Алексей составили сообщение о печальном событии для ЖМП. После облачения почившего Патриарха и панихиды осматривали место погребения, которое ранее предложил архиеп. Григорий. Митр. Алексей предложил владыке Григорию перейти в Ленинград с именованием Псковский и Порховский. В тот же день в соборе Г.Г. Карпов сообщил архиеп. Григорию, что его ходатайство об открытии Богословско-пастырских курсов в Саратове удовлетворено, согласно личному разрешению И.В. Сталина.

26 мая 1944 г. на сессии Св. Синода архиеп. Саратовский и Сталинградский Григорий получил разрешение на открытие храмов в Ртищеве, Петровске и Балашове, о чем ранее подавал местным властям прошения от верующих, и перемещен на Псковскую кафедру с титулом архиеп. Псковского и Порховского, с поручением управления епархиями Ленинградской, Новгородской и Боровичской, с проживанием в Ленинграде. С 5 сентября 1944 г. к этому добавилось временное управление Олонекской и Вологодской, а с декабря 1944 до 24 июня 1945 гг. – Рижской епархиями.

На Саратовской кафедре архиеп. Григорий пробыл 1 год и 8 месяцев. Принял 4 церкви: 1 в Саратове и 3 в Сталинградской области, а оставил 22:4 в Саратовской епархии и 18 в Сталинградской.

Вопрос о переводе владыки в Псков осложнялся для него тем, что на основании выработанного им и принятого Священным Синодом и правительством общего Положе-

Епископ Григорий с клиром саратовского собора. 1943 г.

С внучкой
Ириной.
Саратов.
1944 г.

ния о Богословском институте и Богословско-пастырских курсах готовился к открытию Богословский институт в Москве, а владыкой было получено разрешение, подготовлены кадры квалифицированных преподавателей и подходящее здание для Богословско-пастырских курсов в Саратове. Из-за перевода владыки в Псков вопрос о курсах в Саратове был отложен до более благоприятных обстоятельств, то есть – назначения туда архиерея, который захотел бы заняться этим непростым делом⁹⁸.

Архиепископ Псковский и Порховский

29 мая 1944 г. архиеп. Григорий выехал с митр. Алексием из Москвы прямо в Ленинград принимать дела.

Здесь архиеп. Григорий с прискорбием узнал, что его сын Александр (†19.01.1942) умер в блокаду и похоронен на Шуваловском кладбище близ церкви, сын Борис (†30.12.1941) – в братской могиле на острове Голодай, а где могила дочери Веры (†22.02.1942), владыка так никогда и не узнал. Это была его незаживающая рана.

В первое время по возвращении архиеп. Григория в Ленинград архиерейской «резиденцией» стала небольшая комната на хорах Князь-Владимирского собора, с 1 декабря 1945 г. – бывшая резиденция митр. Алексия на хорах Николо-Богоявленского кафедрального собора, – две комнаты, разделенные занавеской. Там же размещалась и канцелярия Епархиального управления. С ноября 1950 г. – Духовской корпус Александро-Невской Лавры.

Познакомился с уполномоченным А.И. Кушнаревым, вместе с которым разделили 42 района епархии (из 72) на 7 благочиннических округов. 3 июня, в 20-й день кончины Патр. Сергия, архиеп. Григорий служил заупокойную литургию и панихиду в Никольском соборе, вечером, накануне Троицы, служили всенощное бдение, а на другой день – литургию и вечерню вместе с митр. Алексием. Архиеп. Григорий читал воззвание митр. Алексия как

Патриаршего местоблюстителя, а потом держал речь и благословлял весь народ. 9 июня архиеп. Григорий выехал с митр. Алексием обратно в Москву; 14 июня присутствовал на открытии Московского Богословского института и говорил речь.

15 июня архиеп. Григорий выехал в Саратов, намереваясь вернуться в Москву на 40 день смерти Патриарха, но смог выехать только 25-го вечером. Служил 18 июня, 22-го – по случаю годовщины войны, 23-го – литургию и панихиду по Патриарху и 24-го – всенощную, 25 июня – литургию и прощальный молебен. Простился с паствой, сказал слово. Перевел о. Спиридонова из города в Петровск, назначил благочинных – по Саратовской епархии о. Жога, по Сталинградской о. Днепровского. Вечером на вокзале его провожали с цветами, выехал в Москву, где посетил К.А. Зайцева и дал ему ходатайство о втором храме в Саратове. Беседовали с ним о Соборе, предсоборном совещании, об организационных и канонических вопросах, об объединении со старообрядцами. 28 июня служил в домовых церкви, 2 июня – в Елоховском соборе с митр. Алексием и 3 июля 1944 г. выехал в Ленинград.

Поскольку митр. Николай (Ярушевич) хотел занять северную кафедру, неоднократно приезжал в Ленинград для осмотра помещения для жилья в Никольском соборе, владыка Григорий вплоть до назначения его митрополитом Ленинградским и Новгородским 7 сентября 1945 года находился в неопределенном положении, готовясь то ли к переводу в Москву митрополитом Крутицким, то ли в Псков, и не знал, куда вывозить из Саратовской ссылки близких, дочь и внучку.

В 1944 г. владыка совершил поездки по вверенным епархиям: 8-10 августа в составе комиссии Облисполкома по расследованию злодеяний немцев в оккупированных областях совершил поездку в освобожденный от оккупации Псков. С 29 по 31 августа ездил с уполномоченным А.И. Кушнаревым и А.Ф. Шишкиным в Павловский и Гатчинский районы. Посетил г. Пушкин, с. Суйду, Вырицу, Сиверскую, Рождествено, Гатчину. Лучше всех сохранились Казанский храм в Вырице и Петропавловская церковь в Сиверской. Виделся с духовенством. С 4 по 10 сентября архиеп. Григорий с прот. Тарасовым выезжал в Новгород и Боровичи; вторично выезжал в Псков и Псково-Печерский монастырь 25 декабря 1944 года. Там встретили владыку со звоном, он отслужил акафист перед чтимой иконой Успения Божией Матери, осмотрел все храмы, здания, обошел все келии, побывал у всех монахов, осмотрел все хозяйство, побывал в пещерах. Пять храмов монастыря были сильно разрушены. Вызвал из Риги архим. Агафона, назначил его наместником, дал инструкции по восстановлению монастыря в хозяйственном отношении и руководству в духовно-нравственном, с уполномоченным дали ему инструкции по вывозу из Риги всего увезенного имущества из монастыря, Пскова и Новгорода.

В октябре 1944 г. в ЖМП была помещена статья архиеп. Григория «Ленинград в дни Великой Отечественной войны», в которой он писал, что «город-фронт, город-мученик, за три года войны собравший на военные нужды свыше 13 миллионов, “полночных стран краса и диво”, в дни войны действительно показал себя “красой и дивом”

и в подвиге перенесенного им мученичества, и в героической и мужественной самозащите, и в высоком подвиге патриотизма»⁹⁹.

Правительство отметило напряженные труды архиеп. Григория на благо Церкви и ее чад в тяжелые годы войны, наградив в октябре 1946 г. владыку и отцов блокадного Ленинграда медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». В графе «Краткая наградная характеристика» Указа Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. значится: «В период Отечественной войны Советского Союза с фашистской Германией, являясь правящим архиереем Саратовской, а затем Ленинградской епархии, активно проводил сам и призывал духовенство к церковно-патриотической работе. Участвовал в работе комиссии по рассмотрению зверств немецких оккупантов на территории Псковской области»¹⁰⁰.

Прп. Серафим Вырицкий, вскоре по возвращении архиеп. Григория на родной север из Саратова, передал ему через духовных дочерей, что хочет его видеть – не виделись они почти 10 лет: «**24 авг. 1944 г.**...*Вера Константиновна Бергман*...*хочет принять постриг, как и Ксен. Мих. (с 1926 г. в тайном постриге с именем Сергии).* Поговорили о Вырицком схимонахе Серафиме, который хочет меня видеть. Надо побывать у него и поговорить о пострижении, кстати, и других жаждущих: это его дело...»¹⁰¹. Владыка неоднократно навещал преподобного. В письме Первосвятителю 16 янв. 1947 г. митр. Григорий писал: «Вчера я был у схимонаха о. Серафима (он просил приехать, чувствуя себя очень плохо). Он просил передать Вашему Свят.-ву его привет и пожелание здоровья и сил на благо Церкви, радуется благоуспешному ходу церк. жизни и просит Вашего благословения»¹⁰². Получив 31 марта 1949 года сообщение о плохом состоянии старца, владыка Григорий немедленно доложил об этом Патриарху, 1 апреля выехал в Вырицу, а вечером сделал запись в дневнике: «Сегодня ездил в Вырицу, навещил болящего о. Серафима, дал указания о. А. Кибардину относительно похорон. Старец живет только духом, потому что доктора еще 2 недели назад приговорили к смерти, как совсем безнадежного. Но сегодня он в полном сознании и памяти, только говорит слабо, хрипы в груди (бронхит), слова слабы. Ежедневно причащается. На днях соборовался»¹⁰³. Старец отошел ко Господу в 12 час. ночи на 3 апреля, воскресенье 4-ой недели Великого поста. Митр. Григорий прислал гроб, облачение, отменил занятия в Духовных школах. Согласно его распоряжению, 6 апреля в Казанской церкви пос. Вырица еп. Лужским Симеоном монашеским чином было совершено отпевание и погребение в ограде церкви иеросхимонаха Серафима (Муравьева). Сослужили протодиакон С. Дмитриев, протт. М. Славницкий, Ф. Поляков, А. Кибардин, В. Шамонин, К. Верзин, Б. Заклинский, священ. Н. Фомичев, Н. Андреев, из семинарии – прот. Ф. Цибульский, священ. Кондрашов, священ. Т. Селиванов¹⁰⁴.

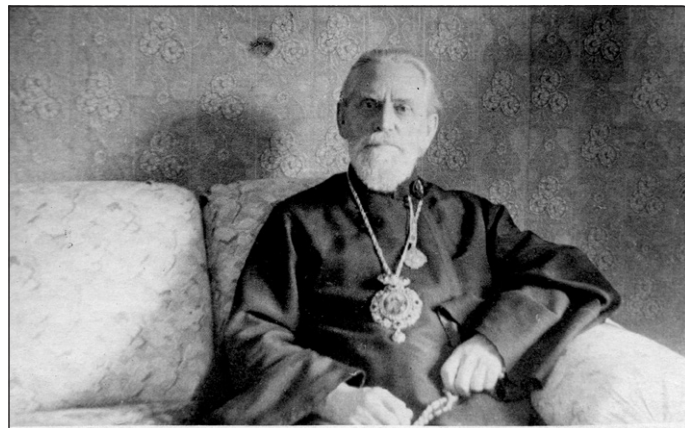
В июле 1944 г. патриарший Местоблюститель Ленинградский митр. Алексей и архиеп. Григорий начали активную подготовку к Поместному Собору: составление документов, выработку процедуры проведения – как во

время приездов митр. Алексия в Ленинград, так и на сессиях Синода в Москве 14-18 июля и 3-9 окт. 1944 г. Был принят порядок созыва Собора, предложенный архиеп. Григорием, он составил форму отчета епархиального архиерея Патриарху, написал проект обращения Поместного собора к Русской Православной Церкви., в «Положение об управлении РПЦ» внес поправки в п.п. 12, 19, 30, 34, 42 и др. Именно архиеп. Григорий предложил внести в этот документ, устанавливающий устройство церковного управления в пределах Московского Патриархата, п. 22 (первоначально был 23) – об организации при Св. Синоде особых отделов – учебного, издательского, хозяйственного и др., определивший структуру высшего церковного управления, в основных чертах сохраняющуюся по сей день.

На Архиерейском Соборе РПЦ (21-23 ноября 1944 г.) 20 ноября – архиеп. Григорий отредактировал проект постановления Собора по докладу о Богословском институте, внес дополнения в молитву о прославлении Патриарха. 23 ноября сделал доклад «Положение об управлении РПЦ», принятый практически без исправлений; с митр. Алексием и протопресвитером Н.Ф. Колчицким были в Богословском институте и прослушали лекцию Ведерникова о Державине.

«В Синоде нет решительного и твердого руководства: все прислушиваются – что скажет Карпов... То же, что в прежнем Синоде при властном обер-прокуроре. Но тогда была иная ситуация: и правительство, и Синод были заинтересованы в одном, а теперь правительству нет дела до чисто церковных и религиозных дел, а имеются в виду только цели чисто государственные»¹⁰⁵.

«**23 января 1945 г. Ленинград**... Английская парламентская делегация захотела побывать в Соборе Никольском в воскресенье, в 5 ч. вечера, за богослужением. Сказали об этом после литургии. Все разошлись, и пришлось спешно искать и собирать и клир, и певчих, и готовить храм. Однако все успели. В 6 ч. вечера приехала делегация. Я отправил благочинного вниз встретить их, а сам с остальным духовенством в малом облачении ожидал в верхнем храме. По прибытии я вышел на солею и приветствовал гостей краткой речью, как представителей великой, союзной с нами страны, вместе с нами

Архиепископ Григорий.
На хорах Князь-Владимирского собора. 1944 г.

испытывающей тяготы военного времени от коварного и жестокого врага, подвергающего нападению и разрушению наши страны... Упомянул о тяжелой блокаде, как и о быстром восстановлении его в прежней красоте и величии. Сказал о нашей всегдашней молитве о помощи Божией и твердой вере в конечной победе общими усилиями, и пригласил помолиться вместе об этом. Затем был совершен молебен о даровании победы. Певчие прекрасно исполнили “С нами Бог” и “Тебе поем, Тебе хвалим”. Дьякон провозгласил многая лета “нашему и союзных стран воинству”. Разоблачившись, я показал им Собор, рассказав об его архитектуре, времени постройки, строителях, особенностях исторических иконостаса... Я рассказал о посещаемости храма. После благодарностей они распрощались. Собрался и народ. В общем, все прошло в полном порядке. Получил телеграмму из Москвы с предложением прибыть 25-го – на Собор».

31 января 1945 года в Москве состоялось первое заседание Поместного Собора РПЦ, на котором патриарший Местоблюститель митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Симанский) 2 февраля был избран Патриархом Московским и всея Руси, а интронизация состоялась 4 февраля в Елоховском Богоявленском соборе. Архиеп. Григорий выступил на первом заседании с докладом «Положение об управлении Русской Православной Церкви». Делегация духовенства Ленинградской епархии: прот. С. Румянцев, прот. М. Славницкий, прот. Ф. Поляков, прот. П. Тарасов, прот. Н. Ломакин, председатель двадцатки Николо-Богоявленского кафедрального собора Н.Д. Успенский, регент Шуваловской церкви К.М. Федоров, во главе с архиеп. Григорием, поднесла Первосвятителю куколь, специально изготовленный посох, средства на который собирали все храмы города, и архиеп. Григорий от себя – икону Св. Алексия. Во время Поместного Собора, владыка Григорий записал в дневнике: «Патриарх Антиохийский Александр 3-й неоднократно мне делал отзвывы: Россия теперь самая могущественная, самая первая по

значению страна в мире. Структура ее такова, что дает возможность талантам из народа свободно подниматься до самых вершин управления; это обещает прилив свежих, здоровых сил к управлению. Бог. институт, куда свободно идут люди свободных профессий – медики, техники, педагоги, идут по призванию, дает новые свежие силы Церкви. При этой мощи Русской Православной Церкви и нам – малым по количеству верующих церквям – окажет помощь и даст силу... Об этом говорили в своих речах и тостах все представители приехавших делегаций».

После Собора, 22 февраля, в Ленинград к архиеп. Григорию приехал из Москвы митр. Американский Вениамин (Федченков) и пробыл до 27-го числа. Была большая программа, владыка Григорий показал митрополиту Вениамину город, соборы, музеи, 25-го числа служили вместе литургию в Никольском соборе. Владыка Вениамин много расспрашивал о здешнем бытии и много рассказывал о себе и жизни Церкви за границей, в частности: «Рассказал митр. Вениамин, что с ним секретно виделся перед отъездом из Америки католический ксендз о. Сигизмунд Д’Арк (прочтение предположительно. – Л.А.-Ч.), который сообщил, что сейчас происходит глухое брожение внутри католичества, что после войны может произойти взрыв протеста против политики Ватикана; что гениальная политика Патриарха Сергия (установление контакта РПЦ с Советской властью) сильно обеспокоила Ватикан, потому что эта политика поднимет Православную Церковь на большую высоту, очень опасную для католичества. Что вследствие этого Д’Арк советовал пока на Соборе совершенно не касаться Ватикана, чтобы преждевременно не дать ему повода принимать какие-либо меры борьбы. Все это, по словам митр. Вениамина, он передал Г.Г. Карпову и Патриарху»¹⁰⁶.

«В марте 1945 г. по поручению Патриарха Алексия совершил поездку в Эстонскую (4-8 марта) и Рижскую епархии (10-13 марта), где воссоединил с РПЦ клириков Эстонской Апостольской Православной Церкви и авто-

Митрополит Алексей, архиепископ Григорий, духовенство и служащие Епархии. Январь 1945 г.

номной Латвийской Православной Церкви, не канонично перешедших в юрисдикцию Константинопольского Патриархата во время немецкой оккупации». «7 марта 1945 г. Среда. Таллин... Вечером были у меня свящ. Валерий Новицкий, о. Григ. Селиванов и о. Мих. Редигер – все хорошие священники и надежные».

9 мая 1945 года архиеп. Псковский и Порховский Григорий в 1 час дня в Никольском соборе отслужил торжественный молебен по случаю капитуляции Германии, говорил слово. Молебен был совершен по чину молебна Филаретовского об избавлении от нашествия галлов. При возглашении «Вечная память», многие рыдали.

Церковь встала на защиту Родины, и Господь дал послабление. Постепенно стали возвращаться храмы: «8 июня 1945 г. Пятница. 9 ч. утра. В воскресенье 3.06 служил в Преображенском Соборе, затем заезжал поздравить Е.Ф. Тураеву с днем ангела. Во вторник вечером выехали в Тихвин для открытия церквей (Кушнарев, Тарасов, Фомичев и я). В среду утром 6.06 на вокзале встретили нас члены двадцатки, отвели помещение, где нас радушно и принимали все время. Осмотрели храм и монастыри, дали указания, чтобы приготовить все нужное для освящения и служения. Храм – “Крылечко” – очень мал. Жаль, что не осмотрели раньше, надо было открыть не “Крылечко”, а самый собор, прекрасно сохранившийся, в нем и ремонта почти никакого не надо. Но в то время там был госпиталь, и власти местные все время препятствовали, даже призывали к себе членов двадцатки и старались отговаривать молодых от вступления в нее... Сейчас весь монастырь свободен, и было бы лучше, если бы можно (хотя в дальнейшем) перейти для служения в собор монастырский. 6-го, в четверг, в 8 ч. утра я совершил с Тарасовым и о. Сергием Тандским (прочтение предположительно. – Л.А.-Ч.) освящение (малое); они служили литургию, я – молебен и слово. Всем давал крест, стоял около часу. Народу было не меньше 3 тысяч. Вечером служил акафист, также говорил “слово” и всех благословлял – 55 минут... Народу – чуть ли не больше. Вообще в городе ликование, все рады до слез. Вообще чувствуется большая религиозность в народе. Все это – результат влияния монастыря. 7-го утром выехал в Ленинград в прицепном, жестком вагоне. Приехал в 3 ч. 40 мин. Дня. Дома застал телеграмму от Патриарха Иерусалима с благословением Ленинградской церкви». «4 сентября 1945 г. Письмо Св. Патриарху: Ваше Святейшество, дорогой Владыка! Получил Ваше письмо через А.А. Шаповалову. Громадное значение будет иметь для Церкви предоставление нам Троицкой Лавры, юридического лица, и высшего проявления нашей церковной жизни в звоне, в распространении религиозной литературы. Теперь дело за открытием монастырей – мужского – Лавра Троицкая и Александро-Невского женского (особенно много желающих). (Похоже, что речь идет об Александро-Невской Лавре. – Л.А.-Ч.). Это внесет большой подъем в среду населения к религии и патриотичности. С 20 до 31 авг. я был в Пскове и Пск. Печ. монастыре. Служил, рукополагал, в Успенье совершил крестный ход; было более 10 тысяч народа со всего Печерского края, до 18 священников; осмотрел ближайшие приходы, все

Архиепископ
Григорий

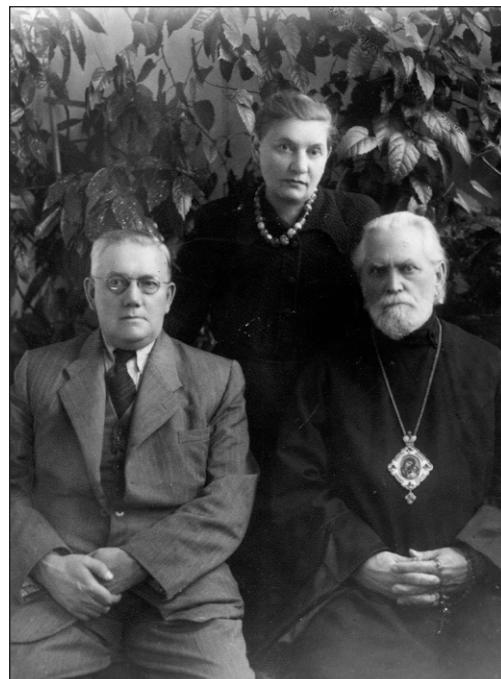

монастырское хозяйство и проч. В Печорах вывезенное от немцев (из Риги) церковное имущество распределено между 3-мя епархиями – Новгородской, Ленинградской, Псковской (иконы, утварь и богословские книги); пока еще не вывезено из монастыря. Монастырскую большую библиотеку, вывезенную в университет г. Тарту, просим вернуть нам для Богословских курсов. Теперь жду отъезда в Финляндию»¹⁰⁷.

Тихвинская икона Божией Матери не вернулась тогда, – вопрос о ее возвращении будет подниматься в 1949 г.

В июле 1945 г. к общей радости, что война закончилась, у владыки добавилась личная – вернулся из немецкого плена старший сын Николай. Ему было разрешено

Владыка
Григорий
со своими
детьми,
пережившими
войну:
Николаем
Николаевичем
и Анной
Николаевной
Чуковыми.
Около 1950 г.

отоспаться 2 дня и явиться в органы. Потом долго и мучительно решали вопрос с пресловутой «пропиской» – в родном городе. Позже Н.Н. Чуков работал бухгалтером в Епархиальном управлении.

Для того, чтобы представить многообразную, напряженную церковно-административную деятельность архиеп. Григория в то время, вспомним, в каком положении находились вверенные ему епархии. Города и населенные пункты лежали в развалинах или подверглись большому разрушению, население еще не оправилось от тяжелых испытаний вражеского нашествия. В церковных делах во многом царил беспорядок, причина которого была не только в разрухе, связанной с немецкой оккупацией и в напряженных отношениях с советским государством, но и в расколах, растерзавших тело Церкви в прошедшие двадцать лет. Архиеп. Григорий был в ответе за Церковь и паству, он нес тяжелую ношу и должен был иметь талант незаурядного администратора, способного осуществить задачу восстановления церковного организма. Владыка Григорий им обладал, поставленные задачи он с честью выполнил.

Закончилась война, и правящий архиеп., оценив размеры материальных разрушений и человеческих потерь во вверенных епархиях, приступил к восстановлению.

В блокадном Ленинграде действовало 8 храмов (2 в Лен. обл.); всего же по состоянию на 14 августа 1944 г. в Ленинграде и области всех «действующих» храмов было 155; из них имелись священники лишь при 55 (при 47 храмах в районах и при 8 в городе). Всех священников было 64 (16 в городе и 48 – в районах); диаконов 14 (2 в городе и 12 в области). В 1944 г. в Ленинградскую область входили области Псковская и Новгородская. Пастырей на приходах катастрофически не хватало. Священников из зон оккупации не регистрировали. Нужно было срочно открывать Духовные школы.

Старая гвардия, ухидившая в обновленческий раскол, была принята через покаяние, в иосифлянский – не всегда. История не знает «если», но, может быть, все

же, если бы «блудные сыны» добровольно искренне покаяться в 1925 г. (когда прот. Николай «обновленствовал», так сказать), то было бы меньше и духовных, и человеческих потерь. С 1943 г. присоединение шло по указанию Совета по делам РПЦ практически в принудительном порядке. Может быть, погибшие за это время о.о. Платонов и Боярский действительно хотели покаяться?

В апреле 1945 года, в соответствии с проектом владыки Григория 1943 года, было получено разрешение на открытие Богословско-пастырских курсов в 8 городах, в том числе в Ленинграде.

27 марта и 30 апреля 1945 г. владыка, вместе с уполномоченным А.И. Кушнаревым, ездил выбирать здание для Богословских курсов. Остановились на здании бывшей Духовной семинарии (Обводный канал, 19). Владыка начал работу по получению его в пользование, а затем – по ремонтно-восстановительным работам. Так началось второе рождение Санкт-Петербургских Духовных школ.

«2 мая. 1945 г. Когда 30 апреля мы с А.И. Кушнаревым ездил осматривать здание дух семинарии для Бог. курсов, то заговорили о порядках в Патриархии “Кто в Москве ведает духовными школами вообще?” – Да никто, в сущности, ответил я и сообщил свой проект распределения функций между членами Синода. Тогда каждый следил бы за своей отраслью и докладывал бы Патриарху, и тот знал бы нужды и поднимал перед правительством вопросы, которых сейчас у него нет (!). На это Кушнарев заметил, что очевидно мне придется проталкивать это дело в Москве, так как отношения между Патриархом и М. Николаем не особенно близки, и последний м.б. намеренно ничем не помогает Патриарху в общем управлении... По-видимому, так»¹⁰⁸.

Тяжело решался вопрос не только о священниках на приходы, но и о преподавательских кадрах, – из профессоров старых Духовных школ к тому времени лишь шестеро остались в живых. Как правящий архиеп., 22 ноября 1945

Архиепископ Григорий (Чуков) и духовенство города на Неве с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I (Симанским). Февраль 1945 г.

г. владыка открыл в Ленинграде Богословско-пастырские курсы с двухгодичным сроком обучения, но на открытии сам не присутствовал по болезни, послал речь с приветствием и благословением. 4 апреля 1946 г. был учрежден Учебный комитет при Св. Синоде по заведованию всеми духовно-учебными заведениями Московской Патриархии, а 5 апреля митр. Григорий был утвержден его председателем. 1 сентября 1946 г. курсы в Ленинграде были преобразованы в Духовную семинарию. Одновременно была открыта и Духовная академия. Торжественное открытие Ленинградских Духовных академии и семинарии состоялось 14 октября 1946 г. в присутствии Св. Патриарха. В 1946 г. Богословский институт и Богословско-пастырские курсы в Москве также были преобразованы в МДА и МДС. Ленинградские Духовные школы находились под непосредственным руководством митр. Григория. В течение 1945–1950 годов практически все средства епархии владыка направлял на восстановление и содержание Ленинградских ДА и ДС. В 1948 году при академии и семинарии было открыто заочное отделение для священнослужителей, на котором к 1950 году повышали свою квалификацию отцы со всех епархий Союза. Владыкой, зав. заочным сектором ЛДА проф. С.А. Купрессовым, совместно с Советом МДА, было разработано представленное Учебным комитетом предложение об открытии аналогичного сектора обучения в МДА. Однако в июле 1952 г. Хозяйственное управление Синода убедило Св. Патриарха в нерентабельности этого, – «из соображений экономии»¹⁰⁹.

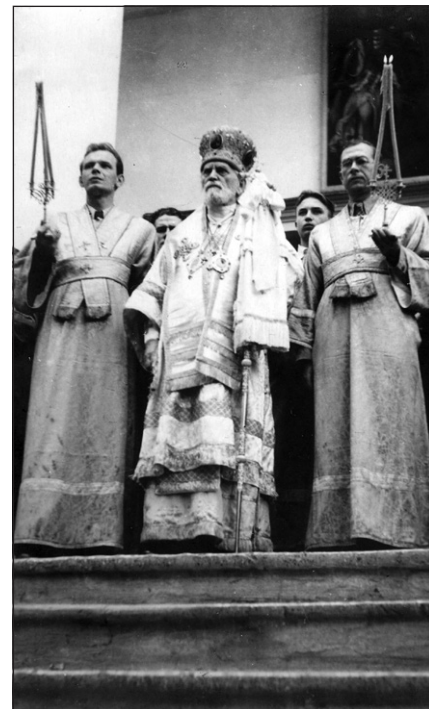
Митрополит, бывший «недостаточный студент СПб академии», с «младых ногтей» живший на скудные средства и помогавший всем просящим, когда уже мог это сделать, экономил на всем и вел учет каждой полученной и израсходованной копейки, он особенно берег церковные средства – действительно «народные деньги» – деньги от продажи свечей, которые народ ставит к иконе, когда приносит жертву Богу.

Поэтому перед Епархиальным управлением и Советом академии владыка всегда ставил вопрос о разумной экономии средств, рекомендуя бухгалтериям делать такое построение сметных исчислений, какое сводило бы все расходы по митрополии без дотации от Патриархии и без дефицита, уменьшил завышенные оклады излишне увеличенного штата бухгалтеров и т.д. Не все были довольны.

Единственное в стране Заочное отделение Духовных школ (в Ленинграде) было дорогим удовольствием, однако митр. Григорий и храмы Ленинградской и Новгородской епархий не пожалели средств на обучение пастырей. Многие выпускники заочного сектора тех лет со всех концов страны неизменно приносили владыке глубокую благодарность, как впрочем, и очного. Епархии Псковская, где много вложений требовал собор, Олонецкая и Эстонская сами нуждались в средствах.

Ни Хозяйственное управление Синода, ни Совет по делам РПЦ, ни органы Госбезопасности не мешали открытию Духовной академии в Киеве. Начинать дело там надо было так же, как в Москве и в Ленинграде, с восстановления здания, и епархии отпускались значительные средства для этого из Патриархии. Святейший Патриарх был очень недоволен состоянием духовного образования в Киевской

*Во время
архипастырской
поездки.
Во Псково-
Печерском
Успенском
мужском
монастыре
с иподиаконами
Константином
Федоровым
и Михаилом
Добрыниным.
фото 29.08.1953 г.*

епархии. А все зависело на самом деле от желания или нежелания правящего архиерея заняться этим нелегким делом. В результате отцы из Украины поехали учиться в Ленинград на заочное отделение. А если бы открылась, а это было разрешено правительством, Киевская Духовная академия, то учиться они могли бы по месту жительства. В духовном ведомстве, как и везде, бывают подвижники и бывают работники теплохладные. Только Церковь никогда, ни в прошлом, ни в позапрошлом столетии, не любила об этом говорить. Очевидно, для того, чтобы не смущать верующих и не давать атеистам повода к осуждению Церкви.

Владыка Григорий относился к делателям, подвижникам благочестия.

К 1947 г. в стране было открыто две Духовные академии и 8 семинарий. Методические, административные и практические аспекты восстановления Духовных школ в Ленинграде и работы Учебного комитета при Св. Синоде

Митрополит Григорий (Чуков) с духовенством и служащими Николо-Богоявленского кафедрального собора. 1945 г.

Посещение болгарской церковной делегацией Спасо-Преображенского собора. Июль 1945 г.

требуют отдельного рассмотрения и не могут быть приведены.

Возвращаясь к теме обновленчества, невольно задаешь себе вопрос, искренним ли было покаяние обновленцев в сороковые годы. Похоже, не всегда. По настоянию уполномоченного А.И. Кушнарева зав. учебной частью Богословско-пастырских курсов был назначен принятый владыкой в 1944 г. в общение через покаяние о. С. Румянцев. В состав корпорации Духовной академии осенью 1946 года митрополит Григорий его не включил, т.к. дух обновленческий в нем остался: «13 июля. 1946 г. ... у меня были Н.В. Четверкин и С.А. Купрессов. Кафедры обеспечены, они вполне согласны. Купрессов все-таки задавал вопросы о прочности церковного положения... Теперь вопрос о Румянцеве Сер. О нем получены сведения от о. Тарасова и от о. Ломакина, что он: 1) беседовал с курсантами о законности брачного епископата и 2) в частной беседе в гостях у диакона Русанова (прочтение предположительно. – Л.А.-Ч.) по поводу монашества выразил: “это сатанинское наваждение”... Таких “воспитателей” не следовало

Отъезд делегации Русской Православной Церкви в Болгарию. Май 1946 г. Справа налево: архидиакон Георгий Антоненко, Патриарх Алексий, архимандрит Иоанн (Разумов), митрополит Григорий (Чуков), С.Н. Колчицкий

бы пускать в Семинарию и Академию. Поэтому – стою перед выбором – кого взять? М.б. лучше взять о. А. Верзина или, в крайнем случае, о. П. Фруктовского?.. Надо поговорить с Уполномоченным, который за Румянцева стоял»¹¹⁰.

Уполномоченный настоял также на назначении о. С. Румянцева в Спасо-Преображенский собор, где он совсем недавно был обновленческим епископом; владыка Григорий был против этого.

Относительно же другого пастыря, прот. П. Фруктовского, который в свое время также уклонился в обновленчество, митрополит имел другое мнение. В 1947 г. владыка счел о. Павла достойным стать духовником ставленников митрополии. В 1950 г. по поручению владыки прот. Николо-Богоявленского собора П. Фруктовский составил брошюру «Памятка для новопоставленного иерея и диакона», которая служила для них справочником при разрешении недоуменных богослужебных вопросов, помогая вступить на путь пастырского служения¹¹¹.

Постоянный член Священного Синода

7 сентября 1945 г. владыка был назначен митрополитом Ленинградским и Новгородским, постоянным членом Священного Синода, с оставлением временного управления епархиями Псковской и Олонецкой.

Согласно дневниковой записи митрополита, на тот момент церквей в Ленинградской епархии было – 36, в Новгородской – 20, Псковской – 68 и Олонецкой – 3.

6 июня 1946 г. на совещании у Г.Г. Карпова были Патриарх, митр. Николай, митр. Григорий и Л.Н. Парийский. Карпов сообщил решения правительства по многим вопросам, касающимся дальнейшей церковно-дипломатической политики в отношении зарубежных братских церквей, наших заграничных миссий и экзархатов и по другим вопросам. В том числе он сообщил, что за 1945–1946 годы Советом открыто около 820 церквей и еще 56 церквей готовится к открытию, и что «правительство решило вернуть и повесить все колокола»¹¹².

Нехватало не только иереев на приходы, но и архиереев на кафедры: к началу 1947 г. митр. Григорий окормлял 325 приходов во вверенных ему шести епархиях: Ленинградской, Новгородской, Псковской, Олонецкой, Эстонской и Финляндии, жизнь в которых постепенно восстанавливалась после войны.

Помогал ему в этом с 1947 г. о. Бычков, постриженный владыкой в монахи с именем Симеон, в честь Симеона Богоприимца. Планировалось, что хиротония во епископа Лужского, викария епархии, будет совершена совместно с прибывшим из Харбина и принятым в каноническое общение архиеп. Димитрием (Воскресенским). Однако владыка Димитрий, недолго проболев, неожиданно скончался. Поэтому хиротония была совершена митр. Григорием совместно с прибывшим вместе с архиеп. Димитрием еп. Ювеналием (Килиным), который для этого был вызван из Печор, где находился по приезде из Харбина. Поскольку еп. Симеон с 1948 г. был занят одновременно ректорией Духовных школ, то в качестве викария он не мог оказывать владыке нужную помощь по делам митрополии. В 1950 году вторым викарием стал еп. Таллинский и Эстонский

Роман, который также был очень занят делами эстонскими, особенно после выделения Эстонской епархии в самостоятельную в 1951 г. В 1953 г. у владыки была большая радость: 12 декабря было совершено наречение, 13-го – хиротония во епископа Лужского, vicария Ленинградской митрополии, избранного и утвержденного Св. Патриархом и Священным Синодом архим. Михаила (Чуба), выпускника и преподавателя ДА и ДС. Наречение было совершено владыкой в церкви ЛДА, а хиротония в Николо-Богоявленском кафедральном соборе в сослужении Преосвященных Никона, архиепископа Херсонского и Одесского, Романа, епископа Эстонского и Таллинского и Иоанна, епископа Костромского и Галичского.

Так митрополит вручил жезл первому епископу, выросшему в стенах своей любимой Духовной школы. Квартиры всех vicариев были устроены владыкой в здании академии.

После тяжелого инсульта в апреле 1951 г. владыка хотел для решения многочисленных мелких вопросов организовать Епархиальный совет, и в 1954 г. это было им сделано.

Под непрерывным вниманием митрополита находились все аспекты жизни городских храмов, пригородных, соборов и церквей Пскова, Новгорода и монастырей. На ежедневных приемах у владыки бывало до 10 отцов. В одном только Псково-Печерском монастыре было 5 храмов, требующих ремонта.

В 1945–1955 годах в Ленинграде действовали, собственно, соборы и кладбищенские церкви.

В 1945 году был произведен ремонт Князь-Владимирского и Преображенского соборов и начато восстановление здания бывшей Духовной семинарии.

В 1946 году было восстановлено 4 приходских храма, 2 бесприходные приписные и 1 домовая (академическая) церкви и произведен ремонт Николо-Богоявленского кафедрального собора. Возобновились богослужения в восстановленных на Смоленском кладбище храме и часовне Ксении Блаженной и на Троицком – в церкви «Кулич и пасха». В 1952 г., по требованию Архитектурного управления по охране памятников, к 250-летию города средствами епархии был произведен ремонт в Никольском соборе на 1 млн 500 тыс. руб., в Князь-Владимирском на 300 тыс. руб., церкви «Кулич и пасха» на 350 тыс. руб. и в Духовском корпусе Лавры на 100 тыс. руб. 11 марта 1946 г.

В 1946 г. был восстановлен институт епархиальных архитекторов в больших городах с оплатой труда путем процентных отчислений от сметы ремонтируемых храмов и зданий. На этих условиях епархиальный архитектор, в каждом случае по поручению епархиальной власти, руководил постройками и в области.

В апреле 1947 г. владыка организовал Строительный комитет по восстановлению здания Духовных школ, в 1948 г. он был объединен с Епархиальным строительным комитетом, который имел функции контроля над первым. Оба комитета возглавлял еп. Симеон.

Митрополит Григорий до конца сражался за возвращение Церкви Казанского и Сампсониевского соборов. Казанский собор не отдавали по той причине, «что он на Невском», как в 1946 г. объяснил владыке Г.Г. Карпов, который также прилагал к возвращению собора макси-

На заседании Священного Синода. Декабрь 1945 г.

мум усилий. В Симеоновской церкви планировалось размещение Антиохийского подворья, о чем с 1946 г. до 1955 г. митрополит и Г.Г. Карпов ходатайствовали перед правительством (безуспешно).

«11 марта 1946 г. Сегодня был у уполномоченного по разным вопросам... о митрополичьем доме... о церкви Симеоновской – тоже. Как передать Антиохийскому Патриарху – как домовую или как приходскую (?) с организацией 20-ки, о Волковой церкви: городской Отдел охраны памятников желал там устроить музей. Уполномоченный – за передачу нам. О Сампсониевском соборе – взято к делу».

В декабре 1951 г. в Тихвине митрополии передали главный храм монастыря в дополнение к переданной ранее церкви «Крылечко», и в Новой Ладогe – второй собор.

О борьбе митрополита Григория за возвращение Свято-Троицкого собора и других храмов Александро-Невской Лавры будет рассказано ниже. См стр. 134-146.

В 1946 г. в здании академии разместились епархиальная свечная мастерская (в 1951 г. потребляла 18 т. парафина в год) и просфорня.

«Ввиду того, что главным источником содержания Церкви и ее духовно-просветительских и хозяйственных учреждений является доход от продажи церковных свечей, считаю необходимым предупредить о.о. благочинных, настоятелей храмов и членов церковных исполнительных органов, что всякое уклонение от правильной постановки дела, а именно, приобретение для продажи свечей не из епархиальной свечной мастерской будет мною преследоваться со всей строгостью вплоть до увольнения виновных за штат»¹¹³.

В 1948 году там же, в академии, разместилась мастерская по изготовлению нательных крестиков (в 1951 г. шло 300 кг латуни в год). Свечная и штамповочная мастерские обслуживали Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую и Эстонскую епархии. Приобретенный епархией в послевоенные годы транспорт в 1950 г. поместился в епархиальном гараже, построенном также на территории академии.

В конце 1947 г. за отсутствием дров как свечная, так и просфорная мастерские оказались под угрозой прекращения выпуска свечей и просфор. Единственным видом топлива были с трудом доставляемые сырые рейки. Отопле-

ние Духовной академии, семинарии (65 печей) и храмов производилось сырыми дровами (осина), получаемыми по разнорядке Гортопа в пределах 30-35% потребности. Дрова более лучшего качества, смесь, отпускались Гортопом только по ордерам жактов в пределах 1 куб. метра на топку в год. С коммерческих складов дрова отпускались только для отдельных граждан по справкам жакта в пределах не свыше 3-х кубометров на год, они также не могли быть использованы для нужд епархии. Потребность в дровах, необходимых для епархии, могла быть удовлетворена только путем приобретения их со стороны, нелегальным путем. Для того, чтобы совершенно исключить приобретение отдельными храмами нелегальных дров, а также обеспечить епархию доброкачественными дровами, владыкой в начале 1948 г. были организованы собственные епархиальные лесозаготовки.

В этом деле епархия получила большую поддержку со стороны Новгородского Облсполкома и Облплана, которые отпустили лесосечный фонд в Маловишерском районе Новгородской области. Главлесохрана Министерства лесного хозяйства отвела лесные делянки в порядке санитарной рубки лесов, подлежащих срубке. Министерство путей сообщения через Управление Октябрьской жел. дороги утвердило и отпустило в счет правительственного плана 360 вагонов на год для отгрузки этих дров – самозаготовок. В течение 1948 г. владыка для детального обследования направил на лесозаготовки две комиссии. Вторую комиссию возглавил опытный хозяйственник еп. Порховский Владимир (Кобец). Обе комиссии констатировали рентабельность, целесообразность и необходимость собственных епархиальных лесозаготовок, абсолютно исключаящих приобретение нелегальных дров. Заготовленные дрова на 1948 г. и 1-й квартал 1949 г. в количестве 8.605 куб. метров и отгруженные в Ленинград в количестве 189 вагонов, обеспечили нужды епархии в доброкачественном топливе дешевле и лучше коммерческих. Несмотря на то, что митрополит настаивал на необходимости лесозаготовок, в 1949 г. они были ликвидированы «как нерентабельные», опять-таки по требованию Хозяйственного управления, при этом на ликвидацию ушло немало средств. Особенно усердствовал в данном вопросе секретарь Хозяйственного управления Л.Н. Парийский. В 1950 г. Советом по делам

РПЦ он будет направлен в Ленинград инспектором Духовных школ¹¹⁴.

Так было уничтожено хорошее начинание, а ведь владыка и без указаний сверху сэкономил, особенно на себе. В 1950 году он отменил торжественное чествование своего 80-летия с обедом и подношениями, и юбилей отметили скромно. По епархии митрополит делал распоряжения: *«Канцелярии Епархиального управления позаботиться о приобретении богослужебных книг (из закрытых церквей и частных лиц) и снабжении ими нуждающихся церквей», «1. Сократить “праздничные” и отменить “именинные” выдачи служащим архиерейского дома и Епархиального управления. 2. Предложить Совету ЛДА значительно уменьшить намеченный расход (12 тыс. руб.) на “уничтожение клопов и тараканов”, как безусловно чрезмерный (в Московской академии – 500 руб. ...). 3. Пересмотреть и сократить – по Духовной академии: оплату теплотехника (18 тыс. руб.), “завышенные оклады излишне увеличенного штата бухгалтеров”, “расходы по Заочному сектору” 4. Имея в виду сокращение дотации Патриархии (вместо 761719 руб. до 600000 руб.), строго обязать Епархиальное управление, Совет академии и мастерские, всемерно озаботиться сведением всех расходов в пределы указанной суммы. 5. Произвести с 1 мая сокращение окладов и лиц в Епархиальном управлении и Духовной академии, согласно произведенного пересмотра сметы. 6. На будущее время бухгалтерии Епархиального управления и ДА, как и подобных учреждений (мастерских) иметь такое построение сметных исчислений, какое дало бы возможность свести все расходы по митрополии без какой либо дотации и без дефицита, имея в виду помощь Патриархии только в освобождении епархий митрополии от взносов на общецерковные нужды»*¹¹⁵.

Согласно распоряжения Святейшего Патриарха о поднятии церковного пения в храмах на должную высоту, 13 февраля 1948 г. митр. Григорий создал в митрополии Духовную музыкально-певческую Цензурную комиссию, в которой регулярно занимались регенты хоров для выработки единообразия и стройности церковного пения.

Владыка лично решал все вопросы жизни подведомственных приходов – от восстановления, ремонта, оснащения всем необходимым и их открытия, тщательно просматривая и подписывая сметы и следя за расходованием средств, – до вопросов поддержания на надлежащем уровне пастырского служения и морально-нравственного состояния причта и общин. К нарушителям был строг. Так, в июле 1946 г. Патриарх Алексей и владыка Григорий лично на месте разобрались в беспорядках, имевших место в Псково-Печерском монастыре, сняв с наместничества о. Агафона, допускавшего положение, при котором финансами обители ведал неверующий, сильно пьющий бухгалтер, к тому же кормивший там своих родственников. 6-11 декабря 1948 г. владыка вновь побывал в Печорах и Пскове, осмотрел монастырь, церкви и служил в обоих городах. Все здания монастыря были уже хорошо отремонтированы, в общежитии установлен надлежащий порядок. Братия подтянулась, службы совершались уставно, истово: *«Преосвященный Владимир заботлив. Его помощник иг. Сергей помогает ему в секретарстве... В Пскове дело*

Священный Синод Русской Православной Церкви
Декабрь 1945 г.

налаживается, но для урегулирования финансового положения собора поручил Преосв. Владимиру взять собор под свое особое попечение»¹¹⁶.

В письме к Первосвятителю митрополит с огорчением писал: «Здесь (как кажется и в других местах) замечается обилие жалоб и доносов, часто лживых и вызванных личными отношениями, даже с угрозами обращения в Москву, осложняющих дело. Могу только заверить Выше Святейшество, что ни одна жалоба или донос не остаются без должного расследования и того или иного решения, как бы мал или сложен затронутый вопрос»¹¹⁷.

На анонимные доносы Св. Патриарх епархиальных архиереев не благословлял обращать внимание вообще. На прошения священников и просьбы верующих владыка Григорий реагировал, как правило, в течение суток. В трудные послевоенные годы из личных средств он оказывал материальную помощь всем обращающимся к нему. К жалобам и доносам, распространенным в те времена, относился объективно, не давая в обиду честных служителей. В архиве СПб епархии имеется опись «Пенсии и пособия вдовам священнослужителей и другим просителям», из которой следует, что за 1949, 1951 и 1952 годы нуждающиеся подали митр. Григорию более 800 прошений, которые были удовлетворены владыкой из личных средств, кроме тех, что он направлял для обеспечения через пенсионный фонд епархии. Суммы были значительные, все просьбы митрополит рассматривал лично и никому не отказывал. С 1953 г., когда прошения шли через секретаря прот. С. Румянцева, удовлетворенных оказалось в три раза меньше. С 1959 по 1989 гг. их можно насчитать единицы¹¹⁸.

4 марта 1949 г. митрополиту Григорию вторично было поручено управление Олонецкой, с 21 октября – Псковской, с 20 декабря – Эстонской епархиями.

В марте 1950 г. митр. Григорий направил в г. Таллин специальную комиссию для ознакомления с бытом, положением, условиями приходской жизни и состоянием православия в Эстонской епархии, которая установила, что многим эстонским церквям угрожает закрытие, а вследствие этого, и ликвидация приходов, поскольку из-за недостатка духовенства практически каждый священник обслуживал по три и более приходов, расположенных друг от друга на значительном расстоянии. С переходом на колхозный строй батюшки потеряли возможность пользоваться подводами хуторян-землевладельцев для передвижения, и дальние приходы подолгу оставались без служб и треб. Детей православных родителей крестили лютеранские пасторы, также и отпевали покойников, а православные церкви совсем лишались денежных средств. После войны, поскольку фронт там проходил повсеместно, все церковные здания нуждались в ремонте. Комиссия предложила Преосв. Роману исходатайствовать из средств Патриархии на покрытие неотложных нужд Эстонской епархии – на ремонт 30 беднейших церквей по 3 тыс. рублей (90 тыс. руб.) и на вспомоществование бедному духовенству 30 тыс. руб., а также на ремонт и покраску крыши и куполов Успенского собора и трапезной церкви и на ремонт 8 корпусов и гостиницы Пюхтицкого женского монастыря. Всего еп. Роман испросил 150 тыс. руб. хозяйственным управлением Патриархии в этом ходатайстве Эстонской

Митрополит Григорий (Чуков)

епархии было отказано. Тогда, 15 мая, еп. Роман подал докладную записку митр. Григорию, который 17 июня 1950 г. обратился с рапортом за № 1650/2 к Св. Патриарху с этим же ходатайством, повторно, от себя... Рапорт начинался так: «Делу православия в Эстонской епархии в настоящее время угрожает непоправимый ущерб из-за крайне тяжелого материального и морального положения приходов и духовенства в окружении воинствующего лютеранства»¹¹⁹.

Согласитесь, что в ходатайстве, написанном четко, ясно, прекрасным русским языком, практически невозможно отказать. Это действительно рапорт с большой буквы. Работая со служебным творчеством владыки, получаешь истинное удовольствие. Не во всяком художественном произведении встретишь такое живое слово. Каждый документ у владыки имел несколько копий, и в канцелярии был

Митр. Григорий произносит речь на торжественном открытии Ленинградской Духовной академии и семинарии. 14 октября 1946 г.

полный порядок. Исследователи поражаются огромному количеству бесценного церковно-исторического материала, оставленного владыкой потомкам в его докладах, рапортах и резолюциях. На докладах митр. Григория Г.Г. Карпов очень часто ставил: «*Препятствий не имеем*».

В марте 1951 г. Эстонская епархия выделилась в самостоятельную, но рапортом в октябре того же года, преосв. Роман просил принять ее обратно в Ленинградскую митрополию в качестве викариатства. Митрополия и владыка продолжали оказывать помощь эстонским братьям.

Постоянной заботой владыки все 12 лет архиерейского служения была борьба с непосильным уровнем налогообложения храмов и священнослужителей, которым государство пыталось задавить Церковь. Архиеп. Саратовский при годовой зарплате 60 тыс. руб. в год должен был уплатить налога 45 тыс., то есть налогообложение составляло 75%. Особенно страдали храмы – за неполный взнос налога финансовые органы описывали имущество храмов и духовенства. Владыка постоянно обращался в налоговые органы и к Патриарху, указывая на недопустимость такого положения. По поручению владыки с налоговыми органами сражался также прот. А. Медведский. А еще он теоретически разрабатывал вопросы проповедничества в условиях совдепа. С 1954 г. прот. Медведский, сам «златоуст», иногда читал за митрополита его проповеди, когда тот был не совсем здоров.

С благословения митрополита в 1946 г. была составлена смета на восстановление разрушенного в годы войны Павловского собора Гатчины, и под его личным наблюдением к 1949 г. ремонт был закончен. Митрополит выделил ссуду из средств Епархиального управления и распорядился о том, чтобы храмы города также дали ссуды. Всего было выделено 140 тыс. руб. при стоимости всего ремонта 416 тыс. Некоторые храмы пожертвовали ссуды безвозмездно. Митр. Григорий освятил восстановленный храм, а к торжественному богослужению на празднование

столетнего юбилея и престольного праздника собора, 12 июля 1952 г., испросил у Патриарха награды настоятелю прот. П. Белавскому – митру и свящ. И. Кондрашову – наперсный крест, как ревностно относящимся к своему пастырскому делу и много потрудившимся для восстановления храма¹²⁰.

Как и раньше в Олонии, владыка был озабочен судьбой мощей святых угодников Божиих, в особенности, подвергшихся кощунственному отношению со стороны органов советской власти и помещенных в музеях и на складах: св. отроков Иоанна и Иакова Менюшских; великих святых древнего Новгорода – мощей свт. Никиты, еп. Новгородского, св. кн. Феодора, св. кн. Анны, и св. кн. Владимира, которые в 1944 г. находились в приделе Софийского собора, тогда музея, обнаженными, в простых ящиках под стеклом на полу – ходатайствовал о переносе их в действующий собор для поклонения.

В 1953 г. митрополит просил Патриарха ходатайствовать перед Советом по делам РПЦ об изъятии из библиотеки Тартусского университета и Государственного архива г. Тарту богослужбных книг и книг-уников из библиотеки боярина Артамона Матвеева, воспитателя царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери Петра I, рукопись из Троице-Сергиевой Лавры эпохи Смутного времени, истории Псково-Печерского монастыря проф. Покровского, изд. 1925 г. и др., вывезенных в годы войны из Псково-Печерского монастыря и не отданных в 1945 г.

Стараниями митрополита в 1946 г. были возвращены из бывшего Исаакиевского собора на место земных подвигов – в г. Чернигов, после кратковременного пребывания для поклонения в Николо-Богоявленском соборе, мощи св. Феодосия Черниговского¹²¹.

Архиерейские служения владыки проходили во всех действующих храмах города, после службы он говорил проповедь или слово, и благословлял весь подходивший народ. Со Святейшим Патриархом состоял в регулярной

Митрополит Григорий совершает Божественную литургию в храме Духовных школ

переписке, и многие письма владыки представляют собой живые картины церковной жизни города, дошедшие до нас через столько лет, такие, например, как на Пасху 1952 г.:

«Ваше Святейшество, Святейший и Дорогой Владыка!

Слава Богу! Все “страдные” дни прошли благополучно и доставили духовное утешение. Первые три дня Страстной недели я говел у себя в домово́й церкви (служили и пели воспитанники Академии и Семинарии). В Великий Четверг я служил в Соборе литургию и чтение 12 евангелий. В Великую Пятницу служил вечерню (вынос Плащаницы) и утреню Великой Субботы. В Пасху – ночное богослужение (утреню и литургию), и вечером – пасхальную Вечерню в Князь-Владимирском соборе.

Количество народа – чрезвычайное, соборы не вмещали всех желающих; около храмов – десятки тысяч верующих, жаждавших быть у богослужения. К сожалению, пропеть канон и стихиры Пасхи на паперти не было разрешено. В понедельник, после литургии, в 2 часа у меня был прием городского духовенства с Исполнительными Органами и профессурой Академии и Семинарии. В пятницу предполагаю служить в церкви “Кулич и Пасха”; в Фомино воскресенье – в Преображенском Соборе. В течение Великого поста эпидемия вирусного гриппа уложила в постель многих городских пастырей; пришлось временно заменять их академистами. Священник Лев Егоровский скончался (от рака).

Ваши резолюции на докладе Хоз. Управления и моей докладной записке приняты к исполнению и руководству Советом Академии. Как ни хотелось не муссировать преподавательские вопросы, но некоторые положения все-таки придется в дальнейшем выяснить. Согласно Вашему указанию, я написал вчера письмо Преосвященному Уфимскому Арсению; буду ждать его ответа (о викариатстве).

В общем, наша церковная жизнь течет спокойно. Богослужения везде прошли в храмах с удовлетворением

духовным, без каких либо инцидентов. В вакантные приходы были командированы на последние дни Страстной седмицы и на Пасху студенты Духовной Академии – священнослужители.

К сожалению, в собственно духовной среде не обошлось без печальных выступлений. Прот. Тарасов опять проявил свой заносчивый характер: я уже не говорю, что он не пожелал присутствовать на общем приеме у меня в Светлый Понедельник при встрече со всем городским духовенством; это дело его деликатности... Но он резко обрушился на Исполнительный Орган своей церкви Волкова Кладбища за то, что тот послал приветствие пасхальное о. прот. Е. Лукину, а когда последний телеграфно благодарил за привет пославших, то о. Тарасов возвратил телеграмму о. Лукина со своей “резолюцией”: “Прот. Лукину – возвращается, как ошибочная, т.к. Исполнительный Орган не посылал. Председатель Исп. Орг. Тарасов”... Что с ним в конце концов делать?

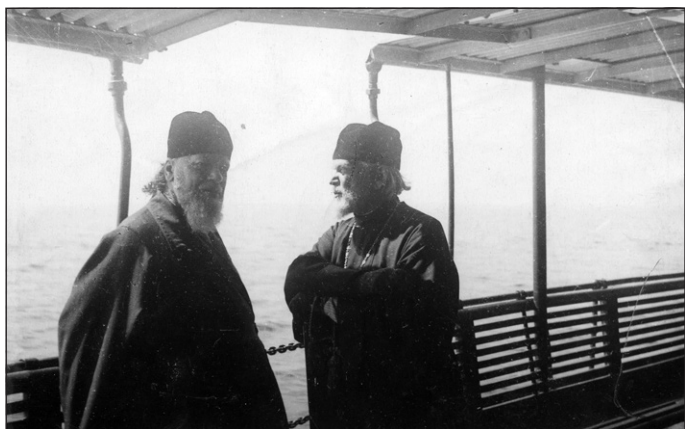
Простите, что при общем добром настроении приходится указывать и темные явления, особенно печальные в дни, когда Церковь зовет “простим вся Воскресением и друг друга обьемем”... Вашего Святейшества усердный слуга и богомолец М.Г. Ленинград. 23 апреля 1952 г.»¹²².

«Митрополит Григорий был историком по вкусу и начитанности, эрудиция его была вообще огромна, ученость – на редкость многогранна в наш век узкой специализации. От богословия до педагогики, от философии до музыки, от истории до поэзии (русской и иностранной), от юридических наук до изобразительных искусств – не было области культуры, в которой он не был бы подлинным знатоком. Крепко верующий, но с тайным философским уклоном человек. Мыслитель и педагог. Администратор и руководитель. У него был быстрый и острый, логически отточенный ум, умение понимать реальную обстановку. Роста небольшого, порывистый, сухонький, с седой бородкой клинышком, с лицом помора и буравящими собеседника колючими глазами. Ходил быстро, но умел,

Патриарх Алексий и митрополит Григорий за богослужением в Николо-Богоявленском соборе

когда надо, выдерживать величественность и шествовать, “яко на облацех”. В пище был воздержан и строг. В питии тем более. Оценивал кадры духовенства очень низко. Старых считал в большинстве интриганам, карьеристами, стяжателями. К молодым, особенно своим выросшим, относился неизмеримо лучше, но считал их своими духовными солдатами, а себя – их командиром. В делах – говорить с ним “вообще” было нельзя. – “Вы бумагу обо всем должном приготовили? Нет? А на чем же я резолюцию напишу. Опять получится – поговорили, поговорили, да в воздухе все и повисло”. Решал быстро, четко. Любимым методом управления были т.н. “перешерстки”, ежегодные перетасовки отцов с прихода на приход (здесь лукавство, это не «его методы» – это методы уполномоченного, и бывший прот. А. Осипов безусловно это знал. Владыка старался ограничить перемещения до разумных пределов. – Л.А.-Ч.). Многие ворчали. При этом ему была свойственна стойкая всепрощающая привязанность к старым друзьям и знакомым. Для себя самого митрополит Григорий предпочитал откровенное любование прошлым. Вокруг него крутилось множество людей из «бывших», начиная чуть ли не от фрейлин двора. Они находили и внимание, и ласку, и материальную

Митр. Григорий с Патриархом Алексием (Симанским). Одесса. 1950-е гг.

поддержку. Плачущих женщин он видеть не мог. Слезы его обезоруживали и расслабляли. И сколько было тяжело и всерьез проитрафившихся батюшек, студентов – богословов и семинаристов, спившихся дьячков, мошенников – членов двадцаток, которые в момент опалы и справедливого гнева владыки подсылали к нему рыдающих жен, матерей, дочерей, теток и сколько раз после того, как эти рыдающие валились митрополиту в ноги, вся епархия изумлялась, что вот-де разоблачили прохвоста, а он пан, и не пропал. У него были кошка и собака, и он позволял им многое – пес царил на даче, а кот прогуливался по антресолям собора над головами молящихся, а высокопреосвященный только улыбался... В гневе он был страшен. Проповедь поощрял. Нередко во время богослужения в алтаре обращался к кому-либо из отцов, и, любезно улыбнувшись, коротко говорил: “Проповедовать сегодня Вам. Думайте”. Но если кто-то заранее готовил слово, тех никогда не заменял»¹²³.

Хотелось бы подробно рассказать о деяниях владыки, и таким образом, о жизни Новгородской, Псковской, Олонецкой и др. епархий послевоенных лет, духовных школ, и его зарубежных поездках, однако объем журнальной публикации этого не позволяет. Поэтому предлагаю вам лишь небольшие фрагменты дневника владыки, относящиеся к тому времени, когда многие выпускники Духовных школ – главного дела жизни владыки, уже служили на приходах.

Дневник 1952–1953 годов¹²⁴

14 августа 1952 г. Четверг. 8 час. вечера. Прием был небольшой. Был – о. П. Гнедич, рассказывал о впечатлениях от проповедей М. Николая, от Тихонова и Фаддеева – писателей, которые особенно возмущались его разговорами с каждым из них в отдельности о своей кандидатуре на патриаршество (возмущались его карьеризмом)... Передавала ему Платонова, тоже бывшая писательница, знакомая Тихонову и Фаддееву... Сообщал Гнедич о разговоре с ним проф. Шабатина по поводу написания в ЖМП статьи обо мне по случаю 10-летия епископства. Я отклонял эту затею.

8/21 августа. Четверг. 9 час. вечера. Сегодня на приеме у меня был новый ректор Академии прот. М.К. Сперанский, только что прибывший. Делился первыми впечатлениями. Уже присутствовал на распорядительном собрании правления. Очевидно, со слов А.И. Макаровского, как сокурсника, он уже до некоторой степени ознакомлен с окружением и его характеристикой. Поэтому мне не много пришлось добавить о Парийском, как инспекторе, о экономе – Прилежаеве.

22 августа. Пятница. 7 час. вечера. Между прочим, по словам Шишкина, он писал в Москве доклад Карпову о положении дела в Германии, говорил о проповедях м. Николая и с Карповым и будто бы с самим м. Николаем (указывая, что помещаются в ЖМП проповеди м. Николая только, и это за границей расценивается как разрешение властей говорить только одному м. Николаю...)

25 августа. Понедельник. 8 час. вечера. На приеме был о. Гнедич... Передал характеристику о. Верюжского, что «семинария есть, а Академии нет» – нет научной работы профессоров. Это правда. Надо обратить на это внимание ректора и корпорации.

28 августа. Четверг. Необходимо освежить состав и подумать о перераспределении предметов и часов ради пользы Академической науки. Надо стремиться к тому, чтобы наставники Академии по возможности читали только одну дисциплину, сосредотачивая на ней всю научную работу.

29 августа. Пятница. Получил срочное письмо прот. Сперанского, которому отказали в прописке и предложили сегодня же выехать из Ленинграда. С Кушнаревым он сносился, и тот обещал содействие. Я сразу послал телеграмму Карпову и Патриарху, прося о содействии. Сперанскому посоветовал сегодня же выехать в Москву и лично побывать в совете по делам РПЦ.

2 сентября. Вторник. 11 час утра. Вчера на приеме были проф. Купрессов и доц. Сергеенко – по вопросу предложения сокращения их уроков для разгрузки и привлечения новых кадров... Я разъяснил, что моя конечная цель сделать Академию действительно Академией, чтобы в ней шла научная работа, для чего желательно, чтобы наставники Академии (гл. образом по богословским предметам) не были загружены уроками по семинарии...

5 сентября. Пятница. 9 час. вечера. Мою резолюцию о разгрузке уроков не поместили в Журнале!.. Парийский интригует давно против. Кстати: он просил Библиотеку никому не выдавать «его лекции по Патрологии». Понятно: лекции составлены Сагарда, а подписался под ними «Парийский»!.. Предложил Совету Академии, чтобы экзаменац. Комиссии передавали в Учебн. Комитет доклады с сообщением о степени подготовленности поступавших в Академию.

4 октября. Сдал в Совет по делам РПЦ сведения о количестве и составе учащихся и распределении предметов между наставниками Лен. Д. Академии на сент. 1952 г. со справкой о числе заочников – 239 чел.

11 октября. Суббота. 7ч. вечера. ...Вечером меня посетил проф. Макаровский и беседовал о разных делах Академии. 1) О книгах Н.Н. Глубоковского, оставшихся в Болгарии после его смерти и о доставке их в Россию

от его душеприказчиков. Если их предполагает взять Моск. Академия (если патриархия уплатит деньги), то мы могли бы перепечатать его труды для Лен. Дух. Академии. Имею это в виду при поездке в Болгарию. 2) Дело с корректурой наставниками их лекций и конспектов для выдачи студентам и заочникам теперь налажено. 3) К проф. Макаровскому обращаются за справками и указаниями ученого характера (по специальности) научные работники – Сапунов и Голланд, обнаружившие полное незнание истории нашей церкви и догматики, и пишущие на темы, касающиеся богословских предметов. 5) Отмечается, что в Академии, где нет самостоятельных операций (денежных) имеется слишком большой бухгалтерский штат, который можно было бы сократить. 10) О студентах: на 2-м курсе сильными являются Стойков, Шоломицкий (с самостоятельным умом) и Дарманский (больше песняслов). На 3-м курсе Махровский – средний студент, но большой знаток богослужения, дает справки и регенту, и наставникам. Нуждается в пошивке пальто, а администрация относится к этому довольно холодно.

31 октября 1952 г. Пятница. Был Инспектор Парийский. Беседовал с ним о его отношениях к эстонцам в Акад. и семин. Прямая дискриминация, извращение госуд. нац. политики: Студ. Тарклассу препятствовал поступить стационарным (?); заявил, что вообще «не любит эстонцев», что «у них у каждого наготове нож в спину русского»... и это высказал студенту, который передаст, конечно, другим... Студентам Яковлевичу и Влад. Гримму (?) – «как им – студентам Академии не стыдно быть служками у викария?» (они – иподиаконы). То же – Редигеру. Все это подтвердил сам Парийский. По-видимому, он восстановил и Уполномоченного. О преосв. Романе заявил Парийский, что тот – «злой гений»; это потому, что против желания Парийского я настоял на устройстве квартиры викария в здании Академии. (Ему также не давали прописки в Ленинграде. – Л.А.-Ч.). Я предупредил Парийского, что такое отношение к эстонцам-воспитанникам и к Викарию не может быть одобрено, что это может вызвать разговоры у меня с Карповым.

Епископат Русской Православной Церкви. 1945 гг.

14/27 ноября. Четверг. 10 ч. вечера. Со слов Ведерникова, Чуб передает, что м. Николай переживает тяжелый удар по самолюбию: запрещено печатать в ЖМП его проповеди.

15 ноября. Суббота. Вчера вечером были о. Ректор и А.И. Макаровский. Выяснилось, что Парийский сознательно и намеренно подводит Ректора: как новому человеку не подсказал ему особого молебна и телеграммы в день рождения Патриарха, ...сваливает свою работу на других, заставляет составлять расписания и план сочинений о. Осипова, а тот учитывает только свои интересы, не считаясь с другими; отношение к ученикам жесткое и недопустимое: уч. 2-го класса Кирьянова Парийский обозвал при учениках «набитым дураком» (также и о. Козлов позволяет себе называть «дурачками» студентов, грозить им добродушно кулаком из алтаря...), призванного в армию Бучковского жестко лишил пособия, поехал к бухгалтеру и требуя возратить ссуду за подряник... Не говоря уже об отношении к эстонцам и еп. Роману.

16 ноября. В беседе с Макаровским усмотрел, что он не прочь бы занять место инспектора (т.е. Л.Н. Парийского. – Л.А.-Ч.).

5 марта 1953 г. Четверг. 10 ч. вечера. Утром сегодня ректор сообщил, что проф. А.И. Макаровский сегодня в 6 ч. утра арестован. Обыск продолжался с 12 ч. ночи до утра. Пока ничего не известно о причинах ареста.

25/12 марта. Среда. Утро. Была Макаровская. Сообщила, что «изъятая» – было при обыске речь (на съезде учителей в 1926 г. – Л.А.-Ч.) оказалась в столе; по содержанию говорящая в его пользу... Говорила о подозрительно любезном отношении Парийского («какой подлец сделал донос?») и о странном отношении Осипова (смотрите на вопрос как на частый и не замечайте (неразб.)).

30 марта 1953 г. Воскресенье. Получил сегодня доклад Ректора, сегодня же послал доклад Патриарху, поставив вопрос об освобождении Парийского от Инспекторства.

11 апреля. Суббота. 6 ч. вечера. Был о. Е. Бобовский – представлялся и просил места. Дал ему 500 р. (прибыл из ссылки, а 06.07.53 назначен наст. Казанской церкви в Тосно. – Л.А.-Ч.).

Во время архипастырской поездки по епархии. После богослужения в Казанской церкви г. Пскова. 30.08.1953 г.

9 июля 1953 г. Четверг. 7 ч. вечера. Сегодня приготовил письмо Г.Г. Карпову по делу проф. Макаровского; прошу его освидетельствовать при разборе дела в Верх. Суде СССР при выяснении дела с принципиальной стороны – в отношении религиозных взглядов по отношению к марксистским... Была Макаровская. Я ознакомил ее с моим письмом к Карпову.

25 июля. Суббота. 9 ч. у. ...Был вчера у Г.Г. Карпова. По вопросу о Макаровском Карпов сказал, что мое письмо сразу передано им Председателю Верх. Суда и ответ его (Карпов) мне показал. При мне он звонил к Зам. Председателя Верх. – Тарасову (Алекс. Фед.), и тот сказал, что в течение 7-10 дней дело будет внимательно рассмотрено.

22 августа. Суббота. Была М.С. Макаровская. Со слов мужа сообщала, что сын Сборовского несомненно участник работы отца. Из речи обвинителя видно, что работа по воспитанию юношества в Академии – причина возбуждения вопроса о Макаровском. Приемлемы только такие, кто «ни то, ни се» или кто разваливает работу (вроде Зеленецкого – пьянствующего...).

11 сентября. Суббота. Вчера был прием в 16 час. Были – Успенский, Гнедич – по своим Акад. делам; Гундяев – о невозможных условиях жизни из-за налогов фининспектора. Сегодня были: Осипов, Парийский и Ректор. Осипов доложил подробности его предложения об издании трудов Лгр. Дух. Академии для распространения в семинариях и академиях. Парийскому я поручил представить для Патриарха доклад о предпочтительности 3-го варианта оплаты наставников. (114 тыс. р. в месяц). Ректор прочитал проект статьи по истории Лгр. Д. Академии для общего сборника. Сделаны некоторые исправления мною.

23 октября. Пятница. 6 час. вечера. Сделал назначение: ...Канд. бог. В. Ермакова в Ник. Каф. Собор.

4 ноября. Воскресенье. 8 ч. вечера. Сегодня служил в Кн. Влад соборе. Сказал краткое слово перед молебном. Посвятил во иерея В. Ермакова и во диакона Евг. Филатова (в Чудово). Написал обращение к прихожанам Петрозаводского Кресто-Воздв. собора по поводу ухода из Петроз. о. Н. Фомичева.

16 сентября. Среда. У уполномоченного ... служение студентов и семинаристов – только во время каникул, иначе (неразб.). Как исключение разрешил о. И. Снычеву по внеучебным и праздничным дням ездить в Суйду для замены уехавшего в отпуск священника.

27 ноября. Пятница. 9 ч. утра. Вчера вечером неожиданно возвратился из заключения проф. А.И. Макаровский. Был у меня с супругой. Благодарил за содействие. Рассказал некоторые подробности суда, где выступали Сборовский, Нелидова и Некрасов. Особенно убийственными были обвинения Сборовского, касающиеся якобы антисоветских выступлений. Нелидова ... (неразб. «м.б., не так поняла?»), Некрасов жалко что-то болтал, сбивчивым языком...

В конце концов Верховный Суд СССР вынес оправдательное решение, сняв судимость и выдав совершенно чистый паспорт... Интересно, как встретят его – Сборовский, Осипов и прочие?..

За время своего архипастырского служения митрополит Григорий поднял практически все вопросы, без решения которых Церковь не могла нормально существовать. Он подал Святейшему Патриарху целый ряд докладов по важнейшим вопросам общецерковного значения.

Еще летом 1944 г. он предлагал решить на предстоящем Поместном Соборе 1945 г. вопрос об объединении со старообрядцами. В 1946 г. он подал Патриарху доклад о борьбе с сектантством; в 1947 г. – доклад и разработанное им положение об ордене св. равноап. кн. Владимира; 9 июня 1955 г. – последний (из многочисленных по этому вопросу) доклад о необходимости изменения обложения подходным налогом священнослужителей и приравненных к ним лиц: вместо ст. 19 (81%) производить обложение по ст. 18 (69%) Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1943 г. «О подходном налоге с населения»¹²⁵.

Митрополит Григорий смотрел далеко вперед, опережая свое время. Некоторые из поднятых и разработанных им вопросов были решены Русской Православной Церковью на Поместном Соборе 1970 г., большинство – после 1988 г., когда 1000-летие Крещения Руси было отпраздновано уже как всенародный праздник, нашим Первосвятителем Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. Некоторые вопросы, которые владыка считал насущными в те годы, ждут своего решения и по сей день, например, борьба с сектантством.

Официального решения таких вопросов, также поднятых им в 1944 г., как – запрещение снятия священников с регистрации уполномоченным без согласования с правящим архиереем и о разрешении входящим священникам не только исполнения треб, но и служения в вакантных приходах, т.е. обслуживание поочередно своего и вакантного храма, владыка добился: первого – в 1951 г., второго – в 1953. «Совет по делам Русской Православной Церкви № 28 от 6 янв. 1953 г. Патриарху Московскому и всея Руси Алексию: Сообщаю, что по затронутому в письме митрополита Григория от 28.12.52 г. № 3960/2 вопросу не может быть препятствий. Уполномоченному Совету в г. Ленинграде мною лично будут даны указания, а уполномоченным в Новгородской и Псковской областях посылаются письменные разъяснения. Г. Карпов. Копия верна: П. Алексей»¹²⁶. До получения официального разрешения этих вопросов, во вверенных епархиях митрополит решал эти проблемы путем договоренности с местным уполномоченным, в каждом отдельном случае.

В пятидесятые годы Советское государство проводило в прессе широкомасштабную атеистическую кампанию и старалось помешать церковной жизни. Так, сберкассы в Гатчине и Мариенбурге отказывались принимать и выдавать церквям денежные взносы, строительных рабочих снимали с работ по ремонту церквей, хотя они являлись собственностью государства, служащим запрещали принимать участие в церковных хорах и просто посещать храм; шофера Ленинградского торгового порта, например, собирались репрессировать за участие в охране храма, служащие Епархиального управления нигде не могли получить места и так далее.

В личном домашнем архиве митр. Григория сохранился листок газеты «Порховская правда» с подчеркнутой

За Божественной Литургией в петербургском Князь-Владимирском соборе. 1950-е гг.

его рукой заметкой «Не ходите к нам в гости в поповский праздник “Троицу”» следующего содержания: «Религиозные праздники, как правило, отвлекают массу людей от колхозного производства. Особенно они большой вред наносят тогда, когда на полях колхозов идет борьба за высокий урожай, за дальнейший рост благосостояния колхозников. Учитывая это, члены нашей бригады № 2 колхоза “Заря” Старищенского сельсовета решили отказаться от празднования так называемой “Троицы” и в день 28 мая выйти в поле и работать с таким же напряжением, как в любой другой день. Потому мы просим всех наших родственников и близких знакомых не ходить к нам в гости в поповский праздник “Троицу”. По поручению общего собрания бригады: председатель колхоза Степанов, бригадир Григорьев, член колхоза Иванова»¹²⁷.

У внучки владыки, Людмилы, на уроке физкультуры учительница увидела крест и велела прийти в школу родителям, а другую внучку – Ирину, после успешной сдачи вступительных экзаменов в Педагогический институт имени Герцена приемная комиссия спросила – «А кто у вас дедушка?» Она робко ответила, что «он – митропо-

Татьяна Дмитриевна Козьмина (справа) и Таисия Дмитриевна Смирнова, келейницы владыки Григория. 1950 г.

митр. Григорий с архипастырями Румынской Православной Церкви в Николо-Богоявленском кафедральном соборе. 1948 г.

лит». – «Мы вас принять не можем». Владыке пришлось урегулировать вопрос в Москве и говорить: «Нехорошо как-то получается, я защищаю интересы страны на дипломатическом уровне в мои 80 лет, так неужели моя внучка не может учиться в Вузе?»¹²⁸.

С выходом постановления ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» (7 июля 1954) и усилением антирелигиозных выступлений в печати, митрополит Григорий подготовил Патриарху Алексию докладную для передачи в Совет по

Приезд Антиохийской делегации. Митр. Григорий совершает богослужение в Николо-Богоявленском соборе. На переднем плане молится иеромонах Иоанн (Снычев). 5.05. 1955 г.

делам РПЦ, в которой изложил факты нарушений законодательства при закрытии храмов, увеличения числа хулиганских выходок в отношении духовенства и верующих, вандализма и поджогов церквей и молитвенных домов и др., указав в целом на нежелательные результаты антирелигиозной пропаганды. 9 октября 1954 г. на годовом акте ЛДА владыка выступил с речью, резко критикующей действия властей и основные «научные доводы» атеистических публикаций. Студентам Духовной академии он сказал: «Если люди неверующие, а они всегда были на пространстве истории человеческой наряду с людьми верующими, считают нас “невеждами” и “отсталыми” только за то, что мы веруем в Бога, то постараемся еще более укреплять себя постоянною молитвой в живой горячей вере в Бога и пламенеть огнем всеобъемлющей любви к Нему, как к Отцу, и к людям, как братьям»¹²⁹.

Твердая позиция Патриарха Алексия и митрополита Григория способствовала принятию постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» (10 нояб. 1954), осудившей администрирование в отношении верующих и религиозных обществ и остановившей дальнейшее развертывание антирелигиозной кампании. «11 ноября 1954 г. в “Правде” появилось постановление “Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения”. Впечатление большое и значение громадное. Это, по-видимому, прямой ответ на представленный Патриархом Правительству (Карпову) мой доклад от 31 августа. За ужином у Карпова были разговоры общего характера по этому поводу. Во время ужина молчал по этому поводу только м. Николай...» «12 декабря 1954 г. Сегодня по радио сообщили, что Патриарх был на приеме у Маленкова. Это хорошо, я усиленно настаивал ему на этом, когда подал ему доклад по поводу травли газетной на Церковь и религию»¹³⁰.

Что думал владыка Григорий о положении Церкви в СССР в 1940–1950-е годы? – «Положение только терпимое», – записал он в дневнике в 1948 году. То, что после 1948 г. Церкви было отдано очень немного храмов, и большинство из них продолжало быть занято гражданскими организациями или разного рода складами, безусловно, огорчало владыку. Однако отец Духовных школ, председатель Учебного комитета Св. Синода, он знал, что и в 1953 году, когда официально был разрешен для митрополии вопрос о служении входящего священника и в своем, и в соседнем пустующем храме, этот вопрос был актуален для всей страны. Многие возвращенные и открытые к служению храмы все еще не имели священников, поскольку выпуски открытых Духовных школ не могли обеспечить все храмы и даже не восполняли естественной убыли священников. Таков был результат чудовищных репрессий 20-30-х годов и четвертьвекового перерыва в работе Духовных школ...

В 1948 г. был, в очередной раз, арестован преосв. Манuil. В 1949 году МВД или МГБ, или обе организации вместе (определенно сказать нельзя), но только не Совет по делам РПЦ, который оказывал Церкви посильную помощь в решении многих вопросов, начали очередную кампанию за «политическую чистоту рядов священно-

лужителей». Было сделано распоряжение через Совет не регистрировать новых священников, имевших судимость по политическим статьям. «Кого же тогда ставить?» – писал митрополит Григорий. У владыки были большие проблемы, в частности, с пропиской назначенного ректором ЛДА прот. М. Сперанского имевшего судимость по ст. 58. Помогал решать такого рода проблемы Г.Г. Карпов.

В 1949 г. митрополит остался без протодиакона – на 101 км был выслан С.С. Дмитриев, в декабре арестован епархиальный архитектор А.П. Удаленков. 28 сентября вызывался в УМВД и митр. Григорий, которого спросили там, как это он оказался в Ленинграде, если был выслан в Саратов, – но все же отпустили «работать дальше митрополитом».

«29 сент. 1949 г. Патриарху Алексию. Кратко – общее о главном. 1. Рассмотрение дел за время отсутствия. 2. Обзор произведенного строительства. 3. Снятие с регистрации, кроме К. Верзина и С. Дмитриева, еще и А. Верзина. 4. Посещение меня сотрудником УМВД и опрос Просьба: 1) сообщить об этом Г.Г. Карпову и 2) подумать для меня “о месте невольного отдыха” на случай если потребуется в целях общественных и государственных... 5. Отношение Кушнарева к этим вопросам – строго формальное. Лично я никого еще не снял с мест до выяснения вопроса в центре». «2 мая 1953. Ваше Святейшество, Дорогой Владыка! Простите, что давно не писал Вам в связи с некоторыми печальными обстоятельствами и серьезными перемещениями. На этом времени у нас выбыли из строя “по независимым от нас обстоятельствам” – профессор А.И. Макаровский, прот. И. Преображенский (из Валдая), прот. К. Прошкин (из Ст. Руссы), свящ. Сперанский (из Борисова). Окончательные результаты неизвестны. Уроки Макаровского временно распределены: Русская Церковная История – иеромонах Леонид Поляков (Семинария) и прот. Верюжский (Академия). На Валдай предполагаю перевести из Пскова прот. А. Степанова, о чем давно просят псковитяне. В Ленинграде – о. Медведский перемещен в Никольский собор, о. Лукин – во Владимирский собор, о. С. Румянцев – секретарем, а о. Ломакин – благочинным городских церквей. Намечаются еще некоторые перемены – более мелкие; пока идет еще “согласование”... Все это, конечно, связано с трепкой нервов... в день Вашего 40-летнего епископского юбилея будем усердно молиться о Вашем здравии и долголетии. Вашего Святейшества преданный слуга и богомолец. М.Г.»¹³¹.

Что можно сказать о действиях владыки в случаях, когда пастырей в его епархиях репрессировали? Он боролся за их освобождение, не боясь обращаться в любые инстанции – и в случае с диаконом Дмитриевым, и когда был арестован проф. Макаровский, и в отношении других. В ГУЛАГе в то время находилось порядка 400 тыс. человек; в Ленинграде в 1949-1950 гг. подверглось репрессиям не более 10 человек священнослужителей и церковного народа. Получается, что по сравнению с репрессиями в других ведомствах, это количество ничтожно мало и не сравнимо с репрессиями 20-30-х годов, если в данном вопросе уместны сравнения, поскольку в каждом случае это была человеческая беда и горе. Церковь, и митрополит

Григорий в частности, за своих людей молилась, боролась, их отстаивала и они возвращались.

10 августа 1955 г. митрополит Григорий подал рапорт на имя Патриарха Московского и всея Руси Алексия о подготовленных им вопросах, которые было необходимо, по его мнению, довести до сведения правительственной власти по поводу взаимоотношений между Церковью и государством – «Вопросы, ожидающие разрешения правительственной власти». Думается, что на встречах с Карповым и на приеме у Хрущева в мае 1958 г. Первосвятитель использовал предложения, сделанные митр. Григорием в этом рапорте¹³².

Помимо управления вверенными епархиями, участия во всех сессиях Священного Синода, и руководства Духовными школами Московской Патриархии на посту председателя Учебного комитета при Священном Синоде, митрополит Григорий активно участвовал во внешнецерковной деятельности и выполнял ответственные поручения Патриархии за границами Родины, а также принимал многочисленные иностранные церковные делегации. В силу ограниченности объема журнальной публикации, зарубежные поездки владыки я могу только перечислить.

Первое поручение: владыка Григорий возглавил делегацию Русской Православной Церкви в апреле 1945 г. с целью приветствия Болгарского Экзарха митр. Софийского Стефана по случаю воссоединения Болгарской Православной Церкви с Вселенской Патриархией и со всеми Православными Церквями мира через снятие с нее схизмы, наложенной еще в 1872 г. Константинопольским Патриархом.

В октябре 1945 г. он совершил поездку в Финляндию для переговоров с архиепископом Карельским и всей Финляндии Германом (Аавом) о восстановлении канонических связей между Московским Патриархатом и Финляндской Православной Церковью, а также с целью воссоединения с РПЦ братии Спасо-Преображенского Валаамского мужского монастыря, Коневского Рождества Пресвятой Богородицы мужского монастыря и двух русских общин, находившихся в юрисдикции митр. Евлогия (Георгиевско-

Митр. Григорий с архим. Пименом (будущим патриархом). Псково-Печерский монастырь. 29.08. 1953 г.

го) в Хельсинки. 27 февр. 1946 г. владыке было поручено управление Эстонской епархией и присоединившимися православными русскими приходами и монастырями Финляндии. 11 ноября 1954 г., согласно прошению, освобожден от управления Псковской епархией, а также православными русскими общинами и монастырями в Финляндии.

В мае 1946 г. сопровождал Патриарха Алексия во время его визита в Болгарию на торжества 1000-летия монастыря прп. Иоанна Рылъского; в августе 1946 г. возглавил делегацию Московского Патриархата на погребении митр. Евлогия (Георгиевского) в Париже, где принял ряд мер для решения проблем, связанных с Западноевропейским экзархатом Русской Православной Церкви; в ноябре-декабре того же года совершил поездку по Ближнему Востоку, посетил русские приходы и провел переговоры с Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским Патриархами, совершил паломничество по святым местам; в мае-июне 1947 г. сопровождал Патриарха Алексия во время визита к Румынскому Патриарху Никодиму (Мунтяну). С июля по октябрь того же года в качестве полномочного представителя Патриарха находился в командировке в США, целью которой были переговоры с Сан-Францисским митр. Феофилом (Пашковским) относительно воссоединения с Русской Православной Церковью возглавлявшегося им Митрополичьего округа в Северной Америке и нормализация дел экзархата Московской Патриархии в Северной и Южной Америке. В июле 1948 г. участвовал в торжествах 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви и в работах совещания глав и представителей Поместных Православных Церквей в Москве 8-18 июля 1948 г., на котором возглавлял комиссию «Экуменическое движение и православная Церковь». Летом 1950 г. вторично посетил Антиохийский Патриархат, в 1953 г. – Болгарию, где представлял Русскую Православную Церковь на торжествах восстановления Патриаршества и интронизации Болгарского Патриарха. В мае 1952 г. принимал участие в работе конференции всех Церквей и религиозных объединений СССР, посвященной вопросам защиты мира.

7 января 1948 г. указом Патриарха Алексия награжден правом предношения креста за богослужением; в 1950 г., к 80-летию – правом ношения двух панагий. Во время зарубежных визитов владыка был удостоен наград Поместных Православных Церквей: ордена святых апостолов Петра и Павла 1-й степени (Антиохийский Патриархат), ордена св. ап. Марка 1-й степени (Александрийский Патриархат), юбилейных медалей Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов и Ордена Ливанского Кедрa 1-й степени. В 1946 г. награжден болгарским правительством орденом «За гражданские заслуги» 1-й степени.

В октябре 1955 г. совершал поездку в Румынию на торжества празднования 70-летнего юбилея автокефалии Румынской Православной Церкви и канонизации святых, в Румынской Церкви просиявших, где также провел переговоры с представителями Константинопольского (Вселенского) Патриархата архиеп. Фиатрафским Атанасом и еп. Мелетинским Якобом относительно статуса Финляндской Православной Церкви¹³³.

28 октября, возвращаясь из Бухареста в Москву с остановками в Киеве и Одессе, плохо себя почувствовал – в

Румынии у него была очень нарядная программа, владыка заболел гриппом, с высокой температурой участвовал в последних мероприятиях. Полетел не в Ленинград, а в Москву. В 1955 г. владыка остался без викария, поскольку еп. Старорусский М. Чуб был перемещен на Смоленскую кафедру. На свободную вакансию, в помощь митрополиту по управлению Новгородской епархией, был назначен архим. Сергей (Голубцов), и на 30 ноября в Загорске было намечено его наречение во епископа Старорусского.

28 октября Святейший Патриарх был в Загорске, где ждал прибытия митр. Григория. Остановился в здании Московской Патриархии, где его поместили в приемной о. Н. Колчицкого. В Патриархии владыку ждало письмо первосвященителя, последнее его письмо... Утром 29-го, встав, снова почувствовал головокружение, и, держась, как он сам сказал, за стенку, снова лег в постель, не придав серьезного значения болезни, думал дня два отлежаться, отчитаться о поездке и вылететь домой. Были вызваны кремлевские врачи, прописавшие владыке полный покой и лекарства, и приставлены две медсестры. 31 октября из Загорска прибыл Святейший и регулярно навещал больного. 1 ноября состояние ухудшилось, но сознание оставалось ясным, и он интересовался у прибывшего из Ленинграда секретаря Учебного комитета Л.Н. Парийского, как прошло последнее заседание, послал ряд служебных распоряжений в Ленинград и просил о. Р. Кревского, постоянно находившегося при нем, прочитать ему вслух присланный из Ленинграда отзыв академика Д.С. Лихачева о работе проф. Н.Д. Успенского на соискание звания доктора богословия, и намеревался писать Святейшему личный доклад о поездке в Румынию. Несмотря на запрещение доктора, он твердо заявил о намерении выехать в Ленинград. 3-4 ноября приехали родственники, но 4 ноября владыка потерял способность речи и перестал владеть правой рукой. В 6.45 утра приехавший проф. М.Г. Успенский констатировал инсульт. Владыка движениями левой руки показал внучке, что хочет писать, но когда ему дали карандаш, на бумаге получались только кривые линии. В 14 часов, по благословению Патриарха, в комнату митрополита вошел священник со Святыми Дарами и предложил ему причаститься. Владыка заплакал, застонал и с большим волнением причастился. После причастия Святейший поздравил митрополита с принятием таинства и сказал несколько сердечных ободряющих слов. Врачи применяли все средства, но ничего уже не помогало. 4 ноября владыка второй раз причастился. 5 ноября 1955 г. в 14 час. 25 мин. митрополит Григорий отдал Богу душу.

Церковь в это время готовилась в всеобщему бдению на праздник в честь иконы «Всех Скорбящих Радосте», как и в тот день, когда владыка вступил на свою первую, Саратовскую, кафедру. Божия Матерь «Всех Скорбящих Радосте» не оставила владыку на пути архиастырского служения. Царица Небесная Сама проводила его и в жизнь вечную.

Тело почившего было омыто священнослужителями, помазано елеем, облачено в священнические одежды и положено в гроб, установленный в Крестовой церкви. Святейший совершил над почившим панихиду. 6 ноября гроб с телом митр. Григория был вынесен в Успенскую

церковь бывшего Новодевичьего монастыря и днем Патриарх с сонмом московского духовенства отслужил панихиду. 5 ноября приехал вызванный Патриархом старший иподиакон владыки К.К. Федоров, в блокаду бывший иподиаконом у митр. Алексия. Патриарх выдал ему деньги на организацию спецрейса с военного аэропорта Быково. Только через 2 дня ему удалось добиться самолета, в который поместили запаянный гроб с телом владыки, и 8 ноября вылетели в Ленинград. Тело сопровождали митр. Минский и Белорусский Питирим, дочь покойного и три иподиакона. В Ленинграде во время болезни архипастыря во всех храмах служились молебны о здравии, а с 5 ноября – панихиды. В аэропорту гроб с телом был встречен старейшим духовенством и представителями Духовных школ, доставлен в Крестовую церковь и распаян, а после панихиды академическое духовенство во главе с ректором прот. М. Сперанским читало Евангелие всю ночь. Утром 9-го гроб перевезли в Николо-Богоявленский кафедральный собор, 9 и 10 ноября служились беспрестанные панихиды и парастас, а отпевание 11 числа совершили митр. Минский и Белорусский Питирим, архиеп. Житомирский и Овручский Владимир, еп. Вологодский Гавриил, еп. Смоленский Михаил, еп. Старорусский Сергей, в.и.о. управляющего Ленинградской епархией еп. Таллинский и Эстонский Роман, наместник Троицкой Лавры архим. Пимен, 12 заслуженных протоиереев епархии, сонм духовенства митрополии из других епархий. Народу был полный храм, служба началась в 9 утра и закончилась в 16.30. Духovenство расположилось по обе стороны гроба, местами в два и три ряда, через солею и алтарь до горнего места. Перед началом отпевания архим. Пимен с соеи огласил телеграмму Патриарха Алексия, прощальное слово сказали митрополит Питирим, проф. прот. А. Медведский, ректор Ленинградских Духовных школ проф. прот. М. Сперанский. Духовник владыки прот. Летунов прочитал разрешительную молитву. После прощания и краткой литии гроб был поднят духовенством и при пении канона св. Андрея Критского один раз обнесен вокруг собора. Впереди шел крестный ход. Крестный ход возвратился в собор, а гроб был поставлен в закрытый автомобиль, и процессия отправилась к месту упокоения владыки – Крестовую Митрополичью церковь, там была отслужена панихида, с владыкой простились родственники, студенты академии и воспитанники семинарии, сотрудники Епархиального управления. После этого внутренний металлический гроб был снова запаян, и, по совершении литии, опущен в приготовленную в церкви могилу, и тело предано земле. К могиле был допущен народ, в громадном количестве собравшийся около митрополичьего дома¹³⁴.

«В лице в Бозе почившего Митрополита Григория Вселенская Церковь понесла тяжкую, невозместимую потерю. От нас волею Божией отозван один из самых испытанных, твердых и авторитетных вождей христианства. С просветленным и строгим ликом, напоминавшим образ Николая Чудотворца, преставившийся святитель Божий в современных условиях приближался к типу “Учителя Церкви” первых веков христианства»¹³⁵, – написано в одном из некрологов Патриаршего экзархата Русской Православной Церкви в Америке на смерть владыки.

Духovenство у гроба митр. Григория в Крестовой церкви митрополичьих покоев в Духовском корпусе Александро-Невской Лавры. 08.11 1955 г.

27 марта 1959 г. в крестовой церкви рядом с митрополитом Григорием был погребен митрополит Ленинградский и Новгородский Елевферий Воронцов, при котором произошло открытие Свято-Троицкого собора Лавры.

В связи с тем, что «здание Ленинградского Епархиального управления (наб. р. Монастырки, д. 1) было передано Отделу народного образования Исполкома Смольнинского райсовета депутатов трудящихся, возникла необходимость перезахоронения тел усопших Ленинградских митрополитов Григория и Елевферия, похороненных в Крестовой церкви»¹³⁶.

В ночь на 26 августа 1961 г. было произведено перенесение праха владык в крипту Свято-Троицкого собора, где они ныне и покоятся. Доступ в крипту ограничен, и почитающие память владык практически не могут поклониться их праху. Согласно проекту прот. В. Никитина (впоследствии митр. Серафима), которому было поручена разработка проекта захоронения в крипте, его согласование и исполнение в августе 1961 г., изложенному также в его докладах митр. Гурию (Егорову), предполагалось: прах архиереев будет находиться «под спудом», т.е. в крипте, без доступа к нему, а в правом приделе собора, практи-

Родственники митр. Григория у гроба почившего. Крестовый Александро-Невский храм в Духовском корпусе Лавры.

Отпевание митрополита Григория в Николо-Богоявленском кафедральном соборе 11.11. 1955 г.

чески над захоронением, будет установлено небольшое мраморное надгробие и на стене над ним – мраморные плиты «Здесь покоится тело митр...» Изготовленные в 1961 г. мраморные плиты так и остались стоять у стены на надгробиях, так как митр. Гурий в ноябре 1961 г. был перемещен в другую епархию, и процесс не был доведен до конца. Если эти плиты будут повешены в соборе в имеющейся в правом приделе нише, над небольшим надгробием, и между ними будет помещена маленькая памятная доска с надписью, что этим архиереям собор обязан своим вторым рождением, то верующие смогут помолиться на могилах двух архиереев, стараниями которых Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры был открыт для молящихся после четвертьвекового перерыва.

Историко-богословское наследие митрополита Григория

В настоящем очерке были перечислены многочисленные богословские и церковно-исторические труды митрополита Григория, написанные им в олонекский, петроградский, ленинградский, саратовский периоды. Как справедливо писал митр. Иоанн (Снычев): «Нам почти неизвестны произведения митрополита Григория, а он написал более тридцати книг, очерков, статей, которые были бы чрезвычайно полезны и необходимы в наше время»¹³⁷.

Во исполнение воли прадеда, записанной им в тюремном дневнике в камере «смертника», автор данного очерка занимается подготовкой историко-богословского наследия митрополита Григория к печати и его изданием.

Служение и жизнь митрополита Григория изложены в данном очерке по материалам его воспоминаний, дневников и архивных материалов. Олонекский период жизни и деятельности, о котором рассказано в первых частях,

представляет собой краткий вариант его воспоминаний. Владыка подготовил несколько машинописных копий своих мемуаров, бережно вклеил фотографии. Поскольку в силу ограниченности объема журнальной публикации авторское произведение владыки приводится здесь в сокращенном виде, прошу у него за это прощения. «Мои Воспоминания» (1-4 ч.) митр. Григория на данный момент подготовлены к изданию.

В 1920-1930-е годы, да и в 50-е издание трудов священнослужителями было почти невозможно.

В 1948 году из более чем 1500 проповедей, слов и речей, митрополит составил сборник избранных «Слов, речей и статей», на который было получено благословение Святейшего Патриарха Алексия I, а также разрешение Совета по делам РПЦ. Владыка хотел сам издать книгу в Риге или Таллине. Однако сборник не был издан. В настоящее время этот сборник, как естественное и необходимое приложение к настоящему очерку «Митрополит Григорий (Чуков): служение и труды», подготовлен мною к печати для выпуска вместе с данным очерком – отдельной книгой.

В 1949 году митрополит начал работу над большим трудом по истории РПЦ новейшего периода. Работу над книгой он продолжал до последних дней своей жизни и придавал ей очень большое значение. 18 сентября 1954 года митр. Григорий сделал распоряжение по канцелярии Епархиального управления: «По моему начинанию и под моим руководством и редакцией в 1949 году было предпринято и ныне осуществлено составление 1-го выпуска «Очерков по истории Русской Православной Церкви новейшего периода» – с 1900 до 1918 года, т.е. последнего предреволюционного синодального периода управления Русской Церкви, (в 4-х частях, 804 стр. текста пиш. ма-

Народ прощается с митр. Григорием

шинки). Экземпляр “Очерков” представлен мною 29 июля с.г. Святейшему Патриарху для ознакомления и издания – в случае одобрения – с надлежащего разрешения.

Ныне я приступил к работе по составлению 2-го выпуска “Очерков” – (с 1918 по 1927 год) на основании имеющихся в моем личном архиве материалов, а также материалов, имеющихся в Московской Патриархии. Последнюю работу мною поручено проводить гр. Потемкиной Антонине Александровне (она же – Шаповалова), которая работала со мной и при составлении 1-го выпуска.

Оплата работы гр. Потемкиной до сих пор производилась из моих личных средств. Желая обеспечить работу по составлению “Очерков” от всяких случайностей и считая издание их целесообразным и необходимым для учебных целей Академии и Семинарии, как и для ознакомления духовенства, нахожу возможным производить оплату труда по подготовке и составлению “Очерков” (второго выпуска) гр. Потемкиной из средств Епархиального управления (из специального митрополичьего фонда) по 2500 рублей в месяц с сентября сего года. Митр. Григорий»¹³⁸.

Второй экземпляр 1-го выпуска «Очерков» был представлен также в Совет по делам РПЦ Г.Г. Карпову с просьбой по одобрении дать разрешение издать ее тиражом 50 тыс. экз.¹³⁹

В письме Св. Патриарху еще в 1951 г. митр. Григорий писал: «Мы отсюда посылали несколько корреспонденций в ЖМП о жизни Ленинградской Академии и Семинарии, но, как правило, наши корреспонденции отклоняются и не печатаются. Не знаю, в чем или в ком причина? Лично я давно не пытаюсь что-либо посылать в Редакцию, убедившись, что это совершенно бесполезно. Может быть Секретарь редакции не благоволит к Ленинграду? Или, может быть, имеются другие соображения “более высокого порядка”, чтобы намеренно замалчивать жизнь и деятельность Ленинградской Академии? Хотелось бы знать, чтобы попусту не затрачивать энергии на писание сообщений для редакционной корзины... Простите, дорогой Владыка, за этот “выпад” некоторого недовольства, но он так естественен, когда хочется, чтобы верующие знали и радовались о Своей Церкви, видя полное биение пульса ее жизни, а какие-то побочные непонятные обстоятельства препятствуют этому»¹⁴⁰.

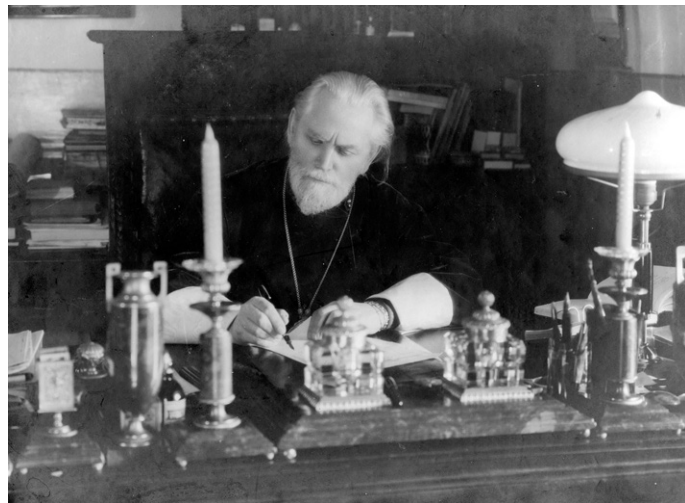
Издательской деятельностью в то время в Московской Патриархии ведал митр. Николай.

Владыка Григорий мечтал об издании «Очерков», в Румынии он даже видел сон об этом, хотя до того он в дневниках свои сны, если и видел, то никогда не описывал. Но владыка митрополит на это практически не надеялся. Об этом говорят его последние дневниковые записи.

*Дневник 1954-1955 годов*¹⁴¹

5 апреля 1954 г. На даче. Написал представление к митре о Румянцеву. Письмо архиеп. Никону и Медведскому. Изготовил (проредактировал и напечатал оглавление содержания (по главам и отделам) «Очерков» для окончательной беседы с А.А. Потемкиной в Москве.

2 февраля 1955. Среда. А.А. Потемкина сообщает о проводимой ею работе по собиранию материала для 2-го выпуска «Очерков». Предполагает видеться с Карповым (по совету Г.Т. Уткина). М. Николай с ехидством спросил

Митрополит Григорий за письменным столом в своем кабинете

ее: «много ли отведено места в “Очерках” Николаю Кирилловичу?... Смертельная зависть!.. Ясно, что ожидать возможности издания «Очерков» при таком отношении – нечего. Единственно если Карпов обратит на это внимание. 28 июня 1955 г. Вторник. Вчера 27.06 прибыл самолетом в 11 ч. утра в Одессу к Патриарху по приглашению... Вечера, 27/24 мне исполнилось 60 лет со дня окончания курса Академии. После обеда глава делегации... приветствовал меня с этой годовщиной, поздравив и меня, и «Русскую Православную Церковь» по этому случаю... Перед ужином имел беседу с Патриархом по ряду вопросов... необходимо выяснить о викарии для Новгородской обл., о мощах Св. Никиты Новгородского, о деле Ф. Полякова, и проч., об издании «Очерков».

15 августа 1955 г. Понедельник. В пятницу вечер и субботу провел на даче, собирал архивный материал для Потемкиной.

Как вы заметили, владыка жил по старому стилю. Все даты после 1918 г. у него имеют оглядку на то, что было раньше, наверно, как указание, что должно было бы быть.

До 5 октября 1955 года, когда отбыл в свою последнюю командировку в Румынию, владыка не дождался ответа, будет ли издан труд, в который архипастырь вложил знания, мысли, и бесценный опыт непосредственного участника многих событий истории Русской Православной Церкви XX века.

Часть личного архива митр. Григория, находившаяся в его кабинете в помещении Епархиального управления в Духовском корпусе Лавры, в которой помимо служебных документов находились личная переписка, диссертации – кандидатская и магистерская, записки по обновленчеству, расколам и многие другие труды, 30 ноября 1955 г. Л.Н. Парийским была увезена в Москву на Чистый пер., 5142.

Третий экземпляр 1-го выпуска «Очерков» (4 толстых книги) и рукописные богословские труды владыки, проповеди и апологетические беседы, находились в ноябре 1955 г. в его библиотеке, которую он передал в пользование ленинградским митрополитам. Библи-

Митр. Григорий с правнучкой Лидией. 1955 г.

отека практически бесследно исчезла при выселении Епархиального управления из Духовского корпуса, а многие труды владыки Григория Господь чудесным образом сохранил.

Если по истечении 50 лет со дня кончины, митр. Григорий – богослов и митр. Григорий – историк почти

не известен, так как не опубликованы его труды, то с архипастырем – летописцем жизни Русской Церкви, и архипастырем – мемуаристом, вы познакомились в данном кратком очерке. Поскольку биографию и служение прадеда уже описывали разные авторы (митр. Мануил, например), а я увидела очень много несоответствий с тем, что написано в его дневнике, то мне пришлось изучить большой объем литературы, поработать в архивах и лично познакомиться с некоторыми писателями. Поэтому, помимо агиографического исследования, я постаралась найти в дневниках и архивных материалах прадеда правильные ответы на некоторые недоуменные вопросы в истории жизни нашей Святой, Соборной и Апостольской Церкви, к которым митр. Григорий имел непосредственное отношение.

Если будут изданы богословские, церковно-исторические труды и дневники владыки, читатель узнает еще много интересного и душеполезного, а добросовестные историки получат бесценный материал для написания своих работ.

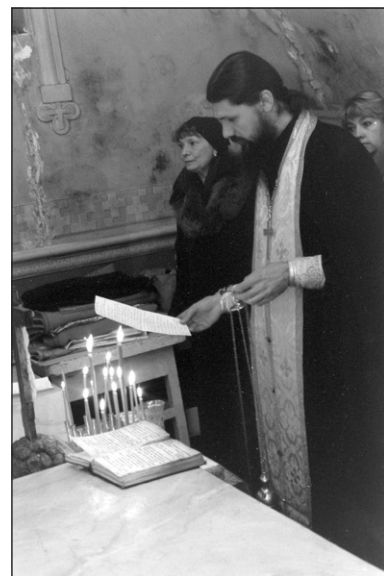
Всем, чтущим память владыки и интересующимся его трудами, хочу сказать, что родственники постепенно, с Божией помощью, приступают к их изданию. Будем рады, если честные отцы и церковный народ захотят оказать помощь.

Прадеду недостойная правнучка

*Автор приносит сердечную благодарность
Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему ВЛАДИМИРУ,
митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому
за благословение этого выпуска журнала памяти митрополита Григория (Чукова),
Его Высокопреосвященству Высокопреосвященному КОНСТАНТИНУ, архиепископу Тихвинскому,
ректору С.-Петербургской Православной Духовной академии и семинарии, профессору
за благословение пользования библиотекой С.-Петербургских Духовных школ,
Коллективу редакции журнала «Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости»,
заведующей Епархиальным архивом О.И. Ходаковской, профессору протоиерею Василию Стойкову,
доктору исторических наук, профессору А.Н. Кошеварову.*

Гробницы митрополитов Григория (справа) и Елевферия в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры (крипта).

Панихида по митр. Григорию на его могиле

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II совершает панихиду по петербургским митрополитам Григорию и Елевсерию в крипте Свято-Троицкого собора Александро-Невской Лаеры

ГРМН : 201-25-04 ФУНКЕ НО. : 095 201 2504 Ноо. 09 2000 04:2044 Г01

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

2-я половина 2000 г.
 № 5723 119034 Москва, Частый пер 5

Г-же Лидии Александровны

Спасибо Вам и всем родственникам покойного приспопамтного Митрополита Григория за напоминание о 45 годовщине со дня его кончины. И в этот день, и всегда совершая Богослужение, вынимаю частичу св. просфоры о упокоении души приспопамтного и дорогого Владыки Митрополита, которого глубоко любил и которому был близок на нерушый приход света папастырскому служению. Образ этого мудрого и деятельного, песемтра на свой возраст, Архипастыря всегда пошу в своем сердце и молитвенной памяти.

В день 45 годовщины со дня кончины незабвенного Владыки Митрополита сугубо молился о упокоении его светлой души и Обителях Небесных.

Да благословит Господь Вас, всех родственников покойного Владыки Митрополита.

 ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Примечания

- ¹ Глинка Ф.Н. Стихотворения 1810–1880. Примечания. М., 1986. С. 187.
- ² Сочинения Державина в 4-х томах с объяснительными примечаниями. СПб. Изд. Н.Ф. Мертца. 1895. Т.1. С.152-153, 222; Глинка Ф.Н. Письма к другу. Предисловие В. Зверева. М. «Современник». 1990. С. 17-19.
- ³ Глинка Ф.Н. Письма к другу. Предисловие В. Зверева. М. «Современник». 1990. С. 90-91.
- ⁴ Глинка Ф.Н. Стихотворения 1810–1880. Примечания. М. 1986. С. 182-187.
- ⁵ Н.Ч.(уков). Начало христианства в Олонецком крае // Олонецкие Губ. Ведомости. 1892. № 51. С. 540; Н. Ш(айжин). Из прошлого Олонецкого края // Олонецкая неделя 1911. № 29. С. 2.
- ⁶ Гильфердинг А.Ф. Онежские былины. Абрам Чуков. М.-Л., 1938. С. 403-468. Прот. Н.К. Чуков. Мои Воспоминания. Л. 1932–1934. ч. 1. Машинопись. С. 3-7 (далее – Воспоминания ...). Архив Историко-богословское наследие митрополита Григория (Чукова). Избранное © Александрова Л.К. СПб. 2006 (далее – Архив ИБН).
- ⁷ Воспоминания... Ч. 1. С. 1. Архив ИБН. (Поскольку все части Воспоминаний находятся в данном архиве, далее название его опускается).
- ⁸ Там же. С. 13, 16, 17.
- ⁹ Там же. С. 19, 33.
- ¹⁰ См.: Н.Ч.(уков). Начало христианства в Олонецком крае // Олонецкие Губернские Ведомости. 1892. № №51-55.
- ¹¹ Очерки по Истории Русской Православной Церкви новейшего периода. По поручению и под редакцией Григория, митрополита Ленинградского и Новгородского составила А.А. Шаповалова. М.-Л. 1954. Машинопись. Ч. 1. С. 47-49; Воспоминания. Ч. 2.1. С. 1, 15-18; Ч. 2.2. С. 4, 6, 10, 12, 25.
- ¹² Воспоминания. Ч. 2.2. С. 18, 22-24, 35.
- ¹³ Определения Св. Синода // Церковные ведомости, 1895, № 37, С. 356; Архив СПб Епархии, Ф. 3.Оп. 3 б. Д. 4. Л. 1-5, Д. 5. Л. 1, 2, Д. 6. Л. 1-6, Д. 7. Л. 1-4; Воспоминания. Саратов. 1936. Ч. 3. С. 1.
- ¹⁴ Прот. Н.К. Чуков. Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии. По поводу 25-летия их со дня издания «Правил о церковно-приходских школах» – 13 июня 1884 года. Петрозаводск. 1910. С. 10, 11; П.Г. Двадцатипятилетие Училищного совета при Свя-

щенном Синоде (19 января 1885 – 19 января 1910) // Прибавление к Церковным ведомостям. 1910. № 12. С. 189; Воспоминания... Ч. 3. С. 2, 3, 20.

- ¹⁵ Прот. Н.К. Чуков. Исторический очерк развития церковных школ... С. 12-14; Н.Ш (айжин). Из прошлого Олонецкого края // Олонецкая неделя. 1911. № 10. С. 2-5; Н.Ч (уков). Начало христианства в Олонецком крае // Олонецкие Губернские Ведомости. 1892. № 52. С. 553; Воспоминания. Ч. 3 С. 19, 21-23, 29, 31, 32, 44, 52, 53, 60; Прот. Н.К. Чуков. Исторический очерк развития церковных школ... С. 18, 19; Митр. Григорий (прот. Чуков). Дневник 1942 г. Рукопись. Фраменты взяты из тетр. 34 (далее – Дневник. Из тетр. ...). Архив ИБН. (Поскольку все тетради дневников находятся в данном архиве, далее его название опускается)
- ¹⁶ Статистико-географический обзор Олонецкой губернии. Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К^о». Т. 13. С. 589; Воспоминания. Ч. 3. 75-77.
- ¹⁷ Воспоминания. Ч. 3. С. 84; Дневник 1908–1909 гг. Из тетр. 1, 2.
- ¹⁸ Воспоминания. Ч. 3. С. 53, 60, 62, 91-94; От Олонецкого епархиального училищного совета // ОЕВ. 1904. № 9. С. 248; Прот. Н. Чуков. Церковные школы на предстоящей Всероссийской церковно-школьной выставке в С.-Петербурге // ОЕВ. 1909. № 9. С. 206-210; Прот. Н. Чуков. Речь в защиту церковных школ на Общеземском съезде по народному образованию в Москве. 26 авг. 1911 г. Архив СПб епархии. Ф. 3.Оп. 3б. Д. 17. С. 1-6.
- ¹⁹ Воспоминания. Саратов. 1937. Ч. 4. С. 2, 3, 4, 6.
- ²⁰ Митр. Григорий. Автобиография. 1950 г. Машинопись. С. 2. Архив ИБН; Воспоминания. Ч. 4. С. 7, 8. Архив ИБН.
- ²¹ Устав Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск. 1912. С. 1-2; Воспоминания. Ч. 3. С. 82. Архив ИБН.
- ²² Воспоминания. Ч. 4. С. 8-17; Архиеп. Григорий. Финляндский период деятельности Святейшего Патриарха Сергия 1905–1917 гг. // Имперский курьер 2002. № 2. С. 36-37.
- ²³ Очерки по Истории... Ч. 1. С. 47-49. Т. Архив ИБН; О задачах Православного Карельского Братства Олонецкая неделя. 1911. № 34. С. 1-3; Воспоминания. Ч. 4. С. 13-17.
- ²⁴ Дневник 1908 г. Из тетр. 1.
- ²⁵ Воспоминания. Ч. 4. С. 16-19.

- ²⁶ Там же. С. 18; Дневник 1908 г. Из тетр. 1.
- ²⁷ Воспоминания. Ч. 4. С. 20; Речь произнесенная представителем от Олонецкого православного Карельского братства на торжественном собрании братства в Выборге. 13 июня 1910 г. С. 1-4. Архив ИБН.
- ²⁸ Прот. Н.К. Чуков. Празднование 25-летия церковно-приходских школ в г. Петрозаводске. Петрозаводск, 1910. С. 1-2; См.: Прот. Н.К. Чуков. Исторический очерк развития церковных школ в Олонецкой епархии. По поводу 25-летия их со дня издания «Правиль о церковно-приходских школах» – 13 июня 1884 года. Петрозаводск. 1910.
- ²⁹ Воспоминания Ч.4. С. 21-22; Свящ. Н. Звероловлев. Чествование церковно-школьного деятеля. Петрозаводск 1911.С.2, 5,16.
- ³⁰ Слово, произнесенное ректором Олонецкой Духовной семинарии при первом служении в семинарском храме 13 февраля 1911 г. // ОЕВ. 1911. № 7. С. 105-107.
- ³¹ Воспоминания. Ч. 4. С. 25, 41, 42, 61, 62, 66, 68; N. Вступление в должность ректора Олонецкой Духовной Семинарии о. протоиерея Н.К. Чукова // ОГВ. 1911. № 19. С. 1, 2; Прот. Н.К. Чуков. Запись в ежедневнике за 1911–1912 г.г. Архив ИБН.
- ³² Воспоминания. Ч. 4. С. 79; Проводы добровольцев // Олонецкая неделя. 1914. № 43. С.9-10; М. Смирнов. Участие Олонецкой Духовной Семинарии в текущей войне. Там же. 1916 г. № 4. С. 10-13; Воспоминания. Ч. 4. С. 69-71.
- ³³ Там же. С.33; Дневник 1907 г. Из тетр. 1.
- ³⁴ Дневник 1911 г. Из тетр. 15.
- ³⁵ Прот. Н.К. Чуков. Колонка редактора // Олонецкая неделя. 1911. № 1. С. 1-2.
- ³⁶ Прот. Н.К. Чуков. Колонка редактора // Олонецкая неделя. 1911. № 17. С. 1-2.
- ³⁷ Воспоминания. Ч. 4. С. 33; Прот. Н.К. Чуков. Колонка редактора // Олонецкая неделя. 1911. № 23. С. 2; № 27. С. 1.
- ³⁸ Воспоминания. Ч. 4. С. 76.
- ³⁹ Дневник 1912 г. Из тетр. 15. (Пояснение: имеются 2 тетради с 1907 по 1911 г.г.; далее идет тетр. № 15 (и т.д. – до 59), в начале которой есть записи 1911–1912, а далее идет 18–19 г.г. – Л.А.-Ч.).
- ⁴⁰ Дневник 1908–1910 г.г. Из тетр. 1, 2; Список приходских церквей Олонецкой епархии. Петрозаводск. 1911. Архив ИБН.
- ⁴¹ Дм. Як–в. «Потешные» войска. // «Россия». Олонецкая неделя. 1911. № 15. С. 7-8; Царский смотр потешных. Пребывание Петрозаводских потешных в Петербурге // Олонецкая неделя. 1911. № 18. С. 7-18; Прот. Н. Чуков. Царский смотр потешным // Олонецкая неделя. 1912. № 33. С. 8; Прот. Н. Чуков. Запись в записной книжке 1912 г. Архив ИБН; Воспоминания. Ч. 4. С. 76.
- ⁴² Прот. Н.К. Чуков. Колонка редактора // Олонецкая неделя. 1911. № 18. С. 1-2.
- ⁴³ Воспоминания. Ч. 4. С. 76; Ч. Крестный ход из Петрозаводска в Повенецкую Карелию // Олонецкая неделя. 1912. № 27. С. 2-4.
- ⁴⁴ Патриарх Тихон и история Русской Церковной смуты. СПб. 1994. С. 27-28; Прот. Н. Чуков. Поездка в Тобольск через СПб. Запись в записной книжке 1916 г. Архив ИБН; Воспоминания. Ч. С. 42.
- ⁴⁵ Воспоминания. Ч. 4. С. 85; Прот. Н.К. Чуков. Две поездки в Санкт-Петербург. Запись в записной книжке 1917 г. Архив.
- ⁴⁶ Дневник 1918 г. Из тетр. 15. (название происходящего Катастрофой – из дневника); Митрополит Григорий (Чуков). Слово в день памяти Святителя и Чудотворца Николая. Произнесено за литургией в неделю 29-ю по Пятидесятнице 6/19 декабря 1920 г. в Казанском соборе протоиереем Николаем Чуковым // Церковный Вестник. СПб. 2004. № 12. С.52-53.
- ⁴⁷ Бунин И. Окаянные дни. Неизвестный Бунин. Предисловие О. Михайлова. М. 1991. С. 18; Ремизов. Вихренняя Русь. М. 1990. С. 195, 177.
- ⁴⁸ Воспоминания. Ч. 4. С. 87-90.
- ⁴⁹ Там же. С. 90; Известия Олонецкого Губернского Совета. 1918. 16 апреля. Копия. Архив ИБН.
- ⁵⁰ Воспоминания. Ч. 4. С. 93-95.;Окончание учебного года в Духовной семинарии // ОЕВ. 1918. № 11. С. 111-112.
- ⁵¹ См.: ОЕВ. 1917 №№ 19, 20, 21, 22; 1918. № 11.
- ⁵² Воспоминания. Ч. 4. С. 101-104; Дневник 1918 г. Из тетр. 15.
- ⁵³ Митр. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 276, 280.
- ⁵⁴ Воспоминания. Ч. 4. С. 104; Дневник. Из тетр.15.
- ⁵⁵ Дневник. Из тетр.15.
- ⁵⁶ Прот. Н.К. Чуков. Запись в записной книжке 1918 г. Архив ИБН.
- ⁵⁷ Дневник. Из тетр.15; Прот. Н.К. Чуков. Список приходских церквей Олонецкой епархии по благочиниям. Рукопись. 9/22 марта 1919 г. Архив ИБН.
- ⁵⁸ Митрополит Вениамин и Ленин // Новые Ведомости. № 7. 25 января 1918 г.
- ⁵⁹ Прот. Н. Чуков. Отделение церкви от государства // ОЕВ. 1918. № 3.
- ⁶⁰ Митрополит Вениамин и Ленин...
- ⁶¹ Митр. Евлогий. Указ. соч. С. 274; Дневник. Из тетр. 15-16.
- ⁶² Дневник. Из тетр. 15-17; Краснов-Левитин А. Лихие годы. YMCA-PRESS. PARIS, 1977. С. 73.
- ⁶³ Дневник. Из тетр. 15-17.
- ⁶⁴ Митр. Григорий (Чуков). Речь при открытии Духовной Академии и преобразовании Богословско-Пастырских курсов в Ленинградскую Духовную Семинарию. 14 октября 1946 г. Машинопись. С. 1. Архив ИБН.
- ⁶⁵ Там же; Дневник. Из тетр. 16.
- ⁶⁶ Из тетр. 15-17. Митр. Григорий (Чуков). Речь при открытии Духовной академии. С. 2.
- ⁶⁷ Там же. Дневник. Из тетр. 15-17.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Прот. Н.К. Чуков. Слово на Рождество Христово за всенощной 24 дек. 1921 г. и 21 дек. 1922 г. в Казанском Соборе, при сборе на Богословский институт. Рукопись. Архив ИБН.
- ⁷⁰ Дневник Из тетр. 15-17.
- ⁷¹ Митр. Григорий (Чуков). Речь при открытии Духовной академии... С. 2.
- ⁷² Дневник. Из тетр.15-17, 23.
- ⁷³ Дневник. Из тетр. 18-20; См: Митр. Григорий (Чуков). Петроградский процесс 1922 г. // Наш современник. М. 1994. № 4 С. 171-180; Митр. Григорий. Дневники 1918–1922 гг. // СПб ЕВ. 2004. Вып. 32. С. 66-81;
- ⁷⁴ Архив УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-89305. Т. 27. Л. 1, 8, 9, 13, 14; Александрова-Чукова Л.К. Митр. Григорий (Чуков). // Православная Энциклопедия. М. 2006. Т. 12. С. 594.
- ⁷⁵ Архив УФСБ по С.-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-89305. Т. 27. Л. 157, 164, 173, 195, 201, 204, 205, 214, 217, 375. Т.5. Л.385, 400 об.
- ⁷⁶ Там же. Т. 1. Л. 438; Дневник. Из тетр.18-20; Прот. Михаил Чельцов. Воспоминания «смертника» о пережитом. М. 1995. С. 81.
- ⁷⁷ Архив УФСБ... Д. П-89305. Т. 5. Л. 382.
- ⁷⁸ Там же. Т. 1. Л. 438.
- ⁷⁹ Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М. 1996. С. 191.
- ⁸⁰ Архив УФСБ ... Д. П-89305. Т. 6. Л. 43; Митр. Григорий. Дневники 1918–1922 гг. // СПб ЕВ. 2004. Вып. 32. С. 74.
- ⁸¹ Дневник. Из тетр.23;
- ⁸² Архив УФСБ... Д. П-89305. Т. 27. Л. 85, 95.
- ⁸³ Дневник. Из тетр. 20-24.
- ⁸⁴ Митр. Мануил (Лемешевский). «Каталог Русских Православных архиереев». Metropolit Manuil (Lemesewskij). Die russischen orthodoxen Bischöfe von 1893-1965. Erlangen. 1987. Тl. III. Григорий-(Чуков), митрополит Ленинградский. С. 379, 388, 389.
- ⁸⁵ Прот. Н. Чуков. Беседы в Казанском соборе 1925-28 г.г. Рукопись в Библиотеке СПбДА. С. 192.
- ⁸⁶ Игум. С. Кужич. Декларация митрополита Сергия (Страгородского) и ее оценка в церковно-исторической литературе // Христианское чтение. СПб. 2005. № 4. С. 192-206.
- ⁸⁷ Дневник. Из тетр. 28-29; Кашеваров А.Н. Государство и Церковь. СПб. 1995. С. 85; Александрова-Чукова Л.К. Митр. Григорий (Чу-

- ков). // Православная Энциклопедия. М. 2006. Т. 12. С. 595.
- ⁸⁸ Дневник. Из тетр. 30-34; Архив УФСБ... Д. П-49829; Д. П-78096. Л. 6об, 7; Александрова-Чукова Л.К. Митр. Григорий (Чуков). // Православная Энциклопедия. М. 2006. Т. 12. С. 595.
- ⁸⁹ Дневник. Из тетр. 25-33.
- ⁹⁰ Архив УФСБ... Д. П-78096 Л. 21, 31, 40; Александрова-Чукова. Л.К. Митр. Григорий (Чуков). // Православная Энциклопедия. М. 2006. Т. 12. С. 595.
- ⁹¹ Дневник. Из тетр. 34.
- ⁹² Федорова И.Р. Воспоминания о моем деде. Рукопись. Архив ИБН; Архив УФСБ... Д.П-42327. Л. 1-16.
- ⁹³ Дневник. Из тетр. 34.
- ⁹⁴ Архиеп. Тихвинский Константин. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны // Христианское Чтение. 2205. № 24. С. 49; Дневник. Из тетр. 35-36.
- ⁹⁵ Там же. Из тетр. 36 -37;
- ⁹⁶ Там же. Из тетр. 38; Архиеп. Григорий. Учреждение духовно-учебных заведений // ЖМП. 1943. № 3. С. 22-24.
- ⁹⁷ Дневник. Из тетр. 35-39.
- ⁹⁸ Там же. Из тетр. 38-39.
- ⁹⁹ Там же; Архиеп. Григорий. Ленинград в дни Отечественной войны // ЖМП. 1944. № 10. С. 15-16.
- ¹⁰⁰ ЦГА СПб. Архивная справка № Л-1757 от 05.03.2004. Ф. 7384. Оп. 39. Д. 1851. Л. 79; Д. 2791. Л. 37об. Медаль вручена 21.10.46.
- ¹⁰¹ Дневник. Из тетр. 39.
- ¹⁰² Митр. Григорий. Письмо Патриарху от 16.01.47. Копия. Архив ИБН.
- ¹⁰³ Дневник. Из тетр. 48.
- ¹⁰⁴ Архив Спб епархии. Прот. Е. Лукин. Рапорт митр. Григорию от 7.04.49. Ф. 1. Оп. 4.
- ¹⁰⁵ Дневник. Из тетр. 39.
- ¹⁰⁶ Дневник. Из тетр. 40.
- ¹⁰⁷ Там же; Митр. Григорий. Письмо Патриарху от 04.09.45. Архив ИБН.
- ¹⁰⁸ Дневник. Из тетр. 40, 53.
- ¹⁰⁹ Дневник. Из тетр. 40-53.
- ¹¹⁰ Там же. Из тетр. 42.
- ¹¹¹ Митр. Григорий. Рапорт Патриарху от 10.08.51. № 2530/2. Копия. Архив ИБН; Дневник. Из тетр. 40.
- ¹¹² Дневник. Из тетр. 41-42.
- ¹¹³ Там же. Из тетр. 41-59; Его же. Представление Патриарху от 06.03.47. Копия; Дневник. Из тетр. 41-54; Его же. Резолюция № 517 на рапорте Хоз. Управления при Св. Синоде от 17.04.51. Копия. Архив ИБН.
- ¹¹⁴ Его же. Рапорт Патриарху 16.12.53; Доклад: Причины возникновения лесозаготовок от 06.05.49; Доклад от 02.12.51. Копия. Там же.
- ¹¹⁵ Митр. Григорий. Резолюция № 515 на отношении канцелярии Св. Патриарха № 440 от 12.04.51 от 17.04.51; Его же. Резолюция № 516 на рапорте Хоз. Управления при Св. Синоде от 17.04.51. Копии. Там же.
- ¹¹⁶ Дневник. Из тетр. 47; В Псково-Печерском монастыре. Воспоминания насельников. М. 2001. С.14-15.
- ¹¹⁷ Митр. Григорий. Письмо Патриарху от 13.03.54. Копия. Архив ИБН.
- ¹¹⁸ Св. Патриарх. Алексий. Преосвященным Епархиальным архиереям от 21.12.53 с резолюциями от 03.06.49, 17.08.49, 19.04.50, 04.05.50, 24.12.51; Его же. Преосвященным... от 03.01.54. Подлинники. Архив ИБН; Архив СПб епархии. Пенсии и пособия. Ф. 1. Оп. 18. Д. 1-6.
- ¹¹⁹ Дневник. Из тетр. 40-53; Еп. Роман. Докладная записка митр. Григорию от 15.05.50; Митр. Григорий. Рапорт Патриарху от 17.06.50. Копия. Архив ИБН.
- ¹²⁰ Митр. Григорий. Доклад и Представление Патриарху от 12.07.52. Копия. Архив ИБН.
- ¹²¹ Прот. А. Ильин, настоятель Никольского собора г. Новгорода. Рапорт митр. Григорию от 08.05.54; Митр. Григорий. Рапорты Патриарху от 26.09.5 и 27.06.55.
- ¹²² Его же. Письмо Патриарху от 12.04.52. Копия. Архив ИБН.
- ¹²³ Осипов. А. Мои архиереи // Наука и религия. 1969. № 3. С. 50-52.
- ¹²⁴ Дневник. Из тетр. 54-56.
- ¹²⁵ Дневник. Из тетр. 39,42,50,52; Митр. Григорий. Доклад и положение об ордене Св. равноап. кн. Владимира. 02.47; Доклад 09.06.55. Копии. Архив ИБН.
- ¹²⁶ Его же. Письмо Патриарху от 28.12.52 г. № 3960/2; Совет по делам РПЦ. Письмо № 28 от 6 янв. 1953 г. Патриарху Московскому и всея Руси Алексию. Подлинник. Архив ИБН.
- ¹²⁷ Порховская Правда. № 60 от 16.05.1950; Александрова-Чукова Л.К. Митр. Григорий (Чуков) // Православная Энциклопедия. М. 2006. Т. 12. С. 597.
- ¹²⁸ Дневник. Из тетр. 54-55; Федорова И.Р. Указ. соч.
- ¹²⁹ Митр. Григорий. Речь на Акте 9.10.54. Машинопись. Черновик. Архив ИБН.
- ¹³⁰ Дневник. Из тетр. 57.
- ¹³¹ Митр. Григорий. Письма Патриарху от 29.09.49 и от 2.05.53. Копии. Архив ИБН; Архив УФСБ. Д. П-78096. Л. 43.
- ¹³² Дневник. Из тетр.59; ГАРФ. Ф. Р-6991. Д. 137. Л. 102-104. Цит. по: Копылова О.Н. Личн. архив митр. Григория (Чукова) в материалах ГАРФ // Вестн. церк. истории. 2006. № 1. С. 200-242; Пospelовский Д.В. Русская Православная Церковь в XX веке. М. 1995. С. 285.
- ¹³³ Александрова-Чукова. Л.К. Митр. Григорий (Чуков). Православная Энциклопедия. // М. 2006. Т. 12. С. 597; Дневник. Из. тетр. 40-59.
- ¹³⁴ Свящ. Кревский. Р. Кончина Высокопреосвященного митрополита Григория. М. 1955. Машинопись; Прилежаев А.П. Воспоминания о траурных днях в ЛДА. Л. 1955. Машинопись; Федорова. Указ. Соч.; Воспоминания Л.Н. и Н.Н. Чуковых. Рукопись. Все из Архива ИБН.
- ¹³⁵ А.К.-Б. К кончине митрополита Григория // Единая Церковь. 1955. №10. С. 214-215.
- ¹³⁶ Архив СПб епархии. Ф. 1. Оп. 27. Д. 42. Л. 1-8.
- ¹³⁷ Митр. Иоанн (Снычев). Редактор-составитель. Очерки истории Санкт-Петербургской епархии. СПб. 1994. С. 269.
- ¹³⁸ Архив СПб епархии. Ф. 3. Оп. 46. Д. 138. Л. 1.
- ¹³⁹ Архив Спб епархии. Ф. 3. Оп. 46. Д. 146. Л. 1-3.
- ¹⁴⁰ Митр. Григорий. Письмо Патриарху от 25.10.51. Копия. Архив ИБН.
- ¹⁴¹ Митр. Григорий (Чуков). Дневник. Из тетр. 56-59.
- ¹⁴² Архив СПб епархии. Ф. 3. Оп. 3а. Д. 1-181; Оп. 3б. Д.1-162; Оп. 3а. Д. 179.

*Экслибрис библиотеки
митрополита Григория (Чукова).
Художник Л. Хижинский. 1952 г.*

ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ И ДУХОВЕНСТВА В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ*

1. Немедленно по опубликовании декрета 23 янв. 1918 г. об отделении Церкви от государства местный совдеп в г. Петрозаводске отобрал принадлежащие Духовному ведомству здания: архиерейского дома, Братского Назарьевского дома (построенного исключительно на пожертвования и служившего рел.-просветительным нуждам населения города), Духовной консистории, духовно-учебных заведений (не сразу: дана была возможность ликвидировать учебный год семинарии и дух. училищ); частично были заняты и церковные дома, как и дома Свечного завода. Жившие в казенных квартирах администрация б.у. (богоугодных?) заведений и духовенство обложены платой за квартиру, хотя выселиться – при всем желании – не могли из-за отсутствия квартир в городе и, по-видимому, намеренно невнимательного отношения к этому жилищной комиссии (факт с семьей ректора семинарии, которой сначала советом было отказано в квартире, а теперь только обещают, но не отводят).

2. Преосвященный епископ был в кратчайший срок выселен из своей квартиры в квартиру ректора семинарии: с занятием семинарии войсками, имущество епископа подверглось полному разгрому: квартиры ему нет: вследствие чего епископ принужден жить в Петрограде.

3. Духовная консистория (ныне Еп. совет) тоже в кратчайший срок была выселена в здание Духовной семинарии (2 комнаты), оттуда временно – в церковный дом: там немедленно была запечатана и уже после долгих обращений печати сняты: останется ли Епарх. совет в церковном доме – неизвестно: было предложено ему заниматься в соборе... Архив Дух. консистории отобран, выброшенный на некоторое время на двор, конечно мог подвергаться частичному истреблению.

4. Духовенство подвергается систематическому преследованию. 1) Протоиерей П.В. Дмитриев за отстаивание интересов Еп. жен. училища был в марте выслан из пределов губернии и лишь 1 мая 1918 г. амнистирован. 2) Ректор семинарии прот. Н.К. Чуков, тот же прот. П.В. Дмитриев и ключарь собора прот. П.Д. Метелев после Чрезвычайного Епарх. собрания, поднимавшего вопрос о возврате зданий для дух. уч. заведений, были (24 июня ст. ст.) арестованы и через 5 суток за «недоброжелательное отношение к Советской власти» (иных причин, очевидно, не оказалось) были в 24 часа выселены из пределов губернии, с выбором места жительства по своему усмотрению. 3) Свящ. А.Т. Волков, прот. И.П. Павлов, свящ. М.В. Громцов, свящ. И.Н. Сперанцев, прот. Н.Г. Звероловлев, свящ. П.Ф. Заводовский, свящ. В.П. Крючков, прот. И.Н. Дроздин, свящ. А.В. Петропавловский, диакон Н.М. Нименский (это только из духовенства г. Петрозаводска) были подвергнуты тюремному заключению, причем свящ. Волков отправлен в Петроград, в Дерябинскую тюрьму; прот. Звероловлев, свящ. Громцов и Сперанцев высланы в монастыри на «пожизненное заключение; иные или освобождены, или отправлены на принудительные работы, или томятся в тюрьме. Обвинения неизвестны. Характерно, что лица, пожелавшие снять духовную одежду (в представлении местных властей это, по-видимому, принимается за «снятие сана») не только освобождены от преследований, но и приняты на совдепскую службу; очевидно, духовенство преследуется только как «духовенство»... В результате 2 кладбищенские церкви в городе остаются почти без священников. На ходатайство прихожан не обращается внимания, а тов. председателя приходского совета кладбищенской Крестовоздвиженской церкви г. Чудинов получил даже предупреждение о возможной репрессии для него, если будут подобные ходатайства.

5. Приходская церковная жизнь замирает. Собраний устраивать нельзя. Благотворитель-

ных учреждений (богадельни) иметь нельзя. О публичных хождениях с иконой по домам (исконный местный обычай), о похоронах с церковной процессией издано было запретительное постановление. Между тем в Петрограде приходы регистрируются и нормальная церковная жизнь не стеснена...

6. Вследствие отобрания зданий дух. уч. заведений, таковые закрыты. Масса молодежи осталась совершенно за бортом. Пастырской богословской школы из-за отсутствия помещения открыть нельзя. Библиотека Дух. семинарии Комиссариатом народного просвещения разрознена и будет ли выдана (в богословской части) – неизвестно.

7. Александрo-Свирский монастырь разгромлен. Взяты все ценное имущество (кресты, Евангелия, сосуды, 3 раки) без всякой описи. Отношение к останкам преподобного – кощунственное (для чего это было делать?..) Лица, стоявшие на страже интересов монастыря, арестованы и 5 чел. расстреляны.

8. При обыске в квартире смотрителя Свечного завода св.В.П. Хазова захвачены ок. 40000 р. денег, принадлежащие епархии. Деньги не возвращаются, между тем это оборотный капитал на закупку вина и воска для религиозных нужд населения.

9. По уездам также происходят аресты духовенства, отправление их на принудительные работы (несмотря на преклонный возраст); обвинения неизвестны, но едва ли за «политическую» деятельность, к которой вообще Олонецкое духовенство было совершенно непричастно.

10. Объявленное 7 нояб.–25 окт. постановление об амнистии, вынесенное Чрезвычайным съездом Советов в Москве в ноябре, не приводится в исполнение относительно духовенства и, как следствие, даже ходатайства об этом вызывают предупреждения о репрессиях.

**Член Олонецкого Епархиального совета
протоиерей Николай Чуков
9–22 ноября 1918 г.**

**Записка представлена 9/22 ноября
свящ. М. Галкину
для представления Бонч-Бруевичу, секретарю Ленина.**

Л.К.Александрова-Чукова, М.В. Шкаровский

МИТРОПОЛИТ ГРИГОРИЙ (Чуков): ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЕРКВИ ХРАМОВ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

*Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры.
Фото 1910-х гг.*

В результате более чем двадцатилетних гонений на Церковь, в январе 1936 г. последний из храмов Лавры в Свято-Духовском корпусе был закрыт. Его здание, так же, как и все другие на территории Александро-Невской Лавры, перешло в пользование гражданских учреждений. В период блокады Ленинграда был частично разрешен доступ военнослужащих и горожан к некоторым святыням закрытых храмов – в Благовещенскую церковь к захоронению Суворова и в Свято-Троицкий Собор. Это вызвало ходатайства верующих об открытии храмов.

Произошедшие в сентябре 1943 военного года изменения в государственно-церковных отношениях вскоре положительно сказались и на судьбе Лавры. Московская Патриархия, используя появившуюся возможность открытия церквей и монастырей, выступила с инициативой возвращения Александро-Невской Лавры верующим. Бывший наместник обители митрополит Крутицкий Николай (Ярушевич) при посещении Лавры в апреле 1944 г. высказал пожелание о возможности передачи ее верующим и восстановлении в обители резиденции Ленинградского митрополита.

В то же время, на весь комплекс зданий лавры претендовали Музей истории Ленинграда и Центральный исторический архив НКВД.

От бомбардировок и артиллерийских обстрелов в период блокады почти все лаврские здания получили серьезные повреждения и требовали срочного ремонта, так как подвергались дальнейшему разрушению под действием климатических факторов. Государственные организации, занимавшие помещения Лавры, в первые послевоенные годы не имели средств, чтобы решить эту проблему.

В списке состоящих под государственной охраной церковных зданий Ленинграда от 10 августа 1945 г. отмечалось, что Свято-Троицкий собор, Лазаревская и Благовещенская церкви находятся в «неудовлетворительном состоянии» по причине длительного отсутствия ремонта, попадания авиабомб и снарядов в здания или вблизи них. В соборе был частично разрушен купол, сильно повреждена кровля и частично внутренняя отделка здания. Церквям же требовалась полная смена кровельного покрытия, реставрация фасадов и внутренней отделки¹.

С апреля по июль 1945 г. архиепископ Псковский и Порховский Григорий, управляющий Ленинградской епархией вместе с Уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по Ленинграду и Ленинградской области А.И.Кушнаревым, выбирая подходящее здание для Богословско-Пастырских курсов, остановился на здании бывшей Духовной семина-

рии, правое крыло которой также было сильно разрушено. Средствами епархии начались ремонтно-восстановительные работы, и в ноябре курсы были открыты. С преобразованием курсов в семинарию и открытием Академии, 8 октября 1946 г. прот. П. Тарасов освятил домовую церковь Иоанна Богослова на месте прежней семинарской. Так был открыт первый храм на территории Александро-Невской Лавры, единственный в этом районе города. Храм вмещал 1200 человек, а после обрушения в здании лестницы на Пасху 1947 г., доступ верующих в него был ограничен.

Советское руководство стремилось максимально сократить масштабы церковного возрождения. Московской Патриархии разрешено было открыть на не подвергавшейся оккупации территории страны лишь один монастырь – Троице-Сергиеву Лавру. В Ленинграде власти отказали в возвращении Церкви всех закрытых в 1918-1930-е гг. соборов и церквей в центральной части города. Отказом они ответили и на ходатайства митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова) в Совет по делам Русской Православной Церкви об открытии Свято-Троицкого собора Лавры в 1946 г. и 1947 г.

11 апреля 1948 г. Владыка получил очередное письмо следующего содержания: «Ваше Высокопреосвященство! Группа верующих Смольнинского района ходатайствует перед вами об открытии Соборного Храма Александро-Невской Лавры. В нашем районе, кроме домового церкви при Академии, приходских церквей нет. Церковь Академии так мала, что часто молящиеся остаются за дверями, а посему просим Вас возбудить перед властями соответствующее ходатайство» (далее следовали 49 подписей). Митрополит Григорий обратился к А.И. Кушнареву с очередной просьбой о содействии, но безрезультатно².

Поскольку прямые ходатайства о возвращении лаврских храмов успеха не имели, Владыка, помимо аргументов относительно тесноты в академическом храме, использовал ситуацию с митрополичьей резиденцией на хорах Николо-Богоявленского Собора, в которая не могла обеспечить нормальной работы канцелярии, и была абсолютно непригодна как митрополичья резиденция для приема посетителей, высоких гостей и многочисленных иностранных делегаций.

6 августа 1948 г. митрополит Григорий обратился в Государственную инспекцию по охране памятников г. Ленинграда с ходатайством о некотором переустройстве своей «резиденции» и канцелярии на хорах Николо-Богоявленского собора. На следующий день инспекция своим оношением от 7.08.-1948 за № 7/1497 предложила принять меры к подысканию другого помещения, так как «использование под жилье зданий культового зодчества противоречит технической инструкции по эксплуатации памятников архитектуры» (разд. II, п.9)³.

После этого Владыка, в переписке с председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР Г.Г. Карповым, а именно, письмом от 3 октября 1948 г. известил его о двух имеющихся вариантах

новых помещений для резиденции и канцелярии: «1. В одном из лаврских зданий можно восстановить находившийся там совершенно разрушенный (Духовский) храм и над ним устроить квартиру митрополита, а внизу (за храмом) помещение для канцелярии. 2. Дом на Бульваре Профсоюзов (№ 7, вблизи здания б. Св. Синода) совершенно свободный и только что отделанный для предполагавшегося американского консульства». Указанный во втором варианте дом числился за Министерством иностранных дел, и Владыка отметил в письме, что трудно надеяться на его предоставление. Относительно первого предложения митрополит писал, что здесь «вопрос может быть выяснен на месте», никаких возражений, вероятно, не будет, и Патриархия на свои средства восстановит разрушенные помещения. Г.Г.Карпов поддержал первый вариант.

Получив его предварительное согласие, и выяснив путем личных переговоров с отделом охраны памятников Ленинграда при Управлении по делам архитектуры возможность использования Свято-Духовского корпуса Лавры, митрополит Григорий обратился к уполномоченному А.И. Кушнареву с письмом от 10 ноября 1948 г. за №4083/4, в котором изложил ситуацию и сообщил, что помещением, пригодным для Архиерейского дома и Епархиального Управления, является указанный корпус, в настоящее время свободный и нуждающийся в большом восстановительном ремонте. Владыка просил А.И.Кушнарёва возбудить ходатайство о передаче этого корпуса Ленинградской митрополии с обязательным восстановлением этой части здания, устройством на верхнем этаже квартиры для митрополита и размещением на первом этаже канцелярии и церкви. В ответном письме от 21 февраля 1949 г. за № 36 уполномоченный уведомил митрополита, что его ходатайство удовлетворено. Решением Исполкома Ленгорсовета здание Духовской церкви предоставляется Епархиальному Управлению для использования его под канцелярию и квартиру митрополита Ленинградского Григория⁴.

Решение о передаче здания было принято Ленгорисполкомом 10 января 1949 г. (№ 1–31–6), и в нем шла речь только об устройстве канцелярии и квартиры Владыки, но не об открытии церкви. Это, несомненно, было сделано сознательно, так как вопросы о передаче верующим храмов по законам того времени решались в Москве Советом Министров СССР, а положительный исход дела в 1949 г. уже был практически невозможен. Получив официальное известие о принятом решении, Владыка поручил архитектору Николо-Богоявленского кафедрального собора А.П.Удаленкову осмотреть здание бывшей Духовской церкви, составить проект плана квартиры митрополита, помещения канцелярии, домового церкви и вычислить смету предстоящих расходов по приспособлению предоставленного здания для этих целей, что и было исполнено.

Технический осмотр здания при передаче его в аренду Ленинградскому Епархиальному Управлению состоялся 10 мая. Общее состояние дома было признано неудовлет-

Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры. Фото конца 1940-х – начала 1950-х

с Урала закрытое научно-производственное объединение «Прометей». В ходе восстановительных работ пострадавшие в годы войны Митрополичий, Феодоровский, Семинарский, Просфорный, а позднее и Духовский корпуса были перепланированы для нужд «Прометей», в том числе под строительные, деревообрабатывающие цеха, плавильное производство. В частности, в Митрополичьем корпусе создавалась сверхпрочная танковая броня.

11 мая 1949 г. Епархиальный строительный комитет, в составе председателя викария Ленинградской митрополии епископа Лужского Симеона (Бычкова), членов прот. Е. Лукина, прот. В. Павлова, проф. А. П. Удаленкова, епархиального архитектора А. М. Казанского и секретаря комитета свящ. Н. Наумова заслушал доклад проф. А. П. Удаленкова по смете на строительные-восстановительные работы центральной части здания Духовского корпуса. Смета и проект работ были уже согласованы с ГИОП и экспертно-техническим отделом управления по делам архитектуры Ленгорисполкома. На заседании была утверждена смета в сумме 945635 руб. с учетом приобретения стройматериалов по твердым государственным ценам. Также на этом заседании был утвержден административный персонал строительства в составе: производитель работ - персонально инженер В. В. Мухина с исполнением обязанностей кладовщика с окладом 3 тыс руб., агент по снабжению один с окладом 750 руб., сторожей три с окладом по 500 руб. Учетная часть была возложена на бухгалтерию Епархиального управления.

Поскольку епархия в то время значительные средства направляло на восстановление здания Духовной семинарии и содержание Духовных школ, митрополит в письме от 12 мая и докладе от 16 мая 1949 г. обратился к Патриарху с просьбой выдать безвозвратную ссуду под строгий контроль строительного комитета и его личный, сообщал историю передачи здания Свято-Духовской церк-

ворительным, требующим восстановительного ремонта и частичной реконструкции. Не только окраска фасадов, но и многие архитектурные детали оказались полностью утраченными, местами оголилась кирпичная кладка. Большинство внутренних дверей отсутствовало, в центральном зале остались лишь две мраморные колонны, остальные четыре (разобранные с целью добычи мрамора) отсутствовали, и их заменяла грубая фанерная имитация. Не сохранилось никаких предметов прикладного искусства и живописи. Здание в то время занимали гараж обособленной базы Министерства связи и склад Ленинградского речного пароходства. Именно эти организации довершали разгром, начатый в 1936 г.⁵

Следует указать, что вскоре после окончания войны большую часть монастырского каре заняло переехавшее

Разрушения Свято-Троицкого собора лавры: 1940-е гг. Колоннада галереи, интерьер собора.

ви епархии, и вновь ставил вопрос о возвращении Церкви Троицкого собора Лавры:

«Сейчас закончено изготовлением: план, смета, доклад и все необходимые документы по ремонту и приспособлению корпуса б. Духовской Церкви б. Александро-Невской Лавры для Архиерейского Дома и канцелярии Епархиального Управления. Все это в понедельник будет отправлено Вашему Святейшеству.

Смета исчислена в сумме 945635 руб., каковую как ссуду испрашиваем у Патриархии, ввиду того, что все свободные средства епархии идут на окончание строительства разрушенной части здания б. Духовной Семинарии. Сумма эта может быть переведена в два или три срока в течение года, если последует на это Ваше решение.

В связи с этим возникает еще следующая комбинация, которую предоставляю вниманию Вашего Святейшества. По имеющимся у меня совершенно точным сведениям Свято-Троицкий собор б. Александро-Невской Лавры, занятый до сего складом трофейного имущества, принадлежащим Министерству связи, в настоящее время освобождается, и к августу с.г. будет свободен, так как Министерство связи отказалось ремонтировать Собор, требующий неотложной смены крыши и других работ. Вопрос о дальнейшей судьбе Собора остается пока открытым.

Если бы было получено разрешение на передачу Собора Епархиальному Управлению, и явилась финансовая возможность, то можно было бы ныне же заменить проржавевшую крышу Собора [на] новую, и тем предохранить Собор от дальнейшего разрушения, а с будущего года приступить к его внутреннему и внешнему ремонту. Стоимость перекрытия крыши выразится в сумме от 80 до 100 тыс. руб., на что также потребовалась бы ссуда из средств Патриархии. Я говорил об этом с уполномоченным. Он отнесся одобрительно, но официально вопрос об этом не возбуждается без предварительного согласия и разрешения Вашего Святейшества и Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

Так как в решении Ленгорсовета вопрос о домово́й церкви при Митрополичьем доме обойден молчанием (по видимому, сознательно), то план 1-го этажа здания изготовлен в двух вариантах, в зависимости от того, будет ли использовано для церкви помещение в 42 м² (и тогда останется неиспользованным «зал приемов» в 250 м²) или в 279 м² (и тогда домовая церковь будет вмещать и значительное число сторонних богомольцев). Последнее как будто не входит в планы Ленсовета. Вопрос об этом представляю на решение Вашего Святейшества и Совета. Таким образом, все дело о ремонте и приемке будет выслано отсюда 16 мая с.г.»⁶.

В этом письме митрополит также сообщил Патриарху, что ждет его приезда в город на Неве 24 мая (на 25 – 27 планировалось проведение выпускных экзаменов в Ленинградских Духовных школах).

А.П.Удаленков, автор проекта реконструкции и реставрации здания Свято-Духовской церкви, профессор

Митрополит Григорий. 1950 г.

Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, был известным архитектором, и в 1945-46 г.г. успешно руководил реставрацией Кремля и Софийского собора в Новгороде. В это время на Северо-Западе России одновременно реставрировалось 38 действующих церквей, и была учреждена должность епархиального архитектора. Митрополит в июне 1949 г. назначил на эту должность А.П. Удаленкова, а архитектор А.М.Казанский, занимавший ее, был перемещен на должность помощника епархиального архитектора.

По проекту на первом этаже здания Духовского корпуса должны были разместиться помещения Епархиального Управления на 12 служащих: два кабинета, канцелярия, бухгалтерия и комната ожидания на 15 посетителей, а также вестибюль с гардеробом и санузлом. В прежнем церковном двухсветном зале возродить храм Ленгорисполком не разрешил, поэтому согласно проекту он должен был стать залом для парадных приемов. Несмотря на запрет Ленинградского исполкома, на месте алтаря митрополит все же планировал устроить Крестовую митрополичью церковь на 42 кв. м. На втором этаже должны были расположиться покои митрополита: малый приемный зал, би-

*Крестовая церковь св. блгв. кн. Александра Невского
в покоех митрополита Григория
в Свято-Духовском корпусе Александро-Невской Лавры.
1950-е гг.*

блиотека, кабинет, столовая и спальня, а также помещение из двух комнат для приезжих. С восточного фасада предполагалась надстройка второго этажа над первым, чтобы здание приобрело одинаковую высоту. Там планировалось разместить обслуживающие помещения и две деревянные лестницы. Основные ремонтно-реставрационные работы предполагалось провести в июне-октябре 1949 г., затратив на них 650 тыс. рублей⁷.

7 июня 1949 г. Священный Синод, заслушав рапорт митрополита Григория об ассигновании на работы 945 тыс. рублей из средств Патриархии, постановил выделить 900 тыс., разделив их на три части. 10 июня распоряжением Владыки была образована особая строительная комиссия по восстановлению здания Духовской церкви, куда вошли председатель - прот. Е. Лукин, секретарь – свящ.

*Комната
сторожа.
1950-е г.*

Н. Фомичев, казначей – прот. В. Павлов и архитектор А.П. Удаленков. 20 июня комиссия провела свое первое заседание, но 27 июня ее состав был реорганизован и в дальнейшем состоял из председателя – о. Е. Лукина, секретаря – свящ. И. Волокославского, казначея – свящ. В. Раевского и А.П. Удаленкова. Позднее в состав комиссии был включен староста Николо-Богоявленского собора А.Ф. Шишкин, а руководство работами поручено архитектору А.М.Казанскому.

Работы продвигались быстро, хотя и не без неожиданностей, порой заставлявших кое-что изменять в проекте. Уже 6 июня 1949 г. при прокладке водопроводных труб был обнаружен и вновь замурован склеп с двумя безымянными захоронениями XIX в.; в середине июля при очистке от мусора подвального помещения (бывшего склепа), предназначенного по проекту под котельную, оказались найдены сохранившиеся захоронения с надгробными мраморными плитами. 22 июля был составлен акт осмотра подвала и нарисован план обнаруженных 12 аристократических захоронений XIX в., в том числе председателя Государственного совета графа В.В. Левашова, графа В.В. Шувалова, княгини Е. Голицыной, графа Н.В. Левашова и графини О.В. Левашовой. В тот же день строительная комиссия постановила замуровать помещение, «оставив захоронения нетронутыми», а котельную устроить в другом месте, что и было сделано⁸.

Значительную трудность также представлял поиск необходимых строительных материалов. В связи с тем, что в то время разбиралась часть склепов Никольского кладбища, 19 сентября 1949 г. Епархиальное Управление обратилось в райкоммуноотдел с просьбой отпустить 4 куб. м бутового камня «от разборки склепов» для восстановления цоколя и лестницы Духовского корпуса. 23 сентября строительная комиссия в связи с требованием Ленгорисполкома о подготовке территории Лавры к празднованию 15 мая 1950 г. 150-летия со дня смерти А.В. Суворова решила принять предложение об озеленении прилегавшей к корпусу дворовой территории, что стоило 60 тыс. руб. сверх утвержденной сметы. В ноябре власти передали одну квартиру в Семинарском корпусе для секретаря митрополита о. Евгения Лукина, и строительная комиссия также занялась ее реставрацией, а также возведением епархиального гаража на участке Духовной Академии.

5 декабря 1949 года патриарх и протопресвитер Н.Ф. Колчицкий прибыли в Ленинград; в тот же день посетили митрополита Григория в Никольском соборе, куда ко всенощной съехались все настоятели соборов и церквей города.

6 декабря, на праздник Св. Александра Невского патриарх с сопровождающими и митрополит были на литургии и молебне в Академии, 7 декабря – на уроках в Академии и семинарии, а вечером того же дня осматривали постройку в Духовском корпусе.

16 декабря в Москве на встрече с Г.Г.Карповым в числе прочих вопросов, Митрополит Григорий решил вопрос об устройстве архиерейской церкви в Духовском корпусе.

В марте 1950 г. ГИОП предложил закончить ремонт лицевого фасада к 10 мая ввиду предстоящего юбилея Суворова. Это условие было выполнено, причем епархиальные строители восстановили и соседний фасад той части Духовского корпуса, которая принадлежала Смольнинскому райжилуправлению. К 20 июля были закончены фасадные работы на восточной (дворовой) стороне, а к 10 ноября 1950 г. и восстановление интерьера. На хорах бывшей церкви, а теперь большого двухсветного зала (окнами по первому и как бы по второму этажу), был разбит зимний сад.

Большую трудность представляла подборка соответствующих предметов обстановки: мебели, живописи, церковного инвентаря. 25 августа 1950 г. Владыка Григорий обратился с письмом в Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР и Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР: «Ленинградское Епархиальное Управление Московской Патриархии имеет честь обратиться к Вам по вопросу, связанному с восстановлением бывш. Александро-Невской Лавры, как памятника Общесоюзного значения, находящегося под государственной охраной.

В текущем году была проведена часть восстановительно-реставрационных работ по зданиям Лаврского ансамбля: кроме реставрации бывш. Надвратной и бывш. Суворовской церквей, реставрирована также бывш. Духовская церковь, переданная в арендное пользование Русской Православной Церкви. Эти последние работы были проведены силами и средствами Ленинградской Епархии. Помещения этой церкви предположены к занятию под покои Митрополита, Канцелярию и зала для приемов.

В свое время из комнат и зал Митрополичьего корпуса бывш. Александро-Невской Лавры были изъяты и переданы на хранение Ленинградским музеям люстры, канде-

лябры и вся парадная обстановка (мебель). Эти предметы являлись не только украшением вообще, но и составляли общее неразрывное архитектурное целое с помещением. Исходя из вышеизложенных соображений, Ленинградское Епархиальное Управление обращается к Вам с просьбой разрешить Дирекциям Эрмитажа и Русского музея:

Подобрать три экземпляра парных стильных люстр (шесть штук - желательно из ранее находившихся в Лаврских помещениях), и некоторую часть из мебельной обстановки бывш. Митрополичьих покоев – для зала.

Передать упомянутое в пользование и на временное хранение Ленинградской Епархии – для завершения архитектурной обработки приемных залов в бывш. Духовской церкви.

Сохранность люстр и обстановки будет гарантирована соответствующими охранными обязательствами, заключенными Епархией с местными органами Гос. Охраны Памятников»⁹.

Одновременно митрополит просил уполномоченного А.И. Кушнарера поддержать его ходатайства, и запрашиваемые предметы были получены. Основную же часть обстановки пожертвовали приходы Ленинградской епархии, больше всего Никольский собор. Община Спасо-Преображенского собора в ноябре передала картину св. кн. Александра Невского, альбом с видами всех храмов города, книгу «Богослужебный Апостол», принадлежавшую ранее академику Б.А. Тураеву, для митрополичьей церкви – серебряную дарохранительницу, серебряную лжицу с аметистом, два канделябра на престол, подлампадик и две резные хоругви из кипарисового дерева в форме древнерусских знамен. Когда-то, 13 ноября 1893 г. эти хоругви были поднесены Московским обществом хоругвеносцев церкви в доме протопресвитера военного духовенства ко дню ее освящения. Община Князь-Владимирского собора пожертвовала Греческую икону Божией Матери в серебряной позолоченной ризе с драгоценными камнями, серебряный ковшик, напре-

*Деусветный зал Духовского корпуса
Фото 1950-х гг.*

*Покои митрополита. Большой приемный зал.
Фото 1950-х гг.*

Покои митрополита. Столовая. Фото 1950-х гг.

стольный крест и завесу в храме, Троицкая церковь «Кулич и Пасха» – посеребренный архиерейский посох, потир, 15 тыс. рублей и т.д. Дубовый иконостас, а также плащаницу, два аналоя, четыре иконы и семисвечник для митрополичьей церкви привезли из не действовавшего Троицкого храма с приделом св. кн. Александра Невского в с. Тegliцы, которая использовалась в тогда местными властями под склад зерна¹⁰.

Митрополит Григорий лично руководил благоустройством нового здания Епархиального Управления. 8 ноября 1950 г. он записал в своем дневнике: «Вечером был в Духовском корпусе. Давал указания о размещении картин и икон. Завтра начинает переходить канцелярия и перевозить вещи». В записи 11 ноября говорится: «В течение трех дней с 9 до сегодняшнего дня перевезли всю обстановку. Все сделали своими силами – Иван Иванович Ковалев, сторожа и шоферы. Все перевезли благополучно. В новом помещении все расставили, повесили; одновременно и убрали, подмазывали, подкрашивали, натерли полы. Церковь привели в полный порядок. Указанные о. Ломакиным иконостас и иконы Тegliцкой церкви Кингисеппского района очень удачны, красивы и прекрасно

Покои митрополита. Большой приемный зал. Фото 1950-х гг.

подошли. Труда было много. Завтра, наконец, оставляю нынешнее свое помещение»¹¹.

12 ноября 1950 г. Владыка переехал из Никольского собора в Свято-Духовский корпус. Вечером он совершил водосвятный молебен и освятил весь верхний этаж здания, а 13 ноября утром вместе с прот. Е. Лукиным совершил освящение нижнего этажа. В этот и следующий день к митрополиту приходили приветствовать и осматривать новые помещения делегации городских приходов. 14 ноября пришла телеграмма от патриарха Алексия I: «Поздравляем новосельем. Мир новому дому Вашему и живущим в нем. С отцом Николаем будем среду... «Красной стрелой». П. А.»¹²

Первосвяtitель пожелал немедленно увидеть первую возвращенную Церкви возрожденную из руин часть такой близкой и дорогой для него Александрo-Невской Лавры, и прибыл в Ленинград уже 15 ноября. О посещении патриархом обители митрополит Григорий написал в дневнике: «Утром встретили Патриарха и Колчицкого... В пять часов Патриарх прибыл в Духовский корпус. На встрече здесь были я, еп. Симеон, прот. Лукин, прот. Медведский, Л.Н. Парийский. Я показал ему с объяснениями свои комнаты, церковь, канцелярию и весь верх. Патриарх нашел, «что уж не перевести ли Патриархию в Ленинград». Затем обед, потом осмотр книжных редкостей, просмотр фильмов в телевизоре [что было тогда большой редкостью] и чай. В 8.30 вечера уехал в «Асторию»¹³.

Во время посещения Патриарх подарил мозаичную икону св. кн. Александра Невского.

25 ноября при значительном стечении народа митрополит Григорий освятил церковь св. кн. Александра Невского, после чего послал телеграмму Патриарху: «Сегодня совершено освящение Крестовой церкви. Духовное торжество заканчивает период стройки Епархиального дома. Прошу молитв и благословения на начало нового жительства в условиях полного благоустройства. М. Г.». В тот же день был получен ответ Первосвяtitеля: «Горячо приветствую В. Преос[вященство] освящением храма. Сим да святится сугубо благодатью Ваше жилище во благо душ и также живущих в нем. П. А.». Вечером в церкви прошло всенощное бдение. Служили и пели священник Иоанн Иванов, иеродиакон Максим Кроха и трое семинаристов.

29 ноября к митрополиту приехал Ленинградский уполномоченный А.И. Кушнарeв. Он осмотрел здание и нашел, что «все великолепно». 2 декабря был официально подписан акт частичной приемки здания после ремонтно-реставрационных работ.

6 декабря 1950 г. в Лавре впервые после долгого перерыва отмечался праздник св. кн. Александра Невского. Всенощное бдение в Крестовой церкви служил иеромонах Серафим с иеродиакoном Максимом. На литургии, которую совершил сам Владыка Григорий, присутствовали несколько верующих. Владыка весьма сожалел, что ему не удалось добиться разрешения на размещение церкви на большей площади для впуска сторонних богомольцев,

Митрополит Григорий в своем кабинете. 1950-е гг.

Покои митрополита. Кабинет.

а иметь вместо этого непомерно большой приемный зал¹⁴.

2 февраля 1951 г. инспекция по охране памятников окончательно приняла с оценкой «хорошо» все проведенные в здании Свято-Духовской церкви работы. 13 марта состоялось заключительное заседание строительной комиссии. На нем было отмечено, что общие расходы значительно превысили смету и составили 1415 717,6 тыс. рублей. Это было связано с проведением большого количества первоначально не запланированных работ по благоустройству дворового участка, реставрации иконостаса, картин, икон, постройке епархиального гаража и т.д.

В дальнейшем в крестовую церковь и помещение Епархиального Управления поступил еще целый ряд церковных святынь и произведений искусства: портрет Петра I работы XVIII в., портрет митр. Гавриила кисти Боровиковского и «Обручение Марии и Иосифа» итальянской школы XVI в. 9 ноября 1951 г., после осмотра помещения, представитель ГИОПа сделал заключение, что эти четыре картины имеют музейное значение. 14 апреля 1953 г. из Спасо-Преображенского собора Епархиальному Управлению был передан макет Исаакиевского собора, родственники преподобного Серафима Вырицкого после его смерти пожертвовали перламутровый крест, а 20 января 1954 г. по разрешению Президента Академии художеств из запасников музея Академии Епархиальному Управлению передали 35 предметов церковной одежды и утвари, а также Царские врата, две палицы, оклад образа «Успение» из золотой парчи и 66 икон, в том числе несколько работ известного художника В.П. Верещагина¹⁵.

Таким образом, в конце 1950 г. Епархиальное управление, его канцелярия и бухгалтерия получили возможность работы в прекрасных условиях в обители, а митрополит – резиденцию, где он мог достойно принимать высоких гостей, отцов, студентов и сотрудников корпорации духовных школ, всех посетителей и просителей.

Митрополиту отпускалось ежемесячно 30 тыс. рублей из средств Епархиального управления «на представительство». На эти средства владыка совершал поездки по служебным обязанностям, принимал высоких лиц:

Святейшего Патриарха, членов Учебного Комитета и представителей Московской Духовной Академии, иностранных гостей. В 1951 г. в новых апартаментах были приняты епископы Сергей (Ларин), Роман Таллинский (Танг), Владимир Житомирский и члены Финляндской делегации. В 1952 г. (17-23) мая владыка принимал в Ленинграде митрополита Себастиана, 24 октября в епархиальном доме обедали приехавшие из Финляндии ставленники: благочинный Валаамского монастыря о. Симфореян (неразбочиво, прочтение предположительное) и о.Нестор. Владыка утром служил в Никольском соборе и посвятил первого в иерея, возложив набедренник, второго – в игумена с возложением палицы, бриллиантового креста и митры. В первой половине 1953 г. владыка принимал антиохийцев, митрополита Киевского Иоанна, 23-24 ноября английскую церковную делегацию и т.д. : «Его Высокопреосвященство рассказал историю возникновения Александро-Невской Лавры, показал портреты митрополитов... Указал количество церквей в Ленинграде и епархии (14 в Ленинграде и около 200 в епархии*)»¹⁶.

26-28 июля 1955 года владыка принял в архиерейской резиденции в Духовском корпусе Александро-Невской Лавры одновременно румынскую, болгарскую, польскую и антиохийскую делегации.

Налоговое обложение митрополита подходящим налогом за 1949 и 1950 г. в сумме по 161 тыс. руб. при доходе 120 тыс. руб. (за год) исчерпало весь годовой бюджет митрополита, поэтому на «представительские» средства пало также все его личное содержание и все другие расходы.

В 1951 году на эти средства владыка оборудовал богослужебными принадлежностями Крестовую церковь (ризницей и утварью), а в дальнейшем постоянно пополнял необходимыми изданиями библиотеку Архиерейского дома, делал периодические вознаграждения чтецов и певцов – воспитанников семинарии, ежемесячно оплачивал труд библиотекаря Митрополичьей библиотеки и дежурного по приему посетителей, приобретал необходимые предметы интерьера и обихода, и оказывал денежную помощь всем просящим. 10 февраля 1953 г. митрополит передал Епархиальному управлению в пользование Ленинградских митрополитов личную библиотеку объемом свыше 2 тыс. томов¹⁷.

С середины 1948 г. до 1955 г. церкви практически перестали возвращать верующим, более того, несколько сотен действовавших по стране храмов вновь закрыли. Открытие Крестовой митрополичьей церкви в здании Александро-Невской Лавры стало единственным исключением. Главная заслуга в этом принадлежала преосвященному митрополиту Григорию.

Владыка любил служить в Крестовой церкви св. кн. Александра Невского. В церкви служили, пели и

*Ленинградская и Новгородская епархия охватывала Ленинградскую и Новгородскую область, Олонецкую епархию и приходы в Финляндии.

читали студенты Духовной Академии под руководством регента К.М. Федорова.

Митрополит «не останавливался на достигнутом», и думал о возвращении верующим других зданий Лавры, считал себя ответственным за всю ее территорию и за состояние кладбищ. В октябре 1951 г. митр. Григорий через уполномоченного добился удаления пивного ларька от ворот Лавры.

Главные усилия Владыки были направлены на возрождение Свято-Троицкого собора, который не ремонтировался и постепенно все более разрушался. В составленной в 1949 г. историко-художественной справке по Лавре указывалось, что «особенно значительные разрушения имеет в настоящее время здание собора, представляющего собой одну из жемчужин русского зодчества. В результате утраты покрытий верхних частей стен и протечек во многих местах кладка стен собора полностью лишена штукатурки, кирпич выветривается, карнизы разрушаются и падают, протечки угрожают целостности сводов, кладка имеет выбоины от попаданий арт. снарядов»¹⁸.

В начале 1950-х гг. согласно общему проекту перепланировки города комплекс Лавры намечалось «освободить от окружающей его позднейшей застройки» и «окутать садово-парковыми насаждениями, которые должны занять большие территории с выходом на наб. Невы». Этот план, в случае его осуществления, грозил Никольскому кладбищу полным уничтожением.

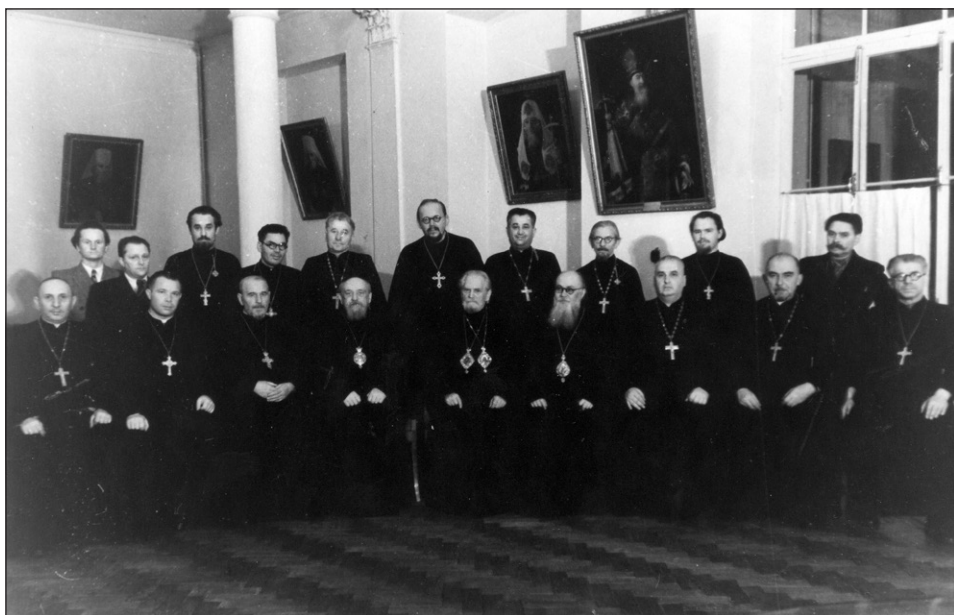
9 июля 1953 г. митрополит обратился к Кушнареву с просьбой содействовать в возвращении верующим Троицкого собора и перезахоронении в его крипту погребенных на кладбище в случае уничтожения некрополя:

«На Никольском кладбище б. Александро-Невской Лавры находятся могилы некоторых митрополитов и других высших церковных деятелей Русской Православной Церкви. Святейшим Патриархом Алексием мне предложено ознакомиться приведением в порядок и надлежащим

оформлением могил почивших иерархов. Между тем, по полученным мною сведениям, на месте нынешнего Никольского кладбища предполагается устроить парк, и т.о. останки погребенных необходимо перенести в другое место. Таким, наиболее соответствующим местом для захоронения бывших деятелей Церкви могло быть обширное подвальное помещение, находящееся под Троицким собором б. Лавры, которое явилось бы некрополем исторических церковных деятелей и дополнением к имеющемуся общему некрополю, находящемуся в пределах той же Лавры.

В связи с этим было бы возможно и желательно в таком случае восстановление и церковного служения в соборе Лавры, как месте погребения и поминовения усопших, тем более, что огромный район города, прилегающий к Лавре, лишен храмов и верующее население этого района неоднократно обращалось ко мне с просьбами об открытии его. В настоящее время Троицкий собор б. Лавры ничем не занят, находится в ведении отдела Охраны памятников города и не ремонтируемый подвергается естественному действию стихии. Внешний и внутренний капитальный ремонт этого собора по приблизительному подсчету обойдется в не менее 2 миллионов рублей. Управление Московской Патриархии, по предварительной договоренности моей с ним, могло бы взять на себя весь ремонт храма и т.о. восстановить этот исторический и археологический памятник XVIII в., если Горисполком Ленинградского Совета даст на это свое разрешение»¹⁹.

2 июля 1953 г. митрополит осмотрел Благовещенскую церковь, Тихвинское и Лазаревское кладбища : «2 июля 1953 г. Четверг. Вчера днем осматривал Суворовскую усыпальницу и всю б. Благовещенскую церковь и кладбища – Лазаревское и Тихвинское (некрополь). В Благовещенской церкви покоятся Митрополиты Серафим и Антоний – I. Хранится и надпись над могилой м. Михаила (а сам он лежал в Дух.церкви). Там же архиеп. Евгений Булгар и

В духовском корпусе. Митрополит Григорий и духовенство епархии. 1951 г.

Иннокентий П(неразб.). Там же родственника Петра I: сын Петр, сестра Наталья, Царица Параскевия, жена Иоанна V, дочь ее Екатерина Ив. и Принцесса Анна Леоп. (мать Иоанна VI Антоновича)... Дочь Павла I, дочь Александра I. Много интересных могил в Лазаревской церкви и на Лаз. Кладбище... 25 июля. Суббота 1953 г. вчера у Г.Г.Карпова. По вопросу о перехоронении Карпов обещал заняться этим вопросом (о Соборе Лавры), но сказал, что на это, вероятно, трудно надеяться»²⁰.

Согласно резолюции Владыки от 11 июля 1953 г., была создана Комиссия по выяснению вопроса о перехоронении иерархов в бывшей Александро-Невской Лавре, в которую вошли протоиереи А. Медведский, С. Румянцев и церковный староста Б.И. Бычков. В отчетной докладной записке Комиссии от 31 июля 1953 г. говорилось: «1. Комиссии путем личного расследования и опроса экскурсоводов усыпальницы А.В. Суворова удалось выяснить и установить точное местонахождение могил: митрополита Антония (Вадковского), митрополита Исидора (Никольского) и Палладия (Раева) – перенесенных на Никольское кладбище из б. Исидоровской лаврской церкви; архиепископа Иннокентия (Беляева), архиепископа Николая (Налимова), архиепископа Николая (Зиорова) и епископа Анастасия (Александрова). Могилы перезахороненных на кладбище епископов: Бориса (Плотникова), Гермогена (Добронравова) и др. иерархов найти не удалось...»

2. О прахе погребенных в быв. Духовской церкви Петербургских Митрополитов: Михаила (Десницкого), Серафима (Глаголевского), Антония (Рафальского), Никанора (Клементьева) и Григория (Постникова) нами установлено, что прах вышеназванных Архипастырей остался на месте их первоначального погребения в б. Свято-Духовской церкви, а именно:

а) Митрополит Михаил (Десницкий) – погребен на месте, где стоял жертвенник церкви. Доска с барельефом Владыки, находившаяся на наружной стене алтаря, хра-

нится в Музее городской скульптуры в б. ризнице Благовещенской лаврской церкви.

б) Митрополит Серафим (Глаголевский) – был погребен пред местною иконою «Сошествия Св. Духа». Доска с надписью находится в Музее-усыпальнице Суворова.

в) Митрополит Антоний (Рафальский) – погребен перед иконою Божией Матери в церкви Св. Духа. Доска с надписью находится в Музее-усыпальнице Суворова.

г) Митрополит Никанор (Клементьевский) – погребен в царских вратах Свято-Духовской церкви. Доска мемориальная хранится в Музее городской скульптуры; вторая доска с надгробным словом Епископа Макария Булгакова хранится в Музее городской скульптуры.

д) Митрополит Григорий (Постников) – погребен (по указанию Рункевича в «Истории Александро-Невской Лавры» стр. 904), в алтаре Свято-Духовской церкви, а по данным «Историко-статистических сведений о СПб Епархии» выпуск 8, стр. 74, СПб. 1884 г. – в Лаврской Благовещенской церкви. Мемориальная доска и доска со словом ректора Семинарии Архимандрита Платона – не сохранились.

3. Осмотреть подвальное помещение Троицкого собора Лавры Комиссии не удалось, т.к. подвал находится в ведении Научно-исследовательского института № 48, и для прохода в него требуется специальное разрешение».

Выводы этой комиссии особенно актуальны сейчас в связи с повторным возвращением здания Свято-Духовской церкви верующим и возможным продолжением поисков захоронений петербургских архиереев²¹.

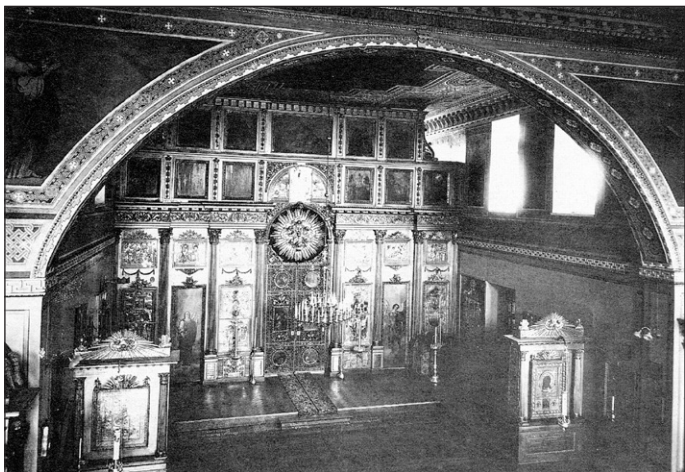
В письме Св. Патриарху 30 марта 1954 г. митр. Григорий писал: «Наш уполномоченный (А.И.Кушнарв) выехал в Москву, повидимому, на совещание. Некоторые вопросы (о месте погребения архиереев, о Троицком соборе, о строительстве нескольких церковных зданий) все еще ждут решения из-за неприезда сюда Г.Г.Карпова»²².

Панихида по новопреставленному митрополиту Григорию в домовом Александро-Невском храме в Свято-Духовском корпусе лавры. 8 ноября 1955 г

Надгробие митрополита Григория в Свято-Духовском корпусе Александро-Невской лавры. 1955 г.

Исторический вид Свято-Духовской церкви – усыпальницы Санкт-Петербургских митрополитов. Фото 1910-х гг.

Обсуждение вопроса о возвращении Свято-Троицкого собора и перехоронении архиереев происходило на каждой встрече митр. Григория с Г.Г. Карповым, которые были регулярны.

Развернувшийся к 1955 году процесс либерализации благоприятно сказался на положении Церкви. В 1955-56 гг. в стране было разрешено открыть несколько десятков (а именно 65) новых храмов. Митрополит Григорий активизировал свои усилия по возвращению Свято-Троицкого собора.

15 июля 1955 г. Владыка представил Патриарху докладную записку, в которой просил содействия «по вопросу о разрешении открытия собора» и его ремонта на средства епархии и Патриархии, изложив ряд доводов в пользу нового ходатайства:

«1. Троицкий собор расположен на территории Государственного Заповедника и до своего закрытия являлся центром религиозной жизни г. Ленинграда.

Примечания:

Примечания. 11 ноября 1955 г.

¹ ЦГА Санкт-Петербурга. ф.9324. оп.1.д.21.Л.17.

² Иеродиакон Викентий (Кузьмин). Троицкий собор Александро-Невской Лавры. Л. 1985. Рукопись в архиве Александро-Невской Лавры, Ленинградские Духовные Академия и семинария в 1946/47 учебном году. ЖМП. 1947..№.7. С. 45. Митр.Григорий. Дневник. Из тетр. 42–49. Архив ИБН.

³ Архив СПб епархии. ф.1.оп.19.д.40, Митр.Григорий. Письмо Патриарху от 12.05.49, Доклад Патриарху от 16.05.49 №1600/2. Архив ИБН.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, Архив СПб епархии. ф.1.оп.19.д.33. л. 2-6.

⁷ Архив СПб епархии. ф.1.оп.19.д.34,40.

⁸ Там же.

⁹ Там же. оп.25.д.1., Митр.Григорий. Дневник. Из тетр.49.Архив ИБН.

¹⁰ Архив СПб епархии. ф.1.оп.19.д.43,45.

¹¹ Митр.Григорий. Дневник. Из тетр.50.Архив ИБН.

¹² Там же.

¹³ Там же.

2. В настоящее время собор разрушается. Внутри он пустует...

3. Целый ряд иностранных делегаций при их визите к Ленинградскому Митрополиту заостряли свое внимание на столь печальное состояние лаврского собора (он помещается вблизи покоев Митрополита) и высказывали открытое изумление, в особенности в связи с той информацией о внутренней свободе церкви и благожелательном к ней отношении Советского правительства, каковая неизменно предлагалась гостям Ленинградским митрополитом... Открытие Лаврского собора не должно встретить препятствий со стороны властей. Он находится в стороне от городской жизни и не помешает демонстрациям.

4. На очень большом расстоянии в этой части города нет действующих церквей.

5. Собор окружен кладбищем. При его ликвидации в собор можно перенести останки иерархов.

6. Перед фасадом Лавры расположена площадь Александра Невского. Самое название площади связывает все это место с именем благоверного князя, не только святого, но и великого государственного деятеля русской истории и принципиально требует наличия собора, где было бы возможно почитание Его светлого имени...»²³.

Митрополит Григорий сделал все возможное для возвращения Свято-Троицкого собора верующим, целиком подготовил почву для его открытия. Долгожданного события владыка не увидел. Открытие собора произошло через год после блаженной кончины преосвященного митрополита Григория, когда правящим архиереем епархии стал митрополит Елевферий (Воронцов). 11 ноября 1955 г. высокопреосвященный приснопоминаемый митрополит Григорий был погребен в церкви св. Александра Невского в Духовском корпусе лавры.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Архив СПб епархии. ф.1.оп.19.д.43,45.

¹⁶ Митр.Григорий. Дневник. Из тетр.50–59; Прот.А.Медведский. Прием в Ленинграде английской церковной делегации с 23 по 25 ноября 1954 г.Машинопись. С.1. Архив ИБН.

¹⁷ Там же. Из тетр.51, Архив СПб епархии. ф.1.оп.19.д.43,45.

¹⁸ Добрынин М. Историческая справка по Троицкому собору Александро-Невской Лавры.Л.1959.С.83. Рукопись в архиве Александро-Невской Лавры.

¹⁹ Архив СПб епархии. ф. 1. оп. 19. д. 43, 45; Митр. Григорий. Доклад Патриарху от 1953 г. Архив ИБН.

²⁰ Митр. Григорий. Дневник. Из тетр. 55. Архив ИБН.

²¹ Архив СПб епархии. ф. 1. оп. 19. д. 33, оп. 25. д.1; Митр. Григорий. Письмо Патриарху от 14.07.53. Архив ИБН.

²² Митр. Григорий. Письмо Патриарху от 13.03.54. Архив ИБН.

²³ Иеродиакон Викентий Кузьмин. Указ. соч. С. 101–102.

Сокращения.

ЦГА – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Архив СПб епархии – Архив Санкт-Петербургской епархии. Архив ИБН – Архив Историко-богословское наследие митр.Григория(Чукова).© Александрова Л.К.СПб.2006.

Свято-Троицкая Александро-Невская лавра. Вид с высоты птичьего полета. Фото 2000 г.

Ирэна Сергеева

+++

*Идти до Лавры с крестным ходом
ей тяжелее год за годом,
но всё-таки идёт.
И вспоминает, как в блокаду
идти за хлебом было надо –
вот-вот и упадёт.
Бог день даёт. Даёт и пищу.
А мы много хлеба ищем
с молитвою до слёз.
Едва стопы переставляя,
идём, себя не заставляя.
Хлеб Веры – Сам Христос.*

+++

*Я люблю тесноватые дворики,
стены древние монастырей.
Много слов наболтали историки,
а молитва доходит быстрее.
Жизнь мирская доводит до ужаса –
благодать не удержишь в горсти.
Сколько надо терпенья и мужества
ежедневную битву вести!
За молитвой идут к вам бесчинники,
храбрецы, простецы, гордецы...
Наши юные русские иноки!
Сыновья вы мои!.. И отцы...*

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ...»

7 сентября 1896 года, когда все русские газеты на первых полосах печатали корреспонденции из Чернигова о подготовке к торжествам открытия мощей святителя Феодосия, в «Новом времени» появилось малозаметное извещение:

«Протоиерей Клинического военного госпиталя Сергей Филиппович Богоявленский извещает родных и знакомых о смерти своего любимого брата, бывшего ректора Олонецкой Духовной семинарии, ПЕТРА ФИЛИППОВИЧА ЩЕГЛОВА, тихо скончавшегося 6-го сентября, в 3 ч. 30 м. пополудни. Панихиды в квартире о. Сергия Богоявленского, по Самарской улице, д. №5, в 2 ч. дня и 9 час. вечера. Отпевание 9-го сентября в церкви Клинического госпиталя. Начало литургии в 9 час., а погребение на Волковом кладбище»¹.

Родных у покойного протоиерея, кроме брата, не было никого, но благодарных «знакомых» – учеников по Олонецкой Духовной семинарии в Петрозаводске – оказалось столько, что похороны пришлось отложить на день. Столица с честью проводила в последний путь замечательного педагога и пастыря, воспитавшего двух архипастырей города на Неве XX века – священномученика Вениамина (Казанского), митрополита Петроградского, и митрополита Ленинградского и Новгородского Григория (Чукова).

Протоиерей Петр Филиппович Щеглов родился в семье священника Тульской епархии в 1824 году. Очевидно, семья была весьма многодетной, если разница между братьями Петром и Сергеем составила 18 лет. Из-за такой разницы в возрасте у них даже оказались разные фамилии – их в те времена присваивали при приеме в Духовное училище.

Петр Щеглов окончил в 1848 году Тульскую Духовную семинарию, а в 1852 году – Московскую Духовную академию. 6 марта 1853 года состоялось его назначение преподавателем всеобщей и гражданской истории в Олонецкую Духовную семинарию. После Тулы и Сергиева Посада Петрозаводск с его двумя приходами на весь губернский город должен был показаться молодому педагогу «медвежьим углом». Но

П.Ф. Щеглов сроднился с русским Севером: он прослужил в Петрозаводске с великой пользой для края 41 год, вплоть до выхода в отставку. Через год духовно-учебной службы он был утвержден в степени магистра богословия, а 15 сентября 1855 года его назначили преподавателем словесности (одновременно с 1854 по 1868 год он преподавал в семинарии и немецкий язык). Блестящие уроки Петра Щеглова запомнились его питомцам на всю жизнь: «Какое чудесное и прелестное было это время! Сидишь, бывало, в классе, не шелохнешься; глазом моргнуть не смеешь! А он, величавый, ходит, объясняет, читает Гоголя, или еще кого, многое в лицах представляет».

Большие способности и прекрасные духовные качества П.Ф. Щеглова отличил архиепископ Олонецкий и Петрозаводский Аркадий (Федоров): он ввел талантливого педагога

в круг петрозаводского духовенства, рукоположив его в 1864 году во священника (для семинарского преподавателя общеобразовательных предметов это было крайней редкостью). Перед П.Ф. Щегловым открылось еще одно широкое поприще: задушевные проповеди о. Петра стали часто звучать в петрозаводских храмах (собственной церкви Олонецкая семинария со дня открытия в 1829 году до освящения нового здания в 1872 не имела). Ряд его слов опубликован в «Олонецких губернских ведомостях».

15 мая 1868 года священник Петр Щеглов был утвержден инспектором Олонецкой семинарии. В этой должности 1 июня 1869 года, в день св. Иустина Философа, он принимал участие в водоосвящении перед закладкой долгожданного семинарского корпуса [ровно 75 лет спустя в Москве откроется Богословский институт, программу которого детально разработает архиепископ Григорий (Чуков)]. Здание, предназначенное для семинарии, не имело равных в губернии по размерам: оно высилось над всем Петрозаводском. В разгар строительства умер ректор семинарии архимандрит Матфей (Лапчинский-Михайлов), и 15 октября 1871 года педагогическое собрание единогласно избрало новым ректором священника Петра Щеглова. 8 декабря он был утвержден в должности Святейшим Синодом, с возведением в сан протоиерея. К началу следующего учебного года состоялось новоселье семинарии и освящение (27 августа 1872) семинарского храма.

Ярким событием в жизни Олонецкой семинарии эпохи ректорства в ней о. Петра явилось празднование 50-летия школы осенью 1879 года. Теплое письмо к юбилею прислал епископ Феофан Затворник, бывший здесь ректором в 1855-56 годах. Вскоре, 23 января 1883 года, Петрозаводск отмечал 30-летие педагогической деятельности о. ректора семинарии. На собранные по подписке деньги (в ней принял участие даже настоятель русской посольской церкви в Париже протоиерей Василий Прилежаев, уроженец г. Олонца) заказали наперсный крест с драгоценными украшениями. В кафедральном соборе епископ Олонецкий и Петрозаводский Павел (Доброхотов) возложил крест на виновника торжества. Затем в актовом зале гимназии его чествовали обедом².

Круг обязанностей протоиерея Петра Щеглова в 1880-х годах значительно расширился. С 1883 года он состоял председателем совета Олонецкого епархиального женского училища, незадолго до этого переведенного из патриархального Каргополя в Петрозаводск, а также наблюдал за преподаванием Закона Божия во всех городских учебных заведениях. Наконец, в 1885 году он возглавил церковно-школьное дело в крае как первый председатель Олонецкого епархиального училищного совета. При семинарии открылась образцовая школа, где воспитанники проходили педагогическую практику. Сам о. ректор не раз выезжал в сельские приходы на освящение церковных

школ. Общительный, доступный, энергичный, о. Петр и других заражал своим примером. Молодых наставников он приучал не бояться труда: «Что делать, братец, – ведь мы с тобой чернорабочие!».

Достигнув 70-летия, протоиерей Петр Щеглов подал прошение об увольнении. Оно было удовлетворено в декабре 1894 года, и 8 января 1895 года в семинарии состоялось прощальное чествование о. Петра.

Весной 1896 года протоиерей Петр Щеглов отправился из Петрозаводска в Петербург с намерением посетить Святую Землю. Но из-за открывшейся на востоке холеры он доехал только до Одессы. В столицу о. Петр вернулся уже в полном упадке сил и остановился у своего брата, протоиерея военного ведомства Сергея Богоявленского. О. Сергей только что был назначен настоятелем Петропавловского храма при Клиническом госпитале – на место протоиерея Алексия Ставровского, перемещенного к Адмиралтейскому собору. В этом храме во вторник 10 сентября 1896 года и состоялось отпевание протоиерея Петра Щеглова.

Отпевание возглавил ректор С.-Петербургской Духовной академии епископ Нарвский Иоанн (Кратиров), в нем участвовало более 20 иереев во главе с учениками покойного ректором С.-Петербургской Духовной семинарии архимандритом (впоследствии – епископ) Павлом (Поспеловым) и настоятелем Знаменской Вхоидиерусалимской церкви (впоследствии – настоятель Казанского собора) Д.Т. Мегорским. В храм собралось множество олончан, живших и работавших в Петербурге; духовенство Петрозаводска представляли ключарь кафедрального собора и настоятель кладбищенской церкви. Погребальную процессию на Волково кладбище сопровождал архимандрит Павел³. Тело протоиерея П.Ф. Щеглова было предано земле напротив могилы парижского протоиерея Василия Прилежаева (1831-1887). Брат о. Петра, протоиерей Сергей Богоявленский, скончался 23 декабря 1901 года и похоронен рядом с ним.

Через 15 лет после кончины протоиерея П. Щеглова был организован комитет по сооружению памятника на его могиле. Пожертвования от учеников о. ректора, живших в С.-Петербурге, Олонецкой и других губерниях, и от почитателей поступали в течение 4 лет. Самый большой взнос (20 руб.) сделал епископ Гдовский св. Вениамин (выпускник Олонецкой Духовной семинарии 1893 года); преемник о. Петра на посту ректора Олонецкой семинарии и ее же выпускник 1889 года протоиерей Николай Чуков прислал 10 руб. Памятник – серого мрамора крест на таком же постаменте – был освящен епископом Вениамином в сослужении священников Иоанна Кьяндского и Виктора Плотникова (впоследствии – епископ Венедикт) 10 сентября 1914 года⁴.

С тех пор прошло более 90 лет. Во время блокады города в 1941-44 годах осколок одного из вражеских снарядов попал в надгробие протоиерея Василия Прилежаева – громадный каменный саркофаг оказался расколот. Памятники на могилах протоиереев С.Ф. Богоявленского и П.Ф. Щеглова, находящиеся на другой стороне дорожки, при этом не пострадали, но до последнего времени они были совершенно заброшены. К тому же с надгробия протоиерея Петра Щеглова исчез крест, а надпись на постаменте читается с трудом. Лишь летом 2005 года некие боголюбцы положили у постамента небольшую плиту с указанием имени, сана и должности погребенного, чтобы уберечь место от захвата под свежую могилу.

Священномученик митрополит Вениамин деятельным участием в увековечении памяти своего наставника по семинарии дает наглядный пример исполнения апостольского завета: «Поминайте наставников ваших...» (Евр. 13:7). Сегодня памятник на могиле протоиерея Петра Щеглова ждет реставрации и бережного к себе отношения, прежде всего во имя митрополита Вениамина. Времени невосполнимых утрат пора положить конец.

А.К. Галкин

Примечания:

¹ Новое время. 1896, № 7374 (7 сентября). С. 3.

² Возложение на отца ректора Олонецкой духовной семинарии золотого, с драгоценными украшениями, креста // Олонецкие губернские ведомости. 1883, № 18. С. 194-195.

³ Протоиерей П.Ф. Щеглов. (Корреспонденция из С.-Петербурга) // Олонецкие губернские ведомости. 1896, № 71. С. 2-3.

⁴ Мегорский В. Освящение памятника на могиле бывшего ректора Олонецкой духовной семинарии, протоиерея П.Ф. Щеглова // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915, № 1. С. 15-18.

*Могила прот. Петра Щеглова
на Волковом кладбище в С.-Петербурге*

СВЯТЫЕ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Иеромонах Нестор (Кумыш)

ПРЕПОДОБНЫЕ СЕРГИЙ И ВАССА, РОДИТЕЛИ ПРП. АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО*

Как говорится в службе преподобному Александру Свирскому, сей духовный муж, сия «преславная отрасль» произошла от доброго корня. Евангельская «доброта» этого корня проявилась не только в том, что от нее произросла «ветвь многоплодная», хотя и этого достаточно для сохранения памяти о нем. Духовная высота схимонахов Сергия и Варвары, родителей преподобного Александра, видна не только в том, что в своей семье и своей верой они взрастили дивного подвижника и тайнозрителя Святой Троицы. Она с не меньшей силой проявилась и в их смиренном послушании своему сыну, в их отречении от мира и «яже в нем», в принятии ими монашеского пострига по совету преподобного Александра, в совершении важнейшего жизненного шага по благословию собственного чада. В этом поступке сказалась наиважнейшая черта древнерусского человека, определяющая его своеобразие, – умение покоряться правде Божией, глубоко смиряться перед ней и следовать за ней в совершенном самоотречении и послушании.

Родители преподобного Александра Свирского, Стефан и Васса, были поселяне села Мандеры, входившего в то время в состав Новгородских земель. Село это находилось на правом берегу реки Ояти, недалеко от Островского Введенского монастыря. Они были людьми среднего достатка и проводили свою жизнь без материальной нужды. Первые годы их супруже-

ства протекали благополучно, они утешались рождением детей и прилагали все старания, чтобы воспитывать в них верность Богу и святой Церкви Христовой. Так прошло несколько лет.

Второй период их совместной жизни был отмечен испытаниями, претерпев которые, они были увенчаны от Господа сугубым венцем. В это время попушением Божиим прекратилось у них рождение детей. Будущая мать преподобного Александра не раз укоряема была своим мужем Стефаном за бесчадие и пролила в эти горькие дни немало тайных слез. В глубокой

печали пребывали оба супруга, и молчаливой скорбью наполнились стены их дома. Неизвестно, как долго продолжалось это тягостное для них время, но в определенный момент оба они решили отвергнуть томящую их тоску и обратиться к Богу с неотступной просьбой о рождении чада. С этой поры они не оставляли своей молитвы, растворенной живым упованием и теплой надеждой на милость Божию. Часто они уединялись в близлежащий Введенский Островский монастырь, где пребывали в посте и молитве. Когда же сердцеведец Господь посредством продолжительной скорби насадил в их душах глубокое смирение и когда усмотрел их готовыми к принятию небесного дара, тогда благоизволил положить конец Своему таинственному молчанию. В одну ночь, молясь в уединении, Стефан и Васса увидели некоторое знамение Божие и услышали голос, говорящий им: «Радуйтесь, доброе супружество, се бо услыша Господь молитву вашу и родите сына, утешения тезоименита, яко в рождестве его утешение церквям Своим подати имать Бог». И по некотором времени, 15 июня

* При написании данного текста использованы материалы книги: Введенский Островский заштатный монастырь в Новолодожском уезде. СПб, 1870.

1448 года, родилось у них долгожданное чадо мужского пола, которого долготерпеливые родители назвали Амосом. Это и был будущий великий святой земли Русской преподобный отец наш Александр, Свирский чудотворец. После появления на свет младенца Амоса его родители Стефан и Васса дали обет Богу пребывать до самой своей смерти в чистоте и в воздержании от брачного соединения, который и хранили свято до конца дней своих.

Тихо и незаметно проходили годы. Но жизнь по Богу не может долго протекать безмятежно и бескорбно. Впереди праведных Стефана и Вассу ожидало новое испытание. Когда отрок Амос достиг совершеннолетия, родители вознамерились сочетать его законным браком. Однако не то было на сердце у боголюбивого юноши: он испытывал сильное стремление «со едином Христом жити» и всецело посвятить себя на служение Богу. Отпросившись у своих родителей в отлучку якобы по хозяйственной надобности, блаженный Амос вышел из-под родительского крова с намерением не возвращаться обратно. Он принял твердое решение удалиться на Валаам и вступить в число монастырской братии. Много сокрушались родители преподобного о разлуке с ним. С сердечной горестью отыскивали они его по всей окрестности – в городах, селах и деревнях, обещая всем, кто известит их о месте его нахождения щедрое вознаграждение. Но все попытки их разузнать что-либо о горячо любимом сыне были безуспешными. Трудно было им смириться с исчезновением юноши и навсегда оставить надежду когда-либо видеть его. Не зная, жив ли или мертв их сын, Стефан и Васса не желали иметь успокоения. В такой горестной безвестности они провели долгих три года.

По прошествии трех лет пришли в их дом от Карельской стороны некоторые люди и известили их о местонахождении сына. «Мы видели его в обители Вседержителя Спаса, что на Валааме острове, постриженного в монахи и подвизающегося в ней», – сказали они Стефану и Вассе. Узнав, что сын его отыскался, Стефан воспламенился к нему глубоким отеческим чувством. Он безотлагательно и без предварительных приготовлений отправился в путь, не обращая внимания на его дальность и небезопасность. Достигнув Валаама, Стефан первым делом удостоверился у местных жителей в том, что его сын действительно здесь и пострижен в иноки. С великой поспешностью взшел он в монастырь и со слезами на глазах припал к ногам игумена. Однако не сразу он объявил цель своего прибытия на остров. Испросив благословения у настоятеля, Стефан обратил к нему свою речь: «О честный отче! Видиши, яко печаль сердца моего люте снедает мя. Сего ради мног путь соверших, приидох zde помолитися всемилостивому Спасу и у тебя благословения восприяти. Надеюсь zde получить от Господа утешение в печали моей». Игумен повелел ему сесть и в последовавшей беседе разузнал истинную

*Крышка раки
преподобного
Александра
Свирского. 1644 г.*

причину пришествия Стефана на Валаам. «Молю тя, отче святой, – просил отец игумена, – скажи мне, где ли сын мой? Се бо ми есть печаль, яко не вем, аще жив есть». «Жив сын твой, не грусти о нем», – отвечал игумен. Убедившись окончательно в том, что известие о пребывании сына на Валааме было правдивым, Стефан спросил игумена: «Почто, отче, не вижду его? Толик путь шествовах его ради в обитель сию, да вижду его, и утешуся от печали моея, и с радостию возвращуся в дом свой». Выслушав просьбу, игумен отослал Стефана в монастырскую гостиницу, пообещав ему, что утром следующего дня тот увидит своего сына.

Однако монах Александр (такое имя получил Амос при постриге) весьма опечалился приходу отца и тому, что не смог укрыться от своих родных. Он наотрез отказался видеться со Стефаном и даже не желал хотя бы на крыльце своей келии показаться своему отцу. Никакие уговоры игумена не смогли убедить его свидеться с отцом. Тогда утром настоятель известил пришедшего о своих тщетных попытках вывести сына его из своей келии. «О люте мне от сего пронырливаго старца! – воскликнул Стефан, полагая, что игумен сам препятствует его свиданию с сыном, – яко имать сына моего у себе и не хочет ми показати его».

Собор Введенского Островского мужского монастыря (слева), выстроенный над местом погребения прп. схимонаха Сергия и схимонахини Варвары. Фото 1910-х гг.

«Изведи сына моего, не могу уже терпеть, аще не вижду его», – настаивал Стефан. Доведенный до отчаяния, он даже пригрозил игумену: «Аще не покажешь мне его, то сам себе погублю пред враты монастыря сего». Такова была поразительная глубина и сила отцовского чувства Стефана.

Опечалился игумен и вновь отправился к блаженному Александру ходатайствовать о встрече с пришедшим отцом. На сей раз инок, устыдившись тому, что привел игумена в такое смирение, решил покориться воле настоятеля и исполнить его просьбу. Через некоторое время он вышел к своему отцу. Стефан, увидев его в худой одежде, истомленного от многого труда и воздержания, ужаснулся, обнял шею его и заплакал. Успокоившись от первых минут свидания с сыном, отец сел и стал склонять его к возвращению домой: «Чадо мое возлюбленное! Послушай мене,

Крест на месте собора Введенского Островского (Оятского) монастыря, месте погребения прп. схимонаха Сергия и схимонахини Варвары, родителей прп. Александра Свирского. Фото 2000 г.

отца твоего, и вспомяни болезнь рождшия тя. Иди в дом твой и утеши печаль родителей твоих и, яже хощещи, твори ко спасению души твоей в дому твоем, токмо не отлучайся от нас, родителей твоих, да не с печалию умрем. Егда же преидем от жизни сея в жизнь иную, ты, чадо, предаси тела наши земле, и тогда, яже хощещи, тако да сотвориши». Премудрый же и боголюбивый сын его не стал упрямиться и противоречить отцу своему, но начал склонять его самого к принятию ангельского образа, наставляя родителя на путь спасения. «Отче мой, – отвечал преподобный, – аще обретох благодать пред тобою, молю тя, да послушаеши совета моего и зело ти на пользу будет ко спасению души твоея. Иди ныне в дом твой с миром и вся собранная имения твоя продаждь и раздай нищим. Сам же да идеши вслед Господа, рекшаго: иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин. Сего ради молю тя, отче мой! Устрой о дому твоем, еже ти изрекох и иди в монастырь Пресвятыя Богородицы во Остров, ту да пострижешися и спасение души своей улучиши». «А еже глагола ми еси, – закончил он твердую свою речь, – аз о сем не брегу. Аз бо со апостолом реку, яко ни смерть, ни живот, ни ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни иная кая тварь возможет мя разлучити от любви Божия». Отец его, выслушав слова сына, был поражен отказом преподобного инока вернуться в родительский дом. Меньше всего Стефан рассчитывал услышать такой ответ. Он посчитал себя оскорбленным в самых душевных чувствах и расценил нежелание сына откликнуться на мольбу родного отца как проявление черствости, бездушия и эгоизма. Ничего он не сказал своему сыну, развернулся и, разгневанный и ожесточенный духом, направился обратно, в монастырскую гостиницу.

Сей поворот событий, однако, не обескуражил юного подвижника, не привел его в растерянность и не погрузил его в задумчивую печаль. Что оставалось ему делать в этих обстоятельствах? Он мог начать борьбу за отстаивание своего права идти за Христом, самоутвердиться в своем выборе. Но тогда бы он потерял своего отца. Мудрый инок принял иное решение. Он затворился в своей келии и обратился ко Господу с усердной просьбой, да обратит Он сердце отчее к послушанию благого его совета. И здесь проявилась впервые, может быть, сила молитвы преподобного. Человеколюбивый Бог, ищущий всем спасения, скоро услышал молитву верного раба Своего и совершил чудо: светлый луч небесной благодати коснулся потемненного скорбью сердца Стефана. Ощувив прикосновение Божие, отец преподобного инока умилился душою, и от его ожесточенности не осталось и следа. Стефан воспламенился огнем божественной любви и наполнился благоговением к Богу. Он почувствовал потребность вернуться к своему сыну. Придя к Александру, он поведал ему о происшедшей с ним внезапной перемене и, смирившись перед сыном своим, в покорности и самоумалении сказал: «Се, чадо, отседе вся повеленная тобою сотворю.

Разумех бо от поучения твоего, яко ничтоже есть свет сей маловременный. Огнь бо вселился во утробу мою и вся внутренняя моя распалишася от любви Божия, и ктому не нареку тя сына, но отца своего и учителя». С послушностью, самоотречением и простотой сердца устремился он на исполнение божественной воли, открывшейся ему через сына. Вернувшись домой, Стефан раздал свое имение нуждающимся и поступил в Введенский Островской монастырь, где при постриге получил имя Сергий. Мать же преподобного угодника Божия, следуя примеру своего мужа, приняла также монашеский образ с именем Варвара.

История умалчивает об иноческих подвигах достолюбленных родителей преподобного Александра Свирского. Сохранились только вещественные знаки их подвижнической жизни – металлические вериги в виде крестов и парамана на железных цепях, которые они носили на телах своих. Эти вериги позволяют сделать предположение, что не так-то просто далась им победа над своей плотью. В Введенском монастыре и закончили схимонах Сергий и схимонахиня Варвара свой непростой и не совсем обычный земной путь. Когда до преподобного Александра дошло известие о кончине родителей, он плакал о том не мало, помышляя в себе, что «и аз смертен есмь».

Насельники Введенской Островской обители и окрестные жители свято чтят память о родителях преподобного Александра. Это видно из того, что оба они были похоронены в нижнем этаже Богоявленской монастырской церкви, а над могилами их впоследствии

были сооружены две гробницы с покровами, на верхних досках которых имелись образы схимонаха Сергия и схимонахини Варвары, сделанные во весь рост, «старинного иконного письма». В монастырской описи за 1802 год сказано, что «на гробницах родителей преподобного Александра Свирского Сергия и Варвары лица изображены на канифасе и обложены окрест золотою бахромою с кистями золотыми, коих числом шесть». А в описи 1829 года добавлено: «Венцы на их серебряные, позолоченные. Над гробницами сени столярной работы с резьбою, под коей изображены лица преподобных». В 1865 году по словесному разрешению преосвященного Герасима, епископа Ладожского, над могилами родителей преподобного Александра были поставлены другие гробницы вместо старых, полуистлевших. Они были изготовлены из металла, чеканные, с накладным серебром и позолотой на местах. К сказанному следует добавить, что на месте родины преподобного Александра, в бывшем селении Мандеры, на правом берегу Ояти стояла деревянная часовня. Она была построена в 1820 году. Внутри ее был помещен образ преподобного Александра, а по сторонам во весь рост изображены в схимническом одеянии его благочестивые родители. До недавнего времени все паломники, посещавшие Островскую обитель и часовню, считали своим долгом и священной обязанностью отслужить заказную панихиду на месте упокоения преподобных схимонаха Сергия и схимонахини Варвары.

Введено-Оятский (б. Введенский Островский) монастырь, где подвизались и похоронены прпп. схимонах Сергий и схимонахиня Варвара

ПРЕПОДОБНЫЕ ОСТРОВСКИЕ – УЧЕНИКИ ПРП. АЛЕКСАНДРА СВИРСКОГО

† XVI в., память 30 августа

«Когда будете ехать ко мне в монастырь на Свирь, заезжайте прежде поклониться моим родителям, – схимонаху Сергию и схимонахине Варваре в Введено-Оятский монастырь», – так в тонком видении прп. Александр Свирский увещевал одну большую жительницу С.-Петербурга в XIX столетии. Наверное, и сегодня мы должны следовать этому наставлению.

Монастырь расположен на левом берегу в излучине р. Оять, близ железнодорожной станции с тем же названием (Доможировская волость Лодейнопольского района), в 210 км от С.-Петербурга. «Местность Введенского монастыря по низменности своей не очень живописна, но привлекает к себе уединенностью, простотою обстановки и для любителя безмолвия и духовной созерцательной жизни служит отличным пособием – есть где поработать душой и телом во славу Божию», – писал автор XIX века. От небольшого возвышения («острова») среди бывших монастырских лугов, которые прежде затапливались в половодье рекой, и повелось название находящейся на нем обители – Островская.

Монастырь этот – один из самых древних на Северо-Западе Руси. Он был устроен уже в XIV веке. В житии прп. Александра Свирского сказано, что родители его были «поселяне села, нарицаемого Мандеры, еже близ Островского Введенского монастыря Пресвятыя Богородицы». Таким образом, в год рождения преподобного – 1448 – обитель уже, видимо, существовала. Впоследствии Стефан и Васса приняли постриг и великую схиму в этом монастыре с именами Сергей и Варвара и почитались как святые в Приладожском крае. Ныне же они входят и в Собор Санкт-Петербургских святых. В монастыре подвизались и были погребены ученики св. Александра Свирского – преподобные Игнатий, Леонид, Дионисий, Феодор, Ферапонт, Корнилий и Афанасий. Но места их захоронений были утрачены еще до XIX века. Обитель упоминается в грамотах великих князей и царей: Василия Иоанновича, Иоанна Васильевича Грозного, Феодора Иоанновича, Бориса Феодоровича Годунова, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Феодора Алексеевича. Островский старец

Икона преподобных отцов, в земле Карельской просиявших, на которой вместе с прп. Александром Свирским (в центре) изображены прпп. Игнатий, Леонид, Корнилий, Дионисий, Афанасий, Феодор и Ферапонт Островские, а также прпп. Геннадий и Никифор Важеозерские.

Из храма Духовной семинарии в Куопио (Финляндия)

Игнатий писал царю Феодору Иоанновичу, что в 1592 году «приходили на наши на Новгородские места Немецкие люди войною и тожде наш монастырь и церкви и в церкви образы и книги сожгли». В Смутное время интервентами из Литвы были сожжены Богоявленский и Петропавловский храмы, оставался только Введенский. В XVII столетии и до введения штатов монастырь был приписан к Александро-Свирскому.

Но ни время, ни нашествие шведов в конце XVI века, ни набег поляков и литовцев в начале XVII века, разграбивших обитель и избивших братию, не могли изгладить из народной памяти имена святых подвижников; однако были уничтожены все источники, из которых можно было бы заимствовать сведения об их жизни и подвигах. Они являлись современниками и учениками прп. Александра Свирского и скончались при его жизни или вскоре после его смерти (1533). Подвизаясь в Свирской обители, ища более уединенных мест, они по благословению игумена удалились в Важеозерскую Геннадиеву пустынь к прп. Никифору и

подвизались некоторое время там. Спустя несколько лет они отправились на реку Оять, по берегам которой в то время располагалось несколько небольших мужских монастырей: Островский Введенский, Верхне-Оятский Никольский и Ильинский Островский монастыри. Во Островском Введенском монастыре они подвизались и провели последние годы жизни. Все эти четыреста с лишним лет в Введенском Островском мужском монастыре (ныне – Введено-Оятском женском монастыре С.-Петербургской епархии) чтится память семерых учеников прп. Александра Свирского – преподобных Игнатия, Леонида, Корнилия, Дионисия, Афанасия, Феодора и Ферапонта Островских, именуемых так по монастырю. Имена их включены в святцы и упоминаются в соборе Карельских, Новгородских, а также Санкт-Петербургских святых. Преподобные Островские почитаются также Финской Православной Автономной Церковью, причем в финских (карельских) святцах преподобные Дионисий и Ферапонт именуются Сермакскими (Dionisi; Ferapont Sermaksilainen), а преподобные – Феодор, Игнатий, Леонид – Оятскими (Feodor; Ignati; Leonid Ojattijokilainen).

ПОДВИЖНИКИ ВЕРЫ И БЛАГОЧЕСТИЯ

Иеромонах Нестор (Кумыш)

СВИРСКИЙ НАСТОЯТЕЛЬ АРХИМАНДРИТ АГАФАНГЕЛ (Амосов)*

(1841 - 1909)

К концу XIX столетия Александрo-Свирский монастырь, как отмечал его историк Я. Ивановский, находился в состоянии крайнего упадка. Оскудение некогда цветущей обители, как и многих обителей России, началось с нововведений Петровского времени. Крепкое монастырское хозяйство было подорвано в 1764 году, после проведения секуляризационной реформы, лишившей монастыри их земельных наделов. По введенному штатному расписанию Александрo-Свирский монастырь был отнесен к монастырям второго класса. Но денег, отпускавшихся государством на содержание обители, не хватало. «Монастырские строения из года в год ветшали и разрушались, а настоятели не доносили об этом Синоду из опасения, что монастырь в этом случае будет упразднен. Чтобы улучшить финансовое положение обителей, настоятели стремились сократить предусмотренное штатами число монашествующих»¹, вследствие чего обитель оскудевала братией. Не лучше обстояло дело и с внутренним укладом монастырской жизни. «С 1855 года по распоряжению епархиального начальства по существу потеряло свою силу знаменитое общежитие братии: были оставлены только общая трапеза, отопление и освещение, все остальное

населенники приобретали на штатное жалование и пожертвования. Предоставленные сами себе, многие из них не имели определенных послушаний, наемные рабочие ленились, недобросовестно выполняя положенное. Пашни и покосы заросли. В монастырской библиотеке не хватало душеполезных книг. <...> Приходивших поклониться прп. Александру Свирскому поражал обветшавший вид некогда процветавшего монастыря и вызывал чувство глубокого сожаления»². В 1873 году Святейший Синод предпринял попытку оздоровить жизнь обители, для чего ее управление предоставил Олонецкому архиерею. Однако эта мера не улучшила положения дел.

«Олонецкие епископы, под личным управлением коих состоял Свирский монастырь, вследствие отдаленности пребывания своего, не могли непосредственно влиять на благоустройство обители. Наместники же их, по самому своему положению, не имели необходимого авторитета в деле воздействия на братию»³.

Запустение Свирского монастыря длилось весьма долго, почти 150 лет. Для его восстановления требовались экстренные, исключительные меры. Многим тогда казалось, что обитель никогда уже более не восстановит своего былого значения. Однако этого не произошло. 8 июня 1890 года Синод принял указ, в силу которого Свирскому монастырю возвращалась самостоятельность, а его управление вверялось собственному настоятелю. Еще через некоторое время, 31 декабря 1891 года, вышел в свет другой указ, согласно которому настоятелем Свирского монастыря назначал-

* При написании текста жизнеописания использованы материалы статьи «Настоятель Александрo-Свирского монастыря о. архимандрит Агафангел» в кн.: «Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков». Декабрь. Ч. 2. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1995.

ся валаамский иеромонах Агафангел (Амосов). Это и был тот человек, который возвратил Свирской обители ее былую славу, совершив то, что его современникам казалось совершенно невероятным и невозможным. Его деятельность есть доказательство того, сколь много может праведник, если его труды на благо Церкви Христовой встречают божественное содействие и благоволение.

Родился будущий свирский архимандрит, в миру Алексей Иванович Амосов, в 1841 году, в деревне Алексеевская Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Родители его, Иван и Параскева, были люди зажиточные. Дом Амосовых был самый богатый в деревне. Его владельцы пользовались общим уважением и расположением. Иван Амосов являлся старостой приходской церкви. В семье Амосовых воспитывалось шестеро детей, Алексей был старшим. Когда Алексей был еще мальчиком, его отец умер. Со смертью хозяина благосостояние Амосовых пошатнулось: был продан скот, а впоследствии и земля. Для того чтобы поддержать мать и своих братьев и сестер, Алексей по достижении 14-ти лет отправился в Петербург на заработки. По прибытии в столицу он нашел себе работу на Охте в монументальной мастерской Пожарского. Но вскоре ему пришлось искать другого мастера, так как Пожарский не заплатил ему ни рубля за целый год работы. Тогда Алексей, поселившись у Смоленского кладбища, устроился к некоему Крутикову, у которого занимался полировкой камня. Работать приходилось с 4 часов утра до 9 часов вечера. Свою небольшую зарплату он отсылал матери, оставляя себе средства лишь на самые необходимые нужды.

По достижении 19-летнего возраста его мать вознамерилась женить его, но Алексей решительно отклонил это предложение. Через шесть лет к нему в Петербург прибыл его брат Василий. Тогда юноша, почувствовав

себя несколько освободившимся от обязанности содержать своих родных, отправился на Валаам, где был благосклонно принят игуменом Дамаскиным. Здесь он вступил в число трудников и нес различные послушания. Однако по прошествии трех лет ему пришлось вернуться на родину и хлопотать об освобождении от воинской повинности. Уладив свои дела, Алексей хотел вернуться на Валаам, но, встретив своего земляка, уговорившего его поселиться в обители праведного Артемия Веркольского, поддался на его уговоры. Три года провел Алексей в этом монастыре. Через три года он почувствовал в себе непреодолимое желание вернуться на Валаам и, взяв благословение игумена, вновь отправился в эту суровую и уединенную обитель Севера. В 1868 году Алексей достиг острова с твердым намерением более не покидать Валаама. Через 4 года, в 1872 году он был послушником зачислен в штат обители. По прошествии еще восьми лет, в 1880 году, он был пострижен в мантию с именем Агафангел. Знаменательно, что его постриг состоялся в день памяти обретения мощей прп. Александра Свирского. В 1882 году монах Агафангел был посвящен в сан диакона, а в 1885 — в сан иеромонаха. Его духовным руководителем был сам игумен Дамаскин. Человек высокой духовной жизни, неутомимый труженик Христов и ревностный поборник благочестия, отец Дамаскин и в своем ученике Агафангеле воспитал глубокий дух подвижничества. Его духовное становление происходило также под благодатным влиянием Валаамских старцев: Кириака, Иоанна молчальника, Никиты, Антипы, Агапия, державших переписку со святителем Феофаном Затворником.

Перед самым назначением в Свирский монастырь иеромонах Агафангел был в Валаамской обители одним из старейших иноков, отличавшихся особенно строгим образом жизни. Он являлся одним из первых кандидатов на должность настоятеля монастыря. Но Господь судил иначе, его ждал иной жребий, и ему была приготовлена другая нива, соответствовавшая его устройению и его духовному возмужанию. Указом от 31 декабря 1891 года отец Агафангел был назначен настоятелем Свирского монастыря, а 30 января 1892 года, на Свирском подворье в Петербурге, митрополит Антоний (Вадковский), занимавший в то время пост Петербургского викария, возвел его в сан архимандрита.

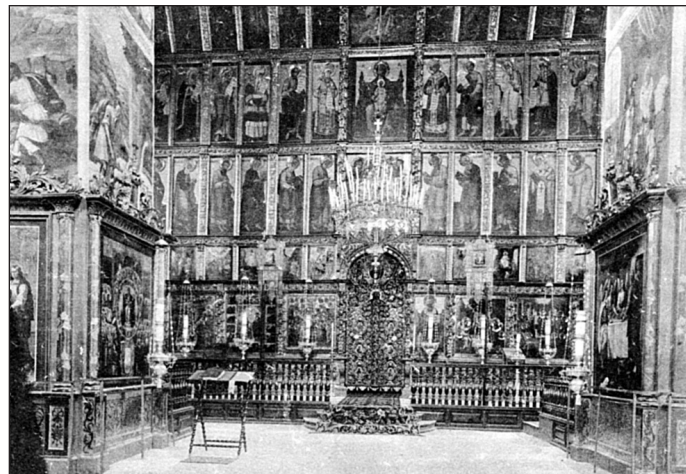
Как уже было сказано, ко времени прибытия нового архимандрита в Свирском монастыре жизнь почти совсем замерла. Храмы были обветшавшими, все строения требовали капитального ремонта, монастырские стены местами представляли собой груды мусора. Хозяйство находилось в полном расстройстве и упадке. Братии обреталось всего 15 человек, да и те были людьми не высокой нравственности. Правила монашеской жизни были в совершенном забвении.

Алекса́ндро-Сви́рский монастырь. Братия монастыря у входа в часовню на месте явления Святой Троицы прп. Александру Свирскому. Фото 1900-х гг.

Общеизвестно, что исправлять запущенное гораздо труднее, чем возводить новое. Если новому делу сопутствует энтузиазм свежего начинания, то при исправлении недостатков приходится преодолевать сопротивление привыкших к застою обывателей. Не трудно догадаться, что архимандрит Агафангел не очень-то приветливо был встречен обитателями Свирского монастыря. Но это несколько не смутило закаленного духом валаамского инока. С самого начала ему пришлось расстаться с некоторыми из прежней братии. Их места были заполнены монахами с Валаама. «Гнилые бревна и дрова ни на постройку, ни на тепло не годятся, а только понапрасну занимают место. А у вас в обители и места ограничены», — писал отцу Агафангелу валаамский старец Агапий, с которым настоятель поддерживал духовные отношения и после назначения в Свирский монастырь. Места и в самом деле были ограничены. Монастырский штат к приходу архимандрита Агафангела не случайно включал в себя всего 15 иноков. На большее число братий ассигнований не полагалось. С таким количеством монахов не приходилось рассчитывать на возрождение обители. Для развития монастырской жизни и поднятия хозяйства обители требовались люди, а казна отпускала средства в строгом соответствии с штатным расписанием, по положенному количеству проживавших в обители иноков. Ситуация казалась безнадежной. Какой же выход из этого положения был найден отцом Агафангелом?

Прежде всего, он позаботился о восстановлении основы иноческого делания — о приведении в должный порядок молитвенного и духовного строя монастырской жизни. Он хорошо понимал, что поднимать обитель необходимо именно с этого, так как ее дальнейшее благоустройство будет зависеть от подвигов поста и молитвы, от уровня благочестия самой братии. Забота о введении валаамского богослужебного устава была одним из первых его начинаний. Утренняя в обители с его приходом начиналась в 4 часа утра и продолжалась до половины 7-го часа. По окончании утрени совершалась ранняя литургия, а в 9 часов — поздняя обедня. Вечерня, начинавшаяся в 17 часов, завершалась повечерием с положенными канонами и акафистом. После вечерней трапезы читались молитвы на сон грядущим, помянник и правило с поклонами и Иисусовой молитвой. Подавая пример братии, отец настоятель сам непременно присутствовал на всех суточных службах дня, что, без сомнения, весьма благотворно сказывалось на посещении богослужений иноками. Пение придворным обиходом было заменено на пение столповым напевом. Этот простой и безыскусный напев, от которого исходит дух древнего подвижничества, переносил молящегося во времена былого иночества, насыщал его сокровенной пищей и возбуждал в нем желание монашеского подвига. Но этим не ограничилось попечение настоятеля об

Александро-Свирский монастырь. Внутренний вид Свято-Троицкого собора. Фото 1900-х годов

устройении духовной жизни обители. Архимандрит Агафангел позаботился о введении старческого руководства новоначальных. Понимая важность и необходимость духовного окормления братии, он пригласил в обитель опытных старцев для духовного руководства иноков, обязав братию ходить к ним на откровение помыслов.

Все эти меры не могли не оздоровить нравственной атмосферы обители. Духовный авторитет монастыря в скором времени необычайно возрос. Он стал многих привлекать к себе своей духовной силой. В обитель потянулись души, жаждущие спасения и алчущие подвижнической жизни. Настоятель всех принимал с открытой душой и никому не отказывал. Это привело к увеличению числа братии. (К 1900 году в Свирском монастыре проживало около 200 насельников вместо тех 15-ти, которых архимандрит Агафангел застал, получив назначение в обитель) Вот тогда-то отец Агафангел решился на следующий шаг, существенно повлиявший на материальное благосостояние обители: он ввел в монастыре общежитие. Вся братия была распределена по послушаниям и имела все общее, от трапезы до одеяния. Положенные небольшие штатные средства шли в общую монастырскую казну с тем, чтобы потом распределяться не на содержание штатных монахов, а на общие монастырские нужды. Таким образом, монастырь начал обеспечивать себя собственным трудом. Не замедлили появиться и богатые вкладчики и благотворители, увидев обитель в надежных руках рачительного и опытного хозяина. К тому же отец настоятель завел неусыпное чтение псалтири о благодетелях Александро-Свирского монастыря.

Успехи монастыря после проведенных новым настоятелем изменений были огромными. В считанные годы удалось из руин поднять обитель. Все храмы, равно как и корпуса обители, были отремонтированы и благоукрашены. Хозяйство вновь организовано, скотный двор насчитывал до 100 голов рогатого скота. Заведены

различные мастерские. Под все монастырские объекты проведен водопровод, устроена монастырская конюшня, возведены новые гостиничные и прочие хозяйственные здания и постройки. В пяти верстах от обители построен новый кирпичный завод. При монастыре была открыта церковно-приходская школа для мальчиков. Все места подвигов преподобного Александра Свирского и позднейших подвижников ознаменованы устройством часовен.

Главным благоукрашением возрожденной обители оставался, конечно, ее архимандрит. Несмотря на свое крестьянское происхождение, он обладал душой светлой и возвышенной, отмеченной чертами подлинного благородства. Это все чувствовали и невольно проникались уважением к свирскому настоятелю. Отец Агафангел был прост и доступен для всей братии, никогда ни перед кем не кичился и отличался монашеским смирением. При этом оставался строгим исполнителем иноческих уставов. Он неопустительно ежедневно ходил ко всем богослужениям, начиная с полунощницы и заканчивая вечерним правилом. Придя после вечернего правила в келию, не взирая на усталость, принимался за труд принятия помыслов у приходящей братии. По уходе их становился на свое келейное правило. На ночной сон у него уходило не более 4-х часов. Утром вставал архимандрит в 2 часа и перед полунощницей исполнял утреннее келейное правило. Затем, по окончании утрени и литургии, он до обеда обходил все монастырские работы, вникая во все сам лично. Ежедневно приходилось ему выслушивать и разбирать всевозможные братские дела и жалобы одного на другого, примирять враждующих, наставлять непокорных, вразумлять строптивых, умирять недовольных и увольнять невоздержных. Никогда ни на кого он не горячился, никого не торопил, а требовал точного и усердного исполнения своего послу-

шания. Строгий блюститель постов, архимандрит был воздержен и на слова. Никто не видел его гневающимся. Наказанных братий он всегда старался ободрить, поддержать и проявлял к ним сердечную внимательность.

Восемнадцать лет неустанно трудился архимандрит Агафангел в Свирской обители и к концу своей плодотворной и разнообразной деятельности привел монастырь в цветущее состояние. Без боязни впасть в преувеличения можно сказать, что сей духоносный муж и достойный преемник преподобного Александра Свирского за годы своего настоятельства совершил чудо воскрешения некогда знаменитой обители и своим подвижническим служением поставил ее в ряд самых почитаемых святынь российских. Справиться с такой задачей было под силу только исключительной, незаурядной личности. Возродив обитель, он исполнил подвиг своего земного служения и совершил дело, возложенное на него промыслом Божиим.

Чрезмерные труды, понесенные ради восстановления Свирской обители, подорвали силы и здоровье не умевшего щадить себя отца Агафангела. В возрасте 68-ми лет он достиг уже предела своей земной жизни. В 1909 году, в праздник Рождества Христова, вечером придя в келию, он почувствовал недомогание и лег в постель. На следующий день, по причине резких болей в области живота, свирский настоятель не смог прийти к полунощнице. Поднявшись к литургии, он, никогда себя не жалевший, преодолевая боль, явился в храм, но вынужден был вернуться в келию. Братия утешала его надеждой на скорое выздоровление, но отец Агафангел объявил всем, что больше уже не встанет и скоро умрет. Всех присутствовавших при этом поразила то спокойствие, с которым он отнесся к приближению смертного часа. Вопреки заверениям врача о скором выздоровлении, архимандрит Агафангел отдал распоряжение о своем соборовании. В этот же день вечером настоятель приобщился святых Христовых Таин. После приобщения велел читать последование на исход души. Когда монастырский духовник дочитал последнюю молитву из этого чинопоследования, отец Агафангел издал последний слабый вздох и, перекрестившись, уснул сном праведника. Душа труженика Христова отрешилась от бренного тела, его земная жизнь кончилась. Произошло это в 9 часов вечера 26 декабря. Редкие, размеренные удары монастырского колокола известили братию о кончине настоятеля. Собрались иноки в покои архимандрита. Была отслужена первая лития о новопреставленном рабе Божиим священноархимандрите Агафангеле.

29 декабря в обитель прибыл правящий архипастырь Олонецкой епархии преосвященный Никанор (Надеждин) для совершения заупокойного всенощного бдения. На следующий день в 9 часов утра была отслужена заупокойная литургия. После литургии владыка Никанор

Погребение почившего архимандрита Агафангела. 30 декабря 1909 г. Погребение совершает епископ Никанор

обратился к собравшимся с надгробным словом, в котором ярко обрисовал деятельность новопреставленного и его особые заслуги перед Церковью Христовой. После этого начался чин отпевания усопшего. Затем тело отца Агафангела было поднято служащими иеромонахами и при пении и колокольном звоне отнесено к специально подготовленному склепу. Ровно через 18 лет с того дня, как архимандрит Агафангел был назначен в Свирский монастырь, в тот же день, 31 декабря, он был похоронен в этой же обители, напротив алтаря Преображенского собора. Вечная ему память, доброму пастырю, явившему примером своей жизни образец беззаветного, преданного служения Церкви Божией.

Свято-Троицкий Александро-Свирский мужской монастырь. Спасо-Преображенский собор

Примечания:

¹ Смолич И. Русское монашество. М., 1999. С. 279.

² Олонецкая епархия. Петрозаводск, 2001. С. 65.

³ Ивановский Я. Свято-Троицкий Александро-Свирский монастырь. М., 1901. С. 121.

Ирэна Сергеева

+++

*И церковь Божия разбита,
зияет куполом пустым,
и на кладбище именитом
давно порушены кресты.*

*Режима штыковые грани –
острей уже не заточить...
Осколки прошлого изранят,
молитвой должно залечить.*

*Давай помолимся, ровесник! –
На небесах сияет крест.
Душой при жизни мы воскреснем...
Христос воскрес!*

+++

*Радоница, Пасха мёртвых,
негасимых душ родных...
В райских сонмах и когортах
мне с земли не видно их.
Поминаю неустанно...
А когда пора придёт,
в радоничный день помянный
кто меня-то помянет?*

+++

*Душа в смятении. И я
опять читаю «Жития».
И подвиг каждого святого
мне говорит,
как жить, как быть,
как надо Господа любить
за ближнего замолвить слово.*

+++

*Именины у Ирины,
это значит – у меня.
Были поздними крестины.
Вся крещённая родня
поубита... Позабыто,
где зарыта в грозный год.
Но Иринка – по старинке,
и не раз их помянет.
Я – последняя частица
тех корней, откуда мать...
Дай Бог нынче причаститься,
дай Бог долго поминать!*

1 октября 2004

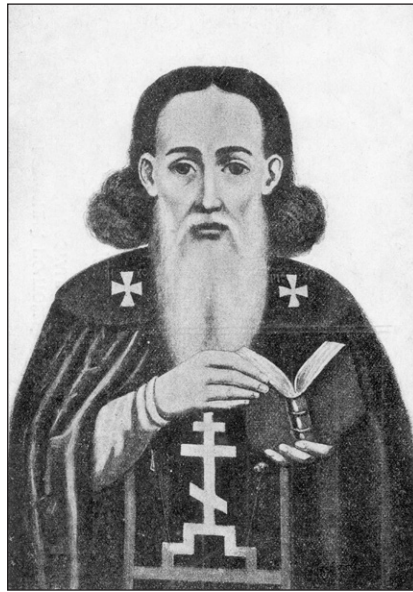

СХИМОНАХ ФЕОДОР СВИРСКИЙ

(1756–1822)

Значение Александро-Свирского монастыря для Северо-Запада Российской державы и для монашеской жизни этого региона хорошо изучено и оценено по достоинству трудами церковных историков. Тем не менее, Свирская обитель продолжает хранить в себе свои еще нераскрытые тайны. Одной из таких тайн этой древней обители является ее связь с великой Оптиной и ее прославленными старцами. В начале XIX века в монастыре прп. Александра Свирского нашли себе пристанище основатели Оптинского старчества схимонах Феодор (1822) и его ученик прп. Лев Оптинский. Первый провел в Свирской обители пять последних лет своей многотрудной жизни и был погребен на монастырском кладбище, а второй – подвизался здесь на протяжении десяти лет. Это обстоятельство и побудило нас составить наиболее полное и подробное жизнеописание схимонаха Феодора, которое является центральным текстом данного патерика. В основу жития отца Феодора положены дореволюционные публикации, которые существенно расширены и дополнены архивными изысканиями.

После глубокого упадка, в который пришли русские обители в XVIII веке, русские иноки высокой аскетической настроенности уходили на Афонскую гору или в Молдавию. Некоторые из них потом вернулись в Россию и сыграли важную роль в подъеме духовной жизни монашества в XIX столетии. Среди них был и ученик преподобного Паисия Величковского свирский схимник Феодор. Сей духовный муж оказал неоценимую услугу всему русскому иночеству как ушедшему в мир иной, так и современному. Промыслом Божиим ему была отведена роль духовного воспитателя преподобного Льва Оптинского, от которого родилось уникальное явление Русской Церкви – оптинское старчество. Преподобный Лев Оптинский до поселения своего в Оптину всюду следовал за старцем и наставником своим Феодором, разделяя с ним его земные скорби и гонения. Нелегко был этот

труд постоянного переходения с места на место. Но преподобный Лев не отлучался от схимонаха Феодора до самой его кончины, видя в нем богомудрого учителя монашеской жизни, замену которому не мог отыскать в среде тогдашнего иночества. Более двадцати лет повиновался преподобный Лев старцу Феодору, как потом сам говорил, «без фанатизма», с мысленной готовностью «кланяться ему в ноги с сыновним почтением»². И его духовный опыт оказался незаменимым для преподобного Льва Оптинского.

Схимонах Феодор (в миру Феодор Ильич Пользиков³) родился в 1756-м году в городе Карачеве Орловской губернии. (Интересно, что в этом же городе через 12 лет родился и его знаменитый ученик, родоначальник Оптинского старчества, преподобный Лев Оптинский.) Отец его был из купеческого звания, а мать, Анна Казмина, – дочь протоиерея городской Преображенской церкви⁴. Еще в младенчестве Феодор лишился отца и был отдан на воспитание в дом своего родственника – карачевского протоиерея – для обучения пению и грамоте. Проучившись у протоиерея несколько лет, Феодор возвратился в свой дом, устроился в небольшую лавочку в Карачеве и стал заниматься торговлей. Однако пребывание в мире и мирские занятия тяготили юношу, стремившегося к постоянному единению с Богом. Он решил тайно оставить дом и удалиться в какую-нибудь обитель. После двух лет работы в лавке, никому не сказав ни слова, Феодор ночью ушел из Карачева и водворился в Площанской Богородицкой пустыни, расположившейся в густом бору в восьмидесяти километрах от города. Здесь он был принят в число братии старцем Серапионом, управлявшем в то время обителью. Пустынь отличалась благонравием братии и благолепием пустынного богослужения и очень понравилась Феодору. Однако не суждено было боголюбивому юноше остаться в ней. Через некоторое время мать, не смирившаяся с исчезновением сына, нашла его и со слезами стала умолять вернуться домой.

Тронутый искренним горем матери-вдовы, Феодор вернулся в Карачев и снова стал заниматься торговлей.

Чувство к матери не могло долго удерживать Феодора в чуждой среде. Трудно было ему, уже вкусившему сладость пустынного уединения, вращаться среди городского шума и суеты. Душа его искала божественного и неудержимо влеклась к миру духовному. Феодор вновь уходит из дома, чтобы вторично поселиться в любимейшей Площанской пустыни. Но и на этот раз, теперь насильно, мать возвращает его домой и определяет в приказчики в дом к одному богатому купцу. Здесь-то и происходит с ним событие, после которого Феодор бесповоротно и навсегда оставляет мир, отравляющий своими губительными соблазнами высоко настроенные души.

Хозяин дома, в который переселился Феодор, карачевский купец Алексеев, в скором времени умер. Жена его, женщина простодушная, осталась с четырьмя прекрасными собой взрослыми дочерьми. Не имея возможности управлять имением и своим домом, она все поручила Феодору. Мать Феодора вознамерилась женить своего сына на одной из дочерей почившего купца, Евдокии. Уступчивый и мягкий по характеру Феодор не нашел в себе сил противоречить материнской воле и вступил в брак. Очень скоро, однако, он понял, что, покоровшись своей матери, он произвел грубое насилие над своей душой и совершил поступок, причинивший глубокую травму его боголюбивой душе. С горестью сердца ощущал он в себе следы происшедшей внутренней перемены, не обретая того благодатного душевного устройства, которое он испытывал во время пребывания в Площанской пустыни. Сколько ни усугублял он попечений о душе своей, сколько ни старался просветить свое сердце, свет веры и любви божественной не мог уже так ярко и сильно сиять в душе его, как сиял в дни иноческого послушания. Долго продолжались его мучения и терзания, пока не пришел он к твердому решению навсегда расстаться с миром. К этому шагу побудило Феодора еще одно немаловажное обстоятельство: тотчас же по рождении умерли две его дочери. Молодые супруги усмотрели в этом скорбном событии знак неблаговоления Божия к их дальнейшей совместной жизни. Перед осуществлением своего намерения удалиться из мира Феодор имел совет со своей супругой. Вероятнее всего, что желание супруга стать иноком нашло поддержку в Евдокии. Это видно из одного синодального документа, в котором сказано, что бывшая жена Феодора письменно «обязуется по смерти (т.е. вплоть до своей кончины. – Прим. авт.) пребыть вдовствующею»⁵. Но чтобы обезопасить себя от настойчивых притязаний и розысков матери, Феодор испросил себе в карачевском городском магистрате годовой «пашпорт для торгового промыслу»⁶, а затем, достигнув Киева, перешел российскую границу и ока-

зался в Лавре знаменитого Паисия Величковского с мыслью более не возвращаться на родину. Произошло это в 1782 году, на 26-м году жизни Феодора⁷. Историк Оптиной пустыни И.М. Концевич пишет, что Феодор был пленен духовным величием Киевской лавры и хотел было остаться там навсегда, но от этого шага его удержала мысль о том, что мать его и на этот раз предпримет попытку вернуть его в Карачев. Это и заставило удалиться Феодора за пределы Российской империи. Так обстоятельства земной жизни незримо направляли стопы подвижника к великому учителю духовной жизни. Именно женитьба Феодора под настойчивым влиянием матери впоследствии привела его в Нямецкую обитель. Не приходится сомневаться в том, что таким драматичным переплетением жизненных обстоятельств Промысл Божий устроил путь будущего духовного наставника русского иночества к великому светильнику веры преподобному Паисию.

В ста двадцати верстах от столицы Молдавии, у Карпатских гор, приютилась эта уединенная обитель, где под руководством духоносного старца подвизались тогда семьсот человек в посте, молитве и совершенном послушании своему великому авве. Преподобный Паисий находился уже в болезненном состоянии и редко покидал свою уединенную келию, где разделял молитвенное безмолвие с работой над переводом святоотеческих творений. После беседы с Феодором преподобный Паисий принял его в число своих учеников и вручил его попечению монастырского духовника старца Софрония. Приняв вскоре пострижение от рук преподобного старца Паисия (это произошло в 1784 году⁸), новопостриженный инок, получивший имя Филимон⁹, всецело предал себя святому послушанию и с любовью исполнял все возлагаемые на него обязанности.

По прошествии двух лет ему была поручена должность просфорника в пустынном Секульском ските, отстоявшем на 12 верст от Нямецкого монастыря и находившемся в ведении преподобного Паисия. Дикое местоположение этого скита, строгость жизни его обитателей расположили Филимона к подвигам пустынного безмолвия, к которому с юности склонна была его душа. Пребывание в Секуле послужило ему переходной ступенью от дел послушания к безмолвию.

Еще через некоторое время Филимон был переведен преподобным Паисием в другой скит под названием «Поляна-Ворона», где подвизались два пустынножителя, Онуфрий и Николай, подражавшие древним отшельникам. Дивны были подвиги этих схимников. Особого духовного преуспевания достиг старец Онуфрий, так что даже сам преподобный Паисий испрашивал у него иногда советов. Оба старца оба уже были в годах преклонных, и Нямецкий настоятель признал нужным дать им в сожитие благоговейного инока, который, избилуя телесной крепостью, мог бы прислуживать

Нямецкий монастырь

подвижникам. Выбор его пал на Филимона, качества души которого были ему известны. Филимон с радостью принял повеление своего преподобного наставника. Пять с половиной лет Филимон прислуживал старцам, проходя вместе с ними подвиг богоугождения, и многому от них научился. Когда же последовала кончина старца Онуфрия, Филимон возвратился в Нямецкий монастырь.

Вернувшись в Нямецкую обитель духовно окрепшим и возмужавшим, инок Филимон был принят с уважением и вскоре сделался одним из любимейших учеников преподобного Паисия. Он занимался перепиской переводов и сочинений преподобного старца, которые старец нередко диктовал ему, и черпал из уст его сокровища святоотеческих наставлений. Но недолго Филимон пользовался таким высокодуховным обществом. В непродолжительном времени пришло отшествие преподобного Паисия, обремененного летами, истощенного трудами и подвигами. За несколько дней до своей кончины он перестал переводить святоотеческие творения и занимался только пересмотром и исправлением своих прежних трудов. В этом занятии и скончался блаженный трудолюбец. В числе очевидцев его кончины находился и Филимон, неутешно рыдавший об этой невозполнимой для всего русского иночества утрате.

Кончина преподобного Паисия, наставника и учителя Филимонова, вызвала серьезные перемены в жизни последнего. Со смертью Нямецкого настоятеля боголюбивый инок лишился всего, что прежде привязывало его к этой обители. К тому же внутренние неурядица, возникшие после кончины преподобного в разноплеменной братии, смущали мир доброго подвижника и понуждали его искать более спокойного убежища на своей родине. Старец Софроний, заметивший скорбное состояние духа Филимона, посоветовал ему поискать себе в России уединенного пристанища, удобного ко спасению. Сначала Филимон колебался оставить обитель, где двадцать с лишним лет провел под кровом блаженного старца Паисия, но впоследствии вынужден

был последовать совету своего духовника. Он достиг уже возраста мужа совершенного, и Господу угодно было известить светильник Свой к просвещению других.

За три года до отшествия Филимона из Молдавии, в 1798 году, старец Софроний облек его в схиму¹⁰ и нарек Феодором. А в 1801 году отправил в Россию и напутствовал его своим благословением. Вместе с Феодором вышло еще 37 русских монахов, в основном, постриженников нямецких. Все они по синодальному решению должны были явиться в ту епархию, из которой когда-то вышли, и найти себе пристанище в одной из епархиальных обителей, выбранной по своему желанию. Это исшествие иноков из Молдавии обратно в Россию произошло благодаря высочайшему манифесту от 15 марта 1801 года, разрешившему всем российским подданным, в чем-либо провинившимся перед законом и бежавшим за рубеж, вернуться на родину беспрепятственно и без всякого судебного разбирательства¹¹. Юношей оставил Феодор свою родину и теперь старцем-схимником возвращался к ней с прежней заветной думой, где бы обрести ему уединенный приют для продолжения иноческих подвигов. С этой целью достиг он пределов своей родной Орловской епархии и явился к тогдашнему епископу Орловскому Досифею (Ильину), прося его указать обитель для местожительства. Святитель предложил старцу Трубчевский Спасо-Чолнский монастырь, здесь и поселился послушный воле архипастыря Феодор в августе месяце 1802 года. Ища пустынного уединения, инок-схимник отыскал вблизи обители древнюю пещеру, куда и уединялся время от времени для молитвы и богомыслия. Вскоре весть о поселившемся в монастыре старце распространилась по всей округе, и к дверям его келии стал стекаться жаждущий духовного назидания народ. К этому времени относится и знакомство старца Феодора с его учеником преподобным Львом Оптинским, который в то время являлся насельником Белобережской пустыни. С благословения настоятеля будущий столп Оптинского старчества, а тогда чередной иеромонах Леонид, периодически проживал в Чолнском монастыре, чтобы пользоваться советами и наставлениями старца Феодора.

Беспокойство от посетителей, нарушавших безмолвие монашеской жизни в Чолнском монастыре, особенно же распространившаяся слава о добродетелях, от которой Феодор всегда по смиренномудрию своему бегал, понудили его задуматься о поиске более удобного места для проживания. Переходу старца в другую обитель послужило одно благоприятное обстоятельство, а именно: в 1804 году в настоятели Белобережской пустыни был избран иеромонах Леонид, к тому времени являвшийся учеником схимонаха Феодора. В мае 1805 года состоялось переселение старца Феодора в Белобережскую обитель, где он с любовью был принят ee

настоятелем, который обрадовался приходу своего мудрого наставника, как обретению великого сокровища.

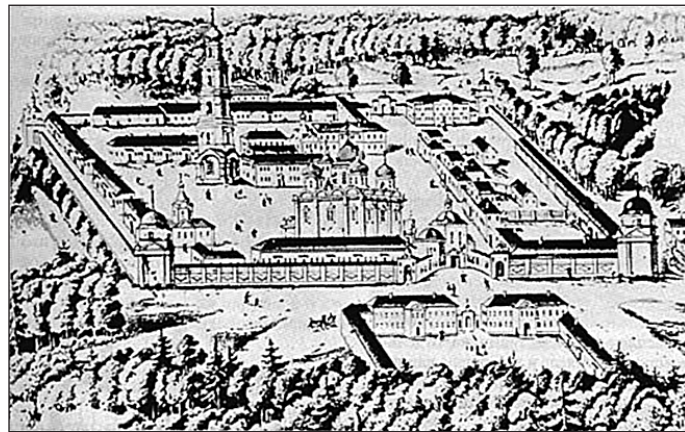
В 1807 году постигла старца Феодора сильная и продолжительная болезнь. Девять дней он не принимал никакой пищи и не подавал голоса. По прошествии девяти дней старец раскрыл глаза, и его мертвенное лицо осветилось ярким румянцем, а на устах заиграла радостная улыбка. Казалось, что он созерцает нечто неземное. В таком положении, оставаясь неподвижным и устремив взор к небу, старец пролежал трое суток. На третьи сутки он пришел в себя, поднялся с постели и вышел из больничного корпуса, как будто и не болел вовсе. Столь внезапное выздоровление старца поразило всю братию. Пережив во время болезни небесное посещение и испытав сугубое действие божественной благодати, старец Феодор возжаждал еще более уединенной и безмолвной жизни и о своем желании известил настоятеля и братию монастыря. Просьба почитаемого подвижника была исполнена, и в двух верстах от обители, в глухом лесу устроена была для него келия, куда и переселился он вместе с иеросхимонахом Клеопой для подвигов безмолвия. В скором времени к пустынноикам присоединился и сам настоятель Белобережского монастыря иеромонах Леонид, добровольно сложивший с себя бремя управляющего обителью. Произошло это в 1808 году. (Здесь, кстати сказать, в пустынном безмолвии, будущий основатель Оптинского старчества, принял келейно пострижение в схиму с именем Лев.)

Недолго пробыли два старца и ученик в Белобережском уединении, всего около четырех лет. Слава о высокой жизни и мудрости Феодора пронеслась повсюду, и к дверям келий старцев, как это было и в Чолнском монастыре, стали стекаться посетители. С утра до позднего вечера Феодор принимал приходивших к нему, отдавая себя на служение душевной пользе ближнего. Это навлекло на него неудовольствие со стороны монастырских властей. В это самое время произошло событие, ускорившее выход пустынноиков из Белых берегов: от нечаянного случая и по недосмотру самих подвижников сгорела келия отца Феодора. На общем совете пустынноиков было принято решение об отправлении старца Феодора к архимандриту Кирилло-Новозерского монастыря Феофану с целью приискать удобного места для переселения.

Архимандрит Феофан (Соколов), бывший келейник митрополита Петербургского Гавриила (Петрова), хорошо знал все обители своего края. Он посоветовал старцу Феодору поселиться в заброшенном скиту преподобного Нила Сорского, который своим уединенным местом мог вполне удовлетворить пустыннолюбивому желанию подвижников. Так как скит прп. Нила Сорского в то время был в запустении, то для возобновления его требовалось разрешение высшей духовной власти. С письмом архимандрита Феофана отправился старец

Феодор в Петербург к митрополиту Амвросию. Однако преосвященный не разрешил этого возобновления и предложил старцу поместиться на жительство в Палеостровский монастырь, тоже весьма уединенный. Послушливый отец Феодор согласился принять предложение архипастыря и в скором времени поселился на остров Палей Онежского озера, где расположилась пустынь, основанная в древних летах преподобным Корнилием Палеостровским.

Два скорбных года, с 1809 по 1811, провел в этой обители старец Феодор. Первое время он наслаждался в ней безмятежной тишиной, но вскоре ему суждено было испытать здесь великие искушения. Деятельно шествуя по пути иноческого подвижничества, он стал служить и в Палеостровской пустыни к душевному назиданию многих иноков. Это и воздвигло против него зависть близоруких людей, не понимавших духовного призвания блаженного старца и видевших в нем непрошеного самозванного учителя. Мнение это разделял и настоятель Палеостровский. Отец Феодор подвергся его нерасположению и два года терпел много неприятностей и притеснений от братии. Инокам воспрещено было входить в келию старца и вести беседы с ним. Слова его переиначивались и получали в устах клеветников смысл совсем иной, чуждый духу и направлению старца. Сам он терпел крайнюю нужду в одежде, обуви, пище и был отчужден от всякого участия в делах монастыря. Его нередко поносили в лицо и строго наблюдали за каждым его шагом. Выход за ворота обители и прогулки были воспрещены отцу Феодору. В совершенном келейном уединении, как в темнице, пребывал раб Христов, с терпением принимая все стрелы лукавого, коими уязвляли его неразумные человеки. Но увы, его терпеливость не угасала злобы ненавистников. Почему и решился старец удалиться из Палеостровской обители. 15 сентября 1811 года ночью, тайно выйдя из монастыря, он с послушником Яковом Егоровым на лодке переправился на берег Онежского озера. Побывав на Валааме и договорившись с валаам-

Белобережская пустынь

Валаам. Всехсвятский скит

ским игуменом Иннокентием о принятии его в скит обители, он затем явился к Петербургскому владыке Амвросию с просьбой об определении его в братство Валаамского монастыря. Однако прежде чем быть определенным в братию Валаамской обители, гонимый старец претерпел унижительное разбирательство о причинах самовольного побега из Палеостровского монастыря, нес епитимью в течении целого года и даже был лишен на этот срок права ношения клобука.

О мотивах своей самовольной отлучки отец Феодор показывал на допросе в Петербургской Духовной консистории: «В оном Палеостровском монастыре чинятся разные неблагопристойности, особливо, женщины и девки, обрабатывая землю монастырскую, почти во все лето (т.е. круглогодично – прим. авт.) обедают и ужинают в одной трапезе с братией. А в кухне монастырской приготавливает кушанье для братии и прочих женщина. Принужден был уклониться от сих соблазнов в другую обитель общежительную и от соблазнов мирских удаленную. Не хотя же сего сделать тайно или самовольно **многokrатно просился** у настоятеля Палеостровского монастыря, но сей и слышать о том не хотел. Итак, имея в предмете единое только то, чтоб спасти свою душу в уединенной и безмолвной иноческой жизни, принужден был из Палеострова от мирских соблазнов бежать. Ушедши же, нигде, кроме Валаамского монастыря, не был»¹². Терпеливый и смиренный старец ничего не говорит о притеснениях Палеостровского настоятеля, но выставляет благовидную причину своего самовольного удаления. «Хотя отлучка его для монашествующих предосудительна, – писал в своем письме Петербургскому архиерею валаамский игумен Иннокентий, – но, судя по качеству тамошних обстоятельств, несколько может подлежать человеколюбивому снисхождению»¹³. Но епархиальная власть, как уже было сказано, все же подвергла страдальца Христова наказанию, определив «употреблять его в течение года в черные работы» без зачисления в штат обители. И только по истечении этого срока валаамский настоятель, обращаясь в консисто-

рию, писал, что схимонах Феодор «поведением своим добропорядочен и послушание проходит усердно, да и с взятой с него сказки Духовной консисторией, кроме отлучки его, ничего законопреступного не имеется, почему и прошу Духовную консисторию учинить доклад Его Высокопреосвященству о возвращении ему клобука и освобождении от наложенной епитимьи с определением в штат монастыря». 27 сентября 1812 года схимонах Феодор был зачислен в штат обители с возвращением клобука и снятии епитимьи¹⁴.

Незадолго до прибытия старца Феодора на Валаам в нем нашли себе пристанище два бывших его сподвижника – иеросхимонах Клеопа и преподобный Лев Оптинский. Сначала они побывали на Соловках в поисках уединенного места, но вскоре убедились, что суровый климат Севера губителен для их здоровья. Тогда они решили поселиться на Валааме. В июле месяце 1811 года указом Санкт-Петербургского архиерея иеромонахи Леонид и Клеопа были определены в штат Валаамской обители с тем, чтобы «житительство им иметь в тутошних уединенных скитах»¹⁵. Около шести лет пробыли здесь три доблестных воина Христова и, как выражался иносказательно живший в то время в тех пределах юродивый Антон Иванович, «торговали здесь хорошо», намекая на духовное приобретение ими душ Христу Богу через свои советы и наставления. Ибо и здесь великие старцы своей духовной мудростью и смирением привлекали к себе многих братий и посетителей монастыря. Но и здесь это духовное окормление страждущих навлекло на старцев неудовольствие монастырского начальства, так как далеко не все могли правильно понимать их деятельность. С большим трудом пролагало себе дорогу старческое делание в Российских обителях. Трудом Оптинских старцев оно было прочно внедрено в жизнь и сознание российского монашества. Однако начинатели этого делания, насадившие через преподобных Льва и Макария в Оптине традицию умного делания, понесли многочисленные скорби и испытания, приняв на себя все тяготы, достигающиеся первооткрывателям.

Одновременно со старцами-наставниками жил в том же Всехсвятском скиту иеромонах Варлаам. Великий любитель безмолвия, он недоумевал, как старцы проводили целые дни в многолюдстве, беседуя с приходившими к ним ради пользы духовной, и пребывали несмущенными. Однажды он обратился к старцу Феодору с такими словами: «Батюшка! Я соблазняюсь вами. Как это вы, схимник, по целым дням пребываете в молве и беседах с посетителями?» «Экий ты, братец, чудак, – ответил старец, – да я из любви к ближнему два дня пробеседую с ним на пользу душевную и пребуду несмущенным. Уединение внутреннее нужно иметь в клети душевной. При нем и среди людей будешь, яко в пустыни». О таком высоком устроении, доступном лишь

единицам, пишет прп. Иоанн Лествичник: «Поистине великое дело благодушно и мужественно подвизаться в безмолвии, но без сравнения большее дело – не бояться внешних молв, а среди шума сохранять неподвижное и необязненное сердце, с человеками обращаясь внешне, внутренне пребывать с Богом». (*Слово к пастырю, гл. 9.*) Постепенно этот иеромонах, равно как и некоторые другие из монастырской братии, окормлявшиеся ранее у валаамского настоятеля отца Иннокентия, стали обращаться к поселившимся старцам за наставлениями. Это и навлекло на них неудовольствие Валаамского настоятеля, который стал искать повода, чтобы выдворить из обители пришлых «возмутителей спокойствия». Окончательно его терпение иссякло после того, как к старцам перешел преданнейший его ученик некто отец Евдоким. Этого инока, впавшего в отчаяние, опытный старец удержал от пагубного, необратимого шага, вывел из тьмы заблуждения и поставил на путь истины. Подобно тому, как некогда Печерский затворник святой Никита был избавлен от поругания дьявола преподобными Антонием и Феодосием, так и отец Евдоким был выхвачен из рук вражиих старцами Феодором и Леонидом. Вот как рассказывал об этом черемнецкий настоятель игумен Антоний (Бочков):

«В бытность мою в Санкт-Петербурге по приезде из Оптиной пустыни я встретил в больнице Невской лавры 73-летнего больного архимандрита Иосифа, жившего во многих северных обителях и в трех из них – настоятелем. Он монашествует более 50 лет и помнит отчасти время отца Леонида и отца Феодора и житие их на Валааме и в Свирском. Его словами я проверил некоторые из моих сведений. В 1817 году или ранее настоятелем на Валааме был отец Иннокентий из олонецких крестьян, подвижник до суровости, но человек довольно грубый. При нем жили в скиту отцы Леонид, Феодор и Клеопа. Настоятель малограмотный отчасти завидовал начитанности старцев, приютившихся в его обители. Молодые валаамцы начали ходить к великим старцам за советами и с откровением своих помыслов, что было в обычае Нямецкого монастыря, как дело спасительное для юных. Отец Феодор в Нямце полагал свое начало и не отказывал избыток своей опытности передавать и другим с благословения настоятеля. Игумен в простоте своей сначала не примечал в себе сильного честолюбия и зависти: эти страсти открылись при случае. Келлиарх, потом духовник Валаамский отец Евдоким, впоследствии схимник Евфимий, проходил жизнь монашескую без совета, уповая, что постами, поклонами и рабской покорностью настоятелю, которого считался присным учеником, он успеет приобрести дарования прозорливости (чего истинный монах скорее страшится, нежели желает) и победы над злыми духами. Но и послушание, изъявляемое готовностью умереть во исполнении заповеди настоятеля и подвиги, не приносили настоящих

плодов монашеской жизни: ни кротости, ни любви, ни слез, ни смирения не замечал в себе отец Евдоким. Напротив, сухость, жестокость души, зазрение всех и другие темные, хотя и скрываемые, страсти, начали томить и беспокоить старца. Он не находил себе покоя, хотя исполнял все, по его мнению должное, и по книгам, и по опыту. Старец доходил до отчаяния, и помыслы склоняли его к самоубийству и советовали броситься со скалы в залив: таково было действие самосмышления. Господь внушил о. Евдокиму, оставя надежду на свою праведность, прибегнуть к отцу Феодору и отцу Леониду. Старцы очень скоро помогли ему, открывши, на основании отцев, что одно внешнее делание и телесные подвиги не ведут к успеху, особливо, ежели они, являемые человеком, влекут к тщеславию и гордости и ко всем последствиям этих страстей: к жестокости, осуждению и отчаянию, что без внутреннего смиренного, не являемого делания молитвы и без совершенной невменяемости нельзя смягчиться, смириться и повеселеть детскою евангельскою радостью. Старцы показали ему истинный ключ к отверзению сердца, и отец Евдоким, монах внешний, но искренний и готовый на смерть спасения ради, понял смиренную науку старцев, начал перерождаться, смиряться и постепенно успокоился. (Впоследствии был он почитаем всеми на Валааме. Нынешний игумен Дамаскин пользовался его советами и сказывал, что имена отца Феодора и отца Леонида были всегда на устах отца Евфимия, и с благоговением вспоминал он о времени их пребывания.) С ним вместе и по его примеру начали ходить к старцам многие. Игумен с негодованием увидел себя как бы оставленным преданнейшим ему человеком и счел себя презираемым братиею потому только, что отец Евдоким и за ним многие воспользовались старческими советами. Братская ко всем любовь старцев, их общительность и свобода обращения показались непокорностью настоятелю, вмешательством в его управление, учение

Оптинский иеромонах Лев

Нямецкое – внушением мятежа, непочтением властей. Все это, конечно, была злоба дьявольская, все это ослепление, извращение мыслей были им накинута на необработанный ум настоятеля, жившего деятельною, хлопотливою жизнью и никогда не вникавшего за недосугом в душу свою. Видеть помимо себя в обители истинных духовных начальников, их власть и преимущество – это было выше сил бывшего крестьянина, возмечтавшего, что с саном игумена даются и дарования преподобных настоятелей. Общежительные уставы, поучающие непрестанным поклонам настоятелю, испрашиванью его почти ежеминутного благословения, торжественные встречи и церемонии при богослужении – все это кружит голову настоятелей, даже несколько образованных. Кольми паче людей простых, наиболее – жаждущих чести, прежде ими не знаемой и которую они почитают, яко лично им принадлежащею, хотя бы и недавно получили ее вместе саном»¹⁶.

Чувство валаамского настоятеля отца Иннокентия против старцев еще более усилилось после того, как министр духовных дел князь А.Н. Голицын, приехав на Валаам, все время своего пребывания провел в келии старцев. Даже велел приготовить себе у них чай и пригласить туда отца Иннокентия. После этого случая игумен вознамерился жаловаться Петербургскому митрополиту Амвросию на трех пришельцев, возмущивших, по его мнению, мир обители, и просил владыку переселить зачинщика смуты схимонаха Феодора переселить в какой-нибудь дальний монастырь. «Он решился рапортом беспокоить митрополита Амвросия, выставляя на вид неповиновение братии вследствие якобы зловредного учения старцев-странников, чуждых посетителей, возмущивших умы послушников. Митрополит, как человек, мог быть обманут. Игумен известен был ему с хорошей стороны, как честный и трудолюбивый старец-подвижник, а грубость его и мелкие страсти ведомы были только послушникам. Имена отца Феодора и отца Леонида также не долетали до слуха владыки, да и монахи-старцы не очень почитались во времена мистицизма. Все это клонилось не к оправданию, а к обвинению скитян. Предубежденный митрополит поручил, однако, исследовать это дело Коневскому строителю Илариону, человеку довольно ученому по тогдашнему времени, строгому монаху-правильнику, написавшему книжку для обучения монашеской жизни, другу отца Фотия. Иларион, как грамматик и правильник, дело повел по бумажному и по форме. Он предложил старцам около тридцати вопросов о монашеской жизни и обязал их письменно ответить на них. Но и тут святое буйство старцев оказалось выше мудрости человеческой. Несмотря на сухость сердца Илариона и его порядочное о себе мнение, он с удивлением прочитал ответы старцев на предложенные им письменные вопросы. Иларион всегда с изумлением

потом говаривал, что он нигде не начитывал того, что высказали ему в ответах простые старцы». Эти ответы впоследствии при составлении жизнеописания старцев Феодора и Леонида разыскивал оптинский игумен преподобный Исаакий (Антимонов), для чего посылал запрос в Валаамский монастырь игумену Дамаскину, но поиски его оказались безуспешными¹⁷.

Однако участь старцев в то время уже была предрешена. Они еще до решения дела были осуждены митрополитом. Как пишет в своих записках игумен Антоний (Бочков), «отцу Феодору, как не русскому, а молдавскому постриженнику, а в России просто карачевскому мещанину, повелевалось изыти из обители и числиться в первобытном состоянии. Митрополит грозил и на о. Леонида». Дело казалось безнадежным. Было, отчего прийти в уныние и отчаяние. Избавление пришло с неожиданной стороны. Господь, испытавший старцев и нашедший их верными, послал им, попавшим почти в безвыходное положение, внезапное избавление. Случилось же все следующим образом. «Племянник отца Феодора отец Иоанникий жил тогда в Невской лавре и за свою примерную честность и расторопность был свечником. По веселому и общительному характеру отец Иоанникий был знаем и любим всеми, и в его гостеприимной келии угощались все, от ректора академии до последнего послушника. Он скорее всех мог узнать о грозе, собравшейся над главою блаженного дяди его отца Феодора. Неизвестно какими путями, но он довел все это до сведения двух великих впоследствии святителей, а тогда еще архимандритов, Филарета и Иннокентия. Философы христианские, знавшие немного отца Леонида, приняли в нем участие, заступились за старцев, и их слова подействовали на митрополита. К этому времени пришло и оправдание или следственное дело от Илариона-следователя, и митрополит с ужасом увидел, что он мог быть орудием грубого настоятеля и его мстительности»¹⁸.

Валаамский игумен был вызван к владыке и встречен грозным вопросом: «Что ты, старый, со мной сделал? По твоей милости я чуть было не осудил людей, лучших нас с тобой». Игумену велено было всячески покоить старцев в своей обители с угрозой, что в случае их жалобы он будет сменен. Старцам же передано было, чтобы они были уверены в покровительстве высшего начальства.

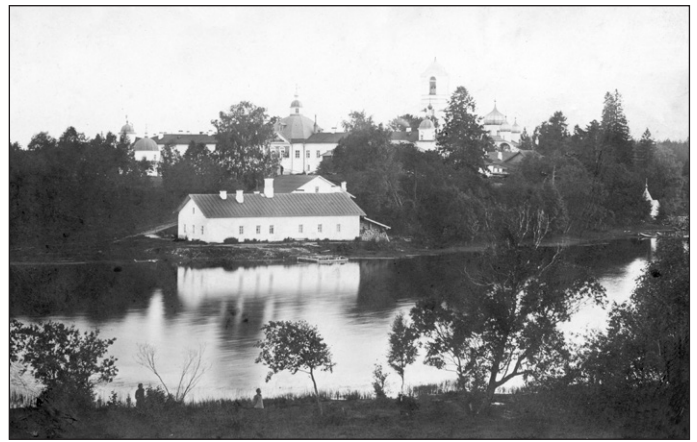
Решение митрополита не удовлетворило, однако, смиренномудрых старцев. Несмотря на благоприятный исход дела, им не захотелось оставаться в обители под покровительством архиерея и пользоваться со стороны монастырской власти особым к себе отношением. Они не могли согласиться на то, чтобы хоть как-то преимуществовать перед настоятелем. Воля игумена почиталась ими, истинными монахами, за выражение воли Божией, поэтому они скорее согласны были терпеть

от него скорби, чем возвышаться над ним. Кроме того, зная хорошо сердце человеческое, старцы не надеялись, на то, что настоятель совершенно умиротворился по отношению к ним. В силу всего этого они признали за лучшее оставить Валаам. Они были убеждены, что настоятель никогда не примирится с ними после своего посрамления и «будет дышать валаамским севером на их южное теплое молдавское учение и тихое житие»¹⁹. Они решились дать место гневу и оставить обитель во избежание продолжительного греха. Учили потом и других, что легче нести ненависть всего братства, нежели нерасположение настоятеля²⁰.

В июне 1817 года схимонах Феодор вместе с преподобным Львом переместился в Александро-Свирский монастырь. (Их сподвижник иеросхимонах Клеопа окончил земную жизнь свою в 1816 году во Всехсвятском скиту Валаамского монастыря.) 8 июня им был выдан на руки документ, дабы «благоволено было пропускать их безо всякого задержания, а по прибытии немедленно явиться к отцу архимандриту». А 23 июня 1817 года свирский архимандрит Товия «репортовал» в Духовную консисторию о том, что указ об определении в число братства Свирского монастыря иеромонаха Леонида и схимонаха Феодора им 20 числа июня месяца получен, и что 11 июня оные лица в обитель явились²¹. Александро-Свирский монастырь явился последним пристанищем старца Феодора и последней ступенью его жизненного пути. Господу угодно было, чтобы после выхода из Нямецкого монастыря духоносный муж проживал в нескольких обителях России, оставляя в них благие плоды своего пребывания и сея всюду семена умного делания. (Характерно, что даже палеостровский настоятель, державший подвижника под домашним арестом, впоследствии признал неправоту своих действий. За месяц до кончины отца Феодора целых пять часов провел он возле его одра, повергшись в сердечном сокрушении и раскаянии к стопам умирающего старца.)

Как подвизались старцы на новом месте своего жительства, сведений не имеется. Известно только, что старец Феодор достиг глубокого самоуничужения и при всяком удобном случае смирялся перед преподобным Львом. Будучи наставником преподобного Льва, он в то же время имел его своим духовником. Опасаясь, как бы преподобный Лев, как ученик, не стал действовать по отношению к своему старцу по пристрастию, снисходительно, отец Феодор, приступая к исповеди, бывало, скажет: «Ну, Леонид, смотри, чтобы не щадить». И если преподобный Лев делал своему наставнику какое-либо замечание, оно всегда принималось с любовью и благодарностью.

Ко времени пребывания старцев в Александро-Свирском монастыре относится весьма любопытный рассказ о посещении этой обители Императором Александром I. Из этого рассказа видно, что слава о

Александро-Свирский монастырь. Фото 1910-х гг.

подвижнической богоугодной жизни старцев Феодора и Леонида следовала за ними всюду, хотя они и не желали того.

В 1820 году Государь объезжал свои северные владения. Путь его пролегал вблизи Александро-Свирского монастыря. (Историк Свирского монастыря Я. Ивановский пишет, что посещение обители Императором произошло в 1820 году 24 июля в 8 часов утра при настоятеле архимандрите Парфении II. Царь ехал тогда в Архангельск через Лодейное поле²².) Жившие там старцы схимонах Феодор и преподобный Лев почтительно предложили своему настоятелю приготовиться к встрече Государя, хотя в его маршруте монастырь этот не был обозначен. Отец архимандрит принял это предложение, и в часы, назначенные старцами для проезда Императора, ожидал его у ворот. Между тем, Государь на пути по своему обыкновению расспрашивал о местности и ее жителях у ямщиков, иногда сам, а иногда через своего кучера Илью. Приближаясь к дороге, где поставлен был крест в знак близости обители и для указания к ней пути, Государь спросил: «Что это за крест?» Узнав, что недалеко Свирский монастырь, он велел ехать туда. При этом он начал расспрашивать, какова в монастыре братия. Ямщик, нередко туда ходивший, сказал, что нынче стало лучше прежнего. «Отчего?» — спросил Государь. «Недавно поселились там старцы, отец Феодор и отец Леонид, так теперь и на клиросе поют лучше, и во всем, как будто, больше порядка», — отвечал ямщик. Государь, слышавший от князя Голицына эти имена, пожелал познакомиться со старцами.

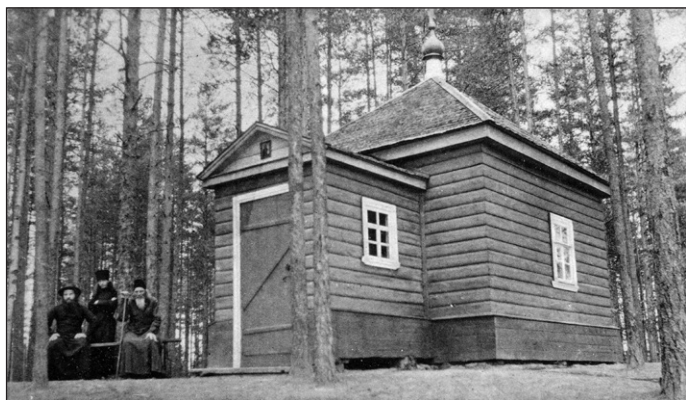
Между тем, ожидавшие Царя-посетителя и испытанные скорбями старцы сотворили между собой краткое совещание, как поступить, если Государю угодно будет обратить на них внимание. «Если из-за князя Голицына было нам искушение, — сказал отец Феодор, — то что будет из-за Государя? Поэтому, отец Леонид, не будь велеречив, а всячески помалчивай и не выставляйся».

Подъезжая к монастырским воротам, высокий посетитель удивился, что его встречает настоятель, и

тотчас спросил: «Разве ждали меня?» Отец архимандрит сказал, что по совету старцев вышел встретить возлюбленного монарха. Войдя в церковь и приложившись к мощам прп. Александра, Государь спросил: «А где здесь отец Феодор и отец Леонид?» Старцы сделали шаг вперед, но на все вопросы Императора отвечали отрывисто и сдержанно. Государь, видя смущение старцев, скоро прекратил беседу и, подойдя к отцу Феодору, попросил у него благословения. «Я монах непосвященный, – сказал смиренный старец и добавил, – я просто мужик». Государь вежливо ему откланялся и поехал в дальнейший путь.

«Анекдот краткий, – пишет игумен Антоний (Бочков), – но вызывающий на долгие размышления. Какой настоятель, какой старец нашего времени не воспользовался бы таким единственным в жизни случаем, чтобы обратить на себя монаршее внимание и привлечь на грудь свою знаки отличия, ибо Государь дарил и схимников алмазными крестами? Кто пренебрег бы такую честь и славу? Ныне настоятели дельвали репетиции встречи Царя, учили, как бросить цветы к его ногам и сами заготовленные приветственные слова декламировали у ворот тени царской в ожидании настоящего явления. Какие заботы, какие труды подъяли бы многие, чтобы быть осиянными лучами земного солнца России? В это почти время отец Фотий разными хитростями достигал этой цели: свидания с Царем, панации от него и часов от Императрицы, и мечтал, что весь город потрясется о нем и о имени его. А тут в лесах олонецких два старца, не любившие мира не только словесно, но и действительно боявшиеся единого Бога, отклоняли премудро человеческую славу. Воистину дело беспримерное, непостижимое, невозможное для монахов нашего времени»²³.

В Александро-Свирской обители старец Феодор пользовался любовью ее настоятеля, а также пребывавшего там на покое митрополита Имеретинского Евфимия. Святитель этот весьма любил старца и часто посещал его для духовных бесед. Он называл отца Феодора лучшим своим другом во Христе. Однажды,

*Александро-Свирский монастырь.
Скит на Феодоровском острове. Фото 1900-х гг.*

когда старец впал в продолжительный недуг, грузинский архипастырь пришел к его келии с намерением посетить болящего. Ему сказали, что страдалец не в состоянии принять его по причине усилившегося припадка болезни. Митрополит Евфимий целый час ожидал прекращения припадка в сенях келии старца, не взирая на холодное время года и на свои преклонные лета. Старец Феодор встретил входящего к нему иерарха пророческими словами: «Владыко святой, я буду предтечей твоим в блаженную вечность». «Велик Феодор!» – нередко после бесед со старцем восклицал святитель Евфимий.

В историческом очерке, составленном свирским иноком Афанасием в 1906 году по случаю 400-летия существования обители, имеется следующая запись о старце Феодоре, подтверждающая слова владыки Евфимия: «Отец Феодор вел жизнь весьма суровую. Пищу употреблял братскую, один раз в сутки; чая никогда не пил; келии своей никогда не запирает, так как в ней не было ничего крадомого. Он имел только одну рубашку, которую мыл дважды в год, и носил, пока она совершенно не обветшает. Из платья у него были для келии всего только одна свитка из серого сукна, которой он прикрывался, когда спал. Для церкви он имел мухояровый подрясник, мантию и клобук. Приношений никаких и никогда ни от кого не принимал, кроме книг, но их по прочтении он тотчас же отдавал в монастырскую ризницу и после того уже брал читать как казенные. Правило церковное он исполнял у себя в келии и постоянно занимался умной молитвой. Живя в Свирском монастыре, отец Феодор по временам уединялся на безмолвие в пустыньку, на противоположный берег Рошинского озера. Там и до сего времени заметны следы его отшельнической хижины, и самое место носит название «Феодоровской пустыни». Умерщвляя плоть свою постническими подвигами, великий старец не ограничивался этим, но на теле своем носил еще тяжелые железные вериги весом 1 пуд и 5 фунтов, которые находятся на хранении в монастырской ризнице. Подвижническая жизнь и богопросвещенный ум старца, при обширной начитанности и великой духовной опытности, привлекали к нему сердца людей, ревнующих о благочестии. У него было много учеников, к которым он был также строг, как и к себе»²⁴.

За полгода до кончины старца посетил тяжелый недуг и приковал его к одру. Наступила четырехдесятница 1822 года. Старец слабел и приближался к отшествию в вечность. Во время усиления страданий старец просил ученика своего преподобного Льва прочитывать ему предсмертную беседу Спасителя со своими учениками из Евангелия от Иоанна и в ней черпал силы к мужественному перенесению болезни. Приближалась Пасха Христова. «Я думал праздновать Пасху уже не с вами, – говорил отец Феодор своим ученикам, – но

Богу угодно было еще раз осиять меня здесь, на земле, славой живоносного Христова Воскресения. Слава Богу за все!» 7 апреля, в пяток Светлой седмицы, старец был напутствован архимандритом Макарием со старшей братией Свирской обители таинством елеосвящения, исповедался и причастился Святых Таин. К вечеру этого дня лицо его просияло, светлая улыбка осенило лицо. С трепетом взирали скорбные ученики на дивную перемену в облике своего старца, который безмолвствовал и как бы был занят созерцанием горнего мира. Позабыв свою скорбь, ученики в благоговейном молчании окружали его одр, взирая на славную кончину праведника, готового переселиться в райские обители. Тихим вздохом разлучилась боголюбивая душа подвижника с многотрудным телом, которое и после смерти сохранило в облике своем отпечаток неземной славы, осенившей его в минуты кончины.

Погребение и поминовение почившего старца совершилось иждивением митрополита Евфимия. На четырнадцатый же день и сам благочестивый архипастырь отошел в блаженную вечность, как и указал ему старец Феодор, предсказав, что послужит ему предтечей в страну загробную. Так окончил многоскорбное течение свое приснопамятный схимонах Феодор, светильник веры, от которого зажглась великая лампада Оптинского старчества, осветившая всю Россию светом любви Христовой.

После кончины старца преподобный Лев еще на протяжении пяти лет пребывал в Александро-Свирском монастыре. Перед самым выездом в Оптину пустынь он писал: «Ничего так не жаль здесь нам оставить, как только останки прелюбезнейшего нашего благодетеля, достоблаженного батюшки отца Феодора». Сей родоначальник Оптинского старчества питал глубокую веру к своему учителю, всегда своим чадам советовал прибегать к молитвенной помощи почившего старца Феодора и ставил его предстательство наравне с предстательством прославленных угодников Божиих. Так, в одном письме по поводу выздоровления одной рабы Божией он писал: «Ежели Богу угодно пожить ей, то надеемся, что за молитвы угодников Божиих преподобного Александра Свирского и батюшки отца Феодора она пооблегчится и возмужает»²⁵. В другом письме он прямо называет его преподобным. «Да помним мы свои обеты, – писал он отцу Иоанникию, – данные нами при пострижении, и богодухновенные наставления предражайшего и достопамятного твоего дядюшки преподобного Феодора, который нам сие преподавал и словом, и примерными деяниями жителства своего»²⁶.

Могила старца являлась объектом особого почитания богомольцев и насельников обители вплоть до закрытия монастыря. Память о старце Феодоре, учителе преподобного Льва Оптинского, свято хранилась в Свирской обители и после его кончины. В 1895 году при настоятеле Агафангеле (Амосове) на месте под-

*Александро-Свирский монастырь.
Часовня на берегу Рощинского озера
у Преображенского монастыря.*

*Иаковлевская часовня
на берегу Рощинского озера*

вигов блаженного схимника была выстроена часовня в честь преподобных Сергия и Германа Валаамских. Железные вериги, которые он носил на своем теле, были помещены в монастырской ризнице, как монастырская реликвия и святыня.

По воспоминаниям очевидцев честные останки старца Божиим изволением были явлены нетленными. Архимандрит Пимен, настоятель Николо-Угрешского монастыря, в своих воспоминаниях пишет, что через 10 лет после смерти отца Феодора, когда рядом с его могилой копали могилу для духовника обители иеросхимонаха Антиоха, оказалось, что гроб отца Феодора, одежды и тело были совершенно такими же, как в самый день его погребения. Это свидетельствовал также наместник Симонова монастыря, бывший в то время иеродиакон Свирского монастыря²⁷.

Примечания:

¹ При написании данного текста использованы материалы книги «Схимонах Феодор. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря». СПб, 1997.

² Житие иеросхимонаха Льва. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1994. С. 168, 187.

³ Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. 23, оп. 2, д. 6. Л. 46.

⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵ РГИА. Ф. 796, оп. 84, д. 482, л. 3 об.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 13, д. 660. Л. 12.

⁷ Архив Института Истории РАН СПб. Ф. 3, оп. 3, д. 21. Л. 85.

⁸ Там же.

⁹ Послужный список Валаамского монастыря схимонаха Феодора за 1815 год. Архив Финского Валаамского монастыря. Ф. 30, д. 74. Л. 15 об.

¹⁰ Архив Ново-Валаамского монастыря (Финляндия). Ф. 30, д. 74. Л. 15 об.

¹¹ См.: РГИА. Ф. 796, оп. 82, д. 886.

¹² ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 13, д. 660. Л. 12-13.

¹³ Там же. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ Архив Ново-Валаамского монастыря (Финляндия). Ф. 30, д. 74. Л. 6.

¹⁶ РГИА. Ф. 1680, оп. 1, д. 6. Л. 1-6.

¹⁷ См. Архив Ново-Валаамского монастыря (Финляндия). Ф. 30, д. 74. Л. 4.

¹⁸ Там же. Л. 7-10. Эти сведения, сообщенные игуменом Антонием (Бочковым), нельзя признать достоверными. Отец Иоанникий, племянник старца Феодора, впоследствии принял схиму с именем Леонид, скончался и был погребен в Оптиной пустыни в 1853 году. Назначение в Невскую лавру он получил уже после блаженной кончины старца Феодора, в 1824 году. В момент, когда происходило описываемое следствие по делу старца Феодора, отец Иоанникий находился в братии Валаамского монастыря. Но, конечно, он мог

употребить свои связи для защиты своего дяди, оставаясь и насельником Валаама, что и позволило игумену Антонию сделать вывод о влиянии отца Иоанникия на его судьбу.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Во всей этой валаамской истории много неясного и противоречивого. Устные предания о ней, которые переходили из издания в издание, расходятся с имеющимися архивными документами и с обычной практикой ведения следствия по таким вопросам. Официально старцы Леонид и Феодор обвинялись в нанесении какого-то оскорбления настоятелю и в самочинном окормлении братии. Коневский строитель Иларион, как это видно из документального источника, прибыл на Валаам 14 февраля и пробыл в обители 5 дней, до 19 февраля. В эти дни он расспросил насельников обители и самих «виновников смуты» о том, действительно ли старцы самочинно управляют совестью братии. Старцы Феодор и Леонид ответили ему, что учеников они принимали «только для бесед духовных, а не в совершенное управление их совести». Примирив настоятеля со старцами и добившись того, что валаамский игумен отказался от своего намерения выселить старца Феодора подальше от Валаама, коневский строитель Иларион отбыл в свою обитель. Эти подробности зафиксированы в документах Валаамского монастыря (см.: Архив Финского Валаамского монастыря. Ф. 30, д. 74). Здесь ничего не говорится о тридцати вопросах, якобы предложенных старцам отцом Иларионом, который не сомневался в непогрешимости их исповедания.

²¹ Архив Института истории РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 17. Л. 219, 258.

²² Ивановский Я. Описание Александрo-Свирского монастыря. СПб, 1901. С. 102.

²³ РГИА. Ф. 1680, оп. 1, д. 6. Л. 14-15.

²⁴ Архив Института истории РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 325. Л. 44 об.-45 об.

²⁵ Письма Оптинского старца Льва к монаху Иоанникию. Оптина пустынь, 2002. С. 35.

²⁶ Там же. С. 48.

²⁷ Архимандрит Николо-Угрешского монастыря Пимен. Воспоминания. М., 1877.

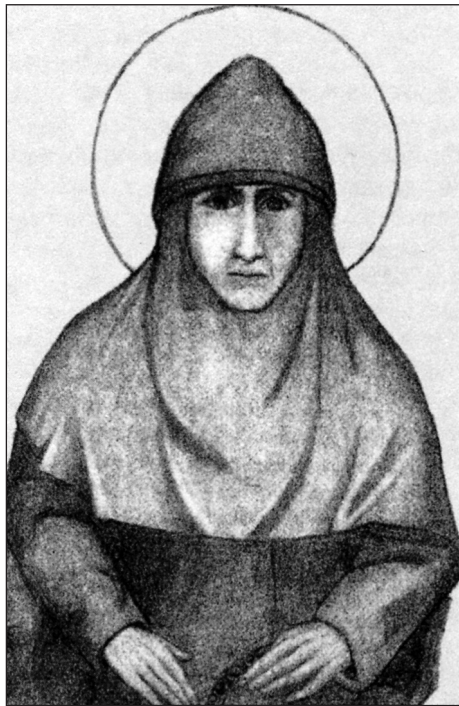
*Александрo-Свирский монастырь.
Панихида на могиле схимонаха Феодора
в присутствии еп. Никандра и настоятелей Олонецкой епархии
в день Св. Троицы.*

ПУСТЫННОЖИТЕЛЬНИЦА ИНОКИНЯ АНАСТАСИЯ ПАДАНСКАЯ

† 1901, память 11/24 июля

В туманном Олонецком крае, с его бесчисленными озерами и дремучими лесами, издревле приютилось немало обителей, мало-населенных, малоизвестных. Так, в этот далекий и унылый край устремилось в свое время множество людей, которые искали уединения и суровых подвигов ради богоугождения. В новое время, в последние два века, здесь, как и в старину, также образовался новый круг великих ревнителей иноческой жизни. Старцы-схимники Феодор Свирский и Игнатий Важеозерский, блаженный Фаддей Петрозаводский, возобновитель Свирского монастыря архимандрит Агафангел и пустынножительницы Мария и Анастасия – с их учениками и ученицами – служат украшением этих тихих олонецких обителей,

основанных преподобными просветителями Олонецкого края, и влекут к своим могилкам верующий народ.

Жития схимников Феодора и Игнатия, блаженного старца Фаддея и пустынницы Марии Олонецкой были написаны и уже не раз опубликованы. Сказание о жизни пустынницы Анастасии, из общинки которой возникла в начале XX века Паданская Корнилиева женская обитель, дополнит повествование о подвижниках края.

Инокля пустынница Анастасия, в миру Анна, родилась в 1819 году в с. Гороховатке Харьковской губ., куда незадолго перед тем переместились сродники ее из Киева. Родители ее были простые благочестивые люди, Анне было полтора года, когда ее мать скончалась. Девушка выросла под руководством бабушки, которая была женщиной весьма замечательной. Ее звали Евфросиния. Всего она прожила 114 лет, а во вдовстве целомудренно жила 84 года. Это была строгая постница, по пятницам совершенно ничего не вкушавшая, кроме хлеба и воды по заходе солнца. Она ежегодно дважды ходила на богомолье в Киев. Только за три года до смерти перестала паломничать. Под руководством такой старицы и выросла Анна. Она во всем слушалась

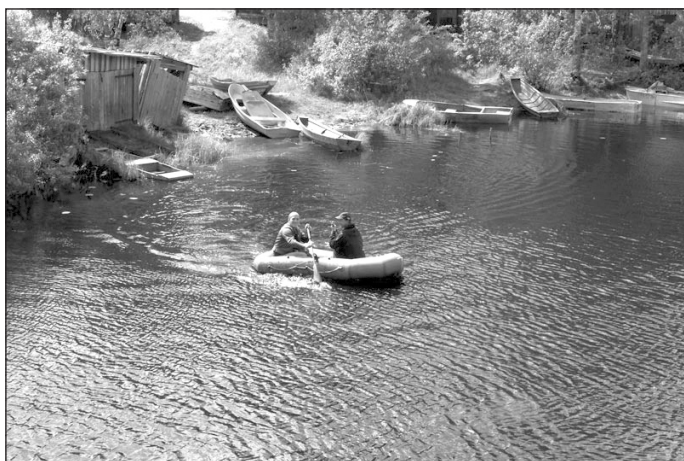
бабушку и сопровождала ее с малых своих лет на богомолье в Киев и его окрестности. Рано выученная читать, Анна с детства привыкла к душеспасительному чтению и стала ревновать о жизни святой, подвижнической. Неудивительно, что она с ранних лет нередко стала и хворать: раннее развитие и ранние порывы к строгому постничеству, по примеру бабушки, отзывались на ее здоровье, хотя она была очень видная девушка и могла бы выйти замуж за хорошего человека. Но не лежала ее душа к жизни мирской. Когда ей шел 17-й год, бабушка скончалась. Эта разлука и была последним толчком к тому, чтобы порвать с миром. Есть такие редкие, чистые, неземные девушки, которых не манит мир с его обманчивыми прелестями. Души их не внимают ничему земному,

но могуче рвутся к небесам. Все их чистые помыслы направлены лишь к тому, чтобы жить для Господа, Ему служить, с Ним быть до гроба. К числу таких редких, нравственно прекрасных девушек и принадлежала Анна, как некогда Мария праведная, желавшая быть у ног Спасителя и внимать Его глаголам. Она не раз читала жития святых и образ Марии Египетской глубоко врезался в ее сердце, и мысль о пустынножительстве заняла ее ум... Вскоре вслед за бабушкой умер ее отец. Девушка раздала все родительское немудреное имущество бедным, лишь купила на пять грошей хлеба, и пошла спасаться в окрестности Китаевой и Голосевой пустыней, где в полном уединении и в молитве провела 18 суток. Она наивно думала, что можно быстро достигнуть святости и бесстрастия, но скоро поняла ошибочность своей мечты. Вернувшись к родственникам и прожив еще год в миру, она поступила в один из женских монастырей в окрестностях Киева и прожила там немалое время, научившись рукоделию. Но монастырская жизнь ее не удовлетворила: ее влекло в уединение пустыни. Опасаясь поступить по своему разуму ошибочно, она прибегла с горячей молитвой к Божией

Матери, прося Ее указания: угоден ли Господу тот путь, к которому стремилась ее душа. В ответ на пламенную молитву девушки последовал такой замечательный сон. Она видит во сне, что держит икону Божией Матери на руках, и от иконы исходит кроткий и милостивый глас, который осеняет девушку приятной теплотой. Эта теплота входит внутрь и, приятная сначала, становится потом тяжестью и горечью. Поняв из этого сна, что ее подвиг богоугоден, но, приятный сначала, потом, при несении станет тяжелым и горьким, девушка пошла на богомолье в Почаев, а оттуда в г. Балты за советом к о. Феодосию Левицкому, пастырю-странноприимцу, человеку богоугодной жизни. У о. Феодосия она пробыла достаточно долго, чтобы присмотреться ко всему и научиться служению ближним в его странноприимнице. Добрый пастырь утешил ее душу и благословил на желанный путь. Его советы и наставления были дорогим напутствием Анне на трудный подвиг, на который она и вступила вскоре после смерти о. Феодосия. При этом замечательно было то, что перед кончиной пастыря Анна видела такой утешительный сон. От востока с небес образовался светлый путь до дома о. Феодосия. Окруженная светлым воинством Матерь Божия снизошла к о. Феодосию, коленопреклоненно Ее ждавшему, и благословила его, и дала лобызать Свою руку Анне и другим... Это видение укрепило Анну в решимости сходить на поклонение к Тихвинской иконе Пресвятой Богородицы, о которой она читала еще в детстве. Это желание она выполнила по кончине о. Феодосия, причем, совершенно неожиданно для себя нашла спутниц в Киевской лавре среди богомолков. С ними она отправилась в Тихвин, где и помолилась умиленно пред ликом Пречистой. Здесь же она встретила с Марией, другой олонечкой пустынножительницей, племянницей о. Игнатия Важеозерского. Вместе с Марией Анна отправилась в Старорусские пределы и там, около родного селения Марии, некоторое время подвизалась уединенно в лесу, но недолго. Их души стремились в более уединенное место. У Анны была особая нужда

удалиться как можно дальше и найти доброго советника в затруднительном положении. Она, когда жила некоторое время у родных, обратила на себя благосклонное внимание помещика, но это внимание было нечистое... Бегая греха, Анна скрылась из родного села без паспорта, что ее и смущало. Анна и Мария вскоре обратились за советом к одному богоугодному старичку. Тот сказал им, что есть вдаль уединенная обитель в лесах, где живут два брата. Старец небольшой, в тулупчике, с топором за поясом, укажет им дорожку в глухой лес... Этим старцем был о. Игнатий (Исаия), а его брат Феодор подвизался в Андрусовской пустыни. О. Игнатий был дядей Марии, которая с подругой и пошла безбоязненно к нему за советом. Старец ласково принял путниц, но не сразу, а со временем, испытал их терпение, устроил жить в лесу, недалеко от Никифоровской пустыни. Тогда-то Анна, в иночестве Анастасия, и вступила на желанный путь, с которого не сошла до конца своей жизни – путь пустынножительства.

Велик подвиг пустынножительства. Он состоит из постоянных молитв, постоянного самоиспытания и покаяния, трудов и терпеливого перенесения разных тягот этого рода жизни и всяких демонских искушений. Старец о. Игнатий наставил молодых ревнительниц пустынной жизни правилам молитвы и уединенной жизнедеятельности, устроил им келию, и первое время сам руководил ими. Но со временем, с кончиною старца, пустынницам жить стало нелегко. Им пришлось переходить с места на место, ибо монастырь был поставлен в необходимость, ввиду разных недобрых слухов злых людей, по требованию высшего духовного начальства, удалить пустынниц из окрестных лесов. По прошествии времени нужда разлучила пустынниц, и они уже по отдельности совершали свой жизненный путь. Прошло много лет, и Анастасия переселилась к забытой Корнилиевой Паданской пустыни, где и жила до своей кончины. Проводя время в постоянных молитвах, посте и трудах, с молитвою Иисусовой, Анастасия понесла много скорбей, чрез которые воспитала в себе дух крепкого смирения и упования на волю Господню, очистилась духовно и преуспела в добродетелях, как истинная пустыница. Велики были тяготы ее пустынной жизни. Вот как она рассказывала на старости лет своей ученице о начале своего пустынного горького жития. Эти прискорбные обстоятельства начались с самого прихода в Важеозерскую пустынь и ее лесные окрестности. Старец Игнатий ласково принял их, но сразу не благословил на пустынножество, указывая на их молодость. Он решительно посоветовал им идти домой. Девушки однако домой не вернулись, а пошли к Соловкам, не оставляя своего намерения. Недалеко от обители, верстах в 50, в доме одного доброго поселянина они высказали свое желание, и тот указал им укромное лесное местечко, сам свел туда. Дело было летнее, и они жили в хижинке из веток, пекли хлеб с мхом, им питались и

Река Паданка возле монастыря

молились... Прожили они несколько месяцев. Старец, убедившись в их решимости и твердости, снова позвал в монастырь, и сам им помог устроить келию. Когда же им пришлось уйти из построенной старцем келии и все делать самим, тут-то и отведали они истинного горя. С большим трудом они копали промерзлую землю. Трудна была эта работа некрепким девушкам и неопытным. Питались же они лишь грибами и ели их вареными, а черви были вместо соли. Целое лето ходили босые, а змей медяниц было много. Топор у них был один – тупой – и спадал с ручки. С горем пополам надрубили они с десяток елей. Надрубленные ели нагнулись, но долго не падали. Плача и молясь, снова принимались девушки за работу. Кое-как устроили келию из сырых дерев. Вылили воду из землянки. А дверей не было. Растянули крашенинный сарафан вместо дверей. Сделали печку, но не прочно: верх печки был укреплен на обмазанных глиной палочках: прогорел при первой топке. Спустя некоторое время пришел мужичок, принес муки, топор, пилу и сделал им двери. Угар и холод наполняли эту убогую землянку, где жили целую зиму девушки, молясь Богу и терпя все эти невзгоды. Со временем сделали сами из досок, вместо дерна, крышу, присмотревшись к крестьянской работе, кололи плахи. Стало тепло, но тут новое неудобство: деревья разопрели и дали длинные отростки. С весною, когда земля растаяла, келия их развалилась. Но без ропота несли все эти скорби труженицы: уединение пустыни было дорого их духу, и ради него они готовы были терпеть все. И потом еще много лет было им обоим немало горя от неудобства пустынных жилищ. Были и иные скорби. Раз Анастасия пошла за грибами и заблудилась, будучи принуждена несколько ночей ночевать под елками на дожде и ветре. В другом месте их поселения было очень много змей, потому что поблизости от келии было дупло в старом дереве, где и находилось змеиное гнездо. Раз, придя со сбора грибов, Анастасия вошла в свою избушку, а там лежит большой змей на рогоже, где она спала. В другой раз, полезла в кадушку за хлебом, а в кадушке лежал огромный змей и свистел. Однажды Анастасия пошла за грибами и, видя много валежника, задумав сделать репище и сеять репу, подпала хворост. День был сухой – начался настоящий лесной пожар. Со слезами пала на землю пустынноца и стала просить Господа о помощи. Вдруг явилась туча и залила пожар.

Когда Анастасия уже жила с одною ученицей, на них напали двое разбойников. Ища денег, они связали пустынноц веревками. Сами были в масках. Денег не нашли, грозили повесить, если отшельницы не укажут, где спрятаны деньги. Руки связанных так почернели, что и потом долго были черными. Только сходя в кладовку и найдя там лишь немного грибов и одну меру муки, разбойники убедились в нестяжательности пустынноц, развязали их, земно кланялись, прося прощения,

Падано. Скит восстанавливаемой общины

и ушли. Так, всего натерпелась на своем тесном пути Анастасия. Но этими невзгодами не исчерпывалось ее вольное страдание. Когда трудности жизни не изгнали ее из пустыни, враг рода человеческого стал смущать ее страхованиями: тяжелое уныние, тоска, необъяснимый страх, голоса, угрозы, привидения – все перенесла пустынноца в своем уединении. Но и Господь ее не оставлял за ее глубокое смирение и крепкую веру. Утешал ее Он в сонных видениях и дарованием ей добрых и верных сподвижниц. Вот как впоследствии рассказывала старица о таких утешениях своим ученицам. Раз видит она мрачный дворец князя власти воздушной. Сидит и пишет в книге, и говорит о необходимости уничтожить все монастыри, кроме двух. Со злобою набросился он на пустынноцу Анастасию, когда та стала защищать монастыри и говорить о молитве за мир. «И за тебя помолились бы», – сказала она, чем и вызвала новый ужасный взрыв гнева. Но невидимая сила спасла от лютой врага. Тогда Анастасия видит сонмы иночествующих дев и жен, идущих и мощно поющих священную песнь, а у самих в руках горящие светильники. Анастасия тоненьким голосом стала им вторить и пошла с ними, – на чем и проснулась. Другой раз, когда Анастасия в изнеможении от тяжелого недуга лежала и читала Добротолубие, заснула и увидела идущие на нее полчища демонов, от которых ее сохранил Спаситель, заповедавший очищать сердце, укреплять его молитвою и не смущаться, что не все сразу и легко дается человеку. Еще раз видела она в неизреченной красоте Божию Матерь, и после этого видения сразу же почувствовала себя здоровой. Видела же Пречистую, как Она изображается на иконе Всех Скорбящих Радосте.

Пробовал враг, смущая пустынноцу, появляться и в сонных видениях, принимая вид светлого ангела, но Анастасия чувствовала всегда при начале таких снов томление духа, просыпалась, начинала усердно молиться, и искушение для нее проходило безвредно.

По мере того как зрела духовно пустынноца в этих скорбных обстоятельствах, сила ее нравственного вли-

Вид строящегося скита в б. Паданской обители

яния все более и более увеличивалась, и к ней стали постепенно собираться ученицы – девушки, подобные ей ревнительницы Горнего Царства. Насколько было велико самоотвержение и терпение ее, можно судить уже по тому, что преосвященный Игнатий, увидя ее житьё, прослезился, умилился духом и благосклонно разрешил жить на месте бывшего Паданского монастыря. Тут-то и образовался кружок сподвижниц Анастасии, принявшей тайно иноческий постриг. Сурова была жизнь Анастасии. Келия ее была холодна и убога. На полу в углу келии лежал мох, на нем дощечки, на которых и спала подвижница. К утру мох застывал от холода, как на улице. От трудов пустынных тело ее распухало и томительно болело, но она не издавала ни стоны и все переносила в молчании, радостная ликом, кроткая и внимательная. Первоначально ее сподвижницы жили довольно далеко одна от другой. Ее верная первая сподвижница, мать Евдокия, которая мирно почила 14 января 1887 г., передавала несколько случаев из их жизни, прекрасно рисующих это сокровенное о Боже житие их. Она говорила: «Раз мать Анастасия была очень больна. Мы жили одна от другой в версте. Я ходила к ней и служила. Не легко было ходить к ней: иногда всю дорогу занесет, – не знаешь, куда идти. Я скорбела, что далеко ходить. Анастасия видела и укрепляла меня молитвами и уверением, что этот труд угоден Богу. И вот я вижу во сне однажды, что кто-то дает мне башмаки, сделанные из чудных неземных цветов. Посмотрела внутрь: а там дивные цветы, и благоухают. «Эти башмаки тебе за труд и служение матери Анастасии», – сказал чей-то голос, и я, радостная, проснулась и бескорбно служила своей старице до конца жизни. Старица, сама постоянная делательница молитвы Иисусовой, учила и своих сподвижниц этому духовному подвигу. Евдокия долго не могла привыкнуть и не была уверена в действенности этой молитвы. Вот она видит сон: громадное число людей, между ними ходят бесы и влекут на дурное. Безоружные люди сразу идут и исполняют вражеские приказы. Подходят бесы и к ней.

Она начинает творить Иисусову молитву и видит у себя меч, весь как бы из одного имени Иисусова, длинный и огненный. Куда она обратит меч, – бесы бегут. Она проснулась и стала усердной молитвенницей. Пища их была убогая. Они варили лишь щи из картофельной ботвы, но это кушанье было очень вкусно, и когда его ели миряне, то удивлялись, откуда у них такая вкусная зелень, и с трудом верили, видя только картофельную ботву. Когда Евдокия пришла к Анастасии и, прожив три дня, восхищенная, делилась со старицей своей радостью, что так хорошо, что «каждое деревцо, как ангела встречаешь», пустыннощица сказала ей: проживешь со мною тридцать лет, что и оправдалось впоследствии.

Когда вокруг матери Анастасии собралось довольно большое количество сестер, можно было бы устроить и обитель. Но старица до конца осталась верна своему пустыннолюбию. Возобновление древнего Паданского монастыря в виде женской обители было делом другой личности, которой мать Анастасия и предоставила действовать от своего имени по ее личному усмотрению.

Основанная прп. Корнилием Паданским, одним из учеников прп. Александра Свирского, в 1764 году обитель, просуществовав в течение 221 года, была упразднена и обращена в приходскую церковь. Паданская пустынь была приходским погостом, и в ней существовал причт не более 25 лет, после чего приход был закрыт и пустынь приписана к Виницкому приходу. Около 1790 года церковь Свт. Николая Чудотворца перевезена была из пустыни в Виницы, вместо сгоревших там церквей в 1785 году. Второй храм пустыни, во имя прп. Александра Свирского, в начале XIX столетия сгорел от неосторожного обращения с огнем виницкого крестьянина Августова, имевшего пашню около пустыни. Третий храм – Введения Пресвятой Богородицы, в котором покоятся под спудом мощи прп. Корнилия, находился до начала 1930-х гг. в Введенском Паданском женском монастыре. По упразднении Паданской пустыни и затем приходского причта в ней в 1790 году Введенский древний храм был в полном запустении; в нем виницкие крестьяне, пахавшие паданскую землю, помещали сохи, бороны, телеги, сено и сами со своими семьями спали в храме во время летних работ; икон, риз и никакой церковной утвари в храме не было в течение 40 лет, пока бывшую Корнилиеву пустынь, по поводу чудесных явлений в ней, не посетил первый епископ Олонецкой епархии, преосвященный Игнатий, по благословию которого Введенский храм за счет казны заново был отремонтирован и освящен 19 декабря 1832 года. С этого времени жители окрестных волостей стали стекаться на богомолье на место упокоения прп. Корнилия.

Обновленная Введенская церковь представляла собою остаток почтенной древности и являлась памятником, свидетельствующим о святых подвижниках,

совершавших свои богоугодные подвиги в простоте души и чистоте сердечных помыслов. Церковь Введения – одноглавая, деревянная, крытая, подобно избе, на два ската, походила более на часовню или крестьянский амбар, чем на храм. Вход в нее был с севера, алтарь ниже самого храма и прирублен, приставлен к храму с боку; окна маленькие, «волоковые», размещены то выше, то ниже одно другого. Икон в этом храме немного, а именно: икона Введения во храм Пресвятой Богородицы, чтимая в окрестных с пустыню селах, икона преподобных Корнилия, Дионисия и Мисаила и несколько других икон. Маленькие колокольчики повешены были на столбах, вблизи церкви. Один путешественник, посетивший Корнилиеву пустынь в августе месяце 1868 года, в своих записках так описывает местность. «Паданская Введенская давно упраздненная пустынь в настоящем своем положении много похожа на древний скит. При выходе из леса на пожню открываются только три небольшие келии, в разных расстояниях одна от другой, а церкви не увидите, потому что она очень мала и стоит в прекрасном березовом лесу, которым вообще изобилует вся местность этой пустыни. Очаровательные березы, прекрасные луга, тихая Падана река, веселое плескание в ней рыбы и приятнейший, благовонный от берез воздух, невольно заставляют думать о будущих красотах, воспламеняя к тихой и усердной молитве к своему милосерднейшему Творцу». В это время в пустыни, около храма и реки, находились четыре маленькие избы-келии: в одной из них жил сторож, а в другой – слепец, остальные две избы были пусты. Сторож передал путешественнику, что «до него продолжительное время был сторожем благочестивый человек, не раз явно выдавший в ночное время старца-монаха, то задумчиво сидевшего на поленнице, то где-нибудь в другом месте. Это основатель пустыни являлся и точно скорбел о запустении основанной им обители». К возобновленному Введенскому храму в 1867 году пристроены были паперть и колокольня. В 1869 году, по благословению преосвященного архиепископа Аркадия, над местом погребения прп. Корнилия крестьянином Василием Морозовым была устроена новая деревянная рака; на верхней доске раки написан лик священоигумена Корнилия.

Старица Анастасия платила в казну за аренду земли у этой церковки 25 рублей в год и пользовалась арендуемой землей с 10 сестрами. Все сестры этого женского скита, разрешенного епархиальным и гражданским начальством в 1872 году, подобно монастырским послушницам, носили черную одежду; они сами занимались хлебопашеством, имели немного лошадей и коров, ездили для сбора пожертвований по городам, прирабатывали у зажиточных крестьян Веницкого прихода и других соседних приходов, чем и добывали себе пропитание. На редкие церковные службы, совершавшиеся Веницким

причтом в Корнилиевой пустыни, собиралось много народа из окрестностей ее, а в остальное время пустыньницы сами совершали келейно утреню, часы и вечерню. Промыслу Божию угодно было, чтобы воссияла благодать Божия на месте заброшенной Паданской Корнилиевой пустыни, и вот 25 июня 1890 года, с благословения протоиерея Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского и заботами покойного иеромонаха Никифоровской пустыни отца Геннадия, который имел теплую веру в преподобного Корнилия Паданского, в скит к старице Анастасии прибыла инокиня Онуфрия, впоследствии игумения Варсонофия, со своей послушницей Анной Буруковой, потом игуменией Агнией. Деятельная и рассудительная мать Онуфрия, прожив некоторое время в скиту и переговорив со старицей Анастасией, быстро повела дело устройства женской общины на месте упраздненной Корнилиевой обители и в какие-нибудь 10-12 лет достигла больших успехов: везде – и у епархиального начальства, и в С.-Петербурге у духовных и гражданских властей, ходатайствовала сама лично, несмотря на свои престарелые лета и нездоровье. По ее ходатайству, 18 мая 1892 года постановлением Св. Синода учреждена была на месте Корнилиевой Паданской пустыни женская община с наименованием ее Введенской Паданской, с таким числом сестер, сколько община может содержать на свои средства, и мать Онуфрия была назначена строительницей общины. Затем 12 февраля 1894 года она была пострижена в монахини и приняла имя Варсонофии. Под устройство общины при ее открытии было передано казною 15 десятин земли из бывших 73 десятин, принадлежавших Корнилиеву монастырю до его упразднения. Вскоре Варсонофия построила в общине деревянный двухэтажный храм в шесть престолов: в нижнем этаже – во имя пророка Осии, святителя Иоанна, архиепископа Новгородского, и преподобной Марии, мученицы Акилины; в верхнем этаже – во имя иконы Тихвинской Божией Матери, святого Иоанна Рыльского и Святителя Николая Чудотворца, а также мученицы царицы Александры. Кроме этого храма, построены

Старинное кладбище в Паданской пустыни

святые ворота, двухэтажные корпуса для сестер, число которых достигло 70 человек. Вместе с тем Варсонофия исходатайствовала назначение священника в общину для совершения богослужений в храме, с содержанием его за счет общины. Одновременно с этими хлопотами мать Варсонофия деятельно принялась за обработку земли, пожертвованной вновь открытой общине доброхотными жертвователями – около 400 десятин в разных местах, на расстоянии до 20 верст от общины. Кроме того, стараниями м. Варсонофии была открыта церковно-приходская школа около общины, в Шакшезере, для обучения детей соседних приходов грамоте. Для этой школы построен дом с помещением для учительницы, жалование которой выплачивала община, приобретены обстановка для школы, учебные пособия и принадлежности. 12 июня 1898 года Варсонофия за успешные труды по устройению женской общины награждена наперсным крестом, Указом Св. Синода от 1 июня 1900 года община возведена в монастырь с наименованием его – Введенский Паданский общежительный женский монастырь, и мать Варсонофия назначена настоятельницей монастыря. Таким образом на месте запустелой Паданской обители прп. Корнилия, по молитвам его, воссиял благоустроенный женский монастырь и устроительница его, м. Варсонофия, возведена в сан игумении 25 марта 1901 года. Во время устройства женской общины и затем монастыря м. Варсонофии и сестрам ее обители часто приходилось ездить в С.-Петербург и останавливаться там продолжительное время у своих знакомых на частных квартирах, что представляло неудобства. Чтобы

устранить эти неудобства, Варсонофия приобрела, частью пожертвованием, частью покупкой, землю, около 400 кв. саж., в окрестностях С.-Петербурга и на этой земле устроила подворье для своего монастыря в 1900 году: сначала помещение для себя и сестер монастыря, а затем двухэтажный деревянный корпус с часовней при нем. Эта часовня была превращена в храм, и 21 мая 1902 года храм был освящен отцом Иоанном Кронштадтским в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Введенское Паданское женское подворье располагалось в местности Большой Охты, на Полюстровском участке, по Пороховскому шоссе.

Когда все это происходило, старица Анастасия по-прежнему вела уединенный образ жизни. По-прежнему она в воскресные и праздничные дни ходила в храм Божий, только уже не в соседские приходские, как ранее, а в свой монастырский. По-прежнему говела в посты, соблюдая суровое воздержание в это время. По-прежнему летом вставала с птицами и вместе с ними славословила Господа при восходе солнца среди лесной зелени. По-прежнему в студеные долгие зимние ночи, как свеча пред образом, стояла в пламенной молитве «и ночь несветлая не верным, в просвещение сладостью словес Христовых» служила старице!.. Она была насельницам обители правилом веры и образом кротости и смирения... И тихо почил 11 июля 1901 года.

Ее могилка и могилка прп. Корнилия – дорогие сокровища древней и возобновленной в начале XX века обители, всего Лодейнопольского уезда, С.-Петербургской и Олонецкой земли.

Àèàèñàíàð Áàèññíâ

*Мгла задумчива, как облако, клубится,
В горнице души твоей светло
В ранний час, когда так сладко спится
И грядущее в неясности таится,
Ты познай, Кем всё сотворено!*

*И приветствие блистающей зарницы
Духом бодренным, молитвенно встречай,
Хоть еще на ветках дремлют птицы,
Колыхаясь в солнечных лучах.*

*Ты наполни каждое мгновенье
Светом мысли, искрой бытия.
И влюбляйся до самозабвенья
В то, что песнословит с вдохновеньем
Благодарственная жизни лития!*

*Ты встречай не только радость утра,
Миг рождения в тончайшей белизне,
Но особенно возможность мудро
День прожить, дарованный тебе,*

*Пережить любые испытанья
И сберечь стремлений чистоту,
Помнить всех, кто ищет состраданья
Разделить их боль и тесноту,*

*Славить Господа за детскую наивность,
Сердцем говорить лишь «да» иль «нет»
И стяжать таинственную мирность,
Благодатный, неотмирный свет,*

*Созерцать рассвета белоснежность,
Божие присутствие в себе.
Пусть же скажет утренняя нежность,
Что не зря живем мы на Земле!*

22 июня 2003 г. С.-Петербург

Анатолий Муратов

ОБ УСМИРЕНИИ БУРИ

Мф. 8:18-27 Мк 4:35-41 Лк 8:22-25

Куда бы Иисус ни направлялся,
вокруг Него росла, как снежный ком
толпа из тех, Мессию кто заждался,
но сотни лет, не мог признать ни в ком.
И вот теперь, вдруг появился Он, –
хотя Христом Себя не называет,
но явно Божьей силой наделен,
коль верящих в Него всех исцеляет.
Едва Он появлялся из дверей,
как правило, мгновенно окружала
Спасителя толпа больных людей,
и больше уж Его не покидала.

Об отдыхе, в подобном окружении
и речи не могло, конечно, быть.
Как выйти из такого положенья?
Генисарет, – на лодке переплыть.
И вот, когда решил в пустынном месте
Спаситель наш запас пополнить сил,
оставшись лишь с апостолами вместе,
Он лодку снарядить их попросил.

Для рыбаков потомственных работа
привычна. Не прошло и полчаса,
как лодка, благо день был не субботный,
от берега поспешно отошла.
Настолько был Спаситель утомлен
общением со множеством людей,
что оказавшись в лодке, тотчас Он
сном праведным заснул среди друзей.

Хоть большинство приверженцев Христа
последовать за Ним и не смогли,
немногие, кому нашлись места,
вослед на лодках вскорости пошли.

Был тихий вечер, солнце шло к закату.
Скользила тень от лодки по воде.
И вдруг сказал, негромко, Петр собрату,
на небо глядя: «Скоро быть беде».
Там, вдалеке, почти от края неба
в их сторону неслась одна лишь тучка,
но сын Ионы рыбаком бы не был,
когда б не знал, что скоро ждёт их взбучка.

Те лодки, что за ними увязались,
давно уже ушли в обратный путь.
Они одни на полпути остались,
и смысла не было обратно повернуть.
И вот уж все, увидев приближенье
опасности, что так близка была,

без лишней спешки, но без промедленья,
все делали, чтоб смерть их обошла.
И только на возглавии кормы
спал безмятежно их любимый Равви,
и значит сделать всё они должны,
чтоб, веря им остался Он во здравьи.

Но лишь когда последний луч заката
погас за Капернаумом вдали,
раздались грома первые раскаты
и молнии серь сумрака прожгли.
И вихорь, как взбесившееся стадо
гонимых на закланье быков,
сметает на пути своем преграды,
набросился на лодку рыбаков.
Внезапно море бурно закипело:
взметнулись к небу пенистые волны
и с каждым всплеском, небо все темнело,
пока вокруг них всё не стало чёрным.
Нещадно волны лодку заливали
тяжелую бурлящею водой,
то словно щепку ввысь её вздымали,
то вниз бросали в пропасть меж собой.

Но не теряя самообладанья,
без отдыха, в кромешной темноте,
привыкшие к борьбе за выживание
друзья боролись, с мыслью о Христе.
Все ж есть предел у человеческих сил,
уж слишком силы были не равны,
и то, что шторм их в схватке победил,
апостолы признать были должны.

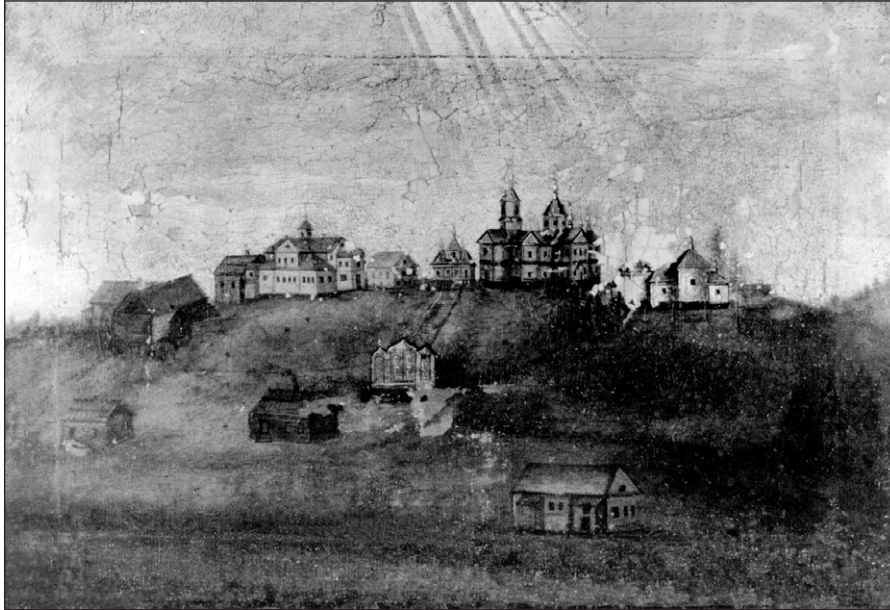
Когда велик опасности накал,
о помощи мы к Господу взываем.
Крик ужаса Иисуса сон прервал:
«О, Господи, спаси нас, погибает!»
Враз пробудившись, будто и не спал,
всегда готовый к помощи без меры,
Спаситель лишь с упрёком им сказал:
«Ну почему же в вас так мало веры?»
Поднявшись на возглавии, где спал
до сей минуты с плавания начала,
Он буре: «Смолкни!» – властно приказал
и тишина великая настала.
А люди, удивляясь, говорили:
«Кто Он, что повинуются Ему
воздушная и водная стихии,
что больше не подвластны никому?»

ОБИТЕЛИ СВЯТОЙ РУСИ

А.А. Боровкова, М.А. Ридер

КОРНИЛИЕВО-ПАДАНСКАЯ ПУСТЫНЬ

*Свято-Введенская Корнилиево-Паданская пустынь.
С картины нач. XX в. Частное собрание*

Паданский Введенский женский монастырь находился на северо-востоке нынешней С.-Петербургской епархии, близ Веницкой приходской церкви в Лодейнопольском уезде, большая часть которого в 20-е годы ушедшего столетия отошла к Петроградской области. Он был учрежден на самом рубеже XIX и XX веков – в 1900 году. Однако возникновение иноческой жизни на этом месте относится к более раннему времени: уже в XVI веке здесь существовал небольшой мужской монастырь. Прежде чем обратиться к истории Введенской обители, будет справедливо, если мы сначала уделим наше внимание ее предшественнице – ныне забытой Корнилиевой пустыни. Ее основатель, прп. Корнилий, по преданию, являлся учеником и сомолитвенником прп. Александра Свирского. Свой монастырь он основал в 1549 году в Веницком погосте на реке Шокше на Падан-острове (откуда пошло название – Паданский или Паданостровский) «на черном лесу меж мхом и болотом».

Все известные сохранившиеся сведения об истории этого древнего монастыря и его основателе были собраны в конце XIX века, тогда удалось найти немного: выписки из писцовых книг XVI–XVII веков, царскую грамоту и уцелевшие на престольных кресты прежних монастырских церквей. К сожалению, современные источники по истории Корнилиевой пустыни до самого ее закрытия в 1764 году остаются такими же скудными, поэтому отрывочные данные не позволяют нам построить цельное повествование.

Дошедшие до нас письменные известия дают некоторые свидетельства о начальном этапе истории монастыря. Как сообщает писцовая книга Обонежской пятины 1582–1583 годов, прп. Корнилий в то время был еще жив: «на монастыре ж келья игумена Корнилия, да семь келий, а в них живут 11 братьев черноризцов». Пустынь принадлежала к тем заонежским монастырям, которые не владели крестьянскими и бобыльскими дворами. Кроме небольшой пашни, ей принадлежали «коровницкий дворец», где жили «монастырские служ-

ки да детеныши», а также водяные мельницы и рыбные ловли на реке. Ежегодно за землю и мельницы братия в государеву казну должна была вносить «по полтора рубля московских денег да пошлин с рубля по десять алтын». Насельники питались своим трудом, денежной и хлебной руги не получали.

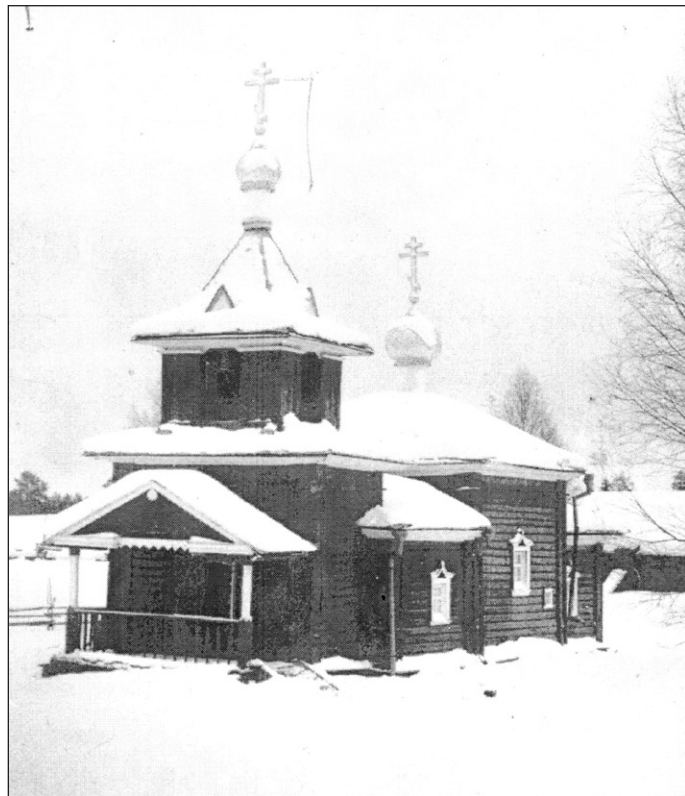
При жизни прп. Корнилия была поставлена большая деревянная церковь во имя Свт. Николая Чудотворца, теплая «с трапезою». Интересно сложится ее судьба в дальнейшем. В 1679 году ее обновили и вновь освятили 3 октября. В конце XVIII века, а точнее около 1790 года, церковь перенесли из заброшенной Корнилиевой пустыни в Виноцы (в 8 верстах), где уже во второй половине XIX века местные жители торжественно встретили ее 200-летний юбилей. Когда в 1879 году в виноцкой приходской церкви во имя Василия Великого появился новый придел Свт. Николая, прихожане и причт захотели сохранить древний храм.

Нам известны имена двух преемников прп. Корнилия – игуменов Дионисия и Мисаила. При них в пустыни было построено еще два деревянных храма: во имя прп. Александра Свирского и в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Первый обновили и вновь освятили 12 декабря 1688 года при царях Иоанне и Петре Алексеевичах. Еще во второй половине XIX века старожилы помнили его ветхие стены, пока они не сгорели при пожаре от неосторожного обращения с огнем одного виноцкого крестьянина.

Введенская же церковь с приделом страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба, согласно надписи на сохранившемся на престольном кресте, первоначально была освящена 27 февраля 1604 года. По правой стороне в ней стояла гробница над местом погребения священноигумена Корнилия.

Из текста грамоты, данной Корнилиевой пустыни Борисом Годуновым в марте 1600 года, узнаем, что во главе пустыни стоял игумен Мисаил, число братии возросло и составляло 15 человек. Своей грамотой царь освобождал их от уплаты оброчных денег и пошлин.

Немногочисленные источники практически не содержат никаких фактов собственно истории обители в течение XVII – первой половины XVIII веков. Краткое описание интересующей нас пустыни содержат писцовые книги 1628–1629 годов, где упоминаются все три ее храма; писцы также зафиксировали, что в монастыре жили «игумен да три старца, да две кельи пустых». Видимо, неустроенность конца XVI – начала XVII веков вызвала уход многих монахов в более спокойные места. Из таблицы, составленной современной исследовательницей И.А. Черняковой по материалам писцовых книг, видно, что в конце 1620-х годов Корнилиева пустынь владела 17,1 четверти земли (для сравнения: Сяндебская пустынь – 7,5 четверти, Муромский монастырь – 24, Важеозерский – 60 четвертями).

Часовня над святым колодезем в Паданском монастыре (бывшая Введенская церковь обители). Фото 1915 г.

В 1764 году Корнилиева пустынь, подобно многим другим небольшим монастырькам Олонецкой губернии, была упразднена и обращена в приход. Причт при Введенской церкви просуществовал недолго, не более 25 лет, долгие последующие годы она стояла в полном запустении – без иконостаса и икон. Местные крестьяне, имевшие неподалеку распахки, оставляли в ней свои пахотные орудия. В 1800 году Введенскую церковь приписали к Виноцкому приходу. Среди жителей окрестных селений память о некогда существовавшей Корнилиевой пустыни сохранялась, могилка ее основателя пользовалась почитанием и уважением, время от времени здесь появлялись богомольцы по два-три человека, пришедшие помолиться «к Корнилию».

Большой приток паломников вызвали два чудесных события. Однажды крестьяне, работавшие недалеко от пустыни, внезапно испытали сильное желание сходить к могилке прп. Корнилия. Недолго сомневаясь, они направились туда и, близко подойдя, увидели начинавшийся пожар рядом с церковью, который немедленно потушили. Второй случай касался чудесного исцеления крестьянина Андроновской деревни Луки Васильевича Суханова. Долго болев, по совету своей двоюродной сестры, он дал обет: если выздоровеет, то построит мост через реку Шокшу по дороге в пустынь. Его исцеление произошло на глазах многих людей, и весть об этом чудесном событии вскоре быстро разнеслась по округе и привлекла множество верующих.

Часовня над святым колодезем в Паданском монастыре (бывшая Введенская церковь). Интерьер. Фото 1915 г.

Увидев в произошедшем несомненный Божий знак, сельские жители решили отремонтировать единственный к тому времени сохранившийся из трех прежних монастырских храмов – в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы. По ходатайству Преосвященного Игнатия, из казны выделили необходимую сумму. В 1832 году, 19 декабря, настоятель Александро-Свирского монастыря архимандрит Варсонофий освятил обновленный деревянный однопрестольный храм. В 1867 году на средства разных благодетелей к нему пристроили двухъярусную колокольню над сенями с пятью колоколами (самый большой пожертвовал крестьянин Кондушского прихода Яков Водлозеров).

Через два года вместо прежнего простого надгробия из досок по разрешению епархиального начальства была устроена рака в виде гробницы с балдахином*. На верхней доске гробницы был изображен прп. Корнилий в одеянии схимонаха. Правая рука священноигумена лежала на персях, а в левой он держал свиток с надписью «не скорбите убо братия моя». Особенно большое стечение народа «к Корнилию» случалось в храмовый праздник и первый день Петрова поста, а во второе его воскресенье после всенощного бдения и литургии устраивался крестный ход на реку Падану, где служился водосвятный молебен.

В переписке князя А.Н. Голицына (бывшего обер-прокурором Святейшего Синода) и архимандрита Фотия, опубликованной в журнале «Русская старина» за май 1882 года, встречается упоминание о прп. Корнилие Паданском. Князь интересовался «делом о теле Корнилия»: «сказывают, что его гроб запечатан в Лодейнопольском уезде, а от него были чудеса». В архивном деле сохранилось письмо согинского приходского священника Феодора Модестова об одном таком

чуде – исцелении от тяжелой болезни его прихожанки девицы Елены Анисимовой, давшей обет прожить в пустыни один год.

В конце 1860-х годов на месте бывшей Корнилиевой пустыни по разрешению Преосвященного Иоанфана поселились «пустынницы», до этого жившие на важезерских землях, всего в четырех верстах от мужской Задне-Никифоровской пустыни, что немало смущало ее братию. К 1890 году собралось около 10 сестер. Все они носили черную одежду и вели себя безукоризненно, но монашеского чина пока никто из них не имел. Из мужчин в пустыни находились лишь сторож и слепой монах из местных крестьян. Старшей сестры выбрали олонецкую мещанскую девицу Анну Трофимовну Яценкову (в будущем монахиня Анастасия).

Земли бывшей пустыни находились в ведении министерства государственных имуществ, поэтому насельницы взяли в аренду ближайшие 15 десятин 78 кв саженей на 12 лет, по истечении которой продлили ее еще на 9 лет. За аренду платила Анна Яценкова. На ее же средства выстроили дом для сестер. Сестры сами обрабатывали арендуемую землю, сеяли хлеб, выращивали овощи, также держали несколько коров и лошадей. Для добывания средств ездили по городам и деревням собирать пожертвования, подрабатывали у местных крестьян. В бывшей пустыни были построены рига, сарай, скотный двор, помещение для скотниц.

На вторую половину XIX века пришелся настоящий расцвет женских монастырей и общин, что дало повод некоторым историкам говорить о своеобразной «феминизации монашества». Они создавались не по указу сверху, не по инициативе церковных властей, а по ревностному желанию выходцев из простого народа. Со временем и у паданских сестер родилась идея создать женскую общину в память чудесного события 17 октября 1888 года, когда во время крушения поезда в Борках на Азовской железной дороге спаслись Император Александр III и его родные. Доброе начинание благословил св. прав. Иоанн Кронштадтский.

Учредительницей общины выступила Анна Яценкова, но из-за слабости своего здоровья и стремления к тишине все хлопоты по устройству она поручила энергичной и деятельной Меланье Алексеевой, приехавшей из Тверской губернии (в 1894 году она примет постриг с именем Варсонофии, а позже станет первой игуменией). В пользу сестер Санкт-Петербургский купец Ф.И. Тюменев пожертвовал одну тысячу рублей, которые составили начальный капитал создаваемой общины. На содержание будущего причта (священника и псаломщика) сестры обязывались внести необходимые деньги, а также устроить дом с готовым отоплением и землей под огород.

Главная трудность заключалась в том, что паданские земли являлись казенными. Два года шла переписка

*Балдахин – здесь: украшенный навес на столбиках.

сестер с различными ведомствами. Наконец, в мае 1892 года министерство государственных имуществ приняло решение передать в собственность общине этот участок. Отныне сестры могли распоряжаться им по своему усмотрению.

Постепенно формировались земельные угодья общины. В 1891 году торговый дом архангельских I гильдии купцов «Э.Г. Брант и К^о» пожертвовал в пользу сестер 59 десятин 200 саженой. В том же году Меланья Алексеева приобрела у компании смежный участок в 152 десятины 260 саженой удобной для пахоты и сенокосов земли в 15 верстах от пустыни. При деревне Шакшезеро был куплен еще один земельный участок (150 десятин), на котором не только построили работный дом с разными службами, но и в 1893 году открыли церковно-приходскую школу для детей бедняков. Через три года в ней обучалось 18 человек. Ежегодно на содержание школы общиной расходовалось около 200 руб.

Для отправления богослужений сестры пригласили заштатного священника из Деревянского прихода – о. Иоанна Смирнова. Из-за болезни его через год сменил другой заштатный священник из Пидемского прихода – о. Евсевий Преображенский. На его содержание община ежегодно выделяла 400 рублей. Деньги же за молебны и панихиды шли в ее пользу.

Из крупных жертвователей упомянем род Кипрушкиных из села Ладвы Петрозаводского уезда, внесших 3 тыс. руб. с условием постоянного поминовения о здравии и упокоении родных и близких. Разные члены этого большого благочестивого крестьянского семейства вносили крупные суммы в пользу других малых местных обитателей.

Согласно тогдашним правилам капитал общины – 4 тыс. руб. – хранился в Петрозаводском губернском

государственном казначействе в особом сундучке, приготовленном пустынноцами.

Строительница монахиня Варсонофия проявила недюжинное усердие и рвение к обустройству общины. Благодаря ее усилиям, настойчивости и терпению в борьбе с бюрократизмом различных инстанций была проделана огромная работа: исходатайствована земля, построено четыре дома, организована церковно-приходская школа, найдены деньги для содержания причта, привлечены богатые жертвователи (в первую очередь купцы Корнышев, Ефимов и Брант). Благодарные сестры преподнесли своей начальнице в дар красивый крест с украшением.

Со временем старый Введенский храм пришел в ветхость и стал тесен для возросшего числа насельниц. В начале 1890-х годов были собраны необходимые средства для возведения нового теплого двухэтажного собора с шестью престолами. Торжественное освящение нижнего этажа состоялось 18 декабря 1894 года и длилось пять часов при огромном стечении народа. Приделы верхнего храма освящались по отдельности вплоть до 1898 года: Тихвинский – в 1896 году, прп. Иоанна Рыльского – в 1897 году, Свт. Николая – в 1898 году. В «Олонецких губернских ведомостях» печатались приглашения для благотворителей и паломников.

Паданскую общину со всех сторон окружал глухой лес, и поэтому для охраны в 1895 году вокруг монастырских строений возвели деревянную ограду. Хлопотами монахини Варсонофии был построен новый мост через реку.

Официально женскую общину учредили в 1897 году, она состояла из священника, начальницы и сестер, количество которых зависело от средств самой общины

Падано. Бывшая Введенская церковь. Фото 1915 г.

(к тому времени их было уже 70 человек). Спустя три года ее преобразовали в нештатный Введенский Паданский монастырь. Будучи уже игуменией, матушка Варсонофия сумела привести вверенную ей обитель в цветущее состояние. Капитал монастыря к 1904 году увеличился до 8 тыс. руб. Земельные угодья включали до 590 десятин. Немалым подспорьем для монастыря стало устроенное в Санкт-Петербурге подворье, где 2 мая 1902 года св. прав. Иоанн Кронштадтский освятил Введенский храм. С осени 1904 года в нем открыли вакансию священника с содержанием от монастыря.

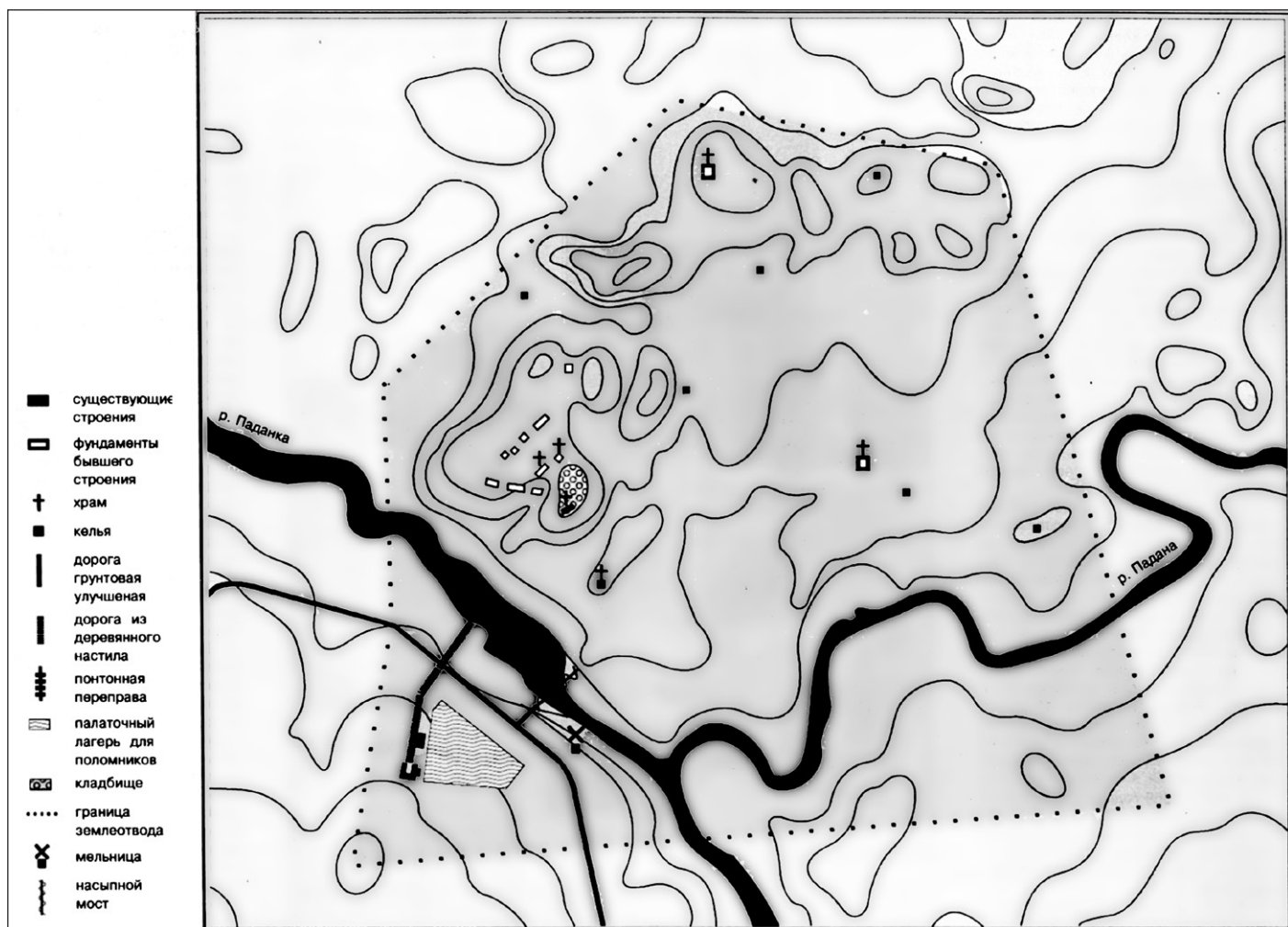
Внутренняя монастырская жизнь отличалась порядком и стабильностью. Игуменья Варсонофия была строга не только по отношению к другим, но и к самой себе. Сестры жили мирно и скромно. Насельницы Введенской обители, большей частью крестьянки, с детства были привычны к сельским работам. В 1905 году в монастыре спасалось уже 7 монахинь, 16 рясофорных послушниц и десятки послушниц, живших на испытании и проходивших различные послушания. Особо усердные труженицы получали разные награды от Его Преосвященства или от Святейшего Синода.

Так, казначея монахиня Агния, приехавшая в наши края вместе с будущей игуменией Варсонофией, в мае 1906 года была награждена наперсным крестом*.

В 1905 году в Введенском монастыре появился еще один храм, освященный во имя свт. Алексия, митрополита Московского с приделами во имя прп. Корнилия Комельского и в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы.

После событий 1917 года Паданский монастырь был закрыт, как и другие обители нашего края. В 1990-х гг. женская община в Паданской пустыни была возобновлена, и относится к Санкт-Петербургской епархии. Введено-Паданская община стала первым возобновленным монастырем в Подпорожском районе области.

* Игуменья Варсонофия умерла 4 февраля 1907 года, указом Святейшего Синода от 6 июля того же года монахиня Агния была утверждена в должности настоятельницы.

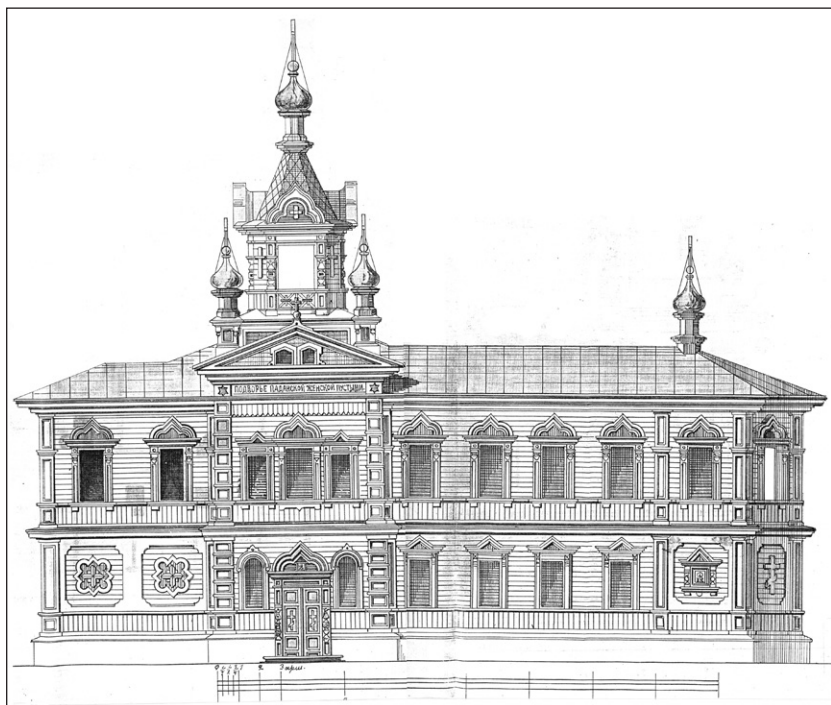
План местности Свято-Введенской Корнилиево-Паданской пустыни.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОДВОРЬЕ СВЯТО-ВВЕДЕНСКОГО КОРНИЛИЕВО-ПАДАНСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ

Землю для петербургского подворья Введенской Корнилиево-Паданской пустыни подарили при игумении Варсонофии (Алексеевой) охтинская землевладелица Смирнова и местные крестьяне в районе Пороховых, где на рубеже XIX–XX вв. проживало около 12 000 человек. На пожертвованном участке, располагавшемся на углу Пороховского шоссе и будущей Введенской улицы (ныне ул. Тухачевского), д. 36/38 13 июля 1900 был заложен одноэтажный деревянный дом для сестер, и через четыре месяца открылось подворье. К дому примыкал переделанный из временной часовни, обшитый тесом двухэтажный храм с главкой над звонницей. Сам храм размещался на втором этаже, рядом с келиями. Его 21 мая 1902 г. освятил св. прав. Иоанн Кронштадтский. Убранство церкви было пожертвовано благотворителями.

В 1917 г. на подворье жили две монахини и тридцать шесть послушниц; служил в нем священник Василий Григорьевич Подлесников, а позже свящ. Александр Смирнов. Заведовала подворьем монахиня Пантелеимона (Зайцева Анна Федотовна). 13 марта 1919 г. подворье было преобразовано в приход. В сентябре 1928 г. (к этому времени подворьем заведывала монахиня Матридия) половина

Проект Санкт-петербургского подворья Корнилиево-Паданской пустыни. 1898 г.

монахинь перешла к иосифлянам. Священникам в это время вплоть до закрытия храма служил о. Виталий Трофимов (1875–?), арестованный в 1932 г. Подворье было закрыто летом 1932 г., и здание отдано под общежитие, а затем снесено. Сейчас на этом месте – сквер.

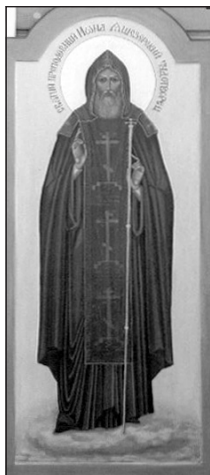
Паданское подворье в Полюстрове. Фото 1920-х гг.

Ирэна Сергеева

+++

*Люблю погоду сыроватую,
сады в цвету и не в цвету,
когда туман ложится ватой
на эту сторону, на ту
Полюстровского парка грустного...
И ничего, что солнца нет, –
в душе – свет «цвета» петербургского
и новой церкви ближний свет.*

ЯШЕЗЕРСКАЯ БЛАГОВЕЩЕНСКАЯ ПУСТЫНЬ

Свою пустынь прп. Иона Яшезерский основал, видимо, в последние годы царствования Иоанна IV на берегу тихого лесного Яшезера, недалеко от родных мест: по преданию, он родился в Шокше. В писцовой книге 1582 года говорится, что монастырь «стал ново после письма на черной земле. А в нем церковь Благовещения Пречистыя Богородицы древяна, а в ней придел Николы Чудотворца. А в монастыре поп черный Иона да восемь старцев». Большинство появившихся в XVI веке местных монастырей были небольшие, а порою

совсем крошечные и не владели крестьянскими дворами. К таким относилась и Яшезерская пустынька, стоявшая «в затворном местечки в лесу, меж мхи и болоты, на государеве на черном лесу», братия которой «питалась Христовым именем». В 1589 году новгородский митрополит Александр дал «строителю черному попу Ионе да старцу Иосифу с братиею» жалованную грамоту с податными и судебными льготами: «ненадобе им и впредь платити с того Яшезерского монастыря в нашу казну мой подъезд и благословенная куница, ни иные мои некоторые пошлыны. Также и десятиникам моим заонежским корму и дару и всех его десятиничих пошлын не дают ничего. И к большому храму к Рождеству Пречистые Богородицы на погост в Остречина ни в какие наши подати, ни в корм, ни в подводы десятичников наших и того Яшезерского монастыря строитель с братьею не пособляет ни во что».

*Яшезерская Благовещенская мужская пустынь.
Фото начала XX века*

Со временем Яшезерская пустынь вполне обустроилась и достигла определенного благосостояния. В пользу братии поступили земельные вклады от царей Феодора Иоанновича, Василия Шуйского, инокини Марфы, а также игуменов Соловецкого монастыря Иакова и Иринарха.

В писцовой книге 1628–1629 годов читаем: «В Остреченском же погосте монастырь Благовещенской на Яшозере, а в приправочных книгах Петра Воейкова да дьяка Ивана Луговского тот монастырь не написан... А в монастыре церковь Благовещения Пречистыя Богородицы а у той же церкви придел Николы Чудотворца, древяна, клецки... Церковь Преображения Спасово теплая с трапезою клецки. Да в монастыре келья гостинная, да три кельи братских, а в них живет черный поп Иона да три старца. Да за монастырем двор конюшенной, да двор коровницкой...», далее следует описание монастырских угодий, рыбной ловли на озере и мельницы на ручье.

В 1764 году монастырь приписали к архиерейскому дому. С течением лет он пришел в запустение.

В отчете о состоянии Олонецкой епархии за 1853 год Яшезерская пустынь еще числится приписной к Олонецкому архиерейскому дому. В том отчетном году в нее определили на жительство иеромонаха, монаха и послушника. Вновь были выстроены братский корпус, дом для приезжих и служителей, скотный двор. Приехавший землемер обошел все монастырские угодья, и земля снова начала обрабатываться. Был заготовлен кирпич для возведения новой теплой церкви. Все благоустройства совершались на деньги благотворителей.

Спустя два года в очередном епархиальном отчете уже говорилось о возможности возведения Яшезерской пустыни в ранг самостоятельных. Обитель имела два храма: холодный деревянный Благовещения и теплый каменный Преображения с колокольной над гробницей прп. Ионы Яшезерского, освященный 10 июля 1855 года. На его строительство огромный вклад – 15 тыс. руб. серебром – сделал петрозаводский купец первой гильдии и почетный гражданин Пименов. Яшезерская пустынь вполне могла содержаться собственными средствами.

Указом Святейшего Синода от 12 сентября 1857 года она получила самостоятельность с учреждением строительского настоятельства и назначением штата монашествующих из 7 человек.

Во второй половине XIX века монастырь окружила каменная ограда с четырьмя кирпичными башнями по углам.

*Молитва в разоренном храме
Яшезерской пустыни*

многоотраслевое хозяйство: выращивать семена хлебных культур и травяных растений, устроить молочную ферму, разводить племенной скот, заниматься маслоделием. Обстановка в организуемом совхозе была настолько небезопасна, что его заведующий в феврале 1919 года обратился в Петрозаводский уездный земотдел за разрешением носить с собой револьвер. В мае того же года прошла передача советской власти земель, построек, «живого и мертвого инвентаря», ранее принадлежавших Яшезерской пустыни. Все мероприятия по налаживанию хозяйства были проведены на средства Петро-

Пустынь обзавелась всеми необходимыми жилыми и хозяйственными зданиями. На ручье Яше появилась мукомольная мельница. Земельные угодья составляли 417 десятин, капитал – чуть более 9 тыс. руб. Хозяйство было довольно значительным. Братия традиционно занималась хлебопашеством, скотоводством и огородничеством.

В 1918 году на базе Яшезерского монастыря организовали совхоз, в котором предполагалось вести

заводского уездного совнархоза и губземотдела и обошлись в 43 365 руб. 75 коп.

О с т а в ш а я - ся монастырская братия, 7 человек, просила оставить ей часть пахотной и сенокосной земли, пару коров, лошадей и материал для необходимого ремонта зданий. Сначала им действительно выделили 1,5 из 23 десятин пахотной земли, маленький огород, лошадь и корову, но через некоторое время их разогнали.

К концу XX века от Яшезерской пустыни сохранились полуразрушенный Преображенский храм, часть ограды,

*Яшезерская пустынь.
Спасо-Преображенский храм*

4 каменные угловые башни и два небольших здания. Первые паломники, с трудом добравшиеся до монастырских развалин осенью 1996 года, расчистили пространство уцелевшего храма Преображения Господня, убрав мусор и обвалившиеся кирпичи, и впервые за долгие годы помолились под его сводами преподобному основателю Ионе Яшезерскому. На месте исчезнувшей Благовещенской церкви был поставлен деревянный поклонный крест, принесенный сюда уже в другой раз.

Яшезерская пустынь. Современный вид

Молитва прп. Ионе Яшезерскому

О, преподобне и Богоносне отче наш Ионо! Ты, поработати Господеви желая, zde вселился еси, и неленносно во трудех, во бдении, в молитвах и посте подвизался еси, и был еси наставник монашествующим, все же людям учитель ревностный. Ныне убо, по отшествии твоем от земных, Небесному Царю предстои, моли благость Его, еже ущедрити место селения нашего, святой храм сей, идеже духом любви твоея неотступно пребываеши, всем людям твоим, с верою к тебе предающим, во благая прошения их исполнити. Испроси у Милостивого Господа нашего, да изпослет нам обилие благ земных, паче же яже на пользу души наших да дарует нам, и скончати житие сие привременное в покаянии да сподобит, в день же судный деснаго предстоияния и наслаждения во Царствии Своем да удостоит во веки веков. Аминь.

Адрес Ионо-Яшезерской пустыни: Шелтозеро, 195514, Вепская национальная волость, с. Шелтозеро, ул. Лисицыной, д. 22, иеромонаху Досифею (Ларионову). Тел. 8-(8142)-738435, <http://eparhia.onego.ru>

РУССКАЯ ГОЛГОФА XX ВЕКА

Иеромонах Нестор (Кумыш)

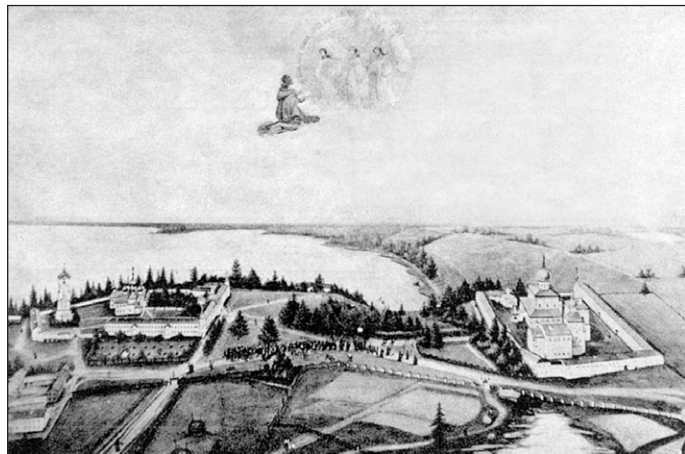
МУЧЕНИКИ СВИРСКИЕ. 1918.

Архимандрит Евгений и иже с ним убиенные

«Польские шайки в конце владычества самозванцев и особенно с воцарением Михаила Феодоровича, разбиваемые в населенных центрах Русского государства, бродили по отдаленным местностям и причиняли беззащитным жителям всякие разорения и злодейства. Такие шайки появились и в Олонецком крае. Одна из них в 1613 году устремилась на разорение Свирского монастыря. Бывший в то время настоятелем обители игумен Паусий с братией не могли оказать никакого сопротивления разбойникам. Злодеи вошли в монастырь и посредством истязаний и пыток стали требовать от монахов монастырских сокровищ, но никто не решился выдать разбойникам монастырской казны, которая была спрятана в Покровской церкви под кирпичным полом. В этих пытках было умучено из братий 27 человек, в том числе был убит и игумен Паусий, да 32 человека из числа монастырских работников-служек»¹.

Эта запись о Свирских мучениках XVII века была сделана свирским иноком-хронографом в монастырской летописи, хранящейся сегодня в архивном монастырском фонде. В начале XX столетия мученический подвиг игумена Паусия был повторен его тогдашним настоятелем, архимандритом Евгением (Трофимовым). Однако более 80-ти лет эта тема находилась под запретом, и говорить о ней открыто не было возможности. Сегодня мы не только можем, но и обязаны прервать свое вынужденное долгое молчание и поведать боголюбивому читателю о мученическом подвиге свирского архимандрита, совершенном им в те трагические годы российской истории.

К 1917 году Александро-Свирский монастырь был одним из самых богатых и благоустроенных на севере России, известный своим крепким хозяйством и хорошо отлаженной молитвенной жизнью. Число братии к началу революции составляло около 150 человек. Богослужбная жизнь обители отличалась строгостью. В 4 часа начиналась утренняя, продолжавшаяся до половины седьмого. Затем сразу после утрени отправлялась ранняя литургия. В 9 часов начиналась поздняя литургия. В 17 часов начинали служить вечерню, после которой читались три канона с акафистом Спасителю или Божией Матери. По окончании вечерней трапезы читались молитвы на сон грядущим, помянник и совершалось правило с Иисусовой молитвой и поклонами. Монастырское хозяйство заключалось в хлебопашестве, сенных покосах, огородничестве, скотоводстве и лесных угодиях. В обители имелись разные мастерские: живописная, ризничная, резная, позолотная, переплетная, столярная, сапожная, малярная, кузнечная, слесарная и другие. Действовала церковно-приходская школа, открытая в 1906 году для мальчиков, живших и воспитывавшихся в обители на полном ее содержании. Монастырь был оснащен водопроводом по последнему

Александро-Свирский монастырь. С литографии XIX в.

слову техники. На плотине, выстроенной монахами, работала монастырская мельница. Монастырь имел состоятельных вкладчиков. Банковский капитал монастыря исчислялся 128 тысячами рублей, что по тем временам являлось немалой суммой. Проценты с этих денег, расходовавшиеся на монастырские нужды, превосходили те штатные суммы, которые обитель ежегодно получала от

казны. Издревле жертвователями Александро-Свирского монастыря были члены Императорской Семьи, так как преподобный Александр считался покровителем Царствующего Дома. Поэтому монастырская ризница включала в себя несметное количество драгоценностей и реликвий, среди которых особой известностью пользовалась рака, в которой почивали мощи основателя обители. Она была изготовлена из 11 пудов чистого серебра, и ее фасады украшались позолоченными орнаментами и священными изображениями.

Неудивительно, что такой монастырь оказался одним из первых, кто принял на себя удар ленинской богоборческой власти. Его сбережения и богатства не могли не возбуждать с особой силой большевистской алчности. В номере 3 за 1919 год в советском журнале «Революция и церковь» на 73-й странице появилась скупая заметка в несколько строк, возвещавшая читателей о ликвидации уже разграбленного к тому времени Александро-Свирского монастыря. Все то, что на протяжении трех с половиной веков с любовью создавалось нашими благочестивыми предками, было в течении двух лет «национализировано» красными комиссарами и навсегда исчезло без всякого следа.

Сейчас невозможно полностью воссоздать историю закрытия некогда знаменитой Свирской обители. Преступная власть не была заинтересована в подробной и документальной фиксации своих злодеяний, а также в архивации таких документов. Однако не все ушло в небытие. Сохранились скудные данные, из которых можно отчасти видеть, как осуществлялся план по уничтожению древней святыни. По ним же можно установить, каким образом монастырская братия сопротивлялась действиям гонителей веры и как отстаивала интересы Христовой Церкви. Забегая вперед, скажем, что в этой неравной и предпринятой борьбе пятеро из них удостоились от Господа мученической кончины.

Первый красноармейский «визит» в обитель произошёл в марте 1918 года. «В марте 1918 года, – говорилось в докладе сотрудника наркомпроса Н. Моласа, направленном в отдел по охране, учету и регистрации памятников искусства и старины, – в монастырь впервые прибыло несколько рот красноармейцев»². В докладе, к сожалению, не говорится о том, для чего и кем в обитель были присланы красноармейцы. Из других источников, однако, известно, что представители власти появились в монастыре чуть ранее этого мартовского красноармейского поселения. Олонецкая уездная советская милиция направила в обитель для постоянного проживания в ней двух милиционеров. К середине марта отношения этих двух стражей нового порядка и монастырской братии осложнились настолько, что настоятель обители, архимандрит Евгений, вынужден был просить местную власть отозвать милиционеров из монастыря. «Имею честь, – писал он 18 марта 1918 года в управление Олонецкой милиции, – покорнейше просить совсем убрать из монастыря находящихся в настоящее время милиционеров В.

Место
молитвенных
подвигов
прп. Александра
Свирского.
Фото 1900-х гг.

Фомина и А. Трихнаева ввиду несоответствующего их должности поведения»³. Характерно выражение **совсем убрать**, говорящее о том, что просьба настоятеля была не первой, и что попытки решить дело миром предпринимались не один раз. Разумеется, просьба была отклонена. Настоятелю было велено передать милиционерам приказ начальника Олонецкой милиции явиться в управление милиции к 11 часам 27 марта. «Вместе с тем **вторично** (выделено мною – прим. авт.) уведомляю вас, что монастырским милиционерам должны быть предоставляемы для служебных разъездов монастырские лошади», – писал глава местной милиции Свирскому архимандриту⁴. Увы, уже через два месяца после обнародования ленинского декрета об отделении Церкви от государства настоятель монастыря не чувствовал себя главным распорядителем всего монастырского имущества.

Какова была цель присутствия милиции в стенах обители? Слишком богат был монастырь, чтобы оставить все находившиеся в нем ценности без присмотра. Была и другая причина. «После публикации январского декрета жители близлежащих к монастырю сел организовали Союз охраны церквей и часовен при Александро-Свирском монастыре, в который вошло до тысячи человек, что озлобило местные власти»⁵. В связи с этим необходим был внутренний контроль ситуации на месте.

Созданный Союз охраны в первый же месяц своего существования проявил свою активность и боеспособность. Благодаря умелым и хорошо организованным действиям Союза непрошенные красноармейские «гости» вынуждены были покинуть территорию обители. Таким образом, мартовская, первоначальная, попытка захвата монастыря, о которой писал Н. Молас в своем отчете, оказалась неудачной. Через месяц после вторжения красноармейцев в обитель «по инициативе соседних деревень из монастыря состоялся грандиозный крестный ход, причем все его участники потребовали ухода красноармейцев из монастыря, что ими и было исполнено, хотя и не вполне добровольно»⁶.

Провалившийся план военного вторжения в мона-

*Крестный ход
в обители.
1900-е гг.*

стырь в марте 1918 года еще больше «подогрел» новую власть, которая была уверена в том, что организация крестного хода – дело рук Союза защиты и его главы архимандрита Евгения. 16 апреля состоялось заседание Олонецкого Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, которое постановило: «1. Поручить военной коллегии немедленно сформировать отряд не менее 50 человек и отправить в Александро-Свирский монастырь. 2. Выбрать 5 человек и, поручив им произвести расследование о Союзе защиты, арестовать главарей союза, а также произвести опись и реквизицию хлебных продуктов, уполномочив этих лиц неограниченными правами при расследовании и обыске монастыря. <...> 4. Поручить начальнику Олонецкой уездной милиции сформировать отряд из милиционеров для участия при расследовании»⁷.

Такова была реакция новой власти на крестный ход свирских богомольцев и на выдворение ее вооруженных представителей за стены обители. Интересы защищавших обитель крестьян, от имени которых действовал Совет,

никого не интересовали. Их организованное сопротивление должно было быть подавлено беспощадно и в сжатые сроки.

Однако привести в исполнение это решение помешало одно неожиданное обстоятельство. Пока большевики готовили карательную акцию, территория, где находилась обитель, оказалась занятой другой властью. «На пасхальной неделе, – говорится в приводимом выше докладе Н. Моласа, – монастырь был захвачен белыми финнами». Докладчик отмечал разницу в поведении новых «оккупантов» монастыря, «которые забрали лишь продовольствие, и то в довольно корректной форме и за деньги»⁸. Для населения монастыря наступила передышка, в течение которой они могли успокоиться от происшедших событий и подготовиться к дальнейшей борьбе за обитель. Передышка была очень кратковременной. А после нее последовал сокрушительный удар, от которого обитель уже не смогла оправиться. «Лето прошло спокойно», – продолжает свое повествование Н. Молас, – но 15 сентября 1918 года были арестованы и увезены в Олонец настоятель архимандрит Евгений и 5 монахов, где и расстреляны в декабре 1918 года»⁹. (Это сообщение содержит в себе ряд неточностей. Во-первых, арестован отец Евгений был 16/29 сентября. В монастырском богослужебном дневнике за 1918 год под числом «16 сентября» помещена об этом неуставная запись: «В 6 ч. утра настоятель уехал в Олонец»¹⁰. Во-вторых, вместе с ним были арестованы еще два монаха обители – казначей иеромонах Варсонофий и гостиник иеромонах Исая. Двое других арестованных не состояли в штате монастыря. Это были студент Казанской Духовной академии священник Алексей Перов, вероятнее всего, прибывший в обитель во время летних каникул, а также крестьянин Свирской слободы Василий Стальбовский. В третьих, расстреляны все пятеро были не в декабре, как докладывал Н. Молас, а в ноябре месяце.)

Арест свирского настоятеля был вызван его сопротивлением попыткам властей прибрать к своим рукам монастырские владения, а также тем авторитетом, каким он пользовался у братии и среди местного населения. Без его предварительной ликвидации совершить разгром оби-

*Братия Свято-Троицкого Александро-Свирского мужского монастыря.
Фото 1910-х гг.*

тели было, вероятно, непросто. На голос архимандрита, уважаемого всей округой, призывавшего в случае необходимости встать на защиту обители, немедленно собралась бы многочисленная толпа. В пункте 14 устава Союза защиты говорится: «В случае нападения на церковное имущество грабителей, захватчиков следует призывать православный народ на защиту церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т. д.»¹¹ О том, что настоятель настойчиво и безбоязненно отстаивал интересы обители до самого своего ареста, свидетельствует сохранившийся документ, поданный им в Лодейнопольский уездный земельный отдел. В своем ходатайстве архимандрит писал: «На случай отчуждения излишка площади земли, оказавшейся в Александро-Свирском монастыре, покорнейше прошу земельный отдел оставить в пользование монастыря следующие земли: Святое озеро, огородные земли на левом берегу его и за скотным двором»¹². (Следует учесть, что до нас дошли только жалкие обрывки обширной переписки настоятеля с местными органами власти. Это обстоятельство придает особую значимость тем скудным сведениям, которые имеются в архивах о деятельности монастыря в самом начале советского периода.) Имеются и другие данные, позволяющие предполагать, что действия архимандрита Евгения мешали Олонецкому совдепу разграбить обитель. Так, на следующий же день после ареста настоятеля монастыря, 17 сентября, в обитель был послан чиновник из Земельного отдела с предписанием следующего содержания: «Вследствие предложения Олонецкого уездного Земельного отдела от 7 сентября земельный отдел просит все имеющиеся в монастырском ведении документы, относящиеся к земельным владениям, как-то: планы, межевые книги, купчие крепости и проч., выдать предъявителю сего секретарю исполкома Афанасию Агафонову»¹³. Несомненно, что отец настоятель расценивал подобные распоряжения местного совдепа как акты нападения на церковное имущество и не подчинялся им, рассчитывая на то, что созданный им Союз защиты не позволит властям провести в жизнь подобные решения. Вот почему для захвата обители необходимо было, прежде всего, ликвидировать идеологический и организационный центр защиты ее интересов. Характерно, что только после ареста настоятеля в монастырь одно за другим, как из рога изобилия, стали поступать требования из различных местных инстанций. Отдел Народного образования велел предоставить помещение для размещения сельхозшколы, военный комиссариат затребовал списки всех монашествующих, а также перечень повозочного состава «по прилагаемой форме», некий С. Слесарев прибыл в обитель с целью осмотра подходящего здания для обустройства в нем ружейной мастерской и т. д.¹⁴ Создается впечатление, что заключение архимандрита в Олонецкую тюрьму развязало грабителям руки.

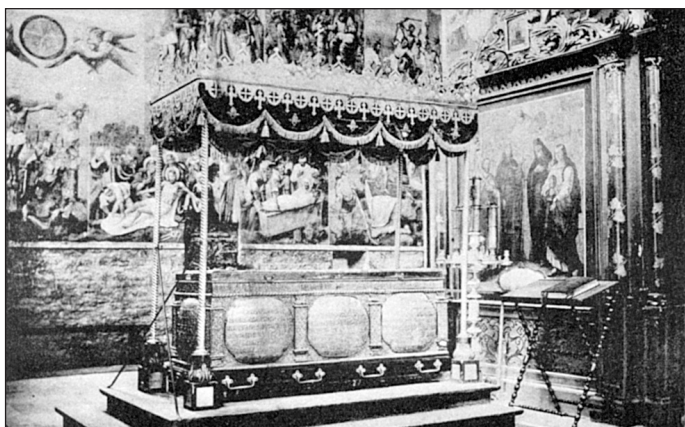
То, что в числе арестованных вместе с отцом настоятелем оказался казначей обители иеромонах Варсонофий, не вызывает вопроса. Казначей – это второе лицо в монастыре после настоятеля и его правая рука. Он тот,

кто является ближайшей опорой главы монастыря. Ему вверено монастырское хозяйство и имущество, он является хранителем монастырской казны. А вот каким образом среди захваченных Олонецкой ЧК оказались гостиник иеромонах Исайя, студент Казанской академии иерей Алексей Перов и Василий Стальбовский, не совсем понятно. Имеющиеся архивные данные позволяют сделать только предположения на этот счет.

Еще до ареста отца Евгения, а именно 24 августа 1918 года, в монастырь пришло распоряжение о предоставлении «помещения для штаба Олонецкой пехотной дивизии и частей 4-го пехотного Олонецкого полка»¹⁵. Для этих целей был отведен монастырский гостиничный корпус. При этом монах-гостиник, находившийся при гостинице на послушании, превращался в денщика командного состава и обязан был ухаживать за размещенными красноармейцами. Об этом можно судить из прошения гостиника, занявшего впоследствии место расстрелянного отца Исайи. Им оказался иеродиакон Галактион. В январе 1919 года он обратился с прошением к новому настоятелю игумену Антонию, в котором писал: «В последнее время я прислуживал у начальства красноармейского полка за гостиника. Полк этот переселился на жительство в Кондуши. Начальник полка просит меня послужить у него, записаться на полгода или на год в полк в число красноармейцев и жить при полке в Кондушях или где будет стоять полк, обеспечивая меня всем наравне с красноармейцами. Ввиду сего осмеливаюсь просить о разрешении мне поступить в полк в число красноармейцев не более, как на полгода»¹⁶. Монах в сани просит отпустить его из обители в полк в качестве красноармейца, чтобы прислуживать, как он сам выражается, начальнику полка. Вряд ли на такой шаг он пошел добровольно, по собственному желанию. Солдаты Красной армии не отличались благочестием и уважением к священному сану. Один из членов комиссии по охране памятников, посетивший Свирский монастырь в январе 1919 года, в своем отчете, в частности, писал: «В течение 2-х дней я осмотрел все храмы, помещения и ризницу и нашел следующее. В одном из корпусов монастыря, смежных с Троицким собором и с храмом

Рака прп. Александра Свирского в Свято-Троицком соборе Александро-Свирского монастыря

Рака прп. Александра Свирского в Спасо-Преображенском соборе Александро-Свирского монастыря

Покрова расквартировался дивизион артиллерии, что, конечно, весьма скверно отражается на жизни монастыря вообще и на его недвижимом и движимом имуществе, в частности. Около соборов – грязь, банки от консервов, конский навоз и человеческие испражнения»¹⁷. Остались и другие памятники красноармейского вандализма. «Имею долг почтительнейше донести, – рапортовал свирский игумен Антоний епископу Иоанникию, – что при отъезде 170 Олонецкого полка из монастыря в Никольской церкви красноармейцы произвели погром: своротили с места св. престол и опрокинули его набок, под престолом пол цементный весь исковыряли и св. мощи из-под престола похитили, а также увезли с собой жертвенник, панихидный столик, аналой и умывальник»¹⁸. Из этого описания видно, что с монахами – представителями «буржуазного» мира – особенно не церемонились. Вероятнее всего, монастырский иеродиакон согласился на роль денщика командира большевистского полка из страха подвергнуться участи убиенного гостиника иеромонаха Исаяи, который и был расстрелян, как думается, за нежелание пассивно взирать на безобразия, чинимые в монастырской гостинице красноармейцами.

О Василии Стальбовском можно сказать следующее. Он являлся секретарем местного комитета деревенской бедноты. Из имеющихся документов видно, что между волостным исполкомом и комбедом были несогласия по вопросу распределения монастырского хлеба. Комитет бедноты отстаивал свои права на распоряжение монастырскими продовольственными запасами, распределяя их между бедняками, и не давал чиновникам совдепа пользоваться зерном по своему усмотрению. Когда исполком местного волостного совета потребовал, чтобы монастырь отпустил «для секретаря волости 3 пуда ржи»¹⁹, то секретарь комбеда опротестовал такую просьбу и обязал обитель известить просителя о том, «что излишков у вас нет и что такие просьбы должно обращать в комитет деревенской бедноты», а не в монастырь. В условиях наступавшего голода такие действия не прощались. Один из членов аппарата новой власти, разъяренный действиями секретаря комбеда, открыто угрожал монастырю физической расправой за отказ выдать хлеб по его личному

требованию. «В случае сопротивления, – писал он, – будет извещен уездный исполком, и я получу ордер, тогда будет другая форма по заявлению граждан»²⁰. В этом же письме упоминается и В. Стальбовский в качестве иллюстрации несправедливого распределения зерна: «К примеру, дано вами В. Стальбовскому 5 пудов ржи, и на каких условиях, то прошу во избежании эксес (так в тексте – прим. авт.) дать назначенную норму». Эти 5 пудов ржи, вызвавшие столь бурную реакцию, Стальбовский получил не для себя, а для голодающих крестьян из двух деревень. «Комитет просит вас, – писал он архимандриту Евгению за два дня до инцидента с представителем местной власти, – выдать голодающим членам нашего общества деревни Новой и Старой согласно 2-х списков последней выдачи по 6 фунтов ржи на едока на 10 дней взаимобразно». Местный совдеп никак не мог простить секретарю комбеда, что он, защищая интересы голодающих крестьян, препятствовал расхищению монастырского хлеба со стороны чиновников аппарата власти. Скорей всего, за этот «проступок» он и поплатился своей жизнью. Не лишне будет здесь сказать и о том, что опись монастырского имущества и инвентаря была произведена местным комбедом уже после ареста В. Стальбовского. Может быть, он был одним из тех крестьян, кому дорога была обитель, и кто до последнего стоял на страже ее интересов.

Что же касается пятого участника свирского расстрела священника Алексия Перова, то о причине его ареста нельзя сказать положительно ничего, так как в документах фондов Александро-Свирского монастыря его имя не упоминается. Остается только предположить, что он был причастен к деятельности созданного при обители Союза защиты.

Свирские узники находились в тюремном заключении чуть больше месяца. Через месяц после ареста настоятеля и казначея монастыря, мешавших осуществить план ограбления древней обители, последовал погромный налет на монастырь. О том, что произошло в этот день, епископ Олонецкий и Петрозаводский Иоанникий рапортовал святейшему Патриарху Тихону: «Рапортом от 29 октября сего года за № 515 братия Александро-Свирской обители донесла мне: «Обитель нашу постигло ужасное несчастье. 23 октября приехали красноармейцы с комиссарами, вызвали всю братию и трапезу, арестовали, отобрали ключи от келий и келии обобрали. После этого, угрожая револьверами, потребовали указаний о скрытых монастырских драгоценностях, и пришлось все открыть, и все они забрали. На второй день обобрали драгоценности в ризнице и взяли из Преображенского собора раку преподобного, сосуды и напрестольные кресты. Мощи преподобного из раки вынули и дерзнули своими руками открыть и даже глумиться над св. мощами. Мощи намерены были увезти с собой, но братия упросила оставить, и оставили. Увезли все драгоценности, как-то: две раки преподобного, серебряные доски от престола Петроградского подворья и небольшую раку того же подворья, хранившуюся в монастыре из опасения захвата неприятелем,

несколько св. сосудов, евангелий и на престольных крестов – серебряных, запрестольный крест из Преображенского собора. Из ризницы похитили сундук с бумагами. В келиях братии и настоятельских снимали серебряные ризы с икон. Взяли часть провизии, арестовали архимандрита Назария, иеромонаха Меркурия и богорадника Гавриила Одинцова, которые и находятся в настоящее время в Лодейнопольской тюрьме (их вскоре выпустили – прим. авт.). Деревенский комитет бедноты производит опись во всех келиях монастырского имущества и инвентаря, частями отбирает. По слухам, вышеозначенные комиссары намерены еще раз приехать в монастырь, но неизвестно, когда и зачем, будто бы за мощами преподобного»²¹. Из письма игумена Антония, поставленного военным комиссаром совместно с комитетом бедноты управляющим монастырем, видно, что разгром обители продолжался несколько дней и сопровождался пьянством, так как найдено было много церковного вина, заготовленного не только для обители, но и для церквей уезда.

Ущерб, нанесенный монастырю, был невосполним. Председатель Олонецкого губчека О. Кантер в своем докладе Олонецкому губисполкому писал: «Что же касается обвинений в разорении монастыря, комиссия находит необходимым отметить, что обыском было обнаружено замурованного и действительно сокрытого в стене монастыря чистого серебра около 40 пудов в виде старинных монет, церковной утвари, рак и больших листов. Из нижеуказанной описи видно, что 74 вещи, конфискованные при обыске, отосланы в Петрозаводский исторический музей»²². Именно эти спрятанные драгоценности и являлись главным предметом поисков губчека, они же и послужили причиной ареста настоятеля обители и ее казначея. Именно в них следует видеть скрытую пружину всего Александровского дела.

Прошла еще неделя после грабительского налета на обитель, и последовал расстрел пятерых арестантов. На рабочий стол Олонецкого архиерея легло еще одно донесение: «Рапортом от 23 октября за № 522 игумен Антоний донес, что в ночь с 19-го по 20-е октября ст. ст. (с 1-го на 2-е ноября н. ст. – Прим. авт.) настоятель обители архимандрит Евгений, казначей иеромонах Варсонофий и иеромонах Исайя расстреляны в г. Олонце. Вместе с ними расстреляны студент Казанской духовной академии священник Алексей Перов и гражданин Александровской слободы Василий Стальбовский. Мотивы неизвестны. Подробных и точных сведений о всем происшедшем в Свирской обители пока не имеется»²³.

Кто же были эти люди, архимандрит Евгений и иеро-

монах Варсонофий, защищавшие достояние монастыря до пролития своей крови? **Архимандрит Евгений**, в миру Ефим Трофимов, родился в 1868 году в Новгородской губернии в крестьянской семье. В Александровский монастырь он пришел в 1894 году, имея 26 лет от роду. Через три года он был пострижен в монашество и назначен на должность писмоводителя. Постепенно проходя

Новомученик
архимандрит Евгений
(Трофимов, † 1918)

монастырские послушания, в 1910 году, он был избран братией настоятелем обители. Вот что сказано о нем в Послужном списке монашествующих за 1908-й год: «Казначей иеромонах Евгений, 40 лет, из запасных нижних чинов, из крестьян Новгородской губернии, в мире Ефим Трофимов, холост, обучался в сельской школе. Поступил в монастырь 24 июня 1894 года. По увольнительному свидетельству Новгородской казенной палаты определен в послушники монастыря 12 марта 1896 года. Проходил послушание привратника, помощника рухольного и впоследствии зав. рухольной. Пострижен в монашество 6 августа 1897 года в монастыре. Назначен на должность писмоводителя 1 апреля 1897 года. Рукоположен в иеродиакона 24 декабря 1897 года, в иеромонаха – 16 января 1900 года. Награжден набедренником 27 января 1901 года. Утвержден в должности ризничего монастыря 10 сентября 1901 года. Назначен на должность казначея монастыря 21 мая 1901 года. Утвержден в должности благочинного монастыря 11 января 1903 года. Преподано благословение с грамотой от Синода 6 мая 1904 года. Назначен на должность управляющего Палеостровским монастырем 29 сентября 1904 года. Согласно просьбе настоятеля назначение

управляющим Палеостровского монастыря отменено, с оставлением на прежних должностях казначея, благочинного и писмоводителя 15 октября 1904 года. Освобожден от должности писмоводителя 1 января 1905 года. Награжден наперсным крестом от Синода 6 мая 1906 года. Исполняет чреду священнослужения и должности казначея и благочинного монастыря»²⁴. Этот документ, характеризующий архимандрита Евгения, выходца из крестьянской среды, как честного, трудолюбивого и заслуженного труженика Церкви Христовой, не нуждается в комментариях. В добавление к нему остается только сказать, что избрание отца Евгения на должность настоятеля произошло после смерти известного подвижника благочестия архимандрита Агафангела, который своими неустанными трудами сделал Свирскую обитель знаменитой на всю Россию и необычайно возвысил ее духовно-нравственный авторитет. Чрезвычайно возросший уровень монастырской жизни требовал от кандидата на место почившего отца Агафангела особых качеств. Этим

требованиям и удовлетворяла вполне личность иеромонаха Евгения, избранного свирским братством в свои руководители. «Братия обители, – писали насельники монастыря в рапорте правящему архиерею, – помня твердо завет ее великого основателя, избрала из среды своей лицо, достойное, по ее мнению, занять ответственный пост ее отца и наставника, а потому, смиренно припадая к архипастырским стопам Вашего Преосвященства усерднейше просит не отказать в своем милостивом ходатайстве пред высшей духовной властью об утверждении в должности настоятеля Александро-Свирского монастыря выбранного ею единогласно казначея сея обители иеромонаха Евгения, как вполне отвечающего по общему признанию всей братии тем условиям, которые соединены с занятием этого высокоответственного поста»²⁵.

Монастырский казначей иеромонах Варсонофий, в миру Василий Ярицын, был на семь лет младше своего настоятеля. Запись в Послужном списке за 1908 год сообщает о нем: «Иеродиакон Варсонофий, 33 года, из крестьян Олонецкой губернии, в мире Василий Ярицын, обучался в сельской школе, холост, пострижен в монашество 26 сентября 1907 года в монастыре. Первоначально прибыл в монастырь 25 марта 1900 года. Затем неоднократно выбывал по семейным обстоятельствам и окончательно прибыл 5 мая 1905 года. По увольнительному свидетельству Олонецкой казенной палаты определен в послушники 28 июня 1906 года. Проходил послушания звонаря, пономаря, келейника у о. настоятеля и помощника эконома. Командирован в монастырское подворье на послушание помощника свечника 15 сентября 1907 года. Рукоположен в иеродиакона 14 октября 1907 года. Проходит послушание свечника в часовне»²⁶. После революции иеромонах

Варсонофий, к тому времени уже занимавший должность управляющего монастырским подворьем в Петербурге, был избран братией обители на освободившуюся вакансию казначея и отбыл в Александро-Свирскую обитель. Произошло это 31 октября 1917 года²⁷. Несомненно, это избрание совершилось не без воли Божией, направлявшей отца Варсонофия в обитель в самый трагический момент ее истории для принятия мученического венца в предстоявшей борьбе за монастырские реликвии и святыни.

Находясь с 29 сентября по 1 ноября в тюремном заключении, свирские преподобномученики подвергались допросам. Цель у губчека имела одна: им нужно было, чтобы арестанты указали место тайника, где спрятаны монастырские драгоценности. Но заключенные, и мы можем говорить об этом с уверенностью, отказались выдать им местонахождение этого тайника. Упомянутый выше сотрудник отдела охраны памятников Н. Молаш, прибывший в обитель 29 сентября 1919 года, писал в отчете о поездке: «26 октября в монастырь прибыли представители следственной чк с сильной вооруженной охраной и под угрозой расстрела заставил братию указать место, ими два года тому назад из опасения прихода немцев были спрятаны самые дорогие и ценные вещи монастырской ризницы и храмов, и затем, забрав все эти предметы, увезли их в Петрозаводск и Лодейное поле»²⁸. Не было никакого смысла угрожать братии, если бы местонахождение тайника чекистам выдали арестованные настоятель, казначей и те, кто были схвачены вместе с ними. Это обстоятельство позволяет нам называть гибель свирских узников мученической и видеть в них подвижников, которые удостоены от Господа венцов святости за свое мужественное стояние в Истине.

Братия Петербургского подворья Свято-Троицкого Александро-Свирского монастыря

С.-Петербург. Подворье Александро-Свирского монастыря, где служил иеромонах Варсонофий

Примечания:

- ¹ СПб. Архив Института истории Российской академии наук (ИИ РАН). Ф.3, оп. 3, д. 325. Л. 32–33.
² СПб. Архив Института истории материальной культуры (ИИМК РАН). Ф. 67, оп. 1, д. 5. Л. 32.
³ СПб. Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 602. Л. 16.

- ⁴ Там же. Л. 13.
⁵ Козлов В. Судьбы мощей русских святых. // Краеведческий альманах «Отечество». М., 1991. № 2. С. 139.
⁶ Архив ИИМК РАН, указанное дело.
⁷ Петрозаводск. Национальный архив Карельской Республики (НАКР). Ф. 317, оп. 4, д. 1/1. Л. 19.
⁸ Архив ИИМК РАН. Ф. 67, оп. 1, д. 5. Л. 32.
⁹ Там же.
¹⁰ Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 7, д. 51. Л. 262.
¹¹ НАКР. Ф. 2434, оп. 1, д. 3/24. Л. 87.
¹² Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 607. Л. 26.
¹³ Там же. Ф. 3, оп. 3, д. 602. Л. 75.
¹⁴ Там же. Л. 82, 83, 88.
¹⁵ Там же. Л. 66.
¹⁶ Там же. Д. 607. Л. 54.
¹⁷ Архив ИИМК РАН. Ф. 67, оп. 1, д. 5. Л. 8.
¹⁸ Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 602. Л. 112.
¹⁹ Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 602. Л. 64.
²⁰ Там же. Л. 56.
²¹ НАКР. Ф. 28, оп. 1, д. 2/11. Л. 53 об.
²² Там же. Д. 28/232. Л. 164.
²³ Там же. Д. 2/11. Л. 53 об.
²⁴ Там же. Ф. 25, оп. 2, д. 68/5. Л. 10–12.
²⁵ Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 430. Л. 5.
²⁶ НАКР. Ф. 25, оп. 2, д. 68/5. Л. 33.
²⁷ Архив ИИ РАН. Ф. 3, оп. 3, д. 595. Л. 39.
²⁸ Архив ИИМК РАН. Ф. 67, оп. 1, д. 5. Л. 32.

Александр Абиссов

*Пусть сажаем сады мы иль строим дороги –
Все с кончиною мира исчезнет, как дым,
И все наши надежды, мечты и тревоги
Вспыхнут лишь на мгновение фильмом немым.*

*То последнее время отмечено будет
Запустения мерзостью, сумраком зла,
И прогресс, на который надеялись люди,
Мертвым холодом встретит сердец мерзлота.*

*Так поищем же, братья, во временном вечность,
Царство Божие будем в себе созидать!
И пускай называют то чувство «беспечность»
Неотмирность лишь может в огне устоять!*

*Наше дело – стяжание Духа Святого,
Приближение лета духовной весной,
Обновление в цельности лика земного,
Трудный к радости путь, что у каждого свой!*

*Поработаем Господу Богу на совесть,
Чтоб на камне живом был основан наш град,
И, как учит нас мудрая Библии повесть,
Камнем будет раздавлен зияющий ад!*

*И откроется Царствие Божие в силе –
Но лишь в тех, кто сумел со Христом умереть.
Берегутся огню все мирские стихии,
Лишь любовь в этом мире не может сгореть!*

*Только в ней будут слышаться райские трели.
Пусть любовью сияет течение души!
Ты врачество любви приноси в каждом деле,
Делом жизни очисти свой храм поспеши!*

25 июля 2003 г. Новожилово,
Карельский перешеек

**СВЯЩЕННИК ИОАНН ВЕЛИКОВ,
ПРЕСВИТЕР ОСТРЕЧИНСКИЙ
(1883 – 1937)**

Память 26 августа/8 сентября

1937 год, как известно, был одним из самых трагических периодов в истории Русской Церкви и всего русского народа в целом. Это время, когда пост начальника ОГПУ занял приспешник Сталина Н. Ежов, было временем пика сталинских репрессий. Террор так называемой «ежовщины» имел чудовищный размах. «За два с половиной года (1936–1938) возглавления Ежовым НКВД террор превысил «работу» ЧК-ОГПУ-НКВД за 20 лет их существования»¹. Правление Ежова обошлось русскому народу в 5 миллионов человеческих жизней². Все взрослое мужское и интеллигентная часть женского населения были разделены на три группы: интеллигенция, рабочие и крестьяне. Для каждой из этих групп был установлен процент людей, подлежащих ликвидации, и были установлены сроки проведения этого мероприятия. Уничтожению подлежали люди следующих категорий: а) бывшие дворяне, помещики, буржуа, чиновники и офицеры царского времени и их дети; б) бывшие участники Белого движения и их дети; в) служители религиозного культа; г) бывшие кулаки и подкулачники; д) бывшие участники антисоветских восстаний; е) бывшие партийные оппозиционеры; ж) члены всех национально-демократических партий в национальных республиках³. По статистическим данным, число арестованных в эти годы достигло 20 миллионов. Не осталось почти семей, в которых кто-нибудь не пострадал бы.

В этот период в нашей епархии было схвачены, брошены в тюрьмы, отправлены в лагеря и расстреляны сотни священнослужителей. Многие из них, проявив мужество в застенках НКВД, наотрез отказались оговаривать себя, своих сослуживцев и прихожан в антисоветской деятельности. В ряде случаев органы, широко применявшие на допросах пытки и методы психологического воздействия, так и не смогли добиться от арестованных «служителей религиозного культа и членов церковных двадцаток» нужных показаний. Несомненно, эти люди, прошедшие сквозь «огнь и воду» сталинских

чисток, обрели вечный покой и увенчались светлым венцом страдальцев за веру Христову. Примеры такого удивительного, первомученического христианского стоицизма развенчивают бытующее мнение о том, что страшные истязания, которым подвергали арестованного в камере, не оставляли у него никакого выбора в поведении на допросах. Этот вывод не подтверждается материалами следственных дел 1937 года. Да, действительно, пытки носили жестокий и бесчеловечный характер. Подавляющее большинство подследственных, не выдерживая их, ставили свои подписи под нелепыми и лживыми протоколами, оговаривая самих себя и других лиц в том, чего никогда не было: в организации контрреволюционных заговоров, антисоветской агитации, попытках свержения советской власти, шпионской деятельности, вербовке агентов и т.п. Однако знакомство со всей полнотой следственных дел и стремление к объективности в их анализе не позволяет согласиться с утверждением об абсолютной фиктивности протоколов допросов и с мыслью о полной невозможности отличить содержащуюся в них ложь от правды. Ибо в архивах ФСБ, ставших сегодня доступными для исследовательских изысканий, хранится немало количество таких дел, которые свидетельствуют о несгибаемости и непреклонности арестованных, так и не согласившихся поставить свою подпись под подложными протоколами.

Эти дела, в которых подследственные из допроса в допрос категорически отвергали обвинения в антисоветской деятельности и контрреволюционной пропаганде, не оставляют сомнения в том, что у каждого арестованного оставалось неотъемлемым право говорить и подписывать на допросах только то, что внушала ему собственная совесть. Ни физические истязания, ни психологическое давление, ни внутренний гнет тюремного заключения не могли заставить некоторых из них давать или подписывать фальшивые показания, фабриковавшиеся органами НКВД. Наш долг перед этими людьми, сохранившими веру и в условиях же-

сточайших истязаний не пошедшими наперекор своей совести, заключается в том, чтобы их подвиг не был предан забвению и оказался достоянием гласности, чтобы их мужественное стояние за правду Божию стало предметом общецерковного почитания.

Одним из священнослужителей, которого органы так и не смогли склонить к даче ложных показаний, был священник Иоанн Великов, простой сельский батюшка, всю свою жизнь служивший на деревенских приходах. Сведения о его жизни весьма скудны. Известно, что родился он в деревне Люболяды 23 мая 1883 года в семье священнослужителя Новгородской губернии, учился в Новгородской Духовной семинарии. В 1902 году, по окончании третьего класса, Иван Великов вынужден был оставить учебу, скорей всего, по причине бедности, и поступить на приход. 24 марта 1903 года он был определен псаломщиком к церкви погоста Перетно Крестецкого уезда Новгородской епархии, в котором прослужил 12 лет. Затем 1 июня 1914 года Преосвященным Алексием, епископом Тихвинским, он был рукоположен в сан диакона и назначен в штат церкви свв. мчч. Флора и Лавра села Великие Пороги Боровичского уезда. В клировой ведомости Великопорожской церкви в соответствующей графе записано: «Диакон Иван Великов – поведения отлично хорошего»⁴. Далее проследить жизненный путь отца Иоанна практически невозможно. До 1918 года он оставался в сане диакона. Где, когда и кем он был рукоположен в иерея и на каких приходах продолжал свое служение, установить теперь трудно по причине начавшихся в то время гонений. Архивные данные того времени крайне скудны, а церковная печать уже в 1919 году была ликвидирована полностью. Единственным источником для составления жизнеописания отца Иоанна в послереволюционный период являются материалы следственного дела.

К моменту ареста служил отец Иоанн в церкви Рождества Богородицы села Остречины Лодейнопольского уезда Олонецкой епархии, к 1930 годам находившегося в Вознесенском (ныне Подпорожском) районе Ленинградской области. Арестован он был 12 августа 1937 года в одиннадцать часов вечера. По протоколам допросов свидетелей, привлеченных к делу и дававших показания против священника, мы можем воссоздать некоторые черты церковной жизни Остречинского сельского прихода того времени. Так, остречинскому настоятелю приходилось жить в очень стесненных материальных обстоятельствах. С 1931 года все его имущество, движимое и недвижимое, было конфисковано властями и продано с торгов для погашения налога, которым в то время было обложено все население России. «Налоги я не платил, потому что не хватало денег», – показал на допросе о. Иоанн⁵. Своего жилья к тому времени у прихода уже не было, поэтому квартиру отцу Иоанну приходилось снимать, переходя от одного хозяина к

Новгород. Антониев монастырь и Новгородская Духовная семинария, где учился новомученик иерей Иоанн Великов

другому. На один из вопросов следователя он ответил, что за время пребывания священником в Остречинах (а служил он здесь 3–4 года) он «жил в четырех домах». Вероятно, те, кто пускал его в свой дом, сами жили не очень «широко», а потому вскоре начинали тяготиться присутствием постояльца в их доме. (Супруга отца Иоанна, Мария Афанасьевна, вместе с сыном Анатолием проживали в то время в Ленинграде, скорей всего, по причине частых перемещений мужа и отсутствия жилищных условий на приходах.) Приходилось о. Иоанну приискивать другое жилье. Эти частые переезды из дома в дом обрекали о. Иоанна на скитальческое существование. За съём жилплощади те, кто пускал его в свой дом (чаще всего это были прихожане), устанавливали соответствующую плату, что свидетельствовало о том, что материальный уровень жизни крестьянина был очень низок. Но зачастую платить было нечем, и на этой почве у о. Иоанна возникали с хозяевами трения. Свидетель Ш., прихожанка Остречинской церкви, у которой о. Иоанн снимал жилье, на допросе показала, что «я лично к Великову имею претензию в том, что, проживая в моем доме более 1 года, не уплатил за квартиру денег»⁶.

Те же протоколы следственного дела содержат в себе ценные материалы, позволяющие воссоздать портретные черты остречинского батюшки. Отец Иоанн был одним из тех служителей алтаря Господня, которые, невзирая на трудности и тесноту, старались ревностно исполнять свое пастырское служение. Свидетель М. Я. Д. на допросе показывал, что «Остречинский поп в своей работе очень крепко убежден и стремится привить к верующим и гражданам, посещающим церковь, веру» и что «он редко в какое-либо совершение религиозного обряда не говорит проповеди», чем старается «вовлечь верующих и граждан в церковь, а также внушить им Священное Писание»⁷. Родной брат этого свидетеля, гр-н М. И. Д., на предложение следователя дать пока-

Церковь в одном из сел на Свири. Олонецкая губ.
Фото 1911 г.

зания о «попе Остречинской церкви Великове», также показал: «О нем мне известно, что он очень активно борется за укрепление церковного влияния на население»⁸. Проповедь отца Иоанна, являлась, прежде всего, горячим призывом ко спасению во времена наступившего безбожия. «В проповедях к верующим я призывал к более активному исполнению религиозных обрядов», – показал на допросе отец Иоанн⁹. Но подчас его слово приобретало обличительный характер, являя его бесстрашие. «За что вы привлекались в 1932 году к ответственности по ст. 58-10 УК?» – спросил следователь священника на одном из допросов. «Я привлекался органами НКВД за то, что я говорил в проповедях в церкви, что школа теперь безбожная», – ответил батюшка¹⁰.

Столь же безбоязненно шел отец Иоанн на конфликт с местными властями, обязывая прихожан добросовестно почитать церковные праздники. За посещение богослужений в праздничные и воскресные дни у остречинского настоятеля с правлением колхоза развернулась целая борьба, говорившая об особой ревности его к Дому Господню. «Что говорил Великов, – спрашивал следователь свидетельницу Ш., – о посещении всех праздников, не считаясь с рабочим временем?» «Он говорил, – угодливо отвечала та, – что следует посещать церковь во все праздники, не считаясь с работой в колхозе, потому что вера выше всего, и что за это по конституции ничего не будет»¹¹. На благодатную почву падали его слова, обладавшие действенной силой, и не оставались «гласом вопиющего в пустыне». «Были ли случаи невыхода колхозников на работу в воскресенья и другие праздники, когда была срочная работа по колхозу, что тормозило сдачу поставок государству?» – интересовался сотрудник НКВД у свидетеля В. М. «Да, были частые случаи, когда они заявляли, что мы все равно не пойдем, и вместо этого шли в церковь»¹². Больше всего эти факты возмущали и приводили в негодование местное управление. Директор Остречинского колхоза в отместку «попу» за его «вредительство»

показывал на следствии: «Это действительно, что во время праздника, большого и маленького, лучше не ходи на работу, не наряжай (не выписывай нарядов. – Прим. авт.), никто не выходит в настоящее время, даже колхозники. Бывало, во время уборки бросали работу и уходили в церковь»¹³. Неподатлива была деревня на «выкорчевку» религиозности, проводимую Сталиным в масштабах всей страны. Сам отец Иоанн на следствии не отрицал того, «что посещение церковных богослужений и выполнение религиозных обрядов, несомненно, отражались на выполнении колхозных работ в сторону их срыва и задерживали своевременное их выполнение». «Признаю, что в своих проповедях и выступлениях я призывал верующих колхозников активно исполнять все религиозные обряды и регулярно посещать церковь, не считаясь с работой в колхозе», – говорил он следователю спокойно, нисколько не стараясь выгородить себя как-либо¹⁴. При этом он не соглашался, когда эти его действия квалифицировались как антиколхозная агитация. Нет, он призывал к этому по долгу своей службы, а вовсе не из противодействия мероприятиям ВКП(б). Но был и другой мотив в этих признаниях отца Иоанна. Ими он старался отвести удар от своих прихожан и всю полноту ответственности за их неповиновение колхозной власти переложить с их плеч на свои собственные, как бы поясняя следствию, что их невыход на работу объясняется его проповедью и его увещаниями. Это подтверждается и другими его показаниями. «Собирались ли в доме, где вы проживали, колхозники и какие беседы были с ними?» – вопрошал следователь с провокационными намерениями, ожидая, что арестованный пойдет на дачу «нужных» показаний о контрреволюционных настроениях своих прихожан¹⁵. «При посещении велись беседы о плохой жизни в колхозах, что колхозники мало зарабатывают хлеба, – отвечал иерей Божий и с некоторой поспешностью, как бы исправляя свою невольную ошибку, добавлял, – об этом я часто спрашивал иногда сам»¹⁶.

Эта его забота о пасомых с риском для собственной безопасности отчетливо проступает в другом эпизоде – в тяжбе за двор хозяйки, у которой он снимал комнату. Коллективизация, а точнее, насильственный загон в колхозы под угрозой ареста и ссылки в лагерь с конфискацией имущества, проводилась властями за счет самих крестьян. К прихожанке Ш., где остановился отец Иоанн, явились представители местной власти с требованием отдать собственный двор под устройство колхозной конюшни. Та повиновалась. В дом была прислана бригада с целью переоборудования двора. Но в самый разгар работы на дворе появился отец Иоанн с предложением прекратить его переделку. «Почему вы пришли к работающим колхозникам и предложили им прекратить переделку двора, заявив, что все равно работу придется разломать?» – спрашивал следователь у

Протокол допроса и постановление о расстреле новомученика иерея Иоанна Великова, пресвитера Остреченского

12. Партийность (в прошлом и в настоящем) *Будучимый*

13. Национальность и гражданство (подданство) *Русский из СССР*

14. Категория воинского учета-записа и где состоит на учете *не состоит*

15. Служба в белых и др. в-р армиях, участие в бандх и восстаниях против Советской власти (когда и в качестве кого) *нет*

16. Каким репрессиям подвергался при Советской власти: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что) *был в 1932 г. арестован органами НКВД Калужской Республики по обвин. № ф. 58-10*

17. Состав семьи *жена Евдокия Марис Авд.-49 лет (была репрессирована, из жизни фотопортрет, адрес по месту жительства) и сын Андрей - 14 лет (ученик в Остреченской школе Таиловского с/д № 34)*

Подпись арестованного *Свешков Я.*

1. Особые внешние приметы

2. Кем и когда арестован

3. Где содержится под стражей *в КИЗ при РО НКВД*

4. Особые замечания

Подпись сотрудника, заполнявшего анкету *[подпись]*

12. августа 1937 г.

Примечание. Анкета заполняется...

С. С. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Управление НКВД—СССР по Ленинградской области
УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1937 г. *августа* мес. *18* дня, Я. *Свешков* *суд се 64388* (полн., казнов. орган, ф. дела) допрошен в качестве *свидетеля*

1. Фамилия *Свешков*

2. Имя и отчество *Иван Александрович*

3. Дата рождения *1885 г.*

4. Место рождения *с. Новоселье Остреченского вол. Нов. о. Остреченского уезда*

5. Местожительство *с. Остреченское Остреченского р-на*

6. Нац. и гражд. (подданство) *Русский 10-ч. СССР*

7. Паспорт *Воевой № 01008* (когда и какою органом выдан, номер, категория и место выданная)

8. Род занятий *Секретарь районного комитета* (какая служба и должность)

9. Социальное происхождение *сын священника без места* (род занятий родителей и из какой организации/коллектива)

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)

а) до революции _____

б) после революции *Секретарь районного комитета*

11. Состав семьи *Жена Евдокия Марис Авдеевна 49 лет, сын Андрей 14 лет* (какая профессия и образование)

ВЫПИСКА из протокола допроса...

на осужденного Тройкой УНКВД по Ленинградской области № 107808 от 1937 г. в отношении осужденного и ИМН... (подпись)

А К Т

Протокол Тройки УНКВД по прошению Е. Ш. от 4-го кварт. 1937 г. в отношении осужденного и ИМН... (подпись)

Дело в 94651-37 г. Вознесенского РО НКВД, по обвинению: ШВЕШКОВ Иван Александрович, 1885 г.р., ур. с. Новоселье Остреченского вол. Нов. о. Остреченского уезда, бывший секретарь Остреченского районного комитета Остреченского р-на, по аресту проходил как чл. бурж. организации, агент-провокатор и т.д. (подпись)

Вопросы себя принял частично, но изобличается свидетельскими показаниями Котова, Шваровой, Завьял, Горбачевой и Мухоморова.

Арестован 12.8.37 г., содержится в КИЗ Вознесенского р-на НКВД.

отца Иоанна на допросе. «Я предполагал, – отвечал он, – что двор понадобится ей самой»¹⁷. Вступившись за Ш., отец Иоанн нажил себе врага в лице председателя колхоза, справедливо полагавшего, что решение Ш-й не давать двор – дело рук ее постояльца. Это заступничество было вменено ему в антиколхозную агитацию и ухудшило его положение на следствии. Кстати говоря, сама Ш., которую он тогда благодетельствовал, всю вину за эту историю малодушно свалила на своего квартиранта, без долгих колебаний объявив следователю, что решение не давать двор она приняла после разговора со священником. При этом она прибавила и то, чего совсем от нее не требовалось поставленным вопросом: «Великов, ведя антиколхозную пропаганду, говорил, что, сколько ни работай в колхозе, все равно будете сидеть голодными»¹⁸.

Точно с таким же риском для себя поддерживал отец Иоанн отношения с репрессированным священником Шевелевым П.П., отбывавшем 10-летний срок на 5-м пункте Свирылага, располагавшегося неподалеку от

деревни Остречины. Через день он приходил к отцу Иоанну, и тот снабжал его необходимыми продуктами. В то время нетрудно было навлечь беду на свою голову простым поддержанием дружеских отношений с «врагом народа». Однако эти соображения не останавливали отца Иоанна. Он не мог отказывать в помощи собрату, оказавшемуся в трудном положении политзаключенного. Но и сам отец Иоанн, без сомнения, во время этих встреч пользовался предостережениями ссыльного священника, опытно познакомившегося с особенностями следственного делопроизводства сталинского режима. Трудно предположить, что между двумя батюшками, находящимися в условиях гонений, не установились искренние, доверительные отношения, побуждавшие к взаимопомощи. Не исключено, что к моменту ареста отец Иоанн уже был подготовлен к системе допросов, практиковавшейся органами НКВД.

А действовал карательный аппарат по стандартной и накатанной схеме: сначала фабриковался «компромат» через осведомителей и свидетелей, затем следовал арест жертвы и серия допросов, цель которых заключалась в

*Пристань села Остречины на берегу Свири.
Фото 1910-х гг.*

том, чтобы склонить подсудимого к признанию вины в контрреволюционной деятельности, достаточной для вынесения приговора о высшей мере наказания. Но это был еще не конечный результат. Требовалось «выбить» из подсудимого имени мнимых соучастников по антисоветизму. Когда удавалось добиться от арестованного признания собственной вины перед государством, тогда следовал второй акт этого жесткого спектакля: принуждали всеми способами назвать соучастников или подписать заготовленный протокол с их именами. Как правило, тот, кто не выдерживал первого акта, т.е. признавал свою виновность в контрреволюционной деятельности, во втором акте долго не сопротивлялся. Психологический перевес в этом случае оказывался достигнутым. После первого признания арестованный, морально сломленный, подписывал и второй протокол с перечнем соучастников. Поэтому очень важно было устоять в том, чтобы не признать обвинений по собственному адресу и не пойти на подписание фальшивки, ибо от этого зависел исход всей драмы в целом. Вот эту скрытую логику допросов, тайную их направленность хорошо понимал отец Иоанн, категорически отрицавший обвинения в антисоветской деятельности. Говорил ли он те слова о колхозах, которые с такой

настойчивостью из допроса в допрос повторял следователь? «Вопрос: дайте показания, высказывались ли вы о том, что сколько в колхозе ни работайте, все равно толку будет мало, они должны развалиться»? Да, без всякого сомнения, говорил. Почему же решительно их отвергал? «Ответ: этого я не говорил и категорически отрицаю. Вопрос: вы говорите неправду. Следствие настаивает дать правдивые показания, т.к. следствие располагает свидетельскими показаниями, подтверждающими ваши высказывания колхозникам. Ответ: это ложь, и я категорически отрицаю это»¹⁹. Потому что хорошо понимал скрытый, невысказанный смысл этого настойчивого вопроса: сознайся он в этих словах, как тут же последует обвинение в антисоветской пропаганде, а за этой ложью последует другая, более страшная – потребуют назвать соучастников, тех близких, с которыми связала жизнь. Помогать следствию в уничтожении «классового врага» отец Иоанн не хотел и не мог. Что же оставалось делать? Решительно отвергать все попытки следователя навязать «контрреволюцию».

После месячного заключения серия допросов была окончена. Следствие убедилось в бесполезности дальнейшего нажима. Раз арестованный остался непреклонным, то пришлось по второму кругу допросить свидетелей, чтобы «усилить» материал дополнительными показаниями для вынесения приговора «расстрелять», а затем сдать дело в архив. Фактически отец Иоанн, не повинившийся и никого не назвавший в застенке НКВД, умирал «за други своя», исполнив заповедь Спасителя о той любви, выше которой ничего не может быть. Так закончился земной путь этого сельского батюшки, одного из служителей Русской Православной Церкви в тяжелые и беспримерные годы сталинских гонений.

Примечания:

¹ Измestьев Ю.В. Россия в XX веке. Нью-Йорк, США, 1990, С. 282.

² Авторханов А. Технология власти. С. 410.

³ Измestьев Ю. Указ. соч.

⁴ Государственный архив Новгородской области. Ф. 480, оп. 1, д. 4285. Л. 120 об. (биографические данные приведены из клировой ведомости Флоролаврской церкви за 1916 год).

⁵ АУФСБ, СПб, дело № П-76382. Л. 27 об.

⁶ Неизвестно, было ли это правдой. Скорее всего, Ш., дабы отвести подозрения от себя, торопилась уверить следствие, что она не испытывает к арестованному душевной расположенности, а в дом пустила единственно из соображений материальной выгоды.

⁷ АУФСБ, Л. 6.

⁸ Там же. Л. 8.

⁹ Там же. Л. 24.

¹⁰ Там же. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 28.

¹² Там же. Л. 32.

¹³ Там же. Л. 16 об.

¹⁴ Там же. Л. 24.

¹⁵ Очень многие, в расчете послабления меры наказания, шли на встречу следствию, надеясь, что в этом случае им удастся избежать расстрела. Один из высокопоставленных сотрудников НКВД писал: «Даже ни в чем не повинный человек, ошеломленный арестом и деморализованный неуверенностью в судьбе близких, остающихся на свободе, становится в руках следователей крайне податливым и склонен подписать все, в чем его обвиняют». (см. А. Орлов. Тайная история сталинских преступлений. СПб, 1991. С. 27.)

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 26.

¹⁸ Там же. Л. 14.

¹⁹ Там же. Л. 25.

Протоиерей Игорь Александров

ИСПОВЕДНИК ПРАВОСЛАВИЯ ПРОТОИЕРЕИ ИОАНН КЪЯНДСКИЙ (1871 – 1941)

Будущий пастырь родился 29 мая 1871 г. в семье священника коштугской Сретенской церкви Вытегорского уезда Олонецкой губернии* Кирилла Павловича Кьяндского /2, л. 14; 3, л. 3/ и был наречен Иоанном в честь св. Иоанна Устюжского, Христа ради юродивого, память которого празднуется в тот же день /4/. Стоит отметить, что первая церковь в Коштугах, построенная еще в 1693 г., была освящена во имя свв. блаженных Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев. Во время рождения о. Иоанна она еще существовала, наряду с построенной в 1720 г. Сретенской как приписная к последней /5/.

В 1891 г. Иоанн окончил Олонецкую Духовную семинарию по первому разряду, и с 1891 по 1894 гг. состоял учителем и законоучителем Старо-Сиверской народной школы Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии /2, л. 14/. В этот период жизни будущему священнослужителю посчастливилось близко общаться с патриархом русской поэзии Аполлоном Николаевичем Майковым (1821 – 1897), проживавшим в Сиверской на даче и бывшим в то время председателем попечительского совета при только что построенной (1889) сиверской Петропавловской церкви. Личность маститого поэта, его твердые православно-монархические убеждения оказали большое влияние на молодого провинциала-учителя.

В 1894 г. Иоанн Кьяндский женился на дочери священника села Вознесенье Петрозаводского уезда Олонецкой губернии Симеона Васильевича Лескова – Клавдии Семеновне /3, л. 3/. 30 октября 1894 года

* Село Коштуги вошло в историю русской литературы как место рождения поэта Николая Алексеевича Клюева (1884 – 1937). Несмотря на то, что сам поэт любил подчеркивать свои старообрядческие корни, его крещение в Коштугской церкви теперь документально установленный факт. О семье родителей Клюева известно, что они не были местными крестьянами, и, прожив в Коштугах несколько лет, уехали навсегда.

он был рукоположен в диакона и направлен на службу в новый храм Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви – церковь Воскресения Христова у Варшавского вокзала в С.-Петербурге. В то время это был еще скромный деревянный храм Общества, бывший приютом и местом молитвы многих бедных жителей городской окраины и трезвенников. С 1898 по 1902 гг. диакон Иоанн обучался в Санкт-Петербургской Духовной академии в качестве вольнослушателя. Окончив академию в 1902 г. со степенью кандидата богословия /2, л. 14/, он пишет свое кандидатское сочинение

по истории Александро-Свирского монастыря, в монастырской библиотеке которого работает над этим трудом; научным руководителем работы был знаменитый А.В. Карташов /6/.

С 1903 г. диакон Иоанн по совместительству являлся также законоучителем в Санкт-Петербургской 10-й гимназии (сначала – вне штата, а с 1908 г. – в штате) /2, л. 10/. Рукоположение о. Иоанна во священника произошло 2 февраля 1905 г. после чего он был направлен служить в другой храм Общества – церковь Казанской иконы Божией Матери на Большой Охте /2, л. 15/ в качестве настоятеля, где прослужил десять лет. Жители Большой Охты и Исаковки – отдаленных пригородов С.-Петербурга были его прихожанами и духовными чадами.

В 1915 г. он был переведен настоятелем в еще один храм Общества – Усекновения главы Иоанна Предтечи, на Лесном проспекте, в котором прослужил еще почти 15 лет до самого его закрытия в 1929 г. В сан протоиерея о. Иоанн был возведен не позднее 1919 г. /7, л. 6/. В 1922 г. под силовым давлением обновленцев причт храма ненадолго уклонился в обновленчество, но после решительных действий епископа Мануила (Лемешевского) в 1923 г.

Церковь Рождества Христова в селе Мегра (1791), центре соседней с Коштугской волости (полностью разрушена). Фото из экспозиции Вытегорского краеведческого музея

Улица в с. Коштуги

Семейный портрет всех братьев и сестер Кьяндских. О. Иоанн – крайний справа, рядом — его супруга Клавдия Семеновна. Братья: Александр – стоит слева, Василий (в рясе) – сидит. Сестры: Мария и Наталья стоят, Анна – сидит (вторая слева). Датировать снимок можно приблизительно 1910 – 1915 гг.

принес покаяние в этой своей слабости и в дальнейшем сохранял верность законной церковной власти. Храм Иоанна Предтечи был закрыт в 1929 г. Сохранилось дело о его закрытии /8/. Кампания по закрытию храма разворачивалась под надуманным предлогом, что колокольный звон храма мешает отдыху трудящихся в ближайшем Дворце культуры и других подобных заведениях. «Вся беда заключается в том, что в предпраздничные дни, когда работа ДК находится в разгаре, с колокольни начинает раздаваться *нестерпимый* (Курсив мой – Прот. И. А.) многопудовый звон» – писали инициаторы закрытия церкви /8, л.32/. Предлог этот выглядит особенно цинично в свете дальнейшего развития событий: уже в следующем году колокольный звон был запрещен повсеместно, а вскоре колокола всех храмов были изъяты на нужды первой пятилетки. Исторический интерес представляет отрицательная реакция областной прокуратуры на запрос Выборгского райсовета. Помощник областного прокурора Григорьев сообщал 15.01.1929 г., что «прокуратура не находит законных оснований к закрытию означенной церкви» /8, л.23/. Этот ответ – свидетельствует о последних остатках независимости органов прокуратуры от советской администрации, и, конечно, личной смелости прокурора. Шумная кампания, развернутая в городских средствах массовой информации, со сбором подписей на сотнях подписных листов, была провалена одним росчерком его пера. Районные власти на этом не успокоились. В апреле того же года они организовали в храме проверку сохранности и наличия числящихся по описи предметов культа. Комиссия, разумеется, обнаружила «недостаток различных культовых предметов количеством 112 на общую сумму 1185 рублей» /8, л.11/, т. е., в среднем, по 10 рублей на предмет. На этом парадоксальном основании – за плохое хранение «средств одурманивания масс» – церковь и была закрыта. Суда о. Иоанн чудом избежал. Из последующих мест его служения известна только церковь села Смоленского (на территории Ленинграда), где документы отмечают служение о. Иоанна летом 1932 г. /9, л. 90/. В марте 1935 г. протоиерей Иоанн Кьяндский был выслан из Ленинграда в Астрахань вместе с женой и тремя детьми («Кировский поток») сроком на 5 лет. Детям этот срок впоследствии сократили, а о. Иоанн с матушкой отбыли до конца. В Астрахани в то время жили многие священнослужители, высланные из Ленинграда, с которыми сразу завязывались отношения. Особенно близок был о. Иоанн в этот период с протоиереем Алексием Чанцевым. В последний год жизни о. Иоанна частично парализовало. Забирали его из Астрахани дети Василий и Николай. В

Ленинград вернуться ему не разрешили. Поселился он в дер. Новинка по Витебской железной дороге. Умер о. Иоанн 24 февраля 1941 года и после смерти вернулся-таки в город, с которым разделил сорок самых трагических лет его истории. Отпевал его в Никольском соборе митрополит Алексей (Симанский) /4/; похоронен о. Иоанн Кьяндский на Большоохтинском кладбище (Саратовская дорожка, семейное место). Могила его сохранилась и родственники ухаживают за ней.

Генеалогия. Родители. В июне 2005 г. автору удалось при содействии директора Вытегорского краеведческого музея Т.П. Макаровой побывать на родине о. Иоанна в селе Коштуги Вытегорского района. Село Коштуги, некогда представлявшее собою конгломерат из 18 деревень, ныне насчитывает чуть более ста жителей. У алтаря разрушающейся деревянной церкви сохранилась могила родителей о. Иоанна. Надпись на красной гранитной довольно грубо обработанной плите гласит: «На сем месте покоится прах рабов Божиих: Священноиерея Кирилла Павловича Кьянского, (именно так, без «д») умершего 1 августа 1904 г. всю пастырскую жизнь прослужившего в сем приходе и супруги его Евдокии Никаноровны Кьянской, умершей 15 февраля 1900 года. Покой Господи души их во Царствии Твоем». Сохранившееся церковное здание было построено в 1904 г. /10/.

Синодик о. Иоанна, речь о котором – ниже, открывается именами чтеца Павла и Марии, иерея Никанора и Ксении. Очевидно имелись в виду родные бабушки и дедушки, которые, как тому и следовало быть в XIX веке, все происходили из духовного сословия. Место происхождения рода Кьян(д)ских пока не установлено, погосты с таким названием существовали как на Белом озере, так и на реке Важе на юге нынешней Архангельской области.

Братья и сестры. В семье, кроме о. Иоанна, было еще пять детей: два брата и три сестры.

Александр – старший брат – учился в Санкт-Петербургской консерватории по классу композиции у Н.А. Римского-Корсакова. Писал духовную музыку (сочинения сохранились). При этом работал чиновником Комитета о раненых воинах и, по совместительству, регентом храма общины св. Георгия на Выборгской стороне. Умер в пригороде С.-Петербурга в Гражданскую войну от голода или болезни.

Василий, как и Иван, окончил Олонецкую Духовную семинарию, стал священником, впоследствии преподавал в той же семинарии. Обстоятельства его смерти неизвестны /11/.

Мария – старшая из сестер (но младше о. Иоанна) – работала учительницей в Сиверской. Погибла при бомбежке во время войны.

Наталья – также работала учительницей.

Анна – о ее судьбе ничего неизвестно /4/.

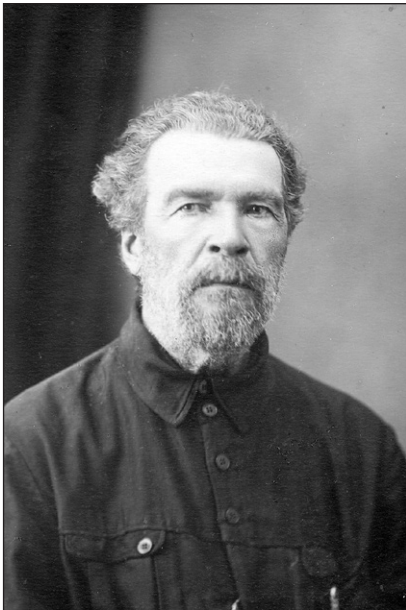
*Церковь Сретения Господня в с. Коштуги (1904)
Вид с юго-запада*

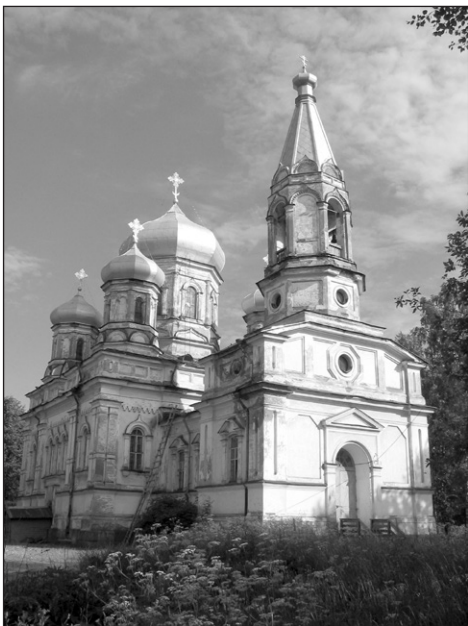
*Могила
родителей
о. Иоанна
у алтаря
Коштугской
церкви*

Река Меера в с. Коштуги

О. Иоанн в астраханской ссылке. Надпись на обороте сделана им самим: «Милым и дорогим моим детям на добрую память. Астрахань, 21 декабря 1938 г. Снимался в апреле 1938 г.»

Церковь Сретения Господня в г. Вытегра (1873)

Зимняя и летняя церкви в д. Палтога по дороге из Вытегры в Меэру

Супруга. Клавдия Семеновна Лескова (о ее происхождении – см. выше). Ее двоюродный брат Леонид Александрович Лесков служил чиновником Синода в чине действительного статского советника /12/. Умерла 10.12.1948, в Киеве, где проживала в семье старшего сына /4/.

Дети. У о. Иоанна было шестеро детей.

Екатерина Ивановна (1895 – 1953) окончила Смольный институт. В 1925 г. вышла замуж за инженера Михаила Зубова. У них был один сын Дмитрий, воспоминания которого послужили одним из источников настоящей биографии.

Павел Иванович (1898 – 1988) был артистом киевского театра Русской драмы, народным артистом УССР. Сын Дмитрий проживал в Киеве, работал журналистом.

Анастасия Ивановна (1899 – 1926) погибла в результате несчастного случая.

Василий Иванович (1902 – 1976).

Ольга Ивановна (1906 – 1993).

Николай Иванович (1917 – 1942) пропал без вести на Карельском фронте.

Из племянников упомянем о сыне старшего брата Георгии Александровиче (1895 – 1955). Он окончил Электротехнический институт, в дальнейшем был профессором ЛЭТИ, автором нескольких монографий по теории колебаний и распространению радиоволн. Женат он был на младшей дочери изобретателя радио А.С. Попова – Екатерине. Их брак продолжал традицию внутрисословных браков духовного сословия: отец Александра Степановича был протоиереем на Урале, о чем напоминает и сама фамилия пионера радиотехники. По семейным преданиям, Александр Степанович серьезно относился к религии и на все важнейшие эксперименты обязательно брал благословение у самого о. Иоанна Кронштадтского /11/. Верующим христианином был и Георгий Кьяндский. Тем не менее репрессии 30-х годов его обошли стороной. Удивительным образом этот патриот России подпал под послевоенную кампанию борьбы с космополитизмом. Причина – отличное знание немецкого и обилие прочитываемой специальной литературы на иностранных языках (по этому показателю ему не было равных в институте). Он был отстранен от преподавания, это обострило болезни и привело к преждевременной смерти.

В устных беседах внуки о. Иоанна упоминали и о родственных связях с известным врачом, специалистом по челюстно-лицевой хирургии А.А. Кьяндским /4, 11/.

Храмы, связанные со служением о. Иоанна

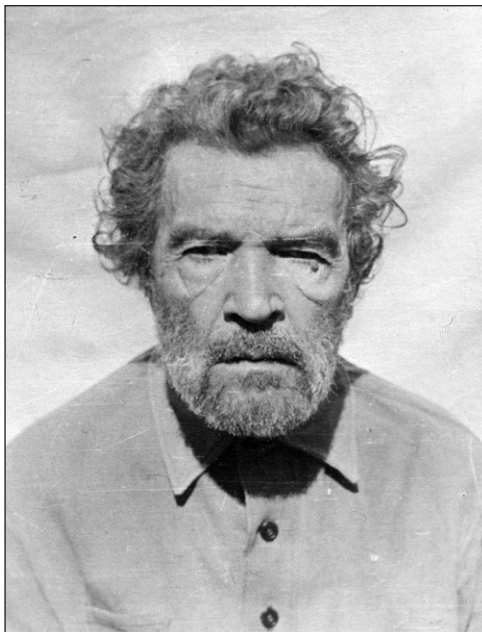
Из четырех упомянутых в биографии храмов два полностью разрушены. Здание храма, в котором о. Иоанн служил в самое трудное и страшное время и с которым связано упоминание о нем в исторической литературе /13, с. 269/ – Иоанна Предтечи на Лесном проспекте – сохранилось, но используется не по назначению. Спорт-

зал, устроенный там в советское время, сохранился, только стал из общедоступного коммерческим. Совершается молитва в храме Воскресения Христова у Варшавского вокзала, но надо отметить, что в этом величественном здании о. Иоанну послужить не довелось. В годы его диаконского служения церковь представляла собой скромное деревянное строение, а вскоре после закладки каменного храма он был рукоположен во священника и назначен в столь же скромный деревянный храм на Охте.

Синодик о. Иоанна

Документальным памятником эпохи является сохраненный уже упоминавшимся Д.М. Zubовым синодик о. Иоанна «О упокоении».

Более привычно называть подобные документы частных лиц помянниками, но в данном случае объем (более тысячи имен), систематичность составления, завершенность (отсутствие исправлений) заставляют подыскать более уважительное наименование. Синодик представляет собой ученическую тетрадь в клетку, в которую рукой о. Иоанна вписано более тысячи имен тех, с кем он общался в течение жизни и кто уже оставил мир сей или о судьбе кого по обстоятельствам времени (аресты, эмиграция) он не мог иметь точных сведений. В последнем случае

Последняя фотография о. Иоанна

имя сопровождается пометкой «а. у.», очевидно, «аще умре». Почти все имена для памяти снабжены и фамилиями. Синодик разбит на главы, отражающие хронологические этапы жизни составителя, и в дошедшем до нас виде по-видимому составлен в ссылке. Поскольку поминать такое количество имен ежедневно было затруднительно, составитель разбил весь список на семь глав – по числу дней недели. Каждая глава надписана тем или иным днем, так что в течение недели ссыльный священник как бы заново проживал свою жизнь – от коштугского детства до ленинградских репрессий и, вместе с тем, готовился к встрече с дорогими ему сродниками и сомолитвенниками.

Синодик позволяет установить факт и примерную дату смерти ряда упомянутых в нем лиц. Так, например, в последнем, астраханском, разделе упоминаются петербургские протоиереи Алексей Чанцев (именно в сане протоиерея), Николай Пашкевич и Павел Цветаев, что позволяет с большой степенью вероятности говорить о пребывании их в Астрахани и о смерти их там в период 1935 – 1939 г. Епархиальный «Синодик» /1/ упоминает только об их высылке из Ленинграда в 1935 г., не называя ни пункта высылки, ни даты смерти.

Петербургские храмы Общества: Воскресения Христова у Варшавского вокзала и Казанский на Большой Охте, где служил протоиерей Иоанн Кьяндский

Источники

1. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии (2-е издание), издательство «Мирь», СПб, 2002.
2. ЦГИА СПб ф. 44, оп. 2, д. 571
3. ЦГИА СПб ф. 19, оп. 115, д. 950
4. Устное сообщение внука о. Иоанна Д.М.Зубова
5. Филимонов К. Ф. Коштугский приход, Олонецкие губернские ведомости, 1890 г.; перепечатка в Вытегорской районной газете «Красное знамя» 08.07.1995
6. Журналы заседаний совета СПб ДА за 1902 г.
7. ЦГИА СПб ф. 678, оп.1, д. 463
8. ЦГА СПб ф. 1000, оп. 65, д. 48

9. ЦГА СПб ф. 7384, оп. 33, д. 108
10. Устное сообщение коштугского краеведа Н.А. Шлопаковой. Внешний вид храма подтверждает эту дату постройки – первые годы XX века.
11. Устное сообщение внучки Александра Кьяндского Е.Г. Поповой-Кьяндской (ум. 10.10.1994)
12. Устное сообщение дочерей уроженца Вытегры диакона Иоанна Рождественского А.И. и Е.И. Рождественских. (О. Иоанн родился 27.01.1875, умер в Ленинграде 29.07.1949. Отец – Василий Рождественский – священник в Вытегре).
13. Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга, т. 2, издательство Чернышева, СПб, 1996.

ХРАМЫ ЛОДЕЙНОПОЛЬСКОГО УЕЗДА: 1937 ГОД

ЛОДЕЙНОПОЛЬСКИЙ РАЙОН

(4 храма)

ЛОДЕЙНОЕ ПОЛЕ

Александро-Невская церковь протоиерей РОМАНОВ Михаил Иванович
священник ДАНИЛОВ Антоний Матвеевич
диакон-псаломщик ПОЧТОВАЛОВ Михаил

Алексеевич

ГОРКА

Никольская церковь священник ПОПОВ Иоанн Трофимович

ПИРКИНИЧИ

Христорожественская церковь священник РУМЯНЦЕВ Евгений Иванович

СВИРСКАЯ СЛОБОДА

Александро-Свирская церковь священник ЧЕРНОБРОВОВ Александр Иванович

ПОДПОРОЖСКИЙ РАЙОН

(1 храм)

ШЕМЕНИЧИ

Ильинская церковь священник РОГОВ Алексей Никитич

ВОЗНЕСЕНСКИЙ РАЙОН

(4 храма)

ВОЗНЕСЕНЬЕ

Вознесенская церковь протоиерей ВОЛОКОСЛАВСКИЙ Александр
Иванович

протоиерей ЛЕСКОВ Александр Иванович
диакон ЭХОВ Василий Степанович

ГЕЖЕСЕЛЬГА

Троицкая церковь священник ГЕОРГИЕВСКИЙ Александр Константинович

КУЗРА

Петропавловская церковь протоиерей БЕЛЯЕВ Николай
иеромонах МАРТИН (Марков)

ШУСТРУЧЕЙ

Казанская церковь иеромонах ВАРСОНОФИЙ (Дворцов)

ОЯТСКИЙ РАЙОН

(3 храма)

ГЕДЕВИЧИ (АЛЕХОВЩИНА)

Михайловская церковь протоиерей ЕЛПИДИНСКИЙ Сергей Семенович

МУСТИНИЧИ

Казанская церковь священник КУДРЕМОВ Василий Андреевич

РЕБОВИЧИ (пос. Ребовский)

часовня иеромонах ГЕРМОГЕН (Иванов)

Публикация А.К. Галкина

ДУХОВЕНСТВО ЛОДЕЙНОГО ПОЛЯ: 1937 ГОД

РОМАНОВ Михаил Иванович, 1883 г. р., уроженец и житель г. Лодейное Поле Ленинградской области, беспартийный, священник церкви св. Александра Невского, проживал: ул. Коммунаров, д. 6. Арестован 23 мая 1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 15 августа 1937 г. приговорен по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 17 августа 1937 г.

Окончил Олонецкую Духовную семинарию в 1906 г. Был сверштатным священником Петропавловского собора г. Лодейное Поле, а 8 июня 1915 г. перемещен на вновь открытую вакансию второго священника при том же соборе. Очевидно, сын о. Иоанна Романова, который на 1904 г. числится диаконом, а на 1915 г. – заштатным священником лодейнопольского собора; имел известность «праведного старца».

ДАНИЛОВ Антон Матвеевич 1882 г. р., уроженец г. Красногвардейска [Гатчина] Ленинградской области, русский, беспартийный, священник, проживал: г. Лодейное Поле, Октябрьская ул., д. 16. Арестован 23 мая 1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 15 августа 1937 г. приговорен по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 17 августа 1937 г.

ПОЧТОВАЛОВ Михаил Андреевич [Алексеевич -?], 1889 г. р., уроженец г. Ленинграда, русский, беспартийный, диакон Александро-Невской церкви, проживал: г. Лодейное Поле, ул. Возрождения, д. 10/14. Арестован 23 мая 1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 15 августа 1937 г. приговорен по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 17 августа 1937 г.

ЧЕРНОБРОВОВ Александр Иванович, 1869 г. р., уроженец с. Кондуши Вытегорского района Ленинградской области, русский, беспартийный, без определенных занятий и места жительства. Арестован 10 сентября 1937 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 17 сентября 1937 г. приговорен по ст. 58-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 21 сентября 1937 г.

Публикация А.К. Галкина

ВЕЩЕЕ

Ирэна Сергеева

+++

*В Правде видели вредителя.
Снайпер целился в свидетеля...
Но от Бога Вседержителя
не уйти вам никуда.
Белое сжигалось пламенем,
гибло и под красным знаменем.
Но падёт пред крестным знаменем
ваша черная звезда.*

*Ей снилось: ветры голосили
по миллионам сыновей,
и мать всем она, Россия,
в беде застывшая своей.*

*Одна, живая, у дороги,
судьба ей – памятником быть.
Как чугуном сковало ноги,
а надо было хоронить...*

*Там впереди чернела яма,
всё разрастаясь на глазах,
оттуда крики: Мама! Мама!..
И просыпалась, вся в слезах.*

И.Л. Солоневич

СВИРЬЛАГ

(главы из книги «Россия в концлагере»)

Иван Лукьянович СОЛОНЕВИЧ (1891–1953) – известный публицист русского зарубежья, автор знаменитых книг «Россия в концлагере» и «Народная монархия». В 1916 г. он окончил юридический факультет Петроградского университета, работал в газете «Новое время», служил в Белой армии. Тиф помешал ему покинуть страну с первой волной эмиграции. И. Солоневич находился в свирских лагерях и на Беломорканале в 1934 г. Вместе со своим братом Юрием совершил дерзкий побег из ГУЛАГа в Финляндию. В годы эмиграции жил и работал в Болгарии, Германии и Аргентине. Умер в Буэнос-Айресе в 1953 г. Книга «Россия в концлагере», отрывок из которой публикуется, впервые издана в Софии в 1936 г.

Посвирье. Петр I строил здесь первые свои корабли, да переселял крестьян из средней полосы России сюда, в тайгу, наказывая проводить суда через пороги на реке Свирь. Но спустя десяток лет о переселенцах благополучно забыли – европейские дела заслонили в сознании Императора замшелые леса и покосившиеся избы на валунах. Вторая счастливая возможность пришла через полтора века – начала действовать Мариинская водная система. За считанные годы возник и разбогател поселок Вознесение – там, где из Онеги берет начало Свирь. Четыре тысячи судов с грузом на сумму 30 миллионов рублей проходили мимо него в типичную навигацию конца XIX века. Местность по берегам Свири по количеству проматываемых денег и выпиваемого алкоголя, сильно, видно, напоминала тогда долину Юкона, в то время осваиваемую.

Но железные дороги победили речной транспорт, разорение уезда было быстрым и полным. Перед самой волной советской индустриализации, ставшей третьим шансом Посвирья, здесь побывал Константин Паустовский. Видимо, уже тогда ощущение глухой жути было заметно для внимательного глаза. Во всяком случае, вот что он написал: Олонецкая земля лежала сейчас передо мной, – застенчивая, скудная. Ветер, поднявшийся к вечеру и доносивший холодноватый воздух дождя, гнул прибрежные кусты ивняка и порывисто шумел в них. В городе Вознесенье на Онежском озере мы, пассажиры, пересели на совсем маленький, так называемый канавный пароход под названием «Писатель». Он пошел в обход Онежского озера по обводному каналу в город Вытергру и дальше – по Мариинской системе. Пароход был до того стар, что на нем не было не только электрического освещения, но даже керосиновых ламп. В каютах горели в жестяных фонарях парафиновые свечи. От этих свечей ночи стали гуще и непроницаемее, а места, где мы плыли – глуше, бездорожнее и безлюднее. Да оно и действительно было так».

В 1932 году здесь начали копать гигантский котлован – для Верхне-Свирской ГЭС. Котлован, даже если бы не было романа Платонова, все равно, видимо, останется вечным символом этих лет. Копали кирками да лопатами, грунт возили в тачках. Строителей поначалу не хватало – но после 1934 года их стало даже с избытком. Поселок Подпорожье превратился в лагерь – с бараками, колючей проволокой, рядами «зека» на утренней проверке, вышками, лаем овчарок, скрипом наста под ногами конвоируемых колонн, гамом шмона, всепобеждающей вонью сотен «параши» и миллионами белых вшей – везде, на черных ватниках конвоируемых и овчинных тулупах конвоирующих, на осклизлых стенах бараков и белоснежных ватманах академика Графтио, начальника строительства...

Котлован рыли десять лет. 16 сентября 1941 года, перед приходом финнов, котлован затопили, «зека» вывезли, а большей частью просто перестреляли...

Политзеки трудились не только на строительстве ГЭС. Весь район был придатком Свирьлага, остатки лесозаготовительных или горноразработочных лагунктов можно при желании отыскать и до нынешней поры. Нет в Подпорожье только одного – мемориала тысячам замученных. Не помнят здесь о них. И стонут по ночам, когда чья-то холодная рука прикасается к горячему, живому сердцу. И думают: «За что же нам это?», поминая и безденежье, и холод, и безысходность жизни в «медвежьем углу», и только своей вины не видя...

После войны Подпорожье отстраивался заново – уже как город. Правда, проект строительства жилой зоны

удешевили, убрав из него горячее водоснабжение домов, зато нашлись деньги для создания рядом с городом базы стратегических ядерных ракет. В 1960-х годах ее заменили на городок войск ПВО, а в Подпорожье поставили Экспериментальный механический завод, чтобы выпускать автоприцепы – тяжеловесы грузоподъемностью 40 тонн, для тех же ядерных ракет, только теперь уже – мобильного базирования.

Все годы единственным действующим храмом Подпорожского района оставалась церковь Воскресения Христова в Важинах.

Пустили в строй и ГЭС, затопив многие присвирские села и деревни. А о годах существования Свирьлага постарались забыть и не вспоминать о тысячах мучеников за веру, об оказавшихся в лагерях за свое происхождение или за свои убеждения. Вечная им память.

Новый хозяин

Перед колоннами возникает какой-то расторопный юнец с побелевшими ушами и в лагерном бушлате (род полупальто на вате). Юнец обращается к нам с речью о предстоящем нам честном труде, которым мы будем зарабатывать себе право на возвращение в семью трудящихся, о социалистическом строительстве, о бесклассовом обществе и о прочих вещах, столь же уместных на 20 градусах мороза и перед замерзшей толпой... как и во всяком другом месте. Это обязательные «акафисты» из обязательных советских «молебнов», которые никто и нигде не слушает всерьез, но от которых никто и никогда не может отвертеться. Этот «молебен» заставляет людей еще полчаса дрожать на морозе... Правда, из него я окончательно и твердо узнаю, что мы попали на Свирьстрой, в подпорожское отделение Беломорско-Балтийского комбината (сокращенно ББК).

До лагеря – верст шесть. Мы ползем убийственно медленно и кладбищенски уныло. В хвосте колонны плетутся полдюжины вохровцев и дюжина саней, подбирающих упавших: лагерь все-таки заботится о своем живом товаре. Наконец с горки мы видим: вырубленная в лесу поляна. Из-под снега торчат пни. Десятка четыре длинных дощатых бараков... Одни с крышами, другие без крыш. Поляна окружена колючей проволокой, местами уже заваленной... Вот он, «концентрационный», или, по официальной терминологии, «исправительно-трудовой» лагерь – место, о котором столько трагических шепотов ходит по всей Руси...

В бараке

Представьте себе грубо сколоченный дощатый гробобразный ящик длиной метров пятьдесят и шириной метров восемь. Посредине одной из длинных сторон прорублена дверь. Посредине каждой из коротких – по окну. Больше окон нет. Стекла выбиты, и дыры позатыканы всякого рода тряпьем. Таков барак с внешней стороны.

Внутри, вдоль длинных сторон барака, тянутся ряды сплошных нар по два этажа с каждой стороны. В концах барака – по железной печурке, из тех, что зовутся времянками, румынками, буржуйками, – нехитрое и, кажется, единственное изобретение эпохи военного

коммунизма. Днем это изобретение не топится вовсе, ибо предполагается, что все население барака должно пребывать на работе. Ночью над этим изобретением сушится и тлеет бесконечное и безымянное вшивое тряпье – все, чем только можно обмотать человеческое тело, лишенное обычной человеческой одежды.

Печурка топится всю ночь. В радиусе трех метров от нее нельзя стоять, на расстоянии десяти метров замерзает вода. Бараки сколочены наспех из сырых сосновых досок. Доски рассохлись, в стенах щели, в одну из ближайших к моему ложу я свободно просовываю кулак. Щели забиваются всякого рода тряпьем, но его мало, да и во время периодических обысков ВОХР тряпье это выковыривает вон, и ветер снова разгуливает по бараку. Барак освещен двумя керосиновыми коптилками, должностными освещать хотя бы окрестности печурок. Но так как стекол нет, лампочки мигают такими одинокими светлячками. По вечерам, когда барак начинает наполняться пришедшей с работы мокрой толпой (барак в среднем рассчитан на 300 человек), эти коптилки играют только роль маяков, указующих иззябшему лагернику путь к печурке сквозь клубы морозного пара и махорочного дыма.

Из мебели на барак полагается два длинных, метров по десять, стола и четыре такие же скамейки. Вот и все.

Девятнадцатый квартал

Меня назначили экономистом-плановиком с совершенно невразумительными функциями и обязанностями. Каждое уважающее себя советское заведение имеет обязательно свой плановый отдел, никогда этот отдел толком не знает, что ему надо делать, но так как советское хозяйство есть плановое хозяйство, то все эти отделы весьма напряженно занимаются переливанием из пустого в порожнее. Свою «деятельность» я начал с ознакомления со свирьлаговскими условиями – это всегда пригодится. Оказалось, что Свирьлаг занят почти исключительно заготовкой дров, а отчасти строевого леса для Ленинграда и, по-видимому, для экспорта. Чтобы от этого леса не шел слишком дурной запах, лес передавался разного рода декоративным организациям вроде Севзаплеса, Кооплеса и прочих и уже от их имени шел в Ленинград.

В Свирьлаге находилось около 70 тысяч заключенных с почти ежедневными колебаниями в 5-10 тысяч в ту или иную сторону. Интеллигенции в нем оказалось еще меньше, чем на ББК, – всего около 2,5%, рабочих гораздо больше – 23% (вероятно, сказывалась близость Ленинграда), урок (уголовников) меньше – около 12%. Остальные – все те же мужики, преимущественно сибирские.

Свирьлаг был нищим лагерем даже по сравнению с ББК. Нормы снабжения были урезаны до последней степени возможности, до пределов клинического голодания всей лагерной массы. Запасы лагпунктовских баз были так ничтожны, что малейшие перебои в доставке продовольствия оставляли лагерное население без хлеба и вызывали зияющие производственные прорывы. Этому «лагерному населению» даже каша перепадала редко. Кормили хлебом, прокисшей капустой и протухшей рыбой. Норма хлебного снабжения была на 15% ниже, чем на ББК. Дохлая рыба время от времени вызывала массовые желудочные заболевания (как их предусмотреть по плану?), продукция лагеря падала почти до нуля, начальник отделения получал жестокий разнос из Лодейного Поля, но никогда не смел ответить на этот разнос аргументом как будто неотразимым – этой самой дохлой рыбой. Но дохлую рыбу слало то же самое начальство, которое сейчас устраивало разнос. Куда пойдешь, кому скажешь?

Медгора

Медвежья Гора, столица Беломорско-Балтийского лагеря и комбината, еще не так давно была микроскопическим железнодорожным поселком, расположенным у стыка Мурманской железной дороги с самой северной оконечностью Онежского озера. С воцарением над Карельской «республикой» Беломорско-Балтийского лагеря Медгора превратилась в столицу ББК и, следовательно, столицу Карелии. В нескольких сотнях метров к западу от железной дороги вырос целый городок плотно и прочно сколоченных из лучшего леса зданий: центральное управление ББК, его отделы, канцелярии, лаборатории, здания чекистских квартир и общежитий, огромный, расположенный отдельно в парке особняк высшего начальства лагеря.

На восток от железной дороги раскинул свои привилегированные бараки первый лагпункт. Здесь живут заключенные служащие управления: инженеры, плановики, техники, бухгалтеры, канцеляристы и прочие. На берегу озера, у пристани, – второй лагпункт. Здесь живут рабочие многочисленных предприятий лагерной столицы (мукомолен, пристани, складов, мастерских, гаража, телефонной и радиостанции, типографии) и многочисленные плотничьи бригады, строящие все новые и новые дома, бараки, склады и тюрьмы: сворачиваться, сокращать свое производство и свое население лагерь никак не собираются...

Медвежья Гора – это наиболее привилегированный пункт Беломорско-Балтийского лагеря, по-видимому, наиболее привилегированного из всех лагерей СССР.

Был даже проект показывать его иностранным туристам (девятнадцатый квартал показывать бы не стали)... Верстах в четырех к северу был третий лагпункт, менее привилегированный и уже совсем не для показа иностранным туристам. Он играл роль пересыльного пункта. Туда попадали люди, доставленные в лагерь в индивидуальном порядке, перебрасываемые из отделения в отделение, и прочие в этом роде. На третьем лагпункте людей держали два-три дня и отправляли дальше на север. Медвежья Гора была, в сущности, самым южным пунктом ББК: после ликвидации Подпорожья южнее Медгоры оставался только незначительный Петрозаводский лагерный пункт.

В окрестностях Медгоры, в радиусе 25-30 верст, было раскидано еще несколько лагерных пунктов, огромное оранжерейное хозяйство лагерного совхоза Вичка, где под оранжереи было занято около двух гектаров земли, мануфактурные и пошивочные мастерские шестого пункта, и верстах в десяти к северу по железной дороге еще какие-то лесные пункты, занимавшиеся лесоразработками. Народу во всех этих пунктах было тысяч пятнадцать...

В южной части городка были вольный железнодорожный поселок, клуб и базар. Были магазины, был Госспирт, был Торгсин, словом, все как полагается. Заключенным доступ в вольный городок был воспрещен – по крайней мере официально. Вольному населению воспрещалось вступать в какую бы то ни было связь с заключенными – тоже по крайней мере официально. Неофициально эти запреты нарушались всегда, и это обстоятельство давало возможность администрации время от времени сажать лагерников в ШИЗО, а население – в лагерь. И этим способом поддерживать свой престиж: не зазнавайтесь. Никаких оград вокруг лагеря не было.

Слет ударников

Конечно, переполненный зал. Конечно, доклады. Доклад начальника производственной части Вержбицкого «Как мы растем». Как растут совхозы ББК, добыча леса, гранита, шунгита, апатитов, как растет стройка туломской электростанции, сорокского порта, стратегическое шоссе к границе. Что у нас будет по плану через год, что – через три года.

Вторая пятилетка «по плану» должна была ликвидировать классы и как будто бы вследствие этого ликвидировать и лагерь... Но из доклада явствует во всяком случае одно: число каторжных рабочих рук «должно расти» по меньшей мере «в уровень» с остальными темпами социалистического роста. Потом доклад начальника КВО тов. Корзуна «Как мы перевоспитываем, как мы перековываем». «Советская исправительная система построена не на принципе наказания, а на принципе трудового воздействия. Мы не караем, а внимательным товарищеским подходом прививаем заключенным любовь к свободному творческому социалистическому труду...»

В общем, Корзун говорит все то же, что в свое время по поводу открытия Беломорско-Балтийского

канала писал Горький. Но с одной только разницей: Горький врал в расчете на неосведомленность «вольного населения» России и паче всего заграницы. На какую же публику рассчитывает Корзун? Здесь все знают об этой исправительной системе, которая «не карает, а перевоспитывает», здесь все знают то, что знаю уже я: и девятнадцатые кварталы, и диковские овраги, и бессудные расстрелы.

Многие знают и то, чего я еще не знаю и, Бог даст, не успею узнать: штрафные командировки, вроде Лесной Речки, «роты усиленного режима» с

полуфунтом хлеба в день и с официальным правом каждого начальника колонны на смертный приговор, страшные работы на Морсплаве около Кеми, когда люди зимой сутками работают по пояс в ледяной воде незамерзающих горных речек. Эта аудитория все это знает. И ничего. И даже аплодируют... Н-да, в советской истории поставлено много «мировых рекордов», но уж рекорд наглости поставлен поистине «всемирно-исторический». Так врать и так к этому вранью привыкнуть, как врут и привыкли к вранью в России, – этого, кажется, не было еще нигде и никогда...

Публикацию к печати подготовил кандидат исторических наук Вадим БАДАНОВ.

СВИРЬСКИЙ ИТЛ (СВИРЬЛАГ)

- Время существования:** организован 17.09.31 [1]¹; закрыт не позднее 07.37 г.²
- Подчинен:** ГУЛАГ ОГПУ с 17.09.31 [1]; ОЛТПиМЗ УНКВД по Ленинградской обл. с 08.05.35 [2].
- Дислокация:** Ленинградская обл., ст. Лодейное Поле Кировской ж.д. [3], {6, 5}.
- Литер:** нет.
- Телегр. код:** нет.
- Адрес:** ?
- Производство:** заготовка дров для Ленинграда и производство ширпотреба³, работа на лесозаводе, деревообделочном з-де, гражданское и ж/д стр-во, с.х. [4–6].
- Численность:** ср./г.: 1932 – 30 935, 1933 – 41 975, 1934 – 38 490, 1935 – 40 132, 1936 – 25 082; 12.32 – 47 400; 01.01.34 – 43 770, 01.01.35 – 40 761 (УРО); 01.06.35 – 44 273 [6]; 01.01.36 – 34 856, 01.01.37 – 22 774 (УРО).
- Начальники:** нач. Сенкевич Э.И., с 17.09.31 по 06.11.31 [1, 7]⁴; врид нач. – Кадушкин И.А., с 06.11.31 по 28.08.32 [7, 8]; нач. – Мартинелли А.Я., с 28.08.32 по 20.05.34 [8, 9]⁵; Лapidус Н.М., врид нач. – с 20.05.34, нач. – он же, с 04.08.34 по 25.12.34 [9–11]; ст. лейт. ГБ Тизенберг Э.Ю., с 25.12.34⁶ по 01.07.37⁷ [11, 5].
- Архив:** Документы не сохранились {1}.

Примечания:

¹ Организован на базе 9-го и 10-го лесозаготовительных ЛО СОЛОВЕЦКОГО ИТЛ ОГПУ [1].

² Пр. о закрытии не найден. Закрытие ИТЛ датируется по упом. в [5] времени окончания производственной деятельности (01.07.37); передача имущества лагеря тресту «Ленлес» и ОЛМЗ УНКВД по Ленинградской обл. осуществлялась с апреля по сентябрь 1937 г.; з/к вывезены в другие лагеря НКВД, часть из них передана ОЛМЗ УНКВД по Ленинградской обл. [5]. С 07.37 в сводках УРО нет данных о численности з/к в ИТЛ [12].

³ В 1932 г. 38 200 з/к было занято на заготовке дров для Ле-

нинграда, остальные 7700 – на производстве ширпотреба [4].

⁴ До 17.09.31 Э.И.Сенкевич состоял в должности нач. ТЕМНИКОВСКОГО ИТЛ [1, 13]; 16.11.31 назначен нач. Белбалтлага [14].

⁵ Мартинелли А.Е. осенью 1931 г. занимал должность нач. Дальлага [15]; пр. [9] вновь назначен нач. Дальлага.

⁶ До 25.12.34 – нач. ТЕМНИКОВСКОГО ИТЛ [11].

⁷ Датируется по подписанию Э.Ю.Тизенбергом «Объяснительной записки к ликвидационному отчету Свирьлага» [5] (см. также «Акт приема-передачи Свирьлага в ведение ОЛТПиМЗ УНКВД по Ленинградской обл.» [6]).

Источники:

1. Пр. 529/287 ОГПУ от 17.09.31.
2. Пр. 00169 НКВД от 08.05.35.
3. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 14. Л. 226.
4. Там же. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 134–179.
5. Там же. Оп. 1д. Д. 937. Л. 1–39.
6. Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–238.
7. Пр. 647лс ОГПУ от 06.11.31.
8. Пр. 821лс ОГПУ от 28.08.32.

9. Пр. 2237лс ОГПУ от 20.05.34.
 10. Пр. 25лс НКВД от 04.08.34.
 11. Пр. 361лс НКВД от 25.12.34.
 12. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 1–42.
 13. Пр. 404лс ОГПУ от 01.08.31.
 14. Пр. 667/359 ОГПУ от 16.11.31.
 15. Цирк. ОГПУ от 01.09.31.
- См. также:** СОЛОВЕЦКИЙ ИТЛ ОГПУ.

ПРОПОВЕДЬ

Протоиерей Николай Чуков

СЛОВО,

сказанное в неделю Всех святых 2 (15) июня 1919 г. в университетской церкви и повторенное 13 (26) июня 1921 г. в Казанском соборе, 9 (22) июня 1924 г. и 28 мая (10 июня) 1928 г. в Николо-Богоявленском кафедральном соборе за ранней литургией, а также 27 (14) июня 1926 г. в церкви Сергиевой пустыни при служении со студентами Высших Богословских курсов.

Сегодня, вслед за праздником Пятидесятницы, Св. Церковь творит память всех Святых Угодников Божиих.

Это воспоминание служит как бы заключением и венцом целого ряда других знаменательных богослужбных дней – от начала Великого поста и до конца Пятидесятницы, – дней, в которые Св. Церковь вспоминает все великие благодеяния Божиим, оказанные роду человеческому от начала мира и до последних дней.

За это время пред нашим духовным взором прошли воспоминания и о первых днях мира и человека, о его грехопадении; о снисхождении на землю Света Божия для спасения человека; о жизни, делах и учении Спасителя, о Его страданиях, смерти, воскресении и вознесении на небо с естеством человеческим; и, наконец, о ниспослании Духа Святого апостолам, возвестившим тайну спасения по всей земле и от всех концов вселенной собравшим уверовавших в Господа.

В лицах Святых Угодников, прославляемых по окончании дней Пятидесятницы, представляется таким образом исполнение той великой цели, для которой приходил на землю Сын Божий. Святые Угодники Божии – служат живым свидетельством, что Спаситель поистине «дело, которое дал Ему Отец, совершил» (Ин. 17, 4), что благодать Духа Святого действительна в Церкви Христовой, что царство греха и зла разрушено.

Святые Угодники свидетельствуют, как высок жребий, предназначенный человеку Спасителем; они свидетельствуют, какой высоты и святости может достигнуть человеческая природа, укрепленная благодатью Божией. Свидетельствуя об этом, они и нас влекут за собою на этот светлый путь к Господу, на этот подвиг добра. Они – предтечи наши на пути к небу; они – образец покаяния и доброй жизни; они – наши путеводители и наши помощники на этом пути, и наши предстатели и молитвенники за нас пред престолом Божиим.

Путь спасения тяжел. На этом пути стоит злая сила, искони старающаяся отвлечь от Бога верующее сердце человеческое, направить его на зло, осквернить грехом. И не под силу была бы человеку эта борьба, если бы не этот чудный сонм небесных помощников. Ведь они сами на себе вынесли эту же борьбу и преодолели, победили зло. И теперь, живя любовью, они помогают нам в той же борьбе за вечное спасение. Ибо в Церкви Христовой все – и живые, и отошедшие члены, все – одно тело, животворимое одним Духом Божиим; все – братья; любовь – общая, связующая всех сила; она не знает пределов смерти; и праведные, чистые, любовью жившие и живущие души души Св. Угодников, – близки нам. (По Поселянину. «От сердца к сердцу»).

Мы, таким образом, не одиноки здесь, в мире борьбы и страданий.

С нами целый сонм лучших людей, когда-либо живших на земле, сонм людей, одушевленных верою, живших любовью, сиявших праведностью, сонм святых людей, готовых подойти в любую минуту к нам ...

Отвернемся ли мы от этой помощи?

Отстранимся ли от этой духовной поддержки, какую – по естественной близости и любви Христовой – готовы постоянно дать нам наши небесные братья – Святые Угодники?

Не с радостью, не с благодарностью ли нам нужно принять и эту милость к нам Божию, дарующую в лице Святых Угодников, своим примером вдохновляющих нас, своим предстательством за нас помогающих нам!..

О, будем же с надеждою взирать на них нашими духовными очами, будем учиться у них жизни по Богу, будем подражать им в борьбе со злом и искушениями, будем просить их помощи и предстательства и верить, что молитвами их и нас Господь приведет здешним скорбным путем – непреткновенными от зла – в свое Небесное Царствие! Аминь.

ПОУЧЕНИЕ, *Сказанное в день Пятидесятницы, 30 (17) мая 1920 года в университетской церкви.*

Прощаясь с учениками, Христос обещал послать им утешителя – Духа Святого, который наставил бы их на святую истину. И вот в день 50-й по воскресении это совершилось: Дух Святой сошел на апостолов во время их единокорной молитвы в сионской горнице.

И великая перемена произошла в этих простых прежде рыбаках! Помимо дара языков, помимо дара чудес, апостолы, просветленные и облагодарствованные Духом Святым, пойдут уже не боясь – как прежде – иудеев, но безбоязненно, мужественно, выступают всюду перед теми же иудеями, перед синедрионом, перед правителями и учеными, идут во все концы вселенной, везде проповедуют Христа и привлекают верующих.

Такова сила Духа Святого, врачующая немощное и восполняющая оскудевающее!

И этой силой мир приведен был ко Христу.

Эта сила Духа Святого и нам с вами, братья, подана в таинствах крещения и миропомазания, как апостолам в день Пятидесятницы. И чтобы эта сила выявилась, как выявляется зерно во всходе сначала, а потом и в более прочном виде, – надо самим позаботиться об этом, разрыхлить почву – душу, надо собственное желание, стремление, горение.

Проявление этой силы Духа Святого мы видим на многих людях духа, подвижниках, великое влияние ее мы можем видеть по временам и в себе, ибо мы ведь «храм живущего в нас Духа Святого».

Чтобы эти всходы в душе не погибли, их надо тщательно оберегать, чтобы их не заглушили плевелы мира; плевел этих много, и они вне и в себе...

Надо «ходить» всегда опасно, бережно, стараться воздерживать эту силу благодатную в себе и возгревать полученный нами дар Божий во спасение!

«Царю Небесный, Утешителю Душе истины, Иже везде сый и вся исполняяй, Сокровище благих и жизни Подателю, прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души, наша». Аминь.

Ирэна Сергеева

+++

*Станешь в саду не о хлебе заботиться,
долу поклонись возле куста.
Белые лилии – для Богородицы,
розы алеющие – для Христа.*

*А пред иконой поклоны, как водится
я положу, паче лилий и роз:
«Душу мою просвети, Богородица!
Не оставляй, милосердный Христос!»*

НАШИ ХРАМЫ

А.К. Галкин

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА В ВАЖИНАХ

9 (22) февраля Русская Православная Церковь празднует память двух учеников прп. Александра Свирского († 30 августа 1533) – прпп. Никифора и Геннадия Важеозерских. Преподобный Никифор был уроженцем Важинского погоста, древний деревянный храм которого и ныне высится на берегу реки Важинки, правого притока Свири. Грамота царя Иоанна Грозного от 9 марта 1557 года «игумену Никифору с братьею, Александрову ученику Свирского» адресована «в Обонежскую пятину в Воскресенский погост в Важене в Спаский монастырь Боголепного Преображения Господня на Важене озере»¹. Озеро Важезеро, на берегах которого спасались Геннадий и Никифор, ныне находится на территории Карелии, сам же Важинский погост, или село Важины, отошел к Подпорожскому району Ленинградской области. Важинский Воскресенский храм расположен в 15 км от г. Подпорожья и в 6 км от железнодорожной станции Свирь.

Современные границы Ленинградской области на северо-востоке, в Ладожско-Онежском межозерье (Посвирье), установлены в 1927 году. До революции весь этот регион входил в Олонецкую губернию и управлялся из Петрозаводска, а еще раньше, в допетровскую эпоху, – из

Новгорода. Земли Господина Великого Новгорода делились на пять «провинций», получивших название пятин, которые, в свою очередь, состояли из более мелких территориально-административных единиц – погостов. Это деление сохранялось еще в течение трех веков после того, как Новгород в 1478 году вошел в состав Московского государства.

Из Писцовых книг Обонежской пятины, которые дошли до нас, начиная с 1563 года (от более ранней переписи 1496 года уцелел только небольшой отрывок), мы узнаем, что в Посвирье располагалось пять погостов: Рождественский Олонецкий, Рождественский Пиркинский, Воскресенский Важинский, Рождественский Остречинский и Никольский Оштинский. Центрами этих погостов-территорий были погосты в узком смысле слова: один или несколько храмов, окруженных рубленой оградой. При храмах находились дворы священно- и церковнослужителей, а нередко и приходская богадельня – домики, где жили «старцы и старицы», кормившиеся мирским подаянием. На погостах устраивались ярмарки, здесь же проходили выборы старост и целовальников, которые осуществляли надзор за землепользованием и собирали оброк в казну московского государя. Здесь же, на погосте, решались тяжбы, здесь составлялись челобитные, посылаемые в Новгород и Москву, здесь хранились переписные книги, на основании которых крестьян облагали налогом, сюда адресовались грамоты духовных и гражданских властей и в церквях зачитывались народу. Здесь же совершались все таинства и обряды, сопровождавшие важнейшие события в жизни каждого человека – рождение, вступление в брак, смерть².

Административное деление на пятины и погосты было официально упразднено лишь в 1775 году, с введением «Уложения о губерниях». Крестьяне Русского Севера, не знавшие крепостной неволи, долго сохраняли «нравы свои отеческие, законы и обычаи новгородские» и продолжали развивать древние художественные традиции даже в XVII–XVIII веках. Творческие силы народа нашли здесь наиболее яркое воплощение в создании величественных ансамблей погостов, начало которых восходит к колонизации и христианскому просвещению Севера новгородцами.

В дошедших до нас документах Важинский Воскресенский погост упоминается с середины XVI века. Так, в царской грамоте от 10 сентября 1555 года указано его

расстояние от Новгорода: «а до Важен деи 300 верст»³. Совершенно очевидно, что и церковь на правом берегу реки Важинки в 2 км от ее впадения в Свирь (Важинский погост в узком смысле), и многочисленные поселения Среднего Посвирья, составлявшие ее приход, существовали в гораздо более отдаленное время.

Устав о взимании церковной десятины в Обонежье 1137 года, который «урядил князь Никола Святослав с владыкою Нифонтом», называет среди прочих мест Обонежского ряда Олонец, Вьюницу, Масиегу низ Сяси, устье Паши⁴, соответствующие Рождественскому Олонецкому, Ильинскому Веницкому, Воскресенскому на Масельге, Рождественскому Пашскому погостам. Упомянута там и Свирь, но без конкретизации. На порожиистой Свири самым труднопроходимым был участок от Хевроньина до Усланки с двумя группами порогов: Сиговец, Медведец; Степановская луда и Железные ворота⁵. Все они находились на территории Важинского погоста, причем Важинка впадает в Свирь между этими группами порогов. П.А. Минорский относит Важины к числу «первых поселений новгородцев на Свири»⁶ – важнейшей транспортной артерии, связывавшей Новгород с Белым морем. Ссылаясь на грамоты XIII века, он указывает, что уже тогда на свирских порогах служили лоцманы-«спущики». В XV веке по Свири путешествовали первооснователи Соловецкого монастыря. Один из них, преподобный Герман († около 1484), по преданию, скончался в Новгороде. «Тело его усердные ученики, везя в Соловецкий монастырь, за распутицею принуждены были оставить в пути на берегу реки Свири, в веси, именуемой Хавроньиноу [Хевроньино – А.Г.], и там при часовне похоронили»⁷ (через 5 лет его мощи перенесли на Соловки). Зарождение Важинского погоста можно с большой вероятностью относить к XII–XIII векам.

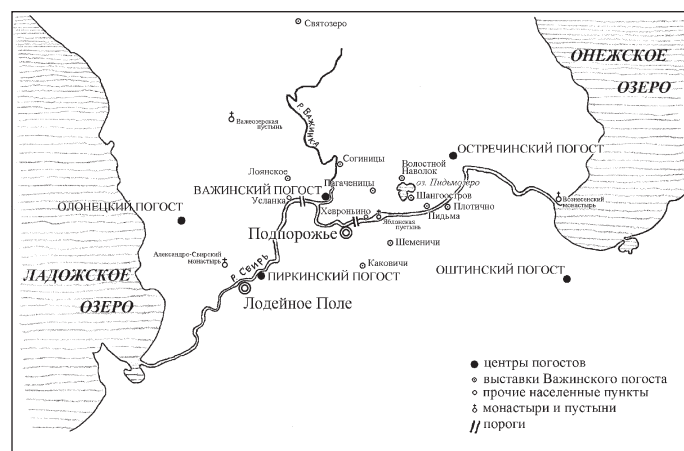
Старейшая из сохранившихся Писцовых книг Обонежской пятины 1563 года отмечает на Важинском погосте единственную церковь – «Воскресенье Христово». При ней имелось три двора священно-церковнослужителей, «да на погосте же живет 6 старцев да 11 стариц». Церковный причт составляли «поп Оксентей, дьяк Михалко, дьяк Гаврилко»⁸. На территории погоста как административной единицы указаны 5 «дочерних» церквей, так называемых выставок: на Лоянице – «Егорей Великий»⁹, на Свято-озере – «Никола Чюдотворец»¹⁰, на Пидьме – «Покров святии Богородицы»¹¹, в Шеменицах – «святой великомученик Егорей»¹², в деревне Ивашковской на Пидьме, принадлежавшей новгородскому Хутынскому монастырю, – «Покров Пресвятыи Богородицы»¹³. Каждая из них имела свой клир, следовательно, всего в Важинском погосте в середине XVI служило шесть священников. Три из пяти «выставочных» церквей, как особо оговорено, «стали после письма», т. е. после переписи, проведенной в 1496 году. Само собой разумеется, что и Воскресенская церковь восходит к XV веку, но отмеченное переписчиками здание – совсем необязательно первоначальное. Кроме церквей, Писцовая книга упоминает и две часовни – на

Пидьме-озерке и на Мятусове¹⁴.

«Мирские» храмы, ставившиеся самими крестьянами по многочисленным деревням, вплоть до XVIII–XIX веков не выделялись в самостоятельные приходы. «Все другие церкви, построенные в погосте в разных селениях (выставках) и других местах вместе со своими причтами находились в зависимости от церкви в главном селении, то есть тянули к ней церковной данью. На старинном языке такой главный храм носил название «становой» церкви, «старой» церкви...» Церковные подати (владычная «десятина» и «подъезд», упомянутые еще в грамоте 1137 года) раскладывались по всем выставочным храмам, а затем «становая» церковь, «получив «в пособь» от каждой церкви ее долю, отсылала всю дань архиерею»¹⁵.

Писцовая книга 1563 года отразила то время, когда внутренние и внешние отношения сказывались для региона благоприятнее всего. Очередная перепись Обонежья была произведена в 1582/83 годах, в самом конце царствования Ивана Грозного. С ее страниц веет дымом пожарищ: опричнина и злосчастная Ливонская война обескровили Россию и сделали ее северо-западные рубежи легкой добычей шведов (на Руси их нередко называли «шведскими немцами»). Скупые фразы переписчика позволяют представить многое: «Погост Воскресенской в Важенях на реке на Важенке. А на погосте церковь Воскресенье Христово, поставлена после войны, да место церковное святого Пророка Ильи, да придел Николы чудотворца. Церкви пожгли неметцкие люди. На погосте ж дворы поповские поставлены после войны: двор поп Василей Оксентьев, двор поп Федор Микитин, двор черной поп Кипреян, двор церковной дьячек Сенка Михайлов, двор дьячек церковной Гаврилко Микитин, двор пономарь Евтихейко Федоров, двор проскурница Марья; да пять мест, что были кельи»¹⁶.

Итак, в промежутке 1563–1583 годов на Важинском погосте, рядом с первоначальной однопрестольной Воскресенской церковью был впервые срублен второй храм – двухпрестольный Ильинский. Очевидно, он был более просторным и неотапливаемым, т. е. летним. Именно во

Карта Важинского и других погостов Посвирья, составленная на основе писцовых книг XVI–XVII вв.

второй и третьей четверти XVI века на русском Севере, если не появляются впервые, то получают самое широкое распространение подобные архитектурные ансамбли погостов, состоящие из двух, а то и трех, как правило, весьма величественных храмов и колокольни. Облик такого погоста мало, чем отличался от деревянного монастырского комплекса, само же монашество на Севере под влиянием идей преподобного Нила Сорского († 1508) нередко принимало формы земледельческой «трудовой коммуны». Тем трагичнее оказались потери, к которым привел курс Ивана Грозного – ослаблением России в конце 1570-х годов не замедлила воспользоваться Швеция.

Шведы оккупировали русские города Ивангород, Ям и Копорье и предали огню и мечу все Ладожско-Онежское межозерье. Опустошение Обонежья приняло характер бедствия: количество пустых земель, согласно Писцовой книге 1582/83 годов, местами доходило до 81 % (Вытегорский погост) и ни в одном погосте не составило менее 41 %¹⁷. Однако с подписанием в 1583 году Плюсского перемирия со шведами на месте сожженных погостов и деревень сразу же начинают ставить новые храмы и избы. Одной из церквей, поставленных «после войны», стала и Воскресенская церковь на пепелище Важинского погоста. Интересно отметить, что в ее клире в конце XVI века было три священника, в то время как в 1563 году – всего один. Настоятель, священник Василий Оксентьев – несомненно, сын того «попа Оксентея», который упомянут в предыдущей переписи, а «черный поп Кипреян» до шведского нападения на Посвирье, возможно, служил иеромонахом в одной из окрестных пустыней (из этого следует вывод, что черное духовенство могло служить на приходе задолго до советского времени). Стоит напомнить, что сами прихожане того или иного погоста выбирали своих церковно- и священнослужителей, и лишь затем кандидаты посылались в Новгород на утверждение и рукоположение. Выборность клира еще сильнее поднимала его авторитет и обуславливала «весьма значительное участие духовенства в земских делах старинного погоста»¹⁸.

В начале XVII века Россия испытала польско-литовскую и шведскую интервенцию. В июле 1611 года шведские войска, возглавляемые Якобом Делагарди захватили Новгород, а к весне 1612 года – и многие города Новгородской земли. Шведский принц Густав Адольф стал именоваться в русских грамотах «избранным королем и отчинным князем /.../ Новгородского государства». От его имени Якоб Делагарди рассылал сборщиков подати во все оккупированные местности, в том числе и в «Воскресенской погост в Важенской»¹⁹. Но с воцарением в Москве Михаила Романова шведскому владычеству на Новгородских землях пришел конец: по Столбовскому договору 1617 года шведам удалось удержать за собой только западное Приладожье с Ижорской землей.

Перепись Обонежья 1628/29 годов еще застала многие следы опустошений рубежа XVI–XVII веков. Печальную картину, например, являл соседний с Важинским Пиркинский погост: там отмечена единственная церковь

простейшего вида – «древяна клецки /.../. Да на погосте три места церковных /.../. Церкви позжены в прежнюю немецкую войну в 89 [1581] году»²⁰.

Большинство же погостов и «волосток» Посвирья к 1620-м годам успело возобновить свои храмы. Так, Писцовая книга 1628/29 годов указывает на территории Важинского погоста, вместе с выставками, уже 10 церквей: «Погост Воскресенской, Важенской, – на реке на Важене. А на погосте церковь Воскресения Христа Бога нашего, а другая церковь святого пророка Илии, – деревянные. Того ж погоста волостка Маменичи [Шеменичи – А.Г.]. А в ней церковь великомученика страстотерпца Христова Георгия – деревяна. Волостка Кагаченицы [Пагаченицы – А.Г.]. А в ней церковь великого чудотворца Николы. Волостка на Пидьме озере. А в ней церковь Покрова Пресвятей Богородицы. Важенского погоста выставка на Святе-озере. А в ней церковь великого чудотворца Николы. Важенского погоста выставка село Плотишно на Свири, на устье речки Плотишны /.../. А в ней церковь Покрова Пресвятей Богородицы. Важенского же погоста выставка [очевидно, на Лоянице – А.Г.]. А в ней церковь святого великомученика страстотерпца Христова Георгия. /.../ В Важенском же погосте вотчина Спаса Хутыня монастыря, волостка Пидма, на озере на Пидме. А в ней церковь Преображения Христа Бога нашего. Того же церковь монастыря в Пидемской же волостке, на Пидме озере, на Шангоострову, выставка. А в ней церковь Покрова Пресвятей Богородицы»²¹.

Духовным центром столь обширного и богатого храмами погоста стала вновь выстроенная к 1630 году летняя Воскресенская церковь в Важинах. Этот уникальный памятник деревянного зодчества Русского Севера сохранился и до наших дней остается действующим храмом.

Важинская церковь датируется по храмозданной надписи, исполненной на широких досках, которые размещены в настоящее время вдоль стен притвора. Надпись гласит: «Лета 7138 [1630] генваря в 6 день совершен бысть сей храм Воскресения Господа нашего Иисуса Христа при благоверном ц[аре и] великом князе Михаиле Феодоровиче и при царевиче и великом князе Алексие Михайловиче и при патриархе Филарете Московском и всея Росии и митрополите Киприане Великого Новаграда и Великих Лук радением сей церкви Важенского погоста прихожан». Интересно, что в надписи сообщается об окончании строительства, а не об освящении храма, и в ней нет указания на церковный праздник, пришедшийся на тот день. Кроме того, здесь особо подчеркнут общественный характер строительства храма. Первоначально доски с храмозданной надписью, очевидно, крепились к тяблам иконостаса, подобно Покровской церкви Вытегорского погоста 1708 года постройки (сгорела в 1963 году), где тябловый иконостас не был впоследствии переделан на рамочный, как это случилось в Важинах.

Писцовая книга 1646/47 годов также фиксирует на Важинском погосте две церкви: «Погост Воскресенской Важенской на реке на Важене, а на погосте церковь Воскресения Христова Бога нашего, а другая церковь

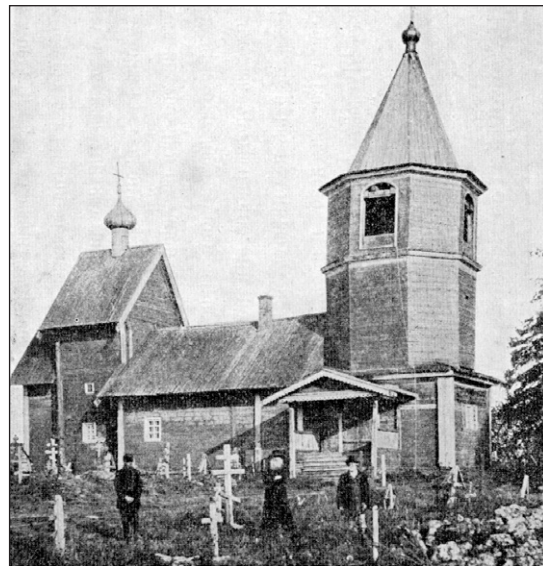
святого пророка Илии древяны, а на погосте ж двор попа Евмения Карпова, двор дьячка Нестерка Федорова, двор пономаря, /.../, келия просвирницына»²². В пяти «волостках» Важинского погоста отмечены свои церкви: в Какovichах – «Рождества Пречистые Богородицы древяна», в Шеменичах – «великомученика страстотерпца Христова Георгия древяна», в Согиничах и Пагаченицах – «великого чудотворца Николы», на Пидьме озере – «Покров Пресвятей Богородицы»²³.

Итак, во второй четверти XVII века возрождение Важинского погоста завершилось. Его ансамбль вновь, как и в 1560-е годы, состоял из двух храмов – летнего Воскресенского и зимнего (теплого) Ильинского, причем оба они были однопрестольные. К сожалению, ни один из письменных источников не касается облика и внутреннего убранства церквей погоста в XVI–XVII веках. Но хорошо известно, что при строительстве деревянных храмов обычно соблюдалось преемство архитектурных форм: в литературе этот вопрос рассмотрен на примере Кижского Спасского погоста²⁴.

Возрождение церковно-приходской и монастырской жизни Обонежья после разрухи Смутного времени связано с трудами новгородских митрополитов Киприана и Аффония. Митрополит Киприан, по благословению которого была освящена ныне существующая Воскресенская церковь, правил в Новгороде с 1627 до кончины 17 декабря 1634 года. Его преемник, митрополит Аффоний, занимал Новгородскую кафедру в 1635–1649 годах и умер на покое 6 апреля 1652 года. Митрополит Аффоний сам дважды посещал Посвирье, приезжая в 1641 и 1644 годах в Александро-Свирский монастырь. Первый раз он прибыл туда ко дню памяти прп. Александра Свирского, 30 августа, для освидетельствования мощей преподобного, обретенных при закладке в монастыре каменной Преображенской церкви. В 1644 году эта церковь была окончена постройкой, и 5 декабря митрополит сам освятил ее и переложил новообретенные мощи в серебряную чеканную раку, присланную царем Михаилом Федоровичем из Москвы²⁵. В Александро-Свирских торжествах 1641 и 1644 годов, несомненно, живо участвовало духовенство и богомольцы из всех окрестных погостов, включая Воскресенский Важинский.

Митрополит Никон (впоследствии – Святейший Патриарх), назначенный на Новгородскую кафедру после выхода митрополита Аффония на покой, одной из главных задач поставил укрепление церковной дисциплины. Так, в грамоте от 1 марта 1650 года, адресованной духовенству Обонежской пятины, архипастырь напоминал духовенству – «по монастырям игуменом и строителем и черным попом и з братиею, а в погостах и выставках попом и дьяконом и всем причетником церковным, чтоб в церквах Божиих и вечерни и заутрени и обедни пели и псалмы и кануны говорили единогласно со всяким духовным прилежанием и псалтырь говорили обратясь на восток лицом; а в воскресные дни отнюд никакого дела никто не делали и не работали /.../; а в монастырях бы

Храм вмч.
Георгия
в селе
Шеменичи

отнюд никакого питья хмального не держали; а попы и дьяконы и все церковные причетники по кабакам хмального питья никакова бы не пили и в домах бы хмального питья не держали»²⁶.

Важной вехой в развитии Посвирья стало основание в 1649 году первого в этом регионе города – Олонца. Он был выстроен вблизи русско-шведской границы на месте Рождественского Олонецкого погоста, одного из соседних с Важинским. Олонец стал административным центром края: к Олонецкому уезду вплоть до 1920-х годов относились и Важины.

Конец XVII века ознаменовался в Важинском погосте строительством двух величественных церквей – «выставок»: Никольской в Согиничах (1696) и Преображенской в Пидьме (1697). Обе они рублены с самого низа восьмериком и относятся к местной архитектурной школе, сочетая ярусную композицию с шатровым завершением²⁷. Первая из них сохранилась и в 1970-х годах была реставрирована. Согинская церковь повторяет план Воскресенского храма в Важинах, с уменьшением числа граней как основного объема, так и колокольни на два: возможно, что образцом для нее и послужила сама «становая» церковь.

С основанием С.-Петербурга (1703) Олонецкий край попадает в ближайшую сферу влияния новой столицы, становясь ее сырьевой и промышленной базой. Еще в 1702 году Петр I заложил корабельную верфь на реке Свири, неподалеку от Александро-Свирского монастыря (Олонецкая верфь). Через 75 лет поселок корабелов преобразовали в уездный город – Лодейное Поле. Несколько позже Олонецкой верфи вблизи Свирских порогов, на территории Важинского погоста, возникло еще одно поселение – Подпорожье. Царь перевел сюда «крестьян Боровичского уезда – умелых лоцманов – для проведения судов через пороги»²⁸. В XX веке Подпорожье сделалось городом, центром района Ленинградской области, к которому относятся Важины.

Благосостояние Олонецкого края в XVIII веке оста-

Согиницы. Никольский (1696) и Ильинский (1864) храмы. (Выставка Важинского погоста). Фото 1980-х гг.

вило заметный след и в церковном искусстве. Интерьеры сельских храмов здесь не уступали столичным. Художественную ценность старинных церквей Олонии в числе первых открыл архитектор Л.В. Даль (1834–1878), который писал: «Все иконостасы их в петровском стиле, с витыми, покрытыми виноградом колоннами, золоченым двойником; но образа в них остались, большею частью, старинные; а обыкновенно иконописные царские двери висят на стенах церкви вместе с образами»²⁹. Кроме иконостаса, гордостью храма был звон его колоколов. На «особливо стоящей» колокольне Важинской Воскресенской церкви, согласно описи 1779 года, имелось 6 колоколов, от 51 пуда 14 фунтов до 30 фунтов весом³⁰.

26 февраля 1764 года в Новгородской митрополии было учреждено Олонецкое викариатство, с пребыванием епископов Олонецких и Каргопольских в Александрo-Свирском монастыре. Важинский погост оказался одним из ближайших приходов к новой епископской резиденции. В 1768–1769 годах по благословению епископа Олонецкого и Каргопольского Антония (Ферапонтова; † 7 июня 1774) на погосте, рядом с Воскресенским храмом, была «построена вновь деревянная во имя Богоявления Господня с приделами св. Пророка Илии и Николая Чудотворца теплая»³¹. Срубить ее подрядился государственный крестьянин «того Важенского погоста деревни Курповы» Семен Никифоров. Договор, заключенный им 21 января 1768 года с местными священниками Иоанном Михайловым, Лазарем Ивановым, церковным старостой Тимофеем Ивановым и мирскими людьми, предусматривал разборку старой теплой церкви и строительство нового храма «о трех престолах в пример Олонецкой Коблуковской церкви, а в длину и в ширину с прибавком, о семи главах /.../, а в высоту, что по размеру надлежит». За работу мастера брали 250 рублей денег, 25 четвертей ржи, масла коровьего 5 пудов и 800 яиц³². (Указанная в договоре за образец Казанская церковь с приделами свв.

Зосимы и Савватия Соловецких и свв. Космы и Дамиана в Коблуковской слободе г. Олонца датируется 1719 годом. В 1896 году она была за ветхостью разобрана и выстроена вновь.)³³ Когда новая церковь была построена и «святыми иконами, писанными пристойным, и книгами, такожде и ризами украшена», епископ Антоний грамотой от 14 декабря 1769 года благословил освидетельствовать и освятить ее протоиерею Троицкого собора г. Олонца Леонтию Андрееву, с выдачею «в настоящую Богоявления Господня церковь нового освященного антими́нса, а приделы освятить на прежних антими́нсах»³⁴. Напомним, что Ильинский и Никольский приделы имела первая теплая церковь Важинского погоста, сооруженная еще во второй половине XVI века.

Несколько позже в Волостном Наволоке на Пидьмозере, в старинной «волостке» Важинского погоста, была срублена Покровская церковь (1782). Этот небольшой деревянный храм клетского типа с шатровой колокольной сторел в 2004 году³⁵.

Летом 1785 года Важины посетил академик Н.Я. Озерцовский (1750–1827). В описании своего путешествия он упоминает ряд ближайших к погосту храмов. Так, в Хевроньине «в бытность мою тут достраивалась изрядная деревянная церковь», а на Яблонском острове, на Свири, внимание академика привлекла «ветхая деревянная церковь, в которой находятся образа и разный церковный прибор, но церковнослужителей при ней нет и служения не бывает. Сказывают, что некогда был тут монастырь, в котором жило двенадцать монахов, но нынче на всем острове нет ни одного жилья»³⁶.

В 1786 году Олонецкое викариатство упразднили: край был присоединен к Архангельской, а затем – вновь к Новгородской епархии. До открытия в 1828 году самостоятельной Олонецкой епархии церковная жизнь Олонии протекала почти без руководства со стороны удаленных на сотни верст епархиальных властей.

Документы начала XIX века помогают представить исторический облик погоста. Место для него выбрано на крутом повороте реки Важинки, так что восточная и южная стороны ограды идут по кромке речного берега. Непосредственно ниже погоста Важинка образует подковообразную излучину: перед плывущими по реке Свири летний и зимний храмы постепенно разворачивались с разных видовых точек. Центром ансамбля являлась Воскресенская церковь постройки 1629–1630 годов. Ее могучий десятигранный сруб служил основанием огромного шатра, а квадратные в плане алтарный прируб и притвор, миниатюрные по сравнению с основным объемом храма, только подчеркивали величие последнего. Отдельно стоявшая шатровая колокольня восьмериком на очень низком четверике располагалась на продольной оси Воскресенской церкви и занимала подчиненное положение. Зимняя Богоявленская церковь находилась к юго-западу от летней, ближе к излому реки, и кружевной силуэт ее семиглавия контрастировал с монументальными формами колокольни и летнего храма. Оба храма стояли на высоких

подклетах и имели крыльца; у Богоявленской церкви оно было с двумя входами. Особой внушительностью отличалась ограда погоста: ее высота составляла 10 венцов, а при главных воротах имелось торговое помещение «з двумя лавочками».

Прихожане Важинского погоста проявляли большую заботу о своих храмах. В 1805 году была капитально отремонтирована зимняя Богоявленская церковь, а в 1810 году перебрали колокольню при Воскресенской церкви, с подводом под нее каменного фундамента³⁷. В 1817 году в летней церкви был установлен новый рамочный иконостас «наподобие церкви Богоявления Господня» того же погоста. Его подрядился «сработать чистою и хорошею резною работою», вместе с Царскими вратами и надпрестольною сенью, и вызолотить «Петрозаводского уезда Остречинской вотчины /.../ государственный крестьянин Петр Филипов»³⁸.

К сожалению, до наших дней ансамбль Важинского погоста дошел в виде, весьма далеком от замысла мастеров XVII–XVIII веков. Его судьбу predetermined правительственный указ 1826 года «О правилах на будущее время для строения церквей», запретивший строительство и ремонт храмов без утверждения их проектов губернским начальством. Фактически этот указ положил конец традиционному русскому храмостроительству. «На смену народному зодчему, бережно хранившему и развивавшему традиции старины, приходит государственный чиновник-техник или, в лучшем случае, архитектор, воспитанный на образцах стиливой архитектуры»³⁹. За исполнением этого указа в Олонии стали следить правящие архиереи: самостоятельная епархия с центром в Петрозаводске была учреждена в 1828 году. Первый епископ Олонецкий и Петрозаводский Игнатий (Семенов) занимал кафедру в 1828–1843 годах и за ревностные архипастырские труды 21 апреля 1835 года был пожалован саном архиепископа. При нем в крае построили до 40 новых деревянных и каменных храмов, «а существовавшие деревянные церкви почти все возобновлены»⁴⁰.

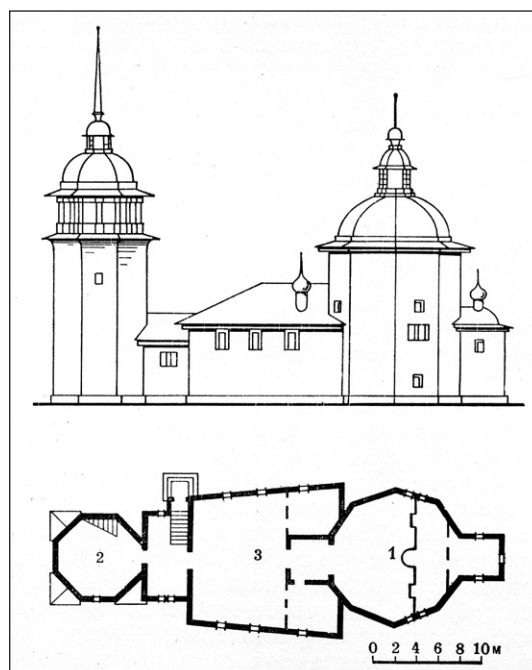
В новой епархии священников, окончивших семинарский курс, насчитывалось не более 20. Первоочередной задачей епископа Игнатия явилась организация в Петрозаводске Олонецкой Духовной семинарии. Она была открыта в 1829 году, и к середине века полное семинарское образование стало нормой для духовенства Олонии.

В Важинском погосте было «причта положено издавна: священников два, диаконов один, дьячков два, пономарей два»⁴¹. Священник Иван Михайлов, подписавший в 1768 году договор на сооружение зимней Богоявленской церкви, священствовал в Важинах уже в 1740 году – два его сына, Андроник и Лука, поступили в тот год во вновь открывшуюся Новгородскую Духовную семинарию⁴². Вторым священником в Важины 9 декабря 1755 года был рукоположен Лазарь Иванов, прослуживший здесь сорок четыре с половиной года – до июня 1800. Согласно ревизской сказке 1782 года, причт Важинского погоста составляли священник Лазарь Иванов, 55 лет, диакон

Евсей Иванов, 46 лет (посвящен 31 января 1758), дьячек Иван Филипьев, 45 лет (поставлен 6 апреля 1758 – женат вторым браком на дочери «того ж погоста и церкви умершего священника Федора Иванова» – Параскеве), дьячек Василий Иванов, 56 лет (поставлен 22 октября 1751), пономарь Алексей Лазарев, 28 лет (поставлен 27 мая 1778), пономарь Никифор Якимов, 40 лет (поставлен 25 мая 1764)⁴³.

В 1786 году во священника к Воскресенскому храму был рукоположен местный диакон Евсей Иванов⁴⁴, около 1792 ставший старшим священником. Он настоятельствовавал здесь еще в 1809 году и скончался в 1817 за штатом⁴⁵. Место священника Лазаря Иванова летом 1800 года занял его сын Стефан Лазарев, переведенный в Важины из Пагачениц, где он священствовал с 1794 года. Не позднее 1812 года Стефан Лазарев был назначен настоятелем храма и оставался в должности по май 1838 года⁴⁶. Вторым священником с 1812 года упоминается Григорий Евсеев, скончавшийся в 1822 году.

Все ступени церковного служения прошел в Важинах Матфей Дмитриев (около 1784 – не ранее 1860). С мая 1804 года он занимал здесь место пономаря, 6 августа 1806 года был рукоположен во диакона епископом Старорусским Евгением (Болховитиновым)⁴⁷, будущим Киевским митрополитом, а 3 октября 1823 года стал священником. Матфей Дмитриев «в училище не учился», но уже 7 июля 1839 года настоятелем храма назначили священника Иосифа Васильевича Соловьева (род. около 1808) – выпускника Олонецкой духовной семинарии 1833 года. В 1847 году о. Иосиф был награжден скуфьей; в 1849–1853 годах он

Воскресенская церковь в селе Важины. На плане: 1. Воскресенская церковь (1630); 2. колокольня XVII в.; 3. теплая церковь с приделами свт. Николая чудотворца и св. прор. Илии (1872–1874).

состоял благочинным в Олонецком уезде⁴⁸. Переведенный сюда 19 марта 1842 года вторым священником Василий Матвеевич Фаворский (род. около 1815), сын упомянутого выше священника Матфея Дмитриева, тоже имел семинарский аттестат⁴⁹. Когда в 1852 году из Важинского прихода был выделен самостоятельный Подпорожский приход, священник Василий Фаворский стал его первым настоятелем. Однако, уже 10 ноября 1853 года он вернулся в Важины. Указом Святейшего Синода от 31 декабря 1855 года был утвержден новый состав причта при Важинской Воскресенской церкви: священников два, один из них на диаконской вакансии; дьячек один и пономарь один. 25 июня 1856 года о. Василий Фаворский назначается старшим священником, а священник Иосиф Соловьев оказался на вакансии диакона⁵⁰.

29 января 1860 года настоятелем Важинского храма был переведен священник Василий Васильевич Феофоров (род. около 1827), выпускник Олонецкой духовной семинарии 1847 года; при этом священника Василия Фаворского сместили на диаконскую вакансию. В том же году о. Василий Феофоров бы утвержден благочинным 3-го округа Олонецкого уезда. Он настоятельствовал в Важинах девять лет, пользуясь неизменным расположением архиепископа Олонецкого и Петрозаводского Аркадия (Федорова), который 31 августа 1862 года изъявил ему архипастырскую благодарность «за особенное внимание к поселянским училищам при приходских церквях»⁵¹.

С 30 июля 1861 по 31 января 1864 года в Важинах служил воспитанник Новгородской Духовной семинарии священник Иоанн Александрович Рябинин (10 октября 1835 – 25 апреля 1908) – впоследствии протоиерей, настоятель Воскресенского собора в Вытегре⁵². Несколько позже, 28 февраля 1866 года, сюда получил назначение выпускник другой иноепархиальной семинарии – Вологодской – Философ Дмитриевич Красов (около 1833 – 25 января 1896)⁵³. Он прослужил в Важинах 11 лет, причем с 31 декабря 1868 по 8 июня 1870 проходил должность настоятеля храма⁵⁴.

26 января 1869 года архиепископ Аркадий рукополо-

жил во священника к Воскресенской церкви наставника Важинского сельского приходского училища Афанасия Ивановича Сретенского (1 июля 1843 – 16 января 1915). Вся жизнь о. Афанасия после окончания им Олонецкой духовной семинарии в 1865 году связана с Важинами: сперва он был здесь учителем, а затем более 45 лет служил на приходе, «воспитав под своим руководством три поколения Важинчан»⁵⁵. С 8 июня 1870 года о. Афанасий Сретенский почти бессменно являлся настоятелем храма (с 18 июля 1871 по 5 мая 1873 года он, вследствие нового расписания приходов, числился помощником настоятеля).

В последней трети XIX века в Важинском приходе активно велось строительство храмов. В 1840-х годах было даже задумано сооружение каменного храма в центре Важин, но к работам так и не приступили. Зато в конце 1860-х годов деревянную церковь поставили в деревне Терехове на Лодейнопольском берегу. 21 сентября 1870 года она была освящена в честь св. апостолов Петра и Павла епископом Олонецким и Петрозаводским Ионафаном (Рудневым), в сослужении новоизбранного настоятеля Александро-Свирского монастыря архимандрита Даниила († 10 августа 1872), местного духовенства и настоятелей окрестных приходов⁵⁶.

На самом погосте теплая Богоявленская церковь, простояв сто лет, сделалась «довольно ветха», и, по словам церковной «Ведомости» за 1870 год, «в настоящее время предстоит настоятельная необходимость в перестройке оной»⁵⁷. В судьбу храмов Важинского погоста вмешался жертвователю – местный лесопромышленник Семен Семенович Буравов († 11 января 1893 на 64-м году⁵⁸). Он финансировал такую «ремонтровку» Воскресенской церкви, в результате которой ее художественному облику был нанесен непоправимый ущерб, а зимний храм погоста оказался обреченным на слом.

В 1872 году был образован «Комитет по исправлению Важинской Воскресенской церкви». В него вошли настоятель храма священник Феодор Григорьевич Модестов, его помощник священник Афанасий Сретенский и младший священник Философ Красов. Новый настоятель уже имел опыт строительства. В 1853–1871 годах он священствовал в Согиницах и в 1861–1864 годах состоял там членом комитета по постройке зимней Ильинской церкви. Работы на Важинском погосте начались в августе 1872 года – попечитель С.С. Буравов пожертвовал на них материалов почти на тысячу рублей. Была разобрана открытая галерея на столбах, огибавшая Воскресенскую церковь с запада, уничтожены хоры, располагавшиеся над предцерковьем. Затем между десятириком летней церкви и ее колокольной встроили громоздкое трапециевидное помещение нового зимнего храма, равное по высоте алтарному прирубю с несколько пониженным притвором. В итоге Воскресенская церковь превратилась в характерное для XIX века сооружение «корабельного типа». Сейчас даже трудно представить, что первоначально она имела центричную композицию и среди ее ближайших аналогов находилась сгоревшая в 1962 году шатровая церковь Владимирской

*Волостной Наволок.
Покровский храм
(1782).
Фото 1960-х гг.,
храм сгорел в 2005 г.*

Божией Матери в с. Белая Слуда на Северной Двине 1642 года постройки.

Во встроенный между Воскресенской церковью и колокольной объем перенесли Ильинский и Никольский престолы из теплой половины Богоявленского храма. Приделы разместили по сторонам от прохода в «настоящую церковь». Новые иконостасы для них резал столяр Терентий Глазухин, иконы писал художник Постемский. Освящение теплых приделов совершил епископ Ионафан: это было в конце сентября 1874 года. «21 сентября для приглашения Его Преосвященства приезжали местный Важинский настоятель и благотворитель Важинских церквей купец С.С. Буравов»⁵⁹. Настоятель Воскресенской церкви священник Афанасий Сретенский 25 сентября 1874 года удостоился награждения набедренником – очевидно, за труды по ее обновлению. Церковное торжество в Важинах приурочили к закрытию многолюдной Никитинской ярмарки. Она открывалась 15 сентября, в день памяти св. великомученика Никиты, и длилась до 10 дней. (Ярмарка в Важинах, при деревне Юрьевщине, была учреждена в 1866 году взамен «торжка» в Усланке)⁶⁰.

При перестройке церковь получила вид каменного здания – ее обшивку побелили, а купол и крышу покрыли железом. В 1877 году был осуществлен ремонт летней половины храма: стены десятирика внутри оштукатурили, промыли резьбу пятиярусного иконостаса, перебрали полы в алтаре. На время работ пришлось снять с места святой престол – он был вновь освящен 23 сентября 1877 года епископом Олонецким и Петрозаводским Палладием (Пьянковым)⁶¹.

Зимнюю Богоявленскую церковь, ставшую после реконструкции Воскресенского храма однопрестольной, в 1880 году было предположено перевезти на реку Свирь. Однако, вскоре ее просто снесли, и о ней напоминает только камень с надписью: «На сем месте находился престол во имя Богоявления Господня. Разобран 6 декабря 1880 г.»

16 декабря 1877 года к Важинской Воскресенской церкви получил назначение священник Василий Иванович Громов (род. 19 апреля 1846), выпускник Олонецкой духовной семинарии 1867 года⁶². Он приходился шурином важинскому священнику Философу Красову и ранее, в 1869–1871 годах, состоял наставником местного приходского училища⁶³. Священник Василий Громов живо интересовался историей и этнографией края и оставил несколько ценных публикаций⁶⁴. 8 августа 1880 года он получил благодарность и благословение епархиального начальства за усердное преподавание Закона Божия в Важинском училище.

В 1884 году в Важинском приходе освятили еще один храм – во имя св. Зосимы и Савватия Соловецких⁶⁵. Он был построен тщанием петербургского купца П.Ф. Петрова в деревне Усланке. Эта деревня славилась как важный промышленный центр Посвирья. Еще в середине XVIII века в ней открылась лесопильная мельница, а в 1785 году, по свидетельству академика Н.Я. Озерецковского, там строилась фабрика по производству белой жести и

Важины. Храм Воскресения Христова

корабельных гвоздей⁶⁶. (Продукцию этой фабрики пользовалась большим спросом – ее закупали и при ремонтах важинских церквей). В Усланке издавна существовала деревянная, с колокольной, Преображенская часовня. Ее-то и сменила новая церковь – также деревянная, с колокольной. Всего же по деревням прихода во второй половине XIX века имелось 14 часовен⁶⁷, а в 1894 и 1900–1901 годах построили еще три.

Одновременно со строительством храма в Усланке, в 1881 году, был учрежден комитет по строительству в приходе нового каменного храма⁶⁸, однако, как и ранее, в третьей четверти века, удалось построить лишь деревянный. Место для него выбрали в устье реки Важинки, на «стрелке», возле дома С.С. Буравова. Он строился на средства местных лесопромышленников и пароходо-владельцев – самого С.С. Буравова, Я.П. Мирохина, Г.Г. Торкачева. Стоимость храма составила 30 тыс. рублей (на капитальную перестройку Воскресенской церкви в Важинах двадцатью годами ранее было потрачено всего 5,5 тыс. рублей): в эту сумму вошли и заказанные петербургскому художнику Яковлеву иконы для иконостаса, и 100 пудовый колокол. Освящение храма во имя Богоявления Господня состоялось 4 января 1892 года. Его возглавил ректор Олонецкой Духовной семинарии протоиерей Петр Щеглов (Жизнеописание его – см. врезку, сс. 167–168); за богослужением пел хор певчих из Петрозаводска. На другой день, 5 января, в полутора верстах от Богоявленского храма было освящено вновь построенное здание земского училища⁶⁹.

В последующие годы в Важинах справили новоселье еще несколько школ. Так, 18 октября 1900 года ректор семинарии архимандрит Нафанаил (Троицкий) и епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ священник Николай Чуков (впоследствии – митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий; † 5 ноября 1955) освятили двухэтажный корпус женской церковно-приходской школы. Именно ее выпускницы добились в 1946 году открытия Важинской Воскресенской церкви и

составили основу ее послевоенной «двадцатки». 18 декабря 1901 года в приходе открылась низшая ремесленная школа⁷⁰; кроме того, здесь имелись три смешанных церковно-приходских школы и высшее начальное училище. Была в Важинах и частная богадельня, учрежденная Г.Г. Торкачевым, которая продолжала существовать и после смерти основателя.

Настоятель важинских церквей о. Афанасий Сретенский в течение 20 лет (с 19 сентября 1890 по 12 января 1910) нес труды благочинного 3-го округа Олонецкого уезда. В этот округ, кроме Важин, входило 14 приходов: Лоянский, Согинский, Пагаченский, Хевронский, Яблонский, Волостноволоцкий, Пидьмозерский, Пидемский, Плотиченский, Шеменский, Каковичский, Подпорожский, Яндебский и Тененицкий⁷¹. Девять из них известны по писцовым книгам XVI–XVII веков как «выставки» Важинского погоста, а Яблонский приход хранил память об одноименной пустыни, разоренной в Смутное время. Могила старца этой пустыни Елисея, погребенного в деревне Сидозеро Пагаченского прихода, благоговейно почиталась народом из поколения в поколение. 13 июня 1899 года около трех тысяч богомольцев собралось в Сидозеро на освящение церкви св. пророка Елисея, воздвигнутой над могилой старца при содействии ораниенбаумского протоиерея Гавриила Любимова (1820–1899). Храм освящал епископ Олонецкий и Петрозаводский Назарий (Кириллов) в сослужении кафедрального протоиерея Александра Надежина – уроженца Пагачениц, благочинного священника Афанасия Сретенского и окрестного духовенства⁷².

В 1885–1898 годах о. А. Сретенский состоял наблюдателем церковно-приходских школ 3-го благочиния Олонецкого уезда, причем с 1896 по 10 января 1898 года – с освобождением от приходской службы. На этот период настоятелем Воскресенской церкви стал священник Ва-

сий Громов, а вторую священническую вакансию 22 сентября 1896 года занял его сын Асинкрит (род. 3 апреля 1874), рукоположенный в Важины епископом Олонецким и Петрозаводским Павлом (Доброхотовым). Асинкрит Громов был женат на дочери о. Афанасия Сретенского Раисе⁷³.

За 25-летние труды по народному образованию о. Афанасий Сретенский 2 февраля 1898 был награжден орденом св. Анны 3-й степени. С возвращением о. Афанасия на настоятельское место, священники Василий и Асинкрит Громовы получили новые назначения, а к Воскресенской церкви 9 февраля 1899 года был перемещен старший сын о. Василия – Виктор, родившийся в Важинах 11 ноября 1870 года. Выпускник Олонецкой духовной семинарии 1890 года, Виктор Громов был рукоположен 20 сентября 1892 года во священника к Никольской церкви Согинского прихода⁷⁴. Прослужив с о. Афанасием 16 лет, вплоть до выхода его на покой, он стал его преемником.

Из богатой событиями истории Важинского прихода в годы настоятельства о. Афанасия Сретенского следует выделить посещение Воскресенской церкви писателем Н.С. Лесковым (1831–1895). Около 1880 года Николай Семенович гостил у важинского лесничего А.Ф. фон-Ульриха, с которым и побывал на древнем погосте. «Познакомившись с о. Афанасием, Николай Семенович обратился к нему с вопросом о времени постройки церкви и потом, с разрешения того же батюшки, тщательно осматривал иконы, находившиеся на иконостасе и в других местах церкви. При этом он долго остановился пред иконой Воскресения Христа Спасителя. Рассматривая изображения на этой иконе и указывая на изображенную на этой иконе лестницу, Николай Семенович сказал: «Снизшел еси в преисподняя земли». Рассмотревши иконы, он распротился с батюшкой и на следующий день рано утром на пароходе уехал из Важин»⁷⁵.

В январе 1899 года важинцы почтили память возобновителя Важеозерской пустыни иеромонаха Геннадия (Борисова; † 14 декабря 1898). На 40-й день кончины своего земляка они собрались в храм на торжественное заупокойное богослужение⁷⁶.

В конце XIX – начале XX века Олонецкие преосвященные неоднократно посещали важинские храмы. Один из них, епископ Мисаил (Крылов) в 1906 году так характеризовал приход: «Место очень оживленное, где живут богатые лесопромышленники. Три церкви. Первая – 1630 года, трехпрестольная, холодная, прочная; не раз обновлялась. Утварь хорошая, ризница посредственная, библиотека достаточная. Приход 4000 душ обоего пола. /.../ Церковного хора не существует. /.../ Причт благонадежный»⁷⁷. На пожертвования членов важинской лесопромышленной кампании, трудами церковного старосты крестьянина Д.А. Лаврухина в 1904 году вокруг Воскресенского погоста была сооружена сохранившаяся до наших дней ограда с каменными воротами на западной стороне⁷⁸.

В 1904 году настоятель Важинской Воскресенской церкви священник Афанасий Сретенский впервые за всю многовековую историю погоста был удостоен сана прото-

Село Усланка Храм прпп. Зосимы и Савватия Соловецких
Фото 1910-х гг.

иерея (возведен 30 мая в Петрозаводске). 6 мая 1912 года протоиерей А. Сретенский за заслуги по епархиальному ведомству был награжден орденом св. Анны 2-й степени. За неделю до кончины он вышел за штат, и настоятельское место при важинских храмах 10 января 1915 года занял священник Виктор Громов. В тот же день в Важины был перемещен сын о. Афанасия Николай Сретенский⁷⁹.

В клир Важинского прихода на 1915 год входили еще два священника – Василий Васильевич Хотеновский (род. 1 января 1885; рукоположен к сей церкви 27 января 1913) и Владимир Петропавловский, диакон Павел Андреевич Малинин (род. 14 июня 1864; рукоположен к сей церкви 1 августа 1885)⁸⁰. Роды Хотеновских и Малининых были связаны с Важинским погостом на протяжении ряда поколений. Так, прадед Василия Хотеновского, Василий Николаев Голубов, служил пономарем в Важинах уже в январе 1830 года. На его дочери Татьяне женился дьячек каргопольской Троицкой церкви Иван Васильев Хотеновский (род. около 1838). Определенный 29 января 1860 года пономарем в Важины, он занимал эту должность не менее 15 лет. Сын Ивана и Татьяны Хотеновских Василий (род. в Важинах 4 апреля 1861) 2 сентября 1884 был рукоположен во диакона к Подпорожской Димитриевской церкви, а 24 января 1892 года его переместили в родной приход⁸¹, где он значится на вакансии псаломщика еще в 1905 году. Наконец, Василий Васильевич Хотеновский, выпускник Олонецкой духовной семинарии 1905 года, в 1907–1913 годах был диаконом Николаевского собора в г. Олонце. Став священником в Важинах, он до 1918 года законоучительствовал в местном высшем начальном училище. У диакона Павла Малинина дед, Евсевий Алексиев Малинин, прослужил пономарем в Важинах с 1806 года до кончины в 1848 году, а бабушка, на десятом году вдовства, в 1858 году, получила там же штатное просфорническое место. Мать диакона Павла вдовая попадья Татьяна Петровна Малинина была важинской просфорней не менее четверти века: назначенная 17 февраля 1878 года, она несла труд еще в 1904 году⁸².

К Пасхе 1918 года – первой по возрождению в Русской Православной Церкви Патриаршества – настоятель Важинской Воскресенской церкви священник Виктор Громов удостоился сана протоиерея. В том же году был открыт самостоятельный приход при Зосимо-Савватиевской церкви в деревне Усланке, выделившийся из Важинского – его настоятелем стал священник Василий Хотеновский⁸³. Очевидно, вскоре были созданы приходские общины и при двух других приписных церквях – Петропавловской в Терехове и Богоявленской на «стрелке». Большевицкий декрет от 23 января 1918 года об отделении Церкви от государства и школы от Церкви предусматривал национализацию храмов и передачу каждого из них «в пользование» конкретной группе верующих. В связи с этим число приходов в 1918–1919 годах заметно возросло.

Организованная ГПУ в 1922 году в Москве и на местах «церковная революция» и суровая расправа с «контрреволюционным духовенством» привели к мимолетному

Икона Страшного Суда из храма села Пидьма на Свири. Фото 1910-х гг.

торжеству обновленческого раскола. Но под давлением мировой общественности летом 1923 года большевикам пришлось выпустить св. Патриарха Тихона из тюрьмы. Как только Святейший Патриарх оказался на свободе, началось массовое возвращение под его омофор епископов, духовенства и приходских общин. Однако в Олонецкой епархии обновленчество пустило довольно глубокие корни. В значительной степени этому способствовало имя нового архиепископа Олонецкого и Петрозаводского, назначенного самозванным Высшим Церковным Управлением после ареста и высылки законного архиерея. Им стал «епископ старого поставления» Александр (Надежин), бывший в 1897–1907 годах петрозаводским кафедральным протоиереем. С давних пор хорошо известный духовенству края, он пользовался определенным авторитетом. Архиепископ Александр управлял обновленческой Карельско-Петрозаводской епархией до марта 1931 года (с 1925 года – в сане митрополита). Выйдя на покой, митрополит Александр уехал на свою родину в Пагаченицы; он скончался 15 июля 1931 года и погребен в Сидозере⁸⁴.

Хотя с Рождества 1923/24 года отдельные приходы Олонецкой епархии стали воссоединяться со Святейшим Патриархом Тихоном, все же покаяние духовенства не получило здесь такого размаха, как в других регионах. Не случайно в 1920-х–30-х годах наименьшее число приходов Московской Патриархии в Ленинградской области находилось именно в Посвирье, которое исторически относилось к Олонецкой губернии.

«Обновленческой» оставалась в этот период и Важинская Воскресенская церковь. В 1930 году зданию

исполнилось 300 лет. Очевидно, редкая для сельского духовенства награда – митра, которой был почтен 20 августа 1930 года настоятель храма протоиерей Виктор Громов⁸⁵, связана с этим юбилеем.

В 1937–38 годах по всей стране прошла плановая кампания кровавых репрессий, инспирированная Сталиным и сопровождавшаяся почти полным истреблением духовенства всех конфессий и юрисдикций. В Карелии, например, по официальной статистике, к 1940 году не осталось ни одного зарегистрированного «служителя культа»⁸⁶. Не было их и на всей территории Ленинградской области к востоку от Ленинграда. Последний обновленческий настоятель Воскресенской церкви в Важинах, протоиерей Василий Васильевич Хотеновский, проживавший рядом с храмом, в деревне Курпово, был арестован 11 сентября 1937 года и меньше чем через месяц, 9 октября, расстрелян в Ленинграде⁸⁷.

После ликвидации 99% клира режим приступил к решению другой стороны религиозного вопроса. Теперь советско-партийные чиновники стали без лишней спешки оформлять снятие приходских общин с регистрации. Очередь до церкви Важинского погоста дошла 30 июля 1941 года. Эта дата заслуживает особого внимания: двумя неделями ранее гитлеровцы взяли Смоленск, преодолев за 24 дня с момента нападения на СССР почти полпути от границы до Москвы! Вот выписка из § 4 протокола исторического заседания исполкома Подпорожского райсовета депутатов трудящихся:

«Учитывая, что церковная двадцатка Воскресенской церкви с 1935 года <так!> распалась, с 1938 года здание церкви никем не охраняется и с 1923 года не ремонтируется, в результате чего допущено хищение церковного имущества и здание пришло в бесхозное состояние, исполкома райсовета депутатов трудящихся р е ш а е т:

1. Возбудить ходатайство перед Исполкомом Ленблсовета депутатов трудящихся о ликвидации Воскресенской церкви.

2. Здание церкви передать под колхозный клуб»⁸⁸.

Долготерпению Господню пришел конец: для выполнения этого постановления времени отпущено уже не было...

Финляндия вступила в войну против СССР одновременно с Германией, и к осени 1941 года финская армия оккупировала все Ладожско-Онежское межозерье. Советское контрнаступление (Свирско-Петрозаводская операция) началось только в июне 1944 года. Южная линия советско-финского фронта 1000 дней проходила по Свири в ее нижнем течении до пос. Свирьстрой. Там финны форсировали Свирь, и от Свирьстроя фронт шел почти по прямой линии на восток, до самой границы Ленинградской области. Оккупированная часть левобережья Свири оказалось в прифронтовой зоне, и захватчики эвакуировали оттуда гражданское население. Села и деревни по правому берегу Свири, в том числе Важины, находились уже в тылу – их жители оставались на местах. Правда, это относилось преимущественно к жителям-карелам:

население многих русских деревень было интернировано в лагеря под Петрозаводском, где до прихода Советской Армии им пришлось испытать условия, мало отличные от ГУЛАГ'овских (с той, правда, разницей, что в финских лагерях заключенные имели возможность удовлетворять религиозные потребности). На громадной территории с населением более 80 тыс. человек, занятой финской армией, оказался один-единственный священник, переживший «ежовщину». Он и получил возможность служить «лагерным священником» в Петрозаводске. Для духовного обслуживания коренного населения в условиях военного времени Финляндская Автономная Православная Церковь ввела институт военных священников. Их было так мало, что им пришлось стать «разъездными». В отличие от оккупированных областей России, а также Украины и Белоруссии, восстановить приходскую жизнь Карелии и Посвирья в традиционном виде не удалось. Среди храмов, где в 1941–1944 годах священники Финляндской Церкви эпизодически совершали богослужения, был и Воскресенский храм в Важинах⁸⁹. После изгнания финских войск край вновь оказался без духовенства.

По указанию уполномоченного А.И. Кушнарева временно управляющий Ленинградской епархией архиепископ Псковский и Порховский Григорий (Чуков) направлял в районы, освобожденные от оккупации, представителей ленинградского духовенства для «обследования церковных дел». Восточные районы Ленинградской области (Лодейнопольский, Подпорожский и др.) с 25 сентября по 25 октября 1944 года обследовал настоятель Спасо-Парголового храма протоиерей Александр Мошинский (1885–1955), который сам в 1916–1933 годах священствовал в бывшем Лодейнопольском уезде⁹⁰. Хотя доклад и не опубликован, легко догадаться, что его содержание для коммунистического режима было самым утешительным. В этих районах жители 6–7 лет не видели живого священника (кроме, разве что, финских военных православных «пасторов»), вряд ли что слышали об изменении церковно-государственных отношений в далекой Москве и не имели ни малейшего понятия о том, как им заполучить действующую церковь. Поэтому в тот короткий период (1944–1947 годы), когда еще реально было открыть храм, прошений об этом из Посвирья почти не поступало. Ревнителями веры, не в пример своим соседям, оказались лишь бывшие духовные чада важинского протоиерея Афанасия Сретенского.

Переписку с гражданскими и церковными властями об открытии в Важинах Воскресенской церкви вела переписку 60-летняя жительница деревни Скуратово Мария Ивановна Шкурикова. 7 октября 1946 года она сообщала в митрополичью канцелярию: «Церковь, которая находится в Важинском с[ель]совете, дер[евня] Курпово, ремонта особенного не требует. Наружный вид весь в порядке, на кумполах есть кресты, крыша железная хорошая. Внутри церкви три престола, иконостасы всех престолов с райскими вратами в порядке. Книг разных в церкви много. Внутри церкви все хорошо и чисто, двери все в порядке.

/.../ Нужен в церковь для трех алтарей инвентарь, необходимый для престолов, и одеяние для священника»⁹¹.

На просторах Ленинградской области к востоку от реки Волхов удалось открыть всего четыре церкви. Первой – в 1945 году – начала действовать крохотная церковь в г. Тихвине (т.н. «Крылечко»), затем службы возобновилась в храмах с. Рогожа Волховского р-на и с. Сомино Бокситогорского р-на. Два обширных района, Лодейнопольский и Киришский, так и остались без храмов. Воскресенская церковь древнего Важинского погоста была предоставлена советской властью верующим Подпорожского района «в бесплатное и бессрочное пользование» (во второй раз!) на рубеже 1946/47 годов. 27 января 1947 года митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) назначил настоятелем церкви Александра Александровича Разумного (9/21 июня 1881 – 8 октября 1958) и 16 февраля рукоположил его во священника. Несколько ранее А.А. Разумный был принят владыкой в церковное общение как мирянин: его иерейская хиротония, совершенная 24 апреля 1932 годом «живоцерковным» епископом Иоанном (Альбинским; 1863–1935), признана не была. [«Живую церковь» основал и возглавлял «протопресвитер всея Руси» Владимир Красницкий (1881–1936). Находясь в расколе, А. Разумный в 1930–1931 служил диаконом, а в 1932–1935 – священником в храме Серафимовского кладбища в Ленинграде]. Богослужения в Важинской церкви Воскресения Христова возобновились 10 апреля 1947 года. Священник Александр Разумный своеобразно «украсил» интерьер памятника старинного зодчества, развесив в нем иконы иконостаса Богоявленской церкви 1892 года постройки; при этом каркас иконостаса он уничтожил. Когда же 23 мая 1949 года о. А. Разумный, по прошению, был переведен на приход ближе к Ленинграду, Посьвирье на все лето осталось без священника.

Новый настоятель, священник Григорий Павлович Беляев, был назначен в Важины лишь 24 августа. Он прослужил здесь 5 лет, но, по свидетельству благочинных, «не был заинтересован в упорядочении хозяйства и благолепия храма». Так, 28–29 ноября 1951 года важинский храм осматривал благочинный Новолодожского округа Алексей Верзин (1894–1975). Подчеркнув в отчете красоту летней церкви с ее высоким многоярусным старинным иконостасом, светло-синяя окраска и позолота резьбы которого «поражают свежестью и яркостью», о. Алексей писал: «Утварь и ризница храма своим убожеством производят тягостное впечатление. На три освященных престола имеется один антиминс, порванный в складках и требующий замены. Дарохранительницы в церкви нет, дароносица была, но украдена, и Св. Дары хранятся на престоле в жестяной коробке из-под монпансье. Крышка коробки, где находится этикетка, заклеена бумагой. Имеется несколько напостольных Евангелий, но они либо без крышек, либо, при наличии крышки, совершенно истрепаны. В употреблении одно Евангелие 1703 года. Переплет сильно поношен, изображение одного евангелиста утеряно»⁹².

После посещения Важин протоиереем А. Верзиным Новолодожский собор передал в Воскресенскую церковь потир, дискос и звездицу. Других изменений в состоянии ризницы храма до новой ревизии, состоявшейся три года спустя, не произошло. Лишь с назначением 3 ноября 1954 года настоятелем важинского храма священника Романа Ивановича Фефилова, только что вышедшего из лагеря, в нем стала чувствоваться рука заботливого хозяина.

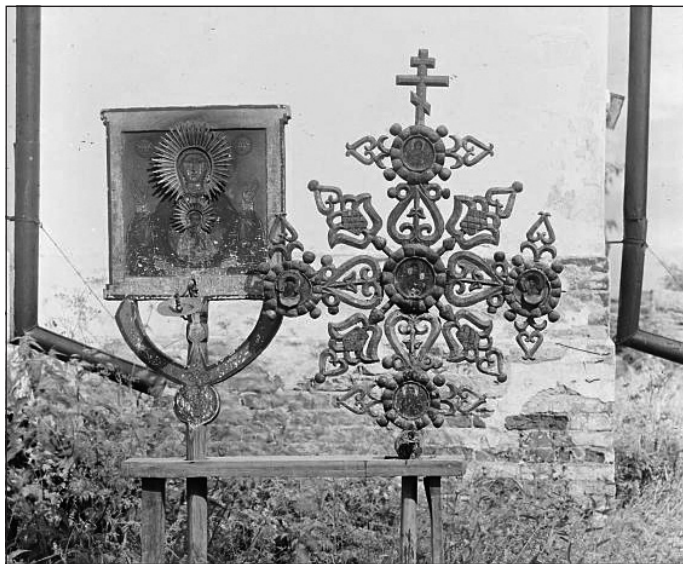
Первоочередной заботой о. Романа стало устройство электрического освещения и возрождение колокольного звона. К Рождеству 1954/55 года храм уже электрофицировали, а 27 декабря 1954 года настоятель подал рапорт о разрешении перевезти в Важины колокола, переданные в сиверскую Троицкую церковь из закрытой Троицкой. В 1955 году Воскресенская церковь приняла на хранение 50 икон конца XVII века из иконостаса Никольской церкви в Согиницах. В свою очередь, она поделилась одной из своих прекрасных плащаниц с церковью г. Тихвина. Была приобретена вся необходимая для богослужения утварь, и алтари храма приобрели, наконец, подобающее благолепие.

Хотя Воскресенская церковь вскоре после своего открытия была поставлена под охрану государства как архитектурный памятник XVII века, вся «забота» государственных учреждений сводилась к изъятию из храма наиболее ценных икон. К примеру, экспедиция Эрмитажа в июле 1959 года вывезла отсюда икону середины XVII века, имевшую на нижнем поле надпись с указанием года и места ее создания, «в силу чего эта икона приобретает особую ценность для музея». В 1962 году также в Эрмитаж поступил местный образ Воскресения Христова (Сошествия во ад) с 25 клеймами, размером 169 x 142 см из иконостаса летнего храма. Именно эта заветная святыня Важинского погоста в свое время привлекла внимание Н.С. Лескова. В 1963 году несколько икон из Важин стали «трофеем» экспедиции Русского музея⁹³.

После устранения с санкции Архиерейского собора 1961 года настоятелей храмов и епархиальной власти от

*Важинский погост.
Камень на месте
алтаря теплой
Богоявленской церкви
(разобрана 6 декабря
1860 г.)*

*Древние святыни возле храма в селе Пидьма близ Важин.
Фото С.М. Прокудина-Горского. 1915 г.*

активного участия в деятельности приходов, церковной жизни был нанесен тяжелейший удар. В сельские приходы батюшки, как правило, лишь наезжали из Ленинграда для совершения богослужений по воскресеньям и по праздникам. 15 июня 1962 года вместо излишне энергичного о. Романа Фефилова настоятелем Важинской церкви был

Примечания:

- ¹ Соборная грамота царя Иоанна Васильевича Важенской Задне-Никифоровой пустыни на пожалованные земли и угодья // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1868–1869 год. Петрозаводск, 1869. Часть III. С.81.
- ² Папков А.А. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России // Русский вестник. 1898, ноябрь. С.55-85; декабрь. С.13–34.
- ³ Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941. С.176.
- ⁴ Там же. С.65.
- ⁵ Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792. С.135, 136.
- ⁶ Минорский П. Река Свирь и ее значение в Олонецком крае // Олонецкие губернские ведомости [ОГВ]. 1875, № 49. С.546.
- ⁷ Досифей (Немчинов), архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч.1. М., 1853. С.62.
- ⁸ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 годов. Л., 1930. С.86.
- ⁹ Там же. С.87.
- ¹⁰ Там же. С.89.
- ¹¹ Там же. С.91.
- ¹² Там же. С.95. Георгиевская церковь в Шеменичах построена в 1522 году и простояла более 400 лет. Она представляла собой простейший вариант клетского храма (Известия имп. Археологической комиссии. Вып. 53. СПб., 1914. С.68–73; Вып.57. Пгр., С.133–134).
- ¹³ Там же. С.97.
- ¹⁴ Там же. С.91, 92.
- ¹⁵ Папков А.А. Цит. соч. Ноябрь. С.79–80.
- ¹⁶ Книга Обонежской пятины, Заонежской половины, письма Ондreja Васильевича Плещеева и подьячего Семейки Кузмина, 7091 года (1582–1583 г.) // Неволлин К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI веке, с приложением карты. Записки имп. Русского Географиче-

назначен протоиерей Николай Евдокимович Грабовой. С 1971 года до кончины 22 октября 1977 года здесь служил протоиерей Александр Матвеевич Яковлев; он погребен в ограде Воскресенского храма⁹⁴.

В обстановке «холодной войны» с религией, не знавшей в СССР послаблений вплоть до второй половины 1980-х годов, каноническая территория Церкви строго ограничивалась площадью действующих храмов, переступить порог которых решался далеко не каждый верующий или ищущий Бога человек. Но, несмотря на все беды, Воскресенская церковь избежала закрытия, как была, например, «ликвидирована» и кощунственно осквернена в июне 1962 года ближайшая к Важинам Успенская церковь в пос. Ладва Карельской АССР⁹⁵.

По милости Божией, летний, Воскресенский, храм Важинского погоста сохранил уникальное духовное и художественное сокровище – пятиярусный иконостас с 22 иконами «праздников» и 21-фигурными деисусным, пророческим и праотеческим чинами. Это не только единственный уцелевший на месте древнейший (второй четверти XVII века) иконостас на территории Ленинградской области – во всей Русской Православной Церкви второго подобного иконного ансамбля нет. В этой связи не имеющий аналогий деревянный десятистенный храм, 375 лет высящийся на берегу реки Важинки, заслуживает самого бережного отношения как бесценная национальная реликвия.

ского об-ва. 1853. Книга VIII. Приложения. С.157.

- ¹⁷ Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947. С.54.
- ¹⁸ Папков А.А. Цит. соч. Декабрь. С.29.
- ¹⁹ Наказ Новгородского государства бояр и воевод Якова Деллагарди и князя Ивана Одоевского прикащику Нехорошеву Вельяшеву, об управлении Обонежскими дворцовыми волостями (22-го ноября 1612 г.) // Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып.3. Петрозаводск, 1894. С.56.
- ²⁰ Список с писцовой книги 136 и 137 [1628–1629] годов. 5. Погост Рождественской Пиркинской // ОГВ. 1850, № 32.
- ²¹ Писцовые книги 7136 и 7137 [1628–1629] годов // ОГВ. 1850, № 5–6.
- ²² Книги переписные государевым, царевым и великого князя Алексея Михайловича всея Руси Новгородского уезду Заонежским погостам черным волостям /.../ переписи Ивана Прохоровича Писемского да подьячего Иакова Еуфимьева 154 и 155-го [1646–1647] // Центральный гос. архив древних актов. Ф.1209. Д.980. Л.336.
- ²³ Там же. Л.345, 346 об.–347, 349, 351 об.–352, 354.
- ²⁴ Лисенко Л.М. Этапы формирования Кижского ансамбля // Архитектурное наследие. Вып.24.М., 1976. С.94–103.
- ²⁵ Елтинский Я. Новгородские владыки // Олонецкие епархиальные ведомости. 1901, № 16. С.481.
- ²⁶ Там же. С.485.
- ²⁷ Забелло С.Я., Иванов В.Н., Максимов П.Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С.115.
- ²⁸ Кисловский С.В. Знаете ли Вы? Словарь географических названий Ленинградской области. Изд.2-е. Л., 1974. С.125.
- ²⁹ Даль Л.В. Старинные деревянные церкви Олонецкой губернии // Зодчий. 1877, №11–12. С.97.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.5. Л.299.
- ³¹ Громов В.И. свящ. Важинский приход, Олонецкого уезда // ОГВ. 1892, № 24. С.247.
- ³² ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.5. Л.285–286. [Опись имеет подзаголо-

вок: “Важинский Воскресенская церковь Лодейнопольского уезда”. В действительности церковь и деревни, входящие в ее приход, относились к Олонецкому уезду].

³³ Описание памятников русской архитектуры по губерниям. IV. Олонецкая губерния // Известия имп. Археологической комиссии. Вып. 57 (Вопросы реставрации. Вып.15). Пгр., 1915. С.144.

³⁴ Громов В.И. *святи*. Цит. соч.

³⁵ Гагацкий С. До минкульта далеко, а до бога высоко // Санкт-Петербургские ведомости. 2005, № 148 (12 августа). С.3.

³⁶ Озерецковский Н.Я. Цит. соч. С.136.

³⁷ Андреева Л.В., Коляда М.И., Кондратьева Е.В. По Ленинградской области. Посвирье, Бокситогорский и Волховский районы. Л., Лениздат. 1978. С.73.

³⁸ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.6. Л.73.

³⁹ Ополоников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. М., Стройиздат. 1974. С.66.

⁴⁰ Благовещенский И. Олонецкая епархия. (Краткие исторические сведения) // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1902 год. Петрозаводск, 1902. С.222.

⁴¹ Центральный государственный архив Республики Карелии [ЦГА РК]. Ф.27. Оп.2. Д.4/57. Л.139.

⁴² Светлов Г.И. Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Вып.1. Пгр., 1917. С.166, 183.

⁴³ Старина. (Сообщено священником Василием Иоанновым Громовым) // ОГВ. 1889, № 25.С.274–275.

⁴⁴ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.60. Л.84.

⁴⁵ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.6. Л.116 об.

⁴⁶ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.60. Л. 94, 94 об., 351 об.

⁴⁷ ЦГА РК. Ф.27. Оп.2. Д.4/57. Л.140 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.13. Л.4 об., л.7 об.

⁵⁰ ЦГА РК. Ф.25. Оп.1. Д.38/33. Л.7, л.9 об., л.10 об.

⁵¹ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.13. Л.3 об., л.5 об. Д.17. Л.5 об.

⁵² Надеждин Н., *святи*. Протоиерей Иоанн Александрович Рябинин. (Некролог) // Олонецкие епархиальные ведомости [ОЕВ]. 1908, № 11. С.253–256.

⁵³ О. Ф.Крассов // ОГВ. 1896, № 19. С.4.

⁵⁴ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.25. Л.8 об.

⁵⁵ С. В. Гр. Протоиерей Афанасий Иоаннович Сретенский // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915, № 6. С.115–116.

⁵⁶ Иванов В. Освящение церкви в Важинском погосте, Олонецкого уезда. (Письмо в редакцию Олонецких Губернских Ведомостей) // ОГВ. 1870. № 80 (часть неофициальная). С.870.

⁵⁷ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.21. Л.4.

⁵⁸ Из зала суда // ОГВ. 1895, № 65. С.5–7.

⁵⁹ Громов В. *святи*. Освящение церкви в Гонгинском погосте, Лодейнопольского уезда // ОГВ. 1874, № 83 (часть неофициальная). С.976.

⁶⁰ Попов А. Важинская Никитинская ярмарка // ОГВ. 1866, № 43 (часть неофициальная). С.791-792.

⁶¹ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.30. Л.1.

⁶² ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.46. Л.4 об.

⁶³ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.21. Л.7 об., 8.

⁶⁴ Старина. (Сообщено священником Василием Иоанновым Громовым) // ОГВ. 1889, № 25. С.274–275; Громов В.И. *святи*. Важинский приход, Олонецкого уезда // ОГВ. 1892, № 24. С.247; С[вященник] В.И.Г[ро-

мов]. Важинский погост, Олонецкого уезда // ОГВ. 1895, № 38, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 53–55, 59, 61.

⁶⁵ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.35. Л.3.

⁶⁶ Озерецковский Н.Я. Цит. соч. С.133–134.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.13. Л.1 об.-2 об.

⁶⁸ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.35. Л.5 об., 6 об.

⁶⁹ К освящению церкви и училищного здания в селе Важилах, Лодейнопольского уезда // ОГВ. 1892, № 8. С.81–83; № 9. 90–93.

⁷⁰ Лосев С. Корреспонденция. С. Важины, Олонецкого уезда // ОГВ. 1902, № 4. С.2.

⁷¹ Церковные приходы Олонецкой епархии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1903 год. Петрозаводск, 1903. С.99–100.

⁷² Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1899, № 13. С.23; Церковные ведомости. 1899, № 29 (Прибавления). С.1162-1163. (Фотография храма имеется в книге: Земля Невская православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. СПб., 2000).

⁷³ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.46. Л.6 об.

⁷⁴ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.57. Л.5 об.

⁷⁵ Лосев С. На память // ОГВ. 1902, № 94. С.3.

⁷⁶ Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1899, № 4. С.35.

⁷⁷ Е[пископ] М[исаил]. Путевые заметки // ОЕВ. 1906, № 18. С.649.

⁷⁸ ОЕВ. 1904, № 24. С.750.

⁷⁹ Перемены по службе // ОЕВ. 1915, № 3. С.43.

⁸⁰ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.57. Л.6 об.

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.60. Л.278 об. Д.13. Л.6 об. Д.46. Л.8 об.- 9 об.

⁸² ЦГИА СПб. Ф.2124. Оп.1. Д.28.Л. 15 об. Д.28. Л.15 об. Д.31. Л.12 об. Д.53. Л.16 об.

⁸³ Об открытии приходов // ОЕВ. 1918, № 11. С.121.

⁸⁴ Сорокин В., *проф.-прот.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). СПб., 2005. С.626–627.

⁸⁵ Награды по Св. Синоду (с 15 мая 1930 г.) // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930, № 1-2. С.10.

⁸⁶ Бовкало А.А., Галкин А.К. Религиозная жизнь в Карелии в первое десятилетие после “Большого террора” //Финно-угры и соседи: Проблемы этнокультурного взаимодействия и Балтийском и Баренцевом регионах. Сб. научн. трудов. СПб., 2002.С.265-266.

⁸⁷ Ленинградский мариолог 1937–1938. Т.2. СПб., 1996. С.385–386.

⁸⁸ Ленинградский областной гос. архив (Выборг). Ф. Р-1304. Оп.1. Д.181. Л.91–92.

⁸⁹ Бовкало А.А., Галкин А.К. Цит. соч. С.267–268.

⁹⁰ Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2005. С.469, 599.

⁹¹ Дело Воскесенской церкви села Важины Подпорожского района Ленинградской области 1946–1957 гг. Архив С.-Петербургской Епархии.

⁹² Дело Воскесенской церкви села Важины Подпорожского района Ленинградской области 1958–1962 гг. Архив С.-Петербургской Епархии.

⁹³ Смирнова Э.С. Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М., 1967. С.126.

⁹⁴ [Протоиерей А.М. Яковлев. Некролог] // Журнал Московской Патриархии. 1977, № 11. С.26.

⁹⁵ Рапорт протоиерея И. Тамма архимандриту Геннадию (Высокоостровскому) об обстоятельствах закрытия церкви в пос. Ладва. Архив Олонецкого Епархиального управления (Петрозаводск).

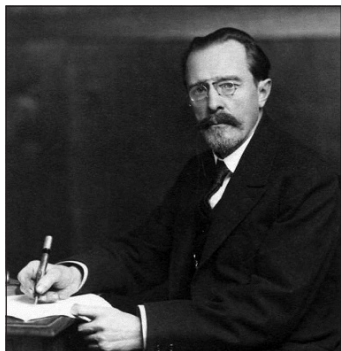

Согинский погост на реке Важинке.
Рисунок Ю.С. Ушакова. 1970-е гг.

СВЯТЫНИ СВИРСКОГО КРАЯ в цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского. 1910-е годы

Дореволюционное фото для современного человека – это, как правило, потускневшие от времени черно-белые снимки. Поэтому первый вопрос, который возникает при виде работ Сергея Михайловича Прокудина-Горского (1863–1944), почему все эти фотографии цветные? Может, раскрашены? Невероятно, но факт: хотя цветная фотопленка появилась в 30-х годах XX века, уже в 1904 г. выдающийся русский ученый, петербуржец изобрел способ проекции цветного изображения и создавал фотографии в цвете!

Сергей Михайлович Прокудин-Горский родился 31 августа 1863 г. в городе Муроме (по другим данным – в Коврове) Владимирской губернии.

Родовое имение Прокудиных-Горских – Фуникова Гора (Киржачский уезд Владимирской губернии) – было селом еще в XVI веке, но в 1607 г. было

сожжено «от литовских людей» вместе с находившейся там церковью в честь Успения Пресвятой Богородицы. С тех пор Фуникова Гора стала сельцом. До 1778 г. сельцо это входило в состав Владимирского, а затем – Покровского уезда Владимирской губернии. Сегодня этот населенный пункт не существует. От старинной усадьбы остался только тенистый старый сад. Род Прокудиных-Горских был внесен в IV часть Дворянской родословной книги Владимирской губернии в 1792 г., а затем в 1848 г. перенесен в VI ее часть.

Его отец – Михаил Николаевич – служил в Тифлисском гренадерском полку, когда у него родился старший сын Сергей, он поступил в ковровскую дворянскую опеку, служил здесь до 1872 г., потом ему пожаловали придворное звание камер-юнкера и вся семья Прокудиных-Горских переехала в С.-Петербург.

Согласно семейной легенде, С.М. Прокудин-Горский учился в Александровском лицее, однако, документами это не подтверждено. Высшее образование он имел химико-технологическое: в Петербурге Сергей поступил в технологический институт, после его окончания – в химическую лабораторию Дмитрия Ивановича Менделеева. Одновременно изучал живопись в Императорской Академии художеств. В конце 80-х годов он совершенствует свое образование в Германии. Здесь же в 90-е годы начались его исследования по цветовоспроизведению в лаборатории немецкого химика профессора Мите. В 1890 г. он женится на Анне Александровне Лавровой (1870–1937) – дочери известного русского металлурга,

одного из основателей отечественного сталепушечного производства, активного члена Императорского русского технического общества Александра Степановича Лаврова.

Отставной генерал-майор А.С. Лавров был директором Высочайше утвержденного Товарищества Гатчинских колокольных, медеплавильных и сталелитейных заводов и сделал своего зятя директором правления. Эту должность С.М. Прокудин-Горский занимает до октября 1917 г. Именно с его непосредственной службой связан и его первый доклад, сделанный в Императорском Русском Техническом Обществе, «О современном состоянии литейного дела в России», а также многочисленные поездки на Урал.

Созданное по инициативе профессоров и инженеров Петербурга в 1866 г., Общество ставило своей целью «содействие развитию техники и технической промышленности в России». Членами общества в разное время были почти все крупнейшие ученые, инженеры и промышленники России: А. Бутлеров, Д. Менделеев, Д. Чернов, П. Яблочков, А. Попов, А. Крылов, Л. Нобель и многие другие. Будучи по существу, политехническим, Общество, однако, четко специализировало свою деятельность. Отраслевые отделы и созданные при них комиссии по специальностям или быстро развивающимся направлениям техники объединяли соответствующие группы ученых. В 1878 году по инициативе Д.И. Менделеева был организован V-й фотографический отдел Общества, бывший центром развития фотохимии, фотооптики и научной фотографии.

В 1898 г. С.М. Прокудин-Горский становится членом фотографического отдела Общества и выступает на заседании отдела с сообщением «О фотографировании падающих звезд (звездных дождей)».

2 августа 1901 года в Петербурге на Б. Подъяческой, 22 открывается «фотоцинкографическая и фототехническая мастерская» С.М. Прокудина-Горского. Именно здесь у Прокудина-Горского наконец-то появляется своя химическая «испытательная», как он назовет ее позже, лаборатория, здесь с 1906 по 1909 годы будет расположена редакция журнала «Фотограф-Любитель», в течение

10 лет в этом же доме на Б. Подъяческой будет жить и семья Прокудиных-Горских.

Впервые сообщение о способе изготовления цветных диапозитивов по методу трехцветной фотографии было сделано Прокудиным-Горским 13 декабря 1902 г., а в январе 1905 г. он «ознакомил собрание со своими работами по цветной фотографии, проводившимися им в течение 3-х последних лет в Берлине в лаборатории профессора Мите и в С.-Петербурге. Затем докладчик показывал около 70 сделанных им снимков за границей и у нас в России. В числе их были весьма различные по колориту и содержанию, так, например, виды Дагестана и Кавказа, осенние виды Финляндии, зимние пейзажи, жанровые картины, эффекты заходящего солнца и др. Снимки поражали верностью передачи ярких красок природы, вызывали долго несмолкающие аплодисменты и возгласы одобрения среди присутствующих».

Заметим, что это было собрание профессиональных фотографов и специалистов, отлично владевших всеми современными фотографическими и фотохимическими методами. Получить такое одобрение профессионалов было очень сложно, беспристрастный протокол передает его очень точно. Из публикаций в печати мы узнаем, что в ту же зиму талантливый ученый «восхищал своими цветными проекциями Петербург и Москву, превзойдя, как химик сам, своего учителя Мите». В то время на практике применялся единственный способ цветного фотографирования, разработанный немецким профессором А.Мите. Процесс получения цветного изображения был еще чрезвычайно трудоемким: с одной точки снимали через три различных фильтра три негатива. Их проявляли и фиксировали, а затем контактным способом, используя красящие пигменты, получали три окрашенных в основные цвета позитива. Для того чтобы иметь изображение в натуральных цветах, позитивы нужно было совместить. Сначала научились добиваться такого совмещения, проецируя позитивы одновременно на экран. Однако большая стоимость проекционной аппаратуры и естественное желание каждого фотографа видеть снимок не только на полотне экрана заставляли искать иные способы. Сложность заключалась в том, что при трехцветном переносе необходимо было экспонировать три различных по цвету позитивных изображения, точно совместив их. Вся технологию процесса С.М. Прокудин-Горский описал в 12 номерах журнала «Фотограф-Любитель» за 1906 год. В 1905 г. Прокудин-Горский открыл (создал) новое красочное вещество сложного состава, значительно превосходящее красочные сенсibilизаторы, впервые примененные в 1902 г. немецкими химиками Мите и Траубе, в отличие от которых состав Прокудина-Горского делал бромосеребряную пластину одинаково чувствительной ко всем частям цветового спектра. В описаниях, которые сопровождают его цветные фотографии в журнале «Фотограф-Любитель» всегда указывается «очувствлено по методу С. Прокудина-Горского», а позже: «на

пластинах С. Прокудина-Горского». В декабре 1906 г. «Петербургская газета» сообщает, что, совершенствуя чувствительность своих пластин, исследователь добился хороших результатов и предполагает демонстрировать «моментальные снимки в натуральных цветах, что представляет большой успех, так как до сего времени никем не получено». 7 и 28 апреля 1906 г. Прокудин-Горский выступает на VI Международном конгрессе прикладной химии в Риме с докладами «Наблюдения и исследования при фотографировании в натуральных цветах» и «Прикладная фотография в России» с демонстрацией работ. Прекрасно владея методами работы на пластинах «Автохром», Прокудин-Горский, тем не менее, основным считает трехступенчатый процесс съемки, над совершенствованием которого продолжает работать.

Русское фотографическое общество в Москве избирает С.М. Прокудина-Горского своим почетным членом наряду с братьями Огюстом и Луи Люмьер и профессором Мите, а фотографический отдел Общества – своим председателем. С 1906 г. Прокудин-Горский становится редактором-издателем лучшего в России периодического издания по светописии «Фотограф-Любитель». Каждый номер «Фотограф-Любителя» открывается обращением редактора к читателям. Такая форма позволяла вести непринужденный и серьезный разговор о постановке в России профессионального фотографического образования, рассказывать о новостях фотографической жизни и достижениях фотографической техники. Лучшей демонстрацией достижений в области цветной фотографии были полиграфические отпечатки цветных снимков, помещаемые в каждом номере «Фотограф-Любителя» и издаваемые в качестве открыток. Бывая за границей, Прокудин-Горский имел возможность сравнить отечественную цветную фотографию и полиграфию с зарубежной и с гордостью писал: «... мы в России не стоим на месте, а идем вперед довольно крупными шагами...

Село Остречины на Свири. С цветной фотографии С.М. Прокудина-Горского. 1910-е гг.

Побывав в Берлине, Лондоне, Париже, Вене, Милане и по приглядевшись внимательно к иностранным работам в красках, работам, которые вообще-то появились в публике сравнительно недавно, могу сказать, что у нас это дело стоит несколько не ниже, а по правдивости передачи во многих случаях и выше. Если принять во внимание, что цветное типографское воспроизведение начало развиваться в России каких-нибудь 4-5 лет, то, безусловно, следует признать огромный успех».

В 1908 г. русские фотографические общества подали в Государственную Думу «Записку об авторском праве фотографа». Для большей убедительности в залах Академии художеств была развернута выставка и устроен вечер демонстрации достижений русских фотографов. Гвоздем программы вечера, состоявшегося 30 мая, стал показ на экране цветных проекций Прокудина-Горского, бывшего одним из авторов «Записки». Современник пишет, что представление то и дело прерывалось взрывом рукоплесканий. Среди археологических снимков была показана замечательная древняя ваза, хранящаяся в Эрмитаже, цвета которой начали пропадать. Документальная точность полученного изображения запечатлела их на века и открыла возможность реставраторам воссоздать их. Большой научный интерес представляли также снимки цветных украшений на туркестанских храмах и зданиях, сделанные в начале 1907 года до землетрясения 8 октября 1907 года, разрушившего эти ценнейшие реликвии истории. В зале среди членов Государственной Думы и Государственного Совета присутствовали и члены Императорского Дома. Великий Князь Михаил Александрович пригласил фотохудожника показать во дворце сделанные снимки и познакомить со способом получения цветных изображений с натуры, затем такое же предложение поступило от Императрицы Марии Феодоровны, после чего мастеру предложили продемонстрировать свои работы Государю в Царском Селе. В годы эмиграции, вспоминая об первом посещении Царского Села, Прокудин-Горский писал: «Наступил самый ответственный момент, ибо я был уверен, что от успеха этого вечера зависела в значительной мере судьба моего дела. Для этой первой демонстрации Государю мною были выбраны снимки с натуры исключительно этюдного характера: закаты, снежные ландшафты, снимки крестьянских детей, цветы, осенние этюды и т.п. Ровно в половину девятого дежурный арап возвестил: «Их Императорские Величества», и в залу вошли Государь, Государыня со старшими дочерьми и приближенные лица свиты. Поздоровавшись со мной, Государь и Государыня заняли свои места перед будкой, и Государь приказал начинать. После первой же картины, когда я услышал одобрительный шепот Государя, я уже был уверен в успехе, так как программа была подобрана мною в возрастающем по эффектности порядке. Во время перерыва, когда был подан чай с прохладительными напитками, Государь отделился от группы придворных и, подойдя ко мне, стал спрашивать, что я имею в виду делать дальше с этой замечательной работой. Я изложил ему свои

взгляды на различные применения, которые моя работа могла иметь, и прибавил: «Вашему Величеству было бы, быть может, также интересно видеть время от времени истинную Россию и ее древние памятники, а равно и красоты разнообразной природы нашей великой Родины». Государь отнесся с большим одобрением к моим словам и сказал: «Поговорите с С.В. Рухловым, сообщите ему, что именно Вам для этого нужно и пусть он сделает об этом доклад». Затем началось второе отделение, на которое я, особенно, рассчитывал. Так оно и вышло. Каждая картина вызывала не только шепот одобрения, но даже громкие восклицания. По окончании вечера Государь и Государыня с детьми подошли ко мне, благодарили за доставленное большое удовольствие и Государь, обратясь ко мне, сказал: «Так не забудьте же поговорить с Рухловым». В своих записках Прокудин-Горский не сообщает даты посещения Царского Села, но к счастью, всю хронологическую канву событий мы можем установить по очень точным, хотя и лаконичным, каждодневным записям в дневнике Императора Николая II: [1909 г.] **3 мая. Воскресенье.** [...] *Вечером профессор Прокудин-Горский сделал интересное сообщение по фотографии в красках и показал много красивых снимков.* Теперь у фотохудожника появилась реальная возможность осуществить свой грандиозный замысел: «Запечатлеть все достопримечательности нашего обширного отечества в натуральных цветах». Этому отныне отдаются мастерство, энергия, деньги. По Высочайшему повелению мастеру был предоставлен специально оборудованный пульмановский вагон, для работы на водных путях Министерство выделяло пароход с полным набором команды, маленький пароход, способный идти по мелководью, а для р. Чусовой – моторную лодку. Для съемок Урала и Уральского горного хребта в Екатеринбург был прислан автомобиль Форда, пригодный для трудных дорог. Выданные царской канцелярией документы обеспечивали мастеру доступ во все места Российской Империи, а местная администрация должна была оказывать ему всяческое содействие в успешном проведении съемок. После окончания каждой экспедиции, занимавшей, как правило, лето, Прокудин-Горский обрабатывал полученный материал, показывал свою работу министру путей сообщения, а затем демонстрировал снимки в Царском Селе. Первый просмотр во дворце отснятого материала, основываясь на дневниковых записях Императора Николая II, состоялся 20 марта 1910 г. **20 марта. Суббота.** [...] *После обеда знакомый нам по прошлому году Прокудин-Горский показывал нам свои красивые снимки цветной фотографии из поездки по России до Урала.* И дальше в «Дневниках»: [1911 г.] **22 января. Суббота.** *В 9 часов в круглой зале Прокудин-Горский показывал свои красивые цветные снимки берегов Волги и Урала.* Последнее упоминание относится к 1913 году: **7 апреля. Воскресенье.** *От 9 ч. Прокудин-Горский показывал новые красивые цветные фотографические снимки.* По воспоминаниям фотохудожника, «выбор сюжетов для Государя был несколько

иной. Специальные сооружения Министерства, как то: плотины, выемки для железнодорожного пути, разные мосты Государя не могли интересовать так, как интересовали Его русская старина, древние памятники и красоты природы». Цветную съемку мастер называл процессом «деликатнейшим». «Если с одной стороны, благодаря всему описанному, работа моя была обставлена очень хорошо, то с другой, она была очень трудна, требовала огромного терпения, знания, опыта и часто больших усилий. [...] Делать снимки приходилось в самых различных и часто очень трудных условиях, а затем вечером надо было снимки проявить в лаборатории вагона и иногда работа затягивалась до поздней ночи, особенно если погода была неблагоприятна и нужно было выяснить, не окажется ли необходимым повторить съемку при другом освещении прежде, чем уехать в следующий намеченный пункт. Затем с негативов там же в пути делались копии и вносились в альбомы» Все съемки Прокудин-Горский производил на собственные средства, правительство ограничилось транспортной помощью. Фотохудожник планировал в течение десяти лет сделать 10 000 фотографий достопримечательностей России от Финляндии до Тихого океана. И чисто технически он уже был способен осуществить столь грандиозный замысел: добился высокой цветочувствительности своих пластин, позволявшей делать на них моментальную съемку, мог производить пластины в достаточном количестве и успешно тиражировать полученные изображения. У него был большой опыт полевых, походных съемок, он бывал во многих экспедициях как член Императорского Русского географического общества. Уже первый год работы показал, что осуществить задуманное на собственные средства не удастся. Стоимость специальной аппаратуры, реактивов, пластин, фотобумаги, плата помощникам приводили к тому, что каждый снимок обходился 10 рублей, 1000 фотографий производимых ежегодно, стоили 10000 рублей. Экспедиции, обработка и описание отснятого материала не оставляли времени для других заработков, а в семье было трое детей. Естественно, возникает вопрос, неужели деньги на съемки не могло выделить министерство Императорского Двора, коль скоро Николай II был так живо заинтересован проводимой работой? В своих воспоминаниях Прокудин-Горский дает ответ на этот вопрос: «Государь ничего не сказал, потому что я ни о чем не просил. Министр ничего не говорил, потому что на это не было Высочайшего повеления, а я считал, что предоставленные мне возможности в достаточной степени двигают меня по пути достижения моей задачи, а отчасти и даже опасался испортить дело». Деньги быстро таяли, коллекция росла, обработанный материал на стеклянных пластинах был достаточно громоздким, для его хранения требовалось помещение. Крупные частные фирмы предлагали Прокудину-Горскому капитал, однако уверенность в том, что коллекция должна принадлежать государству, заставила его обратиться в правительство. Архивы сохранили «Дело Канцелярии Совета Министров о приобрете-

Ризы прп. Александра Свирского. С цветной фотографии С.М. Прокудина-Горского. 1910-е гг.

нии в казну составляемой профессором Прокудиным-Горским коллекции фотографических снимков достопримечательностей России». В состав архивного дела входят обращение Прокудина-Горского перед очередной экспедицией летом 1910 г. к Министру Финансов В.Н. Коковцову с просьбой купить у него выполненную часть работы, чтобы обеспечить дальнейшую; Докладные записки Прокудина-Горского, деловая переписка по этому вопросу Председателя Совета Министров П.А. Столыпина и В.Н. Коковцова, письмо Августейшего Управляющего Русским Музеем Вел. Кн. Георгия Михайловича, другие материалы делопроизводства. Здесь приведем некоторые фрагменты «Дела...» «Так как весь интерес моей жизни неразрывно связан с этой работой, я позволю себе усиленно ходатайствовать, в случае если бы состоялось решение о переходе всей работы в какое-либо ведомство, дать мне возможность, хотя бы безвозмездно, принимать активное участие в руководстве при эксплуатации материала», – просит ученый в своей очередной «Докладной записке» от 6 декабря 1910 года. «Так как весь интерес моей жизни неразрывно связан с этой работой, я позволю себе усиленно ходатайствовать, в случае если бы состоялось решение о переходе всей работы в какое-либо ведомство, дать мне возможность, хотя бы безвозмездно, принимать активное участие в руководстве при эксплуатации материала», – просит ученый в своей очередной «Докладной записке» от 6 декабря 1910 года. Специально созданная Советом Министров «Межведомственная комиссия» в своем «Заключении» отметила «Когда картинам С.М. Прокудина-Горского будет устроен широкий доступ в наши учебные заведения, то у нас окажется образцовое, истинное родиноведение (выделено С.Г.), и в этом важном и необходимом деле Россия займет завидное положение между культурными странами». Были произведены все сметные расчеты и определены суммы на покупку прав и продолжение работ. Однако, все намерения остались

только на бумаге. Думается, что роковую роль сыграла гибель П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. В «Заключении Межведомственной комиссии...» встречаем подтверждение того, в Туркестане была удачно проведена что кино-съемка: по методу Прокудина-Горского были получены «этнографические картины групп жителей, находящихся в движении, например: ярмарки, народные празднества, крестные ходы и т.п. Получение таких картин возможно только при моментальной экспозиции, для чего необходимо было спроектировать и построить особый новый фотографический аппарат, впервые испытанный С.М. Прокудиным-Горским осенью сего 1911 г. При поездке в Туркестан». По-видимому, качество съемки или воспроизведения не удовлетворило Прокудина-Горского, так как демонстрируя свои достижения членам правительства 3 марта 1912 г. в Зале Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, он ограничился проекцией диапозитивов. Чтобы иметь деньги на продолжение съемок и совершенствование своего нового изобретения – цветного кинематографа, Прокудин-Горский находит денежных компаньонов и вместе с С.О. Максимовичем организует в январе 1913 г. «товарищество на вере под фирмою «Торговый дом С.М. Прокудин-Горский и К°»». Несколько позже в том же 1913 г. Прокудин-Горский организует Акционерное общество «Биохром», которому передается вся собственность «Торгового дома...». Акционерное общество «Биохром» учреждено, согласно его уставу, «для проведения и развития действий, принадлежащих «Торговому дому С.М. Прокудин-Горский и К°» мастерских фотоцинографии в С.-Петербурге, для эксплуатации изобретений С.М. Прокудина-Горского, С.О. Максимовича и других изобретателей в области цветной фотографии и цветной кинематографии, а также красочного и всякого другого печатания... В Париже, подводя итог проделанной в России работы, Прокудин-Горский дает перечень отснятого. Приведем его полностью. Отсняты были: Мариинский водный путь; Туркестан; Бухара (старая); Урал в отношении промыслов; вся река Чусовая от истока; Волга от истока до Нижнего Новгорода; памятники, связанные со 100-летием Отечественной войны 1812 г. и 300-летием Дома Романовых.

Продолжая исследования, Прокудин-Горский добивается новых успехов: патентует способ изготовления дешевых цветных пленочных диапозитивов, вместе с

Максимовичем берет патенты по цветной синематографии в Германии, Англии, Франции, Италии.

Начавшаяся Первая Мировая война заставила его почти полностью отказаться от съемок коллекции и работать для военных надобностей: заняться цензурой прибывающих из-за границы кинематографических лент, анализом фото препаратов, обучением съемкам с аэропланов и т.д.

Последний раз снимки из Коллекции достопримечательностей России демонстрировались на родине 12 и 19 марта 1918 г. в Николаевском зале Зимнего дворца на вечерах под названием «Чудеса фотографии», устроенных Народным комиссариатом просвещения.

После расстрела Царской Семьи С.М. Прокудин-Горский эмигрировал. Некоторое время пробыл в Норвегии и Англии, в 1922 г. переехал во Францию, в Ниццу. К слову сказать, в 1922 г. бывший царский фотограф встретился с братьями Люмьер, открыл вместе с ними фотолабораторию.

Умер первооткрыватель цветного фото в весьма преклонном возрасте, на 81-м году жизни, 27 сентября 1944 г. в «Русском доме» в Париже, спустя несколько недель после освобождения города войсками союзников. Похоронен он был на русском кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

Коллекция фотографий Прокудина-Горского была куплена у его наследников в 1948 г. Библиотекой Конгресса США и долгое время лежала в архивах. Только развитие компьютерных технологий позволило обработать эти снимки и показать уникальные виды Императорской России в полном цвете. В 2001 г. библиотека Конгресса открыла выставку «Империя, которой была Россия». Для нее стеклянные пластины были отсканированы и с помощью компьютера воссозданы исходные цветные фотографии. Достаточно много фотографов делали снимки в похожей технике, однако только коллекция русского фотографа сохранилась так хорошо и в такой полноте.

Всего коллекция С.М. Прокудина-Горского насчитывает 1902 цветных и около 1000 черно-белых фотографий. Их реставрация и обработка продолжается по сегодняшний день.

Светлана Гаранина,
профессор кафедры книговедения Московского
Государственного университета культуры и искусств.

Сотрудники Библиотеки Конгресса США провели гигантскую работу и оцифровали свыше двух тысяч фотоснимков С.М. Прокудина-Горского. Кроме того, они, используя современные компьютерные технологии работы с изображениями, для некоторых фотоснимков получили по тройкам диапозитивов цветные изображения. На сайте Библиотеки конгресса можно прочитать о С.М. Прокудине-Горском, его фотоколлекции и его методе цветной фотографии, а также увидеть большое количество цветных фотографий, сделанных им.

Все оцифрованные фотографии С.М. Прокудина-Горского (около двух с половиной тысяч) в Библиотеке конгресса доступны для просмотра. На сайте (<http://lcweb2.loc.gov/pp/prokdiquery.html>) есть весьма удобная страница поиска фотографий в фотоколлекции Прокудина-Горского (на английском языке). Поражает и объем этой фотоколлекции, и широта интересов фотографа. Здесь и фотографии городов Северо-Запада России, Русского Севера, Урала, Сибири и Средней Азии. Прокудин-Горский фотографировал и старинные церкви, иконы и реликвии, и только что построенные железнодорожные мосты и заводские цеха.

Представленные на страницах журнала изображения святых Павлина и Фотина заимствованы частично с электронной выставки работ С.М. Прокудина-Горского и из архива Библиотеки конгресса США. В будущем планируется опубликовать цветные фотографии других святых С.-Петербургской епархии, которые посетил и сфотографировал в начале XX века С.М. Прокудин-Горский.

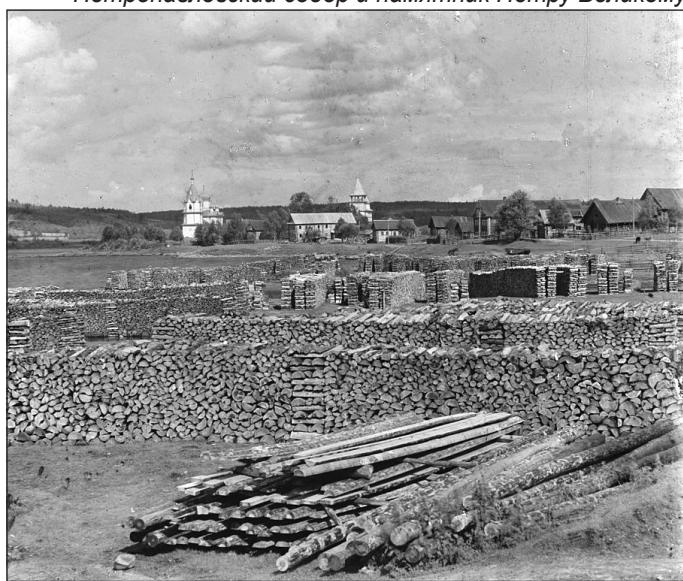
Храмы села Лидья

*Лодейное Поле.
Петропавловский собор и памятник Петру Великому*

Плотина святого апостола Павла в Девятинах

Храмы в Подпорожье

Вознесенская пристань

Часовня на Свири

С цветных фотографий С.М. Прокудина-Горского. 1910-е гг.

Протоиерей Владимир Шамонин. Родился 16 сентября 1882 года в Орле. Окончил гимназию, Александровский кадетский корпус (1900). Выбыл со 2-го курса Павловского военного училища в 1901 г. Под влиянием митр. С.-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) избрал путь служения Христу. Поступил в С.-Петербургскую Духовную академию. В 1904 ездил в Оптину пустынь к старцам за благословением на монашество, но получил благословение жениться. В 1907 окончил С.-Петербургскую Духовную академию; кандидат богословия. Был приглашен в Петербургский женский педагогический институт читать курс по истории русской религиозной мысли, также утвержден штатным законоучителем Предтеченской воскресной школы, преподавателем Закона Божия в женской гимназии. Женится на дочери священника Благовещенской церкви на В.О. Варваре Михайловне Ливановой. В июне 1908 г. рукоположен во диакона (на Троицу) и во иерея (на день Св. Духа) и направлен в сельский приход Покровской церкви Новоладожского уезда. Во время холерной эпидемии после исповеди и причастия в церкви, где он служил люди исцелялись. Переведен в С.-Петербург. С мая 1914 – священник новопостроенного Феодоровского собора в память 300-летия Дома Романовых (Товарный переулок, 15). С 1922 г. служил настоятелем Николо-Борзградского храма (церковь иконы Божией Матери Скоропослушницы) на 2-й Рождественской. В 1930 г. перемещен к церкви свв. Бориса и Глеба на Калашниковской набережной. Арестован 22.12.1933 в Ленинграде по делу «евлогиевцев». Приговорен 25.02.1934 к 3 годам лагерей, был сослан на Дальний Восток. После возвращения из ссылки жить с семьей не позволили. С началом войны был выслан в Вятку. После войны, с 6 июня 1944 г. назначен 2-м священником к Спасо-Парголовской церкви, где служил более 20-ти лет. Скончался 3 декабря 1967 года. Похоронен на Шуваловском кладбище.

Протоиерей Владимир Шамонин

МОЙ ПРИХОД

В моем приходе есть село,
Тринадцать деревень,
Воды здесь много утекло,
Шесть лет прошли как день...

Люблю крестьян я простецов!
Их жизнь понятна мне,
Как свежий сон без мутных снов,
Как песня по весне.

Люблю их верный чистый труд
У матери – земли.
Дубками дети их растут,
А деды – прилегли,

Молясь, в груди земли сырой:
Лежат святым зерном
И ждут: пшеницей золотой
Восстанут со Христом!

Я в круглый мерный Божий год
На каждого взгляну:
Везде вершу я крестный ход
И мертвых помяну.

Ужель деревня – темнота
И скучный жалкий сон?!

Деревня чтит сперва Христа,
Потом – земле поклон.

Зови к ней друга и врача, –
Цели и просвещай.
Но помни: вера горяча
И без Христа – не Рай!

Люблю я крепко мудрецов –
Смиранных прихожан:
От целомудренных отцов,
Талант им верный дан!

В заботах дни, в тиши ночей
Вздохну невольно я:
Храни, Господь, Твоих детей!
Да любит их Земля!

СВЯТАЯ РУСЬ

В храмы просторные
Русь чудотворная
Миром идет,
Морем колышется...
Глас вещий слышится
Грозно растет:
Русь яснолика!
Ты мне, великая

Мир обнови!
Слушай Вселенная,
Благословенную -
Слово любви!

Русь яснолика
Фальши далекая,
Чуждая зла,
Бей же в набатные,
Во благодатные
Колокола!

Мысли глубокие,
Чувства высокие
Совесть зовут
Во всеественный
Страшный, торжественный
Праведный суд!

Горем убитая,
Кровью залитая
В страхе земля.

Кто не рыдающий,
Кто не взывающий:
«Русь ты моя!

Сердцем любимая,
Правдой хранимая
Дай же всем Рай!

Дивно прекрасная
Русь, солнце ясное,
Вечно сияй!»

Редакция благодарит за помощь при работе над этим выпуском журнала, а также за предоставленные материалы и фотографии:

Лидию Александровну Чукову (Александрову), Ирину Робертовну Федорову, проф. протоиерея Владимира Сорокина, протоиерея Игоря Александрова, иеромонаха Нестора (Кумыша), А.К. Галкина, Н.П. Шмитт-Фогелевича, М.Ю. Мещанинова, Т.И. Ганф, З.И. Смирнову (С.-Петербург), Центральный Государственный архив кинофотофонодокументов (С.-Петербург), Российский Государственный Исторический архив (С.-Петербург), Архив Института истории материальной культуры РАН (С.-Петербург), Архив библиотеки Конгресса США (Вашингтон)

Александрo-Свирский Свято-Троицкий мужской монастырь. Общий вид

Иаковлевская часовня близ Александрo-Свирского монастыря. Фото начала XX века

